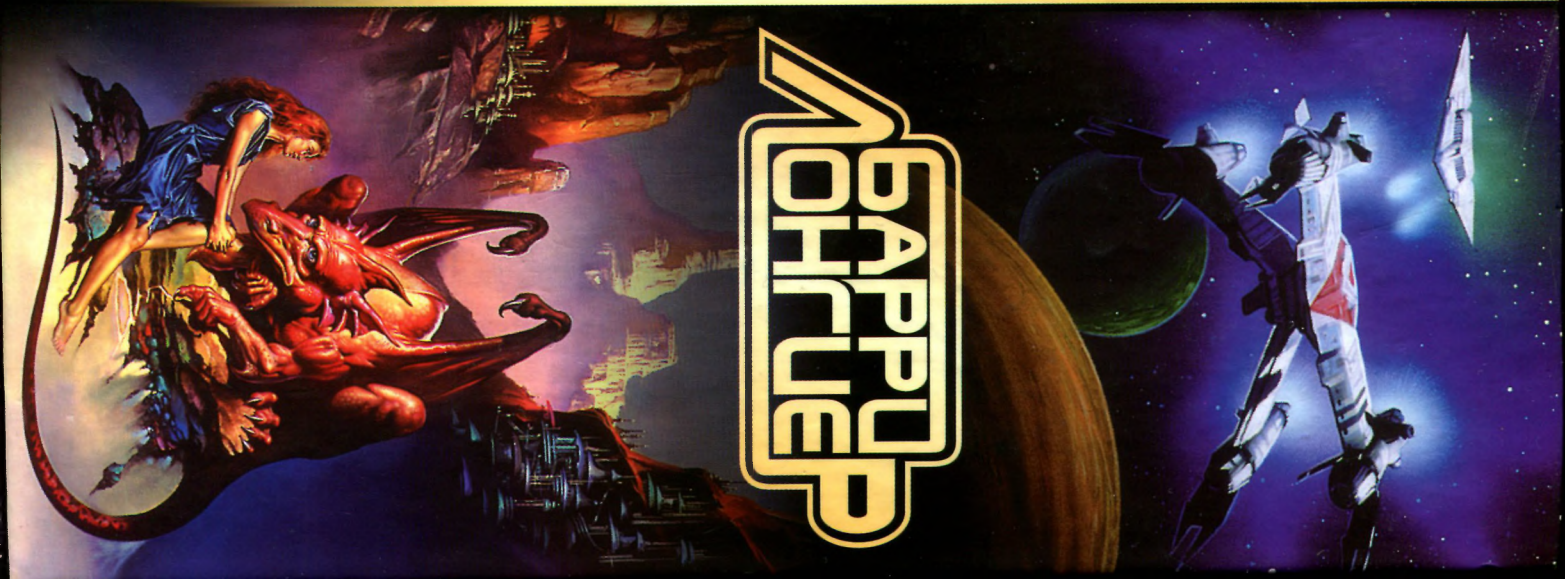
ВРАГ МОЙ

ВРАГ МОЙ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

BARRY B.

LONGYEAR

THE ENEMY PAPERS

БАРРИ

ЛОНГИЕР

ВРАГ МОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Л76

Серия основана в 1999 году

Barry B. Longyear
THE ENEMY PAPERS
1998

Перевод с английского А. Кабалкина, Н. Евдокимовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства Александра Корженевского

Подписано в печать 28.01.02. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 15000 экз. Заказ № 285.

Лонгиер Б.
Л76 Враг мой: Сб. повестей / Б. Лонгиер; Пер. с англ. А. Кабалкина, Н. Евдокимовой. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 637, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-011978-X

Перед вами — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КЛАССИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА.

Великолепная сага Барри Лонгиера, которая началась с повести «Враг мой». С повести, удостоенной одновременно «Хьюго» и «Небьюлы». С повести, положенной в основу одноименного фильма, имевшего шумный успех во всем мире — включая и нашу страну.

Перед вами — сага Лонгиера ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА.

«Враг мой» — в ПОЛНОМ, «авторском», дополненном и переработанном варианте. Продолжения повести — «Грядущий завет» и «Последний враг», и, конечно же, уникальные дополнения — священная книга Драков «Талман» и дракско-земной разговорник!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Barry B. Longyear, 1998
© Перевод. А. Кабалкин, 2002
© Перевод. Н. Евдокимова, наследники, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Посвящается Джорджу Скитерсу и Айзеку Азимову — неразлучным игрокам лучшей команды, в которой мне довелось играть. Спасибо за радость от фантастики, которой вы меня научили.

Содержание

Вступление
ТАЛМАН. Миф об Аакве, Предание об Ухе, большая часть Предания о Шизумаате и фрагменты остальных преданий. 11 тысяч лет премудрости в удобочитаемом виде.

ВРАГ МОЙ. Авторская редакция. С ранее не публиковавшимися подробностями дракской жизни и жизни и мыслей Уиллиса Дэвиджа. Слыша похвалы фильму, автор под дулом пистолета заставляет вас прочесть и это.

ГРЯДУЩИЙ ЗАВЕТ. Увидеть — не обязательно поверить. Некоторые правила подлежат нарушению.

ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ. Самая страшная угроза жизни и миру во Вселенной — чудовищная иллюзия племенной принадлежности.

О ЯЗЫКАХ ИНОПЛАНЕТЯН. Об опасностях преждевременного начала и попыток удержать все в голове.

БЕГИ, ДРАК, БЕГИ. Полный, впервые публикуемый рассказ о сочинении «Врага моего», «Грядущего завета» и «Последнего врага», а также о создании фильма «Враг мой» и о том, как автор после всего этого приходил в себя.

ДРАКСКИЙ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ. Первый словарь терминов из «Врага моего», «Грядущего завета» и «Последнего врага». Вдоволь обзывайте приятелей и даже президента, не опасаясь ареста, оскорбляйте, сколько влезет, залетных инопланетян.

Вступление

Сколько я пишу, столько проработал над «Врагом моим», «Грядущим заветом» и «Последним врагом». Первый «Враг» вышел в 1979 году, и с тех пор я сильно изменился, однако Вселенная, в которой воюют триста планет, населенные людьми и драками, как ни странно, мало меняется.

Я в восторге от возможности опубликовать сразу всю серию, в том числе расширенный вариант «Врага моего» и фрагменты Талмана, дракской Библии, которые мне удалось получить из будущего по факсу.

Предания Талмана никогда прежде не публиковались. Это священная книга инопланетян, написанная инопланетянами, на чужой планете, об инопланетянах и для инопланетных читателей. Земным читателям впервые предоставляется уникальный выбор. Если они начнут чтение с Талмана, то смогут понять «Врага моего» с дракской точки зрения, если же сначала прочесть «Врага», то это будет восприятие с человеческих позиций.

Кроме того, я включил в этот том дракский словарь и две статьи. В «Языках инопланетян» рассказывается о забавном занятии — придумывании инопланетных языков, а в «Беги, драк, беги» — о происхождении и развитии дракской серии.

Не могу обойтись без искренней благодарности в адрес троих человек — Джорджа Скитерса, Айзека Азимова и Виктории Шочет. Да, и еще — Регины Лонгиер, жены, советчицы, критика и защитницы мужа-налогоплательщика, не жалевшей предложений, поддержки, слов ободрения, а при необходимости — и суровой правды.

ТАЛМАН

Собрание мифов об Аакве, Раде и Даулте,
Истины Ухе, Шизумаата, Мистаана,
Иоа, Лурврванны, Айдана, Тохаллы, Кохнерета,
Малтака Ди, Литы, Фалдаама, Зинеру, Ро, Атавы, Помы,
Эама, Намваака, Дитаара и Джоанн Никол.

Талман был задуман и частично написан в процессе работы над «Врагами». Никогда не предназначался для публикации, но возможность прочесть инопланетную Библию заинтересовала множество читателей, поэтому я включил его в этот том. Это все, чем я пока что располагаю. Если меня очень попросят, то можно дописать и остальное.

«Предание об Ухе» было записано примерно 11 тысяч лет назад по земному исчислению. Первоначальный «Миф об Аакве», передававшийся на Синдие в устном пересказе, старше на несколько тысячелетий.

КОДА СИНДА

Миф об Аакве

Мир был Синдие. И мир, как сказано, был сотворен Ааквой, Богом Дневного Света.

Ааква, как сказано, сотворил на планете особых существ с желтой кожей, с руками и ногами, трехпалых.

И создал их, как сказано, одного пола, чтобы все могли вынашивать и своих детей, и чужих. И наделил существ мыслью и голосом, дабы могли они прославлять Прародителя Всего.

И дал Ааква чадам своим знаки и видения, чтобы могли они изучать их, и постигать, и повиноваться воле Ааквы. А за это Бог Дневного Света, как сказано, населил мир сей растениями и зверями для прокорма и защиты чад своих.

И повесил Ааква в ночном небе по звезде для каждого из чад своих. Звезда ведет каждого по праведному пути в жизни и к Аакве — после жизни.

Назвал Ааква чад своих синдие, по миру, им сотворенному. И созданы были синдие прямоходящими, какими не были никакие другие существа.

И должно было сие служить доказательством, что синдие — излюбленные чада Бога Дневного Света.

Были видения и знаки Ааквы сложны и загадочны.
И велел Ааква, как сказано, чтобы синдие назначили слуг
и чтобы те посвящали жизнь изучению посланий Ааквы.
И выбирали синдие некоторых из своего числа,
чтобы изучали послания Ааквы.

А слуги Ааквы выбирали из своего числа главного,
который говорил бы с синдие от имени
Бога Дневного Света.

Первым главным жрецом был Рада. И имел Рада слуг,
что ходили среди синдие и познавали все знаки и видения,
что были известны. Слуги собирали эти знания
и передавали их Раде.

Двенадцать дней и двенадцать ночей главный среди слуг
изучал знаки и видения, отделяя от ложного истинное,
от племенных сказаний — подлинные Законы Ааквы.

А на тринадцатый день обратился Рада к слугам и сказал:
«Истинно, что Ааква — Бог Дневного Света, и мы чада его;
Истинно, что мир и все в нем есть дар нам от Ааквы;

Закон гласит, что нарушать волю Ааквы запрещено;

Закон гласит, что слуги Ааквы доносят волю Ааквы;

Закон гласит, что всякий, осмелившийся оспорить истинное
видение от Ааквы, будет покаран божьим судом;

Закон гласит, что всякий, кто солжет о видении, будет
покаран божьим судом;

Закон гласит, что не менее одного ребенка из трех должно
происходить от слияния вод одного с водами другого;

Закон гласит, что тот, кто носит дитя,
является его родителем;

Закон гласит, что родитель заботится о своем ребенке,
покуда ребенок в этом нуждается;

Закон гласит, что ребенок заботится о своем родителе, покуда родитель в этом нуждается;

Закон гласит, что мертвые подлежат сожжению;

Закон гласит: убийство запрещено;

Закон гласит, что убивший подлежит сожжению вместе с убитым;

Закон гласит, что воровать у другого или у племени запрещено;

Закон гласит, что укравший платит жертве воровства подобным украденному;

Закон гласит, что война есть убийство и кража».

И повелел Рада слугам идти к синдие и учить их Законам. И поклялся Рада именем Ааквы, что покуда синдие внемлют слугам Ааквы и следуют Законам Бога Дневного Света, пребудут у них мир и достаток.

Внимали синдие слугам, постигали Законы и следовали им, приносили жертвы Ааквe через слуг его.
И процветали синдие, и множились.

Сменялись поколения, и вот, когда главным среди слуг был Суммат, один охотник по имени Даулта усомнился в законах и слугах Ааквы. И, как сказано, наблюдал Бог Дневного Света за своими слугами и ждал, как они поступят.

Приказал Суммат слугам поднести к глазам Даулты свет, и бранили слуги Даулту, но тот только смеялся над их гневом. Был Даулта главным охотником, уважаемым в племени. И отступились от него слуги Ааквы со страху. Другие синдие, видя сие, примкнули к Даулте и стали, как и он, высмеивать законы, слуг Ааквы и самого Бога Дневного Света.
Но ответом слуг Ааквы было одно молчание.

И обратил Суммат, главный среди слуг,
очи к утреннему нему, и возопил:

«Ааква, Бог Дневного Света! Даулта отравляет молодых,
отвращает от тебя народ синдие. Слуги твои слабы и
лишены веры. Я — главный среди слуг твоих,
учитель этих трусов, я во всем этом и повинен».
И поднес Суммат к лику Ааквы каменный нож.
«Вот нож, Бог Дневного Света, которым ты в силе
и гневе своем можешь сделать то, чего не сделают слуги
твои». И вонзил Суммат нож во чрево свое, в живот свой,
и поразил себе сердце.

Слуги Ааквы, видя неподвижное тело Суммата, устыдились
и от стыда окропили землю и своей кровью.

Взглянул Бог Дневного Света на мертвые тела слуг своих
и сказал Даулте, главному охотнику: «Охотник,
ты смеялся над моими Законами. Так вот тебе мир без них!»

И сделал Бог Дневного Света земли к западу зловонными
и ядовитыми, а горы к востоку заставил он извергаться
и рушиться. А промеж поселил Ааква народ синдие,
одно племя на другом. И потонул мир в войнах.

Видя, что мир пожираем огнем, и слыша плач, взмолился
Даулта, стал просить Аакву вернуть на Синдие Законы.

Явился Ааква той ночью Даулте в видении. И изрек Ааква:

«Ты прогневил меня, Даулта. Все, что я вершил, я вершил
для тебя и для подобных тебе, а ты высмеял меня,
ослушался моих Законов, опозорил моих слуг.
И теперь кровь их и кровь моего мира — на твоих руках».

Пал Даулта ниц и стал молить Бога Дневного Света простить
синдие, положить конец карам за зло, причиненное им,
Даултой. И изрек Ааква:

«Что ж, Даулта, я помилую синдие. Войны кончатся.
Но из-за тебя я лишился Суммата, главного своего слуги,

и ты, Даулта, займешь его место и вновь соберешь слуг
моих». И стал Даулта молить, чтобы свершилось сие.

Гогда вздыбил и разрезал Ааква мир, воздвиг высокие горы,
разделил сушу широкими морями.
И племена синдие разделил он. И дал Законы Даулте,
чтобы тот вернул их синдие. И изрек Ааква:

«Только когда все синдие снова станут мне поклоняться
и следовать моим Законам, только тогда, Даулта,
вернется к ним мир и достаток».

И снова собрал Даулта слуг Бога Дневного Света,
и понесли те Законы всем племенам на Синдие.
И помнили урок Даулты веками, когда вернулись
на Синдие мир и достаток.

И все славили мудрость Ааквы.

КОДА ОВИДА

Предание об Ухе

Народы Синдие были разделены горами Аккуйя и Велиим Разрывом на четыре больших племени: маведах, дирувеах, куведах, иррведах. Все четыре племени следовали древним Законам Ааквы.

Племенем маведах правил Бантумех, ибо члены клана Бантумеха были среди маведах лучшими и мудрейшими.

Под властью маведах находилась страна Мадах к западу от ор Аккуйя, к северу от Океана Льда, к югу от кипящих вод Желтого моря, к западу от краев, где в трясине Земли Смерти очивал сам Ааква. Племя Бантумеха не жило оседло, а кочевало по Мадаху, преследуя дичь.

Племенем дируведах правил Миджи, охотясь на дичь в землях Дирудах к востоку от гор, за синими озерами, там, где веет довитыми ветрами с Расплавленных гор с тех пор, как Ааква

вверг мир в пожар. Страна Дирудах простиралась от Великого Разрыва, разделившего сушу, на юг, к Желтому морю.

К северу от Великого Разрыва и Дирудаха раскинулась страна Кудах, а в племени куведах правили близнецы Хешех и Винтах. Власть их распространялась на север, до холодных вод, где смыкаются лед и тьма. Там куведах ловили рыбу и добывали зверя.

Племенем ирвведах правил Токках. Племя оседлало вершины гор Аккуйя, спустилось в глубины Великого Разрыва, заселило все, что лежало между ними, до самого Желтого моря на юге. Ирвведах почти не ели мяса, исключая водоплавающих созданий из Великого Разрыва. На дне Разрыва и в горах ирвведах выращивали растения, которыми кормились.

Все народы на Синдие соблюдали священные запреты, провозглашенные много поколений назад Даултой Усомнившимся.

Для ирвведах было табу мясо сухопутных созданий. Другим племенам было запрещено пересекать Великий Разрыв и горы Аккуйя, а ирвведах запрещалось покидать Разрыв и горы и проникать в страны Мадах, Кудах и Дирудах. Всем племенам запрещалось принуждать другие племена к чему-либо — к служению ли, к жертве.

Земли питающихся мясом были разделены землями растениеводов, а потому не существовало причин для появления взаимного недоверия и зависти. Все четыре племени жили в мире и процветали. И все славили мудрость жрецов Ааквы.

В Год черных дождей страна Мадах опустела. Земли к западу от гор Аккуйя пересохли, растрескались, превратились в мелкую пыль. Полуденное небо слепило синевой, рассвет и закат алели и желтели, как остывающий металл. Озера и реки превратились в топкую грязь и пыль, населяющая их живность передохла. Ледовый океан стал черным морем, вязким и зловонным. Дикие звери равнин откочевали из Мадаха в горы, а оттуда спустились на земли племен дируведах и куведах.

Гордые охотники маведах уже не могли окропить кровью наконечники своих копий и беспомощно смотрели, как плачут их отощавшие дети. Скоро люди маведах стали такими же голыми, как их земля. Любви и зачатию пришел конец. Охотники ковыряли землю, собирая коренья и насекомых, и сдирали кору с деревьев, что еще не высохли. Но со временем и

это занятие лишилось смысла. Охотники в ужасе внимали плачу голодных детей.

Напрасно старались охотники задержать воду в мелеющих речных руслах и на дне пересыхающих колодцев: вода убегала быстрее, чем работали их ослабевшие руки. Охотники смотрели, как умирают их дети.

Низкий неторопливый рокот барабанов, не стихающий ни днем, ни ночью, наполнил злосчастную страну Мадах.

Ни на секунду не прекращали маведах молить Бога Дневного Света сжалиться над ними, но единственным ответом на их мольбы был раскаленный ветер. Трава и деревья Мадаха вяли и чернели. Даже крылатые создания боялись подниматься в небо.

Губы и языки маведах пересохли и отказывались шептать молитвы. Усталость не давала молиться. Зато барабаны смерти рокотали без умолку. Маведах перестали сжигать своих мертвецов: зажмурившись, они стали их поедать.

И тогда Бантумех, первый среди старейшин маведах, созвал совет. Старейшины других кланов маведах сползлись к костру Бантумеха, чтобы обсудить, как быть. Но снова вкусив мяса мертвых, они лишились голоса и не смогли совещаться.

У другого костра лежал низший жрец Ааквы по имени Ухе. Не был он ни высок, ни красив, ни силен, но в глазах его стояла вода, ушедшая из колодцев: смиренный жрец проливал слезы. Той ночью ребенок Ухе, Леуно, умирал от голода. До последнего вздоха ребенок не сводил слепнущих глаз с родителя, его растрескавшиеся губы до самого конца шептали имя Ухе. Потом Ухе выпустил мертвую руку своего дитя и позволил костровым унести тельце Леуно к костру старейшин.

Глядя в собственный костерок, Ухе обращался шепотом к Богу Дневного Света: «Вот, значит, как ты держишь свое обещание достатка в награду за соблюдение твоих Законов о мире, Ааква? Это и есть милость и благодать Отца Всех?»

Ответом ему была тишина. Потом раздался крик. Ухе поднял голову и увидел ребенка, грызущего кусок шкуры от шатра; родитель ребенка, гордый некогда охотник, смотрел на него с завистью. У одного из костров восемь маведах ждали, пока испустит дух другой ребенок, чтобы разрубить его отощавшее

тельце и поделить между собой. По лицу одного из охотников Ухе догадался, что тот бормочет проклятие, насылающее скорую погибель. Проклятие предназначалось ребенку. Бормочущий был родителем ребенка. В его глазах нельзя было прочесть ничего, кроме животного голода.

В сердце Ухе был страх, но его потеснила ярость. Поднявшись с похолодевшего за ночь песка, Ухе предстал перед старейшинами племени и сказал:

— Бантумех, великий и почитаемый правитель старейшин маведах, этой ночью ты вкусил плоть моего дитя, Леуно.

Бантумех, некогда высокий, сильный и властный, закрыл лицо руками.

— Твой стыд — наш стыд, бедный Ухе.

Убрав руки, он открыл лицо, покрытое морщинами возраста, боли, а еще бесчисленными шрамами, полученными в сражениях за главенство среди маведах.

— Ухе, — продолжил он, — все мы вкусили в этот страшный год ребенка, родителя, родича, друга. У нас нет другого выбора. Единственная надежда — это не думать за едой, иначе маведах вымрут. Твое горе понятно, но напоминание излишне.

Ухе, получивший отповедь, не вышел из круга старейшин, а указал на восток, на горы Аккуйя.

— Там есть пища для маведах, Бантумех.

Бантумех вскочил с перекошенным от гнева лицом.

— Ты предлагаешь нарушить древнее табу, закон самого Ааквы? Если бы это было возможно, неужто я давно так не поступил бы?

Старейшина по имени Ииджиа, главный среди жрецов Ааквы, тоже вскочил.

— Перед старейшинами предстал зверь, а не жрец Ааквы! — Ииджиа был тощ и мал ростом, но голос его был зычен. — Закон гласит: маведах запрещено заходить на земли ирвведах, а ирвведах — входить в страну Мадах. Запрещено даже просить у ирвведах еду. Даже желать этого — и то табу!

Большинство старейшин согласно закивали. Подчиняться этому закону было очень тяжело, но все понимали его мудрость. Если его нарушить, то на Синдие снова начнутся кровопролитные войны. Это предрек Ааква. Войны были так ужасны, что о них было невозможно даже помыслить.

В ответ Ухе воздел руки к небесам.

— Я, Ухе, вызываю и получаю новое видение от Ааквы! — Старейшины и маведах у других костров удивленно загудели, не веря словам Ухе. — Это старый закон, — не умолкал жрец, — действовавший в прежние времена, когда мир был другим. Ааква говорит мне, что времена изменились. Ааква говорит нам всем, что мир уже не тот. Пришло время для другого закона.

Иидзиа молчал, ибо возражать против утверждения о видении было опасно. Если утверждение молодого Ухе ложно, он сам пострадает. Но Иидзиа заплатит ту же высокую цену, если выступит против видения, которое окажется истинным законом. Он видел, что вокруг старейшин собралось множество членов племени. Верен закон или ложен, но если он сулит еду, то у него обязательно найдутся сторонники в густеющей толпе вооруженных охотников.

Иидзиа вернулся на свое место среди старейшин и предложил:

— Расскажи нам свое видение, Ухе.

Как того требовал обычай, Ухе сбросил свою одежду из шкур и предстал перед слушателями нагой, дабы продемонстрировать истинность своих слов.

— Сейчас ко мне обращается Ааква, — начал жрец. — Он говорит о цветущих горах на востоке, где приходят на водопой к прохладным потокам жирные даргаты и суды, где ветви деревьев отягощены сладкими плодами, где на полях зреют дыни кадда и белое зерно.

Каждый вечер огненные персты Ааквы указывают туда, за горы Аккуйя. Они указывают на сытых дируведах и куведах, на луга, где дичь сама прыгает на кончики охотничьих копий, где весело смеются здоровые дети.

А по утрам Ааква указывает перстом на западные склоны гор, на наши земли, пораженные голодом. Он, Бог Дневного Света, говорит мне: «Ухе, я подаю знак: маведах должны уйти отсюда. Старейшины маведах должны прийти к своим кланам и рассказать о новом Законе Войны, продиктованном Ааквой. Пусть все соберутся у подножия гор Аккуйя, там, где скалы обрываются в воды Желтого моря. Оттуда Бог Дневного Света поведет маведах через горы и владения ирведах, в страну Дирудах. Маведах нанесут поражение дируведах и оттеснят всех из Великого Разрыва и с южных отрогов Аккуйя, кто не пожелает подчиниться, в северные горы.

Ухе замолчал, по-прежнему стоя с раскинутыми руками. Через некоторое время он продолжил тихо и убедительно:

— Племена из-за гор попробуют объединиться против нас, но наша атака будет слишком стремительна для них. Вдохновляемые водительством Ааквы, мы преодолеем горы и вырвемся на равнину, разметав их всех. Нас ждут славные победы. Маведах будут властвовать над всеми!

Ухе опустил руки, нагнулся, собрал одежду. Прикрыв наготу, он воззрился на Ииджиа.

— Вот что говорит мне Бог Дневного Света.

Бантумех внимательно смотрел на Ухе.

— Воевать? Мы должны поверить, что Бог Дневного Света насылает на нас древнее проклятие? Чем мы его прогневили?

— Ты мудр и добросердечен, Бантумех. Но для того чтобы спасти маведах сейчас, твоя доброта чрезмерна. Не важно, что мы совершили. Если следовать старому закону, то маведах придет конец. Новый Закон Войны, ниспосланный Ааквой, дарует жизнь маведах и их детям.

Ухе оглядел лица охотников, собравшихся вокруг костра старейшин и продолжил:

— Я вижу многое, что хуже войны. Гордые некогда охотники задыхаются в пыли, маведах употребляют в пищу самые грязные отбросы и то, что священно и не должно поедаться. Все это — свидетельства скорого конца маведах. — Ухе обернулся к предводителю маведах. — Нет, Бантумех, есть вещи похуже войны.

Ииджиа вскочил и замахал руками.

— Ты не можешь этого знать, Ухе. Даже самый старый среди нас не видел войны. А все потому, что все мы соблюдаем законы Ааквы.

— Племя не воюет само с собой, Ииджиа. Маведах не воюет с маведах. Я вижу новое племя, живущее на Синдие. Оно будет состоять из всех племен, ибо все мы — синдие. Племя и мир станут едины. Когда здесь останется одно племя, войны прекратятся. И снова у нас будет мир и достаток. Или ты опровергаешь мое видение, Ииджиа?

Охотники еще теснее сгрудились вокруг старейшин, уставясь на жрецов Ааквы. Кончики копий зловеще сверкали в отблесках костра. Ночь была тиха, только барабаны смерти били не умолкая.

Главный жрец Ааквы находился в привилегированном положении. У него всегда была пища, одежда, особое место в кругу старейшин, навес, защищающий от солнца и холода. Взамен племя рассчитывало на его знания и мудрость. Спор с Ухе мог закончиться градом камней и даже сожжением заживо. В конце концов слова Ухе могли оказаться справедливы. Ииджиа держался за свое место, он был стар.

— Нет, Ухе, не опровергаю.

Охотники встретили слова главного жреца криками одобрения, но их заставил умолкнуть Бантумех.

— А я опровергаю, Ухе! Пусть по воле Ааквы отсохнет твой трусливый язык! Посмотрим, на кого из нас двоих Ааква обрушит камни!

Но вызов не был принят: в воздухе просвистело копье. Удивленно глядя на острие у себя в груди, Бантумех произнес:

— Один сделал выбор за всех.

И с этими словами он рухнул бездыханный.

Собравшиеся вокруг мертвого тела вождя чувствовали затылками запрет убивать, продиктованный Ааквой. Но ни один не стал оглядываться, чтобы увидеть оставшегося без копья. Никто не вырвал из груди Бантумеха копье, чтобы опознать убийцу по метке на древке.

Видя подбирающихся к трупу костровых, Ухе сам поднял над головой решившее дело копье.

— Теперь вы видите, что сам Ааква сказал свое слово?

И Ухе бросил копье в костер. Если на древке и была метка, обрекавшая хозяина копья на казнь, она тотчас была уничтожена огнем. Как гласит предание, то была метка самого Ааквы.

Кто-то из охотников издал победный клич, к нему стали присоединяться остальные. Наконец радостные вопли заглушили рокот барабанов смерти. Все дружно принесли клятву верности Ухе и новому Закону Войны Ааквы. Старейшины разошлись, торопясь донести новый закон Ааквы до своих кланов, охотники стали готовиться к предстоящим битвам.

В ночи снова зарокотали ничем не заглушаемые барабаны смерти, костровые бросили выскобленные кости Бантумеха в костер старейшин. У костра оставался только Ухе да охотник по имени Консех, присевший перед огнем. В руках у охотника не было копья, лицо не выдавало чувств.

— У меня есть вопрос, Ухе.

— Спрашивай, Консех.

— Когда с тобой говорит Ааква, где раздается его голос: в твоей голове, во чреве, в желудке?

Ухе внимательно посмотрел на охотника, и ему показалось, что табу Ааквы пляшут над головой Консеха, как зловещие призраки.

— Ты дерзок, Консех.

Охотник выпрямился, призраки исчезли.

— Мой вопрос требует ответа, Ухе. Новый закон Ааквы обращается к нам через чрево и брюхо.

— Ты отвергаешь новый закон?

Охотник замахал руками.

— Нет, не отвергаю, ибо новый закон Бога Дневного Света обращается к каждому из нас, и голос этот не заглушить. — Консех уставился на костер старейшин, где среди чернеющих костей Бантумеха догорало прикончившее вождя копье. — Но это закон, вершить который был бы способен любой из нас.

Жрец Ааквы тоже посмотрел в огонь, где смертоносное копье уже нельзя было отличить от пылающих ветвей.

— У меня нет для тебя ответа, Консех.

Консех перевел взгляд на спины других охотников, суетящихся в ночи, готовящихся к войне.

— Вот только как поступят охотники, когда Ааква перестанет обращаться к их чревам и желудкам и его голос снова зазвучит у них в головах, а, Ухе?

И охотник побрел прочь, оставив Ухе с вопросом и с истиной.

Призыв следовать Закону Войны разлетелся по всей стране Мадах. Утро первого дня Ухе встретил, простертый на пепле от костра старейшин. Подойдя к новому вождю старейшин маведах, Ииджиа удивленно услышал, как тот молит кости Бантумеха о прощении. И сказал главный жрец Ааквы Ухе:

— Почему ты просишь Бантумеха о прощении? Мы все видели копье, убившее Бантумеха: не ты его метнул.

Ухе медленно поднялся из пепла и, стоя на коленях, встретил лицом первый луч Бога Дневного Света, ударивший из-за далеких гор Аккуйя.

— Почему ты не несешь своему народу Закон Войны, Ииджиа?

— Я уже сделал это. Мой народ уже выступил к южным отрогам гор Аккуйя. Я вернулся, ибо мое место — среди старейшин. Так почему ты просишь Бантумеха о прощении?

Ухе уставился на кострище.

— Моя рука лежала на том копье, как и твоя.

Ииджиа потемнел от гнева.

— Моя рука не запятнана кровью вождя, твоя тоже. Или голод лишил тебя разума?

Ухе выпрямился.

— Ступай назад, к своему народу, Ииджиа. Для претворения в жизнь Закона Войны мне нужны не прежние старейшины маведах, а другие, военные вожди.

— Почему же среди твоих военных вождей не может быть меня, Ухе?

Свет Ааквы, поднявшегося над горами Аккуйя, ударил Ухе в глаза.

— Потому, Ииджиа, что мои военные вожди должны обладать юношеской силой, мудростью старых охотников, беспримерной отвагой и глазами, видящими одну правду. А ты, Ииджиа, стар и немощен. Ты никогда не преследовал дичь. Ты труслив, дрожишь за собственную шкуру, а глаза твои видят только то, что хотят видеть.

Сказав так, Ухе зашагал от остывшего костра Бантумеха на свет Ааквы.

На девятый день половина кланов маведах собралась у южных предгорий Аккуйя, на берегу Желтого моря. Разбив лагерь, охотники, дожидаясь остальных кланов, зашли в море, но не смогли найти в ядовитой воде пищи. Те, кто входил в воду, заболели и умерли.

Маведах продолжали есть своих мертвецов и бить в барабаны смерти.

И призвал Ухе в свой шатер охотника Консеха, чтобы сказать ему:

— Консех, ты будешь первым моим военным вождем.

Глаза Консеха глубоко ввалились и потемнели от тяжких дум, но от слов Ухе сузились.

— Почему ты хочешь назначить меня вождем?

— Ты уважаемый охотник, тебе понятна разница между охотой на дичь и убийством других синдие. Ты знаешь цену того, что нам предстоит совершить. И я верю, что ты будешь стараться, Консех.

— Ты говоришь о том, что предстоит совершить нам. Разве Закон Войны — не дар Ааквы?

На эти слова Консеха Ухе не дал ответа, и охотник продолжил:

— Ты собираешься сеять горе и совершать постыдные дела, чтобы достигнуть цели. Новый закон Ааквы — не дар бога чести, мира и справедливости.

— Я служу племени маведах, Консех, и сделаю все необходимое ради его спасения. Мир и другие старые табу Ааквы препятствуют нашему спасению. А теперь я предложу тебе сделку.

— Что за сделка, Ухе?

— Держи при себе свой сарказм насчет того, насколько верно я служу Ааквe, а я забуду про то, чью метку я увидел на копье, лишившем жизни вождя Бантумеха.

Консех побледнел и потянулся за каменным кинжалом.

— Я мог бы купить твое молчание по более сходной цене, Ухе.

— Если ты меня убьешь, Консех, то первое твое убийство будет бесцельным. — Ухе отвернулся от охотника и уставился на стенку шатра, на которой была нарисована карта южных склонов Аккуйя.

— Консех, мы должны перевалить через эти горы и нанести иррведах сокрушительный удар, какого они не ждут. Они не охотники, но считают себя воинами под защитой Ааквы. Там мы раздобудем еду и оставим в безопасности детей, чтобы обрушиться на дируведах.

— Дируведах — опытные охотники, — предостерег Консех.

— Да, но охотники — не воины. Вот мы и должны напасть на них так, чтобы они ломали головы, что происходит, пока не будет слишком поздно организовать сопротивление. Это значит, что мы сами должны стать воинами.

Ухе перешел в другой угол шатра, где были нарисованы кружочки, и указал на рисунок.

— Найди и приведи мне еще пятерых охотников. Все вы, шестеро, станете моими военными вождями. Каждый из вас шестерых подберет еще по шесть охотников на роль команди-

ров. Выбирать надо только сильных, послушных и серьезных. Командиры тоже должны выбрать по шесть охотников, которым могут доверять. — Ухе обвел рукой свой рисунок. — Таким способом мы организуем все племя.

Консех долго смотрел на рисунок.

— Трое лучших охотников, каких я знаю, не принадлежат к моему клану, — предупредил первый военный вождь. — И те охотники, которых больше всего уважают они сами, принадлежат к чужим кланам, а не к их собственным. — Консех перевел взгляд с рисунка на Ухе. — Это грозит смешением кланов маведах и утратой власти старейшин. Маведах превратятся в единый народ.

— Да. И это необходимо. Если понадобится, я сам займусь старейшинами.

— Как быть с детьми, Ухе? Кто займется добыванием еды?

Ухе снова указал на свой рисунок.

— Первые двое в каждой шестерке должны быть самыми стремительными охотниками. Они станут предводителями в битве. Первый атакует, потом отдыхает, а второй занимает его место и продолжает бой. Пока отдыхает второй, в дело снова вступает первый.

Следующие двое будут не так стремительны, зато они должны быть сильны и выносливы. Их обязанность — удерживать землю, захваченную первыми двумя, и защищать их с тыла. Если вражеское сопротивление окажется неожиданно сильным, они придут им на помощь.

Пятый и шестой следуют за передовой четверкой: это наши наименее проворные охотники, ставящие палатки, мастерящие оружие, собирающие и переносящие пищу; это санитары, раненые, старики, жрецы Ааквы, дети.

Консех долго смотрел на рисунок, заучивая его на память. Потом он собрался покинуть палатку Ухе, но на полпути задержался и еще раз посмотрел на рисунок.

— Ухе, ты собрался захватить обширные земли, победить могучие племена. Эта битва растянется на многие годы.

— Верно, Консех.

— Воины надолго разлучатся с детьми — те из них, кто выживет. Как потом ребенок узнает своего родителя?

— Жрецы Ааквы расскажут ребенку про его родителя, про родителя родителя и про предка-тезку, заставят его запомнить

все это и рассказывать наизусть как новый ритуал взросления, угодный Аакве. Ребенок будет узнавать про подвиги своего родителя и своих предков еще до того, как возьмет в руки оружие, желая показать себя.

Консех посмотрел на вождя так, словно Ухе был не просто синдие.

— Ты долго все это обдумывал. Неужели с тобой действительно беседует Ааква?

Ухе устремил взгляд себе под ноги, сцепил руки за спиной.

— Ты будешь твердить это тем, кто спросит.

Консех снова шагнул к выходу и снова задержался.

— Ухе, когда с нас будет снято это бремя?

Ухе поднял глаза и опять впился взором в рисунок южных склонов Аккуйя.

— Только когда маведах смогут разгуливать по Синдие, как им вздумается, преследуя вольную дичь, мы сможем считать наше дело сделанным.

— Мы будем племенем, живущим на земле войны, — молвил Консех. — Мы станем денведах. Ухе, твои слова значат, что наша задача будет исполнена только тогда, когда мы захватим весь мир...

— Да, Консех. Захватим — тогда и отдохнем. А теперь ступай и выбери мне военных вождей. Мы начнем войну через тридцать дней.

Шли дни, рокот барабанов смерти не смолкал. И охотники страны Мадах готовились к войне, как повелел Ухе. Они уже вышли из Мадаха, потому назвали место, где остановились, «военным», а сами стали денведах.

Тем временем Консех назначал военных вождей: ими стали Кессу, Берула, Яга и Даес. Кессу и Берула были главными охотниками своих кланов, Яга был охотником и проводником в горах из северного Мадаха. Даес был старейшиной своего клана, жрецом Ааквы и целителем недужных.

Даес стал предводителем Шестого денве, где были дети, старики и раненые.

Задачей Пятого денве было обеспечивать всем необходимым остальные пять. Главным в пятом стал Яга.

Кессу и Берула были мудры, крепки, уважаемы. И сделал Консех Кессу главным в Четвертом денве, а Берулу сделал он главным в Третьем.

Себе Консех взял Первый денве.

Первый и Второй денве составляли тзиен денведах — передовые воины. Тзиен предстояло первыми встречаться с неприятелем, первыми принимать на себя всю силу неприятельского возмездия.

Консех знал себе цену: он был хорошим охотником, способным на решительные дела. Но знал он и другое: тзиен денведах нужно было больше отваги, чем у него самого.

И вот, подыскивая военного вождя для Второго денве, наткнулся Консех на группу охотников. Охотники соревновались в меткости метания копья. И метили они друг в друга, чтобы увидеть и почувствовать, что это значит — готовиться поразить другого синдие.

Старый костровой Нуввея тоже наблюдал, как охотники соревнуются в метании копий. Прежде Нуввея тоже был главным охотником и, наблюдая за копьеметателями, качал морщинистой головой. Консех увидел это.

— Чем ты недоволен, Нуввея?

— Военный вождь Консех, вот гляжу я, как молодые охотники учатся владеть копьем. Что бы они сами ни думали, они по-прежнему ведут себя так, словно охотятся на даргатов. Если промахнуться на охоте, даргат вскочит и убежит. У охотника Дируведах останется копье, чтобы бросить его в ответ. Вблизи копье становится бесполезным, и охотник кидается на даргата с каменным ножом. Тогда даргат может только мычать и пытаться ударить его хвостом. А у охотников Дируведах остаются ножи.

Консех пригляделся к охотникам, бросающим копья.

— Твои глаза многое видят, Нуввея. Да, они по-прежнему больше охотники, чем воины. Как им быть?

Нуввея опустил глаза и долго раздумывал.

— Охотник не должен пускать в ход копье, пока не будет уверен, что поразит врага насмерть и заберет копье назад. Чтобы отражать оружие врагов до тех пор, пока не возникнет такая уверенность, охотник должен быть защищен.

— Каков же ответ на задачу, которую ты ставишь, Нуввея?

Старый костровой вытянул руки, потом уронил их.

— Ответ есть, только я его пока что не знаю. — Нуввея посмотрел Консеху в глаза. — Только и в рукопашном бою, когда копье бесполезно, можно победить. — И Нуввея достал из-за пояса мясницкий топор и подал его Консеху.

— Мясницкий топор? — Консех осмотрел зазубренный, почерневший металл. — Ты предлагаешь, чтобы мы гонялись за дируведах, как мясники?

Нуввея забрал свой топор.

— Достань нож, вождь.

Консех посмотрел на старого кострового, потом пригнулся, выхватил нож, наставил его Нуввее в грудь. Но не успел он и глазом моргнуть, как Нуввея опустил топор и выбил нож из руки Консеха. И увидел Консех на земле разбитое каменное лезвие своего ножа.

Нуввея засмеялся.

— Судя по твоему лицу, мое предложение удачное. Мы больше не охотники, Консех. Мы должны стать воинами, а воин — это тот, кто охотится на себе подобных, чтобы их убивать. — Нуввея вскинул топор. — Мы будем мясниками, Консех, иначе нам не победить врага.

— Сколько топоров ты сможешь изготовить за следующие двадцать дней, Нуввея?

— Все кланы вместе смогут сделать немало. В стране, где нет мяса, от мясницкого топора мало проку. А в стране, куда мы идем, мясо будет сопротивляться. Наши мастера смогут сделать много топоров, возможно, двадцать в день, если мы их накормим. У них тяжелая работа.

Консех поблагодарил кострового и снова стал смотреть, как охотники метают копья. А потом, хорошо обдумав все, что увидел и услышал, назначил Консех Нуввею старшим Второго денве.

На тридцать девятый день правления Ухе у маведах все шесть денве выступили к перевалу, чтобы, перейдя через горы, обрушиться на иррведах; треть тзиен денведах были вооружены черными железными топорами. Ухе шел впереди, держа на ходу совет со своими военачальниками в тени гор Аккуйя. И тут подошел к нему Ииджиа, а с ним другие старейшины маведах.

Говорил Ухе своим командирам о том, чтобы достигли они первого горного перевала, прежде чем их ослепит свет Ааквы, а потом дождались, пока Ааква зайдет за их спины, и тогда устремились вниз, в долину.

— Ухе! — прервал его Ииджиа. — С тобой желают говорить старейшины маведах.

Ухе обернулся к Иидзиа:

— Как я погляжу, ты долго колебался, прежде чем ко мне обратиться. Что тебе нужно?

— Старейшины маведах готовы оспорить твое видение.

Прежде чем Ухе успел ответить, вперед выступил Даес, командир Шестого денве. Он бросил Иидзиа на землю и молвил:

— Я тоже старейшина, Иидзиа, и я подчиняюсь Закону Войны!

Иидзиа поднялся и отошел от Даеса.

— Ты дурень или богохульник, Даес. Ухе затмил твой взор.

Ухе удержал Даеса и вернул на его место среди других командиров, а потом сам предстал перед Иидзиа и старейшинами.

— Важно, чтобы атака началась в назначенное время. Быстро выкладывай, что привело тебя ко мне, Иидзиа.

Тот стряхнул пыль со шкур, оглянулся на пришедших с ним и оборотился к Ухе:

— Тридцать девять дней ты продержал нас у подножия Аккуйя, и тридцать девять дней мы поедали тела возлюбленных своих, дабы не погибнуть от голода. Мы давно могли бы перейти в наступление. Промедление стоило нам многих жизней.

— Иидзиа, чтобы превратить охотников в воинов, потребовалось время. Если бы мы вступили в войну без подготовки, то лишились бы еще большего числа своих.

Иидзиа помолчал, а потом продолжил:

— Образовав новый совет вождей для командования своими денве, ты разрушил клановое устройство маведах.

— Сборище кланов следовало превратить в армию. — Ухе сложил руки и запрокинул голову. — Это все?

— Не все. — Иидзиа указал на Консеха и других вождей. — Этот твой новый совет вождей... Каждый из них подбирал себе соратников, хотя Закон Ааквы гласит, что каждый клан выбирает себе вождя голосованием и смертельным испытанием. Отняв власть у старейшин, ты изменил племени и Законам Ааквы.

Ухе закрыл глаза.

— Теперь я вижу, в чем цель этой охоты. — Ухе открыл глаза и посмотрел на главного жреца Ааквы. — Неужели ты считаешь, что спасение маведах менее важно, чем сохранение твоей власти? — Ухе оглянулся на своих военных вождей. — Ты сказал достаточно, Иидзиа.

— Нет! — И Ииджиа подступил к вождю маведах на расстояние меньше вытянутой руки. — Я не верю твоему видению о Законе Войны. Я утверждаю: оно ложно! Даже если сейчас копье убийцы отнимет у меня жизнь, я повторяю: это твой закон, Ухе, он не исходит от Бога Дневного Света!

Ухе снова взглянул на Ииджиа, приподняв брови.

— Ты меня удивляешь. Лишившись власти, ты наконец обрел отвагу. Я бы принял вместе с тобой испытание градом камней, если бы не наступление, которым мне предстоит командовать.

Ииджиа указал на Ухе пальцем и вскричал:

— Я опровергаю твое видение! Теперь тебя должен покарать божий суд, если ты не отменил и этот закон!

Ухе огляделся и увидел, что воины, слышавшие их, образовали круг и ждут, чем завершится столкновение. И изрек верховный вождь маведах:

— Нет, этот закон по-прежнему в силе. — Рассказывают, что при следующих словах он пролил слезу. — Я провозглашаю твои слова, Ииджиа, противными новому Закону Ааквы. Пусть камни решат, кто из нас прав. — И, обращаясь к воинам, он сказал: — Восемнадцать среди вас, положите копья и выберите три смертельных камня. Мы примем испытание здесь. — И он указал себе под ноги.

Нуввея, вождь Второго денве, отделился от других командиров и встал перед Ухе и Ииджиа. Ткнув себя корявыми пальцами в широкую грудь, он объявил:

— Я, Нуввея, говорю, что видение Ухе о Законе Войны истинно. Я, Нуввея, приму испытание камнями вместо Ухе.

Ухе стал возражать, но вперед выступил Консех и изрек громовым голосом:

— Ииджиа дряхл и слаб, а Ухе молод и силен. Несправедливо, чтобы оба пострадали от одних и тех же камней. Пусть тебя заменит старик Нуввея, Ухе.

— Нуввея нужен в наступлении, Консех, — напомнил Ухе.

Командир Первого денве утвердительно кивнул.

— Ты нужен тоже. Но если хотя бы один из вас падет, Ухе, то это будет значить, что видение о Законе Войны — неправда. В таком случае наступления не будет.

Консех оглядел воинов, уже поднявших смертоносные камни, потом снова перевел взгляд на Ухе.

— Но ни ты, ни он не падете, ибо видение есть подлинное слово Ааквы. Идя в бой, наши воины не должны ведать сомнений. Настало время решить дело так, как оно должно было решиться у костра Бантумеха.

Не дав Ухе ответить, Нуввея положил руку Ииджиа на плечо и стал уводить его от воинов, чтобы те могли размахнуться.

— Давай поиграем в камешки, старик, — сказал он ему.

Ухе остался вдвоем с Консехом, остальные отошли, чтобы участвовать в побитии камнями или наблюдать за ним. И тогда начали воины швырять камни. При первом же броске Ииджиа упал и накрыл голову руками, Нуввея же остался стоять, смеясь воинам в лицо. Камни, от которых ему не удавалось увернуться, он отбрасывал старческими руками.

Указывая на Нуввею, Консех говорил тихо на ухо Ухе:

— Нуввея по-прежнему размышляет над тем, как воин, метнувший копье, сойдется с врагом в рукопашной схватке. Мой второй командир глядит в небо и наблюдает за приближающимися предметами, как будто они неподвижны. Это и есть те, которые ударят, если Нуввея не отскочит или не отразит удар рукой. Нуввея много тренировался и учил своим приемам тзиен денведах.

Ухе наблюдал за вторым градом камней. Камни упали, Ииджиа остался лежать неподвижно, а Нуввея все стоял, осыпая воинов оскорблениями.

Глядя на воинов, готовящихся к третьему броску, Ухе обратился к Консеху с такими словами:

— Нуввее хорошо помогает придуманный им прием. В будущем этот прием славно послужит и денведах. — Указывая на воинов, он гневно добавил: — Но успех приема не должен зависеть от того, что все эти воины принадлежат к тзиен денведах, не так ли, Консех?

Консех устремил на разыгранный спектакль взор, в котором читалась смерть.

— Закон Ааквы гласит, что не все следует отдавать в руки Бога Дневного Света. Ааква награждает тех, кто хорошо готовится. — Взяв Ухе за руку, Консех добавил шепотом: — Успокойся, эти воины умеют бросать камни, поэтому Ииджиа не грозит смерть. Но ему будет преподан хороший урок.

После третьего града камней Нуввея по-прежнему осыпал воинов проклятиями, а Ииджиа лежал, как бездыханный труп.

Что бы ни говорил командир Первого денве, Ухе убедился, что большая часть камней летела в Нуввею, и многие кидавшие камни проявили меткость.

— Пусть кто-нибудь из целителей из денве Даеса осмотрит Ииджиа, — распорядился Ухе, а потом громко обратился ко всем собравшимся: — Закон Ааквы исполнен. Закон маведах — Закон Войны. Возвращайтесь в свои денве. Мы атакуем немедленно!

Не дожидаясь, пока осядет пыль, поднятая разбегающимися воинами, Ухе приблизился к неподвижно лежащему Ииджиа, присел и перевернул старое тело. Ииджиа издал стон.

— Ииджиа! Ты меня слышишь, Ииджиа?

Рот Ииджиа задвигался и исторг нечленораздельное карканье. Глаза старого жреца открылись.

— Это правда! Видение Ухе истинно!

— Ииджиа...

Старик повернул голову и попытался разглядеть Ухе.

— Сумеешь ли ты меня простить, Ухе?

Теперь Ухе закрыл глаза.

— На тебе нет никакой вины, Ииджиа. Ты сделал то, что должен был сделать. Сейчас тобой займутся лекари Даеса.

— Я усомнился в новых законах Ааквы, Ухе. Почему я еще жив? Я должен умереть.

Ухе видел, как денве маршируют по звериным тропам вверх по склонам, в горы Аккуйя.

— Ааква знает, что Закон Войны не вечен. Придет время для нового Закона Мира. Ты будешь нужен, когда воцарятся новые законы, Ииджиа.

Старый жрец отвернулся, потом устремил взор туда, где над горами клубились красные облака.

— Я главный жрец Ааквы. Почему Бог Дневного Света открыл новый Закон Войны тебе, а не мне?

Ухе выпрямился и ответил, глядя на Ииджиа сверху вниз:

— Закон Войны мерзок самому Ааке. Бог избрал низшего жреца для такого гадкого откровения.

Главный жрец Ааквы снова притих. Ухе не отходил от старого жреца, пока не появился и не приступил к делу лекарь, присланный Даесом. Только тогда заторопился Ухе в горы Аккуйя, чтобы принять на себя командование денведах.

По пути он смотрел в небо и обращался к свету, проглядывающему среди красных туч, с такими словами:

— Ааква, если ты существуешь, если ты — бог и если ты воистину нас любишь, почему так безжалостно играешь со своими чадами?

И вот пришел Ухе к своим воинам, и восславили воины истинность видения Ухе о Законе Войны. И тогда попросил Ухе кузнецов выковать для него длинный нож из черного железа.

Из последних сил карабкались воины маведах к вершинам Аккуйя. Сверху их взорам открылся вид на бескрайнюю долину, зеленую и тучную. На пологих склонах паслись несчетные стада жирных даргатов, утолявших жажду из заводей и ручьев. В небе парили сытые птицы, внизу красовались поля дынь и белого зерна. От всех этих несметных богатств воинов отделяла всего лишь наскоро собранная армия крестьян.

Желая облегчить совесть, Ухе задумал вступить в переговоры со старейшинами ирведах, чтобы убедить их поделиться со страждущими маведах своим достоянием. Многие ирведах возмутятся, многие возопят, что маведах посягают на чужое, но уж больно не хотелось Ухе отягощать совесть новыми убийствами.

Однако там, в долине, старейшины кланов и жрецы Ааквы яростно кляли нарушителей священнейших запретов Бога Дневного Света.

— Маведах нарушили табу! С нами Ааква! Прогоним захватчиков из Ирведаха! Во имя Ааквы! Смерть маведах!

Ирведах напали первыми, но оказались почти не способны на что-либо, кроме истошных криков. Консех и Нуввея подпустили толпу крестьян совсем близко, а потом тзиен денведах обратили их в паническое бегство. Денве Консеха начали крошить ошеломленных крестьян так, что заболели руки. Когда утомился первый денве, Нуввея ввел в дело второй. Еще до исхода дня те ирведах в долине, кто не погиб и не получил ран, сдались.

Правителем ирведах был Токках. Когда беглецы принесли к его костру весть о вторжении, старейшины ирведах взревели от ярости. Во все кланы, от Желтого моря до Великого Разрыва, были разосланы гонцы с одним и тем же приказом: заставить врага убраться обратно, в страну Мадах. В ту же ночь

Токках вместе с кланом двинулся на запад, зная, что сражается во имя Ааквы. Однако еще не достигнув долины у подножия гор Аккуйя, на Закатной дороге, что на краю Темного леса, Токках с кланом натолкнулись на Консеха с его Первым денве тзиен денведах.

Консех отправил к Токкаху двух плененных ирведах, Лику и Ахди.

— Великий Токках, — начал Лику, — меня послал первый военный вождь маведах, Консех. Он требует, чтобы кланы, которые ты здесь собрал, сдались. Консех просил передать: если вы не сдадитесь, то будете уничтожены.

Стоявший рядом с Лику Ахди подхватил:

— У маведах свирепые воины, смертоносное оружие, новые способы сражаться. Ааква открыл Ухе, вождю маведах, новый Закон Войны. Наши кланы были уничтожены в мгновение ока, великий Токках. Молим тебя признать новый закон и смириться!

Вождь ирведах долго смотрел на двоих гонцов, потом кивнул помощнику:

— Созови старейшин кланов на совет. Мы нанесем удар прямо сейчас, пока этот нечестивец Ухе ждет, что мы будем обдумывать его богохульство. Но прежде, — закончил Токках, глядя на гонцов, — обезглавьте и сожгите этих двоих предателей!

Когда гонцов увели, Токках воззрился на главного жреца племени.

— Ятим, посланцы утверждают, будто новый Закон Войны исходит от самого Бога Дневного Света. Когда Ааква обращается к тебе, говорит ли он об этом новом законе?

Ятим поднес руки к лицу.

— Великий Токках, с незапамятных времен, так давно, что самые наши древние старцы уж и не упомнят, ирведах исполняют Законы Ааквы. За это ирведах были дарованы мир и достаток. И вот на нас обрушился Ухе, грабитель и убийца, замысливший отнять у нас то, что Ааква не дал стране Мадах за ее грехи. Никакого нового Закона Войны не существует, Токках, есть только посягательства хищника Ухе. Ааква защитит ирведах, и мы сокрушим тех, кто нарушил данный Богом Закон Мира.

Тогда встал Токках и простер руки к старейшинам ирведах.

— Ступайте к своим кланам и велите им вооружиться. Мы встретимся через три дня на пересечении Западной дороги и дороги Великого Разрыва, в Долине Богов. Оттуда мы двинемся на запад, навстречу Ухе и его полчищу грабителей. Там и снимем порчу с Закона Мира.

Вечером третьего дня, когда разведчики донесли о приближении армии Токкаха, кузнецы преподнесли Ухе черный нож. Ухе взял нож, проверил, остро ли лезвие, и нашел его годным. И сказал ему Юка Ли, глава кузнецов:

— Я молюсь, Ухе, чтобы все твои недруги пали под ударами твоего ножа.

Ухе попробовал пальцем лезвие, завернул нож в шкуру и засунул за пояс.

— Не сомневаюсь, Юка Ли, что нож окажется мне полезен.

Отпустил Ухе кузнецов и пошел в Темный лес, к Консеху, чтобы дожидаться вместе с ним нападения. Много времени минуло после того, как спрятал Ааква свой лик за западными горами, когда увидали они между деревьями, как шествует по Западной дороге армия Токкаха.

— Они сами просятся на нащи копья, — молвил первый военный вождь.

И ответил ему вождь маведах:

— Тогда, Консех, обрушься со своим денве на Токкаха и истреби его кланы. Может статься, если мы прольем достаточно крови этой ночью, то те, кто бросит нам вызов в будущем, устрашатся своей участи. Оставь в живых немногих, чтобы смогли они рассказать о пережитом ужасе остальным иррведах и всем дируведах. Добейся, чтобы они поняли: сначала Токкаху было предложено сдаться, и лишь потом на Западной дороге пролилась кровь. В этом повинен не я, а Токках.

Глядя на Ухе, Консех спросил:

— Ты видишь все это уже сейчас: кровь, мертвые тела?

— Да, вижу, Консех. Я никогда не вижу ничего другого. Ступай же и осуществи мое видение.

Консех выдвинулся со своими командирами к опушке леса, где уже спрятались воины Первого денве. Первый военный вождь дождался, пока племя Токкаха подойдет совсем близко, вытянувшись цепочкой на узкой тропинке между деревьями.

Когда все люди Токкаха оказались в тесном месте, Консех прокричал команду:

— В бой! Смерть Токкаху!

И метнул Первый денве свои копья с северного края леса. В то же мгновение метнул свои копья Второй денве Нуввеи, спрятавшийся на южной опушке. Потом занесли воины боевые топоры и обрушились на врагов, еще остающихся в живых.

Топоры не пощадили никого, кроме маленькой горстки ирвведах. Потом прошли воины маведах между мертвыми телами взад-вперед, освещая их факелами. Вглядевшись во все лица, Ухе убедился, что Токкаха среди убитых нет. Вождю ирвведах удалось скрыться.

После того как уцелевшие воины ирвведах увидели своих мертвецов на обагренной кровью тропе, их отпустили на все четыре стороны, чтобы весть о победе Ухе разнеслась по свету.

Видение Ухе о правилах боя хорошо послужило денведах. Тзиен денведах захватывали земли, а отдохнувший денве передавал их вместе с военной добычей Третьему денве Кессу; Четвертый денве, где главным был Берула, закреплялся на землях, по которым прошли первые три денве. Потом Яга и Даес приводили свои денве, отпуская бойцов и распределяя трофеи.

Насытились денведах плодами, сладостями и зерном, перестали бить барабаны смерти маведах. Вместо них зарокотали барабаны победы. За девять дней Ухе и его военачальники дошли до гребня Черных гор.

Насколько могли видеть глаза Ухе, на восток простиралась бескрайняя горная страна, испещренная высокими пиками. Снова маведах дожидались, пока свет Ааквы взойдет у них за спинами. Пока длилось это ожидание, Консех молвил, указывая на восток:

— Ухе, чтобы твои планы осуществились, мы должны иметь гораздо больше воинов. Страна ирвведах очень велика. Может быть, нам следует занять великую долину отсюда до гор Аккуйя и сделать ее своей, уступив остальное племени ирвведах?

Ухе тоже смотрел на горы.

— Что, если Ааква нашлет свой огонь и на эту долину? Нам снова придется сражаться, только на этот раз ирвведах будут подготовлены не в пример лучше. Никогда больше я не

допущу, чтобы мы довольствовались одним клочком мира, а не всем миром целиком. А то, что нам нужно больше воинов, больше денве, — это верно.

Ухе отвернулся от гор и посмотрел на своих военных вождей.

— Консех, Нуввея, когда ваши воины снова обрушатся на ирвведах, пленяйте живыми как можно больше. — Ухе повернулся к Даесу: — Мы отправим их детей в Шестой денве, чтобы они росли воинами.

Переведя взгляд с Даеса на Консеха, Ухе продолжил:

— Взрослым пленникам мы расскажем о новом Законе Войны, данном Ааквой, и об испытании побитием камнями, доказавшем истинность этого закона. Еще вы расскажете им о сражении в Темном лесу, тоже послужившем хорошим уроком. Скажите своим пленным, что они могут влиться в новое племя денведах и тем послужить торжеству нового закона.

Кессу и Беруле Ухе сказал:

— Пусть пленные находятся сначала в Четвертом денве. Если они докажут свою преданность и ловкость, переводите их в Третий денве. Так, двигаясь вперед, мы будем наращивать нашу численность и силу.

На это Кессу, командир Третьего денве, ответствовал:

— Не легче ли было бы просто превращать ирвведах в рабов? Находясь под охраной, они взвалили бы на свои плечи всю тяжесть тыловых работ, высвобождая маведах для ратных дел.

Ухе ударил командира по лицу.

— Знай, Кессу: есть вещи хуже войны, хуже, чем пожирание собственных детей! Мы сражаемся за свободу, а не за порабощение свободных.

— Что же нам тогда делать с теми, кто не погибнет в бою, но откажется служить в денведах? Такие найдутся, Ухе. Как нам поступать с ними?

Ухе встал лицом на запад и воззрился на горы Аккуйя.

— За этими горами, Кессу, лежит бесплодная пустыня, где раньше хозяйничали маведах. — Ухе указал туда. — Если плененные вами откажутся подчиняться данному Ааквой Закону Войны, отправьте их туда, в Мадах. Пусть знают, что отныне они — вемадах, отверженные. Там им отныне обитать. Это самое подходящее место для тех, кто не желает воевать ни за ирвведах, ни за денведах.

Снова обращаясь ко всем своим военачальникам, Ухе сказал:

— А еще предупредите их вот о чем. Если в Мадахе снова появится когда-нибудь вода, трава, дичь, то денведах вернутся, чтобы возвратить эту землю синдие, народу мира. Никогда больше не будет так, чтобы одно племя голодало из-за нерушимости границ или запретов, когда другие не знают бед. Мы — синдие, единый народ. Но принадлежность к этому народу не приобретается с рождением, это награда, которую надо заслужить. Передайте им все, что я сказал. Пускай выбирают.

Как Ухе предвидел, так и получилось.

С каждой преодоленной денведах горой, с каждой захваченной долиной иррведах сражались за свою землю все отчаяннее. Но после каждой горы и каждой долины денведах становились все сильнее, потому что отъедались на тучных склонах Аккуйя, а плененные иррведах вливались в их ряды. Мало кто из иррведах решались переселиться в Мадах, стать отверженными. Только Токках оставался неуловим.

Как-то поутру разведчики донесли своим командирам, что преодолена уже половина вершин Черных гор. Денведах приготовились двинуться через новую долину, к новому хребту.

Свет Ааквы только успел омыть небо, когда двое воинов притащили и положили у ног Ухе разведчика из Первого денве. С ними был Консех, приказавший едва живому разведчику:

— Повтори для Ухе слова, которые ты говорил мне.

Шкуры на разведчике были обагрены кровью, он уже с трудом дышал.

— Меня зовут Питеа. Мой ребенок, Рохмуна, находится у Даеса, в Шестом денве... — Питеа открыл глаза и посмотрел на Ухе. — Главный вождь, позаботься, чтобы мой ребенок узнал о подвигах своего родителя.

Ухе присел рядом с Питеа и приподнял ему голову.

— Ты вызвал лекаря, Консех?

— Да.

Ухе заглянул разведчику в глаза.

— Слушай внимательно, Питеа. Сейчас придет лекарь. Но если тебе суждено умереть, я обещаю, что твой ребенок будет знать, кто его родитель.

Питеа сжал руки Ухе.

— За следующим хребтом тысячи ирвведах дожидаются, когда мы перейдем в наступление. С нашей стороны склон хребта усеян невидимыми ловушками: смертоносными ямами, прикрытыми ветвями так, что их нельзя было отличить от тверди, огромными валунами, которые можно опрокинуть вниз одним толчком. И воины там стоят не такие, как раньше. Токках усвоил наши уроки. У его новых воинов черные железные топоры, короткие копья, щиты из шкур.

Чтобы услышать еще что-то от умирающего разведчика, Консех громко произнес:

— Это еще не все, Питеа.

— Не все. — Разведчик взглянул напоследок на Ухе. — Посчитав ловушки и запомнив их позиции, мы с Лекки преодолели хребет, чтобы счесть самих ирвведах. Чтобы скрыть, сколько их, они не зажигают костров, но мы с Лекки опытные охотники. Мы перемешались с ними и определили их число. Денведах поджидают восемь тысяч воинов ирвведах. — Разведчик покосился на свою рану и снова перевел взгляд на Ухе. — А потом нас поймали. Лекки погиб. — Разведчик не выпускал руку Ухе из своих рук. — Я обещал Лекки, что если я ворочусь живым, то двое детей Лекки будут знать, кто их родитель.

Ухе кивнул.

— Я прослежу, чтобы так и было. Как их зовут?

Но разведчик уже разжал пальцы и уронил руки. Консех присел напротив Ухе и помог ему положить на землю голову Питеа. Когда тело было готово к смерти, Консех сказал Ухе:

— Наши разведчики на севере доносят, что ирвведах поджидают нас и на левом фланге: там их еще одиннадцать тысяч, и тоже с оружием из черного железа. Но хотя в этот раз они лучше подготовились, денведах все равно превышают их числом, а наши воины опытнее их. Мы можем их победить, Ухе.

При появлении вызванного Консехом лекаря Ухе поднялся и сказал лекарю:

— Слишком поздно. Подготовьте ритуал погребения воина.

Лекарь уже нагнулся, чтобы забрать Питеа, но Ухе остановил его:

— Сперва сходи в Шестой денве и приведи сюда ребенка по имени Рохмуна, рожденного Питеа. — Ухе повернулся к Консеху: — Питеа сказал тебе, как зовут детей Лекки?

Консех кивнул.

— Их имена — Мос и Фанда.

Ухе положил руку на плечо лекарю.

— Приведи ко мне также Моса и Фанду, рожденных Лекки.

Когда лекарь убежал исполнять приказание Ухе, Консех посмотрел на свет Ааквы.

— Уже поздно, Ухе. Начинать наступление?

— Нет. Пусть командиры предоставят своим денве день отдыха. Удвой охрану лагеря и вышли разведку. Мне нужны точные карты и подробные сведения о численности, позициях и оружии ирвведах.

По лицу Консеха было видно, как он зол.

— Все это мы знаем и так, Ухе. Мы можем их разбить! Мы хорошо обучены, нас больше, чем их.

— Делай, как я велю, Ухе. — Но и тогда командир не двинулся с места, и Ухе посмотрел ему прямо в глаза. — Да, мы можем вступить с ними в бой и поубивать их всех, но при этом лишиться многих наших воинов. Все охотники знают, что, метнув копье в гущу стада, ничего не стоит поразить жертву. Но подумай вот над чем, Консех: нас поджидают почти два денве вооруженных синдие, сильных решимостью одержать победу. Представь, чем могли бы стать они и их оружие, если бы они примкнули к денведах! Вот о чем я буду думать, рассказывая детям Лекки и Питеа о высокой цене, уплаченной их родителями. А теперь ступай и делай, что я велю, Консех. Больше я никогда не буду объяснять тебе свои приказания.

Консех смотрел, как Ухе скрывается в своем шатре. Потом он собрал своих гонцов и приказал им передать повеление Ухе командирам других денве. Когда гонцы убежали, он присел рядом с мертвым разведчиком. И спросил разведчика военный вождь:

— Питеа, мы вторглись на их земли, отняли их урожай, убиваем их детей, братьев, родителей, друзей. И вот теперь они ждут нас с острым оружием наготове, моля Ааквy позволить им пролить нашу кровь. Оттуда, где ты теперь находишься, Питеа, видно ли тебе, как Ухе превращает эту армию, жаждущую нашей крови, в верных денведах?

Военный вождь Консех глянул на светлеющие небеса. На губах его появились тихие слова молитвы, но лицо вспыхнуло от стыда.

— Потому ли мне так стыдно, Питеа, что я молюсь тому, в кого не верю? Или стыд мой вызван тем, что я возношу к моему истинному Богу молитву убийцы?

Прошептав все это, Консех ушел, позволив мертвому разведчику утаить ответы на его вопросы.

В тот вечер, когда Ааква скрылся в Стране Смерти, шатер Ухе был озарен изнутри ярким светом факелов. У Ухе собрались сперва пятеро разведчиков и Киое, составитель карт. Отпустив их всех, он вызвал своих военачальников. Когда те собрались в шатре и расселись вокруг карты, Ухе обратился к ним с такими словами:

— Разведчики подтверждают сведения, за доставку которых храбрый Питеа заплатил жизнью. Нам противостоят восемь тысяч воинов, на севере еще одиннадцать тысяч. Все вооружены и готовы драться.

Берула указал на карту.

— И ради этого мы потратили целый день? Это нам уже известно.

— Это еще не все. — Ухе присел рядом с картой и ткнул в нее пальцем. — Вот долина, где мы сейчас находимся. — Палец Ухе заскользил дальше. — Вот здесь, на обращенных к нам склонах, ирредах приготовили нам ловушки, а за ними, за этим хребтом, встали те самые восемь тысяч. Но за восемью тысячами высится еще одна гора, а на ней стоит правитель ирредах, великий Токкас.

Ухе сложил руки на коленях и сцепил пальцы.

— Знайте и то, что ирредах сильно удивились, когда мы не напали на них сегодня утром. Это возымело три результата. Во-первых, восемь тысяч провели ночь не там, где собирались. Их провизия по-прежнему остается у одиннадцати тысяч, стоящих на севере.

Яга вытянул руки.

— Не поесть один день — велика важность!

Ухе улыбнулся и кивнул.

— Для тех, кому приходилось питаться собственными детьми, — невелика. Но ирредах никогда не знали голода. Слушайте дальше. Они развели костры и напились вина, уверенные, что мы их испугались.

Военные вожди засмеялись. Один Консех сохранил серьезность.

— Разве это значит, что мы избежим схватки, Ухе?

— Возможно, и нет, Консех. Но подумай вот о чем: Токках не выстроил свои силы эшелонами, как сделали мы. Даже самым маленьким своим отрядом он командует самолично.

Консех потер подбородок и кивнул.

— Это как жук: если ему оторвать голову, то лапки дергаются без всякого толку.

Ухе оглядел своих командиров.

— Этой ночью ирвведах развели костры, они шумели, напились дынного вина. Консех, ты прикажешь своему первому командиру, чтобы все в его полуденве вымазались грязью и захватили с собой только мясницкие топоры. Дождавшись кромешной тьмы, они двинутся на восток. Пусть хорошенько запомнят, как расположены ловушки на склонах, чтобы мы сумели их обойти. Потом полуденве тихо минует восемь тысяч ирвведах и захватит Токкаха живым.

Военачальники удивленно зашептались. Подождав, пока они угомонятся, Ухе продолжил:

— Те из наших воинов, кто попадет в плен, не должны выдать наш план. Раненых придется убивать. Те, кто окажется в плену живым, должны будут сами наложить на себя руки.

Ухе снова указал на карту.

— Третий и Четвертый денве останутся на том самом месте, где мы стоим сейчас, а тзиен денведах двинутся на запад, причем бегом. Еще до рассвета тзиен денведах должны достичь западного края позиции одиннадцати тысяч ирвведах на севере, обойти их и рассеяться на возвышенности позади них. Жизненно важно, чтобы об их действиях ничего не было известно, пока я сам не решу о них объявить.

Ухе выпрямился и посмотрел на Консеха.

— Я присоединюсь к полуденве, которое будет пленять Токкаха.

Первый военный вождь вскочил.

— Разумно ли это? Что станет с денведах, если ты погибнешь?

Ухе посмотрел на карту.

— Отвечаю на твой второй вопрос, Консех. Если я паду, мое место займешь ты, а твой первый командир займет место

первого военного вождя. Денведах продолжает следовать Закону Войны, провозглашенному Ааквой.

— А первый мой вопрос? — напомнил ему Консех.

— Разумно ли? — Ухе сцепил руки за спиной. — Я хочу передать Токкаху послание.

— Все мы с родительской утробы обучены запоминанию. Любой смог бы передать Токкаху твое послание. Я снова задаю свой вопрос: разумно ли это?

Ухе думал много мыслей сразу, в том числе о тайнах, кроющихся в темных уголках его собственного сознания. Завершив размышления, вождь денведах посмотрел на своего первого военного вождя.

— Не хочу ждать, пока твои гонцы доставят мне ответ Токкаха. Лучше мне самому его выслушать. А на твой вопрос я отвечаю: возможно, это неразумно. Тем не менее приказ отдан, остается его исполнить.

Обсудив с военными вождями подробности плана и распустив всех, кроме Консеха, Ухе услыхал из уст последнего:

— Предположим, ты не доберешься до Токкаха, Ухе. Каково послание, которое ты хочешь ему передать?

Ухе опустился на шкуры для спанья и уставился в пустоту.

— Я не уверен. Уверенность появится только тогда, когда я увижу Токкаха.

Консех двинулся к выходу из палатки.

— Твой приказ будет выполнен. — Но, прежде чем выйти, первый военный вождь остановился и оглянулся на Ухе. — Трудно ли это — ждать, пока будут исполнены твои повеления?

Ухе закрыл глаза.

— Да, трудно, Консех. Сообщи, когда твой первый полуденве будет готов.

В ту ночь Токках, правитель ирредах, сидел перед своим костром, пытаясь различить в пламени послание Ааквы. Богопротивные маведах поступили не так, как предсказывали жрецы Ааквы. Однодневное лишение пищи не повредит воинам, но до Токкаха уже доходили сведения о проявляемом ими недовольстве.

Почему маведах не напали?

Неужели они способны испытывать страх перед ирредах? Изучив факты, Токках отбросил все фантазии. Факты свидетельствовали, что маведах вообще ничего не боятся.

Тогда почему они не напали? Почему, почему, почему???

Токках встал и отошел от огня. В горах над долиной горели костры его воинов. Токках с отвращением махнул рукой. И это воины?

Они праздновали победу, которой не было. Большинство из них — крестьяне, жнецы, собиратели плодов — не нюхали войны. Они упорно тренировались, чтобы дать отпор маведах, однако и до сих пор лучше разбирались в возделывании полей, чем в ратных делах. И все равно они смели радоваться. То была радость по поводу того, что на них не напали.

Токках запрокинул голову. В небе горели загадочные звезды. Маведах не удавалось пленять живыми. Зато в их рядах уже были ирвведах, бывшие пленные. Токкаху успели надоесть разговоры про десницу Бога Дневного Света — Ухе, вождя маведах, переименовавшихся в «денведах». Ухе утверждал, что претворяет в жизнь новый закон Ааквы — Закон Войны.

Токках опустил голову. Внизу чернела долина. Не приходилось сомневаться, что воины Ухе отлично обучены и численно превосходят все силы, которые удалось выставить против них Токкаху.

Стоит ли сопротивляться? Опрокинут ли ирвведах маведах? Нет. Уйдут ли захватчики назад в голодный Мадах? Нет.

Урон, понесенный маведах, будет с лихвой восполнен пленными ирвведах, что вольются во вражеские ряды.

Гибнуть, изматывая врага, чтобы он ослаб и не смог покорить дируведах? Но в интересах ли ирвведах жертвовать собой ради спасения другого племени?

И снова Токках стал искать подсказку среди звезд.

— Мы противостоим маведах. Я вопрошаю твоих ночных детей, Ааква: чем заслужили ирвведах такую участь?

Ответом правителю ирвведах был смех, донесшийся с гор. Он опустил голову. Сколько живых должны умереть, чтобы выжившие гордо говорили, что те приняли смерть в бою?

И какой от этого толк живым, даже если они и вправду сражаются за истинный закон Ааквы?

Токках огляделся, и взгляд его встретил пустоту, окружающую огонь. Правитель ирвведах распустил совет старейшин, устав от похвальбы глупцов. Приближенные Токкаха — и те получили разрешение присоединиться к празднующим воинам. Правителя охраняли лишь несколько часовых.

— Уж не сознательно ли подвергаю я себя опасности? — вопрошал Токках у звезд. — Не алчу ли своего устранения со сцены?

В ночном воздухе раздался близкий шорох ног, и у Токкаха перехватило дыхание. Это могли быть только лазутчики маведах — иначе зачем прятаться? К тому же неуклюжие крестьяне иррведах не умели передвигаться почти бесшумно.

Глядя в темноту, Токках произнес:

— Где вы, маведах? Я готов к встрече с вами.

И тогда из кустов за костром вышли семь темных фигур. Токках чувствовал, что в темноте засело множество их сообщников.

— Ты Токках? — спросил один.

— Да, это я.

Темная фигура раскинула и уронила руки.

— Я не смог поприветствовать тебя в Темном лесу. Приветствую тебя сейчас, Токках. Я — Ухе, вождь денведах. Я явился поведать тебе о новом законе Ааквы — Законе Войны и предложить тебе присоединиться ко мне для исполнения повелений Бога Дневного Света.

— Ты хочешь, чтобы я без сопротивления отдал тебе свой народ вместе с его землями? Почему ты так дурно думаешь об иррведах?

— Я думаю, что иррведах выращивают и едят плоды земли. — Темная фигура сделала широкий жест. — Я привел больше тысячи воинов, которые встали за спинами твоих воинов, предавшихся беспечным увеселениям. — Жест в сторону костров иррведах над темной долиной. — На склоне следующей горы и в межгорной долине находятся еще четыре денве. Больше тридцати тысяч денведах готовы к бою.

Токкаху страшно было даже подумать о судьбе одиннадцати тысяч иррведах на северном фланге в случае, если темная фигура знает об их существовании. Но то была бесцельная предосторожность, ибо тут же раздались такие слова:

— На севере, позади одиннадцати тысяч иррведах, которых ты против нас выставил, я разместил своих тзиен денведах, а это больше пятнадцати тысяч лучших моих воинов. А теперь я закончу отвечать на твой вопрос, Токках. Я думаю, что ты и твой народ разумны. Я бы предпочел, чтобы вы тоже стали вершить дело Ааквы.

Токках внимательно наблюдал за темной фигурой.

— Ты сам сказал, что мы не воины, а крестьяне.

— Это мне известно, Токках. Но у них достаточно отваги, чтобы стать воинами. Денведах помогут им в этом.

Токках сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

— О, где мне узнать, как поступить?

— Угадай, обратись к кому-нибудь за советом, подумай, отвечает ли это признаваемой тобой истине, и действуй соответственно.

— Во всех трех случаях я буду побужден сделать так, как говоришь ты. Но есть и другой выбор — Ааква.

— Ну так и спроси у Ааквы. — И темная фигура превратилась в неподвижный столп.

— У Ааквы я уже спрашивал. Но Бог Дневного Света остался глух к моим вопросам. — Токках снова посмотрел на звезды. — Если я не соглашусь, меня ждет гибель?

— Это упростило бы уничтожение сил, сопротивляющихся новому закону Ааквы. Но я не отдам приказа убить тебя. Ты будешь отправлен в Мадах.

— Убить можно по-разному. — Токках смотрел в землю между Ухе и собой. — Если я к тебе примкну, последует ли за тобой мой народ?

— Он последует за нами.

— И устремится на восток, на покорение земель дируведах?

— Мы распространимся на всю Синдие, чтобы сделать народ Синдие единым. — Темная фигура подступила ближе к Токкаху. — Я предпочел бы видеть тебя своим соратником, Токках.

Правитель иррведах встал к Ухе спиной, лицом к кострам над долиной.

— Я не могу принять этого решения за свое племя. Такой властью я не наделен. Если меня отпустят, я поставлю твое предложение на обсуждение старейшинам кланов.

Ухе подозвал другую темную фигуру.

— Приведи двоих своих воинов, Консех. — Снова глядя на Токкаха, Ухе молвил: — Можешь идти. Но с тобой пойдем мы. Воины моего первого военного вождя развлекут твое племя показом оружия.

Токках глянул через плечо на Ухе.

— Если мой народ не пожелает к вам присоединиться, вы начнете рубить головы.

— Наше присутствие добавит твоим доводам убедительности. — Ухе указал на долину. — Ступай, мы последуем за тобой.

И зашагал Токках к кострам своего народа, слыша за спиной шаги охотников. И мучили его тяжкие думы.

Зачем Ааква подвергает ирведах таким страданиям? Чтобы доказать свое всесилие? Почему бы Богу Дневного Света не прийти им на помощь, когда над ними нависла страшная угроза?

На ходу Токках, не обсрачиваясь, обращался к темноте, следующей за ним по пятам:

— Заметил ли ты, Ухе, что когда тебе нужен бог, его ни за что не найти?

— Да, Токках, я тоже это заметил.

И они зашагали к кострам молча.

Той ночью ирведах превратились в денведах. Новые воины рассыпались по денведах, так что пришлось создать три новых денве: Седьмой, Восьмой, Девятый. Седьмой тренировался, чтобы превратиться в тзиен денведах, а другие два отправили на север, для закрепления за денведах всех земель ирведах.

Стаага, один из командиров Консеха, был назначен командиром Седьмого денве. Двое командиров Нуввеи, Чийя и Гидайда, стали командирами Восьмого и Девятого денве. Сам Нуввея превратился в военного вождя всех денве южного фланга.

Командиры Мотах и Достех были назначены новыми военными вождями Первого и Второго денве, а Консех — военным вождем всех денведах северного фланга.

Нуввее и всем денведах южного фланга было велено создать два дополнительных денвѐ, при том что большинство ирведах должны были по-прежнему заниматься возделыванием полей, добычей руд и работой по железу на благо всех денведах.

Шестой денве Даеса отвечал за южные склоны Аккуйя, а Пятый под командованием Яги — за подвозные пути с гор в северную сторону, в земли дируведах, где теперь вели военные действия три денве тзиен денведах вместе с Третьим и Четвертым денве. Все денве денведах общались между собой в тем-

ноте при помощи защищенных костров, а при свете дня — отражая лезвиями мясницких топоров свет Ааквы.

Земли, перешедшие под контроль денведах, раздвинулись от южных предгорий Аккуйя к востоку и к северу, а их полуденве нападали на скопления охотников дируведах. Плененным дируведах предоставлялся тот же выбор, который имели прежде иррведах, и большинство предпочитало присоединиться к воинству Ааквы.

И снова новые воины были рассыпаны среди прежних, и появились три новых денве: Десятый, Одиннадцатый, Двенадцатый. Военный вождь Пятого денве, Яга, был назначен главным над тремя новыми денве, а вместо него военным вождем Пятого денве сделался Шури. Трое командиров Яги превратились в военных вождей: Батаар — Десятого, Атурах — Одиннадцатого, Лин — Двенадцатого денве.

Поручил Ухе Яге надзирать за западными денведах, и стали его воины охранять захваченные у дируведах земли и защищать земледельцев, которых Нуввея отправил с гор Аккуйя превращать новые пространства в поля и сады.

И вскоре после этого Нуввея донес Ухе о том, что северные денведах увеличились двумя новыми денве — Тринадцатым и Четырнадцатым, а военными вождями в них стали Хогас и Землос. И еще доносил Нуввея, что южные денведах только и ждут приказа, чтобы двинуться на восток и вторгнуться в страну Кудах.

Два года минуло с тех пор, как вывел Ухе свое племя из Мадаха. Дируведах, которыми командовал Миджие, отходили и отходили, пока не оказались зажатыми в угол, образованный Великим Разрывом и Тающими Горами. На склонах высоких гор, что на севере Великого Разрыва, было много деревьев и кустарников. Охотники дируведах прятались в кронах деревьев и осыпали оттуда денведах, осмелившихся появиться в лесу, градом отравленных дротиков. Жизнь покупалась ценой других жизней, наступление было медленным.

Ухе сидел в своем шатре и обсуждал положение с Консехом и Токкахом. Показывая на карту, расстеленную на полу, он говорил:

— Даже с двумя новыми денве Нуввея не имеет достаточно сил, чтобы занять Кудах. У куведах было два года на подготов-

ку. Пусть Нуввея дождется, пока мы победим Мижии и дируведах. После этого мы преодолеем Великий Разрыв и ударим с севера, а Ниввея ударит с запада.

Консех тер подбородок и глядел на Ухе.

— Если Восточный денведах Яги соединится в горах с Нуввеей, их положение улучшится.

— Верно, но от нас ускользнуло слишком много дируведах. Яга нужен для удержания земель, которые мы заняли на севере. Прежде чем идти в Кудах, необходимо покончить с дируведах.

Консех указал на карту.

— Почему не выгнать их из лесу, запалив его? Деревья стоят сухие.

Изучив карту, Ухе покачал головой:

— В лесу скрывается множество дируведах — мы не знаем, сколько тысяч. Там же прячутся их дети. При возможности я бы избежал такого количества жертв. — Ухе глянул на Консеха. — Мижии знаком с моими условиями?

— Да. Он не прислал ответа.

Ухе встал, подошел к выходу из палатки и посмотрел на далекий лес.

— Почему Мижии не отвечает? Невозможно, чтобы он не видел, насколько его положение безнадежно. Может быть, он ведет переговоры о помощи с вождями куведах?

Токках подошел к Ухе.

— Ни с кем он не ведет переговоров. — Бывший правитель ирведах размышлял, вглядываясь в лес. — Я считаю, что Мижии чувствует то же самое, что чувствовал раньше я: что с денведах надо сражаться. До последнего дыхания и последней капли крови.

Ухе фыркнул в ответ.

— Это глупо. К чему вставать в позу?

— Я ведь не говорил, Ухе, что такое настроение в интересах ирведах или дируведах. Я только говорю, что есть такое чувство. Думаю даже, что у Мижии оно сильнее, чем было у меня.

— Дах! — Ухе вышел из шатра и оглядел море вооруженных и готовых к бою воинов. — Неужели Мижии надеется купить себе место под боком у Ааквы таким представлением? Неужели я должен жертвовать жизнями своих бесценных воинов для удовлетворения его гордыни?

Вдали над лесом поднимался дымок. Вскоре рядом с первым появился еще один. Увидев третий столб дыма, Ухе в ужасе спросил:

— Консех, твои воины подожгли лес?

Консех тоже выскочил из палатки и увидел уже пять столбов дыма над лесом.

— Этого не может быть, Ухе. Я бы не посмел тебя ослушаться, а мои военные вожди не ослушаются меня. — Консех пригляделся к лесу. — Гляди, Ухе! Дируведах сами зажгли огонь!

Так оно и было. Пожары начались в глубине леса, далеко от передовых линий денведах. Ветерок гнал дым на юг, к Великому Разрыву. Над верхушками деревьев стали видны первые языки пламени.

Ухе сделал шаг вперед, поднял кулак и закричал:

— Мижии! Мижии! Ты безумец! — Оглянувшись на Консеха, Ухе сказал: — Передай на наши передовые линии мой приказ: принимать всех дируведах, пытающихся спастись из огня. Стеречь их, но пропускать к себе.

Консех побежал к своим гонцам. Ухе все вглядывался в лес. Его все больше затягивало дымом, из которого рвалось пламя.

— Ты совершаешь преступление, Мижии! Преступление против Ааквы и против Синдие.

Токках, подошедший к Ухе, сказал ему:

— Взгляни на это пламя, вождь денведах. Я такого не совершил, потому что не смог и не захотел бы. Но ты не можешь себе представить, какую гордость я сейчас испытываю!

— Гордость? — Ухе широко раскрыл глаза при этих словах Токкаха. — Чем тут гордиться?

— Они предпочитают покончить с собой, чем погибнуть от твоей руки или сгинуть в Мадахе. Они готовы сжечь себя и своих детей, чтобы не служить твоему делу. И я чувствую гордость.

Ухе схватил Токкаха за руку.

— Это не мое дело, Токках. Это дело Ааквы.

Токках высвободил руку и, глядя на предводителя денведах, молвил:

— Ты сам говоришь, что есть вещи похуже войны, похуже пожирания собственных детей. А я добавляю к этому: есть вещи даже похуже смерти, какую сейчас принимают дируведах.

Токках ушел, а Ухе все смотрел на горящий лес. Два дня и две ночи взирал предводитель денведах на дым и огонь. А утром третьего дня к нему явился гонец, предложивший ему еду. Ухе не стал есть, а гонцу сказал:

— Передай мой приказ Нуввее. Северный денведах должен спуститься на земли куведах. Скажешь Нуввее, что Консех поведет Северный денведах через Великий Разрыв здесь. Консех окажется на земле куведах в течение трех дней. Беги!

Гонец убежал, а Ухе сказал себе — и слова его слышали другие:

— Клянусь костями Леуно, своего дитя: если куведах предпочитают победе денведах смерть, то пусть умирают быстрее. Я не стану больше приносить хороших воинов в жертву бессмысленным жестам. Ты мне омерзителен, Мижии, ты бросаешь тень на память славного племени. Если бы ты, отказавшись мне подчиниться, умер с оружием в руках, то это было бы, возможно, геройством. Но ты трус, ты обрек свой народ на смерть.

И, опустив голову, предводитель денведах зашагал к холмам пепла, оставшимся от леса.

В сгоревшем лесу, среди обугленных стволов, торчащих, как черные зубы в зловонной пасти, денведах много дней вели поиски. Воины находили там только ритуальные кольца из обгоревшей плоти и костей. В живых не остался никто, и единственным звуком на пожарище было шипение догорающего огня.

Но одного выжившего нашел сам Ухе. Это был ребенок, которого прикрыл собой и спас, умирая, его родитель. У ребенка обгорели ноги, и предводитель денведах велел Даесу прислать лекаря для лечения дитя. Когда Ухе удостоверился, что ребенок выживет, то приказал отправить его вместе с лекарем в Шестой денве и растить его как дитя, рожденное им самим, Ухе.

А назвал Ухе ребенка Синдинеах, что значит «принадлежащий миру».

К концу следующего года сдались последние из сопротивлявшихся куведах, и денведах восторжествовали на всей Синдие. И собрал Ухе своих военных вождей на вершине горы Бутаан, что высится над цепью Аккуйя перед самым Великим Разрывом, и молвил:

— Вы осуществили новый Закон Войны Ааквы. Теперь я вам говорю, что Прародитель Всего снова желает мира. Жрецы Ааквы сойдутся здесь через десять дней и изберут из своего числа главного жреца, который станет надзирать за соблюдением нового закона.

А вы распустите ваших воинов и снова превратите их в охотников и земледельцев, оставив только один полуденве тзиен денведах, чтобы выполнять повеления главного жреца на благо мира и достатка в мире. Остальные пусть снова растят детей, охотятся, живут себе и славят Аакву.

И сказал на это Консех:

— Ухе, жрецы должны избрать главным тебя.

— Нет! — ответил Ухе и посмотрел вниз на скалы, подпирающие гору Бутаан. — А теперь ступайте и делайте, как я приказал. — И указал на старика, главного жреца маведах. — Ииджиа, ты останешься здесь.

Военные вожди медленно покинули вершину горы. Дождавшись их ухода, Ииджиа раскинул и уронил руки.

— Что тебе от меня надо, Ухе? Хочешь меня убить, чтобы очистить место для нового главного жреца всей Синдие?

Ухе вынул из-за пояса черный нож, завернутый в шкуру, и повернул его рукояткой к старому жрецу.

— Времена изменились, Ииджиа. Те, кто мешает спасению Синдие, должны быть устранены. Законы, мешающие спасению, должны быть забыты. Ты понимаешь это?

Ииджиа свесил голову.

— Понимаю.

Ухе снял с железного ножа шкуру и бросил ее на землю.

— Ииджиа, моя жизнь завершится на этой горе.

— Нет! С тобой мы проделали трудный путь, ты объединил народ. Ты должен жить и править Синдие.

Ухе опустился на колени и поднял лицо к Богу Дневного Света.

— Ииджиа, для завоевания мира нужны одни достоинства, а для того чтобы им править, совсем другие.

— Возможно, это и так. Но откуда ты знаешь, что нет в тебе необходимого, чтобы править миром?

— Знаю, Ииджиа. Я лгал, воровал, убивал. Нельзя, чтобы все это можно было сказать о правителе Синдие.

Ииджиа встал на колени рядом с Ухе и положил ему руку на плечо.

— Иначе было нельзя: на то и война. Нам было необходимо выжить. Такие уж времена. Грехи лежат на всех нас.

— Времена изменились, Ииджиа. Воевать больше не нужно, командовать военными вождями — тоже. Я должен отойти в сторону. Пусть жрецы обыщут всю Синдие и найдут того, кто не вор, не богохульник, не убийца, не трус. Его и сделайте своим главой. — И взглянул Ухе на старого жреца. — Ты выслушаешь мою молитву, Ииджиа?

Ииджиа снял руку с плеча Ухе.

— Я выслушаю ее.

И воззрился Ухе на Бога Дневного Света.

— Ааква, твой прежний Закон Мира был неверен, и я поправил его. Это и преступление мое, и претензия на добродетель. Ааква, яви себя Синдие, детям твоим, корми их, согревай, не давай в обиду. Ааква, во имя детей своих, стань более отзывчивым и заботливым богом.

И поднял Ухе нож, и упал на него грудью. Мгновение — и не стало Ухе.

Сам собрал Ииджиа ветки, чтобы предать тело Ухе огню и помочь его жизни вознестись с погребального костра к Ааквe. Десять дней и десять ночей пробыл Ииджиа на горе Бутаан, вознося молитвы и не обращая внимания на собирающихся жрецов. А утром одиннадцатого дня встал Ииджиа и обратился к жрецам:

— Я говорил с Богом Дневного Света. — Ииджиа указал на золу от погребального костра Ухе. — Здесь мы возведем святилище, чтобы прах Ухе-Завоевателя вечно пребывал в мире. Выстроим вокруг могилы большой храм, чтобы все могли познавать в нем историю подвигов Ухе. А вокруг храма синдие создадут великий город, в котором народ будет изучать, пробовать, чувствовать благодать учения и благословений Ааквы.

И сказал Ииджиа жрец по имени Оза:

— Открыл ли тебе Бог Дневного света имя следующего главного жреца Синдие?

— Среди пепла избравших самосожжение дируведах Ухе нашел живого ребенка и нарек его Синдинеах. Перед смертью Ухе сказал, что править на Синдие должен тот, кто не запят-

нал себя ни войной, ни трусостью. Синдинеах слишком молод, чтобы запятнать себя войной. А что до смелости, то ему ее хватило, чтобы выжить, когда вокруг него торжествовала трусливая смерть.

Мы, жрецы Ааквы, вырастим этого ребенка. А когда Синдинеах пройдет ритуал взросления, мы провозгласим его главным жрецом и правителем Синдие.

Появилась могила, был заложен храм, на склонах горы стал расти город Бутаан, а вокруг горы царствовали мир и достаток под дланью Синдинеаха.

И все славили мудрость Ааквы.

КОДА НУВИДА

Предание о Шизумаате

Я, Мистаан, передал вам слова Намндаса и Вехьи, которые поведали мне о жизни Шизумаата и о второй правде.

Я — Намндас, ребенок Пиеры, ребенка Рукора, ребенка Ивея, воина Седьмого денве Ухе. И стою я перед вами, воспевая Шизумаата, ибо я был его другом детства и товарищем, тем, кто стоял и ждал у рубежа.

Синдинеах Ну Древний был ребенком Синдинеаха Рожденного-в-Пламени. При Синдинеахе Ну продолжали строить дороги, что начал прокладывать его отец, ширились поля в Кудахе и Дирудахе, начаты были великие работы по насыщению влагой Мадаха из подземных водных запасов в горах Аккуйя.

В провинциальных центрах, управлявшихся жрецами, которых назначал Синдинеах Ну, улаживались споры, строились дорожные станции и зерновые склады, улучшались дороги.

Работы, начатые жрецами и главным жрецом, производились синдие во исполнение Закона Ааквы о Даре и Труде, записанных жрецами в правление Синдинеаха. При хорошем урожае Закон можно было соблюсти, передав в общественные

склады двенадцатую часть своего урожая. При плохом урожае каждый взрослый старше четырех лет должен был проработать не меньше каждого двенадцатого дня под управлением жрецов. За это работники получали еду из складов, которыми ведали жрецы.

Первенцем Синдинеаха Ну был Синдинеах Эй. После ухода его родителя из жрецов, при главенстве Синдинеаха Эйя над жрецами Ааквы, был достроен храм Ухе.

Стены храма были сложены из обработанного камня и имели высоту, как восемь синдие, вставших друг другу на плечи; площадь храма была шестьдесят на девяносто шагов. Крыша из деревянных бревен и плит опиралась на квадратные каменные колонны, расставленные шестью четырехугольниками.

В центре наименьшего четырехугольника находилась накрытая камнем могила с прахом Ухе. Вместо восточной стены у храма были каменные колонны. В центре северной и южной стен было по двери шириной всего в два шага. В стене, обращенной в сторону страны Мадах, двери не было. Днем свет шел от Ааквы, Прародителя Всего, ночью же — от трехсот масляных светильников, свисавших с потолка храма.

Вокруг храма тянулись узкие улицы деревянных и каменных хижин. В одной из них, закрывавшейся после полудня тенью от храма, проживал жестянщик, исполнявший в Бутаане свой долг перед Ааквой. И родил он в муках дитя.

Звали жестянщика Кадуах, а дитя свое назвал Кадуах Шизумаатом, Ребенком Долга.

Из-за рождения ребенка и из-за получения от придворных Синдинеаха Эйя нескольких заказов на железные украшения поселился жестянщик в самом Бутаане. Кадуах истово верил в Ааквy, и ребенка своего учил поклонению и истине Бога Дневного Света и уважению к жрецам. И познал Шизумаат историю сотворения мира, законы, открытые Раде, и предание об Ухе.

В начале третьего года жизни Шизумаата Кадуах привел его в храм, чтобы исполнить перед жрецами обряды посвящения в зрелость. Шизумаат поведал историю творения, законы, предание об Ухе, а потом перечислил членов родительского рода до Кадуаха от основателя рода, охотника из маведах по имени Лимиш...

А после завершения обрядов попросил Кадуах принять Шизумаата в жрецы Ааквы.

* * *

Среди жрецов, внимавших Шизумаату, был Эбнех, которому так понравились речи Шизумаата, что он принял его в Божественную школу, ковах Ааквы.

Ночевал Шизумаат в родительском доме, а дни проводил в храме, где познавал тайны, знаки, законы, желания и видения Прародителя Всего.

Я, Намндас, поступил в ковах Ааквы за год до Шизумаата и был назначен старостой в его класс. Эта обязанность выпала мне потому, что жрецы храма сочли меня худшим в моем собственном классе. Пока мои одноклассники сидели у ног жрецов и познавали премудрости, я ковырялся в грязи...

Моим подопечным был выделен темный угол у стены храма, выходившей на страну Мадах, тот самый, где год назад начинал учебу мой класс. Утром первого дня уселся класс Шизумаата на гладком каменном полу, чтобы выслушать от меня правила храма.

— Я, Намндас, — староста в вашем классе. Вы — самый низший класс в храме, поэтому вам поручено заботиться о порядке и чистоте. Учтите, я как ваш старший не потерплю в храме ни пылинки! Вы будете ловить грязь еще в воздухе, прежде чем она опустится на пол храма; будете смывать грязь с ног тех, кто входит в храм.

Я указал им на закопченный потолок.

— Каждый вечер вы будете чистить и заново заливать маслом храмовые лампы. При всем этом сами вы должны оставаться чисты. Чисты должны быть ваши тела, одежды вычищены и залатаны.

Тут встал Шизумаат. Он был высок для своего возраста, глаза его удивительно блестели.

— Когда же нас начнут учить, Намндас? Когда нам учиться?

Я почувствовал, как пылает мое лицо. Какова дерзость!

— Вам будет дозволено начать учебу только тогда, когда я сообщу жрецу Эбнеху, что вы достойны этого. А пока сиди и молчи!

Шизумаат опять уселся на пол, а я свирепо оглядел всех девятерых своих подопечных.

— Говорить будете только тогда, когда я или кто-то из жрецов обратится к вам с вопросом. Вы находитесь здесь для

того, чтобы учиться, и первое, чему вы должны научиться, — это послушание.

Я уперся взглядом в Шизумаата и увидел на его лице загадочное выражение. Я обратился к нему со словами:

— Мне трудно читать по твоему лицу, новичок. Что оно выражает?

Шизумаат остался сидеть, но обратил на меня свой взор.

— Неужто Ааква судит жрецов своих по тому, как хорошо те подражают бессловесным тварям, усердно метущим пол?

— Твои слова предвещают беду.

— Намндас, что ты хотел от меня услышать, задавая свой вопрос, — правду или ложь?

— Здесь храм правды. Как твое имя?

— Меня зовут Шизумаат.

— Что ж, Шизумаат, должен тебе признаться, что я почти не надеюсь, что ты продвинешься от стены Мадаха к центру храма.

Шизумаат кивнул и обратил взор сквозь лес колонн на могилу Ухе.

— Думаю, тебе еще пригодится правда, Намндас...

Шли дни; Шизумаат помалкивал, но обязанности свои исполнял безупречно. При этом он всегда проявлял беспокойство и слушал все, что говорилось в храме, словно надеялся все запомнить. К тому времени, когда было набрано два новых класса, мои подопечные уже размещались у южного края стены Мадах. Эбнех стоял перед учениками и слушал, как они рассказывают об Аакве, Раде, Даулте и Ухе.

Когда все выступили, Эбнех развел руками.

— Мы называем предание об Ухе «Кода Овида»; какова же первая истина?

В первой «Кода» содержится, разумеется, много истин. Задача ученика состоит в том, чтобы извлечь из предания главнейшую истину. Встал первый ученик и изложил общепризнанную истину из истории:

— Закон Ааквы заключается в том, что жрецы Ааквы должны высказывать подлинные пожелания Ааквы.

Довольный Эбнех кивнул.

— Все согласны?

Все ученики кивнули, кроме Шизумаата. Мой бунтарь все смотрел сквозь лес колонн на могилу Ухе. Наконец Эбнех обратился к нему:

— Ты нас слушаешь, Шизумаат?

Шизумаат перевел взгляд на Эбнеха.

— Я слушал.

— Ты согласен с тем, как этот ученик понимает «Кода Овида»?

— Нет. — Шизумаат снова стал смотреть на могилу Ухе.

— Нет? — Эбнех подошел к Шизумаату. — Нет? Встань! — Шизумаат встал и посмотрел на Эбнеха. — А какую истину видишь в «Кода Овида» ты?

— Я вижу, Эбнех, что между племенем маведах и выживанием стоял закон; вижу, что это был не священный закон, а правило, придуманное самими синдие; вижу, что Ухе понял это и пренебрег законом ради спасения племени. Поэтому истина, которую я из всего этого вывожу, состоит в том, что законы должны служить синдие, а не синдие — законам.

Эбнех долго смотрел на Шизумаата, а потом проговорил:

— В таком случае скажи, Шизумаат, должны ли мы подчиняться желаниям Ааквы, передаваемым его жрецами?

— Если это добрый закон, то им нужно пользоваться; если нет, то его следует отвергнуть, как поступил Ухе с Законом Мира.

Эбнех сузил глаза; соседи Шизумаата отодвинулись от него, чтобы их не задел гнев, который вот-вот обрушится на дитя Кадуаха. Жрец угрожающе спросил:

— Не хочешь ли ты сказать, Шизумаат, что законы Ааквы могут быть ложью?

Я зажмурился. Эбнех принуждал Шизумаата к богохульству. Я пытался предостеречь Шизумаата взглядом, но он не обращал на меня внимания. Я знал, куда клонит Эбнех, Шизумаат был достаточно разумен, чтобы тоже это понять; тем не менее он был слишком упрям, чтобы испугаться боли, которую испытает, принимая от жрецов наказание за богохульство.

— Если законы исходят от жрецов, — молвил Шизумаат, — то это значит, что они порождены смертными, обреченными ошибаться, то есть могут оказаться ложными.

Эбнех выпрямился.

— А если законы исходят от Ааквы?

— Тогда или Ааква небезупречен, или Ааквы вообще не существует. Вот что я вижу в Предании о Ухе.

В храме повисла зловещая тишина. Я подбежал к Шизумаату и схватил его за руку.

— Думай, Шизумаат! Думай, что говоришь!

Шизумаат вырвал у меня руку.

— Я подумал, Намндас, потому и дал такой ответ.

Эбнех оттолкнул меня от ученика.

— Лучше отойди, Намндас, если не хочешь навсегда застрять у стены Мадаха.

Жрец так разгневался, что мне в лицо полетела его слюна. Я испугался и не смел утереться. Он медленно обернулся к Шизумаату:

— Известно ли тебе, как ты поплатишься за свои слова?

— Да, Эбнех, я знаком с правилами, — ответил ему Шизумаат с улыбкой.

— Зная их, ты все равно издеваешься над ними?

— Не издеваюсь, а ставлю их под сомнение; я сомневаюсь в их происхождении; мне сомнительна их действенность. Знаю, жрецы выпорют меня за мои слова; но вот какой вопрос я вам задаю: докажет ли порка существование Ааквы и истинность его законов?

Жрец издал странный звук, словно его душили, и убежал от стены Мадаха, выкрикивая на бегу злые приказания. Шизумаата ждала кара Бога Дневного Света.

Утром, Когда Прародитель Всего осветил восточные колонны храма, я поднялся по ступеням и обнаружил Шизумаата на коленях среди колонн. Шизумаат прижимался щекой к камням пола. Камни были забрызганы темно-желтой ученической кровью. Глаза Шизумаата были зажмурены, грудь вздымалась. Позади него стояли двое жрецов с розгами. Сбоку стоял Эбнех и повторял:

— Подними голову, Шизумаат. Подними голову!

Шизумаат уперся ладонями в окровавленные камни, оттолкнулся и оказался на корточках; утренний свет Ааквы озарил его серое лицо.

— Поднял.

— Что же ты видишь?

Шизумаат поколебался, прищурился, глубоко вздохнул.

— Я вижу прекрасный утренний свет, который мы именуем Ааквой.

Эбнех наклонился над ним и прошипел в самое ухо:

— Является ли свет богом?

— Не знаю. Что ты подразумеваешь, говоря «бог»?

— Бог! Бог — это Бог! Уж не безумен ли ты?

— Чрезвычайно своевременный вопрос, Эбнех!

Одной рукой Эбнех схватил Шизумаата за плечо, другой указал на Аакву.

— Не есть ли это Прародитель Всего?

Шизумаат опустил плечи и медленно покачал головой.

— Я не знаю.

— А о чем говорит тебе твоя спина, Шизумаат?

— Моя спина говорит мне о многом, Эбнех. Она говорит, что ты недоволен мной; она говорит, что если усердно хлестать по живому мясу, из него брызнет кровь; она говорит, что это больно. — Шизумаат поднял глаза на Эбнеха. — Но она не говорит мне, что Аакна — бог; она не говорит мне, что законы жрецов — священная истина.

Эбнех поманил двоих с розгами.

— Секите его до тех пор, пока спина не расскажет ему об Аакве.

Один из слуг в ответ бросил розгу, развернулся и ушел в храм. Другой некоторое время смотрел на Шизумаата, а потом отдал розгу Эбнеху.

— Спина уже рассказала Шизумаату все, чему может научить розга. Возможно, ты сам придумаешь довод поубедительнее, Эбнех.

И второй слуга развернулся и удалился в храм.

Эбнех смотрел вслед обоим слугам; потом он отбросил розгу и посмотрел на Шизумаата.

— Почему ты восстаешь против Ааквы? Почему сопротивляешься мне?

— Я не восстаю ни против него, ни против тебя. Я только говорю правду, которую вижу; или ты предпочел бы, чтобы я тебе лгал? Послужило бы это на благо истине?

Эбнех покачал головой.

— Ты позоришь своего родителя.

Шизумаат уронил голову и так сидел до тех пор, пока Эбнех не отвернулся и не убежал в храм. Тогда Шизумаат взглянул на меня:

— Отведи меня к себе, Намндас. Сам я не дойду.

Я поставил ученика на ноги.

— Хочешь, я отведу тебя в твой дом?

Шизумаат усмехнулся, превозмогая боль.

— Одно дело — когда меня бьют за то, что я понимаю правду, и совсем другое — когда родитель побьет меня за то, что я уже побит. Это получится уже перебор.

Шизумаат закрыл глаза и упал мне на руки. И я потащил ученика из храма в мою келью за площадью.

Поправившись, Шизумаат опять присоединился к своему классу у стены Мадах. Я с удивлением увидел его там снова и еще больше удивился тому, что остался в классе старостой. Единственная перемена состояла в том, что учеников слушал теперь не Эбнех, а сменивший его жрец по имени Варрах. И выслушал Варрах чтение Шизумаата и его собственные рассуждения о законах Ааквы и смысле Предания об Ухе.

Порка совсем не повлияла на мнение Шизумаата, однако Варрах ничего не сказал, а просто выслушал и его, и других учеников, а потом похвалил меня за блестящие знания моих подопечных и их энергичные размышления.

Ужас от незнания безопасного пути — вот что я чувствовал. Под вопросом была моя жизнь, мое будущее. Если мне каким-то чудом удастся добраться до центра храма, то в преклонные годы у меня по крайней мере будет пища и место для ночлега. Если же жрецы меня прогонят, то меня ждут пески Мадаха. Мое будущее представлялось мне именно таким. Шизумаат обязательно поставит меня между собой и жрецами, и мне после этого уже не отмыться. Но одно я знал твердо: сердце не позволит мне допустить новую порку Шизумаата.

Шли дни, Шизумаат продолжал задавать вопросы и приходить к выводам, радовавшим Варраха и ужасавшим меня и моих подопечных. Варрах же поощрял Шизумаата размышлять и сомневаться, и вскоре все мы стали по-новому думать и говорить о новых для себя вещах. Однажды я сказал своим подопечным, что, по моему убеждению, когда-нибудь поменяется даже имя, коим жрецы именуют Бога Дневного Света.

— Все это происходит благодаря Варраху, а не мне, Намндас, — ответил на мои слова Шизумаат. — Вопросы, новые мысли — все это приходит естественно. Варрах позволяет этому происходить, просто не запрещая.

* * *

Совсем другим я приходил теперь к стене Мадаха, потому что с замиранием сердца ждал каждое утро нового познания, радовался тому, что принадлежу к храму Ухе, хотел постигать будущее. Еще до осенних дождей Варрах выслушал от всех нас изложение выученного и увел наш класс от стены Мадах, к первому ряду колонн. Старостой класса Варрах оставил меня, хоть и был я таким же учеником, как остальные.

Но впереди меня ждал самый главный урок, испытание, прибереженное судьбой и устроенное в самый неожиданный момент. Мне еще только предстояло узнать, что все на свете изменяется. Что верх становится низом, свет — тьмой, счастье сменяется горем, добро уничтожается. Но, еще не получив этого урока, мы испытывали судьбу, бросали ей вызов, постигали премудрость. И, как всегда, нашим предводителем был Шизумаат.

Теперь, когда наш класс пересел на новое, более достойное место, Варрах объявил, что пришло время попытаться найти применение тому, что мы узнали, за пределами храма.

— Испытайте свои знания, подтвердите или опровергните их, попытайтесь заменить чем-нибудь лучшим.

Некоторых учеников отправили в денведах, учиться воевать, некоторых — на фермы, учиться земледелию, некоторых — к ремесленникам, на рынки, к ростовщикам, учиться мастерить, покупать и продавать. А нас с Шизумаатом отправили к последним из кочевников, учиться охоте.

Я пожаловался Шизумаату, что выпавшая нам доля таит меньше всего возможностей. Ведь времена кочевников ушли в прошлое. Во всем мире теперь возделывают землю, откармливают скот, покупают на рынках изделия ремесленников. Кочевники же ничего не созидают, ничего не изучают, не создают знаний, на основании которых можно было создать новые знания. Потому, заключил я, старые племена и оставались неизменными тысячи лет, пока Ухе не изменил правила тогдашнего мира.

И Шизумаат ответил мне на это:

— Намндас, каждый живущий, каждое место, каждая вещь может быть поучительной, надо только уметь учиться.

А потом пошли мы к престарелому родителю Шизумаата. Кадуах был польщен, что Варрах придерживается высокого

мнения о классе Шизумаата и о нем самом. Простились мы с Кадуахом и отправились в страну куведах, где последние кочевые племена все еще преследовали стада даргатов.

Через десять дней мы взобрались по крутой тропе на северную стену Великого Разрыва и оказались над великой равниной Кудах. Она была плоской, как лепешка, поросла травой до пояса; кое-где на равнине высились огромные деревья менозы. И направились мы с Шизумаатом на юг, ночуя под деревьями.

В темноте, пока я готовил пищу, Шизумаат изучал детей Ааквы, разбросанных над нами на одеяле ночи. Однажды воротился Шизумаат к стоянке, вынул из костра головню и сказал мне:

— Намндас, я пойду с этим факелом на север. Когда свет факела станет таким же, как свет детей Ааквы, подними над головой две головни и помаши ими. И выкрикни мое имя.

— Что ты хочешь разглядеть? — спросил я.

Мой соученик только улыбнулся и ответил:

— Давай сперва поглядим, а потом я тебе расскажу, что увидел.

И ушел Шизумаат, держа над головой пылающую головню, и зашагал на север. Я следил за его факелом, ни на мгновение не упуская его из виду. Но вот ушел он так далеко, что я уже не мог отличить огонек факела от света детей Ааквы низко над горизонтом. Я поднял головни, как условились, помахал ими, выкрикнул имя Шизумаата. И он, вернувшись к костру, принес с собой захватывающую, невероятную, богохульную идею.

— Подумай вот над чем, Намндас. Если Ааква есть великий огонь, кружащий по вселенной, а дети Ааквы — иные огни, полыхающие вдали, то разве нельзя предположить, что они кружат по иным вселенным? И нет ли в тех, иных вселенных собственных обитателей? — Шизумаат опять посмотрел на ночное небо. — Ради ответов на эти вопросы я готов много страдать. Ради встречи с этими обитателями, ради того, чтобы увидеть их и прочесть их мысли, я отдал бы жизнь.

Я тоже задрал голову и стал любоваться детьми Ааквы, думая о том, как много Синдие потеряет, если Шизумаат окажется прав. Ведь если он прав, то дитя, которое я считаю по-

мещенным Ааквой на небе, на самом деле было помещено там не Ааквой и не для меня... Я перевел взгляд на Шизумаата и спросил:

— Как ты станешь доказывать это жрецам? Каким доказательством воспользуешься?

— Я не могу отрастить крылья и добраться до Ааквы и его детей. Не знаю. Буду размышлять об этом.

После девятнадцати дней пути на юг повстречали мы отряд охотников куведах. Жрец из куведах, Гату, показал нам, где разбито стойбище племени и где в нем палатка Буны, главного жреца. Еще Гату сказал, что вождь племени, Кангар, старейшина старейшин, находится при смерти, так что за него теперь правит Буна.

Достигнув стойбища, мы увидели рощу меноз, сквозь которую текла река, и палатки из шкур на обоих берегах. Нас провели в палатку к Буне, встретили с почестями и пригласили внутрь.

Буна был очень стар и одет в шкуры вместо одежд. Голова его была накрыта капюшоном из шкур, как будто он не мог согреться. Главный жрец выслушал задание, которое нам дал Варрах.

— Ваш учитель очень мудр, — изрек он. — Знание, приобретаемое с помощью рук, содержит больше истины, чем знание, приобретенное копанием в собственной голове.

Нам показали, где разместиться на ночлег. Настал вечер, и мы стали ждать вместе с остальными возвращения охотников. Стоя рядом с нами, Буна тихо объяснял значение того, что мы наблюдаем.

— Высокий охотник с длинным шрамом на левой руке — Харуда, предводитель охотников и величайший охотник в племени куведах.

— Харуда не несет добычи, — заметил Шизумаат.

— Это потому, что Харуда добыл дичь. Те, кто ничего не добыл, несут добычу Харуды.

— Скажи, Буна, почему Харуда добыл нынче на охоте гораздо больше, чем другие?

— Так же происходит и в другие дни, Шизумаат. Харуда — великий охотник.

— Что делает Харуду таким удачливым? — спросил я.

Буна сдвинул с головы капюшон и посмотрел на меня.

— Друг Намндас, у Харуды божий дар.

— Как у него это получается? — настаивал я.

Старый главный жрец отвечал с улыбкой:

— Для этого вы к нам и пожаловали? — И с этими словами Буна удалился в рощу, чтобы поразмышлять и возблагодарить Аакву за успешную охоту Харуды.

Шизумаат потянул меня за край шкур и сказал:

— Идем, Намндас. Попробуем сами ответить на твой вопрос.

Мы последовали за Харудой и увидели, как он отрывисто отдает приказания менее удачливым охотникам и управляет раздачей дичи костровым и коптильщикам. Покончив с этим, уселся Харуда перед своим жилищем и принялся чистить свое оружие и проверять, не затупились ли каменные наконечники. Увидев нас, он сказал:

— Читаю в ваших глазах вопросы, чужестранцы.

— Верно, — отвечал ему Шизумаат.

Узнав от него наши имена, Харуда предложил нам сесть с ним рядом и сказал:

— Задавайте свой первый вопрос.

И задал мой друг вопрос, сильно меня удививший:

— Харуда, каждый день ты приносишь с охоты столько добычи, что легко мог бы стать главным среди старейшин племенных кланов. Ты способен утолить голод куведах, потому мог бы взять себе власть над ними. Тем не менее ты остаешься охотником. Почему ты не вождь куведах?

Посмотрев на Шизумаата, Харуда рассмеялся.

— Полагаешь, мой успех в охоте означает, что я мог бы так же успешно предводительствовать куведах?

Подумав, Шизумаат отвечал:

— Нет, это еще не сделало бы тебя сильным вождем. И все же обычно тот, кто что-то умеет хорошо делать, превращает это в средство принудить других к тому, что они умеют делать хуже его, за вознаграждение.

Охотник покачал головой.

— Я этим не занимаюсь.

— Но ты бы смог навязать племени свою власть, если бы захотел. Наверное, просто не хочешь властвовать?

Великий охотник оторвал взгляд от наконечника копья, которое натачивал, и хмуро уставился на Шизумаата.

— Я тот, кем хочу быть, юноша. Мой путь к счастью не пересекается с путями Кангара или Буны. У меня нет желания править.

Шизумаат еще поразмыслил.

— Не считаешь ли ты, Харуда, что тот, у кого есть божий дар, обязан править, а не заниматься добыванием пищи?

Я посмотрел на друга. В своем ли Шизумаат уме? Зачем он дразнит великого охотника?

Харуда встал, и лицо его утратило желтизну, став бурокрасным.

— Я охочусь, юный любитель задавать вопросы, а не добываю пищу. Свое умение охотиться я приобрел долгим опытом. Это не божий дар.

— Еще один вопрос, Харуда. — Я разрывался между желаниями удрать от охотника без оглядки и придушить лучшего друга.

— Задавай быстрее! — приказал Харуда.

— Если твое охотничье мастерство — не дар, почему же это получается у тебя лучше, чем у других? Почему другие охотники приносят домой гораздо меньше добычи?

— У них свои способы, у меня — свои. Мои лучше.

И охотник, устав от расспросов, ушел в свою палатку.

Про себя проклиная Шизумаата за то, что он оскорбил Харуду, я терпел, пока мы не оказались в своем шалаше. Костровой принес нам жареного мяса, и, поев, я понял, что уже не злюсь. Но когда мы улеглись, я спросил:

— Почему ты задавал Харуде такие вопросы? Большинство твоих вопросов не имели отношения к охоте.

— Нет, Намндас, но они имели отношение к охотнику.

— Что ты хочешь этим сказать, Шизумаат?

— Теперь я знаю Харуду. Я могу больше не изучать его самого и начать изучать то, что он делает.

Еще до того, как свет Ааквы коснулся неба, охотники начали просыпаться. Мы поели с ними холодных лепешек и попили чая из листьев, а потом Шизумаат пошел к Буне и стал просить, чтобы нам позволили сопровождать охотников. Буна поднял Шизумаата на смех.

— Охота трудна и без обузы — двух юнцов, никогда не бегавших в густой высокой траве.

— Значит, нам с Намндасом не будет разрешено приобрести этот опыт, потому что у нас нет опыта?

— Да, — ответил Буна.

Чувствуя, что должен что-то сказать, я произнес:

— Разве для того, чтобы приобрести опыт, мы не должны его приобрести? — Каждое слово, вылетавшее из моего рта, звучало глупее предыдущего. Я уже проклинал себя, но Шизумаат поддержал меня одобрительным кивком.

— Отлично сказано, мой друг.

— Невозможно, — сказал Буна, не обращая внимания на мои доводы.

— Я возьму их с собой, — раздался голос Харуды. Мы оглянулись. Главный охотник слушал наш спор.

Буна нахмурился, но губы его кривились в улыбке.

— Харуда, мы полагаемся на твое умение, тем более сейчас, когда стало меньше дичи. Разве эти двое юнцов не станут для тебя помехой?

Харуда отвернулся и посмотрел на охотников, собирающих перед палаткой провизию и оружие для охоты.

— Много раз я говорил, что хочу передавать свое охотничье мастерство другим охотникам. Но они все время твердили, что это божий дар, и приносили с охоты все меньше дичи. Да, я намерен взять с собой на охоту двоих этих неженок из храма, и уже к наступлению темноты племя провозгласит Шизумаата и Намндаса величайшими охотниками Кудаха после меня. Тогда, быть может, и другие охотники позволят мне показать им то, что я умею.

Когда охотники узнали, что нам с Шизумаатом предстоит стать великими охотниками, они только посмеялись, приняв эти слова Харуды за шутку. Буна помолился об удачной охоте, а потом охотники, повинуясь безмолвному сигналу Харуды, отправились на восток, к горе утреннего солнца.

Ааква уже поднялся над горами, и нам приходилось заслоняться глаза от Его света. Охотники разделились на мелкие группы и разошлись в разных направлениях. Шизумаат, Харуда и я остались одни. Мы с Шизумаатом шли за Харудой дальше на восток, пока Ааква не оказался на высоте всего лишь одной ладони над горами. Тогда Харуда остановился, обернулся и посмотрел на нас.

— Вы спрашивали, что я делаю не так, как остальные. Сегодня вы это узнаете. Самое главное, что вы узнаете, — это что я вовсе не одареннее других охотников. Я приношу больше добычи только потому, что охочусь особым образом. Но сперва мы поглядим, как охотятся другие.

Харуда пригнулся и побежал влево, описывая широкую дугу. Мы побежали за ним. Скоро начался пологий подъем. Перед самой вершиной холма Харуда пригнулся еще ниже. Мы с Шизумаатом присели с ним рядом. Харуда указал на запад. Мы посмотрели, куда он указывает.

— Видите? Там, в зарослях, перед деревьями. Это голова Ворусмы. Дальше должна быть дичь.

Я пригляделся, но не увидел ничего, кроме колеблющихся кустов в неподвижном воздухе. Охотник по имени Ворусма тихо пополз к кустам. Потом из кустов высунулась рогатая голова на высокой шее, и Ворусма замер. Это был прекрасный, крупный даргат. Он, не шевеля головой, изучал местность. Когда его взгляд остановился на охотнике, он попятился, развернулся и побежал прочь. Ворусма подобрал свое оружие и помчался следом за даргатом, пытаясь на бегу вложить копье в пращу.

Никогда не видел такого быстрого бега, но Харуда со смехом показал, что расстояние между охотником и даргатом увеличивается. Охотник долго бежал, а потом упал, запыхавшись, в траву.

— Юноши, — обратился к нам Харуда, — за сегодня я бы мог сотню раз показать вам то же самое, потому что именно так куведах охотятся на даргатов и всегда охотились с тех пор, как у Даулты возникли его сомнения. Иногда им попадаются старые и медлительные даргаты, иногда — глупые. Иногда и другим улыбается удача, но так происходит редко. А теперь я вам покажу, как охотится на даргатов Харуда и как вы сами станете великими охотниками.

Мы вошли в рощу и залезли на колючее дерево. С верхушки было видно равнину на расстояние целого дня пути. Вскоре охотник показал на колеблющиеся вдали заросли.

— Видите?

— Вижу шевелящуюся траву, — ответил я.

— Даргат! — прошептал Шизумаат.

Я тоже увидел над травой длинную шею и рогатую голову.

— Мы будем его преследовать? — спросил у Харуды Шизумаат.

Охотник медленно покачал головой.

— Если хотите спать в траве, как Ворусма, можете поступить так. — Охотник снова указал на даргата. — Он проявляет осторожность, нюхает воздух, проверяет, есть ли поблизости опасность. Если он решит, что ее нет, то позовет остальное стадо. Сидите спокойно и смотрите.

Самец долго изучал окружающую его местность, потом закинул голову и заблеял. Позади него зашевелилась трава, и показалось еще двадцать рогатых голов. Шизумаат схватил Харуду за руку.

— Сейчас? Сейчас мы за ними погонимся?

— Нет, подождем. Если стадо спокойно пройдет туда, значит, оно вернется тем же путем. Заметьте, как пролегает их тропа. Когда стадо вернется, мы добудем нескольких даргатов.

— Откуда ты это знаешь, Харуда?

— Смотрю, слушаю, запоминаю. Тысячи раз я видел, как себя ведет стадо даргатов. Значит, они снова поведут себя так же.

Когда стадо скрылось из виду, Харуда поставил с нашей помощью силки на тропе. Силки представляли собой несколько петель, соединенных между собой. Харуда объяснил:

— Несколько даргатов попадут в силки и будут биться и тянуть в разные стороны, пока не выбьются из сил. А тут и мы с копьями.

Глядя и слушая, я понял, что эта простая западня сработает, потому что срабатывала уже неоднократно — охотничья репутация Харуды была тому свидетельством. Но до чего же это просто!

Все произошло так, как обещал Харуда. Мы набросились втроем на уставших и беспомощных даргатов и добыли втрое больше, чем любая другая тройка охотников за тот день. Как и предрекал Харуда, Шизумаат и Намндас всего за один день добились славы великих охотников куведах.

В тот вечер я сказал Шизумаату:

— Прекрасно быть великим охотником, верно?

— Наша слава не переживет завтрашней охоты, Намндас.

— Почему не переживет?

Шизумаат ответил мне со смехом:

— Харуда объявил всем охотникам, что возьмет с собой двоих новичков и за один день сделает из них охотников, с которыми не смогут сравниться самые опытные охотники племени, просто показав им кое-что новое. Предрассудки и боязнь учиться новому не позволяли им раньше смотреть на то, что мог им показать Харуда. Думаю, теперь некоторые все же посмотрят. Большинство не станут, но кое-кто познает новое. Харуда нашел способ до них достучаться.

На следующий вечер я убедился в справедливости слов Шизумаата. Большинство охотников отмахнулись от нашей с Шизумаатом добычи, сочтя ее обманом или колдовством. Но четверо опытных охотников все же попросили Харуду показать им то, что он показал нам. Не успел свет Ааквы снова угаснуть на западе, а великие охотники уже стали в Кудахе обычным делом, что трава под ногами. Но кое-чему нам еще предстояло научиться, а кое-чему — научить.

Опыт охоты побудил Шизумаата многое заново обдумать и задать много новых вопросов. Он изучал все, что и как делают куведах. Почему беременные куведах идут за советом к Кашину? Почему Вижна делает самые лучшие наконечники для копий? Шизумаат слушал советы Кашина, смотрел, как работает над наконечниками Вижна. Всех членов племени изучал Шизумаат. Так прошел целый год, пока не умер Кангар.

Все собрались на берегу реки, перед погребальным костром Кангара, озарявшим ночь. Пламя возносило дух старейшины старейшин к детям Ааквы. Времена определения нового старейшины методом единоборства давно минули, поэтому старейшины кланов мирно собрались у костра, чтобы решить, кто теперь будет главным. Детьми мы слышали рассказы о том, что на таких советах брала верх злоба и рождались распри. Однако в этот раз у всех на устах было одно имя — Мантар, мудрый вождь клана. Буна прочел в золе, что правление Мантара будет длительным и принесет племени процветание.

Следующим утром Буна заговорил с Шизумаатом и со мной о том, чтобы стать нам учителями у детей куведах. Чтобы стать учителем, надо было открыть великую правду перед костром совета. Большинство учителей открывали мистические истины о желаниях и поступках богов и великих героев прошлого. То были глубокие истины, усомниться в которых обычно бы-

вало невозможно. Я избрал Предание об Ухе, вынужденном воевать, чтобы обрести мир; я говорил о том, что обретенный мир объединяет всех синдие и должен пребыть в веках.

Но Шизумаат избрал истину о самих синдие. Встав между двумя кострами, он, глядя на Буну и Мантара, поднял руки. Слушатели его притихли.

— Все, что мы делаем, любая мелочь, направлено на достижение некоей цели. Нет числа целям, и нет числа путям, способам, которыми мы пытаемся их достигать. Цель — это настоящее, измененное так, чтобы в будущем содержалось то, чего нет в настоящем. Однако для достижения одних и тех же целей каждый из нас избирает разные способы, ибо каждый видит все в своем свете. Есть способы и пути, позволяющие достичь цели быстро, способы, которыми цель достигается медленно, способы, которыми цель достигается плохо, и способы, которыми цели вообще не достичь.

И Шизумаат извлек из сумы длинный кусок ровной горной породы и показал его всем.

— Вот каменный наконечник для копья, вытесанный Кижной. Наконечники Кижны известны всем куведах и считаются лучшими. Но Кижна не может делать их в достаточном количестве.

— Это верно, — согласился Харуда, главный охотник. — Если бы мы ждали наконечники только от Кижны, то пришлось бы голодать.

Сидевшие вокруг костров встретили эти слова смехом и одобрительными кивками.

Тогда Шизумаат извлек из сумы другой наконечник для копья и показал его слушателям.

— А вот наконечник, вытесанный Улине. Большинство охотников пользуются наконечниками Улине.

И снова главный охотник кивнул.

— Они не так остры, как наконечники Кижны, и не так ровны, зато Улине быстро их точит. Охотники всегда могут получить от Улине новые наконечники.

Тогда Шизумаат достал из сумы третий наконечник и показал его всем.

— Это наконечник детского игрушечного копья. Его сделал Аккар, ребенок Соама. — Шизумаат прошел между кострами и подал наконечник Харуде. — Оцени!

Главный охотник осмотрел наконечник, попробовал острие пальцем и отдал Шизумаату.

— Сделано неплохо, но наконечник коротковат и узок. С таким древко не дойдет до сердца даргата.

Шизумаат подал Харуде еще один наконечник.

— А этот?

Главный охотник ответил ему смехом.

— Этот камень коряв. Гляди! — Он сжал наконечник пальцами и расколол его. — Сомневаюсь, что такой пронзит даже поверхность воды.

Пока собравшиеся веселились, Шизумаат забрал у Харуды все камни и вернулся на свое место перед двумя кострами.

— Последний наконечник — изделие Пеларда.

Это опять вызвало смех, ибо все знали, что старый Пелард давно тронулся умом. Когда собрание снова угомонилось, Шизумаат вытянул руки.

— Цель каждого мастера заключалась в том, чтобы выточить достаточно острый, достаточно прочный, достаточно ровный наконечник, чтобы копье с таким наконечником могло свалить крупную дичь. Но для достижения одной и той же цели были использованы четыре разных способа. — Шизумаат показал наконечник Кижны. — Кижна пользуется способом, позволяющим достичь цели, но очень медленно. — Шизумаат показал наконечник Улине. — Улине достигает цели быстро, но не очень хорошо. — Шизумаат показал наконечник Аккара. — Ребенок Аккар достигает цели нехорошо. — А наконечник Пеларда Шизумаат бросил на землю. — А бедняга Пелард вообще не достигает цели.

Мантар, вождь куведах, поднял руку.

— Что же ты во всем этом видишь, Шизумаат? Какую великую истину выводишь ты из примера с четырьмя наконечниками?

Шизумаат повернулся к вождю.

— Мантар, никакая наша цель не существует без способа ее достижения. Эти наконечники доказывают, что одни способы превосходят другие. Способы Кижны и Улине определенно лучше способов Аккара и Пеларда.

Мантар согласно кивнул.

— А что ты скажешь, если сравнишь Кижну и Улине, Шизумаат? Какой из двух способов лучше?

— Мантар, если цель заключается в том, чтобы сделать один наконечник как можно тщательнее, то лучше способ Кижны. Но если цель в том, чтобы наделать много наконечников как можно тщательнее, то лучше способ Улине. — Шизумаат отвернулся от вождя и оглядел всех сидящих у костра. — Но есть ли способ, превосходящий и способ Кижны, и способ Улине?

Мантар покачал головой.

— Все знают, что они лучшие мастера по копьям среди куведах. Как же может существовать способ лучше их?

— Возможно, его нет сейчас, но почему бы нам его не представить?

Главный охотник Харуда обдумал вопрос и посмотрел на Шизумаата.

— По-моему, это был бы способ, позволяющий вытачивать наконечники так быстро, как получается у Улине, и так же качественно, как получается у Кижны. Но вот что это должен быть за способ, я не ведаю.

Шизумаат махнул рукой, и двое сильных синдие принесли большой камень, а третий синдие принес камни поменьше разных форм и несколько костей разной длины. Большой камень они положили перед Шизумаатом, а мелкие камни выложили на большом.

Шизумаат присел на корточки перед большим камнем и взял в левую руку один маленький камень. Дважды ударил он по краю большого камня и отколол длинный осколок. Подобрал его и начал обрабатывать малым камнем. Добившись требуемой формы, будущий учитель взял кость и стал быстро обтачивать свое изделие. Оно оказалось готово быстрее, чем собравшиеся успели сообразить, что происходит. Шизумаат поднялся и протянул наконечник Харуде.

— Проверь!

Главный охотник осмотрел наконечник, проверил его острие, взвесил на ладони и кивнул Шизумаату.

— У самого Кижны не получилось бы лучше.

Тогда поднялся Кижна, сидевший сзади.

— Дай и мне взглянуть на сделанный тобой наконечник, Шизумаат.

Наконечник передали мастеру. Кижна осмотрел его, потом оглядел своих соседей.

— Шизумаат учился у меня. Наконечник хорош. Но даже я не смог бы сделать такой с этой скоростью.

Со своего места далеко от Кижны поднялся Улине.

— Дайте и мне взглянуть.

Наконечник передали Улине. Он осмотрел его и взглянул на Шизумаата.

— Ты сделал наконечник так же быстро, как работаю я, но до чего качественно! — Улине нашел взглядом Кижну. — Шизумаат учился и у меня.

Наконечник передавали из рук в руки, пока он не оказался у Мантара. Осмотрев наконечник, вождь отдал его Шизумаату.

— Итак, твоя великая истина — это новый, лучший способ изготовления наконечников копий?

Взяв свой наконечник, Шизумаат ответил:

— Нет, Мантар. Моя истина такова. Для всего, что мы делаем, есть способы лучше, есть хуже. Среди лучших способов есть наилучшие. Но есть и такие, что лучше их, которые еще предстоит открыть и изобрести.

Шизумаат поднял выше сделанный им наконечник копья.

— Сейчас мой способ изготовления наконечников копий самый лучший. Я покажу любому, кто захочет научиться, как это делается. Но могу представить и способы лучше моего. Можно увеличить и скорость, и остроту, и прочность. Если на смену копью придет более быстрое, легкое, сильное оружие, то это станет еще одним шагом вперед. Если можно будет отказаться от оружия и охоты, чтобы мы смогли улучшать наши земли и строить жилища, то это будет еще одном шагом. То же самое можно сказать о любой цели, какой мы стремимся достигнуть, от сытного кормления детей, полезной учебы, достойной жизни, до поклонения богам.

Стоя между кострами, Шизумаат внимательно наблюдал за сидящими.

— Куведах должны искать такие способы в своих умах и вокруг себя: сие есть талма, высший путь. Сделайте талму своим жизненным путем во всех вещах, и вся ваша жизнь станет талмой. Вот великая правда, которую я сегодня открываю.

Тогда встал Мантар и обратился к собравшимся у костров:

— Намндас поведал нам древнюю и бесценную истину и заслужил звания учителя у куведах.

Я поклонился Мантару, вождь кивнул мне в ответ, а потом воззрился на Шизумаата.

— Ты тоже заслужил звания учителя у куведах. Твоя мысль потребует напряженных размышлений. И посему я поручаю тебе, Шизумаат, учить этой истине куведах. Куведах я тоже велю постигать эту истину и жить в соответствии с ней. И наконец, с этого вечера каждый ребенок станет изучать эту талму, прежде чем пройти обряд посвящения в зрелость.

И учили мы правде Шизумаата по всему Кудаху, следуя за племенем всюду, куда его заводило охотничье кочевье. Когда последний из куведах познал истину, в Кудах пришли новые ученики Варраха, чтобы сменить нас. Шизумаат и я простились с Буной, Мантаром, Харудой и остальными и отправились на север, в Дирудах, в город Бутаан, в храм Ухе.

Мы многое узнали у куведах, много говорили о том, как применять талму к тому, что мы делаем и желаем сделать, и снова играли с горящими головнями под взорами детей Ааквы. Когда пошли дожди, мы вернулись в Бутаан и пошли по улицам города, любуясь переменами, происшедшими в городе с тех пор, как мы ушли в Кудах. Достигнув храма, мы отряхнули с ног дорожную пыль и нашли свой класс на положенном ему месте, в следующем ряду колонн. Соученики встретили нас объятиями, а мы сразу стали расспрашивать об их приключениях. Но не успели они приступить к рассказам, как подошел к нам Эбнех и уселся посреди нас. Я смотрел на Шизумаата, Шизумаат смотрел на Эбнеха. Старый жрец, устроивший некогда Шизумаату порку, устало покачал головой.

— Варрах мертв, его погребальный костер давно остыл. — Эбнех поднял руку, указывая на Шизумаата, и снова ее уронил. — Я безутешен, Шизумаат. Мне известно от Варраха, как ты любил его, своего наставника. Я тоже любил Варраха. Может быть, даже сильнее, чем ты.

Я видел слезы на лице Шизумаата и не удивился, почувствовав, что тоже плачу. Другое меня удивило: что и на лице Эбнеха появились слезы. Подошел Шизумаат к старому жрецу и обнял его. Жалость, прощение, незлопамятность — все это тоже талмы к лучшему будущему. Я тоже стал обнимать Эбнеха. Память о Варрахе и свобода мысли были уроками того дня.

Предание о Шизумаате (продолжение)

Фрагмент: Намндас

«В ту ночь я заметил, что не все храмовые светильники подняты на положенную высоту. Потом я увидел юного Шизумаата: он, подняв лицо кверху, медленно танцевал на могиле Ухе! Я бросился в центр храма и остановился, ухватившись руками за каменное надгробие.

— Спустись, Шизумаат! Спустись, не то я накажу тебя еще до того, как до тебя доберутся жрецы со своими розгами!

Шизумаат прервал свой танец и глянул сверху на меня.

— Лучше забирайся сюда и присоединяйся ко мне, Намндас. Я покажу тебе чудо из чудес!

— Ты хочешь, чтобы я плясал на могиле Ухе?

— Забирайся сюда, Намндас.

Шизумаат опять закружился, а я ухватился за края надгробия и полез, обещая себе разорвать его на три сотни кусочков. Когда я выпрямился, Шизумаат указал на потолок.

— Посмотри наверх, Намндас.

В его словах была заключена такая сила, что я посмотрел вверх и узрел новизну в расположении храмовых светильников. Все они висели теперь таким образом, что находились на одинаковом расстоянии от определенной точки над могилой, образуя полушарие. При этом зажжены были не все светильники.

— За проделки этой ночи нас обоих изгонят из храма, Шизумаат.

— Разве ты не видишь, Намндас? Смотри вверх, Намндас! Видишь?

— Что мне там видеть?

— Пляши, Намндас. Пляши. Повернись направо.

Я повернулся и увидел, как кружатся надо мной светильники. Тогда я остановился и посмотрел на своего подопечного.

— От этого у меня всего лишь кружится голова, Шизумаат. Мы должны слезть отсюда, прежде чем нас увидят.

— А-а-а-а! — Шизумаат с отвращением махнул рукой, спрыгнул с могилы на каменный пол и побежал к восточной стене. Я тоже спрыгнул и последовал за ним.

Со ступеней, по-прежнему запятнанных кровью Шизумаата, я увидел его: он стоял очень далеко, посередине темной

городской площади. Я сбежал со ступеней, пересек площадь, остановился рядом с Шизумаатом и рассерженно схватил его за левую руку.

— Я бы с радостью взял сейчас розгу и выполнил за жрецов их обязанность, безумец!

— Смотри же вверх, Намндас! Что за тупая башка! Смотри!

Не выпуская его руку, я поднял голову и увидел, что дети Ааквы расположены на небе почти так же, как огни в храме, только несколько смещены к синему огню Дитя, Что Никогда Не Движется.

— Ты воспроизвел светильниками вид ночного неба.

— Да!

— Но это не спасет твою шкуру, Шизумаат.

Шизумаат указал на голубой свет.

— Повернись к Дитя, Что Никогда Не Движется. А потом медленно повернись направо.

Я так и сделал — и увидел такое, что у меня подкосились ноги, и я шлепнулся на камни площади. Вытянув руки, я пощупал неподатливую землю.

— Не может быть!

Шизумаат присел рядом со мной.

— Значит, ты тоже видел?

С наступлением утра слуги Ааквы застали нас обоих танцующими на могиле Ухе...

Мы стояли на хребте Аккуйя. На руках у нас подсыхал известковый раствор. Шизумаат указал на выстроенную нами пирамиду из камней.

— Жди меня здесь, у этой отметки, Намндас. Стереги ее, не позволяй жрецам ее переносить или сносить. — Он указал на запад. — Пусть Мадах вечно следует мертвым путем Ааквы. Если я прав, то снова встречу тебя на этом месте. — Другой рукой он показал на Утренние горы. — Я приду к тебе оттуда.

Я посмотрел на горы Аккуйя, на страну Мадах, потом опять на Шизумаата.

— А если ты не вернешься? Что тогда, Шизумаат?

— Одно из двух: либо я ошибся насчет формы этого мира, либо у меня не хватило сил доказать свою правоту.

— Если тебя постигнет неудача, то что делать мне?

Шизумаат дотронулся до моей руки.

— Бедный Намндас! Тебе, как всегда, предстоит сделать самостоятельный выбор: можешь забыть меня, можешь забыть обо всем, что мы с тобой узнали, а можешь попытаться доказать то, что пытаюсь доказать я.

Фрагмент: Мистаан

Ты молод, Мистаан. То, что ты пренебрег этой стеной ненависти и железа, окружающей меня, свидетельствует о твоей молодости. Станешь старше — назовешь это недомыслием юности.

Неразумное существо непредсказуемо.

Но если бы неразумные существа были предсказуемы, они уже не были бы страшны. Для того ли бросили тебя воины ко мне к клетку, чтобы ты умер вместе со мной? Или они хотят, чтобы ты выполнил за них то, что они сами боятся совершить? Неразумным было бы приятно, если бы Мистаан, ученик Вехьи, убил учителя Вехьи.

И я сказал Шизумаату в ответ: Шизумаат, слуги Ааквы заставят тебя вынести приговор самому себе. Они велели мне записать твои слова.

Неразумные слышат? Возможно, они даже способны учиться. Тогда этот суд станет талмой для их учения.

Тогда, Мистаан, я встану перед ними, как я стою перед тобой и как стою перед грядущим, ибо и оно будет моим судией. Пусть это будет судом надо мной.

Доказывать ли мне свою невиновность? Но поскольку не было преступления, то я не могу быть неповинным в его совершении.

Но и признать себя виновным я не могу. Не бывает вины без преступления.

Такая вот головоломка.

Но невежество жиреет на головоломках, Шизумаат.

Жиреет, говоришь? Знай же, Мистаан: неразумное питается созданием головоломок, но не их разгадыванием. Когда все они будут разгаданы, неразумное лишится права на существование. Только продолжая причинять страдания, неразумное может продлить себе жизнь.

Так примем же вызов, Мистаан, и решим головоломку. Решим, какой линии мне придерживаться.

Нас окружают шесты из каменного дерева. От костров алеют ночные облака. Все это — подготовка к преступной каре. Возможно, я излишне подозрителен, но сдается мне, что моя вина уже считается признанной.

Слышишь песню смерти?

Они молятся своему богу, чтобы он обратил свой гнев против этого преступника, чтобы оставил от него один пепел. Неужто Ааква внемлет таким молитвам? Я вопрошаю дух Ухе: возможно ли, чтобы Ааква был таким несовершенным божеством?

Некоторым может показаться, что готовить казнь до суда, судить до того, как будет совершено преступление, — значит действовать не в том порядке, в каком следует. Но в этом скоротечном отрезке времени властвует неразумное, называющее такой перевернутый порядок полезным.

Вот и мы поступим так же, Мистаан. Я выступлю под конец суда надо мной.

Приготовил ли ты говорящую кожу? Тогда начнем.

Фрагмент: Шизумаат

«Первая данность — это существование: самый его факт, а не форма, не способ изменения, не цели, приписываемые ему чадами его».

«Верь лучше вот чему: все подвергай сомнению, никакую истину не приемли целиком, как и истинность любого пути. Пусть это станет символом твоей веры, и в этом ты обретешь покой и безопасность, ибо в этом убеждении содержится твое право править низшими чадами Вселенной, в нем твое право избирать себе талму, в нем твое право на свободу».

«Не имея на то моего согласия либо разрешения, ты приписываешь мне свои собственные слова. Не в том моя вера, будто талма есть Путь, как ты говоришь. Существует бесчисленное множество путей, ведущих от любого существования к любому воображаемому будущему. Свой путь был у жрецов Мадаха, но путь Ухе был лучше. Были пути лучше пути Ухе, и потом пути лучше тех. Некоторые мы знаем, некоторые не знаем. Некоторые можем представить и осуществить, некоторые можем представить, но не можем осуществить, пока не пройдем другими путями. Некоторые вообразимые пути не

могут быть осуществлены потому, что для этого пришлось бы поколебать саму вселенную».

«Сами по себе пути не существуют, есть только пути, которые мы используем, изобретаем, выбираем. Талма есть не путь, а путь к нахождению путей».

«Как все создания, мы взыщем удобства и надежности на безопасном пути, направление которого можно найти в вечных знаниях и непогрешимых истинах. Но чтобы быть избранными созданиями, мы непременно должны отказаться от удобства и надежности инстинкта, ибо все, что мы знаем, — это вероятности, а все наши доктрины претерпят изменения, когда откроются более истинные истины».

КОДА АЙВИДА

Предание о Мистаане

Мистаан изобрел письменность и первым записал Миф об Аакве, Предание об Ухе и Предание о Шизумаате — по рассказам Намндаса и наблюдениям самого Мистаана на суде и казни Шизумаата. Мистаан слышал откровение Шизумаата о существовании в дальних краях другой разумной расы, отличающейся от синдие.

Фрагмент: Мистаан

«Талма указывает всякому его путь. Но, будучи избранными существами, мы можем по своему выбору не заметить ее сигналов».

«Есть те, кто укажет скитальцу на его место в этой Вселенной, и ищущий такого места должен это принять. И больше того, такое место, уже созданное, можно счесть своим. Однако найденные места предназначены не для таких, как мы. Привязать уникальное избранное существо к роли или месту, созданным другими или найденным случайно, — значит ограничить выбор этого существа и его индивидуальность. Всякое избранное существо, желающее пребыть таковым, должно забыть свое место».

КОДА ШАДА

Предание о Иоа и Луррванне

Фрагмент: Иоа

«Небытие есть инструмент сознания: полезное ничто, нуль математика, строителя, счетовода. Ничто — не состояние разума или тела. Все, что существует, будет существовать всегда. Все, что меняется, есть форма и восприятие формы».

«Взглянем на того, кто наблюдает окружающее его и затем вопрошает: «Что говорят мне все эти предметы и события?» Таков путь и способ жизни; так устроена жизнь живущих. И взглянем на того, кто одним усилием мысли пытается определить, что есть и чего нет, а потом, отобрав только предметы и события, подтверждающие его выводы, провозглашает: «Вот истина». Таковы пути бессмысленного самопожертвования, пути безумца, преступника, охотника до власти».

Правление Кулубансу, низвержение и уничтожение жрецов Ааквы, Иоа и создание первого Талман-коваха. Луррванна становится настоятелем Талман-коваха. Первое вторжение Оранжевых. Правление Родаака-Варвара, разрушение Талман-коваха, преследование талманцев.

Фрагмент: Луррванна

Взглянул Луррванна на свои забинтованные обрубки и сказал учителям и ученикам:

— Талман ныне под запретом. Храм, где мы изучали талму, наш Талман-ковах, разрушен. Талманцев убивают или запугивают, заставляя скрываться. Наших пишущих карают отрубанием рук. Родаак и его солдаты хотели бы искоренить Талман из памяти.

Но память — убежище Талмана, там мы и станем прятать Талман от Родаака. Запоминайте слова Талмана, передавайте их другим, и пусть те передают их дальше.

Время — наш друг. Пройдет время, и Родаака с его полицией не станет. Пройдет время, и мы снова заговорим о цен-

ности талмы. Пройдет время, и снова будет написан Талман, и стены нового Талман-коваха вырастут на месте разрушенных. Пройдет время, и наступит завтра».

КОДА ИТЕДА

Айдан и Вековая война

Вековая война между Оранжевыми, Ллегис и синдие. Более тысячи лет расы ведут войны за владение миром. Возвышение Айдана, превратившего в науку войну, а потом мир. Армия Айдана и система сложных балансов кладут конец Вековой войне.

Фрагмент: Айдан

— Айдан, — изрек Ниагат, — я стану служить Герааку; я положу конец войне; я буду одним из твоих полководцев.

— Готов ли ты убивать, чтобы этого достичь, Ниагат?

— Готов.

— Убьешь ли ты Гераака, чтобы этого достичь?

— Убить Гераака, моего господина? — Ниагат помедлил, размышляя. — Если то и другое одновременно невозможно, я бы предпочел смерть Гераака и прекращение войны.

— Я спрашивал не об этом.

— Да, Айдан, я не остановлюсь перед убийством.

— Умрешь ли ты сам, чтобы этого достичь?

— Я готов рисковать своей жизнью, как любой из моих воинов.

— Опять я спрашиваю не об этом, Ниагат. Если конец войны возможен только ценой твоей жизни, наложишь ли ты на себя руки ради достижения мира?

Ниагат задумался над сказанным Айданом.

— Я готов к случайностям, которые сулит битва. В битве у меня есть шанс достичь моей цели и увидеть своими глазами ее торжество. Но верная смерть, да еще от своей собственной руки, лишает меня надежды увидеть мою цель достигнутой. Нет, я не стану жертвовать жизнью. Это было бы глупо. Прошел ли я проверку?

— Нет, не прошел, Ниагат. Твоя цель — не мир, а жизнь при мире. Возвращайся, когда твоей целью будет мир, и только он, и когда ты будешь готов перерезать себе горло ради его достижения. Такова цена Почетного оружия полководца.

Иногда тебя будет посещать ослепительное видение, наполняющее глаза и ум, провозглашающее себя Истиной. Отойди и обрушься на это видение, как на чудовище, жадно сосущее кровь.

А потом, если оно, раскинувшись перед тобой побежденным и приниженным, все же будет претендовать на Истину, прими его, храня настороженность, ибо самые опасные обманы являются нам в самых сверкающих доспехах.

«Делает ли цель достойными средства, необходимые для ее достижения? Или достоинство средств делает достойной любую цель, достижимую с их помощью? Или добродетель заключена в параллельном достоинстве целей и средств? Один выбор делает вождь, способный ввергнуть свой народ в войну. Другой выбор делает вождь, способный править в условиях мира».

КОДА ХИВЕДА

Предание о Тохалле

Борясь с яростным и почти победоносным сопротивлением, Тохалла кладет начало движению за объединение талманцев и восстановление Талман-коваха.

Фрагмент: Тохалла

Тем, кто желал его слушать, Тохалла рассказывал об уроках и учении, раздавленных и запрещенных пятью веками раньше. За эти пять столетий память о талме и ее фрагменты подверглись искажениям и приукрашиванию поколениями невежд и мечтателей.

«Мы восстановим ее целиком, — писал Тохалла. — Мы соберем все, как сделал Рада с множеством Законов Ааквы,

изучим, проверим, обсудим. Если мы честны и стремимся только к правде, то испытание выдержит одна лишь истина».

Я гляжу на поле боя и вижу бойцов, скрюченных смертью. Кажется, и после смерти они ведут бой. Я вижу перед собой нож — довод в пользу присоединения к мертвым. Как хорошо видит талманец чудесное будущее — здоровое, процветающее, свободное, обладающее всем необходимым для отстаивания своей свободы! «Здесь, в этом маленьком коробке, есть все, что вам требуется! — кричу я воюющим. — Надо всего лишь его открыть!»

Но сначала нужна война, чтобы определить, открывать ли коробок, кто его откроет, кто будет толковать содержание и его смысл, кто будет отбирать получателей даров, кто будет их раздавать, кто будет обкладывать их налогом и в каком размере...

В ноже есть какая-то обманчивая ясность. Самоубийство — иллюзия бессильного: ему кажется, что он убивает всю Вселенную. Но это могучая иллюзия. Соблазн подталкивает меня к самому краю, но там, на краю, я вспоминаю слова своего дряхлого учителя Баккни Лиу, скончавшегося уже тридцать лет тому назад: «Стыдно прерывать свою жизнь за мгновение до того, как появится талма, необходимая для достижения твоих целей».

Этого я и боюсь: вскрыть себе вены и узнать ответ, который искал всю жизнь, в тот момент, когда на землю упадет последняя капля моей крови... И я убираю нож. Я говорю себе, что все пути талмы известны только Вселенной. Будучи ее частицей, я буду терпелив, я буду ждать, когда остальная Вселенная вразумит свою частицу о том, где пролегает верный путь.

КОДА ТАРМЕДА

Предание о Кохнерете

Кохнерет изучал в правление мудрого Пону Ли роль случайностей и их применение, а также правила, которым подчиняется любовь и другие сильные чувства.

Фрагмент: Кохнерет

«Мы совершали ошибки в прошлом, будем совершать их в будущем, совершаем их в настоящем. Проклинайте ошибки, жалуйтесь на них, сожалейте о них, учитесь на них. Только не уповайте, что наступит время совершенства, когда придет конец любым ошибкам, ибо это мы зовем смертью».

«Страсть обусловлена правилами. Это не значит, что ты не знаешь любви и ненависти. Однако там, где твоя страсть кладет пределы талме, ты обязан выйти за пределы правил любви и ненависти, чтобы позволить талме служить тебе».

КОДА НУШАДА

Предание о Малтаке Ди

Малтак Ди и кодификация Талмана, учения и ритуалов; систематизация стратегий решения проблем, исследование истины, наблюдение, метод свидетельствования.

Фрагменты: Малтак Ди

Талман не содержит всей правды и никогда не будет ее содержать. Для теперешнего поколения и для всех поколений будущего существуют истины и новее, и совершеннее. Мы не должны закрывать Талман для этих истин, не должны превращать талму в один из занятных мифов прошлого. Значит, для всех поколений и для будущего верно правило: если ты обладаешь такой истиной, предстань перед Талман-ковахом, как предстал Ухе перед племенем маведах, и скажи то, что обязан сказать.

«Выбор» — не пустое слово, которым я пользуюсь просто так, Арлан: в нем заложена сущность нашей расы. Жить — значит иметь возможность ставить цели: конкретная жизнь невозможна без выбора. А любой выбор означает постановку цели...

Без цели, Арлан, ты просто занимаешь место в пространстве — не только в этой комнате, в этом ковахе, но и вообще

во Вселенной. Либо найди цель, либо уступи место другому, обладающему целью.

И сказал Малтак Ди школяру:

— У меня в руке шестнадцать бусин. Если я отдам тебе шесть из них, сколько у меня останется?

— Десять, джетах.

— Протяни руку.

Школяр повиновался. Малтак Ди отсчитал ему шесть бусин и разжал ладонь. Она осталась пустой.

— Ты солгал, джетах!

— Верно. На мой вопрос ты должен был ответить: «Сперва раскрой ладонь, джетах, и дай мне увидеть твои шестнадцать бусин». Твой же ответ зиждился на незнании.

— Это несправедливо, джетах!

— А этот ответ зиждется на глупости.

Нарисовал Малтак Ди на доске круг и квадрат и соединил фигуры двумя линиями. Первому ученику он задал вопрос:

— Ниат, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Два пути, джетах.

— Ступай, Ниат. Ты не сможешь учиться.

Обращаясь ко второму ученику, Малтак Ди спросил:

— Оура, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Джетах, если по этим двум путям много раз пройти взад-вперед, то их наберется много.

— Можешь остаться, Оура: возможно, ты сможешь учиться.

Обращаясь к третьему ученику, Малтак Ди спросил:

— Ирриса, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Бесконечное количество, джетах.

— Ты должен остаться, Ирриса: возможно, в один прекрасный день ты сам сможешь учить других.

КОДА ОВСИНДА

Предание о Лите

Лита продолжает изучение истины и реальности иллюзий.

Фрагменты: Лита

Произвольная цепочка событий, именуемых нами «случайностью», представляет собой такие же реальные пути, как и те, что спланированы, отражены в диаграммах и осуществлены, согласно принципам талмы. Если такая случайность изменяет настоящее в желательном направлении, то данный путь обладает преимуществом: он уже доказал свою действенность.

«В отсутствие ключа дверь — это часть стены. В отсутствие двери ни к чему ключ. Дверь и ключ к ней вместе представляют собой проход для разума. В отсутствие разума ни ключа, ни двери, ни прохода не существует».

«Разве будем мы пренебрегать истиной, добытой преступным путем, потому что метод добывания этой истины нечист? Чепуха. Истина есть истина. Преступлением было бы ею пренебречь».

КОДА СИОВИДА

Предание о Фалдааме

Фалдаам, первый овьетах Талман-коваха, руководил переносом Талман-коваха из Бутаана в новый город Рубежа Намндаса. Фалдаам изучал проблемы смысла и языка.

Фрагменты: Фалдаам

«Слова — карты бытия. При путешествии по фрагменту реальности можно узнать смысл ее слов. Но если все, что перед тобой, — это слова, то тебе приходится иметь дело только с карканьем и бессмысленными знаками».

Школяр спросил:

— Овьетах, что есть знание?

Фалдаам обдумал вопрос и окинул взглядом школяра.

— Знание того, что ты не знаешь, яркого света, и есть знание.

КОДА СИНУВИДА

Предание о Зинеру

Зинеру учил талме методом индивидуального и командного спорта. В его главном труде исследуется коммуникация и составление уроков.

Фрагмент: Зинеру

Постигающий игру многое внесет в нее. Однако истинные правила, не подлежащие изменению, прозвучат из уст опытных игроков.

Игроки видели и осязали металл; постигающим он известен только в теории.

КОДА СИАВИДА

Предание о Ро

Ро распространил применение принципов талмы на преступления и юриспруденцию. Выступил против движения одной из сект талманцев, пытавшихся исключить из Талмана Миф об Аакве, и одержал над ним победу. Ученики Ро сделали открытие о предстоящей гибели планеты Синдие.

Фрагменты: Ро

Мы пишем эти слова на бумаге и вырезаем их на камне, что дает им больше власти, чем заслуживают слова. Для ученых поколений будущего эти слова могут стать не столько

ориентирами истины, сколько объектами бездумного почитания, если только у учеников будущего не хватит отваги поправить неверное и отбросить ложное. Истина выше тебя, истина превыше семьи, истина превыше клана, племени, народа; истина превыше богов; истина превыше всего.

Инструмент действия сам становится действующим. Убивающий не более виновен, чем отдавший приказ убить, давший оружие и оплативший убийство, — но и не менее.

КОДА ШИШАДА

Предание о Атаву

Атаву был овьетахом Талман-коваха во время гражданской войны между последователями талманцев и тейки, теми, кто останется. После конца войны и победы талманцев Атаву и джетаи диеа из Талман-коваха улетели на «кораблях поколений».

Фрагменты: Атаву

Иногда я гляжу в ужасающую пустоту пространства, в котором мы путешествуем. Гигантские звезды — это всего лишь крупицы пыли в бескрайней схеме мироздания. А мы ищем совсем крохотную крупицу, чтобы возродить на ней свою расу. Пугающая задача. Но так ли она пугает, как видение Ухе? В сердцах своих мы всего лишь бросаем вызов Вселенной, а ее мы хорошо знаем.

Зато Ухе бросал вызов тому, что считал Богом.

Истинная правда и сокровенный смысл не достигаются согласием. Если кто-то один понимает смысл, смысл уже понят. Если кто-то один видит истину, истина уже на виду.

КОДА СИФЕДА

Предание о Поме

После того как на кораблях сменилось семьдесят одно поколение, джетах Пома открыл и выбрал планету для возрож-

дения расы. Планету назвали Драко по имени престарелого овьетаха, умершего при посадке кораблей. Пома стал первым овьетахом в Талман-ковахе на планете Драко, устроенном в лагере, ставшем впоследствии городом Синдие.

КОДА СИХИВЕДА

Предание о Эаме

Первооткрыватели Драко приступили к колонизации других планет, а Эам сформулировал талму колонизации.

КОДА СИТАРМЕДА

Предание о Намвааке

Тысячелетняя война, в которой тридцать одна планета Союза Рутаан пыталась отделиться от Драко. После ста лет восстания и осады Драко овьетах Талман-коваха поручил Намваку эвакуироваться вместе с Талман-ковахом и учениками и спрятаться в дальнем космосе.

И сказал ученик Намвааку:

— Джетах, во вселенной властвует тьма. Это такое всесильное зло, что я чувствую себя внутри его маленьким и беспомощным. По сравнению с этой тьмой и черная смерть кажется сиянием.

Поглядел Намваак на изогнутое лезвие и отдал его ученику.

— Там, где сейчас находишься ты, дитя, до тебя был Тохалла. Он тоже пребывал во тьме. У него тоже был нож. Но еще у Тохаллы была талма.

КОДА СИНУШАДА

Предание о Дитааре

Завершение Тысячелетней войны при духовном лидерстве овьетаха Дитаара, предложившего и составившего Палату драков для управления семьюдесятью двумя планетами, колонизованными с планеты Драко.

«Каковы цели? Что такое намеченные цели? В чьих целях происходит событие? Какие цели ставятся, когда готовится событие?

Чем больше истин ты познаешь, отвечая на эти вопросы, тем ближе подойдешь к пониманию ситуаций, возникающих между одушевленными существами. Понимать же ситуацию — это почти то же самое, что управлять ее природой и последствиями».

«Я стоял там, где стояли катанцы, и видел вселенную их глазами. Давным-давно Луррванна научил нас, что логика подчинена контексту и изобретательности. Если это было правдой в отношении жителей одной планеты на протяжении многих тысячелетий, то почему это не может быть правдой в отношении существ из других миров, с других планет?»

КОДА НУСИНДА

Глазами Джоанн Никол

Написано первым овьетахом земного Талман-коваха, Тессией Льюис. История Джоанн Никол, офицера вооруженных сил Соединенных Штатов Земли, захваченной во время войны между СШЗ и драками и ставшей частью талмы мира. Опубликовано для читателей-людей под названием «Грядущий завет».

ВРАГ МОЙ

© Перевод. Н. Евдокимова, наследники, 2002

Трехпалые руки дракошки согнулись в локтях. Желтые глаза твари горели неукротимым желанием стиснуть пальцы либо на моем оружии, либо у меня на глотке. Я, в свою очередь, расставил руки, понимая, что в моих глазах враг читает аналогичное желание.

— *Иркмаан!* — процедила, словно выплюнула, тварь.

— Ах ты, мразь драконья! — Я принял боксерскую стойку, вызывая тварь на рукопашный бой. — Давай же, дракошка, приди и возьми сам*.

— *Иркмаан ваа, коруум су!*

— Ты болтать намерен или все же драться? Ну давай!

В спину мне летели брызги: позади ярилось море, громадные валы с белыми гребнями пены грозили поглотить меня, как уже поглотили мой истребитель. Я-то хоть успел ввести корабль в плотные слои атмосферы. А дракошкин истребитель я подбил еще в верхних, и враг катапультировался, но предварительно искалечил мне силовой узел. Я совершенно изнемог к тому времени, как доплыл до серого, унылого скалистого берега и выкарабкался на сушу. За спиной у дракошки, среди скал на пригорке (в остальном достаточно пустынном), виднелась катапультируемая капсула. Где-то высоко над нами, в космосе, дракошкины соплеменники еще вовсю сражались с моими, убивая друг друга ради того, чтобы завладеть необитаемым захолустьем в мало кому ведомом секторе пространства. Дракошка по-прежнему топтался на месте, вот я и

---

* Историческая фраза, которую, по преданию, защищая от персов Фермопильский проход, произнес спартанский царь Леонид в ответ на требование противника сдать оружие: «Придите и возьмите сами». — *Здесь и далее примеч. пер.*

пустил в ход фразу, которой нас обучили на боевой подготовке, — от этой фразы любой дракошка впадает в бешенство: *«Кизз да йуомиин Шизумаат!»* Она означает: «Шизумаат (наиболее почитаемый у дракошек философ) питается экскрементами киззов». А это все равно что выступить с утверждением, будто мусульманин питается свининой.

От подобного кощунства дракошка в ужасе разинул пасть, потом захлопнул ее, буквально побурев от злости: только что был желтокожий и вдруг стал буровато-коричневый.

— *Иркмаан,* глупый твой Микки-Маус есть!

Вообще-то я в свое время давал присягу не щадя жизни сражаться за множество предметов и отвлеченных понятий, однако сей достопочтенный грызун в их числе не фигурировал. На меня напал безудержный хохот, я буквально всхлипывал от смеха до тех пор, пока, совершенно обессиленный, не повалился на колени. А тогда заставил себя раскрыть глаза, чтоб следить за врагом. Дракошка взбегал на пригорок, подальше от меня и от моря. Я полуобернулся к морю и краешком глаза успел заметить примерно миллион тонн воды, после чего вся эта водная лавина обрушилась на меня и я потерял сознание.

— *Кизз да йуомиин, иркмаан, на?*

Глаза мне забил песок и разъела морская соль, однако некая частица сознания шептала: эге, да ты жив! Я потянулся было протереть глаза от песка... и обнаружил, что руки у меня связаны. Сквозь рукава комбинезона был пропущен металлический стержень, а к его концам примотаны кисти моих рук. Когда песок из глаз вымыли слезы, я разглядел, что на гладком черном прибрежном валуне восседает дракошка и в упор смотрит на меня. Должно быть, это он вытащил меня из той исполинской лужи.

— Спасибо тебе, жабья рожа. А как насчет оков?

— *Эсс?*

Я попытался взмахнуть руками, но впечатление, вероятно, получилось такое, будто качает крыльями самолет-истребитель.

— Развяжи меня, мразь драконья! — Я сидел на песке, куда усадил меня дракошка, прислонив спиной к скале.

Дракошка ощерил в улыбке верхнее и нижнее жвала, напоминающие человечьи зубы... с той только разницей, что у

человека зубы раздельные, а у дракошек тянется сплошная пластина челюсти.

— *Э, на, иркмаан.*

Тварь встала, подошла ко мне и проверила надежность импровизированных наручников.

— Развяжи!

Улыбка исчезла.

— *На!* — Он ткнул в мою сторону пальцем. — *Кос сон ва?*

— По-драконьи не говорю, жабья рожа. Ты умеешь на эсперанто или по-английски?

Дракошка выдал пожатие плечами, совсем по-человечьи, затем ткнул себя в грудь:

— *Кос ва сон Джерриба Шиген.* — И опять ткнул в меня: — *Кос сон ва?*

— Дэвидж. Меня зовут Уиллис Э. Дэвидж.

— *Эсс?*

Я попробовал на язык незнакомые звуки: *Кос ва сон Уиллис Дэвидж.*

— *Э!* — Джерриба Шиген кивнул и пошевелил пальцами. — *Дасу, Дэвидж.*

— И тебе того же, Джерри.

— *Дасу, дасу!* — Джерриба уже терял терпение. Я передернул плечами, насколько позволяли путы. Нагнувшись, дракошка схватил меня обеими руками за грудки, отчего мой комбинезон угрожающе затрещал, и поставил на ноги. — *Дасу, дасу, кизлодда!*

— Ладно! Стало быть, «дасу» значит «вставай». А что такое «кизлодда»?

Джерри рассмеялся:

— *«Кизз» гавей?*

— Да, это-то я «гавей».

— *Лодда.* — Джерри стукнул себя пальцем по лбу. Затем указал на мою голову. — *«Кизлодда» гавей?*

До меня дошло, я завел руки назад, сколько мог, и с размаху треснул Джерри металлическим стержнем по голове. Дракошка пошатнулся с удивленным видом и налетел спиной на скалу. Он поднес к голове руку, а когда отдернул, рука была покрыта тем бледным гноем, который у дракошек считается кровью. Ох и одарил же меня взглядом Джерри — прямо испепелил.

— *Гефх! Ну гефх, Дэвидж!*

— Приди и возьми сам, Джерри, сукин ты сын, *кизлодда!*

Джерри замахнулся, я опять хотел было парировать удар стержнем, но дракошка обеими руками перехватил мою правую кисть и, ловко использовав мой же порыв к движению, раскрутил меня и швырнул на другую скалу. Не успел я отдышаться, как Джерри поднял небольшой валун и шагнул ко мне, недвусмысленно намереваясь размозжить мне черепушку. Прижавшись спиной к камню, я занес ногу повыше и, лягнув дракошку в срединную часть туловища, опрокинул на песок. Я подбежал, в свою очередь готовый раскроить ему башку, но он уже тыкал пальцем куда-то назад. Я обернулся и увидел, как, набирая скорость, очередной приливный вал мчится прямо на нас.

— *Кизз!* — Джерри кое-как поднялся на ноги и затрусил к высотке, я побежал следом.

Позади ревели волны, мы же суетились среди воды, песка и черных валунов, пока наконец не добежали до катапультируемой капсулы Джерри. Дракошка приостановился и налег плечом на яйцевидное устройство, стараясь вкатить его на самый верх пригорка. Мысленно я не мог не признать его правоту. В капсуле были продукты питания и спасательное оборудование, а пользоваться тем и другим умели мы оба.

— Джерри! — прокричал я сквозь грохот стремительно накатывающейся волны. — Вытащи ты эту треклятую палку, и я тебе подсоблю!

Дракошка ответил хмурым взглядом.

— Стержень, *кизлодда,* вынь ты его! — Я кивком показал на свои растопыренные руки.

Джерри подложил под капсулу валун, чтобы она не скатилась вниз, затем поспешно развязал мне руки и вынул стержень. Мы оба налегли плечами на капсулу и в два счета затолкали ее на вершину. Волна ударила в высотку и быстро вскарабкалась по склону, захлестнув нас по самую грудь. Капсула ходила ходуном, точно пробка, надо было хоть как-то удержать ее на месте, пока вода не схлынет, и мы заклинили капсулу между тремя здоровенными валунами.

Джерри опустился на песок, прислонясь к одному из валунов, и проводил взглядом волну, покатившую обратно в море. Я стоял рядом и отдувался.

— *Магазьенна!*

— Вот именно, браток.

Я плюхнулся рядом с дракошкой; мы молчаливо согласились на временное перемирие и без промедления заснули.

Когда я открыл глаза, небо бурлило черными и серыми тонами. Безвольно склонив голову набок, я покосился на дракошку. Тот не просыпался. Первая мысль была: сейчас самый подходящий момент, чтобы напасть на Джерри. Но уже в следующий миг я подумал о том, до чего же мелки и ничтожны наши дрязги в сравнении с буйством окружающего нас моря. Почему медлят спасатели? Неужто драконианский флот победил нас и уничтожил? Тогда почему их спасатели не прибыли за Джерри? Неужто оба флота успели истребить друг друга? Я ведь не знаю даже, где нахожусь. На острове. Это-то я успел заметить сверху; но на каком и где именно? На Файрине IV, то есть на четвертой планете системы Файрин; планетенка даже имени отдельного не заслужила, однако достаточно важна и необходима, чтоб ради нее погибать.

С неимоверным трудом я поднялся на ноги. Джерри раскрыл глаза и поспешно занял оборонительную позицию. Я помахал ему рукой и покивал.

— Успокойся, Джерри. Я только полюбуюсь окрестностями.

Я повернулся к нему спиной и затрусил между валунами. Несколько минут шел в гору и наконец добрался доверху, где начиналось что-то вроде плато. Действительно остров, к тому же не слишком большой. По прикидке на глазок возвышается над уровнем моря метров на восемьдесят, не более, длиной километра два, а в ширину и одного не будет. Ветер приклеивал комбинезон к моему телу и тем самым по крайней мере сушил промокшую одежду; однако, оглядевшись по сторонам и заметив на вершине высотки гладко обкатанные камни, я понял, что мы с Джерри можем рассчитывать на валы куда более огромные, чем прежние жалкие волнишки.

Позади звякнула галька, я обернулся и увидел, что в гору карабкается Джерри. Добравшись доверху, он огляделся. Я присел на корточки возле первого попавшегося валуна и провел по нему ладонью, подчеркивая гладкость отшлифованной волнами поверхности, после чего ткнул пальцем в сторону моря. Джерри кивнул.

— *Аэ, гавей.* — Он указал вниз, на капсулу, затем на то место, где мы стояли. — *Эхей масу, назесей.*

Я было насупился, затем меня осенило.

— *Назесей?* Капсула?

— *Аэ,* капсула, *назесей. Эхей масу.* — Джерри указал пальцем себе под ноги.

Я покачал головой.

— Джерри, если ты *гавей,* как стали гладкими эти камни, — я коснулся одного из валунов, — то должен *гавей* и другое: никакие *масу* на самый верх твою *назесей* нисколечко не помогут. — Я очертил руками круг. — Волны. — Я указал на море под нами. — Волны и здесь. — Я указал на то место, где мы с ним стояли. — Волны, *эхей.*

— *Аэ, гавей.* — Джерри обвел взглядом вершину высотки, потер лицо. Затем присел возле сравнительно небольших камней и принялся громоздить их друг на друга. — *Вига,* Дэвидж.

Присев рядом, я следил, как его ловкие пальцы сооружали из камней кольцо, которое вскоре превратилось в подобие барьера вокруг арены. Одним пальцем Джерри ткнул в центр игрушечного круга.

— *Эхей, назесей.*

Дни на Файрине IV тянулись втрое дольше, чем на любой другой из известных мне обитаемых планет. Термин «обитаемая» я употребляю не без оговорок. Почти весь первый день ушел у нас на то, чтобы с великими мучениями затащить Джеррину *назесей* на самый верх пригорка. Ночью для работы было слишком темно и вдобавок нестерпимо зябко — холод пробирал до костей. Мы вытащили из капсулы койку, кое-как высвободив таким образом место на двоих. Внутри капсулы от нашего дыхания тоже чуть-чуть потеплело; когда не спали, мы убивали время, грызя Джеррин запас питательных палочек (по вкусу они напоминают рыбу, смешанную с сыром чеддер) и пытаясь найти общий язык.

— Глаз.

— *Туйо.*

— Палец.

— *Зураф.*

— Голова.

Драконианин засмеялся:

— *Лодда.*
— Ха-ха, страшно смешно.
— Ха-ха.

На рассвете второго дня мы выкатили капсулу на середину «арены» и заклинили там меж двух здоровенных валунов, один из которых нависал над капсулой этаким козырьком и, как мы надеялись, в случае появления очередного гигантского вала удержал бы ее на месте. Вокруг валунов и капсулы мы соорудили нечто вроде фундамента из больших камней, а щели между ними заполнили камнями помельче. К тому времени, как стена поднялась нам до колен, стало ясно, что без цемента из гладких круглых камней не много выстроишь. После долгих мучений, проб и ошибок мы сообразили, как надо разбивать камни, чтобы получать плоские поверхности, удобные для работы. Берешь камень и со всего размаху ударяешь им о другой. Один из нас ударяет, другой строит — мы чередовались. Камень был почти сплошь вулканическим стеклом, и мы, опять-таки поочередно, извлекали друг из друга каменные занозы. На возведение стен ушло девять нескончаемо долгих дней и ночей, причем за это время волны неоднократно подбирались к нам вплотную и даже залили нас однажды по щиколотку. В течение шести суток из упомянутых девяти лили дожди. Среди всего, что необходимо для жизнеобеспечения, в капсуле нашлось полиэтиленовое одеяло, оно-то и стало для нас кровом. В центре, где одеяло провисало, мы провертели дыру, сквозь которую стекала вода, причем мы оставались почти сухими да еще получали пресную воду. Нахлынь мало-мальски решительная волна — пришлось бы с этой крышей распрощаться; однако оба мы веровали в несокрушимость стен, толщина которых внизу достигала двух метров, а вверху не менее метра.

Завершив свой труд, мы расположились в капсуле, любуясь творением наших рук, пока нас не осенило, что теперь мы остались без работы.

— А дальше что, Джерри?
— *Эсс?*
— Дальше что будем делать?
— Дальше ждать мы. — Драконианин пожал плечами. — Иначе что, *на?*

— *Гавей,* — кивнул я.

Поднявшись на ноги, я пошел к отверстию в загородке. Дерева на дверь у нас не было, поэтому в одном углу мы не состыковали стены, а изогнули и продлили одну метра на три дальше другой, оставив проход с подветренной стороны. Ветер на острове вообще никогда не утихал, однако дождь унялся. Хижинка, конечно, вышла у нас неказистая, но при одном взгляде на сооружение, воздвигнутое посреди необитаемого острова, у меня на душе теплело. Как говорил Шизумаат, «разумная жизнь оказывает стойкое сопротивление Вселенной». По крайней мере так я истолковал тот форшмак, который у Джерри сходит за английскую речь. Пожав плечами, я подобрал заостренный камень и сделал очередную зарубку на большом валуне, служившем мне календарем. Всего получилось десять царапин, причем под седьмой стоял маленький крестик, отмечая тот день, когда огромный водяной вал чуть не накрыл остров.

Я швырнул осколок наземь.

— Черт, до чего я ненавижу весь этот остров!

— *Эсс?* — Джерри высунул голову из-за стенки. — С кем разговаривать, Дэвидж?

Я злобно покосился на дракошку, но затем помахал ему рукой.

— Ни с кем.

— *Эсс ва* «ни с кем»?

— Никто. Ничто.

— *На гавей,* Дэвидж.

Я постучал пальцем по собственной груди.

— Я! Со мной! Я разговариваю сам с собой! Это-то ты можешь *гавей,* жабья рожа?

Джерри покачал головой.

— Дэвидж, теперь я спать. Не надо разговаривать так много ни с кем, *на?*

Он скрылся за перегородкой.

— ...И мать у тебя такая же! — бросил я ему вслед. Но только, строго говоря, жабья рожа, нет у тебя никакой матери, да и отца нет. «Если бы тебе предоставили право выбора, с кем бы ты хотел очутиться вдвоем на необитаемом острове?» Меня разобрало любопытство: хотелось ли хоть кому-нибудь и когда-нибудь очутиться вдруг в холодном и мокром уголке преисподней вдвоем с гермафродитом?

На полпути к подножию пригорка я свернул на тропинку, отмеченную камешками, и подошел к небольшому водоему; он являл собой нечто среднее между садком и бассейном и был наречен Ранчо Слизнячок. Вокруг громоздилось множество изъеденных водою скал, а под ними, в воде садка, обитали самые жирные оранжевые слизни из всех нами обоими виденных. Это открытие я сделал во время одного из наших строительных перерывов и тогда же показал слизней Джерри. Он пожал плечами.

— И что?

— Что «и что»? Слушай-ка, Джерри, твоих питательных палочек нам не навек хватит. Что мы станем есть, когда они кончатся?

— Есть? — Джерри поглядел на копошившихся в лужице моллюсков и скорчил гримасу. — *На,* Дэвидж. До тогда нас подбирать. Искать нас найти, тогда подбирать.

— А если нас не отыщут? Что тогда?

Джерри опять скривился и занялся наполовину готовым жильем.

— Вода мы пить тогда до подбирать.

Буркнув что-то еще насчет киззовых экскрементов и вкусовых сосочков моего языка, он скрылся с глаз.

С тех пор я обносил водоем стенками — в надежде, что усиленная защита от агрессивной среды увеличит поголовье. Теперь я заглянул под несколько камней, но прироста что-то не выявил. Интересно, удастся ли мне переломить себя и проглотить эту мерзость. Я положил на место камень, под который заглядывал, встал и посмотрел на море. Вечная пелена туч по-прежнему не пропускала на поверхность планеты иссушающие лучи Файрина, однако дождя не было, да и приевшаяся уже туманная дымка растаяла.

В том направлении, откуда я с таким трудом выбирался на берег, море тянулось до самого горизонта. В промежутках между белыми гребнями пены вода была столь же пасмурна и безотрадна, как душа офицера, ведающего ссудной кассой. Параллельные вереницы бурунов тянулись километров на пять от острова. Их центр (он был, естественно, в той точке, где стоял я) ритмично набегал на остров, а фланги катили себе дальше. Справа, поперек волн, различался на расстоянии примерно десяти километров другой островок. Еще правее, там, где бе-

ловато-серое море должно было сомкнуться со светло-серым небом, на горизонте протянулась черная линия.

Чем больше я старался вспомнить учебные карты материков Файрина IV, тем менее четко их представлял. Джерри тоже ничего не помнил — во всяком случае, ничего не мог толком объяснить. Да и с какой стати было нам тогда запоминать? Войну-то полагалось вести в космосе: каждая сторона отрицала за другой право создавать орбитальные станции в системе Файрина. Ни один из противников не собирался даже ногой ступать на планеты Файрина, а тем более завязывать сражение. Однако, как бы ни назывались материки, все же там земля, и ее значительно больше, чем на нашем клочке песка да камней.

Весь вопрос в том, как туда добраться. Не имея ни дерева, ни огня, ни листьев, ни шкур, мы с Джерри находились в отчаянно бедственном положении даже по сравнению со среднестатистическим пещерным человеком, хотя он тоже, как известно, в роскоши не купался. А из всего нашего имущества на плаву способна держаться только пресловутая *назесей.* Капсула. Почему бы и нет? Единственная сложность — это уговорить Джерри.

В тот же вечер, пока серые краски медленно наливались чернотой, мы с Джерри, сидя на пороге хижины, жевали свои порции — четвертинки питательной палочки. Желтые глаза драконианина изучали черную линию на горизонте, затем Джерри покачал головой.

— *На,* Дэвидж. Опасно будет.

Я сунул в рот остаток своей порции и продолжал, не разжевав:

— Опаснее, чем оставаться здесь?

— Скоро подбирать, *на?*

Я испытующе вгляделся в желтые глаза.

— Джерри, ты ведь сам в это не веришь, а я — тем более. — Я подался вперед и протянул к нему руки. — Пойми, на большой земле у нас куда больше шансов выжить. Там не надо бояться высоких волн, там, вероятно, найдется еда...

— Не «вероятно», *на?* — Джерри мотнул головой в сторону воды. — Как *назесей* рулить, Дэвидж? Там сидеть, как рулить? *Эсс эх* мокро, волны, за земля, *гавей? Бреша.* — Джерри стиснул ладони. — *Эсс эх бреша* камни поверх, *на?* Тогда мы смерть.

Я почесал в затылке.

— Отсюда волны идут в нужном направлении, да и ветер туда дует. При достаточной материковой массе нет необходимости править рулем, *гавей?*

— А если *на* достаточно, тогда? — фыркнул Джерри.

— Я ведь и не утверждал, что дело верное.

— *Эсс*?

— Дело верное, наверняка, *гавей?*

Джерри кивнул.

— А о рифы мы не разобьемся, — продолжал я, — там скорее всего берег такой же, как тут.

— Дело верное, *на?*

Я пожал плечами.

— Да нет, не такое уж верное, но и здесь оставаться нельзя. Мы ведь не знаем, какой высоты достигают волны. Что, если нахлынет особенно мощная и смоет нас с острова? Тогда как?

Джерри сощурился.

— Что там, Дэвидж? *Иркмаан* база, *на?*

— Сказано тебе, нет у нас никаких баз на Файрине IV, — рассмеялся я.

— Зачем хотеть отсюда?

— Я же тебе объяснил, Джерри. Мне кажется, у нас появится больше шансов выжить.

— Гм. — Драконианин скрестил руки на груди. — *Вига,* Дэвидж, *назесей* остаться. Я знать.

— Что ты знаешь?

Джерри ехидно ухмыльнулся, встал и направился в хижину, а немного погодя вернулся и бросил к моим ногам двухметровый металлический стержень. Тот самый, к которому меня привязывал.

— Дэвидж, я знать.

Я приподнял брови.

— О чем ты толкуешь? Разве это не из твоей капсулы?

— *На, иркмаан.*

Нагнувшись, я поднял стержень. Его поверхность не была тронута ржавчиной, с одного конца выдавлены какие-то арабские цифры — заводской номер детали. На миг меня захлестнула надежда, но тут же отхлынула, едва я понял, что нумерация гражданская. Я швырнул стержень на песок.

— Кто его знает, сколько времени он здесь пролежал, Джерри. Это гражданская нумерация, а гражданских миссий в этом секторе Галактики нет с самого начала войны. Может, он завалялся тут после какой-нибудь давней астроботанической операции или после изыскательского отряда...

Драконианин пнул стержень мыском сапога.

— Новое, *гавей?*

Я посмотрел на него в упор.

— А что такое нержавеющая сталь, ты *гавей?*

Фыркнув, Джерри повернулся ко мне спиной, лицом к хижине.

— Я остаться, *назесей* остаться. Куда ты хотеть, ты ехать, Дэвидж!

Когда надвинулась чернота долгой ночи, принялся за свое ветер, завывая, насвистывая и постанывая сквозь дыры в стенах. Полиэтиленовая крыша отчаянно хлопала, ее то вдувало внутрь, то высасывало наружу, и казалось, она вот-вот либо обрушится на нас, либо, напротив, парусом уплывет в ночь. Джерри сидел на песчаном полу, притулясь к *назесей,* словно подчеркивая, что ни капсула, ни он сам с места не тронутся, хотя море бушевало так, что возражения Джерри заметно слабели.

— Море неспокойное сейчас, Дэвидж, *на?*

— Темно чересчур, не разглядеть, но при таком ветре...

Я передернул плечами, скорее ради собственного удовольствия, чем ради дракошиного, поскольку в хижине едва-едва брезжил слабенький свет, пробивающийся сквозь крышу. С минуты на минуту нас могло смыть с нашей песчаной косы.

— Джерри, а насчет металлического стержня это все глупости. Сам знаешь.

— *Сурда.* — В голосе драконианина звучало уныние, а то и отчаяние.

— *Эсс? Эсс эх «сурда»?*

— *Аэ.* — Джерри помолчал. — Дэвидж, *гавей* «не определенно не верно»?

Я перебрал в уме сумму отрицаний.

— Ты хочешь сказать «возможно», «вероятно», «не исключено»?

— *Аэ,* возможновероятнонеисключено. Дракона флот *иркмаан* корабли иметь. Перед война покупать, после война тро-

фей брать. Стержень возможновероятнонеисключено дракон есть.

— Значит, если на большом острове имеется тайная военная база, то она принадлежит драконианам?

— Возможновероятнонеисключено, Дэвидж.

— Джерри, означает ли это, что ты согласен попытать счастья? В *назесей?*

— *На.*

— *На?* Почему же, Джерри? А вдруг база драконья...

— *На! На* говорить! — Слова, казалось, застревали у драконианина в глотке.

— Нет уж, Джерри, давай поговорим! Если мне суждено кончить век на этом острове, то я имею право знать, за что мне выпала такая доля.

Долгое время драконианин молчал.

— Дэвидж!

— *Эсс!*

— *Назесей* ты брать. Половина питательные палочки оставлять. Я остаться.

Я тряхнул головой, чтобы вернуть себе ясность мыслей.

— Ты хочешь отправить меня в капсуле одного?

— Ты это хотеть, *на?*

— *Аэ,* но почему? Пойми, здесь никто тебя не подберет.

— Возможновероятнонеисключено.

— *Сурда,* ничего не будет. Знаешь сам, никакого спасения не предвидится. В чем же дело? Боишься воды? Если так, то ведь у нас больше шансов...

— Дэвидж, твой рот закрывать. *Назесей* тебе есть. Меня тебе *на* нужно, *гавей?*

Я кивнул в темноте. Капсула — моя, только руку протяни; зачем мне нужен в придачу сварливый дракошка, особенно если учесть, что срок нашего перемирия может истечь в любую минуту? Ответ был ясен, и я осознал свою глупость... зато и человечность. Впрочем, это, наверное, одно и то же. Драконианин отделяет меня от полнейшего одиночества. Правда, остается еще одна мелочь: надо выжить.

— Лучше плыть вдвоем, Джерри.

— Почему?

Я почувствовал, что заливаюсь краской. Если людям свойственна потребность в общении, то почему им так стыдно в этом признаться?

— Нужно вдвоем, и все. Шансов будет побольше.

— Один ты шансов побольше, Дэвидж. Твой враг я есть.

Я опять кивнул в темноте и скорчил гримасу.

— Джерри, ты *гавей* «одиночество»?

— *На гавей.*

— Одинокий, один, сам с собой.

— *Гавей,* ты один. Брать *назесей,* я остаться.

— В том-то и дело... видишь ли, *вига,* я не хочу уплывать.

— Ты хочу вместе уплывать? — Из противоположного конца хижины донесся тихий противный смешок. — Ты дракон любить? Ты мой смерть, *иркмаан.* — Тот же смешок. — *Иркмаан пурзхаб* в голова, *пурзхаб.*

— Ладно, хватит! — Я разровнял песок и улегся калачиком спиной к драконианину. Ветер вроде бы поутих, я закрыл глаза и попытался уснуть. Немного погодя хлопанье полиэтиленовой крыши на ветру смешалось со свистом и завываниями ветра, и я почувствовал, что засыпаю, как вдруг послышались шаги на песке, и глаза у меня сами собой широко раскрылись. Я весь напрягся, готовый вскочить.

— Дэвидж? — Голос у Джерри был тихий-претихий.

— Чего?

Я услышал, как драконианин усаживается на песке со мною рядом.

— Ты одиночество, Дэвидж. Про это ты трудно говорить, *на?*

— Ну и что?

Драконианин пробормотал что-то, но его слова затерялись в шуме ветра.

— Что? — Я повернулся и увидел, что Джерри смотрит куда-то сквозь дыру в стене.

— Почему я остаться. Теперь я рассказать, *на?*

— Валяй, почему бы и нет?

Казалось, Джерри борется со словами, с трудом подыскивая нужные, но вот он раскрыл наконец-то рот, намереваясь заговорить. И вдруг захлопал глазами.

— *Магазьенна!*

— *Эсс?* — Я привстал.

— Залить! — Джерри указывал пальцем на дыру.

Я оттолкнул его и выглянул в дыру. На остров, кипя от злобы, мчалась обезумевшая орда громадных водяных гор в белых барашках пены. В темноте трудновато было судить, но,

похоже, передний вал высотой был побольше того, который несколько дней назад вымочил нам ноги, а остальные — еще внушительнее. Джерри положил руку мне на плечо, я заглянул драконианину в глаза. Отстранясь друг от друга, мы бросились к капсуле. Пока мы ощупью искали в потемках задвижку люка, первая волна с грохотом набежала на склон высотки. Только я нашарил задвижку, как волна разбилась о хижину, снеся при этом крышу. Через полсекунды мы барахтались под водой, а водные течения в хижине крутили нас, как крутит носки в стиральной машине.

Но вот вода схлынула, и я, протерев глаза, обнаружил, что с наветренной стороны стена хижины покосилась и частично обрушилась.

— Джерри!

Сквозь дыру в стене я увидел, что Джерри ковыляет там, снаружи.

— *Иркмаан?*

За спиной у драконианина набирал скорость второй бурун.

— *Кизлодда,* что ты там забыл, черт тебя возьми? Сюда давай!

Я повернулся к капсуле, покуда прочно заклиненной между двух валунов, и нашарил рукоять. Едва я открыл люк, как Джерри протиснулся сквозь рухнувшую стену и свалился на меня.

— Дэвидж... навеки волны идти! Навеки!

— Влезай! — Я помог драконианину пролезть в люк и не стал ждать, пока он очистит мне путь. Взгромоздясь прямо на Джерри, я задраил люк в тот самый миг, когда нагрянула вторая волна. Капсула приподнялась и громыхнула о нависающий козырек одного из валунов.

— Дэвидж, мы плавать?

— Нет. Камни нас удерживают. Все будет нормально, вот только пусть улягутся эти валы.

— Туда ты подвинуться.

— Ах да. — Я кое-как слез с груди Джерри и прижался к торцу капсулы. Немного погодя капсула прекратила вздрагивать, и мы стали ждать следующего вала. — Джерри!

— *Эсс?*

— Что ты хотел мне сказать?

— Почему я остаться?

— Ну да.

— Про это трудно я говорить, *гавей?*

— Знаю, знаю.

Накатил очередной вал, капсула подпрыгнула и загромыхала о камень.

— Дэвидж, *гавей «ни весса»?*

— *На гавей.*

— *Ни весса...* маленький я, *гавей?*

Капсула ухнула вниз по валуну и на время успокоилась.

— И что же про маленького тебя?

— Маленький я... маленький дракон. От меня, *гавей?*

— Ты что же, хочешь сказать, что ты беременный?

— Возможновероятнонеисключено.

Я затряс головой.

— Постой-ка, Джерри. Давай разберемся. Беременный... Ты станешь родителем?

— *Аэ,* родителем, двести в роду, очень важно, он, *на*?

— Потрясающе. И при чем же тут твое нежелание отправиться на другой остров?

— Раньше я тоже *ни весса, гавей? Теан* смерть.

— Оно мертво, твое дитя?

— *Аэ!* — Рыдание драконианина могло бы вырваться из любой материнской груди. — Я упасть и повредить. *Теан* смерть. *Назесей* в море нас повредить. *Теан* повредить, *гавей?*

— *Аэ,* я *гавей.*

Значит, Джерри боится потерять и второго детеныша. Морской вояж в капсуле почти наверняка растрясет нам косточки, однако торчать на клочке песка — перспектива еще менее радужная. Капсула довольно долго оставалась в покое, и я рискнул выглянуть наружу. Крохотные иллюминаторы залепило песком, вот я и отдраил люк. Огляделся: стены все до одной успели рухнуть. Я посмотрел в сторону моря, но ничего не увидел.

— Похоже, опасность миновала, Джерри...

Я глянул вверх, в почерневшее небо: надо мной нависал белый плюмаж исполинского вала.

— *Мага...* черт возьми!.. *зьенна!* — Я задраил люк.

— *Эсс,* Дэвидж?

— Держись, Джерри!

Грохот воды, рухнувшей на капсулу, был настолько мощен, что человеческое ухо его не воспринимало. Разок-другой мы ударились о скалы, потом нас закружило и понесло куда-то вверх. Я попытался за что-нибудь ухватиться, но промахнулся, потому что капсула, вызвав у меня тошнотворное ощущение, ухнула вниз. Я налетел на Джерри, но тут же меня отбросило и ударило головой о противоположную переборку. Уже теряя сознание, я услышал крик Джерри:

— *Теан! Ни теан!*

...Лейтенант нажал кнопку, и на экране возникла фигура — долговязое желтокожее человекоподобное существо.

— Мразь драконья! — зашумели слушатели-новобранцы.

Лейтенант выступил вперед и очутился лицом к лицу с аудиторией.

— Правильно. Это дракон. Заметьте, для всей расы драконов характерен единообразный цвет кожи: все особи желтые.

Новобранцы вежливо хмыкнули. Приосанясь, офицер с помощью световой указки принялся демонстрировать нам основные особенности будущего врага.

— Бросается в глаза, конечно, трехпалая рука — точно так же, как почти лишенная носа физиономия, которая придает дракону сходство с жабой. В целом зрение у наших врагов несколько более острое, чем у людей, слух примерно такой же, а обоняние... — лейтенант помедлил, — пахнет от них омерзительно!

Новобранцы расхохотались, офицер просиял. Когда слушатели поутихли, офицер ткнул световой указкой в складку на животе у фигуры.

— Вот где дракон хранит фамильные драгоценности, причем все разом.

Опять хмыканье аудитории.

— Совершенно верно, драконы — гермафродиты, один и тот же индивид наделен как мужскими, так и женскими детородными органами. — Лейтенант повернулся лицом к новобранцам. — Представляете, как можно дракона выбранить?

Смех улегся, и лейтенант протянул руку к экрану.

— Что надо делать, когда вы видите такое существо?

— УБИВАТЬ...

* * *

...Я отрегулировал экран, а компьютер выловил очередной драконианский истребитель — на дисплее истребитель выглядел как сдвоенный «х». Драконианин заложил крутой вираж влево, затем опять вправо. Я чувствовал, что автопилот тянет мой корабль следом за истребителем, отсортировывает и отбрасывает ложные изображения, старается поймать противника в электронные перекрестия. «Ну давай, жабья рожа... левее чуть-чуть...» Двойной крестик переместился в пристрелочные кольца на дисплее, и я увидел, как от брюха моего истребителя отделился реактивный снаряд. «Есть попадание!» Через фонарь своей кабины я увидел вспышку в момент разрыва снаряда. Судя по моему экрану, дракошкин истребитель потерял управление и теперь, сваливаясь в губительный штопор, мчится к затянутой тучами поверхности Файрина IV. Я вошел в пике, намереваясь закрепить поражение противника... температура обшивки заметно повысилась, когда мой корабль попал в верхние слои атмосферы. «Давай же, черт тебя возьми, вступай в бой!» Когда стало ясно, что придется преследовать дракошку чуть ли не до самой почвы, я перестроил все системы корабля на атмосферный полет. Все еще находившийся над тучами дракошка вышел из штопора и заложил вираж. Я отключил автопилот и потянул на себя рычаг управления. Истребитель так и завибрировал, пытаясь набрать высоту. Всем известно, что драконианские корабли куда лучше чувствуют себя в атмосфере... вот пошел мне наперехват... отчего же эта мразь не открывает огонь... перед самым тараном дракошка катапультируется... Горючее кончилось, придется производить посадку с неработающим двигателем. Я провожаю взглядом капсулу, намереваясь разыскать и прикончить драконью мразь... Может, секунды прошли, а может, годы, пока я барахтался в кромешной тьме. Я чувствовал какие-то прикосновения, однако те части моего тела, к которым кто-то прикасался, казались далекими-предалекими. Сперва озноб, потом жар, потом опять озноб, кто-то охлаждает мне голову, кладя на лоб ласковую руку. Я приоткрыл глаза, до предела сощурясь, и увидел, что надо мною хлопочет Джерри, обтирает мне лоб чем-то холодным. С неимоверным усилием я выговорил:

— Джерри...

Драконианин посмотрел мне в глаза и улыбнулся:

— Хорошо будет, Дэвидж. Хорошо будет.

По лицу Джерри скользнул отблеск огня, и я унюхал дым.

— Пожар.

Отойдя в сторонку, Джерри указал на середину песчаного пола. Я с большим трудом повернул голову и понял, что лежу на постели из мягких упругих веток. Напротив моей постели была устроена другая такая же, а между ними вовсю трещал уютный костерок.

— Огонь теперь мы иметь, Дэвидж. И дерево.

Джерри показал на крышу, устроенную из деревянных жердей и затянутую широкими листьями.

Я огляделся по сторонам, затем бессильно уронил гудящую голову и закрыл глаза.

— Где мы?

— Большой остров, Дэвидж. Бурун от песчаная коса нас смыть. Ветер и волны сюда отнести. Прав ты был.

— Я... ничего не понимаю, *на гавей*. Чтобы попасть с песчаной косы на большой остров, понадобились бы не одни сутки.

Джерри кивнул и бросил нечто вроде губки в подобие раковины, наполненное водой.

— Девять сутки. Тебя я привязать к *назесей*, тогда здесь на берег мы высадиться.

— Девять суток? Я провалялся в беспамятстве девять суток?

— Семнадцать, — поправил меня Джерри. — Здесь мы высадиться восемь суток... — Драконианин помахал руками у себя за спиной.

— Назад... Восемь суток назад.

— *Аэ*.

Семнадцать суток на Файрине IV — это побольше земного месяца. Я вновь открыл глаза и взглянул на Джерри. Драконианин прямо-таки дрожал от возбуждения.

— А как *теан*, твой ребенок?

Джерри похлопал себя по округлившемуся животу.

— Хорошо будет, Дэвидж. Ты больше *назесей* ударить.

Я с трудом подавил желание кивнуть головой.

— Рад за тебя. — Я смежил веки и отвернулся лицом к стене — сочетанию деревянных жердей с листьями. — Джерри!

— *Эсс*?

— Ты мне жизнь спас.

— *Аэ*.

— Для чего?

Долгое время Джерри безмолвствовал.

— Дэвидж. На песчаная коса ты говорить. Одиночество теперь *гавей*. — Драконианин пожал мне руку. — Вот, теперь ты кушать.

Я вновь перевалился спиной к стене и заглянул в раковину, полную дымящейся жидкости.

— Это что же такое, куриный бульон?

— *Эсс?*

— *Эсс ва?* — Я щелкнул пальцем по раковине и лишь теперь осознал, до чего же ослаб.

Джерри нахмурился.

— Как слизень, только длинный.

— Угорь?

— *Аэ,* но угорь на земля, *гавей?*

— Неужто змея?

— Возможновероятнонеисключено.

Кивнув в знак понимания, я приложился губами к краешку раковины. Втянул в себя капельку бульона, глотнул, и по моему телу разлилось целительное тепло.

— Хорошо.

— Ты *кеста* хотеть?

— *Эсс?*

— *Кеста.* — Потянувшись к костерку, Джерри извлек из-под угольев какую-то прямоугольную каменную глыбку. Я пригляделся, поскреб ногтем, лизнул.

— Соль! Поваренная!

— *Кеста* ты хотеть? — заулыбался Джерри.

— Все путем. — Я рассмеялся. — Давай, давай сюда свою *кеста.*

Маленьким камешком Джерри отколол уголок глыбки, после чего тем же камешком истолок осколки о другой камень. Затем протянул мне ладонь — на ней виднелась крохотная горка белых крупинок. Я взял себе две щепотки, всыпал в змеиный суп и размешал пальцем. Затем присосался к обалденно вкусному хлебову. Даже губами причмокнул.

— Сказка.

— Хорошо, *на?*

— Не просто хорошо — сказка. — Отхлебнув еще одну изрядную порцию, я принялся старательно причмокивать и закатывать глаза.

— Сказка, Дэвидж, *на?*

— *Аэ.* — Я кивнул драконианину. — Пожалуй, хватит. Спать буду.

— *Аэ,* Дэвидж, *гавей.* — Джерри принял у меня из рук плошку-самоделку и примостил рядом с костерком. После этого драконианин направился было к выходу, но у самой двери оглянулся. Мгновение желтые глаза изучали меня, затем он кивнул и вышел на свежий воздух. Я закрыл глаза, и меня убаюкало тепло костерка.

Спустя двое суток я уже ходил по хижине — разминал ноги, а еще через два дня Джерри помог мне выбраться наружу. Хижина стояла на вершине длинного пологого холма, среди низкоствольного леса; деревьев выше пяти-шести метров там не было. У подножия холма — километрах в восьми от хижины, не меньше — плескалось море. Далеко же волок меня драконианин на руках. Наша верная *назесей* наглоталась воды, и ее утянуло в море вскоре после того, как Джерри вытащил меня на сушу.

Вместе с капсулой канули в воду и остатки наших питательных палочек. Дракониане крайне разборчивы в еде, однако голод в конце концов вынудил Джерри отведать кое-каких представителей местной флоры и фауны... голод да комочек собственной плоти, который мог зачахнуть от неполноценного питания. Драконианин остановился на мягком мучнистом клубне, на зеленой ягоде с какого-то кустарника (из нее, сушеной, получался вполне приличный чай) и змеином мясе. Обследуя окрестности, Джерри наткнулся на частично размытый соляной купол. В последующие дни, по мере того как ко мне возвращались силы, я внес в наше меню известное разнообразие, обогатив его морскими моллюсками нескольких сортов и диковинным плодом, напоминавшим гибрид груши со сливой.

Между тем дни становились все холоднее, и мы с драконианином грустно констатировали, что на Файрине IV бывают зимы. Установив эту несложную истину, мы сделали следующий шаг — признали вероятность того, что зимы тут суровы, а суровой зимой не насобираешь ни еды, ни дерева на растопку. Высушенные над костром, ягоды и клубни хорошо сохранялись, а что касается змеиного мяса, то его мы пробовали и

солить впрок, и коптить. Используя вместо ниток волокна от ягодных растений, мы с Джерри сшивали змеиные кожи, мастерили из них зимнюю одежду. Фасон мы выбрали такой: два слоя змеиных шкур, между ними — прокладка пуха из семенных коробочек ягодного кустарника и все это простегано на манер перины или ватника.

Мы единодушно решили, что зимовать в шалаше — немыслимо. Три дня минуло, пока мы разыскали первую пещеру, и еще три, пока подобрали подходящую. От входа (он же выход) открывался вид на вечно бушующее море, однако вход этот был в скале, хоть и невысокой, сама же скала находилась довольно высоко над уровнем моря. У входа мы обнаружили валежник и различные камни, то и другое — в неимоверном количестве. Дерево служило нам топливом, камнями мы заложили входное отверстие, оставив свободным пространство, только-только достаточное для навесной двери. Дверные петли мы сварганили из змеиной кожи, дверь — из жердей, скрепленных между собой растительными волокнами. В первую же ночь после того, как дверь была сделана и навешена, морские ветры разнесли ее в щепки, и мы решили вернуться к первоначальной входной конструкции — к варианту песчаной косы.

Глубоко внутри пещеры мы устроили жилье (пещера там расширялась, а пол был песчаный). Еще глубже располагались естественные озерца пресной воды, очень приятной на вкус, но чрезмерно холодной для купания. Грот с озерцами стал нашей кладовкой. Стены «жилой комнаты» мы обшили деревом, из змеиных шкур и растительного пуха сделали себе новые постели. В середине сложили вполне приличный очаг, вместо сковороды клали на уголья большой плоский камень. Впервые переночевав в новом доме, я сделал открытие: оказывается, здесь не слышен вой ветра.

Долгими вечерами сидим мы, бывало, у очага, мастерим всякие вещицы (рукавицы, шляпы, мешки) из змеиной кожи да болтаем. Для разнообразия мы чередовали языки, разговаривая один день по-дракониански, а другой — по-английски, и к тому времени, как налетела первая метель, каждый из нас уже вполне сносно владел чужой речью. А говорили мы, к примеру, о будущем младенце Джерри.

— Как ты его назовешь, Джерри?

— У него уже есть имя. Понимаешь, в роду Джерриба приняты всего пять имен. Меня зовут Шиген, передо мной идет мой родитель — Гоциг, перед Гоцигом шел Гаэзни, перед Гаэзни был Тай, а перед Таем — Заммис. Ребенок будет зваться: Джерриба Заммис.

— Но почему всего-навсего пять имен? У человека ребенок может носить любое имя по выбору родителей. Больше того, достигнув совершеннолетия, человек вправе изменить имя, выбрать себе любое, какое только придется ему или ей по вкусу.

Драконианин посмотрел на меня, и взгляд его преисполнился жалостью.

— Дэвидж, каким заброшенным ты себя, наверное, чувствуешь. Вы, люди, все вы, должно быть, чувствуете себя заброшенными.

— Заброшенными?

Джерри кивнул.

— От кого ты ведешь свой род, Дэвидж?

— Это ты про родителей?

— Да.

— Родителей помню, — бодро заявил я.

— А их родителей?

— Помню деда по матери. Когда я был маленький, мы к нему часто ездили в гости.

— Дэвидж, что ты знаешь об этом своем деде?

— Что-то смутно вертится... — Я потер подбородок. — Вроде он имел какое-то отношение к сельскому хозяйству... нет, позабыл.

— А его родители?

Я покачал головой.

— Помню только одно: где-то у них в роду смешалась английская кровь с немецкой. *Гавей* — англичане и немцы?

Джерри кивнул.

— Дэвидж, историю своего рода я могу пересказать вплоть до тех дней, когда мою родную планету открыл Джерриба Тай, один из первых тамошних поселенцев, а было это сто девяносто девять поколений назад. На планете Драко в архивах хранятся документы, по которым наша генеалогия прослеживается до материнской планеты Синдие, а на ней — еще по семидесяти по-

колениям вплоть до Джеррибы Тая, основателя династии Джерриба.

— Кто же имеет право основать династию?

— Генеалогическую линию продолжает только перворожденный. Плоды вторых, третьих и четвертых разрешений от бремени должны сами основывать новые династии.

Я был потрясен.

— Но почему всего лишь пять имен? Только для того, чтобы легче было запоминать?

— Нет, — сказал Джерри. — Остальные различия прибавляются к именам; имен всего пять, они заурядны и потому не затмевают тех свершений, какими прославились их носители. Вот мое имя — Шиген — носили великие воины, ученые-гуманитарии, философы, несколько священнослужителей. Имя моего ребенка носили физики, математики, путешественники.

— Неужели ты помнишь профессию каждого из твоих предков?

— Да, — подтвердил Джерри, — и помню, что они сделали и где именно сделали. Достигнув совершеннолетия, каждый из нас проходит обряд посвящения. Стоя перед фамильным архивом, посвящаемый декламирует наизусть всю свою родословную; именно это я и проделал двадцать два года назад по нашему летосчислению. То же самое ждет и Заммиса, но только, — Джерри улыбнулся, — мой ребенок начнет декламацию с моего имени — Джерриба Шиген.

— Ты можешь на память отбарабанить почти двести биографий?

— Да.

Я растянулся на своей постели. Глядя в потолок, вернее, на щель в кровле, и наблюдая за тем, как втягивается в эту щель дым, я понял, что имел в виду Джерри, когда говорил об ощущении заброшенности. Заткнув себе за пояс несколько десятков поколений, драконианин знает, кто он такой, для чего живет и на кого должен равняться.

— Джерри!

— Да, Дэвидж!

— А мне ты не можешь продекламировать?

Повернув голову, я взглянул на драконианина — как раз вовремя, чтоб подметить, как на лице у него крайнее изумление вытесняется радостью. Лишь много лет спустя я узнал, что, по-

интересовавшись родословной, оказал Джерри великую честь. У драконианин такая просьба — редкостное проявление уважения, причем уважения не только к личности, но и ко всем предкам этой личности вплоть до основателя династии.

Джерри положил свое шитье — шляпу — на песок, встал и затянул:

— Вот я стою пред вами — я, Шиген из рода Джерриба, рожденный от Гоцига — учителя музыки. Незаурядный музыкант, он обучал таких выдающихся мастеров, как Датциг из рода Нем, Перравейн из рода Тускор, а также многих других, менее известных музыкантов. Получивший музыкальное образование в Шимурамской консерватории, Гоциг предстал перед архивами в одиннадцать тысяч пятьдесят первом году и рассказал о родителе своем Гаэзни — корабеле...

Я вслушивался в речитатив Джерри (официальный язык драконианин), внимал биографиям, излагаемым от конца к началу (от смерти к совершеннолетию), и у меня возникало ощущение, будто время, сжавшись в комок, стало осязаемо, будто до прошлого теперь рукой подать и его можно потрогать. Баталии, созданные и разрушенные государства, сделанные открытия, великие деяния — путешествие по двенадцати тысячелетиям истории, но воспринималось все как четкий, живой континуум.

Что можно этому противопоставить? «Я, Уиллис из рода Дэвиджей, стою пред вами, рожденный от домохозяйки Сибил и захудалого инженера-строителя Натана, причем Сибил рождена от деда, а тот, рожденный неведомо от кого, имел, кажется, какое-то отношение к сельскому хозяйству...» Черт, даже этим не могу похвастать! Продолжатель рода не я, а мой старший брат. Я слушал-слушал, и во мне окрепло желание выучить родословную Джеррибы наизусть.

Речь заходила о войне.

— А здорово это у тебя вышло — заманить меня в атмосферу и там протаранить.

— Драконианский флот — самый лучший, — пожал плечами Джерри, — это общеизвестно.

Я приподнял брови.

— То-то я напрочь снес у тебя хвостовое оперение.

Джерри опять пожал плечами и, хмурый, продолжал сшивать лоскутки змеиной кожи.

— Зачем земляне вторглись в эту часть Галактики, Дэвидж? До вашего появления мы тысячелетиями не знали войн.

— Ха! А драконианне зачем вторглись? Мы тоже жили мирно. Чего вам тут надо?

— Мы заселяем эти планеты. Такая у драконианн традиция. Мы — первопроходцы и основатели поселений.

— Ах ты, жабья рожа, а мы, по-твоему, кто такие? Компания домоседов? Человечество освоило космос меньше двух тысяч лет назад, однако мы успели заселить вдвое больше планет, чем дракошки...

— Вот именно! — Джерри поднял вверх палец. — Вы распространяетесь как эпидемия. Хватит! Вы нам здесь не нужны!

— Тем не менее мы уже здесь, и здесь останемся. Ничего вы с нами не поделаете.

— Ты же сам видишь, *иркмаан,* поделываем: мы сражаемся!

— Ба! Эту нашу потасовочку ты называешь сражением? Черт возьми, Джерри, да мы этот ваш боевой утиль запросто сбиваем...

— Хо, Дэвидж! То-то же ты и питаешься копченой змеятиной!

Я выхватил изо рта упомянутый деликатес и замахнулся на дракошку.

— Твое дыхание тоже отдает змеями, дракошка!

Джерри с фырканьем отвернулся от огня. Я почувствовал себя последним болваном. Во-первых, потому, что нам все равно не разрешить спора, который вот уже более столетия ведет добрая сотня миров. Во-вторых, мне хотелось, чтобы Джерри проверил мою декламацию. Я ведь успел затвердить свыше ста поколений. Драконианин сидел боком к огню, отблеск огня падал на колени, так что можно было разглядеть шитье.

— Джерри, что это будет?

— Нам с тобой не о чем разговаривать, Дэвидж.

— Да брось ты!

Джерри посмотрел на меня, опять устремил взгляд на колени и поднял повыше крохотный костюмчик из змеиной кожи.

— Для Заммиса. — Джерри улыбнулся, я же, покачав головой, рассмеялся.

* * *

Речь заходила о философии.

— Ты изучал Шизумаата, Джерри, — рассказал бы о его учении!

— Нет, Дэвидж. — Джерри нахмурился.

— Что, учение Шизумаата — тайна?

— Нет, — покачал головой Джерри. — Но мы слишком высоко ставим Шизумаата, чтобы о нем распространяться.

Я потер подбородок.

— Ты имеешь в виду — просто распространяться или рассказывать человеку?

— Не землянину, Дэвидж, а именно тебе.

— Почему?

Джерри поднял голову, сощурив желтые глаза.

— Ты ведь помнишь, что говорил... на песчаной косе.

Почесав в затылке, я смутно припомнил, как последними словами обругал дракошку и его Шизумаата.

— Но, Джерри, я ведь злой был, прямо бешеный. Нельзя же ставить мне в вину то, что я тогда наплел сгоряча.

— Можно. Я ставлю.

— Если я извинюсь, что-нибудь изменится?

— Нет.

Я обуздал в себе порыв наговорить гадостей и стал вспоминать тот миг, когда мы с Джерри стояли готовые придушить друг друга. Припомнив кое-какие подробности той первой встречи, я опустил уголки губ, изо всех сил стараясь не расплыться в улыбке.

— Расскажешь мне об учении Шизумаата, если я тебе прощу... то, как ты тогда отозвался о Микки-Маусе?

Я склонил голову, изображая благоговение, хотя главной моей целью было подавить смешок.

Джерри виновато потупился.

— Меня это все время тяготило, Дэвидж. Если ты меня простишь, я расскажу о Шизумаате.

— В таком случае я тебя прощаю, Джерри.

— И еще одно...

— Что?

— Ты должен посвятить меня в учение Микки-Мауса.

— По... постараюсь.

* * *

Речь заходила о Заммисе.

— Джерри, кем ты хочешь, чтоб Заммис стал?

Драконианин пожал плечами.

— Заммис должен вырасти достойным своих предков. Я хочу, чтобы имя свое он носил с честью. Больше ни о чем не прошу.

— Заммис сам выберет профессию?

— Да.

— Однако у тебя есть насчет него хоть какое-то заветное желание?

— Есть.

— Какое же?

— Пусть в один прекрасный день Заммис любой ценой покинет эту злосчастную планету.

— Аминь, — подытожил я.

— Аминь.

Зима тянулась томительно долго, мы уж было всерьез заопасались с Джерри, что начался новый ледниковый период. За стенами пещеры все покрылось толстым слоем льда, а из-за низких температур в сочетании с неутихающими ветрами всякая вылазка превращалась в самоубийственную пытку, чреватую опасными падениями или обморожениями. Но все равно, по молчаливой договоренности, нужду мы справляли снаружи. В дебрях пещеры было несколько изолированных естественных гротов, однако мы боялись загрязнить источники воды, не говоря уж о воздухе в самой пещере. А снаружи главной опасностью было сидеть без штанов на таком леденящем ветру, что пар дыхания замерзал, не успев пройти через тоненькие шарфы, сделанные из нашей летной формы (ими мы укутывали лица). Мы приучились не волынить на морозе. Как-то утром Джерри пошел до ветру, а я возился у очага — растирал сушеные коренья и разбавлял водой, намереваясь печь оладьи. Вдруг послышался голос Джерри:

— Дэвидж!

— Чего?

— Дэвидж, иди скорее!

Корабль! Не иначе! Я положил раковину-кастрюльку на песок, нахлобучил шапку, натянул рукавицы и опрометью ки-

нулся к выходу. Возле самой двери я укутал нос и рот шарфом во избежание воспаления легких. Джерри, чья голова была обмотана на аналогичный манер, заглядывал в дверь и, поторапливая, отчаянно махал мне руками.

— Что случилось?

Джерри шагнул в сторону, уступая мне дорогу.

— Иди смотри!

Солнце. Голубое небо и солнце. Вдали, над морем, сгущались новые тучи, однако над головой у нас сияла безоблачная голубизна. Оба мы не могли смотреть прямо на солнце, но все равно повернулись к нему лицом и ощутили кожей прикосновение лучей Файрина. Заиндевелые скалы и деревья блестели и искрились.

— Красиво.

— Да. — Рукой в варежке Джерри ухватил меня за рукав. — Дэвидж, ты хоть понимаешь, что это значит?

— Что?

— Сигнальные костры по ночам. В ясную ночь большой костер будет заметен с орбиты, *на?*

Я поглядел сперва на Джерри, потом на небо.

— Не уверен. Если костер достаточно велик, да ночь безоблачна, да кто-нибудь поглядит вниз именно в нужную минуту... — Я поник головой. — Не говоря уж о том, чтоб вообще было кому поглядеть. — У меня начали зябнуть пальцы. — Пошли обратно.

— Дэвидж, ведь это шанс!

— А чем костер жечь, Джерри? — Я обвел рукой деревья, растущие возле пещеры и над нею. — Все, что может гореть, покрыто ледяной коркой сантиметров пятнадцать в толщину.

— В пещере...

— Наше топливо? — Я помотал головой. — Неизвестно, сколько еще продлится зима. Ты уверен, что дров у нас достаточно и мы можем позволить себе роскошь швырять их на ветер или, что одно и то же, на сигнальные костры?

— Это ведь шанс, Дэвидж. Наш шанс!

Выживем мы или погибнем — орел или решка. Я решил рискнуть:

— Была не была!

За последующие несколько часов мы вытащили наружу четверть любовно собранного запаса дров и свалили у входа в

пещеру. Когда мы закончили — задолго до наступления вечера, — небо опять закуталось в толстенное серое одеяло. Каждую ночь мы то и дело проверяли небо, ожидая появления звезд. Днем же нам частенько приходилось часами скалывать наледь с поленницы. И все-таки в нас тлела искорка надежды; но вот в один прекрасный день запасы топлива в пещере иссякли, и мы были вынуждены позаимствовать дрова из сигнальной поленницы.

Той ночью, впервые за все время нашего знакомства, вид у драконианина был вконец пришибленный. Джерри сидел у очага, глядя в огонь. Но вот рука его нырнула за пазуху, под куртку змеиной кожи, и извлекла оттуда подвешенный на цепочке золотой кубик. Сжав кубик в обеих руках, Джерри закрыл глаза и забормотал что-то по-дракониански. Я, лежа на постели, молча следил за происходящим, пока Джерри не умолк. Но вот драконианин со вздохом вернул загадочный предмет на место, под куртку.

— Что это за штука?

Джерри поглядел на меня, нахмурился, потрогал свою куртку.

— Ты об этом? Это мой *Талман* — то, что у вас зовется Библией.

— Наша Библия — книга. Знаешь, там страницы, их можно перелистывать.

Джерри опять вытащил из-за пазухи диковинную вещицу, пробормотал какую-то фразу по-дракониански и принялся возиться с маленькой застежкой. Из первого золотистого кубика вывалился второй, его-то драконианин и протянул мне.

— Поосторожнее, Дэвидж.

Я уселся на постели и, приняв загадочный предмет, осмотрел при свете огня в очаге.

Три откидные пластинки золотистого металла служили переплетом для книжицы толщиной сантиметра два с половиной. Раскрыв книгу примерно на середине, я окинул взглядом сдвоенные столбцы точек, черточек и закорючек.

— По-дракониански написано.

— Конечно.

— Но ведь я не умею читать.

У Джерри брови взмыли вверх.

— Ты так хорошо владеешь драконианским языком, мне даже в голову не приходило... хочешь, я тебя научу?

— Читать?

— А что тут такого? Ты ведь не опаздываешь на свидание?

— Что верно, то верно. — Я повел плечами. И попытался пальцем перевернуть крохотную страничку. Перелистнул я страниц пятьдесят разом. — Страницы слиплись.

Джерри показал на бугорочек в верхней части корешка.

— Вытащи булавку. Она для того, чтобы перелистывать страницы.

Я извлек коротенькую иглу, тронул ею страницу, и она, отделясь от соседних, легко перевернулась.

— Кто написал твой *Талман,* Джерри?

— Многие авторы. Все великие учители.

— Шизумаат?

— В том числе Шизумаат, — кивнул Джерри.

Захлопнув книжечку, я подержал ее на ладони.

— Джерри, почему ты вынул ее именно сейчас?

— Искал в ней утешения. — Драконианин развел руками. — Этот клочок суши. Возможно, мы тут состаримся и умрем. Возможно, нас никогда не отыщут. Сегодня я это понял, когда мы понесли сигнальные поленья в пещеру. — Джерри сложил руки на животе. — Здесь будет рожден Заммис. *Талман* помогает мне примириться с тем, чего я не в силах изменить.

— А до Заммиса долго еще осталось?

— Недолго, — улыбнулся Джерри.

Я взглянул на крохотную книжицу.

— Хорошо бы, ты научил меня читать, Джерри.

Сняв с шеи цепочку и футляр, Джерри подал мне то и другое.

— Вот так полагается хранить *Талман.*

С секунду я подержал книжечку, но тут же опомнился.

— Не могу я ее принять, Джерри. Она явно дорога тебе до чрезвычайности. Вдруг потеряю?

— Не потеряешь. Держи у себя, пока учишься. Ученику так положено.

Я надел цепочку на шею.

— Ты мне оказываешь немалую честь.

Джерри слегка удивился.

— Гораздо меньшую, чем оказываешь мне ты, заучивая родословную семейства Джерриба. В твоем изложении она звучит правильно и трогательно.

Взяв в очаге уголек, Джерри подошел к стене. В тот вечер я выучил тридцать одну букву драконианского алфавита и дополнительно девять букв, употребляемых в литературных текстах.

В конце концов дрова подошли к концу. Ближе к тому времени, как Заммису появиться на свет, Джерри здорово отяжелел и очень-очень недомогал, и под силу ему было разве что, опираясь на мою руку, выбираться из пещеры по нужде. Поэтому на мою долю приходился сбор дров (для чего я с помощью единственной уцелевшей палки сбивал наледь с промерзшего сухостоя), а также стряпня.

Однажды вьюжным днем я заметил, что льда на деревьях вроде как поубавилось. По всей видимости, зима шла на убыль и дело повернуло к весне. Лед я сбивал в превосходном расположении духа, предвкушая приход весны и думая о том, что от такой новости Джерри приободрится. Зима страшно угнетала моего дракошу. Я как раз работал в лесу над пещерой (скидывал вниз охапки заготовленных дров), когда раздался вопль. Я так и застыл на месте, потом огляделся. Ничего не видно, кроме моря да льда вокруг. Тут вопль повторился:

— Дэвидж!

Джерри. Я выронил из рук очередную охапку дров и помчался к расселине в скале — по этой расселине пролегал кратчайший путь от пещеры к лесу. Джерри вновь завопил; тут я поскользнулся и дальше уж не бежал, а катился вниз до самого выступа, который располагался вровень со входом в пещеру. Я вихрем пронесся по проходу и наконец добрался до жилого грота. На постели, взрывая пальцами песок, корчился Джерри.

Я упал на колени рядом с драконианином.

— Я здесь, Джерри. Что с тобой? Что случилось?

— Дэвидж! — Драконианин закатил невидящие глаза; некоторое время он беззвучно шевелил губами, потом испустил очередной вопль.

— Джерри, вот я! — Я потряс драконианина за плечи. — Это же я, Джерри, Дэвидж!

Джерри повернул ко мне искаженное лицо и с силой, какую придает нестерпимая боль, вцепился в мою руку.

— Дэвидж! Заммис... что-то неладно!

— Что? Чем тебе помочь?

Джерри опять закричал, но тут же безвольно обмяк в полуобмороке. Неимоверным усилием драконианин заставил себя очнуться и притянул мою голову к своим губам.

— Дэвидж, поклянись мне.

— В чем, Джерри? В чем поклясться?

— Заммиса... на Драко. Пусть предстанет перед фамильными архивами. Сделай это для меня.

— Как тебя понять? Ты так говоришь, словно помирать собрался.

— Собрался, Дэвидж. Заммис — двухсотое поколение... очень важно. Выведи мое дитя в жизнь на прямую дорогу, Дэвидж. Поклянись!

Свободной рукой я утер взмокший лоб.

— Ты не умрешь, Джерри. Крепись!

— Полно! Взгляни правде в лицо, Дэвидж! Я умираю! Ты должен обучить Заммиса родословной Джерриба... и книге *Талман, гавей?*

— Прекрати! — Осязаемой тяжестью на меня навалился панический страх. — Прекрати такие разговоры! Ты ведь не умрешь, Джерри. Давай же, борись за жизнь, *кизлодда* ты, сукин сын...

Джерри вскрикнул. Дышал он неглубоко, то погружался в забытье, то вновь приходил в сознание.

— Дэвидж.

— Что? — Я вдруг понял, что всхлипываю как маленький.

— Дэвидж, помоги Заммису появиться на свет.

— Что... как то есть? Ты о чем?

Джерри отвернулся к пещерной стенке.

— Подними мне куртку, Дэвидж. Скорее!

Я задрал вверх куртку змеиной кожи; обнажился вздутый живот. Из ярко-красной складочки посреди живота сочилась прозрачная жидкость.

— Что же... что я должен делать?

Джерри учащенно задышал, потом затаил дыхание.

— Раздвинь! Раздвинь пошире, Дэвидж!

— Нет!

— Сделай это! Прошу тебя; иначе Заммис погибнет!

— Какое мне дело до твоего треклятого ребенка, Джерри? Ты лучше скажи, как спасти тебя?

— Раздвинь пошире... — прошептал драконианин. — Позаботься о моем малыше, *иркмаан*. Пусть Заммис предстанет перед архивами рода Джерриба. Поклянись мне в этом.

— Ох, Джерри...

— *Поклянись же!*

— Клянусь... — Жгучие слезы градом хлынули у меня по щекам. Джерри, закрыв глаза, ослабил хватку на моей кисти. Окаменев от горя, я опустился на колени возле драконианина. — Нет. Нет, нет, нет, нет.

— *Раздвинь! Раздвинь пошире, Дэвидж!*

Я нерешительно дотронулся до складки на животе у Джерри. Под моими пальцами пульсировала жизнь, пытаясь вырваться из безвоздушной темницы драконьего чрева. Эту новую жизнь я возненавидел, люто возненавидел треклятое отродье, как никогда ничего прежде не ненавидел. Меж тем пульсация у меня под пальцами слабела, а там и вовсе замерла.

Пусть Заммис предстанет перед архивами рода Джерриба. Поклянись мне в этом...

Клянусь...

Собравшись с духом, я ввел свои большие пальцы в складку и тихонько потянул на себя. Постепенно я наращивал усилие и наконец исступленно рванул. Складка поддалась, при этом забрызгав мне куртку прозрачной жидкостью. Расширив отверстие, я увидел недвижного Заммиса, скорчившегося как бы в ванночке, наполненной жидкостью.

Меня стошнило. Когда блевать стало нечем, я погрузил руки в жидкость и подвел их под младенца-драконианина. Приподнял его, вытер свои губы о верхнюю часть рукава, прижался губами к ротику Заммиса и раскрыл крохотные губенки. Трижды, четырежды вталкивал я воздух в легкие младенца, но вот он закашлялся, а там и закричал. Растительным волокном я перетянул две пуповины, затем перерезал их, отделив Джеррибу Заммиса от плоти бездыханного родителя.

Занеся камень высоко над головой, я с размаху изо всех сил ударил по льду. Во все стороны брызнула ледяная крошка, обнажив темную зелень. Я опять поднял камень и опять с си-

лой опустил, выбив изо льда другой камень. Я подобрал этот второй камень и отнес к наполовину засыпанному трупу дракошки. Дракошка, подумал я. Хорошо. Так и называй его в мыслях — дракошка. Жабья рожа. Гермафродит паршивый. Враг. Как угодно называй, лишь бы заглушить боль утраты.

Оглядев груду камней, я решил, что этого хватит для завершения похорон, и преклонил колени у могилы. Укладывая на пирамиду последние камни, не обращая внимания на мокрый снег, застывающий на змеиной коже моей одежды, я едва сдерживал слезы. Потер руки, чтоб согрелись. Весна не за горами, но слишком долгое пребывание на воздухе по-прежнему опасно. А ведь возиться с могилой драконианина пришлось порядочно. Подняв очередной камень, я уложил его на место. Он придавил кожаное покрывало, и тут я понял, что труп уже окоченел. Торопливо навалил сверху остаток камней и встал.

Ветер едва не сбил меня с ног, я с трудом балансировал на льду возле могилы. Бросив взгляд на бурлящее море, я поплотнее запахнул на себе змеиные шкуры и глянул вниз, на каменную пирамидку. *Хоть бы какие-нибудь слова высечь. Нельзя же просто предать прах земле и тут же как ни в чем не бывало сесть за обед. Нужны хоть какие-нибудь слова.* Но какие именно? Я не религиозен, не был религиозным и драконианин. Что касается смерти, то его официальная философия относится к ней так же, как и моя неофициально-личная, отрицающая мусульманские услады, языческие валгаллы, христианское царствие небесное. Смерть есть смерть, конец, финал; прахом был и в прах обратишься... Но все равно нужны *хоть какие-нибудь слова.*

Я сунул руку за пазуху и сомкнул ее на золотом кубике *Талмана.* Ощутив сквозь варежку острые углы, я с закрытыми глазами мысленно перебрал изречения выдающихся драконианских философов. Однако ничего подходящего к случаю не припомнил.

Талман — книга о жизни. Слово *талма* означает «жизнь», ею-то и занимается философия драконианин. До смерти у этой философии не доходят руки. Смерть есть непреложный факт, конец жизни. В Талмане не нашлось нужных слов. Порывами налетал леденящий ветер, я зябко ежился. Мои пальцы уже успели онеметь, закоченевшие ноги пронизывала боль. Но все равно нужны слова. Однако на ум приходили только такие, от

которых откроется некий шлюз и меня всего затопит горе, горе осознанной утраты. *Но все равно... все равно нужны слова.*

— Джерри, я... — Слов не было. Я отвернулся от могилы, и мои слезы смешались с мокрым снегом.

Окутанный теплом и безмолвием пещеры, я сидел на тюфяке, привалясь к пещерной стенке. Все пытался развлечься игрой теней и бликов света, которые огонь отбрасывал на противоположную стенку. Причудливые фигуры формировались лишь наполовину и тотчас исчезали вприпляску, прежде чем я успевал сосредоточиться и толком их разглядеть. В детстве я любил всматриваться в облака, видел там всякие лица, крепости да замки, зверей, драконов, великанов. Это был мир ухода от действительности, ухода в фантазию, он как бы впрыскивал диво и приключение в скучные и размеренные будни мальчишки, родившегося в обеспеченной семье и ведущего обеспеченное существование. На пещерной же стенке мне удавалось разглядеть всего лишь некую проекцию ада: языки пламени словно лизали искаженное, гротесковое изображение осужденных грешников. При мысли об аде мне стало смешно. Ведь ад рисуется нам этаким пожаром под управлением зубоскала-садиста, облаченного в форму пожарника. На Файрине IV я твердо усвоил другое: ад — это одиночество, голод и нескончаемые холода.

До меня донеслось повизгивание, я бросил взгляд в полумрак — там в уголке пещеры был припасен тюфячок. Джерри собственноручно приготовил для Заммиса мешочек змеиной кожи и набил его шелухой от семян. Маленькое существо снова пискнуло, и я повернулся к нему, недоумевая, чего же ему надо. От страха я даже похолодел. Что едят драконьи дети? Драконианне ведь не млекопитающие. А нас на боевой подготовке всего-то и научили, что распознавать дракошек... да еще убивать их. Потом меня охватила сущая паника: что же я пущу в ход вместо пеленок?

Дитя вновь заскулило. Я с усилием поднялся на ноги, подошел к крохе и опустился возле него на песок. Из свертка, когда-то служившего Джерри летной формой, мне замахали пухленькие трехпалые ручонки. Я поднял сверток, перенес поближе к огню и уселся на камень. Кое-как примостив сверток у себя на коленях, я осторожненько развернул его. Под жел-

тыми, налитыми сном веками я приметил поблескивание желтых глазок Заммиса. Начиная от чуть ли не безносой мордочки и сплошных челюстей и кончая насыщенно-желтым цветом кожи, Заммис по всем статьям был миниатюрной копией Джерри, если не считать подкожного жирка. Младенец, можно сказать, оброс складочками жира. Я внимательно осмотрел его и обрадовался, увидев, что дитя нигде не напачкало.

— Есть-то хочешь? — Я глянул Заммису в личико.

— *Гу.*

Челюсти у него были готовы к действию, и я решил, что драконианне скорее всего с первого же дня жуют твердую пищу. Я отщипнул кусочек сушеной змеятины и коснулся им губок младенца. Заммис отвернул головенку.

— Ешь давай, ешь. Ничего лучше здесь не сыскать.

Я опять прижал змеятину к его губам, и тогда Заммис оттолкнул ее пухлой ручонкой.

— Ладно, проголодаешься — получишь, — уступил я.

— *Гу, ме!* — Головенка покачивалась у меня на коленях, крохотная трехпалая ладошка сомкнулась вокруг моего пальца, и дитя вновь захныкало.

— Есть ты не хочешь, пеленки менять не нужно, так чего ж тебе надо? *Кос ва ну?*

Личико Заммиса сморщилось, одна ручонка потянула меня за палец, другая махнула в направлении моей груди. Я взял Заммиса на руки, чтобы завернуть, как раньше, в летную форму, а крохотные ручонки вцепились в змеиную кожу моей куртки, и дитя подтянулось ко мне вплотную. Я прижал его теснее — оно прильнуло щечкой к моей груди и тут же уснуло.

— Вот оно что... Разрази меня гром!

Пока Джерри-драконианин был жив-здоров, у меня и мысли не возникало о том, как я близок к сумасшествию. Мое теперешнее одиночество было сродни раку и, подобно злокачественной опухоли, питалось ненавистью: ненавистью к планете с ее нескончаемыми морозами, нескончаемыми ветрами и нескончаемой уединенностью; ненавистью к беспомощному желтокожему младенцу, который, цепляясь за меня, требовал заботы, еды и любви, хоть я и не мог дать ему ни того, ни другого, ни третьего; наконец, ненавистью к самому себе. Я ловил себя на том, что совершаю чудовищные и омерзитель-

ные поступки. Пытаясь пробить глухую стену одиночества, я, бывало, разговаривал сам с собой, кричал, распевал песни, ругался на чем свет стоит, городил вздор и вообще отводил душу как умел.

Глаза малыша были раскрыты, он махал пухлыми ручками и гулил. Я подобрал с полу увесистый камень, проковылял в угол и занес каменную тяжесть над крохотным тельцем.

— Мне ведь недолго и уронить эту штуковину, малыш. Что с тобой тогда станется? — К горлу подступил истерический смех. Я отшвырнул камень. — Но стоит ли пачкать пещеру? Наружу тебя! Вынесу на минутку, и тебе крышка! Слышишь меня? Крышка!

Дитя покрутило трехпалыми лапками в воздухе, закрыло глазки и расплакалось.

— Почему ты не ешь? Почему под себя не ходишь? Почему ничего не делаешь, что положено, только ревешь?

Дитя заплакало еще пуще.

— Ба! Надо было прикончить тебя тем камнем. Самое милое дело...

Тут меня захлестнула волна отвращения к себе, я осекся, вернулся к своему тюфяку, взял шапку, варежки, шарф и полез вон из пещеры.

Еще не дойдя до каменной загородки у входа, я съежился от колючего ветра. Выбравшись на воздух, остановился, обвел взглядом море и небо, увидел перед собой мутную панораму, выдержанную в восхитительных тонах — черном и белом, сером и темно-сером. Очередной порыв ветра кинулся на меня, едва не загнав обратно в пещеру. Я все-таки удержался на ногах, подошел к кромке обрыва и погрозил морю кулаком.

— Ну давай! Давай же, дуй, бушуй, сучье ты отродье, *кизлодда!* Меня ты пока не прикончило!

Я покрепче зажмурил опаленные ветром веки, потом открыл глаза и посмотрел вниз. До ближайшего выступа — метров сорок, но, если разбежаться, это расстояние можно преодолеть. А там уж до скал, что в самом низу, останется каких-нибудь сто пятьдесят метров. Прыгай. Я попятился от обрыва. *Прыгай! Конечно, прыгай!* Я отрицательно мотнул головой, глядя на море: нет уж, я вместо тебя трудиться не стану! Желаешь мне погибели, так потрудись умертвить меня сам, своими силами!

Я глянул назад и вверх — небо темнело на глазах, через час-другой весь пейзаж будет укрыт саваном ночи. Я обернулся к расселине — той, что ведет к приземистому лесу над пещерой.

Присев на корточки у могилы драконианина, я обследовал груду камней: их уже скрепила пленочка льда. Джерри! Как же я теперь без тебя?

Сидит, бывало, драконианин у огня, оба мы что-нибудь шьем. И беседуем.

— А знаешь, Джерри, все это, — я приподнимаю повыше Талман, *— все это я слыхал и прежде. Я-то ожидал чего-нибудь нового.*

Драконианин кладет рукоделие на колени и секунду испытующе смотрит на меня. Затем, качнув головой, вновь принимается за шитье.

— Не слишком глубоко ты мыслишь, Дэвидж.

— Это как же понимать?

Джерри протягивает трехпалую ладонь.

— Вселенная, Дэвидж, вокруг нас Вселенная — живые существа, неодушевленные предметы, всевозможные события. Не всё, конечно, одинаково, есть и различия, но Вселенная-то одна и та же, и все мы обязаны подчиняться одним и тем же законам природы. Ты об этом задумывался?

— Нет.

— Вот так и надо понимать. Не слишком глубоко мыслишь.

Я фыркаю.

— Говорил же я тебе, что все эти мысли мне и раньше были знакомы. Стало быть, как я себе представляю, люди не менее глубоко мыслят, чем драконианe.

Джерри смеется.

— Из каждого моего слова ты упорно выводишь какие-то обобщения расового характера. Мое замечание относится к тебе лично, а не к человечеству в целом...

Я сплюнул на мерзлую почву. Вы, дракошки, воображаете себя великими умниками. Ветер крепчал, в нем ощущался солоноватый привкус моря. Надвигался очередной штормяга. Небо приобретало своеобразную темную окраску, не раз вводившую меня в заблуждение: вопреки всему я воспринимал

этот цвет не как черный, а как темно-синий. За воротник откуда-то скользнула сосулька.

Что же тут дурного, если я просто-напросто я? Не всем же быть философами, жабья ты рожа! Ведь таких, как я, во Вселенной насчитываются миллионы и даже миллиарды. Если не больше. Кому какая разница, задумываюсь я над смыслом жизни или не задумываюсь? Живем — и все тут, больше мне и знать-то ничего не положено.

— Дэвидж, ты и свою-то родословную выучил не дальше родителей, а теперь вдобавок отказываешься узнавать о своей Вселенной то, что доступно познанию. Каким же образом ты определишь свое место в жизни, Дэвидж? Где ты обретаешься? Кто ты есть?

Качая головой, я воззрился на могилу, потом отвернулся к морю. Самое позднее через час стемнеет окончательно, и белые барашки пены станут невидимками во мгле. Я — это я, вот кто я есть. Но тот ли самый «я» занес недавно камень над Заммисом, желая смерти беспомощному младенцу? Мне прямо кишки скрутило — до того явственно почудилось, будто одиночество, отрастив клыки и когти, впилось в меня, вгрызлось и теперь высасывает жалкие остатки моего здравого рассудка. Я вновь повернулся к могиле, закрыл глаза, потом открыл. Я космоистребитель, Джерри. Разве этого мало?

— Это твое занятие, Дэвидж, но отнюдь не ты и не то, что ты собой представляешь.

Став на колени у могилы, я принялся было разгребать обледенелые камни.

— Не надо, дракошка, не разговаривай со мной больше! *Ты ведь мертв!* — Тут я умолк, сообразив, что слова, всплывшие в моем сознании и будто бы произнесенные Джерри, на самом деле почерпнуты из *Талмана,* но только видоизменены применительно к моим собственным обстоятельствам. Я рухнул на камни, дрожа от ветра, затем не без труда поднялся на ноги. Знаешь, Джерри, Заммис ведь ничего не ест. Вот уже трое суток подряд. Что делать? Ну почему ты ничегошеньки не рассказал мне о драконятах, перед тем как... Я закрыл лицо

руками. Спокойно, парень. Не вешай носа, и тебя поместят в приличный дурдом. Ветер отчаянно давил мне в спину; я уронил руки и отошел от могилы.

Я сидел у очага, глядя в огонь. Сквозь каменные своды пещеры вой ветра не проникал, дрова были сухие, пламя горело жарко и ровно. Я постучал пальцами по коленям, потом замурлыкал какую-то мелодию. Шум — любого происхождения — помогает отгонять гнетущее одиночество.

— Сукин ты сын. — Рассмеявшись, я покивал головой. — Да-да, еще какой, и *кизлодда ва ну, дутщаат.* — Я хмыкнул, припоминая все драконианские проклятия и ругательства, которым выучился у Джерри. Их набралось порядком. Отбивая ногой такт по песку, я опять замурлыкал. Потом умолк и сосредоточенно нахмурился — стал восстанавливать в памяти слова.

Левой, правой! Боже правый,
Знай, кто мы такие!
До-ре-ми, черт нас возьми, —
Космачи лихие.

Прислонясь к стенке пещеры, я попытался вспомнить еще какую-нибудь военную песенку.

Вы здесь в казарме, мистер Джон.
Вы здесь солдат, а не пижон.
Нынче война, и любовь не для вас.
Разве что будет секретный приказ —
Ублажать подполковничьих жен.

— О черт! — Я хлопнул себя по коленке, вообразив физиономии пилотов из нашей эскадрильи, какими они запомнились мне по казарменному уголку отдыха. До того явственно они мне представились, что прямо ноздри защекотало от перегара. Ваддик, Вустер, Арнолд, этот... как бишь его, с перебитым носом... Димирест, Кадиц. Схватив воображаемую кружку с воображаемым грогом, положенным нам по нормам довольствия, и помахивая ею в такт песне, я вновь замурлыкал:

Мы пленного отправим в чем мама родила,
А ежели представится нам случай,

Врагу насыплем в задницу толченого стекла,
Для верности заклеив-засургучив.

Пещеру заполнило эхо разухабистой песни. Я встал, потянулся и гаркнул во всю глотку:

— Йе-э-э-э-э-хо-о-о-о-о!

Тут разревелся Заммис. Я подошел к тюфячку.

— Ну что? Проголодался?

— *Анх, анх, веэ.* — Дитя мотало головкой: туда-сюда, туда-сюда.

Подойдя к очагу, я отщипнул волоконце змеятины и вернулся к малышу. Опустившись на колени рядом с Заммисом, я поднес волоконце к его губкам. Как и раньше, дитя оттолкнуло предложенную еду.

— Это ты зря. Есть-то надо!

Я предпринял еще одну попытку — с тем же результатом. Тогда я распеленал Заммиса и осмотрел крохотное тельце. Дитя ощутимо убавило в весе, хоть с виду и не ослабло. Что ж, я вновь запеленал младенца, встал и направился было к своему тюфяку.

— *Гу-у, веэ.*

— Чего? — Я обернулся.

— *А, гу, гу.*

Я опять подошел к тюфячку, нагнулся и поднял младенца на руки. Глазки его были открыты, он заглянул мне в лицо и расплылся в улыбке.

— Ну что ты надо мной-то смеешься, уродец? Лучше бы на себя на самого в зеркало полюбовался.

Заммис разразился отрывистым смехом, а после загукал от удовольствия. Я уселся на тюфяк и пристроил Заммиса у себя на коленях.

— *Гумма, бух, бух.* — Ручонка ухватилась за клочок змеиной кожи, служивший клапаном на моей рубашке, и потянула его на себя.

— Сам ты *гумма-бух-бух.* Так-так, а теперь мы чем займемся? Хочешь, начну преподавать тебе родословную семейства Джерриба? Все равно ты никуда от нее не денешься, рано или поздно придется зубрить, а потому можно спокойно начать хоть сегодня.

Родословная семейства Джерриба... Единственное, за что когда-либо до небес превозносил меня Джерри, — это за добросовестное ее воспроизведение. Я посмотрел в глазенки Заммиса.

— Настанет день, подведу тебя к архивам рода Джерриба, и ты скажешь: «Вот я стою пред вами — я, Заммис из рода Джерриба, рожденный от Шигена, космоистребителя...»

Я улыбнулся при мысли о том, сколько желтых броней поползет кверху, если Заммис продолжит так: *«И дьявольски толковым истребителем был этот Шиген, доложу я вам. Чего уж больше, мне рассказывали, как он однажды, получив серьезнейшие повреждения, успел катапультироваться, да еще перед этим сбил одного сукина сына,* кизлодда, *всем и каждому известного под именем Уиллис Дэвидж...»*

Я сокрушенно покачал головой.

— Если будешь излагать свою родословную по-английски, тебя за это по головке не погладят, Заммис.

И начал снова:

— *Наата ну энта ва, Заммис зеа доэз Джерриба, эстай ва Шиген, асаам наа денвадар...*

Восемь долгих дней и ночей я изнывал от страха, что дитя не выживет. Перепробовал решительно все подручные средства: коренья, сушеные ягоды, сушеные фрукты, вяленую змеятину — все в вареном, пережеванном и перемолотом виде. Заммис упорно воротил мордашку. Я его частенько распеленывал, но всякий раз пеленки оказывались такими же чистенькими, как и когда я впервые завернул в них младенца. Заммис убавлял в весе, зато, по-видимому, день ото дня набирался силенок. На девятый день дитя вовсю ползало по полу пещеры. А пещера, даже при горящем очаге, никогда толком не прогревалась. Я боялся, как бы младенец не простыл, разгуливая голышом, а потому облачил его в крохотные костюмчик и шапочку из змеиной кожи, собственноручно сшитые Джерри. Надев все это на Заммиса, я поставил его на пол и окинул взглядом. У малыша уже выработалась непередаваемо озорная улыбка; в сочетании с плутоватыми искрами в желтых глазенках, с костюмчиком и шапочкой она придавала Заммису сходство с эльфом. Поначалу я руками удерживал Заммиса в стоячем положении. Но малыш, похоже, вполне твердо держался на ногах, и я убрал руки. Заммис улыбнулся, взмахнул

исхудалыми ручонками, потом, рассмеявшись, сделал неуверенный шажок ко мне. Я перехватил малыша, не дав ему упасть, и маленький драконианин взвизгнул.

Спустя еще двое суток Заммис бодро ходил и совался повсюду, куда только можно. Возвращаясь в пещеру после недолгого отсутствия, я каждый раз проводил немало тревожных минут, обшаривая в поисках малыша глубинные закоулки пещеры. В один прекрасный день, перехватив Заммиса у самого выхода (малыш на всех парах мчался наружу), я решил, что с меня довольно. Смастерил из змеиной кожи шлейку, снабдил ее длинным поводком из той же змеиной кожи, а свободный конец поводка прикрепил к выступу скалы над своим тюфяком. Заммис по-прежнему совался повсюду, но теперь его по крайней мере можно было без труда разыскать.

Минуло четыре дня с тех пор, как дитя выучилось ходить, и вот теперь оно попросило еды. Пожалуй, во всей Вселенной не найдешь детишек удобнее и практичнее драконианских. В течение трех или четырех земных недель драконята существуют за счет подкожных жировых отложений, и все это время у них отсутствуют естественные потребности. А вот научившись ходить и, стало быть, обретя возможность добраться до какого-либо обусловленного, взаимоприемлемого местечка, они начинают испытывать голод и жажду, а также выводить из организма отходы жизнедеятельности. Один-единственный раз показал я малышу, как надо пользоваться мусорным ящичком, который я специально на такой предмет изготовил, и второго раза уже не понадобилось. После пяти-шести уроков Заммис самостоятельно снимал и надевал штанишки. Следя за тем, как растет и обучается маленький драконианин, я понемногу начал понимать тех ребят из нашей эскадрильи, которые изводили друг друга — да и всех окружающих — бесчисленными фотокарточками омерзительных малюток, причем каждый снимок сопровождался тридцатиминутными россказнями-пояснениями. Еще до того, как начал таять лед, Заммис заговорил. Я приучил его звать меня дядей.

Тот сезон, когда тает лед, я за неимением лучшего термина окрестил весной. Много воды утечет, прежде чем зазеленеет низкорослый лес и змеи рискнут высунуться из ледовых нор. Небо по-прежнему было затянуто вековечной пеленой

злых студеных туч, по-прежнему мела снежная крупка, решительно все обволакивая скользкой твердой глазурью. Однако на другой же день глазурь таяла, а теплый воздух пробивался в глубь почвы еще на один миллиметр.

Я понял, что теперь самое время заготовлять дрова. В канун зимы мы с Джерри не сумели заготовить впрок достаточное их количество. Быстротечное лето придется посвятить сбору и заготовке продуктов на следующую зиму. Я надеялся соорудить более прочную дверь у входа в пещеру и поклялся себе, что изобрету какую-никакую домашнюю сантехнику. Как ни говори, а снимать штаны на морозе в разгар зимы — удовольствие ниже среднего, да вдобавок опасное. Вот чем была у меня забита голова, когда я, развалясь на тюфяке, глядел, как сквозь щель в кровле улетает дым очага. Заммис в каком-то из закоулков играл в камешки, которых я ему насобирал специально для забав, а сам я, должно быть, задремал. Проснулся я оттого, что малыш тряс меня за руку.

— Дядя!

— А? Что, Заммис?

Я повернулся на бок — лицом к маленькому драконианину. Заммис поднял свою ладошку, растопырив пальчики.

— В чем дело, Заммис?

— Смотри. — Дитя показало мне все три пальчика поочередно. — Один, два, три.

— Ну и что?

— Смотри. — Схватив мою ладонь, Заммис оттопырил мне пальцы. — Один, два, три, *четыре, пять!*

— Значит, ты научился считать, — кивнул я.

Драконианин нетерпеливо отмахнулся кулачком.

— Смотри. — Дитя схватило мою вытянутую руку, а свою положило поверх. Другой ручонкой Заммис показал сперва на свой палец, потом на один из моих: — Один, один.

Желтые глазенки воззрились на меня вопрошающе, стремясь убедиться, все ли я понимаю.

— Так.

— Два, два, — вновь показало дитя, подняло на меня глазенки, затем перевело взгляд мне на руку и опять показало: — Три, три. — Потом малыш схватил два моих лишних пальца. — *Четыре, пять!* — Он выпустил мою руку, затем ткнул себя в ладошку. — Четыре, пять — где?

Я тряхнул головой. Заммис, которому и четырех земных месяцев не сравнялось, частично уловил разницу между драконианами и людьми. Человеческий детеныш начинает задавать подобные вопросы лет... ну, не знаю, лет в пять, шесть, семь. Я вздохнул.

— Заммис!

— Да, дядя?

— Заммис, ты драконианин. У всех дракониан на руке только три пальца. — Я поднял правую руку и пошевелил пальцами. — А я человек. У меня их пять.

Я мог бы поклясться, что глаза ребенка наполнились слезами. Заммис вытянул свои ручонки, поглядел на них, качнул головой.

— Вырасти четыре, пять?

Я сел лицом к малышу. Заммис не мог взять в толк, почему у него отсутствуют целых четыре пальца.

— Слушай-ка, Заммис. Мы с тобой разные... разные существа, понимаешь?

Заммис затряс головой.

— Вырасти четыре, пять?

— Нет, не вырастут. Ты ведь драконианин. — Я стукнул себя по груди. — А я человек. — Впрочем, такое объяснение ни к чему не приведет. — Твой родитель, тот, что дал тебе жизнь, был драконианин. Понял?

— Драконианин. Что это — драконианин? — нахмурился Заммис.

Меня так и подмывало прибегнуть к старому доброму спасительному приему «вырастешь — узнаешь». Однако я не пошел по пути наименьшего сопротивления.

— У дракониан на каждой руке по три пальца. У твоего родителя было на руках по три пальца. — Я поскреб бороду. — Мой родитель был человеком и имел на каждой руке по пять пальцев. Вот почему у меня на руках тоже по пять пальцев.

Опустившись коленями на песок, Заммис принялся изучать собственные пальцы. Посмотрел на меня, на свои ладошки, опять на меня.

— Как это — родитель?

Тут уж я принялся изучать малыша. У него не иначе как кризис становления личности. Единственное разумное суще-

ство, им когда-либо виденное, — это я, а у меня на каждой руке по пять пальцев.

— Родитель — это... такая штука... — Я опять поскреб бороду. — Вот смотри сам: все мы откуда-то беремся. У меня были мать и отец — два разных человека, они и подарили мне жизнь; так получился я, понял?

Заммис окинул меня взглядом, в котором ясно читалось: что-то ты больно много о себе разболтался.

— Это трудно объяснить, — вздохнул я.

Заммис ткнул себя в грудь.

— А моя мать? Мой отец?

Я развел руками, уронил их на колени, поджал губы, почесал бороду — в общем, тянул время как мог. А Заммис ни на миг не отводил от меня немигающих глаз.

— Понимаешь, Заммис, у тебя нет матери и отца. У меня есть, потому что я человек, но ведь ты-то драконианин. У тебя есть родитель — только один, ясно?

Заммис покачал головой. Глядя на меня, коснулся своей груди.

— Драконианин.

— Верно.

— Человек. — Он коснулся моей груди.

— Опять верно.

Заммис убрал ручонку к себе на колени.

— Откуда получился драконианин?

Господи помилуй! Малышу, которому еще и на четвереньках-то ползать не положено, я вынужден объяснять, как размножаются гермафродиты!

— Заммис... — Я приподнял было руку, но тут же бессильно опустил. — Смотри. Ты видишь, насколько я больше, чем ты?

— Да, дядя.

— Хорошо. — Я пригладил волосы, всячески выгадывая время и надеясь, что ко мне придет вдохновение. — Твой родитель был такой же большой, как я. Звали его... Джерриба Шиген. — Странно, какую боль вызывает даже простое произнесение имени. — Джерриба Шиген был похож на тебя: у него на руках было только по три пальца. А ты вырос у него в животике. — Я ткнул Заммиса в живот. — Понял?

Заммис хихикнул и прижал ручонки к животу.

— Дядя, а как там вырос драконианин?

Я переместил ноги на тюфяк и улегся. Откуда берутся маленькие драконята? Посмотрев на Заммиса, я увидел, что ребенок ловит каждое мое слово. С недовольной миной я выложил ему чистейшую правду:

— Черт меня побери, Заммис, если я знаю. Черт меня побери.

Через полминуты малютка Заммис с упоением играл в камешки.

Летом я показал Заммису, как ловить и свежевать длинных серых змей, а после научил коптить их мясо. Сидит ребенок, бывало, на отмели над какой-нибудь илистой лужицей, желтых глазенок не сводит со змеиных нор — ждет, чтоб хоть один из тамошних обитателей высунул голову. Ветер дует вовсю, а Заммис и ухом не ведет. Но вот появляется плоская треугольная голова с малюсенькими синими глазками. Змея внимательно обследует лужицу, поворачивается и обследует сперва отмель, потом небо. Чуть-чуть вылезет из норы — и опять все проверит заново. Частенько змеи в упор смотрят на Заммиса, но маленький драконианин недвижим словно камень. Заммис не шелохнется, пока змея не выползет из норы достаточно далеко и, значит, уже не сумеет мгновенно улизнуть обратно, хвостом вперед. Тогда Заммис нападает — ухватит змею обеими руками чуть пониже головы. Змеи эти беззубы и неядовиты, зато энергичны и порой, случается, уволакивают Заммиса за собой в лужицу.

Кожи мы расправляли и обертывали вокруг поваленных деревьев, закрепляя там для просушки. Бревна были сложены на открытой площадке вблизи входа, но под скальным козырьком, обращенным прочь от океана. При такой обработке около двух третей змеиных шкур дубились, остальные же сгнивали.

За кожевенным цехом располагалась коптильня — обнесенная камнями каморка, где мы развешивали змеиные тушки. В яме, вырытой в полу каморки, мы разжигали костер из зеленых веток, а после заделывали маленькое входное отверстие камнями и глиной.

— Дядя, а почему мясо не портится, если его прокоптить?

Я задумался.

— Точно не могу сказать, но знаю, что не портится.

— Откуда знаешь?

Пожимаю плечами.

— Знаю, и все. Читал, наверное.

— Что значит «читал»?

— Чтение — это вот как я сажусь и читаю *Талман*.

— А в *Талмане* объясняют, почему мясо не портится?

— Нет. Я имел в виду — что читал в другой книге.

— У нас есть другие книги?

Я отрицательно покачал головой.

— Читал до того, как попал на эту планету.

— Зачем ты попал на эту планету?

— Я ведь тебе объяснял. Мы с твоим родителем совершили здесь вынужденную посадку после боя.

— Почему люди и драконианe воюют?

— Все крайне сложно.

Я неопределенно махнул рукой. У людей позиция такова: драконианe — это агрессоры, вторгшиеся в наш космос. Позиция драконианe, напротив, сводится к тому, что люди — агрессоры, вторгшиеся в их космос. А где же правда?

— Заммис, все объясняется колонизацией новых планет. Обе расы ведут экспансию, у обеих рас издавна сложилась традиция отыскивать и колонизировать новые планеты. Насколько я понимаю, с какого-то определенного дня наша экспансия пошла за счет друг друга. Понял?

Заммис кивнул и — на мое счастье — умолк, поскольку глубоко задумался. Главное-то я от драконьего детеныша познал: существует уйма вопросов, ответы на которые мне неизвестны. При всем том я был весьма доволен собой, ведь я успешно втолковал Заммису краткие сведения о войне и тем самым увильнул от необходимости обнаруживать собственное невежество в вопросах, связанных с заготовкой мяса впрок.

— Дядя!

— Да, Заммис?

— Что такое планета?

К концу сырого, прохладного лета мы битком набили пещеру дровами и пищевыми припасами. Сбросив эти заботы с плеч долой, я вплотную занялся тем, как бы приспособить естественные озерца (в глубине пещеры их было предостаточно) в качестве своего рода внутренней водопроводной систе-

мы. Сама-то ванна не составляла проблемы. Бросая раскаленные камни в одно из маленьких озер, можно довести воду до терпимой и даже приятной температуры. После купания с помощью полых стеблей растения, напоминающего бамбук, можно удалять из пещеры грязную воду. Затем нетрудно вновь наполнить ванну чистой водой из вышележащего озерца. Проблема заключалась в том, куда отводить грязную. В полу нескольких гротов были отверстия. Мы испытали первые три; через них вода просачивалась в нашу центральную жилую «залу», стекая при этом к ее порогу. Прошлой зимой мы с Джерри какое-то время подумывали использовать одно из этих отверстий вместо уборной, беря воду для слива из озерца. Однако мы тогда воздержались, потому что не знали, куда именно она будет сливаться.

Четвертое же отверстие, как оказалось, выводило воду за пределы пещеры, на скалу. Не идеально, но все-таки лучше, чем справлять нужду под градом, метелью или смесью того и другого. Мы расширили отверстие, превратили его в слив для ванны и уборной. Готовясь вместе с Заммисом насладиться первым нашим теплым купанием, я стянул с себя змеиные кожи, попробовал ногой воду и окунулся.

— Здорово! — Я обернулся к Заммису, ребенок успел раздеться только наполовину. — Иди же сюда, Заммис. Чудесная водичка.

Заммис уставился на меня, разинув рот.

— Что с тобой?

Вытаращив глазенки, малыш взмахнул трехпалой ручонкой:

— Дядя... что это такое?

Я глянул вниз.

— Ах это! — Я смущенно посмотрел малышу в лицо. — Заммис, я ведь уже объяснил тебе, ты не забыл? Я же человек.

— Но для чего это?

Я погрузился в теплую воду, тем самым скрыв из виду обсуждаемый предмет.

— Это для выведения из организма ненужной жидкости... ну и еще для кое-чего. А теперь живо мыться.

Сбросив змеиные шкуры, Заммис окинул взглядом свое гладкое тельце — универсальную систему, — после чего скользнул в ванну. Малыш погрузился в воду по самую шейку, но желтых глазенок с меня не сводил.

— Дядя.

— Что?

— Кое еще чего?

Ну что ж, я объяснил. Впервые в жизни маленький драконианин, похоже, усомнился в правдивости моего ответа — раньше-то он принимал на веру каждое мое слово. Откровенно говоря, я убежден: на сей раз Заммис решил, что я вру... может быть, потому, что я действительно наврал ему с три короба.

Зима началась с того, что легкий ветерок осыпал нас хлопьями снежинок. Мы стояли возле груды камней, которые служили Джерри надгробием, я держал малыша за руку. Заммис запахнулся поплотнее в змеиные шкуры — от ветра, склонил головенку, затем обернулся ко мне и поднял глаза.

— Дядя, это могила моего родителя?

— Да, — ответил я.

Вновь повернувшись к могиле, Заммис тряхнул головой.

— Дядя, а что я должен испытывать?

— Не понял, Заммис.

Ребенок кивнул в сторону могилы.

— Я ведь вижу: когда ты здесь, тебе грустно. Мне кажется, ты хочешь, чтобы я тоже испытывал грусть. Хочешь?

Я нахмурился, потом решительно сказал:

— Нет. Я не хочу, чтоб тебе становилось грустно. Мне просто хотелось, чтоб ты знал, где находится эта могила.

— Теперь мне можно идти?

— Конечно. Ты найдешь обратную дорогу к пещере?

— Да. Боюсь, как бы мыло опять не переварилось.

Я провожал взглядом малыша, пока он мелькал среди безлистых деревьев, а после вновь обернулся к могиле.

— Ну что, Джерри, как тебе показался твой отпрыск? Знаешь, однажды Заммис древесной золой оттирал с раковин жир, а потом одну из раковин снова поставил на огонь и налил туда водички, чтобы откипятить остатки пригоревшей еды. Жир и зола. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже варили мыло. Первая партия у Заммиса вышла такая, что с нас чуть шкуру не свезло, но детеныш неуклонно совершенствуется...

Я глянул вверх, на облака, затем перевел взгляд на море. Вдали, у горизонта, громоздились черные тучи.

— Видишь? Тебе-то ясно, что там такое? Намечается ураган номер один.

Ветер крепчал; я присел возле могилы на корточки, подобрал откатившийся камень.

— Заммис славный детеныш, Джерри. Я-то хотел его возненавидеть... после твоей смерти. Хотел возненавидеть.

Я положил камень на место, в надгробие, и опять оглянулся на море.

— Не представляю, как мы выберемся с этой планеты, Джерри...

Краешком глаза я уловил какое-то движение. Повернулся вправо, глянул поверх деревьев. На фоне серого неба отчетливо виднелась черная точка — она стремительно уносилась прочь. Я провожал ее взглядом, пока она не скрылась за тучами.

Я прислушался в надежде уловить рев выхлопов, но сердце у меня колотилось до того гулко, что расслышал я только ветер. Неужто корабль? Я встал, сделал несколько шагов в сторону исчезнувшего пятнышка, но тут же остановился. Оглянувшись, я заметил, что камни в надгробии Джерри уже затянулись тонким слоем снежинок. Я вздохнул и двинулся в пещеру. Скорее всего просто птица.

Заммис сидел на тюфячке, тыкал костяной иголкой в лоскутки змеиной кожи. А я, у себя на тюфяке, следил за дымком, который кольцами тянулся к щели в кровле. Что же это было? Птица или корабль? Черт, не будет мне теперь покоя. Я выбросил из головы всякую мысль о расставании с чуждой планетой, похоронил ее, закопал на все лето. А теперь она опять терзает меня и манит. Ходить под лучами родного солнышка, носить тканую одежду, наслаждаться центральным отоплением, есть блюда, приготовленные искусным поваром, вновь очутиться среди... людей.

Я перекатился на правый бок и уставился в стену, возле которой помещался тюфяк. Люди. Люди-человеки. Я закрыл глаза и сглотнул слюну. Девушки. Женщины. Перед моим мысленным взором проплывали картинки: лица, тела, смеющиеся парочки, танцы после учебных полетов... как же ее звали? Долора? Дора?

Тряхнув головой, я поднялся и сел лицом к огню. Зачем мне такие видения? Ведь я все это благополучно похоронил... забыл... все перекипело.

— Дядя!

Я посмотрел на Заммиса. Желтая кожа, желтые глаза, безносая жабья рожица. Одно расстройство.

— Что?

— Что-нибудь неладно?

Неладно, ха-ха.

— Да нет. Просто мне показалось, будто я сегодня кое-что видел. Впрочем, наверное, ничего и не было.

Потянувшись к очагу, я взял со сковороды кусочек сушеной змеятины. Подул на нее, затем принялся ожесточенно грызть жилистое мясо.

— А как это выглядело?

— Не знаю. Двигалось так, что я было подумал, уж не корабль ли. Но очень быстро исчезло — не поймешь. Возможно, это была птица.

— Птица?

Я пристально глянул на Заммиса. Он никогда не видел птиц; да и я не замечал их на Файрине IV.

— Летающее животное.

Заммис кивнул.

— Дядя, когда мы рубили в лесу дрова, я видел что-то летающее.

— Как-как? Почему же ты ничего не сказал?

— Хотел сказать — и забыл.

— Забыл! — Я насупился. — В каком направлении оно летело?

— Сюда. — Заммис показал пальцем в глубь пещеры. — От моря. — Заммис отложил шитье. — Давай пойдем посмотрим, куда оно улетело.

Я покачал головой.

— Зима только начинается. Ты не представляешь, что такое зима. Мы с тобой и нескольких дней не протянем.

Заммис вновь принялся протыкать дыры в змеиной коже. Поход в зимних условиях — это верная смерть. Другое дело — весна. Если у нас будет палатка, да если одежду сделать из двойного слоя змеиных шкур с прокладкой из растительных волокон, то мы выживем. Надо смастерить палатку. Мы с

Заммисом можем посвятить зиму изготовлению палатки... и рюкзаков. Да, еще ботинки. Нужны прочные походные ботинки. Надо помозговать...

Поразительно, какое пламя способна раздуть искорка надежды: огонь разгорается и в конце концов сжигает отчаяние. Был ли это корабль? Неизвестно. А если был, тогда что он делал — стартовал или совершал посадку? Неизвестно. Если стартовал, то мы с Заммисом пойдем в неверном направлении. Однако противоположное направление ведет в открытое море. Была не была. Весной мы отправимся в путь туда, за лес, посмотрим, что там делается.

Зима промчалась быстро; Заммис трудился над палаткой, а я заново изобретал сапожное ремесло. На змеиной коже я обвел углем контуры наших ступней и после кропотливых экспериментов установил, что если прокипятить змеиную кожу с похожими на сливу плодами, то она становится мягкой и чуть клейкой, как резина. Если уложить такую кожу в несколько слоев и хорошенько просушить под гнетом, то получалась прочная, упругая подошва. Наконец ботинки для Заммиса были готовы, и тут выяснилось, что надо начинать все сначала.

— Маловаты, дядя.

— То есть как маловаты?

— Жмут. — Заммис неопределенно ткнул себе под ноги. — У меня уже все пальцы скривились.

Присев на корточки, я ощупал сквозь ботинки ноги малыша.

— Ничего не понимаю. Ведь с тех пор как я снял мерку, прошло дней двадцать, от силы двадцать пять. Ты уверен, что не шевелился, пока я обводил ступню углем?

— Не шевелился, — мотнул головой Заммис.

Я наморщил лоб, затем распрямился и скомандовал:

— Встань-ка, Заммис.

Драконианин встал, я подошел ближе и прикинул: макушка Заммиса доставала мне до середины груди. Еще каких-нибудь шесть—десять сантиметров, и он сравняется ростом с покойным Джерри.

— Снимай башмаки, Заммис. Я тебе сделаю другую пару, побольше размером. А ты уж старайся расти помедленнее.

Заммис раскинул палатку внутри пещеры, в палатке разложил пылающие угли, затем принялся натирать кожу жиром —

для водонепроницаемости. Драконианин здорово тянулся вверх, и мне пришлось повременить с его обувкой: сошью, когда буду наконец твердо знать нужный размер. Я пытался экстраполировать, обмеряя каждые десять дней ступню Заммиса и мысленно продолжая кривую роста до самой весны. Получалось что-то немыслимое: по моим прикидкам, когда стает снег, ноги у малыша станут каждая с десантный транспорт. К весне Заммис достигнет полного роста. Старые летные сапоги Джерри развалились еще до рождения Заммиса, но «развалины» их я сохранил. Снял с подметок мерку и решил уповать на лучшее.

Я возился с новыми башмаками, а Заммис присматривал за обработкой палаточной кожи. Но вот драконианин перевел взгляд на меня.

— Дядя!

— Что?

— Бытие первично?

— Так утверждает Шизумаат, — ответил я, — у меня нет оснований сомневаться в его выводах.

— Но, дядя, откуда мы *знаем,* что бытие реально?

Я отложил заготовки, посмотрел на Заммиса и, сокрушенно хмыкнув, вернулся к шитью.

— Поверь мне на слово.

— Но, дядя, — недовольно возразил драконианин, — это ведь будет не знание, а вера.

Я вздохнул; мне припомнился второй курс в университете: компания сопливых лоботрясов в тесной дешевой квартирке экспериментирует со спиртным, успокоительными таблетками и философией. Заммису чуть побольше земного года, а он уже превращается в зануду интеллектуала.

— Чем же плоха вера?

У Заммиса вырвался сдавленный смешок.

— Да что ты, дядя! *Вера?*

— Иным она помогает в сей юдоли.

— Где?

Я почесал в затылке.

— В сей юдоли, то есть в жизни. Кажется, Шекспир.

— Этого в *Талмане* нет, — нахмурился Заммис.

— И неудивительно. Шекспир был человеком.

Заммис встал, подошел к очагу и уселся напротив меня.

— Он был философ, такой, как Мистаан или Шизумаат?

— Отнюдь. Он писал пьесы — все равно что рассказы, только их надо разыгрывать.

Заммис потер подбородок.

— А ты помнишь что-нибудь из Шекспира?

Я поднял палец.

— «Быть иль не быть, вот в чем вопрос».

Драконианин отвалил челюсть, после чего кивнул.

— Да. Да! Быть иль не быть, вот уж *действительно* вопрос! — Заммис всплеснул руками. — Откуда мы *знаем,* что за пределами пещеры ярится ветер, если нас там нет и мы этого не видим? Бушует ли море, если нас нет на берегу и мы ничего этого не наблюдаем?

— Конечно, — уверенно сказал я.

— Но, дядя, откуда нам это *известно?*

Я покосился на драконианина.

— Заммис, ответь-ка мне на один вопросик. Истинно или ложно следующее суждение: «Все, что я сейчас говорю, неправда»?

Заммис похлопал веками.

— Если это неправда, значит, суждение истинно. Но... если оно истинно... суждение ложно, но... — Заммис опять моргнул, потом возобновил прерванное занятие — принялся втирать жир в палатку. — Мне надо подумать, дядя.

— Подумай, Заммис.

Он размышлял минут десять, затем проговорил:

— Суждение ложно.

Я улыбнулся:

— Но ведь суждение именно это и утверждает, а следовательно, оно истинно, однако... — Разгадки я ему не раскрыл. Ох, самодовольство, ты ввергаешь в соблазн даже праведников.

— Да нет же, дядя. Суждение в данном конкретном контексте бессмысленно.

Тут уж я пожал плечами.

— Понимаешь, дядя, это суждение исходит из предпосылки, будто существуют некие мерила истинности и ложности, самоценные и не зависящие от всех иных критериев. По-моему, в *Талмане* логика Луррвенны высказывается по этому поводу однозначно, и если приравнять бессмысленность к ложности, то...

— Да, тут такое дело... — вздохнул я.

— Понимаешь, дядя, прежде всего надо условиться о том, в каком контексте твое суждение имеет смысл.

Я подался вперед, насупился, почесал в бороде.

— Понятно. А еще утверждают, что яйцеклетка курицу не учит.

Заммис как-то косо на меня посмотрел и уж совсем опешил, когда я повалился к себе на тюфяк, по-дурацки гогоча.

— Дядя, почему в роду Джерриба повторяются только пять имен? Ты ведь говорил, что в человеческих родословных чередуются множество имен.

Я кивнул.

— Пять имен рода Джерриба — это всего лишь символы, носители же должны украсить их деяниями. Важны деяния, а вовсе не имена.

— Гоциг приходится родителем Шигену, точно так же как Шиген приходится родителем мне.

— Конечно. Ты ведь это вызубрил наизусть.

Заммис сдвинул брови.

— Значит, когда я стану родителем, мне *придется* назвать своего маленького Тай?

— Да. А Тай назовет своего малыша Гаэзни. Чем ты здесь недоволен?

— Я бы хотел назвать своего ребенка Дэвидж, в твою честь.

Я улыбнулся.

— Имя Тай носили великие банкиры, коммерсанты, изобретатели и... впрочем, ты все это знаешь наизусть. А имя Дэвидж мало чем ознаменовано. Подумай, как много потеряет Тай, если ты не назовешь его Таем.

Заммис немного подумал и согласился.

— Дядя, как по-твоему, Гоциг еще жив?

— Насколько мне известно, жив.

— Какой он?

Я стал припоминать рассказы Джерри о его родителе Гоциге.

— Он преподавал музыку, он очень сильный. Джерри... Шиген говорил, что его родитель пальцами гнет железные брусья. Кроме того, Гоциг держится с большим достоинством.

Думаю, в эту минуту Гоцигу очень грустно. Ведь он, наверное, считает, что род Джерриба угас.

Заммис помрачнел, его желтые бровки сошлись воедино.

— Дядя, нам во что бы то ни стало надо попасть на Драко. Мы должны сообщить Гоцигу, что род продолжается.

— Попадем и сообщим.

Истончался зимний лед, были готовы и башмаки, и палатка, и рюкзаки. Мы завершали отделку новых утепленных костюмов. Поскольку Джерри давал мне *Талман* лишь на время, ныне золотой кубик висел на шее у Заммиса. Драконианин то и дело вытряхивал из кубика крохотную золотистую книжицу и читал ее часами.

— Дядя!

— Что?

— Почему драконианe говорят и пишут на одном языке, а люди на другом?

Я рассмеялся.

— Заммис, люди говорят и пишут на множестве языков. Английский — лишь один из них.

— Как же люди разговаривают между собой?

— Не всегда они разговаривают, — уточнил я. — А уж если разговаривают, то прибегают к услугам переводчиков — людей, владеющих обоими языками.

— Мы с тобой владеем и английским, и драконианским; можно ли теперь считать нас переводчиками?

— Пожалуй, можно, только для этого надо сыскать такого человека и такого драконианина, которым захотелось бы побеседовать между собой. Помни, идет война.

— Как же прекратится война, если они не побеседуют?

— Надо полагать, рано или поздно побеседуют.

Заммис улыбнулся.

— Пожалуй, я не прочь бы стать переводчиком и посодействовать прекращению войны. — Драконианин отложил шитье и разлегся на своем новом тюфяке. — Дядя, а как по-твоему, за лесом мы кого-нибудь отыщем?

— Надеюсь.

— Если отыщем, полетишь со мной на Драко?

— Я ведь обещал твоему родителю, что полечу.

— Нет, я имею в виду — потом. После того как я произнесу свою родословную, что ты станешь делать?

— Не знаю. — Я задумчиво воззрился на огонь. — Война может долго еще мешать нам вернуться на планету Драко.

— А что потом?

— Скорее всего опять военная служба.

Заммис приподнялся на локте.

— Опять станешь истребителем?

— Конечно. Это все, что я умею делать.

— И будешь убивать дракониан?

Тут уж я отложил шитье и пристально вгляделся в драконианина. С тех пор как мы с Джерри оттузили друг друга, многое изменилось — больше, чем я воображал. Я качнул головой.

— Нет. Наверное, я вообще не буду пилотом... военным. Может, подыщу работу в гражданской авиации. — Я пожал плечами. — А может, и выбирать-то не придется — начальство само за меня выберет.

Заммис сел и на какое-то время замер; потом встал, подошел к моему тюфяку и опустился рядом со мной на колени.

— Дядя, я не хочу с тобой расставаться.

— Не говори глупости. Ты попадешь к своим. Тебя будет окружать родня — отец твоего родителя Гоциг, братья Шигена, их дети... ты меня напрочь позабудешь.

— И ты меня?

Я заглянул в желтые глаза и погладил Заммиса по щеке.

— Нет. Я тебя не забуду. Но только учти, Заммис: ты драконианин, а я человек, следовательно, мы с тобой в разных лагерях Вселенной.

Заммис снял мою руку со своей щеки, растопырил мои пять пальцев и принялся их разглядывать.

— Что бы ни случилось, дядя, я никогда тебя не забуду.

Лед растаял, и вот на промозглом ветру, в слякоти, согнувшись под тяжестью рюкзаков, мы с драконианином стояли возле могилы. Заммис сравнялся ростом со мною, а значит, вымахал чуть повыше Джерри. У меня с души свалился камень: сапоги пришлись впору. Заммис подтянул рюкзак поудобнее, отвернулся от могилы к морю. Глянув в том же направлении, я увидел, как накатывают и разбиваются о скалы буруны, потом перевел взгляд на драконианина.

— О чем задумался?

Заммис смотрел себе под ноги, затем поднял глаза на меня.

— Дядя, раньше я об этом как-то не думал, но... я буду тосковать по здешним местам.

— Вздор! По здешним? — Я со смехом хлопнул драконианина по плечу. — С какой стати тебе по ним тосковать?

Заммис опять вгляделся в морскую даль.

— Здесь я многое узнал. Здесь ты меня многому научил, дядя. Здесь я прожил всю свою жизнь.

— Только зарю жизни, Заммис. Вся жизнь у тебя впереди. — Я мотнул головой в сторону могилы. — Попрощайся.

Заммис повернулся к могиле, постоял перед нею, затем, опустившись на колени, принялся раскидывать камни надгробия. Через несколько минут обнажилась трехпалая рука скелета. Заммис расплакался.

— Прости меня, дядя, но я не мог иначе. До сих пор эта могила была для меня всего-навсего грудой камней. Теперь она нечто гораздо большее. — Заммис уложил камни на место и встал.

Я жестом показал в сторону леса.

— Ступай вперед. Я тебя догоню.

— Есть, дядя.

Заммис зашагал к безлистым деревьям, я же устремил взгляд на могилу.

— Как тебе показался Заммис, Джерри? Он тебя перерос. Очевидно, змеятина ему на пользу. — Я присел на корточки у могилы, подобрал камешек и прибавил его к куче. — Значит, так. Одно из двух: либо мы попадем на Драко, либо погибнем при попытке к бегству. — Я встал и бросил взгляд на море. — Да, пожалуй, здесь я кое-чему научился. По-своему мне тоже будет недоставать здешних красот. — Я вновь повернулся к могиле и подтянул рюкзак повыше. — *Эхдеева саахн, Джерриба Шиген.* Пока, Джерри.

И пошел в лес — догонять Заммиса.

Для Заммиса следующие дни были полны чудес. Для меня же небо оставалось прежним, стыло-серым, а немногочисленные изменения во флоре и фауне не стоили доброго слова. Выйдя из леса, мы целый день одолевали пологий подъем и наконец очутились на широком просторе бесконечной равнины. Мы шли по колено в пурпурной траве, которая окрашива-

ла нам башмаки. Ночи по-прежнему стояли чересчур холодные для переходов, и мы забирались на ночлег в палатку. Обработанная жиром палатка и костюмы вполне успешно защищали нас от чуть ли не беспрерывного дождя.

Мы находились в пути примерно две долгие файринские недели, когда увидели то, что ищем. Искомое взревело у нас над головой и скрылось за горизонтом, прежде чем мы успели хоть слово вымолвить. Я не сомневался, что замеченный нами летательный аппарат шел на посадку.

— Дядя! Нас увидели?

Я покачал головой.

— Нет. Вряд ли. Но они шли на посадку. Слышишь? Сядут где-то там, впереди.

— Дядя!

— Давай же ноги в руки! Чего тебе?

— Кто там на корабле — драконианe или же люди?

Я замер как вкопанный. Об этом я как-то не задумывался. Потом махнул рукой.

— Пошли. Это не важно. Так или иначе ты попадешь на Драко. Ты ведь не военнослужащий, значит, у нашей военщины не будет к тебе претензий, а если там драконианe, тогда тебе и вовсе карты в руки.

Мы продолжили свой поход.

— Но, дядя, если там драконианe, то что станется с тобой?

— Кто его знает. Наверно, в плен попаду. По утверждению драконианe, они соблюдают межпланетное соглашение о военнопленных, так что со мной ничего страшного не случится. — Держи карман шире, шепнул один участок моего мозга другому. Весь вопрос в том, что именно я предпочитаю: плен на Драко или же вечное прозябание на Файрине IV. Для себя я этот вопрос решил давным-давно. — Давай-ка прибавим шагу. Неизвестно ведь, долго ли туда добираться и сколько времени они пробудут там, где сели.

Ать-два, левой-правой. Если не считать немногочисленных кратких передышек, мы привалов не делали — даже с наступлением ночи. Согревала нас быстрая ходьба. Горизонт, естественно, не приближался. Чем больше мы к нему рвались, тем безнадежнее тупел мой рассудок. Наверное, миновало несколько суток, разум мой утратил всякую чувствительность,

так же как и ступни, но вот сквозь пурпурную траву я провалился в какую-то яму. Мгновенно в глазах у меня потемнело, правую ногу пронзила боль. Я почувствовал, как накатывает забытье, и обрадовался его теплу, покою, миру.

— Дядя! Дядя! Очнись! Пожалуйста, очнись!

Кто-то похлопывал меня по щекам, но чувствовал я это как-то отстраненно. Нестерпимая боль молнией выжгла мозг, и я очнулся. Разрази меня гром, если нога не сломана. Посмотрев вверх, я увидел поросшие травой края ямы. Мягким местом я приютился в какой-то лужице. Заммис сидел рядом на корточках.

— Что стряслось?

Заммис махнул рукой куда-то вверх.

— Эту яму прикрывала лишь тоненькая корочка глины да растительности. Должно быть, почву вымыло водой. Ты не расшибся?

— Ногу повредил. Кажется, сломал. — Я прислонился к глинистой стенке ямы. — Заммис, придется тебе продолжить путь в одиночку.

— Да не брошу я тебя, дядя!

— Слушай, если ты кого-нибудь найдешь, то отправишь ко мне на помощь.

— А вдруг здесь уровень воды поднимется? — Заммис ощупывал мою ногу до тех пор, пока я не скривился от боли. — Надо тебя отсюда вытащить. Чем лечить твою ногу?

Ребенок был прав. Стать утопленником в мои планы не входило.

— Нужен твердый материал. Ногу полагается прибинтовать к чему-нибудь твердому, чтобы кость не смещалась.

Заммис снял с плеч рюкзак, опустился коленями в грязь и воду, порылся сперва в рюкзаке, затем в скатанной палатке. Наложил мне на ногу шину из палаточных колышков и перебинтовал змеиными шкурками, отодранными все от той же палатки. Затем, опять-таки из змеиных шкур, Заммис соорудил две петли, по одной для каждой ноги, и затянул эти петли у меня на ногах, а затем придал мне сидячее положение и закинул петли другим концом себе на плечи. Как только Заммис встал, я тут же потерял сознание.

* * *

Наверху, под сенью того немногого, что осталось от палатки, меня тряс за плечи Заммис.

— Дядя! Дядя!

— Да? — прошептал я.

— Дядя, я готов отправиться в путь. — Он ткнул куда-то мне под бок. — Вот еда, а если пойдет дождь, натяни палатку на лицо. Я буду помечать дорогу, чтобы не заблудиться на обратном пути.

Я кивнул.

— Береги себя.

— Дядя, давай я тебя понесу! — в отчаянии воскликнул Заммис. — Не надо разлучаться.

Я бессильно уронил голову.

— Дай мне в себя прийти, малыш. Я не вынесу дороги. Разыщи кого угодно и приведи сюда. — У меня сжалось сердце и на лбу выступил холодный пот. — Ну, ступай.

Заммис схватил брошенный рюкзак и поднялся на ноги. Взвалив рюкзак на плечи, он повернулся кругом и побежал в том направлении, куда скрылся летательный аппарат. Я смотрел Заммису вслед, покуда мог видеть. Потом, запрокинув голову, вгляделся в облака. Ты меня чуть-чуть не доконал, *кизлодда* поганый, сукин ты сын, но ведь ты же не рассчитывал на драконианина... ты забыл, нас ведь двое... Я то и дело впадал в забытье, затем вдруг ощутил у себя на лице дождевые капли и прикрыл голову. Спустя несколько секунд я вновь потерял сознание.

— Дэвидж? Лейтенант Дэвидж?

Открыв глаза, я увидел перед собой зрелище, которого был лишен в течение четырех лет по земному счету: человеческое лицо.

— Кто вы такой?

На лице — юном, удлиненном, увенчанном ежиком светлых волос — расплылась улыбка.

— Капитан медицинской службы Стирмен. Как вы себя чувствуете?

Обдумав вопрос, я в свою очередь улыбнулся.

— А так, словно загрузился сильнодействующим наркотиком.

— И это чистая правда. Когда вас подобрали картографы, вы были в довольно-таки тяжелом состоянии.

— Картографы?

— Ах да, вы же ничего не знаете. Правительства Земли и Драко создали объединенную комиссию, которая будет руководить колонизацией новых планет. Война кончилась.

— Кончилась?

— Да.

У меня гора с плеч свалилась.

— Где же Заммис?

— Кто-кто?

— Джерриба Заммис, тот драконианин, с которым я вместе шел.

Медик пожал плечами.

— Об этом я ничего не знаю, но, надо полагать, о нем позаботятся его дракошки.

Дракошки. Было время, я и сам употреблял это уничижительное словечко. Теперь же, в устах Стирмена, оно показалось мне чужим и мерзким.

— Заммис никакой не дракошка. Он драконианин.

Медик сдвинул было брови, но спорить не стал.

— Конечно. Как скажете. Главное — отдыхайте хорошенько, я вас еще проведаю через несколько часов.

— Можно мне повидаться с Заммисом?

— Ну что вы! — улыбнулся медик. — Вы находитесь на борту звездолета на пути к Дельфам, где размещена база землян. А ваш... драконианин скорее всего летит на Драко.

С этими словами он кивнул мне, повернулся на каблуках и ушел. До чего же мне стало одиноко! Я огляделся и понял, что лежу в палате судового лазарета. Койки по обе стороны от меня были заняты. Тот, кто лежал справа, покачал головой и вновь погрузился в чтение какого-то журнала. Тот, что слева, со злостью буркнул:

— Ох уж эти мне дракоманы!

И повернулся на левый бок, спиной ко мне.

Вновь среди людей — и более одинок, чем когда-либо. *Миснуурам ва сиддеф,* как высказался Мистаан в *Талмане,* из хладнокровной глуби восьми веков. Одиночество — это мысль, его причиняет не кто-то кому-то, а причиняет некто сам себе.

В тот раз Джерри покачал головой и, подыскивая слова, поднял кверху желтый палец. «Дэвидж... для меня одиночество — неудобство, мелочь, которой по возможности надо избегать, но не следует бояться. А вот в твоем представлении, как я понял, лучше принять смерть, чем очутиться наедине с самим собой».

Миснуурам йаа ва нос миснуурам ван дунос. О вы, те, кто одиноки наедине с собой: вовеки пребудете вы одинокими средь себе подобных. Тоже Мистаан. На первый взгляд суждение само себе противоречит, однако испытание в условиях реальной действительности доказывает его истинность. Я был чужаком среди своих, оттого что не разделял их ненависти, а моя любовь казалась им странной, немыслимой, извращенной. «Ладит с чужими мыслями лишь тот разум, что мирно уживается сам с собой». Все тот же Мистаан.

По пути к базе на Дельфах, включая срок пребывания на больничной койке, а затем в волоките увольнения с действительной службы я бессчетное число раз порывался залезть к себе за пазуху и извлечь оттуда *Талман,* но он давно уж не висел там на цепочке. Что сталось с Заммисом? Экспедиционным войскам не было до этого дела, а драконианские власти на мой запрос не ответили: меня, мол, это не касается.

Бывшие космолетчики обивали пороги на биржах труда, на частных же предприятиях вакансии отсутствовали, особенно для летчика, который не летал четыре года, прихрамывает, да к тому же дракоман. «Дракоман» как уничижительное слово впитало в себя несколько исторических терминов: квислинг, еретик, негролюб — все слилось в трех слогах.

Денежного содержания за все эти годы у меня скопилось сорок восемь тысяч кредитов, так что деньги не были проблемой. Проблема заключалась в том, куда деваться. Послонявшись по дельфийской базе, я первым же кораблем вернулся на Землю и для начала несколько месяцев проработал в мелком издательстве, переводя рукописи на драконианский язык. Судя по всему, драконианам сильно тянуло на вестерны:

«— Руки вверх, *наагузаат!*

— *Ну гепх,* крючкотвор.

Бах, бах! Вспышки выстрелов, и *кизлодда шаддсаат* свалил *фессу*».

Я уволился.

Наконец-то я позвонил родителям.

— Почему ты так долго не звонил, Уилли? Мы ужасно переволновались...

— Мне тут надо было кое-что уладить, папа... Да нет, вообще-то...

— Ну что ж, мы понимаем, сынок... ты столько пережил...

— Папа, мне бы хотелось побыть дома...

Еще прежде, чем выложить кругленькую сумму наличными за подержанный электромобиль фирмы «Дирмен», я понял, что, отправляясь к родителям, совершаю ошибку. Мне до чертиков нужен был дом, тепло и уют домашнего очага, однако дом родителей, который я покинул восемнадцатилетним юношей, не даст мне ни того, ни другого. И все-таки я туда поехал, поскольку больше деваться было некуда.

Один-одинешенек мчался я в темноте, предпочитая старые шоссе; тишину нарушал только гул дирменовского мотора. Ясная декабрьская полночь, сквозь прозрачный откидной верх машины виднелись звезды. В памяти всплыла планета Файрин IV, ее нескончаемые ветры и бушующий океан. Я съехал на обочину и погасил фары. За несколько минут глаза привыкли к темноте, я вышел из машины и захлопнул дверцу. Небо над Канзасом бездонное, но звезды казались до того близкими, что впору было их рукой коснуться. Под ногами похрустывал снежок, когда я поднял глаза кверху, пытаясь отыскать Файрин среди тысяч видимых нами звезд.

Файрин находится в созвездии Пегаса, однако глаза у меня не наловчились выделять крылатого конька в россыпи звезд. Я зябко поежился и решил вернуться в машину. Уже дотронувшись до дверной ручки, я заметил на севере, у самого горизонта, знакомое созвездие — Дракон. Обвив хвостом Малую Медведицу, повис он в небе головой вниз. Эльтанин, нос дракона, — родная звезда дракониан. Вторая ее планета, Дракo, — родина Джерри и обиталище Заммиса.

Меня ослепили фары приближающейся машины; она притормозила, и я обернулся. Водитель опустил окошко и спросил из тьмы:

— Помощь нужна?

— Нет, спасибо. — Я покачал головой и поднял руку к небу. — Просто смотрю на звезды.

— Прекрасная ночь, правда?

— Совершенно верно.

— Вы уверены, что обойдетесь без помощи?

Я качнул головой.

— Спасибо... Хотя постойте. Где здесь ближайший гражданский космопорт?

— В Салине, отсюда примерно час езды.

— Еще раз спасибо.

Водитель помахал мне, и другая машина отъехала. Еще раз поглядев на Эльтанин, я сел за руль.

Через полгода я стоял у старинных каменных ворот и удивлялся, кой черт занес меня в такую даль. По пути к Драко, не видя на последнем перегоне никого, кроме дракониан, я убедился в справедливости слов Намваака: зачастую мир есть просто-напросто необъявленная война. Формально официальные договоренности гарантировали мне право посещения планеты; на деле же все оказалось не так просто: задолго до того, как человечество вступило в космическую эру, драконианские бюрократы и их приспешники довели канитель и волокиту до виртуозности. Пришлось угрожать и выслушивать угрозы, совать взятки, целыми днями заполнять бланки, снова и снова проходить медицинский и таможенный контроль, объяснять причины поездки, опять заполнять бланки, исправлять и переписывать уже заполненные, вновь совать взятки и ждать, ждать, ждать...

На звездолете я старался отсиживаться в каюте, но, поскольку стюарды-драконианe наотрез отказались меня обслуживать, к столу я волей-неволей выходил в кают-компанию. Сидел там в полнейшем одиночестве и выслушивал реплики по своему адресу. Я избрал линию наименьшего сопротивления — счел за благо прикинуться, будто ни слова не понимаю. Ведь среди Джерриных соотечественников широко распространен предрассудок, будто людям не дано овладеть драконианским языком.

— Почему нас заставляют питаться в одном помещении с иркмаанской мразью?

— До чего же безобразны пятна на бледной коже... да еще поверх всего — зловонная грива. Фу! Ну и несет же от него!

Я скрипнул зубами, но продолжал сидеть, не поднимая глаз от тарелки.

— Издевательство над *Талманом,* да и только; кувырком пошли законы Вселенной, если на свет родилось такое чудище.

Тут я в упор посмотрел на трех дракониан, сидевших за столиком по другую сторону прохода, и ответил по-дракониански:

— В деревне у вас нерегулярно скармливают *киззам* противозачаточные таблетки, иначе ты бы вовсе не появился на свет, — и вновь занялся своей порцией, а тем временем двое дракониан с трудом удерживали нарывавшегося на драку третьего.

Разыскать на планете Драко поместье рода Джерриба не составляло труда. Проблема заключалась в том, как туда проникнуть. Участок был обнесен высоченной каменной стеной, сквозь ворота виднелся внушительный каменный особняк, который столько раз описывал мне Джерри. Привратнику я заявил, что хотел бы повидаться с Джеррибой Заммисом. Он вытаращил глаза, потом юркнул в нишу рядышком с воротами. Немного погодя из особняка вышел другой драконианин и быстро зашагал к воротам напрямик через широкий газон. Драконианин на ходу кивнул привратнику, затем остановился передо мною. Ну прямо вылитый Джерри.

— Это вы тот *иркмаан,* что желал видеть Джеррибу Заммиса?

Я кивнул.

— Заммис вам обо мне, наверное, все уши прожужжал. Я Уиллис Дэвидж.

Драконианин смотрел на меня испытующе.

— Я Эстон Нев, единоутробный брат Джеррибы Шигена. Вас хочет видеть мой родитель, Джерриба Гоциг.

Драконианин круто повернулся и зашагал назад, к особняку. Я двинулся следом, ног под собой не чуя при мысли о том, что с минуты на минуту опять увижу Заммиса. На окружающую обстановку я почти не обращал внимания, но вот меня провели в просторный зал со сводчатым каменным потолком. Джерри уверял, будто этому дому четыре тысячи лет. Сейчас я ему поверил. При моем появлении встал и устремился мне навстречу еще один драконианин. Этот был стар, но я-то знал, кто он такой.

— Вы Гоциг, родитель Шигена.

В меня пристально вглядывались желтые глаза.

— Кто ты такой, *иркмаан?* — Он вытянул морщинистую трехпалую руку. — Что тебе известно о Джеррибе Заммисе? И почему ты изъясняешься на языке драконианин в стиле и манере моего дитяти Шигена? Зачем ты явился?

— Я говорю в такой манере оттого, что так учил меня говорить Джерриба Шиген.

Старый драконианин склонил голову набок и прищурил желтые глаза.

— Ты знал мое дитя? Откуда?

— Разве картографы ничего вам не сообщили?

— Меня уведомили, что мой первенец Шиген погиб в бою над Файрином IV. Случилось это более шести лет назад по нашему летосчислению. Что ты лукавишь, *иркмаан?*

Я перевел взгляд с Гоцига на Нева. Молодой драконианин разглядывал меня все так же подозрительно. Я снова повернулся к Гоцигу.

— Шиген не погиб в бою. Мы с ним оба совершили вынужденную посадку на Файрине IV и прожили там целый год. Шиген умер родами, производя на свет Джеррибу Заммиса. Еще через год нас подобрала совместная картографическая комиссия и...

— Довольно! Хватит с меня, *иркмаан!* Чего ты домогаешься? Денег? Или чтоб я пустил в ход свое влияние, добился для тебя торговых концессий? Чего именно?

Я нахмурился.

— Где Заммис?

На глазах старого драконианина выступили злые слезы.

— Никаких Заммисов не существует в природе, *иркмаан!* Со смертью Шигена прервался род Джерриба!

У меня прямо глаза на лоб полезли, я мотнул головой.

— Неправда. Я-то знаю. Я сам пестовал Заммиса... да неужто комиссия ни словечком не обмолвилась?

— Приступай к сути своего дела, *иркмаан.* Я не намерен терять с тобой целый день.

Я внимательно посмотрел на Гоцига. Старый драконианин ничегошеньки не услышал от комиссии. Заммис попал к драконианским властям... и как в воду канул. Гоцигу ничего не сообщили. Почему?

— Я жил вместе с Шигеном, Гоциг. Тогда-то и выучил ваш язык. Когда Шиген умер, рождая Заммиса, я...

— *Иркмаан,* если ты не намерен переходить к делу, то я прикажу Неву вышвырнуть тебя вон. Шиген погиб в бою за Файрин IV. Наш астрофлот уведомил меня спустя всего несколько дней после его гибели.

Я кивнул.

— Тогда, Гоциг, объясни-ка: откуда я знаю наизусть родословную Джерриба? Хочешь, я тебе ее перескажу?

— Ты утверждаешь, будто выучил родословную Джерриба? — фыркнул Гоциг.

— Да.

— Так перескажи. — Гоциг сделал приглашающий жест.

Я набрал побольше воздуху и начал. К тому времени как я дошел до сто семьдесят третьего поколения, на каменный пол рядом с коленопреклоненным Невом опустился и его отец Гоциг. Драконианне простояли на коленях все три часа, покуда длился рассказ. Когда я закончил, Гоциг склонил голову и прослезился.

— Да, *иркмаан,* да. Я верю, ты знал Шигена. Да. — Старый драконианин заглянул мне в лицо, глаза его засветились надеждой. — И ты утверждаешь, что Шиген продолжил род — что Заммис появился на свет?

Я кивнул.

— Непонятно, с какой стати комиссия решила скрыть это от вас.

Гоциг поднялся на ноги и нахмурился.

— Мы выясним, *иркмаан*... Как тебя зовут?

— Дэвидж. Уиллис Дэвидж.

— Мы все выясним, Дэвидж.

Гоциг поселил меня в своем доме, что пришлось как нельзя более кстати, поскольку деньги у меня были уже на исходе — оставалась тысяча с небольшим кредитов. Наведя огромное количество справок, Гоциг отправил нас с Невом в Центральную Палату, в столицу Драко — Синдиеву. Оказывается, род Джерриба пользовался немалым влиянием, и волокита для нас была сведена к минимуму. В конце концов мы попали к представителю совместной комиссии — драконианину, некоему Джоздну Фрулу. Прочитав письмо, которое передал со мной Гоциг, драконианин помрачнел.

— Откуда у тебя это письмо, *иркмаан?*

— По-моему, там есть подпись.

Драконианин посмотрел на письмо, потом опять на меня.

— На планете Драко род Джерриба один из наиболее почитаемых. Ты утверждаешь, будто получил это письмо от Джеррибы Гоцига?

Я почти уверен, что произнес все это — по крайней мере губами и языком я шевелил...

Тут вмешался Нев:

— Вы располагаете сведениями и документами картографов, побывавших на Файрине IV. Нам бы хотелось выяснить судьбу Джеррибы Заммиса.

Джоздн Фрул еще раз сердито глянул в письмо.

— Эстон Нев, вы являетесь основателем рода, если мне не изменяет память?

— Совершенно верно.

— Что же вы, хотите опозорить свой род? Почему я вижу вас в обществе *иркмаана?*

Нев вздернул верхнюю губу и скрестил руки на груди.

— Джоздн Фрул, если вы желаете в обозримом будущем свободно разгуливать по планете, то ради своего же блага прекратите болтать языком и немедленно приступайте к розыску Джеррибы Заммиса.

Джоздн Фрул опустил голову, осмотрел собственные ногти, затем поднял глаза на Нева.

— Хорошо, Эстон Нев. Ты грозишь мне неприятностями, требуя выложить всю правду. Думаю, правда покажется тебе куда большей неприятностью. — Нацарапав что-то на листочке бумаги, драконианин подал его Неву. — По этому адресу ты найдешь Джеррибу Заммиса и проклянешь тот день, когда узнал его адрес.

В колонию для умственно отсталых мы вошли с тяжелым чувством. Повсюду вокруг драконианe; кто таращится перед собой пустыми глазами, кто орет во всю глотку, кто пускает пену изо рта — словом, все ведут себя как низкоорганизованные существа. Уже после нашего приезда сюда к нам присоединился Гоциг. Директор колонии при виде меня сдвинул брови, а Гоцига удостоил покачиванием головы.

— Поверни назад, покуда есть еще возможность, Джерриба Гоциг. За стенами этого зала нет ничего, кроме боли и горя.

Гоциг сгреб директора за лацканы халата.

— Слушай меня, ты, червь: если в этих стенах находится Джерриба Заммис, подать сюда моего внука! Иначе на твою якобы высокоученую голову обрушится все могущество рода Джерриба!

Директор вскинул голову, пошевелил губами, потом все же кивнул.

— Хорошо. Хорошо же, напыщенный ты *каззмидф!* Мы пытались уберечь репутацию рода Джерриба. Пытались! Теперь пеняй на себя. — Директор поджал губы. — Да, мешок ты денежный, картинка из журнала мод, теперь пеняй на себя. — Нацарапав что-то на клочке бумаги, директор вручил клочок Неву. — Этой запиской я собственноручно подписал себе позорное увольнение, но берите! Да-да, берите! Полюбуйтесь на существо, именуемое Джеррибой Заммисом! Глядите и рыдайте!

В окружении деревьев и травы на каменной скамье, уткнув взгляд в землю, сидел Джерриба Заммис. Глаза его ни разу не моргнули, руки ни разу не шевельнулись. Гоциг хмуро покосился на меня, но сейчас я не мог щадить Шигенова родителя. Я подошел к Заммису.

— Заммис, ты меня узнаешь?

Драконианин вернулся мыслями из каких-то запутанных лабиринтов и устремил на меня желтые глаза. Никаких признаков интереса.

— А кто ты такой?

Я примостился рядом, взял его за плечи и встряхнул.

— Да ну тебя, Заммис, неужто ты меня забыл? Я ведь твой дядя. Помнишь? Дядя Дэвидж.

Покачиваясь на скамье, драконианин мотнул головой. Поднял руку и махнул санитару.

— Я хочу к себе. Отведи меня, пожалуйста, в палату.

Я встал и ухватил Заммиса за отворот больничного халата.

— Заммис, ведь это же я!

На меня уставились желтые глаза, тупые и безжизненные. Санитар положил руку мне на плечо.

— Отпусти, *иркмаан.*

— Заммис! — Я повернулся к Неву и Гоцигу. — Да скажите же хоть что-нибудь!

Драконианин-санитар вытащил из кармана какую-то жратву и многообещающе подкинул на ладони.

— Отпусти его, *иркмаан.*

— Объясните, что это означает, — потребовал Гоциг.

Санитар обвел взглядом всех поочередно: Гоцига, Нева, меня и Заммиса.

— Этот... это существо... проповедовало любовь — представляете, *любовь* — к людям! Это вам не пустячная странность, Джерриба Гоциг, а вопиющее извращение. Правительство всячески ограждает вас от скандала. Неужели вам хочется вовлечь род Джерриба в такую неприглядную историю?

Я посмотрел на Заммиса.

— Что здесь вытворяют с Заммисом, *кизлодда,* сукин ты сын?! Чем его оглушили? Шокотерапией? Нейролептиками? Пытаетесь сгноить ему рассудок?

С насмешливой улыбкой санитар покачал головой.

— Тебе, *иркмаан,* не понять. Не видать ему счастья, пока он *иркмаан вул* — человеколюб. Мы делаем все возможное, чтобы этот наш больной мог нормально функционировать в обществе планеты Драко. По-твоему, это дурно?

Я взглянул на Заммиса и покачал головой. Слишком ярко помнилось мне, как обходились со мной собратья-люди.

— Нет. Я не считаю, что это дурно... Я просто не знаю.

Санитар обратился к Гоцигу:

— Прошу вас, поймите, Джерриба Гоциг. Не могли мы подвергать такому позору род Джерриба. Ваш внук почти здоров и вскоре начнет проходить курс реабилитации. Годика через два вы получите внука, достойного продолжить род Джерриба. Разве это дурно?

Гоциг только головой покачал. Я присел на корточки перед Заммисом и обеими руками сжал его руку.

— Заммис!

Заммис глянул вниз, шевельнул другой рукой, схватил мою ладонь и растопырил на ней пальцы. Перебрав их по одному, Заммис посмотрел мне в глаза и вновь оглядел мою ладонь.

— Да... — Заммис вновь пересчитал пальцы. — Один, два, три, *четыре, пять!* — Заммис заглянул мне в глаза. — Четыре, пять!

— Да. Да, — кивнул я.

Заммис подтянул к себе мою ладонь и прижался к ней щекой.

— Дядя... Дядя. Я же говорил, что никогда тебя не забуду.

* * *

Я не считал, сколько лет с тех пор минуло. У меня вновь отросла борода; одетый в змеиные шкуры, я стоял на коленях у могилы моего друга Джеррибы Шигена. Рядом находилась четырехлетней давности могила Гоцига. Я поправил камень-другой, прибавил к ним несколько новых. Поплотнее запахнув змеиные кожи, чтобы защититься от ветра, я сел возле могилы и стал смотреть в море. Под иссера-черным покровом туч по-прежнему накатывали буруны. Скоро все затянется льдом. Я покивал головой, оглядел свои испещренные шрамами морщинистые руки, перевел взгляд на могилу.

Не усидел я с ними в поселке, Джерри. Пойми меня правильно: там хорошо. Лучше некуда. Но я все выглядывал в окошко, видел океан и невольно вспоминал нашу пещеру. В каком-то смысле я здесь один. Но это к лучшему. Я знаю, что я такое и кто я такой, Джерри, а ведь это главное, верно?

Послышался шорох. Я нагнулся, уперся руками в одряхлевшие колени и кое-как поднялся на ноги. Со стороны поселка приближался драконианин с младенцем на руках.

Я почесал бороду.

— Ага, Тай, значит, это твой первенец?

Драконианин кивнул.

— Мне будет приятно, дядя, если ты его обучишь всему, что надо знать: родословной, *Талману,* а главное — жизни на Файрине IV, на нашей планете, которая теперь зовется — Дружба.

Я принял драгоценный сверток из рук в руки. Пухленькие трехпалые лапки, помахав в воздухе, вцепились мне в одежду.

— Да, Тай, этот бесспорно Джерриба. — Я встретился взглядом с Таем. — А как поживает твой родитель Заммис?

— Хорошо, насколько это мыслимо в его возрасте. — Тай пожал плечами. — Мой родитель шлет тебе наилучшие пожелания.

Я кивнул.

— Я ему тоже, Тай. Заммису не мешало бы выбраться из этой капсулы с кондиционированием воздуха и вернуться на жительство в пещеру. Здешний воздух пойдет ему на пользу.

Тай с усмешкой кивнул.

— Я ему передам, дядя.

— Посмотри-ка на меня! — Я ткнул себя пальцем в грудь. — Ты когда нибудь видел меня больным?

— Нет, дядя.

— Скажи Заммису, пусть гонит врача в тычки и возвращается в пещеру, понял?

— Да, дядя. — Тай улыбнулся. — Не нужно ли тебе чего-нибудь?

Почесав в затылке, я кивнул.

— Туалетной бумаги. Парочку рулонов. Ну, может быть, бутылку-другую виски... нет, обойдусь без виски. Пусть сперва Гаэзни исполнится год от роду. Только туалетную бумагу.

Тай поклонился.

— Слушаюсь, дядя, и пусть многие утра увидят тебя здоровым.

Я нетерпеливо отмахнулся.

— Увидят, увидят. Не забудь, главное, про туалетную бумагу.

Тай опять поклонился.

— Не забуду, дядя.

Круто повернувшись, Тай двинулся лесом обратно в колонию. В свое время Гоциг, вложив в это дело немалые средства, переселил весь свой род, да и близкие роды, на Файрин IV. Примерно годик я прожил с ними со всеми, но после опять уединился в пещере. Собирал дровишки, коптил змеятину и выдержал зиму. На пещерное воспитание Заммис отдал мне маленького Тая, а теперь поручил мне Гаэзни. Я подмигнул младенцу.

— Твое дитя назовут Гоцигом, а там уж... — Запрокинув голову к небу, я почувствовал, как на лице сохнут слезы... — А там уж дитя Гоцига назовут Шигеном.

Кивнув, я направился к расселине, которая ведет к входу в пещеру.

ГРЯДУЩИЙ ЗАВЕТ

Звезды — вершины чудесных треугольников! Сколь дальние и сколь непохожие существа из разных вселенских обителей созерцают в одно и то же мгновение одну и ту же звезду! Возможно ли большее чудо, чем мимолетно заглянуть друг другу в глаза?

Генри Дейвид Торо, «Уолден»

Если Ааква есть великий огонь, кружащий по Вселенной, а дети Ааквы — иные огни, полыхающие вдали, то разве нельзя предположить, что они кружат по иным вселенным? И нет ли в тех, иных, вселенных собственных обитателей? Ради ответов на эти вопросы я готов много страдать. Ради встречи с этими обитателями, ради того, чтобы увидеть их и прочесть их мысли, я отдал бы жизнь.

Предание о Шизумаате, Кода Нувида, Талман

© Перевод. А. Кабалкин, 2002

Докосмическая литература всех известных нам рас исходила из факта существования иных миров и была полна ожиданий, возлагавшихся на первые встречи с представителями иных рас. Совершенство индивидуума и общества, каковое всякий способен вообразить, но какового никто не в силах достичь, надлежало искать у других.

Потом встречи состоялись, и каждая раса нашла в другой не многим более, нежели искаженный образ самой себя. Ум и глупость, агрессивность и страдание, проницательность и слепая преданность — неизменные постулаты жизни и реальности — цинично приходили на смену надеждам, пока каждая раса боролась за свое торжество, создавая правила, придумывая тактические ходы, выстраивая общественные институты — и все ради того, чтобы не дать восторжествовать тем, кто воспринимался как угроза.

Сталкиваясь с превосходящими силами, отставшие в технологическом и военном отношении расы создавали коалиции, многократно умножая свои силы. Внутри коалиций плелись интриги и заговоры. Снаружи воевали между собой и расширялись великие военные и экономические державы.

Коалиции быстро приняли форму теперешней системы федераций — Объединенных Секторов. В области Галактики, относящейся к Федерации Девятого Сектора, к ней не примкнули лишь считанные крупные державы. Среди них выделялись численностью населения, богатством и военной силой Соединенные Штаты Земли и Палата драков. Этим двум державам подчинялись три сотни миров.

В конце двадцать первого века ни драки, ни люди не отвлекались на абстрактные рассуждения о чужих цивилизациях. Они были заняты войной.

1

Постигающий игру многое внесет в нее. Однако истинные правила, не подлежащие изменению, прозвучат из уст опытных игроков.

Игроки видели и осязали металл; постигающим он известен только в теории.

Предание о Зинеру, Кода Синувида, Талман

Джоанн Никол сидела в грязи посреди планеты Кетвишну и наблюдала сквозь дымку за отдаленной точкой, превращавшейся у нее на глазах в черную птицу — боевой летательный аппарат драков. Он медленно летел над голым пространством, держась совсем низко, прижимаясь к поверхности, как стервятник, выбирающий себе поживу среди бесчисленных трупов.

Она оглянулась на горстку людей, оставшихся у нее в подчинении. Солдаты привычно сидели в окопах и жались к камням, наплевав на холодный влажный ветер и низкие серые облака. Снова взглянув на приближающийся летательный аппарат, она едва удержалась от улыбки.

Драки обойдутся одной машиной. Сорок с небольшим увязших в грязи и деморализованных представителей человеческой расы, набившись в брюхо корабля драков, заполнят его в лучшем случае на четверть. Сорок с небольшим военнопленных — вот и все, что осталось от двадцатитысячного гарнизона.

Возможно, смерть нашли не только эти тысячи, но и миллионы гражданских, хотя об этом можно было только догадываться. В сообщениях, которые удалось получить обороняющимся, говорилось, что города на всех шести континентах Кетвишну превратились в дымящиеся руины.

Рядом раздалось чавканье. Появилась какая-то фигура.

— Майор Никол! Они приближаются.

— Что?

— Они приближаются. — Палец указал на небо.

— Вижу.

Фигура опустилась на корточки, и Джоанн Никол разглядела, кто перед ней: сержант Зина Лоттнер, шифровальщица.

— Мы все перерыли. Из того, что осталось, дракам ничего не пригодится. — Она извлекла из кармана серебристую открытку. На ее пальцах запеклась кровь.

— Вот что я нашла в вашем кабинете.

Джоанн взяла у сержанта приглашение. Блеск карточки казался абсолютно неуместным среди грязи, нечистот и крови. Женщина прочла затейливую вязь:

Офицерский и сержантский состав
штабной роты 181-й дивизии JJJ корпуса гарнизона планеты Кетвишну Вооруженных сил
Соединенных Штатов Земли имеет честь пригласить
МАЙОРА ДЖОАНН НИКОЛ
на шестнадцатое ежегодное празднование
Нораанка Дима,
которое состоится в 19.30 21 февраля 2072 года
(2651 час 9/9 местного времени)
в Главной аудитории «Сторм Маунтейн»

Она закрыла приглашение.

— Зачем вы мне это принесли, Лоттнер?

— Не знаю. Думала, вас заинтересует. — Сержант Лоттнер, поднявшись, уставилась на приближающийся аппарат драков. — Я видела, во что превратилось ваше вечернее платье. Наверное, оно было красивым...

Джоанн бросила открытку в грязь и наступила на нее каблуком сапога... Лоттнер, немного постояв молча, развернулась и стала медленно спускаться по осклизлому склону.

Платье действительно было красивым: сплошь серебро и белоснежные кружева — одним словом, глупость...

— Давно ли солдаты торчат в грязи?

Джоанн обернулась на грубый голос и увидела мужчину, скрестившего ноги посреди красно-бурой лужи. Это был лейтенант Морио Тайзейдо, бывший шифровальщик, ныне — солдат, по уши сидящий в грязи, верный кандидат в военнопленные. Рядом с ним бездействовал сержант-пехотинец Эмос Бенбо, устремивший загадочный взгляд на приближающийся вражеский корабль.

Почти не шевеля губами, сержант ответил вопросом на вопрос:

— Давно ли существуют солдаты?

Сейчас эта старая, как мир, шутка пехотинцев оказалась как нельзя более кстати. Джоанн посмотрела на свои колени и

попробовала оттереть с них грязь. Потом внимательно осмотрела ладонь.

Грязь. Цвета крови, перемешанной с испражнениями.

Грязь. С запахом крови и испражнений.

Грязь. Международное косметическое средство военных.

Подняв голову, она обнаружила, что корабль драков успел увеличиться в размерах. Сидит ли в грязи пехота драков, тзиен денведах? Истекают ли драки кровью, хватаются ли за животы, делают ли вообще что-нибудь из того, что полагается делать нормальным солдатам? Начальник разведки полковник Нкрума в этом сильно сомневался.

Нкрума... Она зажмурилась, вспоминая события, происходившие в недрах горы у нее за спиной всего несколько часов назад.

...Круглое, обычно ничего не выражающее лицо Нкрумы было перекошено, как от физического страдания. Его облик передавал его состояние. Обливаясь потом, чернокожий полковник отдавал дрожащим голосом приказание, звучавшее для слуха любого офицера разведки громом с небес.

— Никол, исполняйте команду «шифр двадцать».

«Шифр двадцать» означал уничтожение всех секретных документов и вооружения. По истечении каких-то двух часов сражения гарнизон был готов выбросить белый флаг. Полный разгром!

Какие-то несчастные два часа!

У нее не было времени переодеться из вечернего платья в форму. То, что происходило, не имело названия. Учитывая потери, время, затраченные деньги и материалы, полный разгром гарнизона в течение двух часов противоречил закону высшей целесообразности.

Главное сражение — покорение целой планеты — должно было продлиться несколько дольше.

Не два же часа!

Нкрума смотрел на свои руки — две черные кисти, выглядывавшие из вороха бумаг у него на столе.

— Я уже доложил обо всем генералу Кацузо. Он... он назвал меня лгуном.

Джоанн положила руку полковнику на плечо.

— Я займусь «шифром двадцать», полковник.

Нкрума сжал кулаки, закрыл глаза и произнес тихо, как на смертном одре:

— Что у драков за оружие? Чем они воюют, черт их подери?

Она пожала плечами.

— Я отправила доклад в разведку сектора. Наше дело плохо, но сектор разработает новую тактику. Когда драки нападут на базу в следующий раз...

Нкрума сбросил со своего плеча ее руку и взглянул на нее глазами, полными ужаса; удушливый стыд мешал ему говорить.

— Они разделались со всеми нашими оборонительными порядками так, словно мы... словно нас не существует в природе. — Он уронил голову на руки. — Нет нас, и все тут! — Он несколько раз ударился лбом о костяшки кулаков. — Они что, умеют читать чужие мысли? Неужели эти проклятые желтые дьяволы — телепаты?

Джоанн покинула его кабинет, отдала необходимые распоряжения и отправилась в свой собственный взвод, чтобы заняться стиранием информации. Капитан Тэд Макаи, офицер тактического командования из комплекса «Сторм Маунтейн», все еще щеголял в парадном белом мундире. В руке он держал бокал шампанского. При ее появлении он вскинул голову.

— Всего наилучшего, Джоанн!

— Сколько вы выпили?

— Еще не все.

— А вдруг вы могли бы на что-то сгодиться? Все-таки снаружи идет война.

— Так вот откуда эти звуки! — Он шумно задышал. — Нет, я ни на что не гожусь. Весь вред, который я мог причинить, уже причинен. Теперь слово за компьютерами.

Она обошла его стороной и стала вводить в компьютер пароли для уничтожения блоков памяти.

— Знаешь, Джоанн, сто лет тому назад это назвали бы полным разгромом. — Он одним глотком допил шампанское и уронил бокал на пол. — Но побежденные обычно спасаются бегством, а тут и бежать-то некуда.

— Я бы с удовольствием тебя подбодрила, Тэд, но сейчас мне некогда.

— Вечно тебе некогда!

Макаи засунул руки в карманы и, выйдя в коридор, стал чеканить парадный шаг, распевая песенку:

«Эй, сержант, — сказал старик, —
Я пришел проведать сына».
«Вон валяется твой сын
Вместе с карабином».
«С карабином, говоришь?
Храбреца мы вам вручили!»
«Джон был крепок, как скала,
Пока не подстрелили».
И пошел старик домой,
Думая, что Джон — герой,
А сержант пробормотал:
«Дурень, что не побежал.
Живым он и гроша не стоил,
А умерев, прослыл героем...»

Вскоре его голос был заглушен воем вражеского штурмовика...

Джоанн открыла глаза и опять посмотрела на приближающийся корабль драков. Стирание информации оказалось напрасной тратой времени: при нападении драков на командный пункт вся память так и так была уничтожена.

Равно как и все остальное. И все остальные.

Она больше не видела Тэда Макаи.

Словно сговорившись, все выжившие вылезли встречать драков на поверхность, где и воссоединились с пехотинцами. Шифровальщики, повара, чистильщики обуви, техники, программисты, операторы, штабные офицеры и бумажные крысы — все находились теперь на бессмысленной передовой, которую зачем-то продолжала оборонять пехота.

Сначала оружия на всех не хватало, но спустя час баланс восстановился. Еще через час оружия оказалось раз в пять больше, чем способных из него стрелять. Передовая линия обороны рассыпалась, так и не будучи толком созданной.

Теперь, когда драки ненадолго отошли, здесь не осталось ничего, кроме трупов, грязи и сорока с небольшим пар глаз, устало наблюдающих за противником.

Глаза!

Джоанн поймала себя на мысли, что точно такое же выражение спокон веку застывало в глазах всех побежденных вои-

нов; в разведшколе она насмотрелась на изображения забытых солдат, издыхавших на разных оставленных территориях: в Андерсонвилле, Арденнах, Испании, Сталинграде, на Бутаане, Окинаве, Бостоне, в Корее, Вьетнаме, на Синае, в Афганистане, Ливане, Акадии, Кейптауне, на планете Дача, планете Бальфор, на станции Чаддук...

Разной бывала их форма, даже лица: одни были людьми, другие — шиказу, третьи — драками. Не менялись только глаза: в них читалась одна и та же обреченность загнанного в угол, обессиленного зверя, утратившего волю к сопротивлению, к самой жизни.

Корабль немного повисел над горой, а потом резко снизился, опустившись на грязевое поле.

...Она вспоминала снятый на пленку допрос семерых драков, захваченных в сражении на станции Чаддук. Пленные были в заляпанных грязью красных мундирах, свидетельствовавших об их принадлежности к тзиен денведах, элите сухопутных войск драков. И вид у них был высокомерный, заносчивый, когда они стояли перед офицером разведки.

Руки у них были трехпалые, головы и лица — безволосые, темно-желтая кожа удивляла своей гладкостью. Вместо носа — небольшое отверстие над верхней губой. Покатые лбы, маленькие подбородки, желтые бессмысленные глазки под густыми бровями.

Все офицеры разведки уже успели овладеть азами языка драков; офицер в документальном фильме объяснял дракам безнадежность их положения. «Все было бы проще, — говорил он, — если бы драки согласились на сотрудничество».

Один из солдат-драков поднес трехпалую руку к груди, нащупывая что-то под гимнастеркой. Проводивший допрос офицер подскочил к нему, отбросил руку и сам залез к нему за пазуху. Камера зафиксировала небольшой золотистый кубик, висевший на золотой цепочке у драка на шее.

— Что это?

— Мой родовой Талман.

Талман — Библия талманцев. Человек сжал золотой кубик в кулаке.

— Что, если я порву эту цепочку и выкину твой амулет?

Драк какое-то время смотрел на человеческий кулак, потом закрыл глаза.

— Мне придется понести дополнительные расходы и купить новый.

Рука оборвала цепочку, кулак унес амулет. Человек наблюдал за драком, словно ожидая, что тот, лишившись своего Талмана, превратится в студень и растечется по полу. Драк открыл глаза и бессмысленно уставился в пол. Офицер стал крутить разорванной цепочкой у него перед физиономией.

— Видел, гермафродит? Не согласишься сотрудничать, выброшу ее, и дело с концом.

Драк медленно поднял голову и посмотрел прямо в глаза своему мучителю. Глаза его засияли, рот изобразил нечто вроде усмешки, обнажив белые жвалы, исполнявшие у этой породы роль зубов.

— Итак, люди действительно глупы! Это обнадеживает!

Офицер сунул кубик вместе с цепочкой себе в карман.

— Пленные здесь драки, а не люди.

— Это сражение не первое, человек, но последнее, в котором все решается. Ты только что доказал мне, что Палата драков победит в решающем бою.

Допрос продолжался еще очень долго, но у Джоанн не выходила из головы уверенность, с какой драк произнес свое пророчество, а также выражение его глаз.

В них читалось желание сражаться и жить.

Тем временем открылся люк в брюхе дракского корабля. Джоанн задумалась, как она предстанет перед разведчиками драков, сможет ли потом уважать саму себя.

Нащупав в кармане на рукаве маленькую капсулу, она извлекла ее на свет и рассмотрела. Одна половинка капсулы была розовой, другая — голубой. Цвета невинного детства.

Истерика сменилась у Нкрумы зловещим спокойствием. Он горстями раздавал всем желающим ядовитые капсулы. Получив свою, Джоанн крикнула:

— Что вы делаете, Нкрума?

— Всем нам известно то, что желают узнать драки. Дальнейшее вам подскажет чувство долга.

Долг? Командованию вооруженных сил Соединенных Штатов Земли было известно о падении Кетвишну. Еще до завершения сражения компьютеры сменят шифры, тактику, воору-

жение, приоритеты и все остальное, что могли бы выдать врагу группы людей или отдельные люди.

Предполагалось, что все будут захвачены живыми и расскажут то, что знают. Опыт превращает людей в прагматиков. Необходимости в массовом самоубийстве не существовало.

Джоанн сунула капсулу Нкруме в лицо.

— Что с тобой, Нкрума? Ты что, проповедник, пойманный на подлоге? Хочешь всех угробить и сам предпочитаешь сдохнуть, потому что не в силах смотреть в лицо действительности — разгрому?

Она в ужасе видела, как он кладет капсулу себе в рот, раскусывает ее и проглатывает. Слабый вскрик — и его не стало. Многие из получивших капсулы последовали примеру Нкрумы.

Она наблюдала за человеком в странной синей одежде, появившимся из люка. С нижней ступеньки трапа он оглядел останки защитников «Сторм Маунтейн», лица выживших, повернулся к кому-то внутри корабля и, коротко переговорив, заковылял по грязи к кучке людей.

Джоанн видела, как сосредоточенно он переступает, как подбирает полы своего балахона, чтобы не запачкаться.

Она перевела взгляд на капсулу.

Боль.

Тренировка научила ее превозмогать боль; оставалась боль, которую можно было заглушить только одним — болтовней. Она серьезно относилась к своему занятию, хотя оно состояло всего-то из сочинения отчетов, выуживания информации, решения головоломок и использования известных точек на графиках для определения местонахождения неизвестных.

Сотрудники разведки становились солдатами только в случае крайней необходимости. Боль была уделом бойцов с передовой. Разведка приближалась к любому гражданскому занятию. Однако и здесь существовали оговорки.

Недаром сержант в учебной части орал: «Не важно, что у тебя за профессия, Никол! Если ты служишь в вооруженных силах, то твое дело маленькое — сидеть в грязи с пулеметом и разить врага. Перво-наперво ты — пехота. Когда пехота в тебе не нуждается, можешь заниматься другими делами».

Головоломки... В них она всегда была сильна. Кроме того, ее коньком были иностранные языки и статистический анализ — те же головоломки. В мирное время вооруженные силы США

предлагали сотрудникам интересные загадки: расшифровку языков неземных существ, взлом особо надежных кодов, разработку стратегии по противодействию врагам с других планет...

Подразумевалась чистая, предсказуемая кабинетная работа; на протяжении девяти лет все так и было. Но в 2072 году, через год после начала войны с Палатой драков, Джоанн Никол внезапно очутилась в грязи с пулеметом в руках.

Сержант из учебной части не ошибся, черт бы его побрал! Торчать в болоте, мокнуть под дождем и поджаривать желтых чертей. Никаких загадок — одно голое выживание.

Человек в синем подошел к первому из солдат, наклонился к нему и заговорил. Солдат вяло указал в сторону холма. Джоанн Никол наблюдала за человеком в синем, продолжая держать капсулу большим и указательным пальцами и прикасаясь к ней кончиком языка.

Человек преодолел склон и остановился в трех метрах от нее. Среди складок его одежды блеснул золотой Талман. Он заговорил по-английски.

— Мы подбираем тех, кто сдается. — Ему можно было дать лет сорок с лишним: седеющие волосы, смуглое лицо с наметившимися морщинами.

Джоанн опустила руку с двухцветной капсулой и посмотрела ему в глаза.

— Сколько это стоит в наши дни?

Он смутился.

— Вы о чем?

— О предательстве.

Мужчина засмеялся. Это был заразительный смех, порожденный искренним весельем. Несколько солдат вокруг тоже засмеялись, сами не зная чему. Мужчина покачал головой.

— Вы здесь старшая по званию?

— Да.

— Ваше имя, пожалуйста.

— Никол. Майор Джоанн Никол.

— А мое — Леонид Мицак. Прошу вас, майор, прикажите своим подчиненным подняться по лестнице. У нас мало времени.

— А если я откажусь? Что, если и они откажутся?

— Насколько я понял, подразделение сдается. Или это неправда?

— Вы не допускаете такого варианта?

— Эта игра вас забавляет, майор? — Мицак оглядел солдат и снова посмотрел на Джоанн. — Если вам так больше нравится, сражение может продолжиться. А если вы все-таки сдались, то пускай ваши люди перейдут в корабль.

Она с трудом поднялась на ноги.

— Где охранники-драки?

— Если вы сдаетесь, то охранники ни к чему. — Он опять обвел взглядом солдат. — Или все-таки они нужны?

Джоанн бросила капсулу в грязь.

— Нет, обойдемся.

Она поплелась вниз, к лестнице. Солдаты один за другим вставали из грязи и следовали за ней. Среди них не было раненых. Все раненые приняли яд, чтобы не достаться врагу живыми и не бояться будущего. Все слышали о пытках, которым подвергают драки-террористы из банд Маведах своих врагов на планете Амадин. Именно по этой причине многие из оставшихся невредимыми тоже предпочли яд.

Война убила миллионы драков и миллионы землян, любой землянин знал, как поступить с драком, если таковой окажется в его власти: причинить ему боль, бесконечную, непрекращающуюся боль. Спасением от такой боли был яд под названием пронид, заключенный в капсулах.

Перед лесенкой, ведущей в чрево корабля, Джоанн задержалась. Она различила в темноте у двери драка в красном мундире. Драк помахал рукой.

— Хасу! Бенга ва ну! Хасу, датшаат кизлодд. — Это означало: «Забирайтесь! Пошевеливайтесь! Ты, однополая гадина, башка из дерьма!»

Причем упомянуто было не просто дерьмо, а «киз» — зверек с планеты Драко, до того мерзкий, что и сам он, и его выделения носили одно и то же название — «киз».

Джоанн сумела бы ответить на оскорбление на языке драков, но подавила волну гнева. Вместо того чтобы браниться, она мирно поднялась на корабль. Когда вошел последний солдат-землянин, двери люка захлопнулись, и в отсеке стало темно; единственным источником света была лампочка над запасным выходом.

Человек по фамилии Мицак и драк в красном прошли в кабину, оставив побежденных солдат одних. Негромкий гул свидетельствовал о том, что корабль взмыл в небо Кетвишну.

2

Первая данность — это существование, и не форма его, не то, как оно изменяется, не цели, приписываемые ему чадами его.

Предание о Шизумаате, Кода Нувида, Талман

Джоанн пробудилась от сна без сновидений и уставилась на единственную в отсеке лампочку; в этом тусклом свете приходилось искать тепло, в нем оставалось и черпать силу. Она обернулась и увидела, что пленники либо спят, либо погружены в собственные думы.

Все молчали.

Было известно, что кое-где драки терпят поражение. Однако их война была уже закончена.

Внезапно тусклый свет лампочки отразился в глазах единственного непобежденного. Эти глаза горели ненавистью. Это был сержант Бенбо. Джоанн откинулась и стала наблюдать за ним из-под полуприкрытых век.

...Едва она успела стянуть платье через голову, кашляя и отплевываясь от дыма, заполнившего весь комплекс, как в дверях появилась мужская фигура.

— Вы — майор Никол?

— Да, — выдавила она, откашливаясь.

— В таком случае прикройте вашу грудь, майор. Командование возлагается на вас.

— На меня?!

— Больше не на кого. Все остальные погибли.

Бенбо бросил ей какой-то предмет, который успел отскочить от ее груди, прежде чем она поймала его. Винтовка...

— Выходите на поверхность через восточный люк, майор. Игрушку захватите с собой. Я найду себе еще.

Сержант исчез в дыму.

Она перехватила оружие левой рукой и увидела на правой ладони кровь. В крови был весь приклад.

* * *

Молчание Бенбо было таким устрашающим, что она отвернулась и закрыла глаза. На нее опять навалилась усталость. Во сне ей привиделся комплекс «Сторм Маунтейн»...

Сержант Бенбо. Руганью, пинками, тумаками и воплями он превратил сброд из бумагомарателей и электронщиков в пехотинцев; история, наверное, еще не знала столь стремительного курса молодого бойца.

Шум — пальба вражеского оружия, крик радиста в микрофон, ругательства отстреливающихся, стоны раненых, ее собственный голос, выкрикивающий приказания, — грозил порвать барабанные перепонки Джоанн.

Она не могла разобрать, к какому полу принадлежит залепленное грязью существо, скорчившееся на дне траншеи. Зато глаза его готовы были вылезти из орбит от ужаса. Бенбо наотмашь хлестал напуганное существо по щекам.

— Вставай! Немедленно на линию огня, черт бы тебя побрал! Стреляй! Трус, сукин сын, зелень! Не то распорю тебе брюхо и повешу на твоих же собственных кишках!

В подтверждение серьезности угрозы в руке сержанта блеснуло лезвие кинжала, рука солдата нашарила в грязи винтовку. Раздалось два выстрела: мишенью для солдата служил сам Бенбо. Сержант поставил существо на ноги и швырнул на стенку окопа, лицом к наступающему противнику.

— Туда стреляй, дубина! Вон в тех желтомордых, понял?

Бенбо убежал куда-то под дождь. Солдат принялся стрелять в указанном направлении, целясь, несмотря на заплаканные глаза. Только сейчас Джоанн разобрала, что перед ней лейтенант Морио Тайзейдо, добросердечный Морио...

Ночь «Нораанка Дима»...

Она постаралась как можно быстрее прошмыгнуть из коридора в разведывательный сектор; но разве в длинном бальном платье можно набрать скорость? Слишком велико сопротивление воздуха.

«Нораанка Дима» — это военный праздник в память о пятерых солдатах, на протяжении восьми дней сдерживавших наступление шиказу во время войны Четырех звезд. После гибели этой пятерки было заключено перемирие, чтобы почет-

ный караул из пехотинцев шиказу и землян торжественно захоронил героев. То была первая «Нораанка Дима».

Джоанн нажала сигнальную панель рядом с дверью и подняла глаза на сенсор. Послышалось смущенное покашливание. Оказалось, что камера сверху бесстыдно фиксирует ее грудь.

— И ты туда же, Тайзейдо?

Смущенные извинения — и дверь поползла в сторону. В разведывательном центре несли дежурство лейтенант Морио Тайзейдо и шестеро рядовых. При ее появлении лейтенант вскочил, рядовые, наоборот, сделали вид, что увлечены показаниями приборов.

— Скажи, Морио, почему все вооруженные силы раз в год сходят с ума? — Она вытянула руки. — Ты только взгляни, что за идиотское облачение!

Тайзейдо широко улыбнулся.

— Я уже видел, благодарю, майор. На военном балу это произведет колоссальное впечатление. Генерал Делл будет особенно доволен.

— Лучше сядь и попридержи свой язык. Что-нибудь заметили?

Тайзейдо сел, повернулся к экрану и уперся взглядом в монитор.

— Ничего необычного, майор. — Он оглянулся. — Почему бы тебе не вернуться на бал и не предоставить невольникам самим прощупывать эфир?

«Прощупыватель эфира»... В следующий раз Джоанн увидела Морио уже в роли убийцы...

...Перерыв в стрельбе. Столкнувшись с неожиданной вспышкой сопротивления, жабы при первых проблесках зари отошли. Наступало серое, дождливое утро. Поблизости толпились какие-то тени. Одна из теней отделилась от остальных и превратилась в сержанта Бенбо.

— Пойду проверю позиции. Увидимся позже, Мо.

Бенбо побежал, пригибаясь, и скрылся из виду. Джоанн взглянула на тень, с которой только что разговаривал сержант. Тень оказалась Морио.

— Ты держишься, Морио? — спросила она его.

— Вроде бы. — Он был так же неподвижен, как и камни вокруг. — Майор! Все это... Я о бое...

— Говори.

— Я оказался не готов. У меня не хватило духу.

— Таких, как ты, тут много. Вернее, было много...

— Майор, мне еще не приходилось встречаться с героями. Я даже мысленно не произносил таких слов. — Она увидела в темноте его глаза. — Эмос... сержант Бенбо... Вот это человек! — Глаза пропали. — Спать... Мне надо поспать...

Чья-то рука грубо тряхнула ее за плечо.

— Майор?

Она очнулась в чреве корабля. Еще до того, как она уснула, у нее сильно ныли суставы, теперь же это была невыносимая боль, словно ее подвергли длительной пытке. Открыв глаза, она обнаружила рядом с собой Бенбо.

— Сержант?

— Через несколько минут мы пристыкуемся к... — Он хрипло хохотнул. — Чуть было не сказал «к кораблю-матке».

Она со стоном приняла сидячее положение и протерла глаза. Убрав от лица руки, увидела двоих драков, куда-то волочивших безжизненное тело солдата.

— Что происходит?

— Еще один мертвец. Попробовал, должно быть, прощальный подарочек полковника.

— Кто это?

— Корлисс.

Джоанн не помнила такой фамилии. Заметив недоумевающее выражение ее лица, Бенбо объяснил:

— Один из моих людей.

Джоанн дождалась, пока за драками задвинутся створки люка.

— Откуда ты знаешь, что мы сейчас причалим?

Бенбо показал кивком головы в сторону люка.

— Подслушал.

— Адзе дракон?

— Ни адзе.

— Где ты выучился дракскому?

— На Амадине. Я как раз находился там, когда на смену розыгрышам пришли серьезные вещи. — Он огляделся. — На

Амадине все немного говорят по-дракски. Потом маведах стали вправлять мне мозги. — Он показал Джоанн свою правую руку, и она даже в темноте разглядела следы старых уколов. Маведах, драки-террористы с Амадина, питали пристрастие к иголкам. С их помощью они терзали свои жертвы электрическими зарядами и вводили им в организм токсичные вещества; иногда это делалось только для того, чтобы заставить несчастных покричать или оставить на их телах неизгладимые следы.

Она отвела взгляд.

— Сколько на борту драков?

— Насколько я знаю, четыре. Пятый — человек по фамилии Мицак. Что скажете, майор?

Она снова посмотрела на Бенбо. Он не сводил с нее глаз.

— Даже не пытайся. И не думай.

— О чем? О захвате этого корабля? Это глупо. Даже если бы мы смогли его захватить, остальной воздушный флот драков живо оставил бы от нас мокрое место. К тому же куда лететь? Кетвишну теперь не наша.

— Хочешь, чтобы они опять поработали над твоей рукой?

— Об этом не беспокойтесь, майор. Маведах здесь не водятся. Клоуны в красных мундирах — это тзиен денведах, регулярные войска. Эти любят одерживать победы, а не причинять боль. — Бенбо опять положил руку на плечо Джоанн. — Ничего, нам еще улыбнется удача, майор. Надо просто подождать.

Корабль покачался в воздухе и замедлил полет. Раздались звуки торможения, потом распахнулся люк. Появился драк в красном мундире и нетерпеливо помахал трехпалой рукой.

— Дасу! Дасу, нуе шаддсаат!

Из-за спины драка вышел человек по фамилии Мицак и заговорил:

— Мы достигли главного корабля. Приготовьтесь к высадке.

Побежденные воины, с трудом поднявшись, потянулись к выходу. Дождавшись Джоанн, Мицак остановил ее. У него был озабоченный вид.

— Вас и ваших подчиненных не отправят на планету Худжиам, как обычно поступают с военнопленными, захваченными в этом секторе. Все вы окажетесь на Дитааре.

— Почему?

— Потому что по пути на Худжиам сейчас идут бои с вашими силами.

— Ничего не поделаешь...

— Мы не могли бы гарантировать вам безопасность, как того требуют соглашения о правилах ведения войны.

Джоанн пристально смотрела на него:

— Вы чем-то озабочены, Мицак?

Он немного помолчал.

— Майор Никол! Население Худжиам привыкло принимать у себя военнопленных, там есть все необходимое для их инструктажа. Что касается населения Дитаар, то оно не умеет ни принимать военнопленных, ни инструктировать их. Меня беспокоит, что «мадах» на Дитааре будет очень тяжким.

— «Мадах»?

Он покосился на других солдат и закрыл глаза.

— Возможно, я устрою так, чтобы о вас позаботились и на Дитааре. Я постараюсь.

Он развернулся и вышел из корабля. Джоанн оглянулась и увидела, как сержант Бенбо помогает встать на ноги лейтенанту Тайзейдо. Чьи-то пальцы сдавили ее плечо. Охранник-драк указывал ей на выход.

— Чова, иркмаан!

Джоанн посмотрела ему прямо в желтые глаза.

— Не иркмаан, кизлодд! Ирквумаан!

3

Когда ваши воины обрушатся на ирредах, вы захватите их живыми, как можно больше. Их дети будут отправлены в Шестой денве, чтобы в будущем тоже стать воинами. Плененным будет рассказано о новом Законе Войны Ааквы и об испытаниях, доказавших правоту этого Закона. Потом вы скажете им, что они могут влиться в новое племя, денведах, ибо только таким способом они могут послужить новому Закону...

Пойманных, отказывающихся служить Закону Войны Ааквы, отправляйте в Мадах. Говорите им, что эта пустыня — их новая обитель. Только там место не желающим сражаться ни за ирредах, ни за денведах.

Предание об Ухе, Кода Овида, Талман

— Люди, вам предоставлен выбор. — Толстый офицер-драк стоял на платформе в заброшенном здании на краю военного

полигона Ва-Бутаан на планете Дитаар. — Выбирайте, кем стать: людьми-солдатами, солдатами Палаты драков или ничьими солдатами, мадах. Смерть, борьба, голод. Выбор за вами.

Леонид Мицак молчал, пока офицер-драк не кивнул ему и не ушел с платформы. Тогда Мицак оглядел свою небольшую аудиторию.

— Драки не держат пленных. Командир базы Харудак сделал вам то же предложение, что делается всем, потерпевшим поражение от драков. Вы можете продолжить сражение за свои Соединенные Штаты, то есть погибнуть, совершив необдуманный детский поступок; можете записаться в вооруженные силы Палаты драков, чтобы способствовать делу драков. Если вы не изберете ни того, ни другого, то станете мадах, то есть превратитесь в ничтожества, живущие подачками. — Мицак обвел рукой здание. — Ввиду подписания Палатой драков соглашений о правилах ведения войны, традиционное обращение с пленными включает теперь возможность пользования этими помещениями. Они предназначены для тех из вас, кто изберет мадах: здесь вы найдете крышу над головой, одежду и еду, если у вас не окажется иного способа выжить.

Сержант Бенбо огляделся и недоверчиво спросил Мицака:

— Получается, что вы отпускаете нас на все четыре стороны?

— Вы вольны покинуть это здание, но не эту планету. Вы вправе остаться, как я бы вам и советовал поступить. — Он плотнее запахнулся в свой синий балахон, и Джоанн показалось, что его лицо, обращенное к выходу, выражает искреннюю озабоченность. — Там, снаружи, вы уже не будете находиться под охраной соглашений, а должны будете соблюдать традиции драков. Традиции мадах суровы. Население этого города, называемого Ва-Бутаан, не привыкло к людям. Вас ждет враждебное отношение со стороны граждан и самих обитателей мадах.

— Скажи, Мицак, есть ли среди мадах драки?

— Конечно. — Он помолчал. — Прежде чем сделать окончательный выбор, вам следует побольше узнать. Но мы здесь не имеем возможности преподать вам эти знания. Тем не менее я сделаю все, что смогу. Я назначен заместителем Харудака. Если я вам понадоблюсь, вы всегда можете найти меня здесь.

Он спустился с платформы и неспешно покинул помещение.

Бенбо повернулся к Джоанн.

— Как поступим, майор?

Оказалось, что ее решения ждет не только он, но и остальные пленники. Все они выглядели утомленными и растерянными.

— Пока ситуация не прояснится, все остаются здесь. Тайзейдо!

Морио сделал шаг вперед. Она взяла его за руку и подвела к Бенбо. Когда троица оказалась на некотором удалении от остальных, сержант спросил:

— Полагаете, это ловушка, майор?

— Не знаю. Мы и так у них в руках, пожелай они вить из нас веревки. Не пойму, с какой целью они предоставляют нам свободу. Морио!

— Слушаюсь, майор.

— Мы с Бенбо произведем разведку. Ты на это время останешься за главного. Проследи, чтобы люди не разбрелись. Задание понятно?

— Понятно. А как насчет двух других вариантов выбора?

— Конечно, мы продолжим борьбу, но наша задача сильно облегчится, если мы сможем свободно здесь разгуливать. Пусть все держатся кучей, пока мы не разберемся, что к чему.

Бенбо дал лейтенанту нож. Морио удивленно посмотрел на него.

— Как прикажете его применять?

— Предупредишь любого, кому захочется превратиться в драка, что сперва ему придется сделать маленькую хирургическую операцию. И придай своим словам серьезности.

Морио спрятал нож за пазуху и кивнул.

— Будьте осторожнее.

Джоанн и Бенбо зашагали к распахнутым воротам. У самых ворот они остановились. Справа красовался забор, над ним — помост с вооруженным стражником-драком.

Забор отгораживал здание от полигона. Оставалось гадать, для чего по помосту разгуливает стражник: чтобы стеречь полигон или чтобы прикончить любого, кто высунет нос из здания.

Слева тянулась гравийная дорожка, выходящая на мощеную дорогу. По одну сторону дороги виднелись низкорослые кусты и деревца с кривыми стволами. Джоанн еще раз покосилась на стражника и толкнула Бенбо локтем в бок.

— Пошли!

Они медленно двинулись в сторону дороги. Поравнявшись со стражником, они увидели, что его желтые пальцы лежат на спусковом крючке.

— Ей, киз ве мадах.

Они остановились. Стражник поднял оружие и навел его на них.

— Зум! Зум! — Стражник засмеялся и опустил оружие. — Йа, йа! — Он кивнул в сторону дороги. — Бенга! Мадах хасу, дутшаат! Мадах хасу!

Бенбо тепло улыбнулся ему.

— Поцелуй меня в задницу, гермафродит цвета собачьей мочи!

Джоанн потянула сержанта за руку.

— Либо идем, либо все пропало.

— Йа, кизлодд! Мадах хазу! Йа...

— Денведар!

Стражник развернулся. Джоанн и Бенбо увидели по другую сторону забора крупного драка в военном мундире. Узкие золотые полоски на его красных рукавах свидетельствовали, что перед ними офицер девятого разряда, по-земному старший сержант.

Сержант-драк устроил рядовому такой же разнос, какой получал, видимо, еще самый первый на свете рядовой от самого первого на свете старшего по званию. Произносилось все так быстро, что Джоанн улавливала лишь обрывки: угрозы вырвать язык, переломать конечности, взорвать гранатой и обложить нарядами до скончания века.

Сержант Бенбо наслаждался работой своего коллеги. Когда сержант-драк закончил тираду и отправил рядового обратно на пост, Бенбо помахал ему рукой.

— Задал ты ему перцу!

Драк покосился на Бенбо и произнес одно-единственное слово:

— Вемадах!

После этого он скрылся в каком-то бараке. Бенбо проводил его взглядом, сунул руки в карманы и двинулся дальше к дороге, глядя себе под ноги. Словечко «вемадах» означало живущего в мадахе, но имело еще одно значение — «трус».

— Сержант, слова этого драка не относились к нам?

— Нет!

Бенбо не остановился, хотя ему очень хотелось высказаться более пространно. На дороге он покачал головой, посмотрел на Джоанн и повернул направо.

— Вот бы найти кнопку, которой можно взорвать весь этот шар из дерьма!

Три часа быстрой ходьбы ушло у них на то, чтобы обогнуть полигон. Многочисленные драки-охранники провожали их взглядами; драки, проезжавшие мимо в низких бесшумных машинах, молча оглядывались на них. Комментарии звучали только из уст детей; иногда слова сопровождались метанием камней и отбросов. Однако никому не пришло в голову их остановить.

Описав круг, они забрались на поросший лесом холм, чтобы оглядеть окрестности. Присев отдохнуть, они обменялись впечатлениями: оба пришли к выводу, что охрана полигона не превышает двух сотен драков.

Они видели четыре штурмовых летательных аппарата, два из которых как будто ремонтировались. Количество мелких транспортных летательных аппаратов было больше, зато атмосферных перехватчиков не оказалось вообще.

Сержант Бенбо, обхватив руками колени, посмотрел в сторону полигона.

— Вот что, майор: если мы собираемся воевать на баррикадах, то здесь мы только напрасно потеряем время.

— И людей, — поддержала его Джоанн. Растянувшись на облетевших листьях, она созерцала голубое небо. — У Флота драков где-то на планете есть большая база.

— Не то что эта — мелочь пузатая! — Бенбо рывком поднялся и побрел к более высокой точке.

Когда стих шорох его шагов, Джоанн опять уставилась в небо. Ветерок носил в воздухе листочки, формой напоминающие наконечники копий. Ей было не по себе от мысли, что совершенно не хочется носиться по Дитаару, подрывая военные объекты. Точно так же, как здесь сейчас, она могла бы лежать в любом другом месте когда угодно, вдыхая лесную свежесть и не помышляя о войнах. События на Кетвишну казались ей сейчас просто дурным сном.

Джоанн села и посмотрела на летательные аппараты драков, белеющие вдали. Что-то случилось с ее чувством долга — или с чувством мести?

Гражданские погибали на Кетвишну в таких количествах, что превращались просто в цифры; военные погибали потому, что того требовал контракт, который они подписывали, добровольно вступая в вооруженные силы. Никто из военных не был ей по-настоящему близок. У нее вообще не было близких людей после Маллика. Все громкие лозунги казались пустыми словами. Неужели ей действительно было дело до защиты интересов горнодобывающей промышленности Соединенных Штатов Земли на Амадине? Да ни малейшего! Не для того ли она пошла в армию, чтобы отомстить за гибель воинов из Фронта Амадина от рук драков из маведах? Она покачала головой. Вряд ли... И свои, и драки занимались на Амадине неприкрытым террором, служа своим командирам и пытаясь посильнее напугать противника.

Она закрыла глаза. Зачем она здесь?

...На Земле она училась и безрезультатно искала забвения; до этого она была на Байна Я с Малликом.

Маллик был рыбаком, любовником, просто живым человеком. Обоим было по девятнадцать лет; днем они владели всем миром, ночью — всей Вселенной.

Он стоял на носу своего рыбацкого глиссера, вглядываясь карими глазами в ослепительную морскую гладь в поисках одному ему ведомых признаков рыбы; она наблюдала за ним, затаив дыхание. Он кричал рулевому: «Лево руля! Вижу косяк!»

Глиссер послушно поворачивал, и он бежал к борту, чтобы тащить сеть, поглядывая на Джоанн.

Потом он утонул. Как говорили, шторм начался внезапно, никто не успел подготовиться. Его выловили — белого, раздувшегося от воды, объеденного крабами...

И его родня, и ее предлагали Джоанн помочь растить ребенка, но она удрала с Байна Я на Землю еще до родов. Своего ребенка она никогда не видела, не знала, какого он пола, как его имя. Сама мысль о том, чтобы знать это, внушала ей ужас. Она не желала больше рисковать, удивляться, попадать в плен к привязанностям.

Учась, она прогоняла из головы любые мысли, заполняя свободное место цифрами. Через два года на кампус пожаловали вербовщики. Они соблазнили девушку полнейшей предсказуемостью ожидающего ее существования: сюрпризов более не предвиделось. Определенные затраты времени, опыт, образование, тренировка были строго эквивалентны определенным чинам и должностям. При желании можно тратить время на решение приятных уму головоломок. Даже если все кончалось гибелью, то предсказуемой была и смерть, и ее причина, и участь останков.

Контракт предусматривал буквально все.

Точно так же можно было предвидеть гибель Маллика: ежегодно на Байна Я тонут десятки рыбаков. Но в девятнадцать лет все считают себя бессмертными...

— Маллик, черт бы тебя...

— Иркмаан?

Джоанн убрала ладонь от глаз и вскочила. Из-за ветвей выглядывал драк.

— Бенбо! — Она посмотрела по сторонам, но сержанта след простыл.

Драк раздвинул ветви и вышел на поляну. Его белое одеяние было рваным и перепачканным. Не дойдя до нее нескольких шагов, он присел на корточки и сложил длинные руки на коленях.

— Ты — человек? — спросил он на своем языке.

— Да.

— Из мадах? — Джоанн не ответила, но драк кивнул. — Оттуда. Я слыхал о людях, которых привезли в мадах на Дитааре. — Он выжидательно уставился на нее. — У тебя не найдется поесть?

— Нет. Почему ты здесь?

— Ищу еду.

— Я спрашиваю, почему ты в мадах?

Драк устало выпрямился.

— Я ищу только еду, болтовня мне не нужна.

В его глазах появился испуг, когда из-за спины раздался треск ветвей. На поляну вышел Бенбо.

— Вы в порядке, майор?

— Пока что да. — Она посмотрела на драка. — Кто ты такой?

Он опустил свои желтые глаза.

— Так, лицо без имени.

Сержант Бенбо подошел к драку.

— Драться ты не намерен?

— Дрался бы, — прозвучал ответ, — если бы такова была талма. Но она иная.

— Путь? Талма? Куда?

— Просто путь, человек. Талма... — Драк махнул рукой. — У вас не найдется поесть?

Бенбо отрицательно покачал головой.

Драк отвернулся и побрел обратно в заросли. Вскоре затихли его шаги. Бенбо потер подбородок, нахмурился и обернулся к Джоанн.

— Интересно, сколько здесь бродит драков? — Он указал на верхушку холма. — На противоположном склоне я кое-что нашел.

— Что именно?

— Проще показать, чем объяснять. — Он оглянулся, но драк уже исчез из виду. — Нам лучше проявлять осторожность. — Он ткнул пальцем. — Туда!

Противоположная сторона холма оказалась голой, хотя раньше тоже была покрыта растительностью, о чем свидетельствовали обугленные пни. У самого подножия холма начинались руины уничтоженного селения. Черные улицы и развалины домов тянулись на добрый километр. Вся пораженная зона простиралась на добрые шесть — восемь километров, сужаясь справа и расширяясь слева — напоминая огромную каплю.

— Такой след могло оставить только одно известное мне оружие, — произнес Бенбо.

— Наша ультразвуковая боеголовка. Площадь поражения невелика, так что это была, наверное, ракета «воздух—земля».

— Взрыв произошел всего один, майор. Летчик, видать, от кого-то улепетывал.

Джоанн козырьком приставила ладонь ко лбу.

— Непонятно, куда он метил. Если в полигон, то ничего себе промах!

Бенбо подобрал с земли камешек и несколько раз подбросил его.

— Не думаю, что летчик промахнулся. — Он отшвырнул камешек. — Куда хотел, туда и залепил. — Сержант стал подниматься на холм.

Неужели такое возможно? Неужели пилот Соединенных Штатов Земли мог ослушаться приказа и уничтожить целое мирное селение? Или приказы, запрещающие поражать мирные объекты, успели измениться? Не исключено, что они наткнулись всего на одно из нескольких таких уничтоженных поселений. Судя по всему, пламя полыхнуло здесь совсем недавно. Возможно, это объясняет, зачем дракам понадобилось сровнять с землей города на Кетвишну. Око за око! Что ответил им драк в грязном рванье? «Дрался бы, если бы такова была талма. Но она иная...»

Джоанн заметила среди руин еще двух драков, тоже рыскавших в поисках еды. Мадах... И поспешила вдогонку за Бенбо.

Еще через час они оказались в уцелевшей части деревни драков и присели на высоком берегу, напротив улицы с домами и хозяйственными постройками.

Дома были большие, вокруг них простирались лужайки, густо рос лес. Расстояния между домами были так велики, что каждый дом казался отдельной деревней. Одна из улиц упиралась в нечто вроде парка.

— Наверное, дорогой райончик! — пробормотал Бенбо. — Посмотрите туда!

Она глянула в указанном направлении и увидела на одной из улиц одинокого драка. На нем был рваный белый балахон, на шее голубая тесемка, спускавшаяся по спине до земли.

— Это не тот, которого мы видели на холме.

— Наверное, еще один из мадах. Чего он там стоит?

Вскоре все разъяснилось. Из-за угла показалась бесшумная машина драков, медленно катившая по улице. Драк в белом опустил глаза и протянул руки к машине. Машина проехала мимо, драк уронил руки и остался неподвижно стоять на обочине. Сержант сплюнул.

— Похоже, мне в мадах не место.

— Пойдем поговорим с драком, сержант. Пора бы разобраться, что это за мадах.

Бенбо нахмурился, уставившись себе под ноги.

— Не хотелось бы мне оказаться драком, притащившимся в человеческий город сразу после того, как его наполовину сжег пилот-драк. — Он приподнял бровь.

— Идем. — Она начала спускаться. Бенбо нехотя последовал за ней.

При их приближении драк обернулся. Сначала он выглядел озадаченным, потом на его лице появилось выражение смирения. Не дав им произнести ни слова, спросил:

— У вас не найдется поесть?

— Еды у нас нет. Как тебя зовут?

Драк некоторое время раздумывал над вопросом, потом задрал голову.

— В мадах... — Он посмотрел на Джоанн. — Можете называть меня Шалда.

Она показала сначала на себя, потом на сержанта.

— Джоанн Никол и Эмос Бенбо.

Шалда удивился.

— Вы сохраняете в мадах свои родовые имена?

— Ты о фамилиях? Почему бы и нет?

— Какой стыд! Людям этого не понять. Вы правильно говорите по-дракски, это должно вам помочь.

Рядом с троицей остановилась еще одна машина. Водитель высунул желтую голову из окна и, мельком глянув на Бенбо и Джоанн, выкрикнул:

— Чова, вемадах! Просить милостыню можно, а собираться — нет! Расходитесь! Чова!

Он дождался, пока все трое стали взбираться на холм, и уехал. Шалда шел, не останавливаясь. Джоанн поймала его взгляд.

— Если это такой стыд, Шалда, то почему ты здесь?

— Мне больше некуда идти. Теперь моя земля — мадах.

Бенбо ускорил шаг и зашел с другой стороны.

— На холме мы повстречали другого драка. Он сказал, что война — не *талма*. Что это значит?

Шалда остановился и зажмурился.

— Война — *талма*, человек.

— Но другой драк говорит иначе. Что такое *талма*?

Оба смотрели на драка Шалду, который боролся с каким-то внутренним противоречием.

— Талма... — Он поднес руку к голубой тесемке у себя на шее. — Была ли у того вемадаха такая же петля?

— Не было, — покачала головой Джоанн. — Просто белый балахон, и все.

Шалда прижал тесемку к телу.

— Знайте, люди, это — знак «Джетах ве Талман». Я — джетах, магистр Талмана, знаток путей. Тот, о ком вы говорите, либо очень молод, либо очень невежествен. Следовать талме — значит воевать с Соединенными Штатами Земли. Я сам вычертил все диаграммы. — Шалда обвел жестом своих собеседников. — Кто из вас мужчина, кто женщина? Я никогда не видел живых людей, только на картинках.

— Бенбо — мужчина, я — женщина.

Шалда внимательно оглядел обоих и покачал головой.

— Наверное, это для чего-то нужно. — Он указал на холм. — Мне надо спешить. До наступления ночи я должен найти еды.

Бенбо поймал драка за руку.

— Если ты считаешь, что воевать правильно, то почему ты в мадах?

Драк вырвал у него руку.

— Вас это не касается. — Ответив так, он стал карабкаться вверх.

— Ура! — Бенбо повернулся к Джоанн. — Вот весело! Никогда не думал, что и среди драков бывают трусы.

Она внимательно смотрела на сержанта. Ярость и презрение заставляли его действовать, когда остальные, парализованные страхом, забивались в норы. К тому же он опасался, что его назовут трусом, опасался, что будет вынужден обозвать трусом самого себя.

Полковник Нкрума глотал во имя долга капсулы с ядом, потому что ему было куда легче исполнить долг, чем примириться с унижением... Джоанн заглянула внутрь себя. Она могла долго выдерживать бой, потому что твердо следовала собственным правилам. «Мои драгоценные, предсказуемые правила! Я боюсь утраты этих точек соприкосновения с действительностью больше, чем драков!»

— Трусы бывают разные, сержант. Опозорить свое имя боятся только самые честные.

Джоанн посмотрела вслед удаляющемуся драку, потом обернулась к сержанту и обнаружила, что он таращится в небо. Он вытянул руку.

— Майор, майор! Налет! Черт, это же наши!

Джоанн тоже запрокинула голову и через секунду-другую разглядела черные точки — эскадрилью, нет, целое авиакрыло бомбардировщиков. Ей показалось, что она не уходит с улицы уже несколько часов, хотя речь шла о секундах. И вот уже точки зачернели прямо у нее над головой. Бенбо прыгнул, на лету ударил Джоанн ногой в живот и повалил.

Мгновение — и весь Дитаар превратился в сплошное пекло. Взрывы подбрасывали ее, переворачивали, снова швыряли наземь. Несмотря на адский шум и свист, она услышала, как чертыхается Бенбо. Серия ударов — и онемело тело, а потом сознание. Перед мысленным взором появилось лицо Маллика. Потом исчезло и оно.

4

Токках шел к огням своего народа, слыша за спиной поступь вражеского войска. Токках воздел очи к ночным небесам в безмолвной молитве: «Ааква, Прародитель Всего, порази Ухе и его армию! Порази их огнем и громом!»

Не получив ответа, Токках опустил очи к тропе и продолжил путь, по-прежнему обращаясь к темноте, следовавшей за ним:

«Заметил ли ты, Ухе, что всякий раз, когда Бог оказывается нужен, его нельзя найти?»

«Да, Токках, я заметил это».

Предание об Ухе, Кода Овида, Талман

...Голову сжимали тиски, легкие забил маслянистый войлок, в ушах отчаянно звенело...

Потом она осознала, что, спотыкаясь, куда-то бредет через дым и безмолвие.

Она остановилась, утерла рот и увидела на тыльной стороне ладони кровь. Кровь оказалась густой и темной, почти высохшей. Она еще раз вытерла лицо. Кровь шла из носа, но раньше, теперь кровотечение почти прекратилось.

— Бенбо!

Опустив руку, она стала ждать, когда рядом окажется сержант. Но его нигде не было видно. Она зажмурилась. Голова раскалывалась от боли. Все вокруг застилал дым. Она медленно встала на колени. Она не знала, куда брести, что делать;

больше всего сейчас ей хотелось уснуть. Но забыться не давала смутная мысль о какой-то обязанности, которую ей никак не удавалось ухватить.

Она приоткрыла глаза. Дым заполз и в эти щелочки, но в следующее мгновение его отнесло ветром в сторону, и она различила рядом какое-то строение. Она опять закрыла глаза, потерла их кулаками и распахнула пошире.

Крупное здание — вернее, то, что от него осталось. Земля вокруг руин была полностью опустошена и выжжена, не считая нескольких вывороченных с корнем, дымящихся деревьев. У подножия руин желтели размытые пятна, постепенно превращавшиеся в неподвижные тела.

Истерзанные, раздавленные тела. Драки, вернее, дракские дети. К ним уже подбиралось пламя.

— Сержант! Бенбо! Куда ты подевался, черт бы тебя побрал?

От собственного крика тело пронзила боль, заставившая ее скорчиться. Только ударившись лбом о землю, она опомнилась.

До ее слуха доносился слабый плач, напоминающий мяуканье котенка. Она села, упираясь руками в землю, и прислушалась.

Плакали и кричали сразу несколько голосов. За ее спиной раздавались крики, проклятия и шевелились развалины. Прямо перед ней упорно плакали. Звуки доносились из-под рухнувшего здания. Джоанн встала на ноги и, сопротивляясь судорогам подступающей рвоты, поплелась к руинам, заранее зная, какое зрелище ждет ее там.

С той стороны и слышался слабый скулеж. Еще несколько шагов — и она оказалась среди острых камней, оставшихся от рухнувших стен. Представшие ее взору трупы скулить не могли. Она привалилась к камням. Даже драку требуются рот, глотка, легкие, а главное, жизнь, чтобы так плакать...

Новые стоны заставили ее встрепенуться. Она отделилась от камней и проникла в чудом уцелевшую часть здания. Здесь плакали гораздо громче.

— Да где же ты? Что за... — Черт! Она схватилась за голову, чтобы унять боль. Очнись, Джоанн, и говори по-дракски. — Адзе дракон. Гиз... Гиз ну ча? — взвизгнула она что было силы. — Гиз ну ча? Тин, гиз ну ча?

Она упала на колени, корчась от головной боли. Свора демонов лупила молоточками по ее черепной коробке. Развалины заволокло густым горячим дымом, от жара трескался камень и вдребезги разлетались стекла.

— Эчей нуе ча! Эчей вига!

Она чертыхнулась, пытаясь вспомнить дракские слова. У нее определенно отшибло память.

«Эчей вига» означало: «Гляди сюда». Так, уже что-то! Она произнесла вслух:

— «Эчей» — это «сюда», «ча» — «быть». «Я» — «ни», «мы» — «нуе». — Оставалось только спеть детскую песенку: «У Мэри был смешной козел, он бородой дорожки мел...» А глаголы-то, разрази их гром, надо ставить в конец! Есть, правда, исключения: это когда... Когда? — Эчей нуе ча! Бенга ну!

Вот оно, исключение: когда нет времени раздумывать!

Она подалась было к овальному окну, но тут же рухнула ничком. Под бедром шевельнулось что-то мягкое. Она нащупала сначала руку, потом туловище. Она сжалась в комок, потом села на колени и оглядела свою находку.

Ее руки неуверенно двинулись влево.

— Только не умирай, деточка. — Она нащупала ноги, потом стала шарить правее. — Ты меня слышишь? Дасу. Вставай! — Она положила обе руки на узкие плечики. — Дасу. Гавей ну? Пошли! Вставай же! Пожалуйста, вставай!

Она потянулась рукой вправо, к лицу, чтобы разобраться, дышит ли ребенок. Но дыхания не оказалось. Как и лица.

До нее снова донесся голос:

— Бенга! Бенга ну!

Джоанн обернулась на голос.

— Ни бенга! — прошептала она.

За овальным окном полыхнул свет, потом раздалось громче, слышнее:

— Хада! Хада! Талма хаме ча? — «Есть внутри жизнь?»

Очень остроумно! Есть ли здесь, внутри, жизнь? Так, мелочь, остатки. Она покачала головой.

— Откуда мне знать?

— Эсс? Адзе ну!

Тогда Джоанн крикнула в окно:

— Аэ! Талма ча! Тини!

Она встала, пошатнулась, полезла вверх по какому-то трясущемуся настилу и добралась до стены у окна.

— Чаве ну? Эй, там, вы меня слышите? Талма ча! Талма ча!

— Аэ!

Она попыталась пролезть в окно, но ее не пустили прочные решетки. Она стала их трясти, но они не поддавались. Она решилась на обходной маневр, но тут в стену ударил язык пламени, и она поняла, что путь в обход отрезан. Пол был устлан бесчисленными обезображенными детскими трупами. У нее даже не хватило времени, чтобы ужаснуться. Ее внимание привлек голосок:

— Бенга. Эчей бенга...

Голосок раздавался откуда-то снизу. Она увидела на полу, рядом с винтовой лестницей, тяжелую решетку. Раскидав обломки, она прильнула к решетке лицом.

— Тин! Хада, тин!

— Эчей...

Она подергала решетку и, убедившись, что та не поддается, бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через невообразимый мусор. Ее встретила просторная комната, весь потолок которой был охвачен огнем.

Справа от нее на полу громоздились опрокинувшиеся шкафы, из которых высыпались какие-то свитки, огромные книги, просто листы бумаги. За все это кое-где уже принялся огонь. Слева у стены пока еще стояли шкафы с книгами, только один накренился, загородив тяжелую дверь.

Джоанн налегла плечом на преграду, пустила в ход колено — и шкаф встал прямо. Она распахнула дверь, и ей навстречу выбежали двое юных драков. Третий лежал у дальней стены комнатушки без окон и наблюдал за девушкой из-под опущенных век, повторяя:

— Иркмаан...

Джоанн протянула ему руку.

— Бенга, тин. Огонь... ааква, ааква... — Ей не хватало слов. — Поможем друг другу!

Она нагнулась, подхватила одного из найденышей под мышки и подняла. Третий осторожно двинулся к двери, но там остановился.

— Нуе су корум, иркмаан?

Джоанн покачала головой.

— Нет — «не». Я вас не убью. Не корум.

Ребенок попытался самостоятельно приподнять своего лишившегося сознания товарища, но не смог и обессиленно привалился к стене.

Джоанн перенесла одного драка в большую комнату, где уже полыхал почти весь пол. Спустив ребенка вниз, она отправилась за следующим. Подобрав его, она поставила на ноги третьего.

— Идем. Бенга.

Оставив двоих детей рядом с первым, она опять поднялась по лестнице, чтобы взглянуть, не найдется ли там пути к спасению. Ей в глаза бросилась объятая пламенем дверь. Она тут же спустилась вниз и тряхнула за плечи одного из малолетних драков, погружавшегося в бессознательное состояние.

— Очнись! Лоамаак, тин! Здесь есть выход? Эчей? — Она указала на огонь. — Где? Где дверь? Гис истах ча? Эчей?

Ребенок кивнул и указал на горящую стену.

— Истах. — Он снял с пояса тяжелый ключ.

Джоанн вырвала из его рук ключ, подхватила одного из спасенных и стала пробираться вдоль стены. Миновав два окна, забранных решетками, она увидела дверь. Перед дверью валялись пожираемые огнем книги и бумаги. Она сунула ключ в замочную скважину. Огонь подбирался к ее ногам.

— Лучше бы она открывалась наружу...

Она крутила ключ то влево, то вправо, но все без толку. Неужели ей дали не тот ключ?

— Куеда, иркмаан!

Среди языков пламени она нашла взглядом драка, отдавшего ей ключ. Он заботливо склонился над другим драком.

— Эсс?

— Кведа! — Он показал жестом, что дверь надо толкнуть. — Истах кведа ну!

Джоанн толкнула ключ вместе с дверью — и дверь распахнулась. Перед нею раскинулся небольшой сад. Она и драк кинулись туда. В отдалении копошились какие-то фигуры. От гари, набившейся в дыхательные пути, она уже не могла произнести ни слова. Она оттащила драка от двери и вернулась за двумя другими.

Комната была теперь похожа на раскаленную топку. Джоанн опалило лицо, и она зажмурилась. Собственные веки показались ей наждачной бумагой.

Заслоняя глаза ладонью, она стала слепо шарить рукой в дыму и нащупала двоих, оставшихся у лестницы. Поставив одного на ноги, она подняла его и устроила у себя на плече, другого попыталась просто тянуть за руку.

— Дасу! Бенга дасу!

Третий драк вскарабкался по ней и стал колотить по голове.

— Ааква!

— Ты спятил? Пурзхаб?

— Су ааква! — Он знай себе лупил ее по голове. — Су лодд ааква!

— Моя голова... — Она поняла, что у нее загорелись волосы. Она сгребла в охапку обоих детей и закрыла глаза.

...Уже у пылающей двери ей показалось, что она бредет по чему-то вязкому и маслянистому; жар высосал у нее из легких остатки воздуха, невидимые предметы падали ей на голову и на плечи. И вдруг произошло чудо: она уткнулась лицом в восхитительно прохладный камень на дороге. Послышались голоса, к ней прикоснулись чьи-то руки — и боли пришел конец.

...Движение, тряска.

Она поняла, что куда-то едет. До слуха доносился гул, чувствовались неровности дороги под колесами. Она попыталась открыть глаза, но это оказалось невозможно.

Она хотела приподнять руку, чтобы провести по лицу, однако рука оказалась прибинтованной к телу и не повиновалась. Онемела не только рука, но и все тело.

— Майор Никол! Вы меня слышите? Майор Никол!

— Слышу. — Собственный голос показался ей сухим и хриплым. Горло обожгло огнем. — Что случилось? Кто вы такой?

— Вы сильно обгорели. Военный хирург считает, что у вас сотрясение мозга.

— Мицак?

— Да, это я.

Она попыталась проглотить слюну, но слюны во рту не оказалось.

— В горле пересохло...

Почувствовав, как ей в рот вставляют трубку, она начала втягивать прохладную жидкость. Потом трубку убрали, и она проглотила жидкость, заполнившую рот.

— Что с детьми, Мицак? С тремя детьми-драками?

— Они живы. — Он надолго замолчал. — Трое выживших из целой школы, из двухсот шестидесяти. — Он кашлянул. — Вас везут в научно-медицинский ковах. В больницу, майор.

Некоторое время они ехали молча. Дорога становилась все более ровной.

— Почему у меня повязка на глазах?

— Ожоги. Военный хирург наложил повязку. Ваш диагноз мне неизвестен. Хирург ничего мне не сказал. — В голосе Мицака зазвучали презрительные нотки. — Много дел, знаете ли... Война все-таки.

— А где... сержант Бенбо?

Мицак еще раз кашлянул.

— Они погибли, майор. Все ваши солдаты мертвы. По полигону Ва-Бутаан было нанесено четыре прямых удара.

Джоанн ухватилась непослушными руками за края носилок. Голос собеседника куда-то уплыл, вся Вселенная покачнулась...

5

Ничто есть инструмент сознания: это тот же ноль, столь важный для математика, строителя, счетовода. Ничто не есть состояние ума или существа. Все сущее будет пребывать вечно; и все сущие будут вечно пребывать. Все изменения суть форма и восприятие ее.

Предание об Иоа и Лурранне, Кода Шада, Талман

Время.

Она перестала воспринимать время.

Ее окружала кромешная тьма.

Мазь, покрывавшая ее лицо, шею и руки, лишила их чувствительности. Она ощущала свое тело, но ей казалось, что голова не связана с телом и парит свободно. Ощущение это было почти приятным. Нестерпимые физические страдания остались в прошлом. Там же, впрочем, осталась и способность отвлекаться, оттачивать чувства, извлекать приятное из обыденности.

Мерное гудение могло быть как звуком, издаваемым насекомым, так и свидетельством работы электрического прибора. Теперь для нее не существовало разницы. Гудение превратилось в волновое колебание, на гребне которого можно беспечно покачиваться.

...Вой компрессоров, затхлый воздух, прошедший множественную обработку, невнятный разговор.

— Вот не думал, что придется мараться на моем корабле с таким грузом...

Шуршание бумажек.

— Если у тебя киз вместо мозгов, прочти это и как следует о ней позаботься.

Сердитое фырканье, тишина, снова шорох бумажек.

— Ничего себе! Ведь это палата для...

— Вот я и говорю: позаботься о ней, как полагается.

Ее бездумное скольжение в беспросветном пространстве прервалось довольно надолго, уступая воспоминанию о сержанте, втолковывавшем ей правила страхования, принятые в вооруженных силах.

Столько-то за руку, столько-то за ногу, столько-то за глаз...

Потом она вспомнила свое первое задание после офицерского училища: сидеть у экрана и отслеживать коммерческие полеты драков. Подготовка к войне велась уже тогда: расшифровка языка, кодов, сленга, изучение правил, организационной структуры, военной мощи...

Неясные голоса вдали, сильные эфирные помехи...

«Анализ ситуации на Амадине.

Люди запрашивают вооруженные силы Соединенных Штатов Земли о защите от террористов-драков. Перехват радиограммы воздушному Флоту драков от маведах с Амадина с просьбой о защите от террористов из Фронта Амадина...»

Офицер, обучавший кадетов организационной системе противника, внушал:

— Для предвидения действий противника вы должны понимать, каким правилам подчиняется его мыслительный процесс, каковы его цели, как он обычно поступает. То, что представляется логичным вам, не обязательно кажется логичным

жабе, никогда не слыхивавшей об Аристотеле. То, что кажется логичным ей, скорее всего представляется лишенным всякой логики вам...

— Логика подразумевает соблюдение некоего свода правил. Каждая существующая в галактике раса выработала собственный свод, собственную логику, собственное уникальное представление о Вселенной и о своем месте в ней...

— Сущность Вселенной — это соотношения, правила; то, что мы именуем законами природы, действует почти для всех разумных существ. Все остальное, вся разумная жизнь, подчиняется правилам, изобретаемым ими самими.

— На планете Алурам правосудие отличается от земного. Там не только преступники, но и их родители, родные братья, сестры и дети подвергаются одинаковому наказанию. Если это смертный приговор, то гибнут все вышеперечисленные. С точки зрения человека, это никакое не правосудие, но для жителей Алурама это — именно правосудие, высшая справедливость. Алураминцы определили, что для их расы хорошо, а что плохо, после чего придумали наказания, которым общество подвергает плохих. Чем бы ни объяснялись плохие поступки — средой или наследственностью, — с их точки зрения разумнее исключить плохие экземпляры из генетического набора расы. В итоге на Алураме совершается совсем мало преступлений.

До чего логично!..

Новый день? Неделя? Год? Голоса звучали и стихали, только гул сопровождал ее всегда.

— Мицак?

— Я здесь.

— Почему? Почему вы здесь?

— Это вас не касается.

— Почему вы здесь?

Смех.

— Вы стали талмой, майор. Вы — мой путь из войны, назад в Талман-ковах.

— Не понимаю.

— Где вам понять...

«Раса шиказу с Тенуэта выстроила свою логику на постулате, что шиказу не могут быть побеждены. С этой логикой раса процветала, по-своему понимая сущность Вселенной. Но

в конце концов шиказу были завоеваны; теперь они полностью истреблены».

Она снова гуляла по Байна Я, стояла на палубе катера, скользящего вдоль меловых утесов Кидеже, любовалась морем. Ее волосы развевались на прохладном соленом ветру.

Вдали по сине-зеленой воде мчался глиссер Маллика, отражая серебристыми бортами солнечный свет, слепивший ее.

— Как улов, Маллик? — спрашивала она в микрофон.

— Неплохо, Джо, но никакого сравнения с тем, что мне предстоит поймать сегодня ночью.

— Маллик!

— В моих ладонях будут лежать такие круглые, мягкие, теплые...

— Маллик! Ты же в эфире! Ты хочешь оповестить весь мир?..

— Весь мир давно об этом знает, Джоанн.

«Тиманы развивались по соседству с двумя другими разумными расами. И физически, и численно тиманы не могли с ними соперничать, поэтому любое физическое противоборство изначально воспринималось ими как что-то дурное. Однако раса не могла выжить без положительных постулатов. Для тимана логично пытаться взять других под свой контроль, но не силовыми средствами. Далее эта логика требует от тимана, чтобы он своими действиями доводил других до самоуничтожения.

Пока другие расы на планете оттачивали воинское мастерство, тиманы учились, как обращать правила других им же во вред. И вот теперь, несмотря на свою по-прежнему небольшую численность, тиманы превратились в одну из наиболее влиятельных рас в Федерации Девятого Сектора. Обе расы, развивавшиеся параллельно с ними, уже истреблены. Для тиманов логичен геноцид...»

Гул прекратился. Голоса зазвучали совсем близко.

Кто-то взял ее за руку, кто-то пробормотал вполголоса: «Киз». Шаги. Голос:

— Джетах Пур Сонаан, разберитесь.

Другой голос:

— Кожа должна была бы заживать. Видите эти поврежденные области, красную и желтую жидкость...

— Человеческая кожа реагирует на мазь не так, как наша.

— К такому заключению мог бы прийти и ваш наставник, Вунзелех.

— Я не хотел вас обидеть, джетах...

— Снимите бинты и удалите мазь. — Долгое ошеломленное молчание. — Ее глаза! Глаза, болван! Скорее!

Ей было совсем нетрудно перестать думать о неприятном.

Она приказывала себе: «Смотри на Маллика!» И перед нею представал Маллик.

Она приказывала своему воображению витать среди звезд и наблюдала проносящиеся мимо гигантские сферы.

Она исследовала дно океанов, густые облака вокруг вулканических вершин, душные тропические заросли...

...Пелена из звуков... Восхитительное головокружение... Аромат цветов... Песня драков...

— Джоанн Никол, вы видите этот свет?

Свет? Какой свет? Ее запекшиеся губы с трудом произнесли:

— Я ничего не увижу, если не открою глаза. — Она попыталась разомкнуть веки. — Кажется, у меня не получается их открыть.

— Но они открыты, Джоанн Никол...

Спустя многие часы — или годы? — она позволила себе поразмыслить над тем, что прежде гнала от себя. Слепота? Тот самый кошмар, которого так боятся люди? Не видеть?..

Она витала в наркотических снах и видела то, чего никогда не видела глазами.

Реагировать, чувствовать!

Однако она существовала сейчас вне своей боли, сознания, вне собственных чувств. Темнота несла с собой тепло, была дружелюбна, с ней и в ней было комфортно. Продолжительное безмолвие, сон, восхитительное нечто на границе бытия и небытия... Мыслить, чувствовать, сознавать реальность — что за нелепые банальности? Ей хотелось без конца взлетать и опускаться на черных волнах беспамятства...

...Вспышки света, взрывы, медный привкус во рту. Грязь, разлетающаяся во все стороны вместе с камнями. Синие силуэты штурмовиков в ночном небе.

Перед ней возникает физиономия Бенбо.

— Мы потеряли предгорье, майор. Но жабы дорого за это заплатили.

— А сколько заплатили мы, сержант? Какую цену?..

Белая вспышка — и его смущенная физиономия исчезает, словно на погашенном экране...

Казалось, она бесконечно долго плыла, ничуть не уставая от усилий. Онемение во всем теле — да, но не усталость. Теперь она различала голоса. Звук, как любое физическое ощущение, был сродни драгоценному дару. Голоса становились все громче.

— Джетах, в коридоре ждет врач-человек. Это женщина.

— Позовите ее, Мицак. И будьте с нею вежливы. Она — вемадах с Аккуйя и не обязана с нами церемониться.

Шаги.

— Ваше имя? Как, у вас желтая кожа!

— Как и у тебя, жаба.

— Да, но... Простите, я не хотел... Ваше имя?

— Токийская Роза. А это кто такой?

— Леонид Мицак, капитан.

— Не хочется в мадах, да, Мицак? — Пауза. — Где пациентка?

— Вот здесь. — Голос Пур Сонаана. — Здесь лежит человек женского пола, о котором вам говорили, Токийская Роза.

Снова шаги. Джоанн почувствовала, что рядом кто-то есть. Легкое прикосновение к ее лицу.

— Как ее зовут?

— Джоанн Никол.

— Понятно. Убирайтесь, вонючки, дайте мне спокойно ее осмотреть.

— Желаете, чтобы мы удалились?

Тишина, потом мягкие шажки. Умелые пальцы приподняли сначала левое, потом правое веко.

— Проклятие! — Женщина отдернула руку от лица Джоанн. — Никол! Никол! Вы меня слышите?

Она ответила, еле двигая губами:

— Это вы, Токийская Роза?

— Капитан Тегара, — ответила та с усмешкой. — Я врач. Что они с вами сделали?

Джоанн слышала, как она передвигает по твердой поверхности какие-то предметы.

— Это огонь. Я попала в огонь.

Тегара снова наклонилась к ней и приоткрыла ей правый глаз.

— Вы — важная пациентка, Никол. Жабы привезли меня из мадаха на Аккуйя специально, чтобы я вас осмотрела. Вы что-нибудь видите правым глазом?

— Нет.

Щелчок.

— А теперь?

— Нет. Как там война, Тегара?

Рука врача переместилась на левый глаз больной.

— На момент разгрома моей части мы терпели одно поражение за другим. А левым глазом что-нибудь видите?

— Нет.

— Как вы к ним попали? — Щелчок. — А сейчас?

— Нет. Я служила на Кетвишну.

— Кетвишну?! — Врач отошла и снова чем-то задвигала на столике. — Мы считали, что там никто не выжил.

— Я тоже практически не выжила. — Джоанн почувствовала, как Тегара приподнимает ее левую руку. — Ну, как вам мои глаза?

Пауза.

— Вашим глазам никто не сможет помочь, Никол, разве что вы окажетесь в нашем нормальном госпитале... У меня нет ни инструментов, ни достаточного опыта. Такое впечатление, что они пытались лечить вас собственной мазью от ожогов. Роговица обоих глаз обгорела дочерна. Полагаю, эта беда поправима, но не здесь. Все зависит от того, как долго они лечили вас своей мазью.

— Какие у меня сейчас... На что похожи мои глаза?

— На черные бельма. — Доктор отпустила левую руку Джоанн, обошла койку и взяла правую руку. — Какое-то время вы вся будете походить на вареную свеклу, но в итоге отделаетесь мало заметными шрамами. Вы испытываете боль?

— Нет. Вообще ничего не испытываю. У меня пропала всякая чувствительность. Такое ощущение, что я сотню лет проплавала в морфии.

— Кетвишну разгромили давным-давно. Так чувствуете?

— Что?

— А так?

Теперь Джоанн кое-что почувствовала.

— Прикосновение, пощипывание на правом предплечье.

— Эй, жаба! — крикнула Тегара.

Снова раздались мягкие шаги.

— Слушаю вас, Токийская Роза.

— Уменьшите вдвое количество анестезирующего препарата «днита», которым вы ее накачиваете. Понятно? — Царапание пера, шуршание бумаги. — Держите! Ясно, что это такое?

— Да. Обычные химические средства.

— Сделаете в точности такой состав, какой я прописала, и будете аккуратно наносить его на обожженную поверхность кожи — всюду, кроме глаз! — каждые четыре часа. Шесть раз в сутки! Вам все понятно?

— Да. Но как быть с ее зрением?

— У вас все равно нет необходимых инструментов. Здесь нужен специалист — специальный медик, магистр здоровья, понимаете? А все, что я могу, — это твердить вам, кизлодды, чтобы вы прекратили лечить людей своей мазью от ожогов.

Джетах молча внимал учиненному разносу.

— Какие нужны инструменты, какой именно специалист?

Тегара засмеялась, не удостоив драка ответом.

— Мне надо идти, Никол.

— Вы не могли бы остаться еще? — Рука Джоанн ухватила воздух и упала на койку.

— Мне очень жаль, но я не могу. Мадах на Аккуйя полон раненых в гораздо более плачевном состоянии, чем вы. Четыре тысячи душ! А я при них — единственный врач. Вот окажетесь в нормальном человеческом госпитале, тогда и... Но окажетесь ли — вот в чем вопрос. Ничего, не вечно же длиться этой войне!

Раздались ее решительные шаги и мягкие шажки сопровождающих драков. Рядом с койкой остался стоять один драк. Он долго молчал, потом вышел было из палаты, но по пути раздумал и вернулся.

— Джоанн Никол. — К ней обращался старший драк, джетах Пур Сонаан. — Джоанн Никол!

— Я вас слушаю.

— Хирург, лечивший вас в Ва-Бутаане, не мог знать, как правильно поступить. С тех пор всех успели предупредить, но тогда... Он не виноват.

Шаги Пур Сонаана стихли.

— Вы здесь, Мицак? Мицак!

— Здесь.

— Значит, я не в Ва-Бутаане?

— Нет. Ближайший к нам город — Помаву. Вы находитесь на главной планете, на Драко.

Драко? С противоположной стороны империи драков по отношению к Дитаару? Почему?

— Почему?

— Вы находитесь теперь под опекой овьетаха Торы Соама, первого магистра Талман-коваха. Талман-ковах находится здесь же, около Помаву.

— Что-то не пойму...

— При пожаре в кузнице в Ва-Бутаане вы спасли третьего ребенка овьетаха, Сина Видака. — Шаги начали удаляться.

— Мицак!

Шаги стихли.

— Я слушаю.

— Что стало с теми, кто был со мной в мадахе на Дитааре?

— Вы не помните? Я уже говорил вам, что все ваши солдаты погибли.

— Это я помню. А Бенбо?

— Не знаю. Я покинул Дитаар вместе с вами.

— Чем вы занимаетесь здесь, Мицак?

— Овьетах настоял, чтобы при вас находился человек. Это и есть я.

— Вам нравится ваша работа?

Мицак подошел к двери.

— Овьетах очень могуществен. Как вам известно, должность дает привилегии.

Мицак вышел. Снова послышалось гудение.

Джоанн улыбалась, погружаясь в безразличную полудремоту. Ее улыбка ровно ничего не выражала, оставаясь на лице по чистому недоразумению.

6

Подобно всем живым существам, мы жаждем удобства и безопасности на надежном пути, направление которого можно найти благодаря вечному знанию и нерушимым истинам. Но для того чтобы стать избранными, мы обязаны отказаться от удобства и безопасности, даруемых инстинктами, ибо все наши знания — это лишь вероятности, а истины являются доктринами, меняющимися при появлении более правдивой правды.

Предание о Шизумаате, Кода Нувида, Талман

Слепота!

При ослаблении анестезии к ней вернулось сознание. Сознание и боль.

Джоанн снова стала ощущать время, его безжалостную замедленность, смертельную монотонность. Ее мир снова скорчился в тесных рамках.

Слепота!

Этой болезнью страдали и в прошлом, слепым полагались собаки-поводыри, бугорчатая бумага, палочки с красными наконечниками. Однако заменить зрение не могло ничто. Она была обречена лежать в ожидании, что кто-нибудь включит свет и пробудит ее от кошмара. Однако свет все не загорался, и никто не прерывал этого кошмара.

Ярость...

Сначала это была такая лютая злоба, что ее хотелось назвать «слепой», если бы сама злобствующая еще раньше не лишилась зрения. Но ее беды не исчерпывались слепотой. Она была совершенно беспомощна и всецело зависела от милости драков. Но что они предпримут? Насколько безгранична протекция, оказанная ей Торой Соамом? И кто он такой в конце-то концов?

Ее, раздавленную слепотой, все сильнее охватывал удушливый страх. О, если бы она могла ВИДЕТЬ тех, кто ее окружает! С тем, что видишь, куда проще бороться, да и вообще иметь дело. Она не знала даже, что представляет собой ее палата, на кого похожа она сама. О, если бы она обрела зрение!

Ей привиделся образовательный центр Кидеже на Байна Я.

Ей было всего тринадцать лет; неуклюжая деревенщина по имени Маллик Никол увязался за ней, когда она направлялась к переходу на Ндугу Воили.

— Джоанн! Джоанн! Подожди!

— Кого мне ждать, Маллик Никол? Тебя?

— Кого же еще? Разве за тобой бежит еще кто-нибудь?

— А зачем за мной бежишь ты? Ну-ка, отвечай.

— Ты красивая, Джоанн. Поэтому я и побежал.

— Лгун!

— Я никогда не вру.

— Ты действительно считаешь меня красивой?

— Разве ты никогда не смотрелась в зеркало? Еще какая красивая! Умом, может, и не блещешь, но красотой — точно.

— Я не дурочка!

— А разве не глупость — спрашивать, считаю ли я тебя красивой?

...В тот вечер, глядя на себя в зеркало, она увидела совершенно другого человека: незнакомую красивую девушку.

...Теперь она обуглилась и ослепла. Слепая!

День проходил за днем, но она не могла вести им счета. Ей мешала собственная сонливость, желудок, даже рутинные шумы в ковахе. Пустое время стало еще более опасным врагом, чем смерть.

Она лежала на спине, слыша только стук собственного сердца, слепо шарила пальцами по краям койки, по губчатому постельному белью, по собственному нагому телу.

Она была в палате одна; замерев, можно было расслышать, как бежит в трубках жидкость. Откуда-то — скорее всего из коридора — доносились шорох одежд, шепот, шаги.

Она открыла для себя, что наяву нет ничего ужаснее, чем мир собственного воображения. Джоанн был предоставлен выбор: размышлять или слушать. Она предпочла слушать.

Она научилась различать походки: у каждого была своя, такая же неповторимая, как отпечатки пальцев. Мицак перемещался медленно, ровными шажками. У Пура Сонаана походка была потяжелее. Был еще один обладатель легких шагов — Вунзелех Хет, регулярно впрыскивавший ей лекарства и снимавший показания мониторов.

Некто, приносивший еду, появлялся и исчезал стремительно и не имел имени.

Уборщик волочил ноги и распространял цветочный аромат.

Еще кто-то выносил ночной горшок: этот передвигался тяжело и имел соответствующий запах...

Медленные, ровные шажки.

— Мицак?

— Слушаю вас.

Он подошел к ее койке и уселся на возвышение рядом.

— Пришло время пообщаться, Никол. О чем вам хочется поговорить?

— Кем вы были, Мицак? До того, как напялили синие одежды.

Мицак, помолчав, откашлялся.

— До войны я проживал на Аккуйя. Когда началась война, я предложил свои услуги Флоту драков.

— Почему?

— Разве так трудно понять, почему человек защищает свой дом? — Стук пальцев по чему-то твердому. Потом стук прекратился. — Я состоял в совете христианской миссии...

— Вы священник?

— Католический. Наша миссия прибыла на Аккуйя по приглашению тамошних джетахов. Обмен философскими концепциями... Мы обучали джетахов, а сами получили за это доступ в Талман-ковах на Аккуйе. Я пробыл там три года, прежде чем вспыхнули события на Амадине, а потом — война. Этого времени нам хватило, чтобы прочесть и понять Талман. Изучив диаграммы, большая часть миссии перешла на сторону драков.

Диаграммы... В пылающей библиотеке коваха в Ва-Бутаане стены были испещрены сложными диаграммами, логическими кругами, графиками...

— Выходит, ради этого вы отказались от своей религии?

— Это упрощенный подход. Но в целом — да. — Он помолчал и вдруг засмеялся: — А вы бы от своей отказались?

— У меня нет религии.

Он встретил ее ответ смехом.

...Стрельба на мгновение стихла, и до ее ушей донесся разговор Тайзейдо с сержантом Бенбо.

— Слыхали: «В окопах не бывает атеистов»? А ведь верно!

Бенбо отвлекся от мушки своей винтовки и глянул на Тайзейдо, приподняв одну бровь. Но смотрел он на него недолго: ему нужно было выискивать драков и убивать их.

— В окопах... чего?

— Вы в Бога верите?

— Я верю в эту винтовку, в то, что вон там маячат желторожие дьяволы, и в Эмоса Бенбо.

Кроме Мицака, с нею разговаривали только Пур и Вунзелех, но на единственную тему — о ее здоровье. Через некоторое время Пур перестал ее навещать. Постепенно боль сменилась пощипыванием лица и рук.

Тишина, темнота, пощипывание делали свое дело: ее сознание начало давать трещины.

В голосе Мицака не было сарказма, хотя тирада имела иронический смысл.

— Священник призвал бы вас сейчас молиться об обретении здоровья и думать о тех, кто пострадал сильнее вас. Возможно, он прибег бы к образу распятого Христа, живописал мучения Спасителя, а потом спросил бы: и вы еще жалуетесь?

— У драков есть лучшие предложения?

— У них есть талма.

— Что такое талма?

Желчный смех.

— Талма для человека — все равно что теория относительности для таракана. Даже если бы вы сумели ее понять, сомневаюсь, чтобы она вам пригодилась.

Она тысячи раз мысленно переиграла во все игры, которые только сумела припомнить. Она ковырялась в собственной памяти, выискивая все, что только могло быть в ней запрятано, однако самые яркие воспоминания — труп Маллика, обгоревшие дети-драки, сокрушительное поражение гарнизона «Сторм Маунтейн» — заставляли ее отворачиваться от прошлого.

Она проваливалась в бездонный колодец жалости к себе самой, но очень скоро выпрыгивала из него наружу с тошнотворной злобой на себя же. Все это лишало ее сил, и она отключалась.

* * *

— Что такое талма, Мицак?

— У меня ушли месяцы на то, чтобы понять это.

— Попробуйте объяснить.

— Вы находитесь сейчас в определенном месте. Существует место, в которое вам бы хотелось попасть. Ваша задача — перебраться отсюда туда.

— Как?

— Необходимо знать, где вы находитесь и где вам хочется находиться; необходимо знать, чем ограничены пути перехода между этими точками...

Когда стихли шаги уборщика, появился Вунзелех.

— Вам дали негодную еду, Джоанн Никол?

— Почему?

— Ваш пищеварительный тракт ее отверг.

— Лучше скажите, Вунзелех, почему те, кто здесь убирает, приносят еду, выносят ночной горшок, не разговаривая со мной.

— Разговаривать?.. Дело в том, что им это запрещено.

— Думаете, я передам секреты ответственного за ночной горшок своему командованию?

Вунзелех не ответил; Джоанн слышала, как он теребит одежду.

— Я вас не понимаю. Они не разговаривают ни с кем из пациентов. Пациентам противопоказано говорить, противопоказаны любые звуки. Выздоравливание — результат спокойной медитации.

— Медитация?

— Джоанн Никол, то, что мы называем лечением, протекает в основном в голове.

— Я уже домедитировалась до тошноты, драк! — Она впервые села в койке, чувствуя бульканье в отвыкшем от движений желудке. — Я хочу говорить! Мне необходимы звуки! — Левой рукой она вцепилась в край койки, чтобы не упасть, правой натягивала губчатую простыню, пытаясь прикрыть грудь. Какие вообще требования имеет право выдвигать подопечная Торы Соама? Отчаяние боролось в ней со стыдливостью. — Я желаю встать, Вунзелех.

— Встать? Ходить?

— Да. Ноги-то у меня пока что есть. Вот я и хочу встать, пройтись. Если я еще немного полежу, то превращусь в растение.

— Это шутка? Конечно! — Вунзелех издал булькающий звук. — К другим пациентам я вас допустить не могу, но я все скажу джетаху. Потребуется разрешение Пура Сонаана.

— Вот и получите его!

Вунзелех поспешно ретировался.

Джоанн сидела до тех пор, пока не перестал колыхаться желудок. Стянув с кровати губчатую простыню, она накинула ее себе на плечи и передвинула ноги на край кровати, кряхтя от напряжения. Сколько же времени она провела в лежачем положении?

Она спустила ноги, нащупав ступнями гладкий прохладный пол. Кровать оказалась очень низкой. Она оттолкнулась и встала.

Голова кружилась, ноги подгибались, желудок посылал тревожные сигналы. Но она стояла прямо, улавливая незажившей спиной движение воздуха.

В палате раздались тяжелые шаги Пура Сонаана.

— Что вы делаете, Джоанн Никол?

— Стою.

— Вам нельзя. Вы еще нездоровы.

— Если я и дальше буду валяться в койке, как кусок мяса на прилавке у мясника, то вообще никогда не выздоровею, а скорее подохну.

Возмущенное молчание, после которого Пур Сонаан проговорил:

— Вунзелех передал мне ваши пожелания. Расхаживать по коридорам вам запрещается: я должен заботиться и о других пациентах. Для вас это тоже было бы небезопасно. Вы же ничего не видите! К тому же вы — человек.

— Подумаешь, пару раз куда-нибудь врежусь. Велика важность — синяк.

— Вы — человек, Джоанн Никол. Некоторые наши пациенты и члены персонала готовы напасть на вас по одной этой причине. Здесь вы находитесь под охраной, и все отделение знает, что вас защищает сам Тора Соам. Придется вам оставаться в палате.

Она была готова упасть на койку, но силой воли удержалась на ногах.

— Я могу перемещаться по палате?

— Да. Но только по палате.

— Еще мне нужны звуки. Любые. Можно мне... — Ей не хватало знания дракского языка. — Хотелось бы узнавать новости. Скажем, по радио.

— Исключено! Пациентам это не положено. — Пур Сонаан подошел к ней ближе. — Ваши требования вот-вот выйдут за рамки влияния Торы Соама.

— Я хочу слушать новости, хоть какие-нибудь!

— Джоанн Никол... Я подумаю, что можно сделать. — Задумчивое молчание. — О приемнике и не мечтайте, но я попрошу Леонида Мицака тихо обсуждать с вами текущие события. Он вам почитает, еще как-нибудь поможет...

— Ваше имя?

— Джоанн Никол.

— Имя отца?

— Маллик Никол.

— Где он проживает?

— Он умер.

— Вы вступали в брак?

— Да.

— По каким законам?

— Планеты Байна Я. Соединенные Штаты Земли.

— Понятно.

Мутные глаза пристально смотрели на экраны, толстые пальцы чертили что-то на стекле.

— Я обязан объяснить вам, каковы, согласно закону, последствия аборта. В этом случае...

— Я не прошу сделать мне аборт. Я хочу, чтобы ребенок родился. Просто я не желаю его видеть. Никогда! Пускай его немедленно усыновят.

— Понятно. Вы собираетесь отказаться от прав на своего ребенка?

— Да.

— Что бы сказал по этому поводу ваш муж?

— Он умер.

— А если бы был жив?

— Он умер...

* * *

...Мицак читал ей вслух новости, время от времени посмеиваясь.

— Что вы там вычитали смешного?

— Комитет планирования Федерации Девятого Сектора скоро проведет голосование по поводу предложения Палате драков и Соединенным Штатам Земли присоединиться к Федерации — как будто те и другие способны ответить согласием! Здесь говорится, что предложение все равно не будет одобрено большинством голосов. Каково? — Он усмехнулся.

Джоанн села в койке и потянулась.

— А вдруг войны можно бы было избежать, если бы мы входили в Сектор? — Она уронила руки на колени.

— Вот именно — если бы! — И Мицак продолжил чтение.

...Она чувствовала себя освободившейся от непосильного груза. Наверное, так же чувствуют себя люди, у которых вырезали опухоль или ампутировали конечность, пораженную гангреной.

Она сидела на траве студенческого городка и смотрела на однокурсниц. Выглядела она точно так же, как они. Однако их манера говорить, темы разговоров, слепая самоуверенность, выдающая смехотворную неопытность, — все это, как непреодолимая пропасть, отделяло ее от них.

Она рискнула, рассказав одной из подруг о том, что пережила.

— Нет, я бы не выдержала! Не знать, кто родился, что будет с ним дальше...

— Ты бы сама удивилась, если бы узнала, что способна это выдержать.

— Иногда ты кажешься такой бессердечной, Джоанн...

Бессердечность? Лично ей казалось, что сердце у нее на месте, чего не скажешь об отваге...

Проснувшись, Джоанн по привычке села и долго возила в кровати ногами, прежде чем спустить их на пол.

Темнота, черт бы ее побрал! Она встала, мужественно поборов тошноту, вытянула вперед левую руку и робко шагнула. Под ногами были все те же знакомые гладкость и прохлада, рука не встретила преграды. Первый шаг — прочь от койки, второй... Слева от себя она нащупала металлический столик.

Джоанн подошла к столику — шажок, поворот налево, еще шажок — и принялась исследовать предметы на нем. Это были маленькие цилиндрики с крышечками. Она открывала все по очереди и нюхала содержимое. Распознать по запаху она сумела только два медикамента: мазь, которой ее лечили после визита Токийской Розы, и хорошо знакомый цветочный запах.

Поворот направо с вытянутыми вперед руками, три шага... Перед ней выросла губчатая, похожая на соты, стена. Такая стена отлично поглощала шумы — неудивительно, что ее слух и мозги так истосковались по звукам.

По-прежнему ощупывая стену, она двинулась вправо; стена постепенно приблизилась к ней — свидетельство того, что у палаты нет углов. Еще дальше она нашарила вертикальный ряд торчащих из стены ручек.

Она потянула за первую ручку и выдвинула ящик, пошарила внутри. Ящик был пуст. Пустовали и два следующих ящика. Она с трудом присела и выдвинула последний ящик.

Этот запах!

Она тотчас распознала вонь и за один миг пережила, как наяву, кошмары, преследующие ее во сне. В нижнем ящике хранилась ее военная форма.

Она дотронулась до знакомой ткани и задохнулась от вихря чувств. Ее обдало запахом ее собственного давно не мытого тела, грязью Кетвишну, дымом спаленной школы, дракской мазью от ожогов, сделавшей ее слепой.

Ей опять стало до одури жаль саму себя; она села на пол и стала раскачиваться. Слезы катились по щекам и падали на колени. Она дотронулась до того места, куда падали слезы, и спохватилась: она совершенно голая! В ту же секунду выяснилось, что ей нет никакого дела до собственной наготы.

Справа от нее послышались шаги Пура Сонаана и Вунзелеха Хета, вошедших в палату. Голос Пура Сонаана, обращавшегося к Вунзелеху, был резок.

— Найди для нее халат, пустая голова!

— Слушаюсь, джетах.

Вунзелех выбежал из палаты. Пур Сонаан какое-то время стоял молча, потом направился к Джоанн. Она почувствовала, как кусок материи, который он держит в руке, скользит по ее коленям, а потом по лицу, утирая слезы.

— Зачем вы сохранили мою форму? Зачем?

— Она принадлежит вам. Для того чтобы ее уничтожить, нам требуется ваше разрешение.

— Выбросьте ее! Выбросьте!

Джоанн резко задвинула нижний ящик и уронила руку на колени.

— Вы ведь драк, Пур Сонаан. Вы должны ненавидеть людей, не так ли?

В следующее мгновение с уст сорвались слова, так и не сложившиеся у нее в голове в связную фразу, ибо она запрещала себе додумывать эту мысль до конца.

— Дайте мне что-нибудь!

— Что именно, Джоанн Никол?

— Что угодно, что убило бы меня!

Она уловила, что джетах резко выпрямился. Он долго ничего не говорил, а только тяжело дышал. Наконец прозвучал его ответ:

— Вы полагаете, что просите о незначительной услуге? А ведь вы просите, чтобы я совершил грязный поступок. Никогда больше не произносите подобных вещей.

Она почувствовала, как он легко приподнимает ее под мышки и ведет к койке. Джоанн села на нее, не переставая плакать.

— Пур Сонаан!

— Да?

— Если я так важна для этого Торы Соама, почему он никогда ко мне не заглядывает?

Пур Сонаан усмехнулся.

— Тора Соам — овьетах Талман-ковaха. Ему трудно выкроить свободную минутку, особенно в военное время. Но он часто о вас спрашивает, как и Син Видак, тот ребенок, которого вы спасли. Знаете ли вы, что Син Видак уже проходит подготовку как новобранец тзиен денведах?

От удивления Джоанн перестала плакать.

— Он уже в армии? Такой малыш? — Выходит, она вытащила эту желтую задницу из огня только ради того, чтобы подбросить еще мясца в военную мясорубку драков? Теперь и он будет ползать по грязи в красном мундире и убивать людей... — Син Видак для этого слишком мал.

— Вам следует знать, Джоанн Никол, что драки достигают зрелого возраста примерно в пять раз быстрее, чем люди.

— Знаю, и тем не менее...

— Син Видак успел повзрослеть. — Пур Сонаан помолчал. — После Ве-Бутаана прошло много времени. Очень много.

— Сколько? По человеческому счету?

Гораздо позже Мицак ответил ей на этот вопрос. Двадцать месяцев. Двадцать!

Как же она умудрилась проболтаться здесь без малого два года?..

Ей в руки сунули большой ком материи.

— Вот халат. Помочь вам одеться?

— Нет.

Мицак вышел. Его сменил Пур Сонаан. Джоанн стерла правой ладонью влагу с лица.

— Я должен вам кое-что сообщить, — начал драк. — Ваша жизнь принадлежит вам одной, Джоанн Никол, и закончить ее — ваше право и дело вашего выбора. Но если вы решитесь на это, то знайте, что осуществление этого права — задача, которую вам придется решать только самостоятельно. Никогда никого не просите сделать это за вас.

Пур Сонаан тяжело заковылял к двери. Джоанн упала лицом на койку.

Она проклинала себя за плаксивость. Однако желтокожий ребенок, получивший право гордо носить красный мундир тзиен денведах, стоил слез.

7

Проклинайте ошибки, жалуйтесь на них, сожалейте о них, учитесь на них. Только не уповайте, что наступит время совершенства, когда придет конец любым ошибкам, ибо это мы зовем смертью.

Предание о Кохнерете, Кода Тармеда, Талман

На следующий день Джоанн расхаживала по палате и даже пыталась делать зарядку, а Мицак зачитывал ей новости.

— Вот странно!

— Что странно, Мицак?

— Комитет планирования Федерации Девятого Сектора отклонил при голосовании приглашение дракам и землянам вступить в Федерацию.

— Вы предсказывали, что так и будет.

— Странно то, что предложение чуть не было принято. При голосовании воздержался один-единственный член комитета — Хиссиед-до' Тиман, делегат с Тимана.

Мицак надолго умолк.

— О чем вы размышляете?

— Не пойму, почему он воздержался.

— Вы представляете себе тимана, Мицак? Все они так погрязли в своих кознях, что сами чаще всего не знают, что делают.

При очередной попытке приседания Джоанн опрокинулась на спину.

— Есть ли новости о войне, Мицак?

— Есть, как всегда. — Помолчав, он продолжил чтение. — Хет Краакар, первый командующий Флота драков, сообщил через своего представителя, что планета Дитаар перешла в руки Соединенных Штатов Земли. Дальше идут данные о потерях среди военных и мирного населения.

Джоанн услышала, как он поднимается.

— Простите. — Он покинул палату.

Она сидела в одиночестве, прислушиваясь к шагам. К ней явился уборщик. Джоанн села.

— Теперь тебе разрешено со мной разговаривать?

— Да, разрешено, — прозвучал голос, выдающий волнение и робость. — Я бы заговорил гораздо раньше, потому что у меня очень много вопросов, но здесь главное правило — молчание.

— Я понимаю. Как тебя зовут?

— Венча Эбан. Джоанн Никол, не могли бы вы на время уборки лечь на койку?

— Конечно. — Она встала, взяла халат, надела его и опять села, подобрав ноги.

— Венча Эбан, где мне можно принять душ? Вымыться?

— При палате есть особая комната. — Шаги, удаляющиеся вправо. — Но дверь заперта. Наверное, вам нельзя мыться, пока не подживет вся кожа.

— Мне бы хотелось отказаться от ночного горшка. Я уже нормально передвигаюсь.

Она услышала, как открывается еще одна дверь.

— Я открыл для вас туалет.

— Хорошо.

Пытаясь исследовать палату в направлении к самому дальнему ее концу, она уже поплатилась несколькими синяками и пришла к единственному выводу: там есть дверь, но она заперта.

— Джетах Пур Сонаан сказал, что разговор с вами — это очень важно. Вы хотите услышать что-то конкретное, Джоанн Никол?

— Нет, все что угодно. — Она вспомнила ханжеское высокомерие Мицака, с которым он реагировал на все ее вопросы насчет талмы.

— Ты знаешь что-нибудь про Талман?

— Конечно. Его пересказ — неотъемлемая часть права на зрелость.

— Пересказ? Всего, целиком?

— Да. Хотите послушать?

— Хочу.

— Какой кусок?

— Любой, Венча Эбан. Выбери на свой вкус. Мне просто необходимы звуки.

— Это не просто звуки!

— Знаю. Я не хотела тебя обидеть. Продолжай.

— Убирая, я буду рассказывать вам «Предание о Шизумаате». Это одно из моих любимых мест. Только учтите, рассказ ведется от имени Намндаса, изложившего историю Шизумаата.

— Понятно.

Под негромкий гул уборочного механизма Венча Эбан начал:

— «Я многое расскажу тебе о Шизумаате, ибо я — Намндас, друг Шизумаата, тот, кто стоял и ждал у рубежа.

Вот история моего учителя. Первенцем Синдинеаха Ну был Синдинеах Эй. После ухода его родителя из жрецов, при главенстве Синдинеаха Эя над жрецами Аакви, был достроен храм Ухе.

Стены храма были сложены из обработанного камня и имели в высоту восемь синди; площадь храма была шестьдесят на де-

вяносто шагов. Крыша из деревянных бревен и плит опиралась на квадратные каменные колонны, расставленные шестью четырехугольниками.

В центре наименьшего четырехугольника находилась накрытая камнем могила с прахом Ухе. Вместо восточной стены храм имел каменные колонны. В центре северной и южной стен было по двери шириной всего в два шага. В стене, обращенной на мадах, двери не было...»

«Опять мадах! — встрепенулась Джоанн. — Что это такое?»

— «Днем свет шел от Ааквы, Прародителя Всего, ночью же — от девятисот масляных светильников, свисавших с потолка храма.

Вокруг храма тянулись узкие улицы деревянных и каменных хижин. В одной из них, защищенной после полудня тенью от храма, проживал жестянщик, исполнявший в Бутаане свой долг перед Ааквой. И родил он дитя.

Звали жестянщика Кадуах, а дитя свое назвал он Кадуахом Шизумаатом.

В начале третьего года жизни Шизумаата Кадуах привел его в храм, чтобы выполнить перед жрецами обряды посвящения в зрелость. Шизумаат поведал историю творения, законы, предание об Ухе, а потом перечислил родительский род до Кадуаха от основателя рода, охотника из маведах по имени Лимиш...»

«Снова мадах, — подумала Джоанн. — Только на этот раз говорится не о вемадах, а о маведах. Но так же называется террористическая организация драков на Амадине».

— «А после завершения обрядов Кадуах попросил взять Шизумаата в жрецы Ааквы.

Среди жрецов, слушавших Шизумаата, был Эбнех, которому так понравились речи Шизумаата, что он принял его в ковах Ааквы.

Ночевал Шизумаат в родительском доме, а дни проводил в храме, где познавал тайны, знаки, законы, желания и видения Прародителя Всего.

Я, Намндас, поступил в ковах Ааквы за год до Шизумаата и был назначен старшим в его класс. Эта обязанность выпала мне потому, что жрецы храма сочли меня худшим в моем собствен-

ном классе. Когда мои одноклассники сидели у ног жрецов и познавали премудрости, я ковырялся в грязи...»

Венча засмеялся. Было нетрудно понять, с кем он себя отождествляет: с заднескамеечником, второгодником, с теми десятью процентами, которым не дотянуться до звезд.

Джоанн тоже улыбнулась. Таких намндасов было пруд пруди во всей Вселенной, а среди людей — и подавно. Венча Эбан, рассказчик Намндас, продолжал:

— «Моим подопечным был выделен темный угол у стены храма, выходившей на мадах, тот самый, где год назад начинал учебу мой класс. Утром первого дня они расселись на гладком каменном полу, чтобы выслушать от меня правила храма.

— Я, Намндас, — старший в вашем классе. Вы — самый низший класс в храме, поэтому вам поручено заботиться о порядке и чистоте. Учтите, я как ваш старший не потерплю в храме ни пылинки! Вы будете ловить грязь еще в воздухе, прежде чем она опустится на пол храма; будете смывать грязь с ног тех, кто входит в храм.

Я указал им на закопченный потолок.

— Каждый вечер вы будете чистить храмовые лампы и заново заливать в них масло. При всем этом сами вы должны оставаться чисты.

Тут встал Шизумаат. Он был высок для своего возраста, и глаза его удивительно блестели.

— Когда же нас начнут учить, Намндас? Когда нам учиться?

Я почувствовал, как вспыхнуло мое лицо. Какова дерзость!

— Вам будет дозволено начать учебу только тогда, когда я сообщу жрецу Эбнеху, что вы достойны этого. А пока сиди и молчи!

Шизумаат опять уселся на пол, а я свирепо оглядел всех девятерых своих подопечных.

— Говорить будете только тогда, когда я или кто-то из жрецов обратимся к вам с вопросом. Вы находитесь здесь для того, чтобы учиться, и первое, чему вы должны научиться, — это послушание.

Я уставился на Шизумаата и увидел на его лице загадочное выражение. Я обратился к нему со словами:

— Мне трудно читать по твоему лицу, новичок. Что оно выражает?

Шизумаат остался сидеть, но обратил на меня свой взор.

— Неужто Ааква судит жрецов своих по тому, насколько хорошо те подражают бессловесным тварям, усердно метущим пол?

— Твои слова предвещают беду.

— Намндас, что ты хотел от меня услышать, задавая свой вопрос, — правду или ложь?

— Здесь храм правды. Как твое имя?

— Меня зовут Шизумаат.

— Что ж, Шизумаат, должен тебе сказать, что я почти не надеюсь на то, что ты продвинешься от стены мадаха к центру храма.

Шизумаат кивнул и обратил взор на могилу Ухе.

— Думаю, тебе еще пригодится правда, Намндас...»

Джоанн услышала тяжелые шаги Пур Сонаана и испуганный вздох Венчи Эбана. Драки ничего не сказали друг другу, но Джоанн кожей почувствовала, как многозначительно они переглянулись.

— Ты продолжаешь уборку?

— Да, джетах, это только маленький перерыв.

— М-м-м...

Звуки уборки стали ожесточенными.

— Есть ли новости насчет моего зрения? — спросила у врача Джоанн.

Тот вздохнул.

— Чем больше мы узнаем, тем ближе успех, но чем ближе успех, тем больше предстоит узнать. Анатомия человеческого глаза резко отличается от нашей, а раздобыть человеческие глаза для экспериментов — нелегкая задача...

Она села.

— Что?!

— Помилуйте!.. Уверяю вас, глаза берутся только у мертвых. К тому же нам помогают захваченные медицинские тексты, а также сами Соединенные Штаты Земли — соблюдением соглашений о правилах ведения войны. У нас есть специальное приспособление, с помощью которого мы лечим ослепших пациентов-драков. В тот сектор мозга, который отвечает за зрение,

внедряется имплантат, и бывший слепой начинает видеть с помощью желатиновых приемников на глазах.

Джоанн слышала, как Венча Эбан выключил свой аппарат и тихонько покинул палату.

— А со мной вы можете проделать то же самое?

— Только в самую последнюю очередь. Операция отлично освоена и стала обычной, но мы прибегаем к ней только тогда, когда поражены зрительные нервы. У нас нет оснований считать пораженными ваши.

— Ваши имплантаты повредили бы мне зрительный нерв?

— Скорее всего. Сканирование мозга выявило существенные различия между нейронными системами драков и людей на химическом, электронном и структурном уровнях. Наш метод может не только оказаться бесполезным для вас, но и так навредить вашим зрительным центрам, что восстановить их впоследствии будет уже невозможно. Под угрозой может оказаться сама ваша жизнь. Поэтому сейчас мы ничего не планируем; я просто держу вас в курсе дела.

Настало время сменить тему.

— Пур Сонаан, в истории, которую мне рассказывал Венча Эбан, прозвучали слова «мадах» и «маведах».

— И что же?

— «Маведах» и «вемадах» значит «относящееся к мадаху». Есть ли какая-то смысловая нагрузка в местонахождении предлога — перед словом и посередине?

— Это просто современное и старое употребление. Венча рассказывал вам «Нувида», а надо бы начать раньше, с «Кода Синда» — с мифа об Аакве. Беритесь прямиком за Талман.

— Как же мне это сделать? — с улыбкой спросила Джоанн.

— У меня есть плейер. Обещаете включать его тихо, если я вам его принесу? Остальных пациентов ни в коем случае нельзя тревожить.

— Конечно! Я совсем тихонько!

«...И сказано было, что сотворил Ааква в мире особых созданий с желтой кожей и трехпалыми руками и ногами. И сказано было, что сделал он эти создания одинаковыми, чтобы каждое могло приносить следующего, себе подобного. И сказано было, что создал он их прямоходящими, мыслящими, говорящими, дабы славили они Прародителя Всего.

Мир сей именовался Синдие.

И сказано было, что сотворил сей мир Ааква, Бог Дневного Света...»

Джоанн с первого раза поняла, что Талман начинается с древнейших письменных источников, известных расе драков. Миф об Ааквe и Предание об Ухе предшествовали системе отсчета лет на планете прадраков; отсчет этот начинался с рождения Шизумаата — одиннадцать тысяч восемьсот семьдесят два года назад, причем в летосчислении Синдие. На вопрос Джоанн Мицак ответил, что Шизумаат родился в 9679 году до нашей эры по земному летосчислению.

Миф представлял собой Книгу Бытия гермафродитов. В нем описывались зарождение расы и причины, по которым Ааква создал ее. Кроме того, он твердо вверял жречеству контроль над всем происходящим.

«...И первый главный жрец звался Рада.

Рада разослал жрецов по всему Синдие изучать знаки и видения. Собрали слуги это знание и передали его Раде.

Двенадцать дней и двенадцать ночей изучал главный жрец знаки и видения, отделяя истинное от ложного, племенные выдумки от подлинных Законов Ааквы.

А на тринадцатый день заговорил Рада со жрецами о том, что познал...»

«И приказал Рада жрецам разойтись по Синдие и учить Законам. И пообещал Рада, что, пока на Синдие будут слушаться жрецов Ааквы и следовать законам Бога Дневного Света, там пребудут мир и достаток.

Синдие слушала жрецов, познавала Законы и следовала им. Жрецы принимали пожертвования Ааквe...»

Древняя политическая структура — теократическая деспотия. Плата за препровождение в рай. Смущала лишь грамматическая форма, присущая «Мифу об Ааквe»: «И сказано было, что сотворил мир Ааква...», «Сказано было, что назвал Ааква детей своих «Синдие»...»

Это излагалось не как факт, а как теологический постулат, просто отмечающий отправной пункт. Джоанн продолжала слу-

шать. В Мифе оказалось много отдельных историй: о Суммате, о Даулте-неверующем, о проклятии войны, ниспосланном Ааквой на Синдие, о разделении Ааквой Синдие на четыре главных племени.

Она размышляла об универсальности некоторых объяснений, идей, упований. Взяв плейер, она вставала с койки и расхаживала по палате, внимая «Кода Овида», «Преданию об Ухе».

Начиналось оно с разъяснений табу, предохранявших четыре племени от войн, а продолжалось рассказом о событиях в местности под названием Мадах...

Почти двенадцать тысяч лет тому назад, еще до того, как мир Синдие был осознан как таковой, в гористой пустыне существовал Мадах — край засухи и голода.

Племя из Мадаха, маведах, было вынуждено пожирать собственных мертвецов...

До нее донеслись шаги Вунзелеха, и она выключила плейер.

— Прошу вас, Джоанн Никол, не выключайте. Рассказывает Хига Тиданола. Прилягте, я наложу мазь, и мы послушаем вместе.

Она сняла халат и присела на койку. Рассказ продолжался.

«Грелся у огня один из низших жрецов Ааквы, некий Ухе. В ту ночь Ухе сидел и смотрел, как умирает от голода его единственный ребенок, Леуно.

Потом у него на глазах те, кто готовил еду, возложили тельце Леуно на костер.

Ухе воззвал к Богу Дневного Света:

— Это и есть обещанный тобой достаток в награду за соблюдение Закона мира, Аква? Такова милость и вознаграждение от Прародителя Всего?

В ту ночь ответом Ухе было молчание. Ухе наблюдал, как умирает еще один ребенок, а его родитель, некогда гордый охотник, с тоской смотрит ему в глаза. Подле одного из костров сидели восемь охотников и ждали последнего вздоха ребенка. Когда он испустит дух, его тело будет разделено между ними.

Наблюдая за лицами охотников, Ухе заметил, что один из них шепчет проклятие, приближающее смерть. Проклятие предназначалось ребенку, а проклинавший был его родителем. И в глазах родителя горел один только голод.

От ярости Ухе забыл о боли и о страхе. У первого ночного костра, когда почва еще оставалась теплой от прикосновения Аакавы, Ухе поднялся перед старейшинами племени.

— Бантумех, великий и досточтимый вождь старейшин маведах, этой ночью ты вкусил плоть моего дитя, Леуно.

Бантумех закрыл руками лицо.

— Твой стыд — это наш стыд, безутешный Ухе.

Потом Бантумех убрал руки от лица, покрытого морщинами возраста и боли, а также шрамами, напоминающими о сражениях за предводительство в маведах.

— Но за этот год каждый из нас вкушал собственного ребенка, брата, родителя, друга. У нас нет выбора. Единственное наше спасение — это не думать, когда мы насыщаемся, дабы не погибло племя маведах. Горе твое понятно, но напоминание о нем неуместно.

Получив отповедь, Ухе не отошел от старейшин, а указал на восток, на горы Аккуйя.

— Там есть еда для маведах, Бантумех.

Бантумех вскочил с перекошенным от гнева лицом.

— Ты говоришь о нарушении племенем маведах табу? Если бы это было возможно, неужто я давно не сделал бы этого?

Старейшина по имени Ииджиа, главный среди жрецов Аакавы, тоже вскочил.

— Ухе, ты — зверь, представший перед старейшинами, а не жрец Аакавы! — Ииджиа восполнял громким криком свой малый рост и худобу. — Закон ясно гласит, что маведах запрещено заходить на земли ирредах, а ирредах запрещено заходить на земли маведах. Для нас табу — даже просить у ирредах пищи. Даже возжелать этого — табу!

Большинство старейшин закивали и согласно загудели. Повиноваться такому закону было нелегко, но мудрость его была понятна всем. Нарушение закона опять принесло бы на Синдие войны. Таково было обещание Аакавы, а войны были слишком страшной расплатой.

Ухе раскинул руки и воздел лик к ночному небу.

— Но Аакава посылает мне новое видение. Прежний закон относился к прежнему времени и прежнему месту. Сейчас Аакава говорит мне: то время прошло. Аакава говорит всем нам, что и место теперь иное. Настало время для другого закона.

Иидджиа смолк, ибо спорить с видением было опасно. Если молодой Ухе солгал, его ждала кара. Но и сам Иидджиа понесет наказание, если восстанет против видения, которое окажется истинным законом.

И еще увидел Иидджиа, как к старейшинам потянулось все племя. Истинен закон или нет, но он обещал пищу, а значит, не мог не получить поддержки у вооруженных охотников.

Иидджиа возвратился на свое место в кругу старейшин и сказал Ухе:

— Расскажи нам свое видение.

Согласно обычаю, Ухе сбросил наземь покрывавшие его шкуры и предстал перед всеми нагим, дабы подтвердить истину своих слов.

— Сейчас моими устами глаголет Ааква. И говорит он о сочных травах на склонах восточных гор, где лениво утоляют жажду из неиссякаемых источников даргаты и суды, где ветви деревьев клонятся до земли под тяжким грузом плодов, где стоят тучные поля спелого зерна.

Каждый вечер Ааква указывает нам в ту сторону огненным перстом. Он показывает мне дируведах и куведах, чьи желудки всегда набиты свежесваренной едой; просторы их полнятся дичью, что сама прыгает на наконечники их копий; дети их крупны и веселы.

Еще Ааква указывает к западу от тех гор, на эти земли, где правит голод. И речет мне Бог Дневного Света: «Ухе, вот мой знак о том, что маведах должны уйти из этих мест. Старейшины маведах должны пойти к своему народу, поведать ему о законах войны Ааквы и собрать его у подножия гор Аккуйя, где горы эти высятся над Желтым морем.

Оттуда я поведу маведах через горы, через земли ирведах, к Дирудах. Маведах обратят в бегство дируведах, прогонят ирведах из Великого Разрыва и с южных Аккуйя в горы севера».

Ухе смолк, но все так же стоял, раскинув руки. Потом он продолжил тихо и грозно:

— Ирведах попытаются объединиться с куведах, чтобы нанести нам поражение. Но наше наступление будет слишком стремительным. Вдохновляемые Ааквой, озаряющим наши спины, мы ударим в северном направлении, через горы, и опрокинем ирведах. Мы победоносно займем земли куведах! Маведах повсюду станут владыками!

Ухе опустил руки, нагнулся и подобрал шкуры. Прикрыв свое тело, он предстал перед Иидживиа.

— Вот что говорит мне Бог Дневного Света.

Бантумех внимательно смотрел на Ухе.

— Воевать? Ты предлагаешь нам поверить, что Бог Дневного Света насылает на нас свою древнюю кару? Чем мы прогневили его?

Ухе поклонился.

— Ты добр и мудр, Бантумех, но доброта твоя чрезмерна, чтобы отвечать потребностям маведах. Прошлое теперь не имеет силы. Старый закон доведет маведах до гибели. Новый закон войны от Ааквы спасет нас и наших детей. Маведах будут жить!

Ухе обратился к старейшинам и к охотникам, столпившимся вокруг костра:

— Я вижу, что грядут события пострашнее войн. Я вижу, как наши славные охотники копошатся в грязи, как маведах пожирают то, что сейчас не может именоваться даже отбросами, как пожирают и то, что сейчас слишком ценно и священно, чтобы идти в пищу. Это означает конец маведах.

Ухе повернулся к вождю маведах:

— Есть вещи пострашнее войн, Бантумех.

Иидживиа вскочил и замахал руками.

— Ты не можешь всего этого знать, Ухе. Даже самый старый из нас не пережил войн. И это только благодаря тому, что мы подчиняемся табу.

Ухе повернулся к Иидживиа.

— Маведах не сражаются с маведах. Когда на Синдие останутся одни маведах, войны прекратятся. Только так маведах обретут мир и достаток.

Ухе смолк, давая слушателям почувствовать смертельную опасность.

— Ты оспариваешь мое видение, Иидживиа?

Охотники плотно обступили круг старейшин. Наконечники охотничьих копий отражали свет костра. Ночь была безмолвной, одни лишь барабаны смерти выбивали свою неумолчную дробь.

Жрец Ааквы пользовался привилегиями. Племя обеспечивало его едой, шкурами для одежды и для защиты от ночного холода и сырости в обмен на его службу и видения. Оспаривать видение Ухе значило подвергнуться избиению камнями или поджариванию

на костре. Ииджиа дорожил своим положением. Он был стар. И он ответил:

— Я не оспариваю твоего видения, Ухе.

Охотники одобрительно закричали, но тут же смолкли, когда поднялся Бантумех.

— А я оспариваю твое видение, Ухе! — Бантумех обратился к Ииджиа: — Да завалит Ааква нечистотами твой трусливый рот! — Вождь маведах повернулся к Ухе: — Посмотрим, кого из нас Ааква обречет на побитие камнями!

Но тут в ночи просвистело копье. Его острый наконечник пронзил грудь Бантумеха. Бантумех удивленно опустил глаза, после чего обвел охотников взглядом.

— Один решил за всех.

С этими словами Бантумех упал.

Те, кто стоял вокруг неподвижного тела Бантумеха, ощутили затылками ледяное дыхание табу: Ааква запрещал убийство. Однако никто не осмелился найти оставшегося без копья, никто не вырвал копье из груди Бантумеха, чтобы узнать, чьим знаком оно помечено. Сам Ухе вырвал копье из груди убитого и воздел его над головой.

— Все видят, что Ааква сказал свое слово!

И Ухе бросил копье в костер. Если на древке копья было чье-то личное клеймо, то у всех на глазах оно превратилось в пепел. Среди охотников пробежал ропот, что то было клеймо самого Ааквы.

Кто-то из охотников издал крик торжества, его подхватили остальные, и всеобщий вопль заглушил рокот барабанов смерти. Все поклялись в верности Ухе и новому Закону Войны Ааквы. Старейшины разбрелись от костра в разные стороны, чтобы оповестить о новом Законе свой народ, а охотники ушли готовиться к грядущим нелегким временам.

Ночной воздух снова наполнился рокотом барабанов смерти. Ухе остался у костра один, не считая охотника по имени Консех, присевшего на корточки у огня. Консех сплел пальцы, ибо не держал копья, а лицо его ничего не выражало, ибо скрывало то, чего не следовало предавать огласке.

— Хочу задать тебе один вопрос, Ухе.

— Спрашивай, Консех.

— Когда Ааква обращается к тебе, чем ты его слышишь: головой, сердцем, брюхом?

Ухе посмотрел на охотника. Жрецу Ааквы привиделось, что божьи табу превратились в призраков, зловеще танцующих у охотника над головой.

— Ты дерзишь, Консех.

Охотник встал, и видение исчезло.

— Это не дерзость. Мир в моей душе требует ответа. Новые законы Ааквы все мы слышим сердцем и брюхом.

— Ты оспариваешь новый Закон, Консех?

Охотник замахал руками и ответил жрецу Ааквы:

— Я не стану спорить с тобой, ибо Бог Дневного Света обращается ко всем нам, и голос его нельзя заглушить. Но такой закон мог бы предложить любой из нас.

Слуга Ааквы уставился в огонь. Смертоносного копья уже нельзя было различить в куче пылающего хвороста.

— У меня нет для тебя ответа, Консех.

Консех проводил взглядом других охотников, шедших готовиться к войне.

— Посмотрим, как поступят охотники, когда Ааква перестанет обращаться к их желудкам и голос его снова зазвучит у них в головах.

Охотник ушел от костра, оставив Ухе свой вопрос и свою правду».

Джоанн остановила запись и обернулась к Вунзелеху. Тот вытирал руки.

— Вунзелех, этот Ухе — дикарь. Что делает дикарь в вашем Талмане, на вашем жизненном пути?

Драк убрал медикаменты и долго стоял молча.

— Джоанн Никол, в каждом разделе Талмана, в «Кода», содержится много истин. Через события, описываемые в Преданиях, они раскрываются одна за другой. Постигающий Талман самостоятельно находит истины, наилучшим образом служащие его собственной талме. Для меня Ухе — первый за всю историю моей расы, кто встал и сказал: «Бог не прав!» Совершив этот поступок, он взвалил на себя всю тяжесть последствий.

Шаги драка смолкли; Джоанн, надев халат, продолжала слушать историю злополучного жреца из Мадаха — отравленной земли.

«Ухе шел, смотрел на небеса и обращался к свету красных облаков:

— Ааква, если Ты существуешь и если Ты — Бог, то почему Ты так играешь с Тобою созданными?

Ухе пришел к своим воинам, и те приветствовали его в доказательство истинности видения о новом Законе Войны».

«...Почему. Ты так играешь с Тобою созданными?»

Джоанн нажала кнопку «стоп», ощутив смутную тревогу. Страх? Нет, чувство вины, в котором она не могла разобраться.

Как часто люди задавали вопрос Ухе? Когда его в последний раз задавала она сама?

...Тело Маллика на циновке; загорелые лица рыбаков, их глаза, выражающие сострадание, но одновременно требующие не унывать, проявить силу духа.

Ради себя и неродившегося ребенка Маллика...

Ухе был древним, чужеродным существом, гермафродитом, дикарем, полным суеверий, каннибалом. Однако этот образ затронул какие-то струны в душе Джоанн. Она сочувствовала отчаянию Ухе, его гневу, надежде, пожирающему его чувству вины. Что руководило Ухе — беды племени маведах, горе утраты ребенка? И так ли это важно?

Ухе испытывал чувство вины перед архаичным богом солнца. А она? Ведь она так никогда и не узнала, как зовут его... ее...

— У вас несчастный вид, Джоанн Никол. — Голос принадлежал Венче Эбану.

— У тебя есть дети, Венча Эбан?

— Нет. — В ответе драка прозвучала боль, неизжитая печаль. — После рождения моего единственного ребенка, Хируода, у меня удалили... органы размножения. Хируод погиб в битве на станции Чаддук.

— Прости.

Венча Эбан немного помолчал.

— А у вас есть дети, Джоанн Никол?

Она отвернулась и закрыла глаза.

— Больше не хочу разговаривать.

...Каннибал из Мадаха.

На протяжении нескольких дней подряд Джоанн слушала и слушала «Кода Овида». В снах ей являлся Ухе, и она шла следом за древним инопланетным созданием по его кровавой

тропе из Мадаха, по землям, подлежавшим завоеванию и наречению Синдие.

Еще она видела Ухе, взирающего на старейшин Маведах, обгладывающих косточки его Леуно...

Она просыпалась от собственных воплей, а иногда — в слезах.

И снова слушала ту же самую историю, при этом закрывая глаза, и ждала погружения в сон, чтобы снова увидеть лицо Ухе.

...И лицо это не было для нее чужим.

8

И сказал Малтак Ди школяру:

— У меня в руке шестнадцать бусин. Если я отдам тебе шесть из них, сколько у меня останется?

— Десять, джетах.

— Протяни руку.

Школяр повиновался. Малтак Ди отсчитал ему шесть бусин и разжал ладонь. Она осталась пустой.

— Ты солгал, джетах!

— Верно. На мой вопрос ты должен был ответить: «Сперва раскрой ладонь, джетах, и дай мне увидеть твои шестнадцать бусин». Твой же ответ основывался на незнании.

— Это несправедливо, джетах!

— А этот ответ основан на глупости.

Предание о Малтаке Ди, Кода Нушада, Талман

Джоанн проснулась, но осталась лежать неподвижно, размышляя обо всем, что ей привиделось во сне. Ухе подверг сомнению бессмертие законов, развязал на Синдие кровавую войну ради спасения маведах, но в качестве расплаты за прегрешение добился только того, что сохранил собственную жизнь.

Ухе махнул рукой на Аакве, своего бога; решил для себя, что бог ошибается; наложил на Синдие клеймо, которое оставалось несмываемым на протяжении двенадцати тысяч лет и до настоящего времени.

Ве-Бутаан на планете Дитаар назван в честь города в горах, где захоронен Ухе. Тзиен денведах, бойцы передовой ли-

нии, отправляют трепещущих пленников в мадах. Террористы на Амадине продолжают дело племени маведах и даже нарекли себя тем же именем.

И Джоанн произнесла вслух последние слова Ухе:

— «О Ааква, во имя детей твоих, стань лучшим богом!»

— Тщетная, хоть и древняя, мольба. — Голос был низкий, гулкий, но в нем слышались веселые нотки.

Джоанн села.

— Кто ты?

Негромкий смешок.

— Кто я такой? Кто я такой... Глубокий вопрос, Джоанн Никол. Потребовалось бы немало часов, чтобы на него ответить. А зовут меня Тора Соам. Я — главный магистр Талманковаха. Во время пожара на Дитааре вы спасли моего третьего ребенка, Сина Видака.

— Наконец-то вы пришли!

— Да. Пур Сонаан говорил мне, что вас удивляет мое отсутствие; я прошу за это прощения. Но вы так долго были при смерти! К тому же меня буквально раздирают на части.

Голос звучал таинственно, его обладателя трудно было вообразить.

— Что со мной станет, Тора Соам?

— Еще один глубокий вопрос! — Пауза, смешок. — Хотя вы, наверное, имеете в виду свое ближайшее будущее?

— Естественно.

— Перед вами откроется не так уж много путей. Несмотря на мою протекцию, вы по-прежнему остаетесь в ранге вемадах. Существует достаточно доводов в пользу того, чтобы вы стали вехивида.

«Вехивида»? «Из шести». «И сказал Ухе: «Дети их будут посланы в Шестой денве...»

— Я не ребенок, Тора Соам.

— Но вы инвалид.

— Я не служу дракам.

— Вы уже послужили нашему делу, Джоанн Никол, поставив в ряды тзиен денведах нового бойца.

Она почувствовала, что заливается краской.

— Я спасла ребенка, только и всего.

— М-м-м... Вы проводите грани между мотивами, поступками и ответственностью. Если бы вы не спасли моего ребен-

ка, он бы не стал солдатом. Разве это не делает вас ответственной за появление нового солдата? — В голосе Торы Соама слышалась добродушная насмешка: он, очевидно, забавлялся.

— Я спасла ребенка, а стать солдатом тзиен денведах — это уже его собственный выбор.

— Понимаю. Если бы вы знали, что, повзрослев, ребенок пойдет в тзиен денведах, вы бы не стали его спасать?

— Игра становится скучной, драк.

— Отвечайте на вопрос, Джоанн Никол. Спасли бы вы его или позволили сгореть?

Она вспомнила тот полный едкого дыма кошмар. Сотни убитых детей, гарь, вонь... Она вытерла глаза и покачала головой.

— Не знаю...

— А по-моему, отлично знаете.

Джоанн хлопнула себя ладонью по ноге.

— Согласна! Спасла бы, спасла! Но я спасала просто жизнь, а не солдата для Палаты драков.

До Джоанн донесся шорох одежды: драк поднялся.

— Прошу меня простить, Джоанн Никол. В мои намерения не входило вас расстраивать. Если вы настаиваете, вы — вемадах.

— Настаиваю!

— Пур Сонаан говорил мне, что скоро вы совсем поправитесь, не считая, конечно, зрения. Как только вы сможете покинуть чирн-ковах, я переведу вас в имение Тора. Мадах — это общественное устройство, а не клочок земли. У меня дома вы сможете оставаться столько, сколько захотите — во всяком случае, до полного выздоровления.

Джоанн засмеялась и поднесла ладони к лицу.

— А мои глаза? Когда я прозрею?

— Пур Сонаан упорно работает над этой задачей...

— Тора Соам! Сейчас в мадахе много солдат-землян.

— И что же?

— Пока вы будете заботиться о моей безопасности, они останутся вемадах. Я предпочла бы положиться на них, а не на милость драка.

Тора Соам некоторое время молчал. Потом Джоанн почувствовала, как он склоняется к ее койке и берет плейер Пур Сонаана. Щелчок, звук перемотки, снова щелчок. Драк положил включенный плейер ей на колени.

— Учите старый урок, Джоанн Никол.

Она услышала его удаляющиеся шаги. Голос из плейера заполнил палату.

Это снова был рассказ Намндаса, молодого наставника Шизумаата из храма Ухе.

«...Шли дни; к тому времени, когда было набрано два новых класса, мои подопечные размещались у южного края стены Мадах. Эбнех стоял перед учениками и слушал, как они рассказывают об Аакве, Раде, Даулте и Ухе.

Когда все выступили, Эбнех развел руками.

— Мы называем предание об Ухе «Кода Овида»; какова же первая истина?

В первой «Кода» содержится, разумеется, много истин. Задача ученика состоит в том, чтобы извлечь из предания главнейшую истину.

Встал первый ученик и изложил общепризнанную истину из истории:

— Закон Ааквы заключается в том, что жрецы Ааквы высказывают подлинные пожелания Ааквы.

Довольный Эбнех кивнул.

— Все согласны?

Все ученики кивнули, кроме Шизумаата. Тот смотрел на колонны вокруг могилы Ухе. Наконец Эбнех обратился к нему:

— Ты нас слушаешь, Шизумаат?

Шизумаат перевел взгляд на Эбнеха.

— Я слушал.

— Ты согласен с тем, как этот ученик понимает «Кода Овида»?

— Нет. — Шизумаат снова стал смотреть на могилу Ухе.

Эбнех подошел к Шизумаату.

— Встань! — Шизумаат встал и перевел взгляд на Эбнеха. — А какую истину видишь в «Кода Овида» ты?

— Я вижу, Эбнех, что между племенем маведах и выживанием стоял закон; вижу, что это был не священный закон, а правило, придуманное на Синдие; вижу, что Ухе понял это и пренебрег законом ради спасения племени. Поэтому истина, которую я из всего этого вывожу, состоит в том, что законы должны служить синдие, а не синдие — законам.

Эбнех долго смотрел на Шизумаата, а потом проговорил:

— В таком случае скажи, Шизумаат, должны ли мы подчиняться желаниям Ааквы, передаваемым его жрецами?

— Если это добрый закон, то ему нужно следовать, если нет, то он не должен действовать.

Эбнех сузил глаза; соседи Шизумаата отодвинулись от него.

— Не хочешь ли ты сказать, Шизумаат, что законы Ааквы могут быть ложью?

Я зажмурился. Эбнех принуждал Шизумаата к богохульству. Шизумаат был достаточно разумен, чтобы это понять; но он был и слишком упрям, чтобы испугаться боли, которую испытает, принимая наказание за богохульство.

— Если законы исходят от жрецов, — молвил Шизумаат, — это значит, что они порождены смертными, обреченными ошибаться, то есть могут оказаться ложными.

Эбнех выпрямился.

— А если законы исходят от Ааквы?

— Тогда Ааква может быть неправ; он даже бывал неправ. Мне подсказывает это Предание об Ухе.

В храме установилась зловещая тишина. Я подбежал к Шизумаату и схватил его за руку.

— Думай, Шизумаат! Думай, что говоришь!

Шизумаат вырвал у меня руку.

— Я подумал, Намндас, потому и дал такой ответ.

Эбнех оттолкнул меня от ученика.

— Известно ли тебе, как ты поплатишься за свои слова?

— Да, Эбнех, я знаком с правилами, — ответил ему Шизумаат с улыбкой.

— Зная их, ты все равно издеваешься над ними?

— Я ставлю их под сомнение; я сомневаюсь в их происхождении; мне сомнительна их действенность. Знаю, жрецы выпорют меня за мои слова; но вот какой вопрос я вам задаю: докажет ли порка существование Ааквы и истинность его законов?

Эбнех не дал ответа.

Утром, когда Прародитель Всего осветил восточные колонны храма, я поднялся по ступеням и обнаружил Шизумаата стоящим на коленях среди колонн, лицом к Аакве.

Шизумаат прижимался щекой к камням пола. Камни были забрызганы темно-желтой кровью ученика. Глаза Шизумаата были зажмурены, грудь вздымалась. Позади него стояли двое жрецов с розгами. Сбоку стоял Эбнех и повторял:

— Подними голову, Шизумаат. Подними голову!

Шизумаат уперся ладонями в окровавленные камни, оттолкнулся и сел на корточки; утренний свет Аакву озарил его серое лицо.

— Поднял.

— Что же ты видишь?

Шизумаат поколебался, прищурился, глубоко вздохнул.

— Я вижу прекрасный утренний свет, который мы именуем Ааквой.

Эбнех наклонился над ним и прошипел в самое ухо:

— Является ли свет богом?

— Не знаю. Что вы подразумеваете, говоря «бог»?

— Бог! Бог — это Бог! — Одной рукой Эбнех схватил Шизумаата за плечо, другой указал на Аакву. — Не есть ли это Прародитель Всего? Шизумаат опустил плечи и медленно покачал головой.

— Я не знаю.

— А о чем говорит тебе твоя спина, Шизумаат?

— Моя спина говорит мне о многом, Эбнех. Она говорит, что вы недовольны мною; она говорит, что, если усердно хлестать по живому мясу, из него брызнет кровь; она говорит, что это больно. — Шизумаат поднял глаза на Эбнеха. — Но она не говорит мне, что Аакна — бог; она не говорит мне, что законы жрецов — священная истина.

Эбнех поманил двоих с розгами.

— Секите его до тех пор, пока спина не скажет ему всю правду.

Один из слуг в ответ развернулся и удалился в храм. Другой некоторое время смотрел на Шизумаата, а потом отдал розгу Эбнеху.

— Спина уже рассказала Шизумаату все, чему может научить его розга. Возможно, вы придумаете довод поубедительнее.

И второй слуга тоже развернулся и удалился в храм.

Эбнех смотрел вслед обоим слугам; потом он отбросил розгу и посмотрел на Шизумаата.

— Почему ты восстаешь против Аакву?

— Я не восстаю. Я только говорю правду, которую вижу, или вы предпочли бы, чтобы я вам лгал? Послужило бы это на благо истине?

Эбнех покачал головой.

— Ты позоришь своего родителя.

— Невежество моего родителя не может служить доказательством существования бога.

Шизумаат опустил голову. Эбнех отвернулся и ушел в храм. Тогда Шизумаат взглянул на меня.

— Отведи меня к себе, Намндас.

Я поставил ученика на ноги.

— Хочешь, я отведу тебя в твой дом?

Шизумаат усмехнулся.

— Одно дело — когда меня бьют за то, что я понимаю правду, и совсем другое — когда родитель побьет меня за то, что я уже побит. Это получится уже не честность, а просто глупость.

Шизумаат закрыл глаза и упал мне на руки. Я потащил ученика из храма в свою келью за площадью...»

Джоанн выключила плейер.

«Это получится уже не честность, а просто глупость».

Послужит ли она своей цели, не приняв предложения Торы Соама? Остановит ли войну? Способна ли она вообще на что-либо, или ее удел — причинять страдания вемадах — таким, как Токийская Роза? Не упрямствует ли она ради призрачной цели?..

— Ну как?

От неожиданности Джоанн подскочила. Голос принадлежал Торе Соаму.

— Я думала, вы ушли.

— Выходит, вы ошибались. Что вы решили?

Джоанн немного поразмыслила и кивнула.

— Я перееду в ваше имение, Тора Соам.

— М-м-м... Есть одна поговорка — кто ее автор, неизвестно. Она гласит: чтобы указать человеку, что загорелась его одежда, требуются острая палка, большое зеркало и громкий голос. — Тора Соам помолчал. — Возможно, палка — это лишнее. Счастливого выздоровления, Джоанн Никол.

Шаги направились к двери и стихли в коридоре. Джоанн посидела неподвижно, потом опять включила плейер и стала слушать «Кода Нувида» с произвольно взятого места.

«В ту ночь я заметил, что не все храмовые светильники подняты на положенную высоту. Потом я увидел Шизумаата: он, запрокинув голову, медленно танцевал на могиле Ухе!

Я бросился в центр храма и остановился, ухватившись руками за каменное надгробие.

— Спустись, Шизумаат! Спустись, не то я накажу тебя прежде, чем до тебя доберутся жрецы со своими розгами!

Шизумаат прервал свой танец и глянул на меня сверху.

— Лучше забирайся сюда и присоединяйся ко мне, Намндас. Я покажу тебе чудо из чудес!

— Ты хочешь, чтобы я плясал на могиле Ухе?

— Забирайся сюда, Намндас.

Шизумаат опять закружился, а я ухватился за края надгробия и полез, обещая себе разорвать его на три сотни кусочков. Когда я выпрямился, Шизумаат указал на потолок.

— Посмотри наверх, Намндас.

В его словах была заключена такая сила, что я посмотрел вверх и узрел нечто новое в расположении храмовых светильников. Все они висели таким образом, что, находясь на одинаковом расстоянии от определенной точки над могилой, образовывали полушарие. При этом зажжены были не все светильники.

— За проделки этой ночи нас обоих изгонят из храма, Шизумаат.

— Разве ты не видишь, Намндас? Смотри вверх, Намндас! Видишь?

— Что мне там видеть?

— Пляши, Намндас! Пляши! Повернись направо!

Я повернулся и увидел, как кружатся надо мной светильники. Тогда я остановился и посмотрел на своего подопечного.

— От этого у меня всего лишь кружится голова, Шизумаат. Мы должны слезть с...

— А-а-а-а! — Шизумаат спрыгнул с могилы на каменный пол и побежал к восточной стене. Я тоже спрыгнул и последовал за ним.

Со ступеней я увидел Шизумаата: он стоял очень далеко, посередине темной городской площади. Я сбежал со ступеней, пересек площадь, остановился рядом с Шизумаатом и рассерженно схватил его за левую руку.

— Я бы с радостью взял сейчас розгу и выполнил за жрецов их обязанность, безумец!

— Смотри же вверх, Намндас! Что за тупая башка! Смотри!

Не выпуская его руки, я запрокинул голову и увидел, что дети Ааквы расположены на небе почти так же, как огни в храме,

только несколько смещены к синему огню Дитя, Что Никогда Не Движется.

— Ты воспроизвел светильниками вид ночного неба.

— Да.

— Это не спасет твою шкуру, Шизу...

Шизумаат указал на голубой свет.

— Повернись к Дитя, Что Никогда Не Движется. А потом медленно повернись направо.

Я так и сделал — и увидел такое, что у меня подкосились ноги, и я шлепнулся на утоптанную землю площади. Вытянув руки, я пощупал неподатливую почву.

— Не может быть!

Шизумаат присел рядом со мной.

— Значит, ты тоже видел?

С наступлением утра слуги Аакавы застали нас обоих танцующими на могиле Ухе».

9

Мы выпрямились. На руках у нас подсыхал известковый раствор. Шизумаат указал на выстроенную нами пирамиду из камней.

— Жди меня здесь, у этой отметки, Намндас. Если я прав, то снова увижу тебя на этом самом месте.

Я посмотрел на Аккуйя, на Мадах, потом опять на Шизумаата.

— А если ты не вернешься? Что тогда, Шизумаат?

— Одно из двух: либо я ошибся насчет формы этого мира, либо у меня не хватило сил доказать свою правоту.

— Если тебя постигнет неудача, что делать мне?

Шизумаат дотронулся до моей руки.

— Бедный Намндас! Тебе, как всегда, предстоит самостоятельный выбор: можешь забыть меня, можешь забыть обо всем, что мы с тобой узнали, а можешь попытаться доказать то, что пытаюсь доказать я.

Предание о Шизумаате, Кода Нувида, Талман

Джоанн впервые принимала душ. Струи воды грозили продырявить ее кожу, казались водопадом из иголок, вонзающихся в нее с чудовищной скоростью. Это было больно и вместе с

тем упоительно. Наконец Вунзелех, стоявший у кранов, выключил воду. От пола стал подниматься подогретый воздух, пахнущий цветами.

— Войди в воздушную струю и высушись, Джоанн Никол.

Она шагнула в сладкий столб и стала ерошить волосы, чтобы они быстрее подсыхали.

— Что это за запах, Вунзелех?

— Запах? В воздушную струю добавлены масла. Это сделано из эстетических соображений, а также для смягчения кожи.

— Для меня это не опасно? Я ведь помню, как получилось с мазью от ожогов...

— Это не опасно. Люди неоднократно пользовались этим без всяких осложнений.

Струя душистого воздуха оборвалась. Волосы Джоанн остались мокрыми. Она провела руками по телу. Кожа была чуть влажная, что было даже приятно. Жжения от ожогов не ощущалось.

— У вас есть полотенце?

— Полотенце?

— Что-нибудь, какая-нибудь ткань, чтобы вытереть волосы.

Рука дотронулась до ее волос и исчезла.

— М-м-м... Повторять сушку до полного выздоровления опасно.

Вунзелех, судя по шагам, покинул палату, но быстро возвратился. Джоанн почувствовала, как ей в руки суют халат.

— Воспользуйтесь вот этим. Я дам вам новый халат.

Она набросила халат на голову и стала вытирать волосы.

— Джоанн Никол?

— Да, Вунзелех?

— Волосы зачем-то нужны?

Джоанн задумалась, продолжая вытирание.

— Вряд ли. А что?

— Мы могли бы их удалить. Ваше умывание стало бы благодаря этому эффективнее и занимало бы меньше времени.

Она протянула руку с халатом и стояла так, пока драк не забрал халат. Потом она еще раз взъерошила волосы.

— Благодарю, Вунзелех, но лучше я их сохраню. Сентиментальность!

Он подал ей сухой халат, который она поспешно натянула.

— Мне уже приходилось видеть женщин с волосами. Обычно они симметричнее.

Запахнувшись в халат, Джоанн пощупала свои волосы. Справа они оказались короткими и клочковатыми.

— Это из-за огня, Вунзелех. Мои волосы обгорели на пожаре. Мне бы пригодились... не знаю этого слова. Волосы можно было бы подстричь, подровнять.

— М-м-м... — Вунзелех взял ее за руку и вывел из душевой кабины. — Наверное, это возможно. Требуется ли анестезия?

— Нет. Это обыкновенная косметическая процедура.

— Посмотрим, что можно сделать.

Джоанн почувствовала, как рука Вунзелеха распахивает на ней халат и сдавливает левую грудь. Она отпрянула и запахнулась.

— Что вы себе позволяете?

— Вот эти ваши... Вы должны предстать перед овьетахом в наилучшем виде. Эти части вашего тела портят вид платья спереди.

Джоанн фыркнула.

— Не знаю, что вы собираетесь предложить, но эти части должны остаться на месте. Руки прочь, понятно?

— Может быть, перевязать их? Они как будто достаточно мягкие...

— И думать забудьте! — Джоанн очень сожалела, что не знает по-дракски эквивалентов многих английских словечек. — Забудьте раз и навсегда. Вы меня поняли, Вунзелех?

— Если вы так желаете.

— Желаю.

Вунзелех отвел ее назад к койке. Она легла и повернулась к Вунзелеху, предварительно плотно запахнувшись в халат.

— Нужно ли вам еще что-нибудь, Джоанн Никол?

Она недолго размышляла.

— Нужно. Кто такой, собственно, Тора Соам? Что представляет собой овьетах Талман-коваха?

Вунзелех ответил ей после длительной паузы.

— Учитывая объем ваших познаний, я не знаю, как доступнее вам ответить. — Драк помолчал. — Насколько вы уже знаете Талман?

— Я прослушала «Миф об Аакве», «Предание об Ухе», частично — «Предание о Шизумаате».

— М-м-м... Поймете ли вы меня, если я отвечу, что Тора Соам — самое важное существо на семидесяти двух планетах Палаты драков?

— Тора Соам — ваш политический лидер? Военачальник?

— Не то и не другое.

— Я знаю, что ковах — это что-то вроде школы. Тора Соам — учитель?

— Похоже, но не только это, а гораздо, неизмеримо больше. — Вунзелех опять надолго погрузился в молчание. — Джоанн Никол?

— Да?

— Как насчет того, чтобы послушать Талман целиком?

— Зачем?

— Потому что в нем заключены ответы на ваши вопросы, надо только суметь их понять. Я пришлю к вам Венчу Эбана с резателями. Объясните Венче, как вы предпочитаете поступить со своими волосами.

Шаги Вунзелеха стихли. Джоанн, пошарив по койке, нашла плейер, а на нем — «Кода Нувида», «Предание о Шизумаате». Растянувшись, она приготовилась слушать.

> Рада сказал, что Бог есть;
> Ухе сказал, что Бог ошибается;
> Шизумаат сказал, что Бог не имеет значения...

На протяжении последующих дней Джоанн несколько раз прослушала Талман от начала до конца. То была не просто история расы, но и история эволюции и применения метода — талмы.

У слова «талма» не оказалось английского аналога. По-видимому, им можно было обозначить любую систему: направление, упорядоченный ход событий, жизнь, уравнение, методику, закон, процесс, путь, дорогу, науку, здравомыслие.

В период, совпадающий по времени с концом предыстории человечества, Шизумаат интуитивно нащупал научный метод. Пользуясь этим методом, молодой ученик пришел к теории миров: к вращению и конфигурации Синдие, пониманию того, что Ааква и его дети — это огни, горящие на разном удалении, что вокруг других звезд могут находиться тела, подобные Синдие, — все это сложилось в концепцию Вселенной.

Собирая доказательства в поддержку своей теории, Шизумаат совершил путешествие вдоль экватора планеты, оставив верного Намндаса дожидаться его у монумента, воздвигнутого ими обоими. Много лет спустя, открыв новые океаны, земли и народы, Шизумаат вернулся к монументу с востока.

Намндас встретил Шизумаата восторженно; однако ум Шизумаата уже занимала новая проблема — метод, талма, которой он воспользовался, чтобы понять то, что оставалось недоступно для остальных.

Прежде чем слуги Ааквы казнили Шизумаата, он успел поделиться своими умозаключениями с Намндасом, а тот научил всему, что знал, Вехью.

Венча Эбан безжалостно расправлялся с ее волосами.

— Вам понравились приключения Шизумаата, Джоанн Никол?

Джоанн поразмыслила.

— Да, но... Тебе понятно величие того, что он совершил?

— Чего именно? Лишений, потребовавшихся, чтобы пересечь Мадах? Плавания по ядовитому океану? Как он перехитрил хадиев, как бился с Сеуоркой, вождем омела?

— Я говорю об открытиях Шизумаата: его теории мироздания, открытии талмы.

— Но ведь это всем известно, Джоанн Никол!

Джоанн почувствовала раздражение.

— Знаете теперь, потому что Шизумаат научил вас этому тогда.

Щелканье у нее над головой стихло.

— Не понимаю, что вас рассердило.

— Осознаешь ли ты, Венча Эбан, что открытие Шизумаатом талмы гораздо важнее, чем все его остальные открытия вместе взятые?

Щелканье возобновилось, но через мгновение опять стихло.

— Я не летаю и не сражаюсь среди звезд, Джоанн Никол. Я мою полы.

Щелк-щелк...

В «Кода Айвида» Вехья учил талме Мистаана, который усовершенствовал талму и изобрел письменность. Ученики Мистаана воспроизвели предания об Аакве, Ухе и Шизумаате; талма Шизумаата распространилась по всей Синдие.

В «Кода Шада» рассказывалось о растущем угнетении со стороны жрецов Ааквы и свержении ими Кулубансу; примерно через пять столетий после рождения Шизумаата Иоа основал первый Талман-ковах.

Шада завершалась вторжением на Синдие хадиев, разрушением коваха и рассеиванием талманцев, а также смертью Луррванны при правлении Родаака Варвара. За этим последовали примерно четыре столетия войн, в которых разные расы планеты Синдие оспаривали могущество друг друга.

В «Кода Итеда» рассказывалось об Айдане и Вековой войне. Айдан, тайный магистр Талмана, воспользовался талмой как учением о ведении войн, а потом как способом для заключения и поддержания мира. Ближе к концу военных действий другой магистр Талмана, Тохалла, положил начало движению за объединение талманцев и возрождение Талман-коваха.

В следующих книгах Талмана говорилось о дальнейших шести тысячелетиях прогресса и применения талмы при многочисленных джетахах: Кохнерете, Малтаке Ди, Лите, Фалдааме, Зинеру, Далне.

На протяжении этого периода талма превратилась в стержень унифицированной науки о бытие. К 2000 году до Рождества Христова относились первые попытки жителей Синдие выйти в космос.

Предание о Далне («Кода Сиавида») было последней синдийской книгой Талмана.

Навестив Джоанн, Пур Сонаан сообщил ей, что решение проблемы ее слепоты по-прежнему находится за пределами его талмы.

— Однако я неустанно тружусь над расширением границ.

— Вас называют «джетах», но вы — джетах в чирн-ковахе, больнице, правильно, Пур Сонаан?

— Правильно.

— Но вы говорите о талме, как любой талманец.

— Потому что я талманец. Я применяю талму в целях здравоохранения.

— Когда я была офицером разведки, мне показывали пленку о пленных драках. Это были солдаты, тзиен денведах. Они тоже говорили о талме. Один из них называл себя джетахом.

— Солдат и врач действуют на одном и том же поле. Только у каждого своя специализация, в зависимости от преследуемых целей и болезней, препятствующих их достижению.

Первая из книг, написанных уже на планете Драко, «Кода Шишада» начиналась с описания разделения талманцев. Через двести лет после смерти Далны было доказано, что планета Синдие умирает.

Среди талманцев началось движение за бегство с Синдие в поисках иных планет, пригодных для проживания. Правда, большая часть предпочла остаться на Синдие в надежде на решение проблемы. Как писал древний Мистаан в «Кода Айвида», *«талма указывает каждому его путь. Однако будучи существами, имеющими возможность выбора, мы можем в порядке свободного выбора не замечать указаний».*

...Мицак знакомил Джоанн с новостями; постепенно она приходила к выводу, что война вступила в стадию собственной инерционности. Поражения несли обе стороны. Потери вооруженных сил составляли миллионы, гражданского населения — миллиарды...

— Что вы будете делать, когда я отсюда уйду, Мицак?

— У меня есть свои планы.

— Возвратитесь с Флотом драков?

— Нет. Благодаря моей службе Торе Соаму мне дозволено продолжить работу в Талман-ковахе. Войны с меня достаточно...

«Кода Шишада» завершалась Преданием об Атаву, овьетахе Талман-коваха, отправившемся вместе с целой армадой межзвездных кораблей в сторону неведомого. Двести сорок лет спустя Пома написал «Кода Сифеда». Пома был одним из основателей Драко и овьетахом Талман-коваха на этой планете. Предания об Эаме, Намвааке и Дитааре, три последние книги Талмана, посвящались развитию Драко и колонизации многих других планет, а также началу и концу Тысячелетнего восстания, в результате которого — за век с лишним до рождения Коперника — появилась Палата драков.

Далее, вплоть до конфликта Соединенных Штатов Земли с Палатой драков из-за судьбы планеты Амадин, драки столетие за столетием наслаждались миром...

* * *

Талма.

Талма состоит из фундаментальных законов оценки ситуаций, постановки целей, следования к осуществлению намеченного; из методов познания собственного места, своих желаний, способов перемещения от одного к другому — как индивидуально, так и коллективно. Она представляет собой основу любой деятельности, от межличностных отношений и общественных взаимосвязей до науки, предпринимательства, законотворчества.

Джетахи, магистры-знатоки Талмана, изучают, изобретают, экспериментируют, применяют эти фундаментальные законы на практике. Талман-ковах — их рабочее место: это и лаборатория, и библиотека, и философский клуб. «Овьетахом» называется Первый магистр Талман-коваха. В данный момент этот титул носил Тора Соам.

Тора Соам был дракским аналогом главного экономиста, политика-теоретика, генерального прокурора, главного военного стратега, президента академии наук и много чего еще — в одном лице.

При всякой остановке военных действий, достаточно продолжительной для объявления перемирия, Тора Соам, как и все его предшественники-овьетахи, предлагал противнику мирные переговоры. Джоанн чувствовала, что мир рано или поздно должен наступить, иначе оборвется человеческий род. Драки с неослабевающей решимостью вели межпланетарную войну на протяжении тысячелетия. Токийская Роза говорила, что теперешняя война невечна. Однако драки были готовы воевать столько, что, с точки зрения Джоанн Никол, срок этот равнялся вечности.

Настал день прощания с чирн-ковахом.

На ногах у нее были сандалии. Все, с кем она успела познакомиться, желали ей всего наилучшего. Пур Сонаан пообещал держать ее в курсе своих достижений по части возвращения ей зрения, правда, напоследок произнес таинственные слова:

— Джоанн Никол, если в будущем все будет хорошо, то у вас появится причина меня возненавидеть. Когда это случится, очень вас прошу вспомнить вот этот момент. То, что я

сделал... — Врач замялся, не находя слов. — Нет, лучше ничего не говорить. Просыпайтесь с каждым утром все более здоровой.

Джоанн сидела на краю своей койки, наслаждаясь мягкостью нового платья и испытывая страх: ведь ей предстояло покинуть знакомую палату и оказаться в совершенно неведомом мире за ее стенами.

До нее донеслись незнакомые шаги. Шаги замерли довольно далеко от койки. После непродолжительного молчания раздался голос:

— Я — Тора Кия. Меня прислали перевезти вас в имение моего родителя.

Она встала.

— Джоанн Никол.

Твердые шаги по палате, шершавое прикосновение к ее левой руке.

— Нам пора.

До ее ноздрей долетел резкий запах «пастилки счастья». Джоанн нащупала манжет, которым заканчивался рукав, и удивилась: гражданские драки обычно носили платья.

— Кто вы?

— Я назвал себя: Тора Кия. Я — первый в потомстве Торы Соама.

— Судя по вашему рукаву, на вас военный мундир.

— Я служу в тзиен денведах, то есть служил раньше... — прозвучал смех, в котором угадывалась истерика. — Другой мой рукав пуст, землянка.

10

Косясь на свои забинтованные обрубки, Луррванна сказал своим ученикам:

— Для нас талма под запретом. Талман-ковах разрушен, наши друзья убиты или так напуганы, что прячутся. Наши авторы заплатили за свои писания отрубленными руками. Родаак с солдатами искоренит на Синдие Талман.

Но убежище талманцев — память. В ней мы и будем укрывать Талман от Родаака. Держите слова в своей памяти; потом шепотом передавайте их другим — и так Талман перейдет в память других.

Правда вечна, и время — ее помощник. Со временем Родаак сгинет. Со временем к нам вернется таинство талмы. Со временем Талман снова будет написан, а на этих искрошенных камнях поднимутся стены нового Талман-коваха. Придет время, и наступит завтра.

Предание об Иоа и Луррванне, Кода Шада, Талман

Пока Джоанн поспешно вели из чирн-коваха к машине Торы Кия, ей в голову закралась странная мысль: эти создания вызывали у нее любопытство, как, естественно, и ее собственная участь; между тем прозрей она — и все вокруг вызвало бы у нее ужас.

Тора Кия кипел ненавистью, но это было как раз вполне по-человечески. Чуждость неведомого превращалась для нее в обыденность, ибо отсутствовали зрительные образы; благодаря этому она не теряла способности размышлять.

Джоанн усадили на бархатную обивку. Хлопнула дверца, и она ощутила неистребимый запах новой машины. Новые хлопки дверями, движение обивки слева от нее под чьей-то тяжестью, негромкое гудение — и инерция заставила ее откинуться. Машина набирала скорость. Несмотря на звукоизоляцию салона, в него проникали шумы, подсказывающие, что они движутся в потоке транспорта.

— В имение, Баадек! — отдал Тора Кия лающий приказ.

— Ваш родитель велел мне завезти эти записи...

— Вернешься в город и завезешь. Сначала доставишь в поместье этого... нашу гостью.

Оба существа, находившиеся в машине вместе с Джоанн, умолкли. Шум прочего транспорта пропал, у Джоанн заложило уши: не иначе, они ехали куда-то вверх, хотя и по хорошей дороге, если верить мерному звуку. Определенно, их путь лежал в горы.

— Молчишь, землянка?

— Я подумала, Тора Кия, что вы не одобрите, если я буду навязывать вам беседу.

— М-м-м...

Еще какое-то время они ехали молча.

— Ваш родитель, Тора Кия, как будто не так пылает ненавистью, как вы.

— Мой родитель! У него все конечности на месте. Для Торы Соама война — гигантская головоломка, увлекательная задачка. Родитель, по-моему, наслаждается ее масштабами и сложностью. Вы и я — всего лишь два параметра среди триллионов, из которых состоит головоломка.

— Сколько в вас горечи!

— А говорят, что вы незрячая!

Казалось, они забираются все выше; дорога отчаянно петляла. В машине опять повисло удушливое молчание. Потом в ноздри Джоанн ударил запах «пастилки счастья», и драк по имени Баадек не выдержал:

— Кия, ваш родитель...

— Следи за дорогой, Баадек! Вот когда Тора Соам опустит топор мести на наших врагов на Амадине, я приму во внимание его мнение. — В машине по-прежнему так же сильно пахло. — Ну и уродливы же вы, землянка!

— Меня бы это больше заботило, Тора Кия, будь у меня зрение.

Драк засмеялся; запах усилился.

— Что верно, то верно: война поиздевалась над нами обоими. Ваша жизнь зависела от ваших глаз? Мне бы искренне хотелось, чтобы это было так.

— Почему?

— Желаю эквивалентности в страданиях.

— Мне приходилось видеть воинов-драков с искусственными конечностями. Кажется, они воевали не хуже остальных.

— Да, поджарить человека куда легче. Но беда в том, Джоанн Никол, что я — музыкант. Если наш Флот и заплатит за протез, которым можно украсить эту культю, приучить его к струнам тидны все равно не удастся.

Тидна — инструмент вроде арфы...

— Мне очень жаль.

— Заплатить одной жалостью — значит дешево отделаться. — Пауза, еще одна волна резкого запаха. — Баадек! Останови здесь!

— Тора Кия, ваш родитель шкуру с меня спустит, если только узнает...

— Останови здесь, презренная плесень, не то я оторву тебе башку!

Машина остановилась. Джоанн услышала, как открывается дверца со стороны Тора Кия; в салон дохнуло ледяным холодом. Драк потянул ее за левую руку.

— Пойдемте со мной, Джоанн Никол.

Она переползла на его сторону, спустила ноги и оказалась по щиколотку в снегу. Тора Кия поволок ее за собой; в снегу утонула сначала одна сандалия, потом другая — и она осталась босой.

— Баадек! Заглуши мотор.

Как только стихло мерное гудение мотора, ветерок донес до слуха Джоанн причудливую музыку, доносившуюся откуда-то снизу.

— Внизу, в долине, находится мой ковах.

Они молча слушали музыку. Ей казалось, что в ноги вонзаются острые ножи.

— Тора Кия, я замерзла.

— Как и вся Вселенная. — Ветерок донес до нее все тот же знакомый острый запах. — Взять хоть моего родителя. Вы, наверное, воображаете, что он испытывает к вам чувство благодарности за то, что вы вытащили Сина Видака из топки?

— Тора Соам сам мне...

Смех Тора Кия был еще более красноречивым, чем его слова.

— Тора Соам бесчувствен! Овьетах Талман-коваха станет держать вас у себя в имении в качестве диковины и объекта для экспериментов. Син Видак — просто повод, которым воспользовался мой родитель, чтобы приглашение выглядело оправданным в глазах... А-а-а-а!

Сильная рука отвесила ей пощечину, опрокинув на снег. Перед ее незрячими глазами заплясали геометрические фигуры, снег обжег лицо. Где-то вдалеке хлопнула дверца, послышались мягкие шаги. Чья-то рука приподняла ее, извлекла из снега.

Джоанн отбросила сердобольную руку, села и отерла снег с лица. В воздухе все еще висели тоскливые звуки доносящейся снизу музыки, когда она услышала негромкий голос Баадека:

— Позвольте попросить вас об одолжении, землянка. Если вы пойдете мне навстречу, я навсегда останусь у вас в долгу.

Он подхватил ее под мышки и поставил на ноги. У Джоанн по-прежнему от снега и от пощечины горело лицо.

— Многого ли стоит должник-драк?

— Тора Кия — продолжатель рода Тора. Его поведение — позор для его родителя. Я прошу вас хранить молчание о его поступке.

Джоанн махнула рукой в ту сторону, где, по ее мнению, стояла машина.

— Во-первых, выведи меня из снега, во-вторых, найди мои сандалии, в-третьих, я подумаю.

Баадек повел ее к машине, но она вдруг остановилась как вкопанная.

— Но учти одну вещь, драк: если эта куча киз еще раз поднимет на меня руку, я вырву у него последнюю клешню и запихну ее ему в глотку!

— Теперь Кия не надо опасаться. Кия уснул.

— У меня болят ноги. Мне холодно!

Баадек, положив руку девушки себе на шею, взвалил ее на спину. По пути к машине он бормотал:

— Во всем виновата война. Война все изменила.

Джоанн было слишком худо, чтобы отвечать. Ее положили на сиденье машины и захлопнули дверцу. Еще один хлопок — и машина, ожив, запетляла дальше. Прошло немало времени, прежде чем Тора Кия зашевелился.

— Опять вы... Платье мокрое, рожа красная... — Салон в очередной раз наполнился резким запахом.

— Забыли? Это вы меня ударили.

— Ударил? — Запах усилился, голос стал трудноразличимым. — Жалко, что не убил.

В следующую секунду Джоанн услышала звук, которого раньше не слышала, — храп драка.

— Баадек?

— Что, землянка?

— Меня зовут Джоанн, фамилия Никол.

— Что, Джоанн Никол?

— Почему Тора Кия принимает наркотик?

— Многие бойцы тзиен денведах, воевавшие на Амадине, делают то же самое. Тора Соам этого не одобряет.

Джоанн подняла ноги на сиденье и потерла ступни. В следующую секунду она почувствовала направленную на нее мощную струю теплого воздуха; совсем скоро ноги стали совершенно сухими и теплыми.

— Спасибо, Баадек.

— Когда мы приедем в имение, то сначала остановимся у ворот, и я принесу вам сухое платье.

Она продолжала растирать ноги.

— Баадек, какая тебе разница, узнает ли Тора Соам, что его ребенок жует «пастилки счастья»?

— Никакой, наверное. Но я всю жизнь прослужил в имении Тора. Это уже традиция. Традиция — очень надежная штука. Но война все портит. Наверное, мне тоже пора изменить традиции.

Джоанн швыряло из стороны в сторону, к горлу подступала тошнота; мотор то ревел, то совсем затихал.

— Я не настаиваю, Баадек, а просто спрашиваю: ты не слишком быстро едешь?

Машина сбавила ход, мотор заработал ровнее.

— Благодарю вас. Примите мои извинения.

Она уперлась затылком в подголовник. Многострадальный, но преданный слуга семьи везет домой накачавшегося наркотиками хозяйского сынка и слушает подсказки с заднего сиденья... Джоанн зевнула от избытка теплого воздуха из обогревателя. Может, снять с поникших плеч старательного слуги очередной груз?

— Баадек!

— Слушаю вас, Джоанн Никол.

— Я ничего не скажу Торе Соаму о сегодняшних событиях.

— Спасибо. Я это запомню.

— Нам еще долго ехать?

— Мы преодолели около трети пути.

От теплого воздуха ею овладела сонливость. Она привалилась плечом к обитому чем-то мягким углу между дверцей и сиденьем и уткнулась лицом во что-то мягкое слева. Движение укачало ее.

Согласно донесениям, большой процент военнослужащих Соединенных Штатов Земли привозил с Амадина привычку жевать «пастилки счастья».

Сколько времени потребовалось Тэду Макаи, чтобы от нее избавиться? Впрочем, он так и не избавился от нее до конца, а просто заменял один наркотик другим.

В офицерском клубе гарнизона «Сторм Маунтейн» Тэд неизменно заказывал в баре двойные порции выпивки. Он представлял собой остров мертвой тоски посреди океана веселья. Он упорно умиротворял свою нервную систему, что делало его редким исключением среди других живых организмов во Вселенной, занятых взбадриванием самих себя.

Он заказал очередную порцию.

— Не слишком ли ты разбежался, Тэд?

Он не поднял глаза, а дождался, чтобы ему подали рюмку. Опрокинув содержимое залпом, он немедленно заказал еще и посмотрел на Джоанн.

— Побывайте на Амадине, майор Никол. Посмотрим, будете ли вы после возвращения по-прежнему проповедовать воздержание...

«Когда Тора Соам опустит топор мести на наших врагов на Амадине, я приму во внимание его мнение...»

Амадин... Бои на этой планете были лишь мелкими эпизодами войны, но война была развязана по вине именно этой планеты.

В чирн-ковахе Джоанн пыталась объяснить себе, зачем ввязалась в эту войну. В голове у нее часто звучал голос, преподающий азы недавней истории...

...Планета Амадин была заселена несколькими волнами иммигрантов — как людей, так и драков; тех и других влекли туда огромные залежи полезных ископаемых. В колонизации принимали участие многочисленные частные компании, принадлежавшие представителям обеих рас; самые крупные из них назывались «ИМПЕКС» (земляне) и «ЯЧЕ» (драки).

Хотя некий Низак с планеты Тиман числился третьим среди крупнейших инвесторов на Амадине, иммигрантов с Тимана на планете не было. Низаку принадлежала орбитальная станция, на которой до начала военных действий все главные горно-обогатительные компании перерабатывали добытую на планете руду.

После поражения партии центристов, в которой были и драки, и люди, в политике обеих рас на планете возобладали экстремисты. Появился Фронт Амадина — партия людей и Ка-Маведах — самая влиятельная политическая организация на части планеты, контролируемой драками. После устранения с

политической арены центристов обеих рас начались террористические акты.

Терроризм на Амадине... Как его жертвы, так и свидетели предпочитали помалкивать о пережитом и увиденном. Тамошние ужасы превосходили всякое понимание. Людей находили еще живыми, но с рассыпавшимися в труху от удара звуковых волн скелетами. Драков находили со вспоротыми животами, с живыми зародышами на пуповине...

— Джоанн Никол!

Она очнулась. С ее стороны в машину поступал теплый воздух. Дверца была распахнута.

— Баадек?

— Я. Вот вам сухое платье. Я высушил ваши сандалии.

Она дотянулась до платья, забрала сандалии.

— Где мне переодеться?

— Можно прямо здесь, в машине.

— Где я могу уединиться, чтобы переодеться?

— Уединиться? А зачем?

— Потому что я хочу переодеваться без свидетелей.

Озадаченное молчание.

— Можно, наверное, воспользоваться вот этой сторожкой у ворот. — Джоанн почувствовала на своей руке прикосновение драка. — Идемте со мной.

— Что ты собираешься делать с Кия?

Баадек помог ей выбраться из машины. Она почувствовала под ногами мягкую траву, лицо согревали теплые солнечные лучи. Баадек вздохнул.

— Что делать с Кия? Хороший вопрос, Джоанн Никол. Он вечно повторяется и всегда звучит уместно. Сюда, пожалуйста.

Джоанн повели по нескончаемой лестнице. Потом началась вереница залов и коридоров. У каждой двери стояла охрана, с которой Баадек переговаривался шепотом. Наконец Джоанн оказалась в залитой солнцем комнате; солнце она ощущала кожей. Там звучало сразу несколько негромких голосов; постепенно она узнала один из них — голос самого Торы Соама.

— Вот и вы, Джоанн Никол! Наконец-то!

Она кивнула, напрягая слух. Овьетах обратился к Баадеку:

— Где Кия?

— В своих апартаментах, овьетах. Кия нездоровится.

Молчание Торы Соама было многозначительнее любой самой пространной тирады.

— Надеюсь, ваше путешествие из чирн-коваха не вызвало у вас нареканий, Джоанн Никол?

— Оно было очень поучительным.

Она услышала, как Тора Соам отворачивается.

— Коллеги, перед вами человек, Джоанн Никол.

Послышалось озадаченное покашливание, зашелестели бумаги, задвигались стулья.

— Пойдем со мной, Баадек. — Тора Соам взял Джоанн за руку и вывел в другое помещение. — Я прошу у вас прощения за моих коллег, Джоанн Никол. Однако примите во внимание, что вы — первый живой человек, которого им доводится лицезреть.

— Понимаю.

— Сегодня вечером я преподнесу вам сюрприз; а пока Баадек покажет вам ваши апартаменты. На территории имения есть всего несколько мест, куда вам не разрешается заходить; об этом позаботится охрана. В остальном же вы свободны перемещаться, где вам вздумается. Баадек временно будет заменять вам глаза, он же позовет вас на вечернюю трапезу. Мне бы хотелось, чтобы вы разделили ее с нами.

Джоанн кивнула.

— Непременно.

— Превосходно. А теперь я вынужден вернуться к делам. Баадек!

— Слушаю, овьетах.

— Когда Кия придет в себя, пришли его ко мне. Я весь вечер проведу в библиотеке.

— Будет исполнено, овьетах.

Шаги Торы Соама стихли. Баадек взял Джоанн за руку и повел по нескончаемым коридорам. По пути Джоанн скользила пальцами левой руки по каменной поверхности стены, пытаясь запомнить все изгибы и повороты.

— Баадек!

— Слушаю, Джоанн Никол.

— Почему все здание сложено из тесаного камня?

— Так пожелал, должно быть, Тора Кия — основатель рода, а не тот, с которым вы знакомы.

— Это здание выросло тогда же, когда была заселена планета Драко?

— Примерно тогда. Оно очень красиво. Камни самых разных пород и цветов.

Идя по очередному коридору, Джоанн напряженно размышляла.

— Ответь, Баадек, почему народ, владеющий металлами, пластмассой, кирпичной кладкой любого вида, строит замок из грубого камня?

Баадек некоторое время шел молча, потом остановил Джоанн и остановился сам.

— Я искал в ваших словах скрытый смысл, но не нашел его. Неужели вам это действительно непонятно?

— Действительно. Это должно было быть очень длительное и дорогое строительство, что просто нерационально, учитывая наличие более эффективных методов и материалов.

— Повторяю, Джоанн Никол: это очень красивое здание. — Баадек шагнул в сторону. Она услышала звук открывающейся двери. — Вот и ваше жилище.

11

Нарисовал Малтак Ди на доске круг и квадрат и соединил фигуры двумя линиями. Первому ученику он задал вопрос:

— Ниат, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Два пути, джетах.

— Ступай, Ниат. Ты не сможешь учиться.

Обращаясь ко второму ученику, Малтак Ди спросил:

— Оура, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Если по этим двум путям много раз пройти взад-вперед, то их наберется много.

— Можешь остаться, Оура: вероятно, ты сможешь учиться.

Обращаясь к третьему ученику, Малтак Ди спросил:

— Ирриса, сколько существует разных путей от круга к квадрату?

— Бесконечное количество, джетах.

— Ты должен остаться, Ирриса: пожалуй, в один прекрасный день ты сам сможешь учить других.

Предание о Малтаке Ди, Кода Нишада, Талман

Заведя Джоанн — по очереди — в комнаты для встреч, развлечений, туалета, омовений, сна и медитации, Баадек оставил ее одну, обещав позвать на ужин. Уходя, он еще раз поблагодарил ее за то, что она не сообщила Торе Соаму о поведении Кия.

Приняв с грехом пополам ванну, Джоанн легла отдыхать. Позже, потянувшись за платьем, она обнаружила на его месте не прежнее, а другое — из легкой и гладкой ткани, которую можно было сравнить разве что с паутиной; на теле оно напоминало пленку, специально приспособленную для массажа. Вместо открытых сандалий она наткнулась на мягкие сапожки с меховым подбоем. При всей своей красоте замок Торы Соама был, судя по всему, довольно прохладным, отсюда и соответствующая одежда.

В ожидании Баадека она стала бродить вдоль стен, пытаясь мысленно нарисовать план апартаментов и расставить мебель.

Все помещение представляло собой круг, разбитый на шесть сегментов; каждый сегмент-комната выходил в центральный холл, тоже круглый. Сегменты походили на дольки апельсина, усеченные с обоих концов. Плоской была только поверхность пола. Посередине каждой комнаты стоял предмет или предметы, соответствующие назначению помещения. В центральном холле насчитывалось шесть дверей.

Только теперь для Джоанн стали приобретать смысл дракские выражения, казавшиеся раньше загадочными: «приветствовать с распахнутыми дверями», «встречать при закрытых дверях» — речь шла о степени доверия хозяина к гостю. Комната для встреч была пустой: здесь можно было разве что побеседовать стоя. В комнате для развлечений стояли глубокие мягкие кресла и диваны. Открыть центральную дверь, в комнату для встреч, и дверь в комнату для развлечений было равносильно предложению остаться подольше. Открыв же дверь в туалетную комнату, хозяин тем более предлагал гостю не торопиться с уходом. Ну а если распахивались двери в ванную, спальню и помещение для медитации, то это предполагало такую глубокую стадию интимности, о содержании которой Джоанн оставалось только гадать.

Завершив первый, беглый обход, она зашла в комнату для медитации, прикрыла дверь и уселась на подушки в центре, чтобы дождаться здесь вызова на вечернюю трапезу.

По прошествии нескольких минут, когда она достаточно расслабилась, ей показалось, что в комнате загорелся мягкий зеленый свет с темными и светлыми прожилками. Она поднесла руки к глазам, но глаза были, конечно, ни при чем: свет зажегся у нее в голове.

Она опять расслабилась, решив не препятствовать свету. Сначала ее охватило полуобморочное состояние, но ненадолго: его сменило чувство небывалого, всеохватного покоя. Один за другим расслаблялись напряженные мускулы, тело становилось податливым...

Ей вспоминались счастливые мгновения с Малликом, к которым на этот раз не примешивалась привычная боль. Она раскрыла себя для неудержимого потока любви.

В чреве Джоанн рос их ребенок.

Маллик прижимался ухом к ее животу, прислушиваясь.

«Ты все равно ничего не расслышишь, Маллик: еще слишком рано».

Ухо все теснее прижималось к ее животу, рука покоилась у нее между ног.

«Если это ребенок Маллика Никола, то ему пора просыпаться».

Она со смехом стала гладить его лицо...

При обороне «Сторм Маунтейн» был незабываемый момент — момент любви, гордости, неистовой радости.

Склоны были завалены трупами, но тзиен денведах обращены в бегство. Ее подчиненные знали, что это не победа, и не возносили благодарственных молитв: им было известно, что при следующей атаке они все равно будут раздавлены и большинство из них не проживет и двух часов.

И все же они обратили в бегство тзиен денведах!

По окопам прокатились крики и улюлюканье. Несколько секунд — и весь остаток гарнизона взорвался оскорбительными воплями в адрес отступивших драков; она уловила и свой голос в шуме всеобщего ликования.

Тзиен денведах отступают!

То была иная, более сильная форма любви, чем любовь мужчины и женщины. То было братство, скрепленное пролитой кровью и непролазной грязью; вместе они преградили путь неприятелю и обратили его в бегство. Они прошли крещение

в огненной купели и выжили, чтобы торжествовать при виде отступающей дракской пехоты.

Рядом с Джоанн упал в грязь Морио Тайзейдо. До нее донесся его хриплый голос:

— Если бы сейчас меня настигла смерть, я бы умер счастливым. Мы их опрокинули! Это же надо, черт возьми, опрокинули!

Свет вспыхнул снова, и одна часть сознания Джоанн спросила у другой, не была ли эта радость призывом к сражению, к войне, к смертоубийству; если да, то как быть со здравыми суждениями?

Все правила были попраны, последствия происходящего не принимались в расчет; не учитывалось ничто, кроме одного: драки отступают! В тот крохотный отрезок времени остатки гарнизона торжествовали победу...

Но тут перед ее мысленным взором живо, словно на сцене, разыгралось «Предание о Лите» из «Кода Овсинда».

«Лита придумал для своих учеников игру.

Одному из учеников выпадал жребий начать игру: первый ход состоял в том, чтобы изобрести три первых правила игры. И игра, и правила могли быть любыми.

Следующий игрок мог либо воспользоваться этими тремя правилами, либо изобрести новые. Правила и изменения в них становились известны только по ходу самой игры, их следовало вычислять по действиям изобретателей правил. Даже условия выигрыша менялись ежеминутно.

Успешнее всего действовал тот, кому удавалось в ожидании своего хода понять все правила, после чего изобрести правило или критерий выигрыша, перечеркивающие преимущества, полученные предыдущими игроками в результате их собственных изобретений.

К тому времени, когда Лите наставал черед ходить, игра превращалась в кошмарный клубок правил — как видимых по положению самой игры, так и, по большей части, невидимых. Лита выигрывал, говоря просто:

— Я выиграл.

Всегда находился ученик, возражавший:

— Вы не можете выиграть, джетах. Система существующих правил этого не позволяет.

— *Прекрасно позволяет. Правило, изобретенное мною, гласит: «Когда наступает моя очередь ходить, я выигрываю».*

— *Но то же самое мог сделать первый же игрок! Так мог бы поступить любой из нас!*

— *Мог бы, но первым это сделал я».*

Зеленое свечение в голове померкло, сменившись теплой, обволакивающей чернотой. До ее слуха долетел голос — голос Баадека:

— Джоанн Никол! Пора на вечернюю трапезу!

Она продолжала молча вспоминать только что привидевшееся. Потом опомнилась, встала, подошла к двери и распахнула ее.

— Баадек!

— Я здесь. — Голос звучал совсем близко. — Когда вы впредь, воспользовавшись комнатой для медитации, не захотите, чтобы вас беспокоили, будьте добры, закройте входную дверь в апартаменты.

— Благодарю. Что такое сокрыто в комнате для медитации, что позволило мне увидеть столько замечательного?

— Ничего, кроме вас самой. Это древнее устройство, позволяющее заглянуть в себя.

— А этот свет, зеленый свет... Он казался настоящим.

— Обычно он синий, у драков.

Джоанн стала ощупью пробираться в коридор, но по пути ее внезапно задержала рука Баадека.

— В чем дело, Баадек?

— Поймите, Джоанн Никол, я не люблю людей.

— Кто просит тебя о любви?

— Но лично перед вами я в долгу, — продолжил он после короткой паузы. — Будьте очень осторожны во время ужина. Сегодняшние гости Торы Соама — это пять магистров Талмана и один человек. Я не могу догадаться, какая роль отведена им, какая — вам.

— Зачем меня предупреждает тот, кто не любит людей?

Драк усмехнулся.

— Я не знаток путаных правил и игр. Я просто умею быть преданным. Будучи преданным роду Тора, я считаю себя защитником Торы Кия. Вы помогли мне защитить его, поэтому моя преданность распространяется и на вас — до некоторой степени.

— Я ценю твое расположение, Баадек, — молвила она после паузы, — только не понимаю, против чего ты меня, собственно, предостерегаешь.

— На это мне сложно ответить. Не хотелось бы, чтобы вы выдали себя или то, что представляет для вас ценность. Полагаю, этим вечером все будет складываться так, чтобы вы это сделали.

После бесконечного петляния по коридорам Баадек и Джоанн оказались в анфиладе просторных помещений. Об их объемах свидетельствовало эхо, сопровождавшее их шаги и разговор. В одном из помещений раздавались голоса и пахло изысканной едой. Там их поджидал Тора Соам.

— Хорошо ли вы чувствуете себя этим вечером, Джоанн Никол?

— Да, благодарю.

— Превосходно. — Джоанн услышала шорох его одежд. — Я обещал вам сюрприз. Вот он!

Решительные шаги.

— Привет, майор.

— Бенбо? — Джоанн вытянула руки. — Бенбо?

— Он самый, майор. — Мужские руки обняли ее за плечи.

Внутри у нее что-то оборвалось, ноги перестали ее держать. Бенбо успел подхватить Джоанн и не позволил шлепнуться на каменный пол.

Рядом раздался голос Торы Соама, полный озабоченности:

— Вам нездоровится, Джоанн Никол? — Голос сменил адресата. — Ее только что выписали из чирн-коваха.

— Думаю, с ней все в порядке, овьетах, — ответил ему голос Бенбо. — Просто мы многое пережили вместе и давно не виделись.

— Ты-то как, Бенбо? Проклятие! Как ты, Бенбо, черт?

— Отлично, майор. Лучше не придумаешь. — Теперь адресата сменил его голос. — Через минуту она придет в себя, овьетах. Можно нам немного побыть одним?

— Конечно, Эмос Бенбо. Воспользуйтесь вот этим диваном.

Бенбо повел ее через комнату, опустил на мягкие подушки, сел рядом. До нее донесся голос Торы Соама:

— Это только половина моего сюрприза для вас, Джоанн Никол. Другая половина ждет вас среди гостей и зовется Леонидом Мицаком.

— Мицак... Настоящие посиделки в кругу семьи.

— Не уверен, что правильно вас понял. Желаете, чтобы я прислал его сюда?

— Не надо, Тора Соам. Мне бы хотелось немного побыть вдвоем с Бенбо. Пускай Баадек позовет нас, когда ужин будет готов.

— Разумеется. Увидимся. Идем, Баадек.

Их шаги стихли за дверью. Джоанн повернулась к Бенбо.

— Как ты здесь оказался, Эмос?

— Хотелось бы мне это знать, черт возьми! — засмеялся Бенбо. — На Дитааре меня тряхнуло и обожгло, а теперь я — почетный гость овьетаха Торы Соама, самой главной здешней шишки. — Он понизил голос. — Что у вас с глазами, майор?

Джоанн тряхнула головой.

— Временная слепота. Ничего, пройдет. Что с тобой произошло после налета?

— Я отнес вас в безопасное место — так мне тогда казалось, а сам побежал на полигон, посмотреть, что стало с нашими ребятами. Вам что-нибудь о них известно?

Она кивнула.

— От Мицака.

— Что тут вообще происходит, майор?

— Не знаю. После налета я оказалась на попечении у Торы Соама. Что это означает и почему — понятия не имею. А ты?

— Меня подобрали, привезли сюда, выгрузили. Два типа, с которыми не особенно поспоришь. Больше я ничего не знаю.

Откуда-то донесся голос Баадека:

— Вечерняя трапеза готова. Желаете присоединиться к остальным?

Джоанн с трудом встала.

— Спасибо, Баадек. Мы сейчас.

Джоанн притянула к себе Бенбо и зашептала ему в ухо:

— Ты спрашиваешь, что здесь происходит? Не знаю. Но мне посоветовали проявлять за ужином осторожность. Так что держи рот на замке, пока тебе не зададут прямой вопрос, а отвечая, будь настороже. Гости Торы Соама — драки, магистры Талмана...

В сознание Джоанн вдруг закралось смутное подозрение, она уловила слабый цветочный запах. Подозрение было немедленно и с возмущением отброшено.

— Что все это значит, майор?

Джоанн покачала головой.

— Ничего. Просто помни, что каждое твое слово дает им массу информации.

Джоанн предоставили место на длинном кольцеобразном диване; справа от нее расположился Бенбо, за Бенбо — Леонид Мицак. Дальше справа было место Торы Соама. Напротив нее расселись пятеро магистров Талмана. В центре кольца стояли блюда. Тора Соам начал ритуал.

— Вот горький сорняк, который мы вкушаем в память о Мадахе. Да будет нам заказан путь туда.

Джоанн услышала, как талманцы берут со столика в центре кольца зерна и кладут их назад. Тора Соам продолжал:

— Вторая наша трапеза — фрукты. Мы говорим: «Вот фрукты из Иррдах, за который сражалось племя маведах».

Все взяли чудные луковицы и клубни, считавшиеся у драков фруктами. Бенбо передал Джоанн ее порцию; у нее свело скулы и заслезились глаза от горечи сырых плодов.

— Третья наша трапеза пуста в память о Миджие, предавшем народ свой огню, лишь бы не покоряться маведах.

В воздухе запахло горелым.

— Четвертая же трапеза, вечерняя, прославляет победу Ухе и объединение Синдие. Трапеза эта вкушается вечером; начнем же наш праздник.

Настало время насыщения. Джоанн уписывала непривычные на вкус сорта мяса, салаты, мороженое, сыры, пока желудок не сигнализировал, что пора остановиться. Вскоре, судя по звукам, насытились и остальные; стол очистили от яств. Бенбо сунул ей в руки горячую кружку.

— Держите, майор. На вкус — расплавленная резина, остуженная в тазу с грязными подштанниками.

Пока она потягивала жидкость, Баадек исполнял сложную процедуру представления гостей хозяину дома. Тора Соам, разумеется, всех отлично знал, поэтому в знакомстве больше нуждались гости. Баадек вставал за спиной у представляемого и провозглашал:

— Овьетах, перед вами гость — джетах Зай Каида, первый заместитель председателя Палаты драков. — Короткое перемещение. — Овьетах, перед вами гость...

Все драки оказались важными персонами. Рядом с первым заместителем председателя Палаты, главного органа дракской власти, сидел Рада Кия, начальник связи Флота драков с Палатой, дальше — Ксалта Лов, нуджетах — второй магистр Талман-коваха, Суинат Пива, овьетах фанген-коваха — школы постановки общественных целей, и Викава Минозе — начальник Денве Иркмаан, департамента по людям в Палате драков.

Баадек остановился позади Мицака.

— Овьетах, перед вами гость — Леонид Мицак, ученик Талман-коваха. — Шаги. — Овьетах, перед вами гость — Эмос Бенбо, вемадах. — Баадек остановился позади Джоанн. — Овьетах, перед вами гость — Джоанн Никол, вемадах.

Тора Соам открыл переговоры.

— Коллеги-магистры, я вижу, как вы удивлены тем, что видите за нашей трапезой людей. Я все объясню. В качестве овьетаха фанген-коваха Суинат Пива находится в курсе того, что Талман-ковах, опираясь на свои возможности, ожидает перемирия между нашими силами и Соединенными Штатами Земли.

Драки оживленно заговорили между собой. Всех заставил смолкнуть низкий голос, свидетельствующий о почтенных летах.

— Соам, насколько обоснован этот прогноз?

— Он обоснован всеми средствами, имеющимися в распоряжении коваха, уважаемый Зай.

— Это чрезвычайно важно, — прошипел Зай Каида. — Почему о прогнозе не информирована Палата?

— Просто есть... Тише! — Дракское начальство притихло, и Тора Соам продолжил: — Осуществимость прогноза и польза перемирия зависят от множества параметров. Перемирие последует немедленно после сражения, о котором тоже уже многое известно. Это — вопрос тактики; Палата и Флот скоро получат наши выкладки в свое распоряжение.

— Какое это имеет отношение к людям, Соам? — спросил кто-то.

— Викава Минозе, вы заведуете Денве Иркмаан. Но говорили ли вы когда-нибудь с людьми?

— Нет, — прозвучало после паузы. — Что же из этого следует?

Тора Соам тоже не спешил с ответом.

— Перемирие может продлиться совсем недолго, после чего опять возобновятся бои; а может произойти и так, что установится мир. По случаю перемирия драки и люди встретятся для того, чтобы разрешить свой конфликт мирными средствами. Состоятся переговоры. Согласно прогнозам Талман-коваха, вы пятеро, либо ваши заместители, будете представлять на этих переговорах Палату драков при условии, что упомянутое сражение произойдет на предстоящей неделе.

— Враг есть враг, овьетах, — возразил Викава Минозе. — Мы просили вас объяснить, почему за столом присутствуют эти... люди.

Ответ Торы Соама прозвучал медленно и раздумчиво:

— Начав переговоры с людьми, вы будете располагать возможностью положить конец этой войне. Будет у вас и иной путь — швырнуть три сотни миров, дракские и людские, в пекло взаимного истребления.

— Ответьте нам, Соам, какое это имеет отношение к присутствию здесь этих... других гостей? — не выдержал Зай Каида.

— Все очень просто, уважаемый Зай. Что бы ни воспоследовало — мир или возобновление войны, — здравый смысл диктует, что наилучший способ последовать талме — сделать разумный выбор, а не пойти на поводу у невежества, злобы или случайности. Для того чтобы согласиться с этим утверждением, не обязательно заглядывать в диаграммы. Если у всех вас появится хотя бы минимальный опыт общения с людьми и понимания их мышления, шансы разумного проведения и успешного исхода переговоров резко возрастут...

— Погодите! — раздался вдруг голос Торы Кия.

— Уважаемые гости, перед вами Тора Кия, мой первенец. Почему ты нас прерываешь, Кия?

Приблизились громкие шаги.

— Увы, родитель мой, ты не учел в своей игре двух важнейших участников переговоров. Где Маведах? Где Фронт Амадина?

Рада Кия презрительно фыркнул.

— Я отказываюсь вести переговоры с Фронтом. Или это отвечает замыслу вашей игры? — осведомился он у Торы Соама и снова обратился к Кия: — Интересы Фронта будут представлять Соединенные Штаты Земли, а интересы Маведах — Палата драков.

Тора Кия усмехнулся.

— О нет, уважаемый родительский гость! Интересы Палаты драков и интересы Маведах — не одно и то же.

Сержант Бенбо впервые подал голос:

— Рада Кия, если Фронт не примет участия в переговорах, мира не видать. Если такие переговоры начнутся, Фронт Амадина обязательно захочет послать на них собственного представителя. Фронт желает завершения войны, но на определенных условиях. То же самое можно сказать о Маведах.

— Как твое имя, человек? — обратился Тора Кия к сержанту Бенбо.

— Эмос Бенбо.

— Служил ли ты на Амадине, Эмос Бенбо?

— Да. А ты?

— И я.

— Кия и этот человек правы, — сказал Зай Каида. — На переговорах должно быть четыре стороны. Предлагаю включить Тору Кия как представителя Маведаха и Эмоса Бенбо как представителя Фронта Амадина.

Джоан услышала, как встает Мицак. Голос его звучал взволнованно.

— Я не желаю участвовать в этой игре, овьетах. Я — ученик Талман-коваха. Поэтому мои приоритеты и мой метод мышления не позволят мне полноценно действовать в роли представителя земной стороны.

— Вы — человек, Мицак, — безапелляционно заявил Тора Соам. — Каковы бы ни были ваши взгляды и метод мышления, первое, с чем придется свыкнуться переговорщикам-дракам, — это ваше лицо.

Джоанн услышала, как Мицак снова садится.

— Итак, уважаемый Зай, в заседании участвуют все четыре стороны. Кто начнет?

— Подобными играми предпочтительнее было бы заниматься в стенах коваха, — проворчал Зай. — Что ж, пускай все стороны сформулируют свои цели: чего каждая сторона намерена достичь на переговорах. Когда мы познакомимся с диаграммами...

— Никаких диаграмм не будет, первый заместитель, — прервала его Джоанн. — Люди-переговорщики не знакомы с талмой.

— Но у людей должен существовать какой-то ее эквивалент.

— Ситуационная оценка, формулировка цели, прокладка пути не являются у людей систематизированными дисциплинами.

Первый заместитель председателя Палаты Зай нетерпеливо засопел.

— Так или иначе они ставят перед собой цели.

Мицак не сдержал усмешки.

— Ставят: силой, напыщенностью, гладкозвучными, но полными субъективизма фразами, которые нельзя воспринимать буквально. Истинную цель придется выискивать в словесном тумане, которого они напустят, и в их действиях, которые будут скорее всего противоречить и толике правды, содержащейся в их словах.

На дракской половине стола установилась недоуменная тишина. Наконец овьетах фанген-коваха Суинат Пива не удержался и со смехом проговорил:

— Мне понятен замысел вашей игры, Тора Соам. Очень разумно. Примите мои поздравления.

— Благодарю вас, Пива. Мы можем продолжить.

— Конечно. Но поскольку в основе этой войны лежит Амадин, пускай первыми выскажутся Фронт и Маведах.

Джоанн почувствовала, как Бенбо встает с места.

— Кажется, я могу сэкономить вам время. Позиции Фронта и Маведах схожи. Фронт не успокоится, пока все до одного драки на Амадине не погибнут или не будут удалены с планеты.

Он сел. Слово взял Тора Кия.

— Маведах тоже не согласится на иное решение, кроме полного истребления либо удаления с Амадина всего человеческого населения. Оставляет ли это хоть какую-то надежду на решение задачи, Тора Соам?

— По всей видимости, нет, Кия. Однако ты, надеюсь, уже обратил внимание, насколько ошибочно полагаться в своем ответе на одну видимость. Джоанн Никол, не выступите ли вы от имени Соединенных Штатов Земли?

Она потерла виски, освежая в памяти предания Талмана. Вся талма состояла из правильного выбора целей и ограничения желаемого рамками возможного. Однако ей было трудно мысленно разложить все по полочкам.

— Я бы сперва выслушала позицию Палаты драков.

Драки ответили на это одобрительным бормотанием. Потом слово взял Зай Каида.

— В самых общих чертах, мы бы предложили прекращение боевых действий или по крайней мере ограничение их непосредственно Амадином. Дракский флот оставался бы в полной боевой готовности, как и вооруженные силы Соединенных Штатов. Однако между ними больше не происходило бы столкновений.

— Прекращение огня?

— Совершенно верно.

Джоанн поразмыслила над словами Зая Каиды.

— Если война на Амадине может продолжаться без вмешательства обеих сторон, то зачем мы вообще воюем? Перемирие должно распространяться и на Амадин. Враждующие стороны должны быть разделены охраняемой демилитаризованной зоной.

— Кто будет охранять демилитаризованную зону? — осведомился Зай Каида.

— Третья сторона, приемлемая для вас и для нас, или совместные дракско-земные силы.

— С этим можно бы было согласиться. Но проблемы с Амадином это не решает. Эмос Бенбо?

— Да?

— Какой была бы позиция Фронта, если бы мы заключили перемирие и организовали демилитаризованную зону, как предлагает Джоанн Никол?

— Позиция остается неизменной: Фронт не сложит оружия, пока на Амадине не погибнет последний драк.

— А как же демилитаризованная зона?

— При чем тут она?

Джоанн дернула Бенбо за руку.

— Хватит придуриваться, Эмос!

Она почувствовала, как его мышцы каменеют под ее пальцами.

— Я не придуриваюсь. Тора Кия знает, что я не шучу.

— Тора Кия? — удивился Зай Каида.

— Человек говорит правду. У Маведах с людьми старые счеты. Маведах не согласится ни на что другое, кроме полного очищения Амадина от людей.

— Ваша позиция, Эмос Бенбо, не позволяет заработать механизмам талмы. Ваша сторона должна проявить хоть какую-то гибкость, в противном случае конфликт не будет разрешен.

— Пускай Маведах проявляет гибкость.

Тора Кия засмеялся.

— Родитель мой, твоя слепота кромешнее слепоты Джоанн Никол. Разве ты не видишь, что Фронт и Маведах презирают любые правила?

На них не распространяется ни талма, ни представление о конечной цели. Они даже готовы пойти наперекор собственным интересам. Маведах желает полного уничтожения Фронта, Фронт — полного уничтожения Маведах, и точка!

— Это ни к чему нас не приведет, Кия.

— Родитель мой, пока ты сам не побудешь на Амадине, ты не поймешь, к чему приводит подобная позиция. Но я и так скажу тебе, к чему она приводит. Она приводит к смерти. На Амадине царствует смерть.

Джоанн услышала шаги Кия, покинувшего комнату. Заговорил Бенбо, повторив Торе Соаму примерно то же, что только что вещал Тора Кия. Джоанн тем временем вспоминала короткий, но памятный момент отступления тзиен денведах во время штурма укреплений «Сторм Маунтейн».

Пространство сжалось в тот момент до крайности. Драки обращены в бегство — вот единственное, что принималось тогда во внимание, все остальные соображения перестали существовать. На холодную голову было бы нетрудно сообразить, что сопротивление все равно бессмысленно. Однако на Кетвишну не нашлось людей с холодной головой на плечах. Каждый думал только о сведении счетов с драками и плевать хотел на все остальное.

Голос Торы Соама проник в ее сознание, несмотря на усиливающуюся головную боль.

— Что скажете на это вы, Джоанн Никол?

Она встала.

— Я возвращаюсь к себе. Ваша игра не дала результата, Тора Соам. И дело не в том, что кто-то из нас желал именно такого исхода. Просто провал был неизбежен. Если перемирие заключат, оно вскоре будет нарушено, ибо иного не дано. Война возобновится. Прежде чем появится решение, прольется еще немало крови. — Она вытянула руку. — Баадек!

Драк поймал ее руку.
— К вашим услугам.
— Проводи меня. Хватит с меня этих глупостей!

12

В отсутствие ключа дверь — это часть стены. В отсутствие двери ни к чему ключ. Дверь и ключ к ней вместе представляют собой проход для разума. В отсутствие разума ни ключа, ни двери, ни прохода не существует.

Предание о Лите, Кода Овсинда, Талман

Среди ночи она очнулась; в голове шевелились обрывки привидевшегося кошмара, губы сами шептали имя Маллика. В коридоре раздались и стихли чьи-то тяжелые шаги. Вспомнив, что все двери плотно закрыты, Джоанн облегченно перевела дух и дала волю мыслям. Подобно Эаму из предания, узнавшего напряжением мысли о скорой гибели планеты Синдие, Джоанн положилась на силу собственных мыслей.

Тело раскалывалось от боли. Поняв, что это томление по Маллику, она заставила себя забыть боль. Ей было о чем поразмыслить, помимо зова плоти.

Званый ужин у Торы Соама... Хороший замысел, завершившийся полным крахом. Человек столь же высокого ранга, как хозяин дома, пригласивший к себе вершителей судеб своей расы, счел бы себя униженным и раздавленным. Гости чувствовали бы себя не лучше. Однако выходя вместе с Баадеком из комнаты, Джоанн услышала, что драки возобновили беседу как ни в чем не бывало — мирно, даже дружески.

Шло обсуждение *игры* — подобно тому, как люди обсуждают только что законченную карточную партию. В голове тут же прозвучал сигнал тревоги: ведь эти существа — не люди, и речь идет о далеко не шуточных делах.

Между тем она не случайно все чаще забывала, что имеет дело не с людьми. Всех их вполне можно было себе представить и в человеческих ролях.

Баадек оставил Джоанн у ее двери, чтобы вернуться за Бенбо и Мицаком. Казалось бы, она сгорала от желания наговориться с людьми, однако как только ей захотелось побыть одной в

комфортабельных апартаментах, она прибегла к помощи Баадека. Почему?

Она села и протерла глаза. С тех пор, как перед ней померк свет, она неустанно обобщала свой опыт общения с драками и находила для них человеческие аналогии.

Венча Эбан, драк, моющий полы в больнице — чирн-ковахе... Это был, конечно, драк, и она отлично это знала, тем не менее называла его про себя «нянечкой-уборщицей». И неспроста: Эбан был простым и симпатичным работягой.

Или Баадек, старый слуга в семье... Джоанн представляла его бывшим рабом из банальной киноистории: вот он бежит, размазывая слезы по черной физиономии, навстречу старому хозяину, возвращающемуся с войны.

А кто же Тора Соам, черт возьми?

Вопрос потонул в окружающей ее темноте, сменившись четким ответом: отец Маллика, Элием Никол! Всегда, насколько она помнила, Элием Никол был единственным знатоком законов и советчиком на все случаи жизни в рыбацкой деревушке Кидеже, спокойным и рассудительным. Любая проблема односельчан рано или поздно находила разрешение благодаря его усилиям.

Чаще всего положительное решение практически ничего не стоило попавшему в переплет. Тем не менее все хорошо знали, что Элием далеко не альтруист: он решал задачки из любви к искусству. Ему удалось заразить этой страстью и Джоанн. Чем сложнее и абстрактнее была задачка, тем сильнее было желание девушки ее решить.

Элиема величали в Кидеже «судьей» задолго до его назначения на эту должность. Тора Соам был таким же, как Элием Никол, мировым судьей, только с другим, чужим голосом; впрочем, даже голос его становился с каждой секундой все менее чужим.

Высокопоставленных драков по другую сторону стола она представляла себе седым и тучным земным начальством. Зай Каида, первый заместитель председателя Палаты, даже был награжден в ее воображении конкретной внешностью, лицом. Она долго ломала голову, откуда взялось это лицо, и в конце концов вспомнила: генерал Делл, начальник штаба в гарнизоне «Сторм Маунтейн»! Старый снисходительный генерал Делл...

Морио часто говорил, что генерал удочерил Джоанн. В некотором смысле так оно и было.

Она покачала головой. Ей представлялось, что она находится в центре громадного лабиринта, что ей навязано участие в игре без правил и без промежуточных и конечных целей. Как тут было не вспомнить Литу, дразнившего своих учеников игрой в «я выиграл!» и ловившего их в сеть непознаваемой логики! И все же она ощущала настоятельную потребность постигнуть конечную цель, понять правила игры.

Одно было ей известно наверняка: эти создания — не люди, а драки. Немедленно подступившая к горлу тошнота способствовала развитию этой мысли: не просто не люди, а недруги, даже смертельные враги.

О, если бы она могла видеть! Только бы прозреть!

Оказавшись на самом краю бездонного колодца жалости к самой себе, она в ужасе отшатнулась. И тут же с ней заговорил Намваак со страниц Талмана:

«...И сказал Намвааку ученик:

— Джетах, Вселенная тонет в кромешной тьме. Зло это так всесильно, а я так мал и беспомощен! По сравнению с ним чернота смерти кажется ярким светом.

Намваак посмотрел на искривленный клинок и отдал его ученику.

— Там, где стоишь сейчас ты, дитя мое, стоял до тебя Тохалла. Он тоже пребывал в полной темноте, у него тоже был нож. Но еще у Тохаллы была талма».

Она резко села и напрягла слух, уловив новые колебания в воздухе. Потом она стала крутить головой в разные стороны, тщетно пытаясь определить направление, откуда доносится звук. Однако из-за нарочитой искривленности стен спальни, поглощающих звуки, ей казалось, что этот звук плывет к ней отовсюду.

Джоанн встала, добралась до двери и распахнула ее. Звуки стали чуть громче; она уже была готова определить их как нечто среднее между хрустальным перезвоном и дрожанием гитарных струн.

Музыка... Ноты, впрочем, не подчинялись привычной последовательности; то были скорее непостижимые метания по нотному стану, внушающие тоску и чувство одиночества.

Она нажала панель, отпиравшую все двери сразу, и ощупью переместилась ко входу в апартаменты. Звуки доносились откуда-то слева. Она колебалась: в эту сторону ей еще не приходилось удаляться.

Уперевшись левой ладонью в каменную стену коридора, она побрела на звук. Пока она шла, музыка несколько раз прерывалась, а потом возобновлялась; непонятная мелодия всякий раз сменялась другой, но не более понятной. Так она двигалась, пока резонанс не подсказал, что она добралась до просторного помещения с высоким потолком. Она оттолкнулась от стены, вошла в дверь и опять привалилась к стене.

Музыка, которой она внимала, звучала все тоскливее. Джоанн позволяла музыке вливаться ей в душу, не проводя сравнений и отбросив все пристрастия. Музыка задела в ее душе болезненные струны, вызвав знакомые, но в то же время не поддающиеся определению чувства.

Музыка стихла, но для Джоанн она еще продолжала звучать.

— Кто здесь? Отзовитесь! — Голос принадлежал Торе Кия.

— Разве вы меня не видите?

— Нет, здесь темно. Чего вам надо?

— Я услышала, как вы играете. Я думала, что из-за руки вы больше не можете играть...

— Я могу играть оставшейся рукой.

Он шагнул к ней. Она напряглась, но Кия всего лишь взял ее за руку и подвел к дивану. Сев, Джоанн услышала, как драк отходит и снова берет инструмент. Поток звуков возобновился.

— Из ваших апартаментов доносился крик.

— Я кричала во сне.

— Баадек сказал мне, что вы не донесли моему родителю о том, что произошло в машине. Я благодарен вам за это.

— Я промолчала скорее ради Баадека, чем ради вас, Кия.

Он ответил негромким смехом:

— Разумеется. И все же я прошу у вас прощения за свое поведение и благодарю вас за ваше.

Она промолчала, и Кия заиграл снова. Звуки были нечеловеческими, как и сама тидна — арфа со стеклянными струнами. Зато теперь звучала совершенно иная музыка. Джоанн откинула голову на спинку дивана и прислушалась, стараясь понять значение неведомых музыкальных фраз. Музыка все время менялась; наконец зазвучало нечто знакомое.

— Что это, Кия?

Музыка смолкла.

— Мое собственное сочинение. Я написал его на Амадине. Оно вам что-то говорит?

— Здесь слышна человеческая музыка, темы из человеческих произведений. Я их узнала.

— Поймите, Джоанн Никол, сочинение, рожденное среди крови, заливающей Амадин, было бы ложью, если бы в нем звучали чувства одних бойцов Маведах, но не участников Фронта. Ваш композитор, Чайковский, мыслил точно так же, сочиняя музыку о войне: у него звучат мотивы как его собственного народа, так и вражеские.

— А что вы вообще знаете о музыке людей?

Он помолчал. Тидна была без особых церемоний поставлена на пол.

— Этот ваш Мицак сказал кое-что, показавшееся мне правдой. После игры, затеянной моим родителем, он спросил у меня, в чем различие между невежеством и глупостью, и сам же ответил на свой вопрос: невежество — добровольная глупость. Такое впечатление, что Мицак имел в виду всех нас: и людей, и драков.

— Игра вашего родителя? Так вы знали, Кия, что это игра? Ваши речи были частью вашей роли?

— Конечно!

— Зачем? Зачем вы приняли в этом участие?

— Мы живем по талме и потому все время играем. К тому же Тора Соам — мой родитель. Для игры ему потребовалась моя ненависть.

— Но вы знали, что это — игра?

— Все это — игры, Джоанн Никол. Все сущее — игра. Неужели, слушая в чирн-ковахе Талман, вы так ничего и не усвоили?

Джоанн услышала, как он снова берет свой инструмент. Прозвучало несколько аккордов, потом звуки оборвались так же внезапно, как возобновились.

— О Чайковском я знаю по той же причине, по какой мой родитель знает о поведении людей и других рас. Все подробно изучено. Я изучал музыку. Мой родитель изучал жизнь. Ведь перед войной люди изучали нас — разве нет?

— Изучали.

— Наши средства обработки информации благодаря развитию талмы многократно превосходят ваши. — Причудливая мелодия, навеянная пережитым Кия на Амадине, заполнила комнату. — Мой родитель владеет всеми возможными сведениями о людях, включая их знания.

— Но разведка Соединенных Штатов Земли...

— Это несерьезно. Вы подходите ко всему бессистемно и поверхностно, а мы заглядываем вглубь.

— Но все равно не можете избежать войны.

— Не можем, Джоанн Никол. *Мы* не можем.

Вновь зазвучало амадинское сочинение Кия; Джоанн буквально видела каждую ноту. Но были и провалы — места, где полагалось быть звукам, останься у исполнителя вторая рука.

— На этом можно было бы поставить точку. — Тидна опять была поставлена на пол. — Вы заметили места, которые должна бы была сыграть ампутированная рука?

— Да.

— Сочинение изменило бы духу Амадина, если бы в нем были все положенные ноты. Моя песня — калека, как и ее исполнитель.

Кия еще немного поиграл и опять прервался.

— Как странно, Джоанн Никол... В темноте, как, например, сейчас, я воспринимаю вас не как человека. И у вас перед глазами тьма. Чувствуете ли вы то же самое, что и я?

— Да. Для меня вы и я — просто... одушевленные существа.

— Я услышал ваш крик и отправился на разведку.

— Это был просто страшный сон, Тора Кия. Я в полном порядке.

Помолчав, Кия встал и шагнул к двери.

— Мне тоже снятся сны, Джоанн Никол. — Тора Кия боролся с обуревающими его мыслями и непрошеными речами. — Мне бы... Есть вещи... Мне о многом хотелось бы поговорить.

— Вот и поговорите со своим родителем.

Тора Кия обреченно засмеялся и двинулся к двери.

— Отдыхайте, Джоанн Никол.

— Подождите! — Она села прямо. — Почему со мной? Почему вам хочется говорить со мной?

Ответ драка прозвучал так, словно он исповедовался в величайшем грехе.

— С ними я не могу разговаривать о войне. О моей войне — не могу. Родитель всегда остается беспристрастным исследователем, Баадек никогда не воевал. А вы — солдат.

— Я — человек.

— Человек-солдат. — Тяжелые ботинки потоптались перед ней, и Тора Кия опустился на диван слева от нее. — Вы понимаете, что у меня больше общего с вами, чем с моей собственной расой?

Через мгновение тишина сделалась невыносимой.

— Я вас слушаю.

— Это какое-то извращение: я пришел говорить именно с вами! Но и сама война — извращение.

В ноздри Джоанн ударил резкий запах «пастилки счастья».

Тора Кия молчал так долго, что она уже решила, будто он задремал. Но он нарушил молчание.

— Иногда мне кажется, Джоанн Никол, что я опять в бою: запахи, звуки, крики — все как настоящее! Потом я снова оказываюсь в безопасности, в родительском доме. Я боюсь за свой рассудок. — Тора Кия засмеялся. — Врачи в чирн-ковахе говорят, что из-за этого я не могу родить. Мол, мои мысли не позволяют произойти зачатию. Скоро я состарюсь, и акт зачатия будет грозить моей жизни. Таким образом, прервется род Тора. — Он вздохнул. — Пастилка развязывает язык и мысли, но притупляет чувства.

Одного запаха наркотика хватило, чтобы у нее помутилось в голове. Положив руку на руку Кия, она нащупала коробочку с пахучим наркотиком. Прикоснувшись к нему кончиком пальца, она лизнула палец. Сначала она ощутила во рту горечь, потом ее охватили тепло и нега...

Вспышки света, скрежет металла, кровь, обломки костей, ошметки плоти, лицо с содранной кожей, грязевая топь...

В темноте по-прежнему звучал голос Торы Кия; голос этот свидетельствовал о боли и требовал понимания; это был собеседник, способный понять ее саму.

— Я тоже вижу войну, Кия. И наяву, и в снах. — От наркотика у нее кружилась голова. Она опустила ее на плечо Кия. — Как бы мне хотелось... Если бы мы могли...

Плечо Кия заколебалось от смеха.

— Иногда мне кажется, что Ааква по-прежнему жестоко забавляется со своими тварями.

...Откуда-то издалека звучал рассказ Кия об Амадине и тамошних ужасах; слушая его, Джоанн видела ужасы «Сторм Маунтейн» и кричала от страха. Ее плечи обняла рука, она

прижалась лицом к груди Маллика, рука стала гладить ей лицо. Чужая рука, чужое лицо...

— Джоанн... Теперь ты в безопасности, Джоанн.

...Ей показалось, что она падает с головокружительной высоты. По лицу скользнуло что-то мягкое, потом раздался звук поспешно удаляющихся шагов...

— Джоанн Никол! Джоанн Никол!

Она открыла глаза, села прямо, снова закрыла глаза.

— Баадек?

— Баадек. Со мной человек, Мицак. Почему вы спите здесь?

Джоанн сжала пальцами виски. Голова отчаянно гудела.

— Что вам обоим от меня понадобилось?

— Я пришел, чтобы пригласить вас на утреннюю трапезу, тщетно осмотрел ваши апартаменты и обратился за помощью к Мицаку. Утренняя трапеза и Тора Соам по-прежнему вас дожидаются.

Она уронила руки на колени.

— Я не голодна. Хочу вернуться к себе.

— К вашему сведению, майор, в утреннюю трапезу входит напиток если и не со вкусом кофе, то хотя бы с теми же свойствами, — вмешался Мицак.

— Сегодня вы еще самодовольнее, чем обычно.

Не дождавшись ответа, она поднялась и позволила драку и землянину отвести ее сначала в апартаменты, потом в столовую. Там ее, Мицака и Зая Каиду опять представили хозяину, Торе Соаму. Усевшись и получив в руки емкость с горячей жидкостью, она услышала с противоположной стороны стола голос Торы Соама:

— Скажите, Джоанн Никол, в чем привлекательность препарата, который принимает Кия?

Едва не падая в обморок от пульсирующей головной боли, она ответила:

— Понятия не имею!

— Прежде запах этого препарата исходил только от моего чада, теперь же он исходит и от вас.

— Я его обычно не употребляю. В этот раз я прибегла к нему, чтобы расслабиться и побороть реакцию отторжения.

— С какой целью?

Она оставила этот вопрос без ответа, попивая горячую жидкость.

— С какой целью, Джоанн Никол? Объясните хоть вы, Мицак.

— Цели могут быть самые разные. Я не могу прочесть ее мыслей.

Голос драка стал угрожающим.

— Вы ходите по тонкому льду, человек!

— И тем не менее ее мыслей я прочесть не могу. Как и мыслей Кия. Обращайтесь за ответами к тем, кто способен их дать.

— Ты смеешь цитировать Талман драку, мне? — После многозначительной паузы Тора Соам спросил: — Вы сами когда-нибудь принимали этот препарат, Мицак?

— Да. Но я способен объяснить вам только то, с какой целью это делал я, но не она.

— С какой же?

— Я могу ответить, но не имею желания. Вас это не касается.

После продолжительного молчания Тора Соам тихо проговорил:

— Все мы находимся под влиянием сегодняшних обстоятельств.

Остаток трапезы прошел в гробовом молчании.

Позже, когда унялась головная боль, Джоанн Никол медленно брела в солнечных лучах по древней, выложенной камнем тропе имения Тора. Ее вели, поддерживая с обеих сторон под локти, Баадек и Мицак. Одна рука принадлежала человеку, но по прикосновению она не могла отличить ее от руки драка.

— Мицак, вы ведете с Торой Соамом опасную игру, — сказал Баадек.

— Не опаснее вашей, Баадек.

— Полагаю, вам понятно, что разница все же есть.

Мицак горько усмехнулся.

— Формально есть, но не по существу. Тора Соам не... сам не свой в эти дни.

— Ты в своем уме, человек?

Джоанн остановилась, заставив остановиться и своих провожатых.

— Если вы намерены и дальше вести столь же загадочную перепалку, то введите меня в курс дела или уйдите прочь.

— Оставить вас здесь мы не можем, — ответил Баадек. — Вы не найдете дорогу назад. Мы можем поговорить о другом.

— Вот и хорошо. — Джоанн двинулась дальше, увлекая их за собой. — Как поживает Тора Кия?

— Вы напомнили мне об одном деле... Придется оставить вас на Мицака.

Баадек поспешно устремился вперед.

— Что происходит, Мицак?

— Все непросто.

— Не беда, я быстро схватываю. Объясните.

Мицак вздохнул и ничего не ответил. Однако через несколько минут раздался его голос:

— Ваша ночная встреча с Кия всех переполошила.

— Вы о чем? О «пастилке счастья»?

— Нет. — Пауза. — Никол, как вас угораздило вступить с Тора Кия в сексуальную связь?

Она почувствовала, что краснеет, и остановилась как вкопанная.

— Вы бредите! Черт, Мицак, вы запамятовали, что мы имеем дело с гермафродитами?

— И тем не менее...

Она вырвала у него свою руку.

— Идите к черту!

— Вы спросили меня, что происходит, чтобы получить ответ или чтобы устроить сцену?

— Почему бы вам не уйти, Мицак, и не заняться своими, уж не знаю какими, делами?

— Вы хотите, чтобы я вас отвел?

— Сама доберусь.

Мицак, поколебавшись, быстро зашагал прочь. Его шаги стихли. Джоанн осталась стоять в раздумьях, подставляя лицо солнцу и ветерку. Сексуальная связь...

Абсурд какой-то! Кроме того, что они гермафродиты, органы размножения запрятаны у них черт знает где!

Она отвернулась от солнца и нащупала ногой в сандалии край тропы. Каким образом человек — не важно, мужчина или женщина — может вступить в сексуальную связь с драком? Достаточно было краткого курса дракской биологии, чтобы развеять любые извращенные фантазии насчет возможности совместных любовных забав драков и людей. Мужские и

женские органы размножения были спрятаны у каждой особи драка в нижней части живота, в особой складке.

Согласно древнему Истинному учению Ааквы, Рада сказал, что по закону каждый третий ребенок должен рождаться от слияния жидкостей двух разных особей. Складки могли растягиваться, чтобы позволить совокупление, однако участие в этой гимнастике человека можно было представить только как следствие сложной хирургической операции.

И все же в голову лезло невесть что... Ночью, когда она заплакала, ее плечи обвила рука, она спрятала лицо на груди Маллика, рука которого стала гладить ей лицо. Чужая рука, чужое лицо...

«Джоанн... Теперь ты в безопасности, Джоанн».

Ковыляя назад в апартаменты, она не могла избавиться от этих воспоминаний.

13

Порой вам станет являться ослепительное видение, которое затмит вам взор и ум, провозглашая себя Правдой. Вам остается отпрянуть и без устали разить это видение, словно перед вами чудище, питающееся вашим мозгом.

И только если, лежа перед вами, поверженное и на последнем издыхании, оно будет по-прежнему именовать себя Правдой, вы должны его принять, хотя и с большой оглядкой, памятуя, что самая опасная ложь всегда облачается в самые блистательные латы.

Айдан и Вековая война. Кода Итеда, Талман

После вечерней трапезы она сидела на подушках в комнате для музицирования, держа на коленях тидну и пытаясь наигрывать неумелыми пальцами бледное подобие амадинского сочинения Кия. Услышав знакомые шаги, она не прервала игры, а только спросила:

— Где ты провел сегодняшний день, Кия?

Шаги стихли, и она услышала, как драк опускается на мягкие подушки напротив нее.

— Твоя игра достойна сожаления, землянка.

Она перестала играть и поставила инструмент на пол.

— Кия, прошлой ночью...

— Не хочу об этом говорить.

Она улыбнулась.

— Тогда зачем ты пришел?

— Услышал игру и поспешил на выручку своему инструменту. — Драк долго молчал и все же, с запинкой, задал вопрос: — Что значила прошлая ночь для тебя, Джоанн Никол?

Она положила руки на колени.

— Точно не знаю. На мгновение я отождествила тебя со своим мужем — бывшим мужем, давно погибшим. Я так нуждалась в уверенности и покое...

— И ты обрела все это?

Она медленно кивнула головой.

— Да, обрела. А чем стала прошлая ночь для тебя?

В комнате сильно запахло наркотиком Кия.

— Хочешь?

— Нет. Так чем стала для тебя прошлая ночь?

— Видимо, тем же, чем и для тебя.

— Что-то не верится, Кия. Все имение Тора страшно переполошилось из-за этого события. Никак не пойму почему. Ты все им рассказал?

— В этом не было необходимости. Мы с тобой находимся в капкане тщательно продуманной талмы. Но событие прошлой ночи не было предусмотрено — следовательно, все, знакомые с талмой, отлично о нем осведомлены.

— Ты расскажешь мне обо всем этом подробнее?

— Не могу...

Кия встал и поспешно удалился.

Опершись на локти, она просидела в безмолвном одиночестве не меньше часа, пока какая-то неуловимая перемена в атмосфере не принудила ее вскочить и прислушаться.

Сам воздух пришел в движение; она чувствовала, как под ногами вибрирует пол, слышала легкое подрагивание стекол. То были докатывающиеся издалека ударные волны. Джоанн ощупью добралась до каменной стены, положила на нее ладони и двинулась к окну.

Вибрация усилилась, и вдруг раздались звуки характерных разрывов ультразвуковых боеголовок.

— Черт возьми!

Вооруженные силы Соединенных Штатов Земли атаковали планету Драко.

Она попятилась от окна и выскочила в коридор, неоднократно натыкаясь по пути на острые углы и падая. В коридоре она свернула налево и заскользила пальцами правой руки по стене, нащупывая дорогу к апартаментам. Вбежав к себе, она первым делом закрыла дверь в коридор, проскользнула в спальню и затаилась там.

Грохот атаки становился все оглушительнее. Она зарылась лицом в подушки, набросила на голову простыню, как ребенок, спасающийся от темноты. Увы, от темноты, окружавшей ее, спасения не было.

Зловещий вой и грохот прервались так же внезапно, как начались. Она села на кровати и, вцепившись в угол подушки, приготовилась ждать, когда за ней придут.

...Ей приснился сон. Нет, то был не сон, а калейдоскоп впечатлений, обрывки не умещающегося в воображении целого...

...Они обсуждали игру так, как люди обсуждают состоявшуюся партию в бридж или покер...

В чирн-ковахе ее поместили в палату, где все было приготовлено для лишения ее органов чувств какой-либо информации: она ничего не видела, ничего не могла нащупать, почти ничего не слышала. Потом в виде развлечения ей был пожалован Талман.

Чуждость всего, что ее окружало, полное неведение обо всем превратилось в едва ли не знакомую обстановку — и все благодаря тому, что над другими ее чувствами не могли возобладать зрительные образы.

Из головы не выходила тревожная мысль: ею владеет просто любопытство, но стоит прозреть — и ее охватит животный ужас...

«Для Торы Соама война — гигантская головоломка, которую он стремится разгадать, увлекательная задачка. Родитель, по-моему, наслаждается ее масштабами и сложностью. Вы и я — всего лишь два параметра среди триллионов, из которых состоит головоломка».

...Они прошли крещение в огненной купели и выжили, чтобы торжествовать при виде отступающей дракской пехоты.

Рядом с Джоанн упал в грязь Морио Тайзейдо. До нее донесся его хриплый голос:

— Если бы сейчас меня настигла смерть, я бы умер счастливым. Мы их опрокинули! Это же надо, черт возьми, опрокинули!

...Не была ли эта радость призывом к сражению, к войне, к смертоубийству; если да, то как быть со здравыми суждениями?

Все правила были попраны, последствия происходящего не принимались в расчет, не учитывалось ничто, кроме одного: драки отступают! В тот крохотный отрезок времени остатки гарнизона торжествовали победу...

— ...Ты не учел двух важнейших участников переговоров. Где Маведах? Где Фронт Амадина?

Рада Кия презрительно фыркнул.

— Я отказываюсь вести переговоры с Фронтом. Или это соответствует замыслу вашей игры? — осведомился он у Торы Соама и снова обратился к Кия: — Интересы Фронта будут представлять Соединенные Штаты Земли, а Палата драков — интересы Маведах.

Игра?

Тора Кия усмехнулся:

— О нет, уважаемый родительский гость! Интересы Палаты драков и интересы Маведах — не одно и то же.

Сержант Бенбо впервые подал голос:

— Рада Кия, если Фронт не примет участия в переговорах, мира не видать. Если такие переговоры начнутся, Фронт Амадина обязательно захочет послать на них собственного представителя. Фронт желает завершения войны, но на определенных условиях. То же самое можно сказать о Маведах.

...Зай проворчал:

— Что ж, пускай стороны сформулируют свои цели: чего каждая сторона намерена достичь на переговорах. Когда мы познакомимся с диаграммами...

— Никаких диаграмм не будет, первый заместитель, — прервала его Джоанн. — Люди-переговорщики не знакомы с талмой.

— Но у людей должен существовать какой-то ее эквивалент.

— Ситуационная оценка, формулировка цели, прокладка пути не являются у людей систематизированными дисциплинами.

Первый заместитель председателя Палаты Зай нетерпеливо засопел:

— Так или иначе они ставят перед собой цели.

Мицак не сдержал усмешки...

«...Талман-ковах, опираясь на свои возможности, ожидает перемирия между нашими силами и Соединенными Штатами Земли».

«Осуществимость прогноза и польза от перемирия зависят от множества параметров. Перемирие последует немедленно после сражения, о котором тоже уже многое известно...»

«...Что бы ни воспоследовало — мир или возобновление войны, — здравый смысл диктует, что наилучший способ последовать талме — сделать разумный выбор, а не пойти на поводу у невежества, злобы или случайности. Для того чтобы согласиться с этим утверждением, не обязательно заглядывать в диаграммы...»

...Внезапно перед ее мысленным взором предстали, как персонажи на сцене, герои «Предания о Лите» из «Кода Овсинда».

Лита изобрел для своих учеников игру...

...На дракской половине стола установилась недоуменная тишина. Наконец овьетах фанген-коваха Суинат Пива не удержался и со смехом проговорил:

— Мне понятен замысел вашей игры, Тора Соам. Очень разумно. Примите мои поздравления.

Поздравления?

Игра?

Хороши игрушки...

Ее разбудило собственное прерывистое дыхание. Она лежала на боку, вцепившись в край подушки. Ее окружала мертвая тишина. Налет кончился.

Она выпустила подушку и села. Сны стали стремительно тускнеть, дробиться... Желудок подсказывал, что она пропустила завтрак.

Почему за ней не зашел Баадек?

Она встала, добралась до двери и открыла ее, а также дверь комнаты для встреч. Из коридора не доносилось ни звука, что свидетельствовало о том, что входная дверь заперта, и служило ответом на вопрос о непоявлении Баадека. Закрытая входная дверь была равнозначна для драка табличке «Не беспокоить».

Она отперла входную дверь. В коридоре было тихо. Она потратила несколько минут на умывание и натянула чистое платье, после чего двинулась по коридору вправо. Приблизившись к анфиладе просторных помещений для жилья и досуга, она услышала голоса.

Один принадлежал Торе Кия. Джоанн осталась в коридоре, напряженно прислушиваясь.

— Когда ты приступишь к командованию новым денве, Кия? — спрашивал незнакомый Джоанн голос.

— Пока неизвестно. В настоящее время я выполняю особое задание нашего родителя. Как долго это продлится, предугадать невозможно. А ты? Когда ты возвращаешься в распоряжение денве Итеда?

— Всего через несколько дней. Рана пустяковая.

— Офицер третьего разряда! Наверное, ты самый молодой в денведах, добившийся этого чина. Я горжусь тобой. Наш родитель тоже горд тобой, Видак.

Видак?

Син Видак...

Так звали ребенка, которого она вроде бы вытащила из огня...

Офицер третьего разряда? По голосу не похоже: слишком взрослый...

— После сражения на Файрине IV многие получили повышение, Кия.

Джоанн услышала, как один из беседующих встал и заходил по комнате. Молчание, шаги, затишье.

— Что это?! Будь я проклят! Это человек, Кия!

Джоанн слышала, как Кия выходит в коридор, подходит к ней.

— Ты, верно, все позабыл, Видак? Это же женщина, которая спасла тебя от огня на Дитааре.

Томительная пауза. Наконец драк, откликавшийся на имя «Видак», пробормотал:

— Разумеется... Как вы себя чувствуете этим утром?..

— Джоанн Никол, — подсказал Кия.

— Как вы себя чувствуете этим утром, Джоанн Никол?

Джоанн отпрянула к стене, пытаясь постичь правду и ложь. Ей одновременно хотелось бессильно разрыдаться и разразиться богохульственными проклятиями, но на память вовремя пришел ученик из Ааква-коваха.

«И сказал Шизумаат Намндасу, что проверять надлежит как правду, так и ложь.

— Правду проверяй, принуждая ее солгать; ложь проверяй, принуждая ее к правдивости».

Она протянула руку.

— Ты — Син Видак?

— Да. — После некоторого замешательства теплые пальцы драка сжали ее ладонь. — Очень рад с вами познакомиться, Джоанн Никол.

Джоанн облизнула пересохшие губы.

— Возможно, ты ответишь на вопрос, давно мучающий меня.

— Если мне это под силу.

— Что случилось с тремя твоими одноклассниками, которых я вытащила из огня вместе с тобой?

— М-м-м... — Пальцы драка напряглись. — Они живы и здоровы.

— Все трое?

— Да.

Она выпустила трехпалую руку.

— Их было всего двое.

— Видак был тогда совсем юн и страшно напуган, — вмешался Кия. — Кто же запомнит такие частности при подобных обстоятельствах?

В голове Джоанн вились и пересекались миллионы путей талмы; она то оказывалась в тупике, то натыкалась на решение.

— Я слышала, как Кия назвал тебя офицером третьего разряда, Видак.

Смущенно переминаясь с ноги на ногу, Видак ответил:

— Наверное, нам лучше вернуться к этому разговору позже, Джоанн Никол. Вы нехорошо выглядите.

— Находясь на излечении в чирн-ковахе, я слышала, что ты поступил на службу в тзиен денведах.

— Поступил и служу.

— Сколько времени у вас уходит на начальную военную подготовку?

— Это не...

— Видак, — перебил его Кия, — тебе, видимо, следует сообщить нашему родителю, что Джоанн Никол...

— Сколько длится начальная подготовка, Видак? — повторила она свой вопрос, схватив его правой рукой за запястье. — Ничего, я сама отвечу: моя работа в том и состояла, чтобы знать такие вещи. Начальная подготовка занимает в тзиен денведах один квартал. Потом еще полгода, чтобы стать пехотинцем. А ты — офицер третьего разряда! В тзиен денведах не перепрыгивают через звания; промежуток между двумя званиями никак не может быть короче полугода. Сколько же всего времени продолжался твой рост, драк?

— Прошу вас...

— Сколько? — Она выпустила руку Видака. — Как насчет шести лет? И это — минимум.

Тора Кия фыркнул. Син Видак поспешно удалился от них по коридору.

— У тебя было сильное ранение...

— Но шесть лет, Кия! Шесть лет... Неужели ты будешь меня уверять, что я пришла в себя целых шесть лет тому назад? Здорово же бежит время, когда вы развлекаетесь!

— Не понимаю.

— Мне нужны ответы. Немедленно!

— Геджи! — позвал Тора Кия.

К спорящим кто-то подбежал.

— К вашим услугам, Тора Кия, — раздался голос.

— Попроси моего родителя прийти в зеленую палату.

— У Торы Соама встреча с первым заместителем Заем.

— Скажи моему родителю, что Джоанн Никол столкнулась с Сином Видаком и что Видак оказался несколько старше, чем запомнилось нашей гостье.

— Будет исполнено, Тора Кия. — Драк по имени Геджи с места набрал скорость и понесся прочь по коридору.

Кия взял Джоанн за руку и провел в комнату.

— Не надо ни в чем винить Видака. Просто он не участвует в игре.

Она наткнулась коленями на диван и села.

— Вы рассержены, Джоанн Никол, но это пройдет.

— Я проливала слезы по ребенку по имени Син Видак.

— Знаю.

Опять ее рассудок оказался на распутье: она добралась до нового узла головоломки. Откинувшись, она произнесла:

— Как жаль все-таки, Кия, что драки — гермафродиты!

— Почему?

— Я бы с удовольствием наградила тебя дюжиной разных имен, но ты, с твоим расположением органов, все равно не поймешь, в чем смысл.

— М-м-м...

Из коридора донеслись взволнованные голоса, поспешные шаги. Она услышала, как Тора Соам и Зай Каида по очереди кричат на Сина Видака.

— Бедняга Видак! — грустно проговорил Кия. — Ничего себе, возвращение домой героя тзиен денведах!

14

Произвольная цепочка событий, именуемых нами «случайностью», представляет собой такие же реальные пути, как и те, что спланированы, отражены в диаграммах и осуществлены согласно принципам талмы. Если такая случайность изменяет настоящее в желательном направлении, то данный путь обладает преимуществом: он уже доказал свою действенность.

Предание о Лите, Кода Овсинда, Талман

В зеленой палате долго молчали. Было так тихо, что Джоанн казалось, будто она слышит, как Тора Соам вращает глазами, глядя то на Тору Кия, то на нее, то на Зая Каиду, то снова на Кия. Наконец Тора Соам нарушил молчание.

— Что вам известно, Джоанн Никол?

— Как мне однажды сказали, на такой вопрос пришлось бы отвечать не один час. Было бы куда эффективнее, если бы вы сами объяснили мне, что мне следует знать.

Снова молчание, потом вздох.

— Катастрофа! — Голос Торы Соама изменил направление. — Прямо не знаю, что сказать, Зай Каида...

— Что я слышу, Соам? Паника? Это не катастрофа, а простая случайность. — Зай казался ничуть не встревоженным.

Кия рассмеялся.

— Родитель мой, разве овьетаху Талман-коваха так подобает подходить к проблемам? Или на вас столь сильно повлиял ночной налет? Неужели проблемы реальной войны стали для вас важнее забавной головоломки?

Кия не должен бы был проявлять такую неуважительность.

Ответ Торы Соама источал яд.

— Твои речи, Кия, малопродуктивны.

— Примите мои извинения, уважаемый родитель. Вернемся же к вопросу Джоанн Никол.

— Почему никто меня не предупредил, что Видак возвращается домой?

— Видак хотел преподнести всем нам сюрприз, — со смехом ответил Кия.

— Неуместное веселье, Кия. — Джоанн подалась вперед, уперлась локтями в колени. — Я требую, чтобы мне ответили! Отставьте ваши семейные раздоры. Скажите, Тора Соам, действительно ли ночью случился налет или это снова была демонстрация, рассчитанная только на меня?

— Самый настоящий налет.

— Поговорите с ней, родитель мой, поговорите!

— Верно, настало время отвечать. Вы правы, Зай Каида: происшедшее — случайность. Однако действенность избранных путей еще подлежит проверке.

Джоанн услышала, как кто-то из драков поднимается с места.

— Я полагаю, Кия, — раздался голос Зая Каиды, — что Соам лучше разберется с землянкой с глазу на глаз.

— Но мне так хочется при этом присутствовать!

— Я согласен с уважаемым Заем, Кия, — веско проговорил Тора Соам. — Потребность Джоанн Никол в ответах на ее вопросы важнее твоего желания понаблюдать, как будет выкручиваться твой родитель. Что касается твоего вопроса мне, Кия, то головоломка никогда не была забавной, о чем, уверен, еще напомнит тебе некто, весьма для тебя важный.

После непродолжительной паузы Кия встал и покинул вместе с Заем Каидой зеленую палату. Джоанн небрежно откинулась.

— Итак?

— Беседа получится длинной.

— Время — это как раз то, чего у меня пруд пруди.

— Трудно даже определить, с чего начать. У вас есть какие-нибудь конкретные вопросы?

— Хотя бы такой: сколько ваших поганых кизлоддов участвует в этой шараде?

— Точной цифрой не располагаю. Участников сотни. И вы — не единственный человек. На вас указал слепой случай.

— То есть?

— Ваша слепота.

— Разве моя слепота — не часть розыгрыша? Я действительно ослепла?

— Да. У вас нет оснований верить мне, но это чистая правда.

— Меня, наверное... Ваши люди меня ослепили?

— Нет-нет! — Собеседник завозился, сделал несколько шагов вправо. — Изложите мне главные принципы и структуру талмы, Джоанн Никол.

— Еще чего! И не подумаю, драк. Я не ваша ученица. Я...

— Вам придется меня послушаться, Джоанн Никол, в противном случае я не смогу ничего вам объяснить. Речь идет о многолетнем труде. Главные принципы и структура талмы.

Джоанн пощипала себя за нижнюю губу.

— Хорошо. Назначение — достижение целей. Структура, в общем, заключается в знании настоящего и его вариантов, необходимых для достижения целей в будущем, и в обнаружении, выборе и использовании путей, ведущих от настоящего к желанному будущему.

— Правильно.

— В чирн-ковахе мне все равно больше нечем было заняться. Не такое уж крупное достижение.

Тора Соам усмехнулся.

— Бывают зрячие ученики, которые учатся дольше, чем вы, и все равно преуспевают меньше.

— Так в чем же суть?

— В этом и суть. — Он обошел ее слева. — Позвольте мне рассказать вам о войне кое-что из того, о чем вы не знаете. Война включает огромный набор реальностей и целей, однако

она — явление, а следовательно, подчиняется структуре талмы. Мы живем в настоящем и знаем, какого бы будущего нам хотелось; остается лишь найти пути от первого ко второму и воспользоваться ими.

— Дальше.

Шаги, молчание.

— В нашем распоряжении нет пригодных путей. Запомнили ли вы урок первой вечерней трапезы, осознали ли его? Главное — спор между Торой Кия и Эмосом Бенбо.

— Урок прост, Тора Соам. Все стороны не могут получить всего, чего желают. Цели Маведаха и Фронта исключают друг друга.

— А в чем разница между кажущейся и действительной целью?

— Кажущаяся цель воспринимается как таковая и заявляется; действительная цель — суть различие между настоящим и желаемым будущим.

Джоан почувствовала, что Тора Соам опускается на диван с ней рядом.

— Каковы кажущиеся и действительные цели Маведаха и Фронта?

Кажущиеся цели были очевидны: каждая сторона требовала не больше и не меньше, чем уничтожения противоположной стороны. Что же до действительных... Сведение старых счетов? Счастье? Обработка всего населения планеты, чтобы стороны научились сосуществовать?

— Точно не знаю.

— М-м-м... Вот что я вам скажу: при теперешнем соотношении сил Палата драков и Соединенные Штаты Земли проявят склонность вернуть захваченные территории и прекратить военные действия. Но только не на Амадине.

— Имели ли место переговоры?

Тора Соам издал неопределенный звук.

— В некотором смысле. Скорее взаимное информирование и налаживание связей, нежели конкретные результаты.

В зеленой палате повисла близкая к отчаянию тишина. Казалось, драк ждет от Джоанн какого-то ответа. Она потерла виски и задумалась.

— Зай Каида и другие драки, присутствовавшие на трапезе, — это дракские представители на переговорах?

— На бывших переговорах.

...И тут с ней заговорило прошлое.

«И сказал Ухе своим полководцам:

— Пусть никогда больше ни одно племя не голодает из-за границ, запретов или законов...»

«Ученик Шизумаат говорил жрецу Ааквы:

— Я вижу, что между племенем маведах и выживанием стоял закон; вижу, что это был не священный закон, а правило, придуманное на Синдие; вижу, что Ухе понял это и пренебрег законом ради спасения племени. Поэтому истина, которую я из всего этого вывожу, состоит в том, что законы должны служить Синдие, а не Синдие — законам».

В некотором смысле всякий кризис, описанный в Талмане, коренился в «талмаи верухуне» — соблюдении правил, заданности. Разрешение всякого кризиса достигалось выходом за рамки правил. Талма представляла собой упорядоченное учение, описание путей и правил выхода за пределы правил.

Малтак Ди говорил в «Кода Нишада» своим ученикам: *«Талма — не сам путь, а путь для поиска путей».*

Заданность... Каждая серьезная заминка в прогрессе человечества, каждый крупный кризис в человеческой истории тоже диктовался «талмаи верухуне». Всюду — в религии, философии, науке — беда заключалась в слепом следовании правилам.

— И Соединенные Штаты Земли, и Палата драков живут по правилам ведения войны.

— Да.

— И вы хотите найти с моей помощью способ выйти за пределы этих правил?

— Да, если он существует.

Слишком многое в одно мгновение встало на свои места, слишком разболелась у нее от прозрения голова. Она не могла, не хотела признаться себе в том, что уже знала, в том, что хотел ей внушить Тора Соам, в том, что дальше предпримет в этой связи овветах.

...На дракской половине стола установилась недоуменная тишина. Наконец овветах фанген-коваха Суинат Пива не удержался и со смехом проговорил:

— Мне понятен замысел вашей игры, Тора Соам...

Джоанн встала.

— Я должна удалиться к себе, Тора Соам. Мне нехорошо. Кажется, мне тоже понятен смысл вашей игры.

Она услышала, как Тора Соам поднимается.

— Как же вы поступите, Джоанн Никол?

Она ощупью направилась в коридор.

— Как вы поступите? — неслось ей вслед.

Джоанн несколько минут просидела в своей комнате для развлечений, стараясь овладеть собой. Потом с криком: «К чертям!» — принялась крушить все вокруг. Она рвала подушки, толкала предметы и наслаждалась шумом множественных падений.

Ну и хитрецы! Тора Соам! Скотина!

У нее посыпались искры из глаз. Опомнилась она на полу с гигантской шишкой на лбу. Сокрушение каменной стены оказалось нелегкой задачей.

Вот дура!

Она встала, заползла в ванную и стала бороться с шишкой, намочив в холодной воде край полотенца.

Игра... Способ выигрыша Литы: «Я выиграл!»

Хорошенькая игра!

Теперь она понимала, что ее обнесли забором из правил и держат на голодном пайке из специально подобранных обрывков истины. Тора Соам и другие магистры Талмана обнаружили, что не могут вырываться за рамки правил. Какой-то вселенский Лита нагородил вокруг Амадина, Соединенных Штатов Земли, Палаты драков частокол из правил, не позволяющий положить конец войне, не уничтожив сначала обе цивилизации — человеческую и дракскую. Слишком могущественно было оружие, слишком хитроумны тактики.

Требовался луч света, талма, выявляющая сущность структуры, чтобы побороться с последней при помощи иной структуры более высокого порядка.

Она, Джоанн, была частью талмы, призванной пролить этот луч света. Поиск путей ради нахождения путей ради... и так далее.

Колеса внутри окровавленных колес...

Она выпрямилась. Вот почему ей не давали в чирн-ковахе палочку, положенную слепым! Чтобы не набрела на то, на что не следует набредать.

Пур Сонаан со своим проклятым плейером, любимые куски Венчи Эбана...

Испуг Венчи Эбана, когда его застали отлынивающим от уборки... «После рождения моего единственного ребенка, Хируода, мои органы размножения (трогательная пауза, свидетельствующая о неизжитом горе) были удалены. Хируод погиб...»

— Черт бы их всех побрал!

Второстепенные персонажи: Вунзелех, Мицак, Тегара — о, та вообще была безупречна!

«Ваше имя? Как, у вас желтая кожа?»

«Как и у тебя, жаба».

Тора Кия, ударивший ее в приступе гнева, славный старый Баадек, клянущийся в вечной преданности...

Все они молодцы. Боже правый!

Если дело обстоит именно так, то Тора Соам стоит сейчас у нее в дверях, с отчаянием наблюдая, как его сложнейшая талма терпит крах.

Джоанн развернулась и ощупью добралась до комнаты для встреч.

— Тора Соам.

— Да.

— Ну и поработала ваша шайка негодяев! Зачем все это?

— Прекращение войны — не веская причина?

— Почему вы выбрали меня?

— Вы — одна из множества драков и людей, обладающих уникальными достоинствами, отобранных компьютерами Талман-коваха. Непредусмотренное нами сопротивление, оказанное подразделением под вашим командованием при обороне «Сторм Маунтейн», сделало вас участницей группы избранных. Спасение вами детей...

— Неужели тот налет тоже был ненастоящим?

— Налет был всамделишным. Хотя я понимаю, что вы все равно подвергаете сомнению каждое мое слово.

— Тут вы правы, Тора Соам.

Джоанн закрыла лицо руками. Почему при встрече с Бенбо она почувствовала знакомый цветочный запах? Уборка... Венча Эбан!

— Дьявол? Неужто Бенбо — драк?

Тора Соам невольно рассмеялся.

— Примите мои извинения. Ваш Эмос Бенбо по-прежнему находится на Дитааре.

— Кто же тогда?..

— Его зовут Фанда. Один из наших способнейших актеров.

— Драк?

— Да. Было необходимо, чтобы о ненависти, испытываемой людьми из Фронта Амадина, вам напомнил некто, к кому вы испытываете полное доверие. Фанда долго изучал Бенбо. — Тора Соам помолчал. — Ущерб уже нанесен, и я не усугублю его, если сообщу вам, Джоанн Никол, еще кое-что, от чего у вас полегчает на душе: по моему приказу Леонид Мицак сказал вам неправду о потерях, вызванных нападением на полигон в Ве-Бутаане. Все ваши люди остались в живых.

Джоанн привалилась к стене. В голове крутились тысячи мыслей одновременно.

...По пути на Драко она находилась под действием наркотиков, бредила и вспоминала Маллика и свое неродившееся дитя, Морио, Бенбо, отрывки битвы за «Сторм Маунтейн»...

А еще — университет... Но она никогда никому не рассказывала про Маллика и про ребенка, от которого отказалась...

И гул, гул...

— А мои воспоминания... Я вспоминала события, отчасти не происходившие...

— Отчасти это правда.

— Черт побери, куда вы только не сунули свой нос!

— Вы слепы, Джоанн Никол. Война продолжается, остается проблема, требующая решения.

Она услышала шаги: Тора Соам подошел к ней, взял за руку.

— Пойдемте со мной. Вашими усилиями апартаменты более не пригодны для проживания. Я распоряжусь, чтобы здесь прибрали и заменили обстановку.

Они вышли в коридор и свернули направо.

— Поймите, Джоанн Никол, следование данной талме требовало, чтобы вы воспринимали вещи и как человек, и как драк. Возможно, несвоевременное появление Син Видака нарушило эту вашу способность, а возможно, и нет. Если верно последнее, то случайный толчок столь же полезен для ваших мыслей, как и запланированный. Однако все участники этой войны подчиняются заданному своду правил.

— Это ясно и мне.

— Превосходно. Но ясно ли вам, чьими правилами мы связаны — собственными или навязанными извне?

Джоанн покачала головой.

— У меня нет на это ответа. Он на Амадине. Но это понятно и вам.

— Да, мы знали, что ответ следует искать на Амадине. Но мы не знаем, как сформулировать вопрос, чтобы получить этот ответ. Наши делегаты снова пытаются начать переговоры с людьми. Вы полетите с нами на Амадин?

— Сперва ответьте: Венча Эбан в чирн-ковахе...

— Эту роль тоже исполнил Фанда.

Мысленные образы, звуковая память — все встало на свои места. Нашли объяснение и непочтительные реплики, и колебания, предшествовавшие слову «родитель».

«Тора Соам не... сам не свой в эти дни».

— Фанда — замечательный актер.

— Я передам ему вашу похвалу.

Джоанн остановилась перед драком.

— Когда кончится вся эта проверка?

— Не понимаю.

— Вы тоже актер. Все это — еще один розыгрыш. Вот я и спрашиваю: когда конец проверке?

Драк помолчал и ответил совсем другим, гораздо более высоким голосом:

— Думаю, ей уже пришел конец.

15

«Выбор» — не пустое слово, которым я пользуюсь просто так, Арлан: в нем заложена сущность нашей расы. Жить — значит иметь возможность ставить цели: конкретная жизнь невозможна без выбора. А любой выбор означает постановку цели... Без цели ты просто занимаешь место в пространстве — не только в этой комнате, в этом ковахе, но и вообще во Вселенной.

Либо найди цель, либо уступи место другому, имеющему цель».

Предание о Малтаке Ди, Кода Нушада, Талман

Джоанн сидела на заднем сиденье. По словам Баадека, управлявшего машиной, он вез ее в Талман-ковах.

«То есть я принимаю это за заднее сиденье машины, я принимаю это за езду, я принимаю это существо за Баадека...»

— Водитель, ты кто?

— Вы меня не узнаете, Джоанн Никол? Я — Баадек.

— Нет, кто ты по-настоящему?

Драк прищелкнул языком.

— Меня зовут Хида Му.

— Тоже актер?

— Из одной труппы с Фандой.

Джоанн потерла глаза, от движения машины ее укачивало...

«Я только принимаю это за машину, а движение — за езду...»

Ей на память пришло изречение Шизумаата: *«Лучше вот во что поверь: все подвергать сомнению, ничего не принимать за абсолютную истину, никакой путь не считать безусловно верным».*

Она нащупала ручку открывания дверцы и надавила на нее. Дверца распахнулась, и она попыталась выбраться наружу...

С места водителя раздалось проклятие, взвизгнули тормоза. Инерцией непредвиденного виража Джоанн потащило в распахнутую дверь. Машина остановилась, сильная рука задержала Джоанн на сиденье. Потом водитель отпустил ее, и она, потеряв опору, вывалилась на дорогу.

— Сумасшедшая!

Вокруг машины испуганно забегали. Драк опустился с ней рядом.

— Вы не пострадали? Овьетах свернет мне шею. Вы только взгляните на свое колено!

— Хотела бы, да никак не могу, драк. — Она с трудом приняла сидячее положение, ощупывая правое колено. — Пустяки, царапина. Даже крови нет.

— Зачем вы так поступили, Джоанн Никол? Зачем так меня подвели?

— Возникла необходимость проверить истину, попытавшись превратить ее в выдумку. Разве не этому вы, кизлодды, все время меня учите? Ничему не доверяй!

— Но ведь вы не станете проверять, остро ли наточен нож, всаживая его себе в лоб?

Ее приподняли под мышки и втащили обратно в машину. Захлопнув дверцу, водитель-драк обошел машину и, ругаясь,

залез на свое сиденье. Последовавшие затем металлические звуки свидетельствовали, по разумению Джоанн, о запирании замков.

— Умоляю, досидите спокойно до приезда в ковах!

Машина снова тронулась с места.

— Драк!

Возмущенное молчание.

— Что?

— Откуда мне знать, что это действительно будет Талман-ковах?

— Это... Это не моя проблема, землянка. Не моя!

Джоанн откинула голову, довольствуясь реальностью только что проведенного опыта — саднящей коленкой.

Возможность доверять — вот чего ей не хватало больше всего.

Ее оставили на диване. После ухода водителя-драка она поднялась и стала исследовать помещение. Это была небольшая комната для встреч: два дивана, две двери одна напротив другой, гладкая обивка на полу и на стенах. Она вернулась на диван.

Раздался звук открываемой двери, мягкие незнакомые шаги. И вот шаги затихли.

— Добро пожаловать в Талман-ковах, Джоанн Никол. Я — овьетах Тора Соам.

Это был совсем не тот голос, который она слышала в чирнковахе, не тот, что звучал в имении Тора — если, конечно, допустить, что она находилась прежде в имении Тора...

Некто, назвавшийся Торой Соамом, продолжал:

— Судя по вашему виду, у вас накопились вопросы. Я готов ответить кое на какие. Спрашивайте.

— Вы — не тот Тора Соам, с которым я знакома.

— Вас это удивляет?

— Нет. Мой порог удивления поднимается все выше.

— Великолепно.

— Но эта игра смехотворна!

— У нее есть цель. Вы бы не попали сюда, если бы не постигли, в чем она состоит.

Драк — если это был драк — умолк; Джоанн услышала, как он садится на противоположный диван.

— Иногда мне кажется, что цель мне ясна, но иногда появляются сомнения.

— У вас есть вопросы?

Есть ли у нее вопросы? Еще бы! Только получит ли она прямой ответ хотя бы на один?

— Тора Кия.

— Начнем с него.

— Тора Кия — тот, с которым я познакомилась, — ваш первенец?

— Да.

— То, что относилось к Тора Кия, было подлинным?

Существо, назвавшееся Торой Соамом, засмеялось.

— Забавное слово — «подлинный». Полагаю, что да — если что-то вообще может претендовать на подлинность. Кия не одобряет моих игр. То, что он испытал на Амадине, затмило его ощущение талмы. Полагаю, Митра Квим убедительно сыграл мою роль.

— Роль Кия — тоже часть розыгрыша?

Опять смешок.

— Отчасти, но мы с вами говорим о разных событиях. Ваша, м-м-м... любовная связь со всеми ее последствиями остается для меня не совсем понятной.

Джоанн почувствовала, что краснеет.

— Как вы узнали о той встрече?

— От самого Кия. Мой первенец достаточно знаком с талмой, чтобы не навредить моим планам. Впрочем, этого не произошло. Ваша встреча с Сином Видаком — другое дело. Здесь пока еще нет определенности.

— Драк...

— Ко мне полагается обращаться — «овьетах» или «Тора Соам».

— Меня об этом уже предупреждали, драк.

— М-м-м.

— У меня даже нет уверенности, что передо мной драк. Ведь ваш Фанда — если это в действительности его имя — вполне убедительно сыграл человека.

Джоанн услышала, как ее собеседник встает и делает три шага по направлению к ней. На ее руку легла чужая рука.

— Можете сосчитать пальцы.

Она ощупала обеими руками трехпалую ладонь, потом занялась локтем драка, плечом, шеей; наконец ее пальцы стали

шарить по его физиономии. Гладкая кожа, слабый намек на нос, выпирающий лоб...

Рот открылся.

— Вы удовлетворены?

Руки Джоанн скользнули по груди драка, сжались в кулаки и ухватили его за складки одежды.

— Вдруг у вас на лице маска? Мне бы следовало сорвать с вас одежду и пошарить у вас промеж ног.

Сильные руки, сжав ее кисти, оторвали ее руки от одежды драка.

— Сядьте, Джоанн Никол.

Руки не отпускали ее, пока она снова не села на диван. Только после этого драк вернулся на свое место.

— Вы испытали на себе некий процесс и открыли для себя, чему этот процесс служит. Это являлось частью вашего образования. У вас в руках элемент ответа, необходимого для прекращения войны. — Драк поднялся и, судя по шагам, стал расхаживать взад-вперед. — За то короткое время, что ушло у меня на эту фразу, погибли либо получили ранения более двухсот дракских и земных военнослужащих. — Тора Соам еще немного походил и остановился. — У вас был вопрос.

— Почему в этот процесс оказалась вовлечена именно я? Мне говорили, что я — одна из сотен.

— Верно. Но случилось два события: процесс вашего образования ускорился ввиду случайных обстоятельств появления Видака, а Соединенные Штаты Земли и Палата драков тем временем сблизили свои позиции по условиям прекращения огня.

— Условия прекращения огня?

— Эти условия близки к тем, что предлагали все вы в процессе обучения, но с одним исключением: ассамблея Девятого Сектора запросила разрешения прислать на переговоры своих наблюдателей и получила его.

— Девятый Сектор? — Джоанн нахмурилась от смутных ассоциаций. — С какой целью?

— Заявленная цель — наблюдать за ходом переговоров и сообщать о них ассамблее Сектора.

— Вы подозреваете иную цель?

— У меня всегда масса подозрений, а у вас?

Джоанн нехотя кивнула.

— Тора Соам, каковы остальные условия прекращения огня?

— Как я погляжу, я уже стал Торой Соамом.

— На время.

— М-м-м... Условия таковы: силы людей и драков прекращают всякое продвижение и остаются на прежних позициях; на Амадине создается демилитаризованная зона, охраняемая совместно людьми и драками. Между тем вам известно, что ни зона, ни военные, ее охраняющие, не способны остановить бои на Амадине.

Скоро будет создана совместная драко-человеческая комиссия, которая станет наблюдать за возвращением захваченных территорий, а также за колонизацией новых планет. Конечно, как вы справедливо указали, прекращение огня на Амадине не может быть закреплено договором, пока не будет найдено решение конфликта на этой планете. А сделать это невозможно, пока мы не поймем, каким образом оказались в рамках конкретной заданности.

Джоанн села поудобнее.

— Возможно, я могу оказать вам помощь. Но только в случае, если вы перестанете морочить мне голову. Мне надо иметь точку опоры, какие-то отсылки к реальности, что-то, чему можно доверять.

И тут драк повторил изречение Шизумаата:

— *«Лучше вот во что поверь: все подвергать сомнению, ничего не принимать за абсолютную истину, никакой путь не считать безусловно верным. Пусть это станет твоей догмой, в которой ты найдешь покой и уверенность; ибо в этой догме заключено твое право править низшими тварями во Вселенной; в ней же — твое право избирать себе талму; в ней же — твое право на освобождение от догмы».*

— Этот последний совет едва не стоил мне жизни.

— Талма не обещает бессмертия, а лишь повышает ваши шансы на достижение цели. — Судя по голосу, Тора Соам отвернулся. — Никто не требует от вас, землянка, чтобы вы полюбили или одобрили все это. Понять — вот ваша обязанность. Через несколько дней мы отбываем на Амадин. Придется много дней вести переговоры, прежде чем мы добьемся прекращение огня. Вы полетите со мной на Амадин?

— Кто еще полетит с нами?

— Кое-кто из моих советников по Талман-коваху, а также Леонид Мицак и мой первенец, Тора Кия.

— Зачем?

— Оба понимают вашу роль во всей этой затее. Их задача — оказать вам помощь.

— А какова ваша задача, Тора Соам?

— Давать советы нашим парламентерам.

— А моя?

— Давать советы мне.

Джоанн провела ладонями по лицу и уронила руки на колени.

— Вы так и не дали мне ответов.

Драк усмехнулся.

— События не позволяют ждать. Все ответы мы получим на Амадине. Вы полетите?

— Разве у меня есть выбор?

— Конечно. Я не могу заставлять вас искать ответы.

— Зато в этом преуспели ваши люди.

— То, какие сведения оказались в вашем распоряжении, было обусловлено вашей слепотой и мною. Вас никто ни к чему не принуждал. Вы сами пришли к выводам на основании вами же сделанного выбора. Итак, будете ли вы сопровождать меня на Амадин, Джоанн Никол?

— Мне очень хочется ответить вам «нет», потому что вы поступили со мной не...

— Полагаю, вы хотели сказать «нечестно»? Полагаю также, вам уже известно, чего стоит это слово.

Лита со своими проклятыми шестнадцатью бусинами...

«— Это несправедливо, джетах.

— Твой ответ зиждется на глупости».

Джоанн прикусила нижнюю губу и медленно кивнула. «Страсть обусловлена правилами...»

— Я полечу с вами.

Тора Соам вышел из комнаты. На смену его шагам пришли другие, знакомые шаги.

— Мицак?

— Я буду с вами на Амадине.

— Знаю. Мне кажется, Мицак, что с нами забавляется Лита.

— Игра без правил?

Джоанн села прямо.

— Правила существуют, Мицак. Правила есть всегда. Просто мы пока их не знаем. Нам остается питать безумную надежду, что у нас хватит ума выкрикнуть свое «Я выиграл!» раньше остальных.

День завершился вечерней трапезой в имении Тора. Актер по имени Фанда исполнял короткий отрывок из современной пьесы. Тора Кия сидел молча, бывшее «начальство» — актеры из одной с Фандой театральной труппы — покатывалось со смеху и бурно аплодировало.

Джоанн почти не ела и почти не обращала внимания на веселье и разговоры вокруг нее.

Она находилась в пустыне, состоящей из одних вопросов; лишь считанные песчинки представляли собой ответы.

Дождавшись передышки, Джоанн поманила к себе Фанду.

— Чем могу вам служить, Джоанн Никол?

— Хочу спросить тебя о Бенбо. Ты с ним встречался, наблюдал за ним.

— Вы правы.

— Как он там?

— Когда я его покинул, он оставался вемадах на Дитааре. Потом Соединенные Штаты Земли захватили Дитаар. Дальнейшее мне неизвестно.

— Благодарю.

Фанда вернулся к коллегам и стал вместе с неким Тиоктом изображать сценку из дракской пьесы про любовь. Джоанн покинула столовую и ощупью двинулась в свои апартаменты. В тишине коридора ее испугали догоняющие ее шаги. Она замерла. Шаги тоже стихли. Но она успела их узнать.

— Что тебе надо, Тора Кия? Если ты, конечно, Тора Кия.

Невидимый подошел к ней ближе.

— Я настоящий Тора Кия. Поверь, я участвовал в этой игре без всякого желания.

— Понимаю. Чего ты хочешь?

— Джоанн Никол, я... в замешательстве.

— Судя по Талману, это — естественное состояние драка.

— Такова одна из возможных интерпретаций. — Судя по звукам, Тора Кия было трудно дышать. — Есть одно обстоятельство, о котором тебе следует знать.

— Какое?

— Ночью я играл на тидне, ты пришла в музыкальную комнату, мы сидели рядом...

— Что дальше?

— Ты дотронулась до моей руки, положила голову мне на плечо, слушала мои речи. Я обнял тебя. Было темно...

— Ты на что намекаешь, Кия?

Кия в смущении топтался с ней рядом.

— Сейчас, при свете, это не так легко объяснить.

— Я по-прежнему пребываю в кромешной тьме.

— Мои чувства вышли из-под контроля. Я потерял контроль...

— Над чем?

Топтание стало еще смущеннее.

— Джоанн Никол, у меня произошло... зачатие.

— Зачатие? Ты хочешь сказать?.. Ну и ну! — Джоанн так расхохоталась, что едва не задохнулась. Наконец-то она получила долгожданную разрядку.

— Мне непонятен твой смех, Джоанн Никол. Я сообщил тебе, что у меня будет ребенок. В этом нет ничего смешного.

— Беременность?

— Да!

— Я бы сделала из тебя честного драка, Кия, но что скажет твой родитель?

Она с трудом преодолела остаток пути до апартаментов, чувствуя, как по щекам струятся вызванные хохотом слезы.

— Я честен!

— Не обижайся на мой смех, Кия. Чтобы понять его, тебе пришлось бы превратиться в человека. Поздравляю. Поздравляю и желаю всяческих... Не могу, уморил!

Она заперлась у себя и в изнеможении опустилась на пол, продолжая хохотать.

16

Страсть обусловлена правилами. Это не значит, что ты не постиг любви и ненависти. Однако там, где твоя страсть возводит границы талме, ты обязан выйти за границы правил любви и ненависти, чтобы позволить талме служить тебе.

Предание о Кохнерете, Кода Тармеда, Талман

...Прямой путь в ад. Войска людей и драков поджаривают друг друга на огне — бывшем Амадине. Возможна ли война, при которой никто не желает мира? На Земле древняя ненависть по-прежнему жжет семитов. Соединенное Королевство и Ирландия давным-давно проглочены Соединенными Штатами Земли, однако по ночам все еще звучат выстрелы, раздаются крики, проливаются слезы...

— Джоанн Никол, с вами желает говорить овьетах.

Она вышла из состояния медитации, позволила чувствам, которые продолжало испытывать ее тело, достигнуть ее ума; до ушей долетел мерный гул — свидетельство неустанной работы двигателей дракского межзвездного корабля «Куэх». Оттолкнувшись от подушки, она повернула голову на голос.

— Где овьетах, Аал Тайя?

— У главного дисплея корабля, с Мицаком и Торой Кия.

— Иду.

Бредя ощупью в указанном направлении, она думала о том, заслуживают ли полного доверия Тора Соам, Кия и Мицак; ни на грош не доверяя всему и всем вокруг, она не ставила под сомнение искренность этой троицы. Но правда — это всегда переменная величина, подлежащая проверке через неизменные правила. А правила появляются благодаря выбору, сделанному группой или отдельным лицом; их тоже надлежит проверять, сравнивая с другими правилами...

Малтак Ди сказал об этом такие слова: «Правда растяжима; проверяй ее через растяжимые правила понимания и процедуры».

Вера есть вид умственной блокировки, черпающий устойчивость в убежденности, будто истины, меры или то и другое неизменны, заданы раз и навсегда.

Среди изобретений драков имелся прибор, который Джоанн могла бы повесить себе на спину. Покалывая ее неострыми иголочками, он позволял бы ей воспринимать диаграммы, которые другие изучали глазами. Однако она отказалась от прибора. Не имея глаз, она видела теперь больше, чем когда-то, и не желала рисковать своим внутренним прозрением.

Она вошла в кабину с главным дисплеем. Чувства подсказывали ей, что здесь присутствуют только двое. Все молчали. Она добралась до дивана и присела. Вскоре распахнулась дверь, раздались знакомые шаги Торы Соама. Холодность

голоса Торы Соама, лишенного эмоций, только подчеркивала его волнение.

— Могу сообщить вам, что Палата драков дала разъяснения по содержанию нашей миссии на Амадине. Мы получаем официальную аккредитацию на переговорах. Скоро вы узнаете подробности. Но важно понять следующее: главным представителем на амадинских переговорах назначен Хелиот Вант...

— Нет! — Джоанн услышала голос вскочившего с места Торы Кия. — Не может этого быть!

— Но Хелиот Вант стал жертвой убийства, и переговоры прерваны.

Все молчали, переваривая известия. Тора Кия вернулся на свое место и снова сел.

— Ваша задача — нащупать путь, которым надо идти, чтобы добиться мира. Но если окажется, что в ваших силах попутно найти убийцу моего дорогого друга Хелиота Ванта, то моей признательности не будет предела. До нашего прилета на орбитальную станцию остается меньше трех дней. Готовьтесь.

— Но, овьетах, — подал голос Мицак, — ваше желание найти убийцу — если это действительно убийство — выходит за пределы талмы прекращения войны и даже может вступить с ней в противоречие.

— Вероятно. Никто из нас не может судить наверняка. Если наказание убийцы отчасти сработает на нашу талму, то оно принесет только пользу. Если нет, я хотя бы буду знать имя убийцы. Я обладаю всеми возможностями, чтобы выстроить собственную талму, которая никак не ограничит талму мира.

Тора Соам покинул помещение. Мицак встал и заговорил:

— Только что за считанные секунды восприятие овьетаха сузилось от всей Вселенной до одной-единственной жертвы. Вы обязаны поговорить с родителем, Кия.

— Ничего такого, чего бы он еще не знал, я не могу ему сказать, Мицак.

— Понимает ли Тора Соам, насколько такой подход вредит его талме?

Тора Кия долго молчал, прежде чем ответить.

— Судя по вашему личному делу, Мицак, вы ранее принадлежали к религиозной секте, требующей обета безбрачия.

— Ну и что?

— Возможно, вам непонятно, что такое семейные узы. Хелиот Вант и мой родитель соединились, чтобы зачать меня.

— Этого я не знал. — Джоанн слышала, как Мицак отходит к двери и оборачивается. — Тем не менее именно поэтому мне так заметно, Тора Кия, насколько данное происшествие ограничивает для твоего родителя видимость целей и путей. Если бы кто-то вознамерился вывести его из строя, повлияв на правила, управляющие его страстями, то нельзя было бы придумать ничего лучше, чем убийство Хелиота Ванта.

Сказав это, Мицак удалился.

Кия тяжело вздохнул.

— Мицак прав. Однако ему неизвестна способность моего родителя преодолевать собственную враждебность. — Джоанн было слышно, как он ерзает на диване. — Джоанн Никол, судя по твоему личному делу, ты рожала ребенка.

Она почувствовала, что к ее лицу начинает приливать кровь.

— Это тебя не касается.

— Что ты чувствовала?

— Что ты имеешь в виду, Кия?

— Что значит вынашивать ребенка, быть родителем? Что ты при этом чувствовала?

— Меня подолгу тошнило, я подолгу ходила уродиной, подолгу чувствовала себя кругом виноватой. Тебе это хотелось услышать?

— Нет. Думаю, ты не говоришь всей правды. А когда был жив мужчина, Маллик? Что ты чувствовала тогда?

— Это уж... — У Джоанн чуть не хлынули слезы. — Это тем более тебя не касается.

— Мне трудно себе представить, что испытывает мужчина к женщине, женщина — к мужчине, как они оба относятся к своему ребенку, как человеческий ребенок относится к своим родителям... — Кия помолчал. — Мне предстоит стать родителем. Син Видак обязан своим появлением на свет только нашему родителю. Однако ради моего зачатия Хелиот Вант и Тора Соам произвели слияние своих жидкостей. За мое рождение несут ответственность сразу двое.

— Ну и что?

— В некотором смысле то же самое происходит и с моим ребенком. Слияния наших с тобой жидкостей не произошло...

Джоанн словно подбросило пружиной.

— Что ты несешь?!

— ...но, если бы не ты, я бы не вынашивал сейчас дитя. Акт зачатия не проходит для родителя даром. Будь я несколькими годами старше, он бы меня убил. Если мой ребенок выживет, то он будет обязан своим рождением тебе.

Джоанн выдавила смешок.

— Точно в такой же степени ты можешь благодарить свой наркотик и темноту. Возможно, их влияние было даже больше, чем мое. Неужели ты и их собираешься произвести в родителей своего ребенка?

Драк поднялся, шагнул к Джоанн и взял ее за руку.

— Что стало с твоим ребенком, Джоанн Никол? С ребенком Джоанн и Маллика Никол?

— Не знаю. — Она вырвала руку, силясь сдержать слезы. Совладав с собой, она подняла голову. — Пока был жив Маллик, все было чудесно. У тебя когда-нибудь умирал близкий друг?

— Не один. На Амадине.

— И как ты поступал?

— Поступал?

— Ты не пытался освободиться от всего, что напоминало тебе о них? Даже от мыслей? Чтобы не было так больно. Не пытался?

Помолчав, Кия ответил:

— Ты права. Но ребенок — это не подарок, не письмо, не память. У него собственная жизнь. Родительская боль — цена рождения ребенка.

Джоанн встала.

— Я даже мысленно не называю его «мой ребенок». Эта часть моей жизни отошла в историю. Она мертва.

Она дошла до двери, но там ее настигли слова Кия, заставив замереть:

— Тебе бы хотелось, чтобы она умерла. Но этого не произошло, Джоанн: твой ребенок жив.

Джоанн выбралась в коридор и поплелась к себе.

Корабль приближался к Амадину. Джоанн Никол не отводила незрячих глаз от иллюминатора капитанской рубки. Дотронувшись до руки Леонида Мицака, она попросила:

— Опишите мне то, что видите.

Ответ последовал не сразу.

— Я не верю своим глазам, какое странное зрелище!

— Что в нем странного?

— С большого расстояния Амадин очень похож на Землю, Аккуйя, Драко: глубокие синие океаны, летящие над ними белые облака... Приближаясь, начинаешь различать сушу. Сейчас планета на свету, и я вижу континенты Дорадо и Шорда. Оба грандиозны: Дорадо занимает почти всю верхнюю левую четверть, Шорда — почти всю нижнюю правую. Благодаря безоблачному небу я вижу разделяющий их Стальной Пролив.

— Но странность остается?

— Да. Зрелище по-прежнему кажется знакомым. Такое впечатление, что здесь собраны вперемежку части суши со всех известных нам планет, с единственной целью — оставить нас в дураках.

— Видна ли демилитаризованная зона?

— Нет. Но огромные территории на обоих континентах выглядят пустынями.

— На Амадине нет пустынь.

— Теперь есть.

Джоанн убрала руку от руки Мицака и по врожденной привычке протерла глаза.

— Изменилось ли поведение Торы Соама после известия о гибели Хелиота Ванта?

— Да. Как нам известно по аудиоинформации компьютера, вскрытие показало наличие в организме убитого большого количества яда — пронида. Такой способ убийства принят среди людей. К тому же ношение капсул с ядом широко распространено среди военных Соединенных Штатов Земли.

Джоанн схватилась за ручки кресла.

— Тора Соам не может не понимать, что эти факты в равной степени указывают как на убийцу из людей, так и на дракскую инсценировку.

— Боюсь, Тора Соам не желает принять очевидного. — Мицак помолчал. — Его отношения с Хелиотом Вантом многое затмили для него.

— Но правду знаете вы, Мицак, Кия и сам Тора Соам — больше, чем кто-либо еще на свете. — Джоанн вздохнула — У меня растет ощущение, что мы находимся в плену у Литы с его правилами игры...

— Тора Соам угодил к Лите в сети?

— Именно! Может, не только он, но и все мы. Это делает наше с вами положение весьма шатким. Для людей мы — предатели, для драков — люди.

— Неужели и для Торы Соама — единственного нашего защитника?

— И для него, — кивнула Джоанн.

Послышались знакомые шаги. Дверь беззвучно затворилась. К ним присоединился Тора Соам.

— Я беседовал по радио с Индевой Бежудой, джетахом дракской делегации на переговорах. Меня назначили представителем делегации для встречи с таким же представителем от делегации Соединенных Штатов Земли. Джоанн Никол...

— Я вас слушаю.

— Мне потребуется ваша помощь. Нам предстоит обсудить с землянами возможности возобновления полномасштабных переговоров. Леонид Мицак...

— Я вас слушаю, овьетах.

— Вы и Кия встретитесь с офицером четвертого разряда Хажжисом Да. Он отвечает за безопасность на орбитальной станции и располагает сведениями о гибели Хелиота. Я уже договорился о вашей встрече. Всем вам выдадут «клинки Айдана» — символы принадлежности к дракской дипломатической миссии. Вы что-то хотели спросить, Мицак?

— Какова наша задача, овьетах?

— Выяснить, что известно Хажжису об убийстве Хелиота Ванта. Вам также следует получить исчерпывающую информацию об орбитальной станции и всех до единого ее обитателях. Вам все понятно?

— Да, овье...

Тора Соам резко развернулся и вышел. В наступившей тишине Джоанн услышала, как Мицак нажимает кнопки, управляющие створками иллюминатора.

— Мы на подлете к орбитальной станции...

Она услышала, как он резко наклоняется вперед.

— В чем дело, Мицак?

— Я точно не знаю... — Он откинулся. — Так, смутное ощущение...

— Опишите.

— Орбитальная станция выглядит, как огромный, брошенный, зловещий объект. Спящее существо с сильными челюстями. Я испытал испуг.

— Что вас напугало?

— Мысль, что ставки в этой игре куда выше, чем нам кажется, и что Лита уже произнес свое «Я выиграл!».

17

Я стоял там, где стояли катанцы, и видел Вселенную их глазами. Давным-давно Лурванна научил нас, что логика подчинена контексту и изобретательности. Если это было правдой в отношении жителей одной планеты на протяжении многих тысячелетий, то почему это не может быть правдой в отношении существ из других миров, с других планет?

Предание о Дитааре, Кода Синушада, Талман

Спустя всего несколько часов Джоанн сидела за столом, взволнованно теребя рукоятку церемониального клинка за поясом и слушая, как Тора Соам представляется сам и представляет ее двоим делегатам-землянам. Когда овьетах закончил свою приветственную речь, один из людей кашлянул.

— Не могу не отдать должное вашему английскому, овьетах. Меня зовут Никос Никос Эклиссия. Человек рядом со мной — мой ассистент, полковник Ричард Мур.

Джоанн услышала, как Тора Соам откинулся в кресле.

— Я тоже отдаю должное вашему английскому, Никос Эклиссия.

Установилось недоуменное молчание. Снова кашлянув, Эклиссия произнес:

— Наша цель, овьетах...

— Цели сторон на переговорах не представляют тайны. Лучше изложите позицию своего правительства.

Эклиссия кашлянул в третий раз.

— Вы больны, Эклиссия?

— Нет.

— Тогда я бы попросил вас не брызгать слюной, а внятно излагать позицию.

— Знаешь что, драк...

На противоположном конце стола пошептались, и человек произнес:

— Прошу извинить меня за нервную вспышку. Однако, Тора Соам, наши препирательства не принесут никакой пользы ни нам, ни нашим правительствам.

— Поймите, Никос Эклиссия, наши расы, миры, вселенные вовсю готовятся возобновить взаимное истребление. В свете миллиардов смертей, которые последуют в случае срыва переговоров, ваши оскорбленные чувства меня не интересуют. Изложите позицию своего правительства.

— Прекрасно. Мое правительство желает ограничить предмет переговоров обсуждением подписания и осуществления соглашений, уже достигнутых послом Рафики и овьетахом Хелиотом.

— Нет.

Человек кашлянул.

— Нет?

— Как вам известно, Никос Эклиссия, со времени составления того документа обстоятельства изменились. Многие погибли, в частности, убит мой друг Хелиот Вант. Ограничений на предмет переговоров более не будет.

— Это невозможно, Тора Соам.

— Вы не располагаете полномочиями изменить представленную позицию?

— Я должен проконсультироваться с послом Рафики и нашим пра...

— В таком случае нам нечего больше обсуждать, — услышала Джоанн голос Торы Соама. — Моя помощница договорится с вами о следующей встрече, которая состоится тогда, когда появится тема для обсуждения.

Тора Соам решительно поднялся из-за стола и покинул комнату. После продолжительного молчания один из людей тоже встал.

— Будь я проклят, если... Поговорите с ней, полковник, и наметьте время встречи.

Никос Эклиссия удалился. Полковник Мур посидел молча, прежде чем заговорить:

— Ваш шеф — крепкий орешек, Никол.

Джоанн разжала потные ладони, стискивавшие рукоятку «клинка Айдана», и утвердительно кивнула.

— А ваш — тряпка.

— Как я погляжу, мы с вами споемся. Удовлетворите мое любопытство: зачем вы работаете на драков?

— Я работаю не на них, а ради мира. А вы ради чего работаете, Мур?

Собеседник побарабанил пальцами по столу.

— Вы слепая.

— Незрячая, но не слепая.

— Гм-м... Надеюсь, вам понятны простейшие вещи. Две делегации долго корпели над условиями договора. Он бы уже был подписан и действовал, если бы драки не взбеленились из-за смерти Хелиота. Мы не хотим начинать все заново.

— Полковник Мур, я не сумею объяснить вам, что означает смерть Хелиота Ванта. Скажу лишь, что неудачнее момента для его гибели нельзя было придумать. Могу вас заверить, что Палата драков полна рвения возобновить войну и в силах это сделать. Кроме того, Палата и дракская делегация на переговорах последуют рекомендациям Торы Соама.

— Когда устроим следующую встречу?

— Как только ваша делегация получит полномочия принимать решения и согласится не обставлять переговоры ограничениями.

Полковник опять забарабанил пальцами по столу.

— Сколько это стоит в наши дни, Никол?

— Вы о чем?

— О предательстве.

Она ждала этого вопроса; о том же самом она сама спрашивала Мицака тысячу лет тому назад. На кончике ее языка вертелись бесчисленные ответы, однако она поступила точно так же, как тогда Мицак: ее ответом стал искренний смех.

Позже, сидя в каюте Торы Соама рядом с Кия, она слушала Мицака, знакомившего овьетаха со своими выводами:

— По словам командира службы безопасности тзиен денведах на орбитальной станции Хажжиса Да, вечером накануне церемонии подписания Хелиот Вант и посол Ана Рафики встречались в неформальной обстановке у Хелиота. Рафики прихватила с собой бутылочку бурбона.

— Объясните.

— Спиртной напиток, напоминающий по действию наркотик. Анализ показал, что в порции, выпитой Хелиотом, был

яд. Однако ни в бутылке, ни в бурбоне, выпитом Рафики, яда не оказалось.

— Вы хотели задать вопрос, Никол?

— Скажите, Мицак, кто и где разливал бурбон по рюмкам?

— На Чанжи, охранник, находившийся при Хелиоте в тот вечер, дал Хажжису Да показания, согласно которым бурбон разливал охранник Рафики в кухонном помещении рядом с каютой дракского посла. Охранник-землянин делал это под надзором охранника-драка. Затем сам На Чанжи отнес полные бокалы в каюту.

Джоанн нахмурилась.

— Откуда взялись бокалы, то есть емкости?

— Из кухни Хелиота Ванта.

— Продолжайте.

— Хажжис Да полагает, что яд мог дать Хелиоту Ванту один из четырех людей и драков. Первая подозреваемая — сама посол Рафики.

— Как только стало известно о смерти Хелиота, Рафики отозвали, — пробормотал Тора Соам. — Кто следующий?

— Дежурный охранник-драк, На Чанжи. Но его больше нет в живых: он покончил жизнь самоубийством вскоре после того, как дал показания своему начальнику.

Джоанн повернула голову туда, где должен был находиться Тора Соам.

— Это может указывать на чувство вины, угрызения совести...

— Или на горе. Продолжайте, Мицак.

— Третий — дежурный охранник из числа людей, Айвор Крог, рядовой военной полиции Соединенных Штатов Земли. — Мицак сделал паузу. — За неделю до нашего прибытия Крога отослали в распоряжение вооруженных сил на Амадине. Три дня назад он погиб в перестрелке в демилитаризованной зоне.

— Кто же четвертый?

— Четвертый — сам Хелиот Вант, овьетах. Версия самоубийства.

— Вероятность этого до смешного мала, Мицак, — заметил Тора Кия.

— Согласен, Тора Кия. Но вероятность и возможность — разные вещи.

Все смолкли. Тора Соам поднялся, походил по каюте, остановился.

— Есть ли противоречия в показаниях охранника-драка и охранника-землянина?

— Этого я не знаю, — ответил Мицак. — Сотрудников дракской службы безопасности не подпускали к Крогу. Точно так же глава подразделения военной полиции Соединенных Штатов Земли на орбитальной станции так и не был допущен к На Чанжи.

Тора Соам возобновил хождение по каюте.

— Участники игры прячут друг от друга свои кусочки головоломки. Любопытно: поведение обеих сторон позволяет предположить обоюдную вину.

— Параллелизм служб безопасности на станции препятствует расследованию, овьетах.

— Безусловно. Что ж, давайте положим начало талме, которая сдвинула бы расследование с мертвой точки. — Шаги прекратились. — Никол.

— Да?

— Вы договорились о следующей встрече?

— Мы с Муром предлагаем провести ее через три дня, если будут удовлетворены выдвинутые вами условиями.

— Хорошо. Но появятся еще два дополнительных условия. В ответ на аналогичное сотрудничество со стороны дракской группы безопасности военная полиция землян предоставит в распоряжение офицера четвертого разряда Хажжиса Да свои материалы касательно гибели Хелиота Ванта.

— Понятно. Каково второе условие?

— Отмена решения об отзыве посла Рафики. Пускай Рафики и дальше представляет на переговорах Соединенные Штаты Земли. Что-нибудь еще? Вы, Мицак?

— Вот список лиц, находившихся на станции в момент гибели Хелиота, а также их личные дела — в той степени, в какой их удалось собрать Хажжису Да.

— Вы ввели эти данные в центральный компьютер миссии?

— Да.

— А информацию о станции, которую я требовал?

— Тоже.

— Дайте мне коды доступа. Я займусь всем этим позже. Сообщите также коды Никол. У вас есть что добавить, Никол?

Она сжала виски кончиками пальцев.

— Кажется, да. По вашим словам, Мицак, анализ указал на присутствие в напитке Хелиота Ванта пронида.

— Да.

— Кто брал анализы?

— Лонду Пег, личный врач Хелиота.

— Тот же самый Лонду Пег произвел вскрытие и выявил причину смерти Хелиота?

— Да. Вы предлагаете пятого подозреваемого?

— Все наши рассуждения опираются на слова этого Лонду — и по поводу причины смерти, и по поводу улик, указывающих на способ отравления.

— Зачем Лонду искажать правду?

— Разве есть закон Вселенной, который помешал бы Лонду исказить правду, а то и вообще самому убить Хелиота? Если мы подвергаем сомнению слова Лонду о причине смерти, то круг подозреваемых перестает ограничиваться упомянутыми лицами. Приходится усомниться даже в самом факте убийства. — Она повернулась к Торе Соаму. — Где тело Хелиота?

— В настоящее время оно находится на Драко, в Синдиеву. Сразу после вскрытия его отправили домой. — Овьетах помолчал. — М-м-м... Понимаю. Немедленно распоряжусь, чтобы в чирн-ковахе Синдиеву произвели повторное вскрытие трупа. Теперь вы оба можете идти. А тебя, Кия, я попрошу остаться. Нам надо поговорить.

— О чем, родитель?

— О личном.

Джоанн встала.

— У меня есть еще одно соображение, Тора Соам.

— Прошу.

— Мы знаем, что у этой войны свои правила. По вашим собственным словам, моя задача состоит в том, чтобы выяснить, как работает эта заданность. Если я буду продолжать расследовать смерть вашего друга, то у меня не хватит времени на решение более важных задач.

— Разве есть закон Вселенной, который воспрепятствовал бы превращению знания об обстоятельствах смерти Хелиота в путь к достижению более обширной цели?

Джоанн вытянула руку.

— Прошу вас, Мицак, отведите меня в мою каюту. Я не была там с самого прилета и чувствую себя уставшей.

Тора Соам первым дотронулся до ее руки.

— Я смотрю на вещи не так узко, как вы подозреваете, Никол. Не отвергайте возможные пути только потому, что их хочет исследовать другой. Для этого у вас должны быть более веские причины.

— У вас тоже должны быть более веские причины, чем смерть друга, чтобы бросить все наши силы на прохождение одного-единственного пути.

— Желаю вам радостно встретить утро, Джоанн Никол.

Она кивнула. Тора Соам убрал руку, и Мицак вывел ее из каюты овьетаха.

Очутившись в своей охраняемой каюте, она поспешно ощупала стены, запоминая расположение каждого выключателя, каждого предмета обстановки, а потом опустилась на возвышение для сна, вытянула ноги и заложила руки за голову. Сделав два глубоких вдоха и расслабив мышцы, она попыталась прогнать из головы все мысли и уснуть.

Однако сну мешало смутное беспокойство: многие ее вопросы оставались без ответов, и ее преследовал страх. Мысли не подчинялись рассудку: стоило ей попытаться изгнать из головы какую-то особенно назойливую и тревожную мысль, как ее место занимала другая, еще более назойливая и тревожная.

Джетах Лита находил удовольствие в изобретении трудных ситуаций для своих учеников; каждая такая ситуация ставила цель — внушить им ко всему здоровое недоверие, позволяющее углядеть кончик истины. «Вечные ценности», в которых он заставлял их усомниться — благородство, право, честь, мораль, добро, любовь, долг, справедливость, свобода, — представляли собой гибкие понятия, зависящие от непостоянных правил...

Изобретатель...

«...И сказал ученик:

— Джетах, любовь не подчиняется правилам, ею руководят чувства.

— Разве ты не видишь, Фа Ней, — молвил Лита с улыбкой, — что и чувства подчиняются правилам?

— Не вижу, джетах.

— Ты любишь меня, Фа Ней?

— Конечно, джетах.

— Почему?

— Просто люблю.

— А если бы все, чему я тебя учил, оказалось ложью, если бы я нещадно бил тебя, поносил и унижал, ты бы все равно меня любил?

Ученик подумал и ответил:

— Нет.

— Итак, Фа Ней, твои чувства требуют неких условий: они оживают только тогда, когда я проявляю некие качества и совершаю некие поступки. Твоя любовь требует от меня соответствия определенным правилам, изобретателем которых выступаешь ты сам.

Фа Ней заплакал.

— Это значит, что я не люблю вас, джетах?

— Я соответствую твоим правилам, дитя мое, следовательно, ты меня любишь, а я люблю тебя. Но ты должен научиться понимать события и факты, управляющие чувствами, Фа Ней. Пойми свои чувства и правила, которым они подчиняются. Доверься такому пониманию, потому что оно позволит тебе понимать свои чувства.

Но никогда не верь словам».

Джоанн села, скрестила ноги, закрыла лицо ладонями. «Мир» — просто слово, за которым стоит понятие, определяемое гибким сводом правил. То же самое — «война». Когда бьются вооруженные силы Соединенных Штатов Земли и тзиен денведах — это именуется «войной», когда дерутся Фронт Амадина и Маведах — то это уже «терроризм», «гражданская война»...

Память подсказывала другие слова из прошлого: «полицейские акции», «беспорядки», «бунт»...

«Убийство» — тоже слово. Дети-драки, погибшие в ковахе в Ве-Бутаане, не были «жертвами убийства» — они числились среди «потерь». Их смерть подчинялась иным правилам, нежели смерть Хелиота Ванта.

Джоанн со вздохом свесила ноги, встала и подошла к терминалу. Как говорил Лита? *«Все правила направлены на цели, а все цели — это правила, направленные на дальнейшие цели».*

Круг, цепочка...

Как говорил Дитаар? *«Дабы понять круг, разорви его и пропутешествуй в обоих направлениях вплоть до встречи с самим собой. Дабы понять цепочку, пойми ближайшее звено, а потом пропутешествуй в обоих направлениях, пока не кончатся звенья».*

Она отошла от терминала. Какой цели послужила смерть Хелиота Ванта?

— Она предотвратила подписание Хелиотом и Рафики договора, — произнесла она вслух, — привела к возобновлению военных действий на Амадине и открыла возможность для выдвижения новых условий при возобновлении переговоров.

Все цели — это правила, направленные на дальнейшие цели...

Чему служит изменение условий договора?

Ее рука забегала по клавиатуре. Найдя нужную клавишу, она нажала на нее и произнесла:

— Джоанн Никол, прием голоса.

Компьютер издал писк, и Джоанн дала команду:

— Воспроизведение текста «Договор на орбите Амадина: первоначальный проект».

Она прослушала весь документ. В момент, когда вооруженные силы Соединенных Штатов Земли и дракский Флот стояли на пороге взаимного уничтожения, а Фронт Амадина и Маведах наводили друг на друга ужас и причиняли неописуемые страдания, Хелиот Вант и Ана Рафики достигли согласия.

Согласно договору, прекращался главный конфликт; учреждались постоянные совместные дракско-земные институты с задачей обеспечить возврат захваченных территорий, колонизацию новых планет, решение территориальных споров на Амадине, наказание за военные преступления, выплату репараций, патрулирование демилитаризованной зоны на Амадине между территориями, принадлежавшими людям и дракам до начала войны...

Джоанн выключила компьютер. Договор не отвечал целям Фронта и Маведаха. Она уронила голову на грудь. Тора Кия изрек: «На Амадине царствует одна смерть».

Независимо от подписания такого договора на Амадине продолжились бы боевые действия. Договор всего лишь превратил бы в реальность — на какое-то время — прекращение главного конфликта между основными силами Соединенных

Штатов и дракского Флота. С Амадина были бы выведены регулярные войска, но война все равно продолжалась бы.

Ни Фронту, ни Маведаху ничего не давала ни смерть Хелиота, ни провал переговоров, ни их возобновление. Обе организации давно махнули рукой на дипломатию.

Тогда кто? Кому выгоден провал прежнего договора и успех другого? Ни Соединенные Штаты Земли, ни Палата драков ничего не приобретали от продолжения войны. Вся мощь, вся наука обеих рас служили перемалыванию друг друга и грозили взаимным уничтожением.

Успех договора служил дипломатическим целям Рафики и Хелиота, карьере обоих. Хелиот Вант не сам покончил счеты с жизнью, а Рафики его не убивала. Тут другое...

Как насчет экономических интересов на Амадине? ИМПЕКС землян, ЯЧЕ драков, тиман Назак, дюжина других компаний...

Джоанн покачала головой. Война никому из них не сулила прибылей. Окончание войны отвечало экономическим интересам Амадина, хотя предстояло еще замирение на самой планете. Получалось, что в смерти Хелиота Ванта не был заинтересован никто.

Вдруг это дело рук дежурного охранника Рафики: он — человек, а Хелиот — драк...

...Лита говорил: *«Первым делом ищите ответ не на дальней горе и не в небе; сперва расчистите землю у себя под носом»*.

После смерти дракского посла Айвор Крог был переведен на планету...

Человек только разливал напитки, относил и подавал их драк, Чанжи. Если это дело рук Крога, то это были немыслимо ловкие руки: откуда ему было знать, что отравленное питье попадет именно к намеченной жертве? Или ему было все равно, кто погибнет? Кто бы из двух послов ни погиб, это так или иначе прервало бы мирный процесс.

Чанжи? Но ради чего? К тому же, будь это его рук дело, он бы торжествовал, а не накладывал на себя руки. Драки не кончают жизнь самоубийством из-за поражения, вины, позора. Самоубийство для драка — это талма, позволяющая покончить с нестерпимой болью.

А если это не самоубийство? Если в преступлении замешаны оба — и Крог, и Чанжи? Но как? Зачем?

Она покачала головой. Амадинские террористы не обращали внимания ни на какие переговоры. Всем остальным успех переговоров был только выгоден; следовательно, выгодно было и сохранить Хелиота Ванта живым.

Она стала нащупывать рядом с терминалом блок связи.

— Черт!

Она отдернула руку и облизнула указательный палец правой руки. Кровь... Она снова стала шарить в том же месте. Рабочая пластмассовая поверхность оказалась шершавой от длительной эксплуатации. Она даже нашла заусенец, о который поцарапалась. Панель управления блоком связи находилась рядом.

Она застыла, чувствуя замешательство. Ей показалось, что в ее распоряжение поступил последний ингредиент сложного рецепта, недостающее звено, закрывавшее последнюю брешь сложнейшей головоломки...

Что это за рецепт, что за головоломка?

Она решила не копаться в себе и нажала на клавишу.

— Узел связи дракской миссии, — раздался голос. — Чем могу служить?

— Соедините меня с оператором земной миссии.

— Ваше имя?

— Джоанн Никол из группы овьетаха Торы Соама.

— Оператор миссии Соединенных Штатов Земли, — раздался новый голос, уже человеческий.

— Я хочу поговорить с полковником Ричардом Муром. Он выходит на связь?

— Ждите.

Щелчки, помехи. Мужской голос:

— Мур слушает.

— Полковник, с вами говорит Джоанн Никол.

Собеседник усмехнулся в микрофон.

— Чем могу быть вам полезен, майор?

Майор?!

— Вы не теряли времени даром, полковник.

— Если этой войне суждено окончиться, вам придется иметь дело с кучей неприятных бумаг. Так что готовьтесь. Чем могу быть вам полезен?

— Тора Соам велел мне передать вам два дополнительных условия, предшествующих новой встрече наших с вами шефов для обсуждения возобновления переговоров.

— Что это за требования?

— Первое — свободный обмен информацией о гибели Хелиота Ванта между Хажжисом Да и командиром службы безопасности землян на станции.

— Майором Харидаши? Так... А второе требование?

— Отмена отзыва посла Рафики.

— Так... Я передам ваши условия господину Эклиссия. Чем еще могу вам служить?

— Я бы хотела переговорить с майором Харидаши.

— Единственная разрешенная линия связи между двумя миссиями — та, которой мы с вами в данный момент пользуемся. Что вы хотели у него спросить?

— Почему после смерти Хелиота охранник Крог был переведен со станции на планету?

Мур поразмыслил.

— Думаю, на это могу ответить и я. Нам дали совет: если оставить Крога на станции, это только усилит враждебность со стороны драков. По этой же причине была отозвана посол Рафики. Мы стараемся не раздражать наших партнеров по переговорам.

— Вы только что сказали: «Нам дали совет».

— Именно.

— Кто был советчиком? — Задавая вопрос, Джоанн слизывала кровь с порезанного пальца.

— Совет дала окольными путями группа наблюдателей от Девятого Сектора. Совет показался дельным, и мы им воспользовались.

Порез! Она уставилась на свой кровоточащий палец и представила себе, как от него отходят в разные стороны нити путей-талм, образуя паутину, которая...

— Спасибо, полковник.

Джоанн отключила связь и некоторое время сидела неподвижно. Потом она снова включила компьютерный терминал, задействовала звуковое общение и стала слушать предоставленную Мицаком информацию об орбитальном комплексе.

Станция являла собой комплекс по приему железной руды с планеты, обслуживаемый командой тиман. Ни драки, ни люди с Амадина никогда прежде здесь не бывали. Жилища для членов обеих делегаций то ли существовали изначально, то ли были оборудованы специально.

Джоанн выслушала информацию по составу делегаций Палаты драков, Соединенных Штатов Земли, Фронта Амадина и Маведаха, их служб охраны и обслуживания; настал черед группы наблюдателей от Федерации Девятого Сектора.

Ботоам Ру Сигаду с планеты Моаг.

Черрисин Хе Таам, представитель планеты Алурам.

Дарласс Ита, представитель планеты Аус.

Хиссиед-до' Тиман, представитель планеты Тиман.

Джеррият-а-до' Тиман, помощник Хиссиеда-до.

Она остановила воспроизведение. Тиман... Орбитальный рудосборник принадлежал тиману Низаку. А «специальные жилые помещения для членов делегации» оказались видавшей виды гостиницей — об этом ярко свидетельствовал ее окровавленный палец.

Она вспомнила, как удивился однажды Мицак, читая новости у нее в палате чирн-коваха.

— Вот странно!

— Что странно, Мицак?

— Комитет планирования Федерации Девятого Сектора отклонил при голосовании приглашение дракам и землянам вступить в Федерацию.

— Вы предсказывали, что так и будет.

— Странно то, что предложение чуть не было принято. При голосовании воздержался один-единственный член комитета — Хиссиед-до' Тиман, делегат с Тимана.

Мицак надолго умолк.

— О чем вы размышляете?

Мицак поерзал в кресле.

— Не пойму, почему он воздержался.

— Вы представляете себе тимана, Мицак? Все они так погрязли в разных кознях, что сами чаще всего не ведают, что творят.

...Они были одной из трех разумных рас с планеты Тиман. Тиманами их звали потому, что две другие расы, несмотря на большую численность и физическое превосходство, были истреблены.

Несмотря на свою по-прежнему небольшую численность, тиманы превратились в одну из наиболее влиятельных рас в Федерации Девятого Сектора.

Тиманам было совершенно чуждо насилие; однако тиманы умели использовать себе во благо чужие правила...

Правила!

Джоанн еще раз ощупала рабочую поверхность вокруг терминала. Истертость и царапины говорили о длительной службе. До открытия переговоров дракам и людям было совершенно нечего делать на орбитальной станции. Здесь обитали только члены команды, составленной из одних тиманов. Тем не менее каюта была оборудована на дракский манер.

Джоанн постигала окружающую ее кромешную тьму.

Неужели мы настолько предсказуемы?

Каюта ждала пассажира очень долго, но пассажира-дракa, а не человека. Она улыбнулась. Тем более здесь не должна была появиться женщина, мысли которой нельзя назвать ни дракскими, ни человеческими. Тора Соам разорвал прочно сплетенную причинно-следственную связь, привезя с собой землянку вместо дракa.

Однако в сети зияла еще одна дыра. Джоанн усматривала в смерти Хелиота ошибку, а возможно, несчастный случай.

Чего достигнет Девятый Сектор, сорвав мирные переговоры? Война подобна заразной болезни. В Девятом Секторе нет желающих подхватить болезнь. Главная цель Девятого Сектора, как и всей Федерации Галактических Секторов, — мир.

Но «мир» — всего лишь слово, а слову доверять нельзя. Девятый Сектор жаждет мира, но еще больше он жаждет видеть Соединенные Штаты Земли и Палату драков среди своих членов...

Тем не менее едва дело дошло до голосования, комитет высказался против направления обеим державам приглашения о вступлении. Воздержавшегося звали Хиссиед-до' Тиман. Тот же самый Хиссиед-до' Тиман был сейчас членом группы наблюдателей от Девятого Сектора. Был в группе и другой тиман — Джеррият-а-до' Тиман. Двое из пятерых наблюдателей...

Джоанн замерла; в ее голове постепенно вырисовывались контуры всеохватной талмы.

Какой размах, какая безжалостная целеустремленность, сколько бессмысленных смертей и разрушений, что за ужас...

Джоанн отмахнулась от своей догадки, как от причудливого, совершенно противоестественного порождения параноидального сознания, с каким впору очутиться в сумасшедшем

доме. Но тут из глубины веков, с расстояния в девять с половиной тысячелетий, с ней заговорил Айдан, магистр запрещенного в эпоху Вековой войны Талмана:

«Если талма указывает на ответ, который ты отвергаешь потому, что он кажется тебе слишком ужасным, то и цель твоя, и инструмент ее достижения носят одно и то же имя — слепота. Любое величие — теории, плана, ужаса — не охватить ограниченным умом. Чтобы все понять, надо обладать способностью все принять».

Джоанн схватилась обеими руками за рукоятку своего «клинка Айдана» и стала размышлять о древнем магистре Талмана, превратившем войну в науку. Потом она включила блок связи и попросила соединить ее с Торой Соамом. Ей ответил Аал Тайя, слуга Торы Соама.

— Овьетах медитирует.

— Оторви его от медитации, Тайя! Кажется, я знаю кое-какие из ответов, которые ищет овьетах.

— Подождите, пожалуйста.

Недолгую тишину разорвал голос Торы Соама.

— Джоанн Никол?

— Да, овьетах. Вы должны кое о чем распорядиться. Первое: наш корабль «Куэх» по-прежнему находится на орбитальной станции?

— Да.

— В таком случае посол Рафики, джетах Индева, Тора Кия, Мицак, вы и я должны собраться на «Куэхе».

— Было бы проще устроить такое совещание здесь, на орбитальной станции, на нейтральной территории.

— Нейтральной территории не существует, овьетах.

— Не существует?!

— Нет. Далее. Соедините корабль с главными историческими и коммерческими компьютерами Талман-коваха. Люди должны предоставить аналогичное информационное обеспечение.

— Рафики наверняка этому воспротивится. Тем не менее я попытаюсь все устроить. Вам уже известны причины гибели Хелиота Ванта?

— У меня есть гипотезы. Настал момент их проверить.

После паузы Джоанн услышала:

— Понятно... Желаю вам долгого благополучия, Джоанн Никол.

Тора Соам все знает!

— Это тоже гипотеза, подлежащая проверке, — сказала она напоследок и прервала связь. Выключив терминал, она погрузилась в раздумья.

Разговоры можно подслушивать, не боясь разоблачения. Следовательно, все, что произносится в каюте, все, что поступает на терминал и проходит по линиям связи, становится известно. Однако для визуального наблюдения требуется камера. Специалисты по безопасности из дракской команды обнаружили бы приспособления для визуального наблюдения, будь они установлены.

Джоанн встала, подошла к ближней стене и стала ее ощупывать. Наткнувшись на горячую осветительную трубку, она вскрикнула и вырвала ее из цоколя. Аккуратно положив трубку на пол, она двинулась к следующей.

Когда в каюте не осталось источников света, она передвинула платформу для сна так, чтобы она оказалась между ней и дверью в каюту, и взбила одеяла, кое-как изобразив спящую фигуру. Потом, спрятавшись за платформой, она вынула из ножен «клинок Айдана» и проверила кончиком пальца, остро ли он заточен.

«Будь в готовности все принять. Но правду проверяй, принуждая ее солгать; ложь проверяй, принуждая ее к правдивости».

За дверью каюты раздались голоса, потом ожил блок связи.

— Джоанн Никол! Говорит офицер девятого разряда Ееатна, ваш дежурный охранник.

Джоанн дотянулась до кнопки.

— В чем дело?

— Я получил приказ явиться с докладом к командиру охраны. В коридоре есть другие охранники, ваша дверь заперта, а я скоро вернусь.

Джоанн облизнула губы.

— Хорошо.

Как только стихли шаги охранника, Джоанн отключила связь, присела за платформой и приготовилась ждать.

Слух, обоняние, осязание, память.

Час проходил за часом; Джоанн методично оценивала свои возможности: слышит ли она шорох тонкой материи, может

ли уловить нюхом чье-то присутствие, способна ли видеть в темноте мысленным взглядом острее, чем другие видят глазами при свете. Кто окажется сильнее в потемках?

В каюте почувствовалось какое-то движение. Джоанн уже знала, что происходит. Слух снабжал рассудок исчерпывающей информацией, правая рука сжимала рукоятку клинка. Чужая рука шарила по стене в поисках выключателя. Потом послышались мягкие шаги, словно обувь незваного гостя была обернута тканью.

Скафандр! К тому же она не уловила, чтобы гость открывал дверь.

Раздалось шипение, в каюте запахло озоном. Над головой Джоанн полыхнуло жаром. Шаги двинулись к возвышению для сна; Джоанн почувствовала запах горелой материи.

— Эй!

Руки пришельца ворошили пепел, оставшийся от одеял.

Джоанн неслышно сместилась влево, обогнула платформу и замерла, очутившись совсем рядом с незнакомцем. Несильно обхватив его ногу левой рукой, она правой кольнула его острием клинка.

— Положи оружие, иначе я вспорю твой защитный костюм.

Через мгновение, показавшееся Джоанн вечностью, ее правое плечо пронзила горячая сталь. Теряя сознание от боли, она успела всадить свой клинок в ногу недруга.

Раздался крик, поток энергии разодрал ей плечо. Потом пахнуло аммиаком — и ее поглотила чернота.

18

Каковы цели? Что такое намеченные цели? Каковы цели, ради которых происходит событие? Какие цели ставятся, когда готовится событие?

Чем больше истин ты познаешь, отвечая на эти вопросы, тем ближе подойдешь к пониманию ситуаций, возникающих между одушевленными существами. Понимать же ситуацию — это почти то же самое, что управлять ее природой и последствиями.

Предание о Дитааре, Кода Синушада, Талман

Верхняя правая половина ее туловища потеряла чувствительность. Ей представлялась алая кровь, лицо горело огнем.

— Свет, Натуэх, — раздался где-то над ней голос Торы Соама.

Лицо перестало гореть.

— Тора Соам?

— Да.

— Кто это был? Кто пытался меня убить?

— М-м-м... — Смущенное молчание. — Этого мы не знаем. Как только я понял, что у вас на уме, я удалил вашего охранника и выслал целый взвод для поимки того, кто попытается к вам проникнуть. Однако к вам никто не входил, от вас никто не выходил.

Джоанн нахмурилась.

— На нем был изолирующий от атмосферы скафандр. Я его проткнула. Кто бы это ни был, он должен лежать в моей каюте мертвый.

— Там никого нет.

Джоанн напрягла память.

— Из коридора никто не входил. Значит, в каюте есть как минимум еще одна дверь. Через нее, наверное, и вытащили труп. — Она стала шарить в воздухе рукой, чтобы поймать руку Торы Соама. Добившись своего, она проговорила: — Когда я проколола скафандр, запахло аммиаком.

— М-м-м... — Тора Соам помолчал. — В группе наблюдателей от Девятого Сектора есть всего один участник, чья родная атмосфера содержит много аммиака: Дарласс Ита с планеты Аус.

Джоанн покачала головой.

— Бессмыслица! Орбитальную станцию сконструировал и построил тиман Низак. Это был тиман!

— Всем на станции хорошо известно, что вы слепы, Джоанн Никол. Тот, кто попытался вас убить, мог быть как тиманом, так и человеком или драком, изображавшим посланца Ауса. Цель посещения могла состоять в том, чтобы бросить тень подозрения на тиманов.

— Или это сами тиманы пытались изобразить, будто кто-то пытается подставить тиманов. — Джоан опять покачала головой. — Кто здесь сейчас находится, кроме вас, Тора Соам?

— Натуэх Ги, чирн-джетах корабля «Куэх».

— А где посол Рафики и джетах Индева?

— Сначала они оба отказывались появляться здесь без ассистентов, однако сейчас они уже должны прибыть на корабль со своей охраной.

Джоанн кивнула.

— Всем нам необходимо собраться в каюте с главным дисплеем. — Она повернула голову туда, где находился Натуэх Ги. — Я могу встать?

— Нет, вам необходимо лежать. Вы сильно пострадали.

Она нахмурилась и пощупала левой рукой правое плечо, которое вместе с правой рукой было закрыто гладкой пластмассой.

— Думаю, мне удалось спасти вам руку.

Джоанн уронила голову на подушку.

— Перевезите меня в каюту с главным дисплеем, Натуэх Ги.

— Вам необходим покой.

— Перевезите ее! — распорядился овьетах. — Она знает, что делает.

Койка пришла в движение.

— Овьетах! — позвала она.

— Я слушаю, Джоанн Никол.

— Вы вывели туда компьютеры Талман-коваха и Соединенных Штатов Земли?

— Информацией из Талман-коваха можно пользоваться, однако посол Рафики не дает разрешения на связь с центральной компьютерной системой землян.

Джоанн больше не двигалась, позволяя катить ее койку в обозначенном направлении.

Торопись, Натуэх Ги! Дискуссия будет долгой.

Ее мысли путались. Ей вспомнились плацдарм «Сторм Маунтейн» и разговор с Тэдом Макаи в офицерском клубе за много месяцев до атаки драков.

— Расскажи мне про Амадин, Тэд.

— Ты относишься к тем, кого влечет гротеск?

— Просто хочу понять.

Тэд Макаи поерзал на табурете, допил рюмку и заказал еще. У него не было намерения откровенничать.

— Ни Карвер, ни Шпидель, ни Гади не рассказывают про Амадин. Все, кто там служил, молчат.

— Тебе когда-нибудь снились ужасные, кошмарные сны, Джоанн?

— Снились.

— Пыталась ли ты когда-нибудь передать такой сон словами, чтобы слушатель понял весь твой ужас?

— Пыталась.

— Ну и понял ли кто-нибудь из слушателей всю бездну испытанного тобой кошмара?

Кошмары... Она то и дело просыпалась в темноте, разбуженная собственным воплем, тряслась и орошала потом постельное белье. В детстве она пыталась поделиться увиденным с матерью, старавшейся успокоить ее в своих объятиях; спустя много лет Маллик внимал вполуха ее истерическому потоку слов, а потом разражался хохотом...

— Нет, этого не мог понять никто. Ведь они не видели моего сна.

Макаи кивнул.

— Вот так! А теперь угости меня рюмочкой.

Койка свернула за угол, и Джоанн догадалась, что уже находится в большой каюте с огромным дисплеем. Койка остановилась; врач нажал на кнопку, и передняя часть койки приподнялась, позволяя присутствующим видеть лицо Джоанн.

Ей предстояло поделиться с ними подробностями своего кошмара...

Она выпустила руку Торы Соама.

— Здесь никого не должно быть, кроме нас четверых: вас, Рафики, Индевы и меня.

Она услышала, как покидает помещение врач Натуэх Ги. Потом овьетах обратился к послу Рафики и джетаху Индеве.

— Уважаемые гости, нашей охране тоже придется дожидаться нас снаружи. — Направление голоса Торы Соама поменялось: его слова адресовались теперь одному из драков за пультом управления компьютерной системой. — Прошу меня извинить, но вам и членам вашей смены тоже придется подождать снаружи.

— Следует ли нам отключить перед уходом аппаратуру? — осведомился старший смены.

— Нет, она нам понадобится. Оставьте все в режиме «временная пауза».

— Будет исполнено, овьетах.

После того как удалились операторы, помещение одновременно покинули земная и дракская охрана, дружно бранясь себе под нос.

Наконец раздалось шипение, свидетельствующее о герметизации двери. Посол Рафики обошла стол и остановилась в ногах у Джоанн.

— Вы, значит, и есть та изменница, о которой рассказывал мне Мур.

— Я не изменница. Тора Соам может подтвердить, что я — вемадах. Вам ясно значение этого понятия?

— Я читала Талман, — ответила Рафики. — Только я не уверена, что так уж важно, каким прикрытием следует воспользоваться, чтобы совершить измену. Зачем меня сюда позвали, Никол?

— Чтобы засвидетельствовать кошмар, госпожа посол. Этот кошмар расскажет вам о причинах войны и о том, почему все продолжают воевать. Однако для этого Тора Соам должен получить доступ к земной информации коммерческого и исторического свойства.

— Это невозможно.

— Посол Рафики, требуемая информация не относится к категории секретной.

Джетах Индева встал и подошел к Торе Соаму.

— Имеет ли Талман-ковах выход на этот ваш информационный комплекс, овьетах?

— Имеет.

— Значит, эта женщина увидит на дисплее нашу информацию?

— В той степени, в какой это потребуется.

— Я не могу этого позволить! — заявил Индева.

— Решение по данному вопросу принимаете не вы, джетах Индева. Я — овьетах Талман-коваха. Даже сама Палата драков не может мне диктовать, как использовать мою информацию.

— Тора Соам, вы не имеете права заставить меня дать санкцию на такое подсоединение, — сказала посол Рафики.

— Не имеет, — вмешалась Джоанн. — Но для начала хватит и информации из коваха. Возможно, начав просмотр, госпожа посол захочет узнать больше. — Дождавшись, когда Тора Соам усядется на одно из операторских мест, она сказала: — Дайте на экран часть космического пространства, находящуюся во владении у Соединенных Штатов Земли и у Палаты драков.

— Вид с планеты Драко, — прокомментировал через некоторое время Тора Соам.

Джоан покачала головой.

— Дайте нам объемную картину с центром посередине между Землей и Драко, достаточно мелкомасштабную, чтобы можно было охватить взглядом всю территорию.

— Что теперь?

— Выделите планеты Земля и Драко.

— Готово.

Джоанн указала левой рукой на экран.

— Так обстояли дела примерно две тысячи сто земных лет назад. Люди еще не отрывались от своей планеты, а жители Синдие под водительством Помы возродили свою расу на планете Драко. А теперь, Тора Соам, ускорьте продвижение во времени и покажите результаты колонизаторских усилий обеих наций к две тысячи пятидесятому земному году.

Джоанн представляла себе ореол точек вокруг обеих планет. Через некоторое время посол Рафики не вытерпела.

— Что все это призвано проиллюстрировать?

— Так выглядели тенденции колонизации миров до официального образования Федерации Девятого Сектора. — Она обернулась к Торе Соаму. — Теперь медленно подходим к настоящему времени. Начиная с две тысячи пятидесятого года тенденции изменились. Обратите внимание, как зоны тянутся навстречу друг другу. — Мысленно она представляла себе несущиеся перекрестными курсами стрелы, сталкивающиеся у планеты под названием Амадин.

— А теперь? — спросил Тора Соам.

— Теперь появилась планета, колонизованная обеими расами сразу, — Амадин. Все вроде бы шло гладко, пока не образовались без предуведомления Фронт и Маведах. Никто не успел и глазом моргнуть, как вспыхнула война, в которую вовлечены теперь три сотни миров. В такой войне, как эта, не может быть победителя; главная ее проблема заключается в том, что ни одна сторона не способна взять и прекратить военные действия. Остается как будто единственный путь — взаимное уничтожение. Межпланетная битва завершится тогда, когда биться станет нечем и некому.

— Не вижу проку в лекциях по истории, — нетерпеливо отмахнулась посол Рафики. — К тому же существует еще один путь: договор, выработанный мною и Хелиотом Вантом.

— Если этот договор вступит в силу, госпожа посол, бои на Амадине не стихнут. Не существует мощной полиции, способной сдержать все население, обуреваемое жаждой убивать. К тому же Палата драков обязуется поддерживать и защищать Маведах, а Соединенные Штаты Земли — Фронт Амадина.

Каждый солдат, прошедший через пекло Амадина, уносит заразу с этой планеты к себе домой.

— Это так, — сказал Тора Соам послу землян. — Пока не будет решена проблема Амадина, обе стороны сохранят готовность снова завязать драку. Все большее число солдат, наблюдающих за событиями через прицел, будет созерцать тамошние ужасные события. Возобновление межпланетной войны, случайное или преднамеренное, — всего лишь дело времени. — Тора Соам подождал ответа землянки и, не дождавшись, обратился к Джоанн:

— Мы понимаем, что несвободны в своих решениях. Но поняли ли вы, почему, как это происходит?

— Найдите основные коммерческие интересы, вовлеченные в колонизацию планет после две тысячи пятидесятого года.

Овьетах поразмыслил и возразил:

— Но ведь их сотни, Никол, компании, профессиональные союзы, организации по иммиграции.

— Компании создают побудительные мотивы для деятельности профессиональных и иммиграционных организаций, овьетах. Ищите связующее звено между компаниями.

Пока Тора Соам послушно выполнял задание своей помощницы, джетах Индева подошел к Джоанн и сказал:

— Почему бы вам не выражаться проще?

Джоанн выдавила улыбку, мучаясь от боли в плече: действие анестезии заканчивалось.

— Вспомните, джетах: Шизумаат не говорил Намндасу, что Синдие — круг, а показывал ему это.

— Я вам не школьник-молокосос, глядящий в рот наставнику! — возмущенно вскричал Индева, хлопнув себя трехпалой рукой по груди. — Мне нужны ответы, а не театральное представление!

От пульта управления до них долетел голос Торы Соама:

— Если ваши слова искренни, Индева Бежуда, то вы не станете возражать против того, чтобы по-взрослому дождаться доказательств и сделать собственные выводы. — Не дав ему ответить на отповедь, Тора Соам продолжил: — Четкой системы не вырисовывается, Никол. Однако почти семьдесят процентов капиталовложений в колонизацию делается пулом из одиннадцати холдинговых компаний. Все это — компании с других планет, ни одна из них не принадлежит гражданам Палаты драков. Мы не располагаем о них коммерческой информацией.

Джоанн кивнула.

— Зато все они с планет — членов Федерации Девятого Сектора.

Овьетах, выверявший информацию, ответил ей не сразу:

— Вы правы.

Джоанн обернулась к послу Рафики:

— Вы организуете поступление сведений?

— Вы хоть представляете себе, Никол, на что замахиваетесь?

— Значит, вы тоже прозреваете, госпожа посол?

Рафики, подумав, подошла к Торе Соаму.

— Соедините меня с моей миссией.

После того как посол дала разрешение на компьютерную связь с банком данных землян, Тора Соам взялся обрабатывать новую информацию. Справившись с этой задачей, он отошел от пульта управления и остановился рядом с Джоанн.

— Итак, Никол, восемьдесят процентов капиталовложений в колонии Соединенных Штатов Земли принадлежат после две тысячи пятидесятого года четырнадцати холдинговым компаниям, ни одна из которых не зарегистрирована на планетах Соединенных Штатов.

— Все до одной — на планетах Девятого Сектора?

— Да... Неужели тут и кроется некто или нечто, развязавшее конфликт между Палатой драков и Соединенными Штатами Земли?

— Да.

— Но ведь для этого надо располагать квадриллионами, невообразимыми капиталами и ресурсами. — Теперь Тора Соам обращался к послу Рафики: — Все указывает на Федерацию Девятого Сектора как таковую.

— Людям повсюду мерещатся заговоры, — с отвращением проговорил джетах Индева. — Это безумие, Тора Соам! Неужели Никол заразила вас собственными призраками? — Индева перенес свой гнев на Джоанн. — Скажите, землянка, какой членам Федерации прок от того, что половина их сектора пылает в огне?

— Никакого.

— Совершенно верно. А как можно бы было держать в секрете столь крупномасштабный заговор сотни правительств, да еще десятилетиями, что предполагает ваша теория?

— Никак.

Индева помолчал.

— В таком случае, Никол, то, что открыто вашему зрению; для моего закрыто.

— В разработке условий договора принимались во внимание предложения наблюдателей от Девятого Сектора?

— Да.

Джоанн удовлетворенно кивнула.

— Эти предложения наверняка касались организации на Амадине охраняемой демилитаризованной зоны.

Индева тяжело перевел дух.

— Это — ключевая проблема войны. Прежде всего необходимо потушить конфликт на Амадине.

— Нет, джетах Индева. Вы ошибаетесь. Ошибок у вас две. — Джоанн, стиснув зубы, приняла сидячее положение. — Заговор — из тех, что, по вашим словам, мерещатся мне повсюду, — существует. Однако он фрагментарен, состоит из множества планов небольшого масштаба, которые в целом сулят нам уничтожение. ИМПЕКС землян действует по определенным правилам. Если ИМПЕКС получает надежную информацию, согласно которой действия сулят компании прибыль, и если к тому же сразу несколько крупных инвесторов получают ту же информацию и побуждают ИМПЕКС не медлить, то разве трудно сориентировать таким способом ИМПЕКС на изучение и дальнейшую эксплуатацию определенной планеты?

— Вы говорите об одной планете.

— Да. Но если по другим планетам продолжить выдавать информацию, которая всякий раз оказывается достоверной, то поставщики этой информации входят в доверие, тем более когда они располагают большими инвестиционными капиталами. Другие компании, видя, куда земляне из ИМПЕКСа и драки из ЯЧЕ вкладывают средства, знают по собственному опыту, что не в их интересах отставать от первопроходцев. — Джоанн покачала головой. — Все было до крайности просто! Довести Палату драков и Соединенные Штаты Земли до войны было все равно что раз плюнуть. Пользуясь нашими же правилами, нас буквально за руку подвели к взаимному уничтожению. А манипулировал всем этим Хиссиед-до' Тиман, наиболее влиятельный член Ассамблеи Девятого Сектора.

Рафики вздохнула.

— Слишком многое указывает на Девятый Сектор. Хиссиед-до' Тиман даже навлек на себя подозрение тем, как он исполнял роль члена комитета по приему в Федерацию новых чле-

нов. Если бы этот тиман был умнее, он бы тщательнее заметал следы.

— Более того, госпожа посол: Хиссиед-до' Тиман очень постарался, чтобы подозрение пало именно на него вместе со всей Федерацией Девятого Сектора. Какова цель Хиссиеда-до' Тимана? — спросила Джоанн у Торы Соама. — На что направлена его деятельность?

— План прост. Такими, как мы есть, Хиссиед-до' Тиман предпочел бы держать нас за пределами Федерации. У Соединенных Штатов Земли и Палаты драков достаточно большое население, чтобы покончить с влиянием Тимана в Федерации. Для того чтобы тиманы допустили нас в Федерацию, мы должны первым делом сократить свое население. В теперешнем количестве мы — слишком влиятельный электорат. — Овьетах зашагал взад-вперед. — Но это еще не все. Нам нельзя обронить ни словечка о том, что мы узнали. Если мы проговоримся, люди и драки узнают, что эту войну спровоцировал Девятый Сектор. Нападем мы в итоге на Федерацию или нет, результат будет один и тот же: ни Палата, ни Соединенные Штаты не станут членами Девятого Сектора. Никол!

— Я вас слушаю, овьетах.

— Именно этого и хочет Хиссиед-до' Тиман — не допустить нас до членства?

— Да. Они усматривают в нас угрозу могуществу Тимана.

Рафики вздохнула.

— Если все это — правда, то я начинаю понимать, что вы имеете в виду под «заданностью», Тора Соам. Если истина станет известна, ярость людей и драков будет такова, что мы либо объявим Федерации войну, либо думать забудем о вступлении в нее.

— И то, и другое устраивает Хиссиеда-до' Тимана, — сказал Тора Соам. — Даже выступив объединенными силами, мы не сможем выиграть войну у объединенных сил Федерации. А если просто воздержимся от членства — что ж, этого Тиману и надо.

— Но как быть с теперешней войной, Тора Соам? Продолжать ее мы не можем, но и остановить не в силах, если верно все здесь сказанное.

— Вы правильно оцениваете ситуацию, посол. Вы хотели что-то спросить, джетах Индева?

— Да. — Джетах обращался к Джоанн. — Если истина найдена, то почему мы не можем отдать Хиссиеда-до' Тимана под

межпланетный суд самой Федерации? Разоблачим его с его подлыми планами и обрушим на него гнев всей Вселенной!

Джоанн улыбнулась.

— И поставим таким образом в известность Землю и Драко? Никаких доказательств связи между Хиссиед-до' Тиманом и этим планом вы не найдете. Полагаю, что изучение его финансового состояния выявит скромное существование на жалованье члена Ассамблеи. Сомневаюсь, чтобы хоть какое-то из капиталовложений компании можно бы было объявить его работой. Его деятельность — не столько деньги, сколько советы и рекомендации. Даже когда дело дошло до голосования в его комитете, Хиссиед-до' Тиман просто воздержался. Образец беспристрастности, да и только! Тиманы — мастаки по части сокрытия истинных трасс и ложных следов. К тому же заметать следы никогда не составляло для него труда. Видите ли, Хиссиед-до' Тиман не преследовал денежного интереса, а по-своему заботился о выживании своей расы. Он — патриот. Госпожа посол!

— Да, Никол?

— Все, что я здесь вам говорю, — чистая правда. Проверяйте мои слова любыми способами, только держите все в тайне. Если план Хиссиеда-до' Тимана станет достоянием прессы, то это приведет к столь же губительным последствиям, что и осуществление самого плана.

— Кто, по-вашему, покушался на вашу жизнь, Никол?

— Не имеет значения. Вселенная кишит благонамеренными созданиями, готовыми пойти на подобный риск, полагая, что этим они послужат «справедливости».

— Как же быть с договором?

— Госпожа посол Рафики и джетах Индева, как только вы возобновите ваши переговоры в присутствии троих наблюдателей — Торы Соама, Хиссиеда-до' Тимана и меня, все сразу прояснится. Никакой охраны, помощников и ассистентов, позаботьтесь об удалении любых подслушивающих и подглядывающих устройств. Вы оба должны явиться на такие переговоры уполномоченными своих правительств с самыми широкими правами, в том числе и с возможностью отдавать приказы вооруженным силам.

— Я располагаю именно таким объемом полномочий от имени Палаты драков и могу их вам делегировать, — заявил Тора Соам. — Посол Рафики?

— Мне придется обсудить это с моим правительством. Но зачем мне такие полномочия, Никол?

— Вам потребуется максимальная власть и свобода действий, иначе проблема разрешена не будет. — Джоанн вытянула руку. — Тора Соам, действие введенного мне анестезирующего средства почти на исходе. Приготовлено ли для меня место на этом корабле?

— Разумеется.

— Тогда передайте меня Натуэху Ги.

Койка опять пришла в движение. Тора Соам зашептал ей в самое ухо:

— Неужели Хиссиед-до' Тиман несет ответственность и за смерть Хелиота?

Джоанн обессиленно покачала головой.

— Нет. Смерть Хелиота Ванта, напротив, противоречит его планам. Ведь благодаря ей переговоры возобновляются.

Койка остановилась.

— Тогда кто?

Джоанн помахала рукой.

— Соблаговолите задержаться, госпожа посол Рафики.

— Хорошо.

Джоанн дотронулась до руки Торы Соама.

— Пошлите за вашим первенцем. Вместе Ана Рафики и Тора Кия ответят на ваш вопрос.

Прошло всего несколько минут. Джоанн уже успели ввести новую дозу препаратов, и она слушала с койки, как Тора Соам, Кия и посол Рафики рассаживаются вокруг нее.

— Что ж, Никол, начинайте, — предложил Тора Соам.

Джоанн кивнула.

— Госпожа посол.

— Да?

— Расскажите о своих отношениях с Хелиотом Вантом.

— В каком смысле?

— Как вы к нему относились? Что чувствовали?

Посол Рафики долго молчала, но все же решилась.

— Сначала мы вообще не могли общаться. Слишком велика была враждебность, слишком толста короста ложных проблем. Но по мере того, как мы расправлялись с препятствиями, враждебность постепенно сменялась взаимным уважением. Я очень уважала Хелиота.

— Опишите, что произошло в тот вечер, когда он погиб.

— Я передала информацию об этом майору Харидаши и разрешила требуемый вами информационный обмен через майора Мура.

— Все равно опишите. Меня больше интересуют ощущения, нежели сами события.

— Хорошо. Выработка условий договора была очень нелегким и долгим делом. В конце концов Хелиот предложил, чтобы мы с ним встретились с глазу на глаз в неформальной обстановке, без делегаций, постоянно обменивающихся обвинениями. Эта встреча оказалась очень полезной.

— Потом последовали новые подобные встречи?

— Да. Это позволяло работать гораздо эффективнее!

— Ваша привязанность к Хелиоту неуклонно росла?

— Я бы не называла это привязанностью. Это было восхищение, уважение. — В голосе женщины-посла зазвучали горестные нотки. — А хотя бы и привязанность! Полагаю, чувство было взаимным. Перед самой смертью Хелиот успел признаться, что уважает меня. Хелиот был очень горд — не только тем, чего мы достигли, но и тем, что мы достигли этого совместно — человек и драк. Хелиот... гордился нами.

Джоанн услышала, как Тора Соам встал и шагнул к послу.

— Вы плачете? Вы оплакиваете Хелиота Ванта?

— Неужели это так странно?

— Да, странно.

Джоанн повернулась к Кия:

— Кия, объясни им, что произошло.

— Откуда мне это знать?

— Ты знаешь.

После длительного смущенного молчания Кия молвил:

— Видимо, это действительно так. Должен вам сказать, посол Рафики, что непосредственно перед смертью Хелиот Вант находился во власти сильных чувств.

— Возможно. Я уже сказала, что Хелиот очень гордился нашими с ним достижениями. — Она грустно усмехнулась. — Хелиот... Он даже научился краснеть.

Направление голоса Кия изменилось.

— Объясни, родитель, возможна ли любовь, сексуальное влечение к человеку?

— Какая нелепость! — фыркнул джетах Индева.

— И тем не менее это возможно, джетах.

— Продолжай, Кия, — раздался голос Торы Соама.

— Хелиот Вант полюбил ее, хотя сам называл это по-другому. В конце концов посол Рафики — человек. Хелиоту не приходило в голову, что у него есть основания скрывать свои чувства.

— Уж не намекаешь ли ты, Кия, что чувства, которые испытывал Хелиот к этой женщине, помогли ему... зачать?

— Именно на это я и намекаю.

— Как такое могло случиться? В его-то возрасте...

— В возрасте Хелиота акт зачатия неминуемо вел к смерти. А что касается любви, сексуального влечения, то драк вполне может испытать их к землянке.

— Откуда ты знаешь?

— Так уже бывало...

— Откуда ты знаешь?!

— Так произошло и со мной.

— Кия!.. — Овьетах был ошеломлен. — Никол? Ты и Никол?..

— Это было очень странно... Темнота... Я не видел причины скрывать свои чувства. Мой рассудок был отягощен кошмарами, а это существо, которого я не различал в темноте, было готово меня выслушать, позволило мне облегчить душу. Потом она вообразила, что я — ее партнер, она тоже нуждалась в утешении...

— И ты зачал?

— Да. Род Тора получит продолжение.

Посол Рафики вскочила.

— Вы утверждаете, Никол, что это я убила Хелиота?

— Нет, госпожа посол. Обстоятельства, недопонимание, возраст — все это вместе и погубило Хелиота Ванта.

— А как же яд? — напомнил Тора Соам.

— Смерть Хелиота Ванта произошла по трагической случайности. Но это несчастье вносило в тщательно сбалансированное уравнение Хиссиеда-до' Тимана огромную степень случайности и неопределенности. Полагаю, яд стал отчаянной попыткой спасти уравнение от краха. Не исключено, что Лонду Пег был агентом тимана, но более вероятно, что яд попал в труп позднее. На орбитальной станции хватает потайных ходов, чтобы тиманы при желании смогли подбросить улики. Новое вскрытие, которое вы уже приказали произвести, подтвердит слова Кия.

Посол Рафики подошла к Джоанн.

— Но почему договор, подготовленный нами с Хелиотом, играет на руку Хиссиеду-до' Тиману?

— Потому что он накрепко привязывает обе стороны конфликта к проблеме Амадина, а саму эту проблему никак не решает. Здесь заложена обреченность на возобновление войны; более того, в будущем обе стороны будут отвергать саму идею переговоров как совершенно непродуктивную. Продолжение полномасштабной войны между Соединенными Штатами Земли и Палатой драков жизненно необходимо для успеха плана Хиссиеда-до' Тимана.

Посол Рафики долго размышляла стоя, прежде чем обратиться к Торе Соаму.

— Я все-таки многого не понимаю. Тем не менее теперь я стану добиваться полномочий, о которых говорит Никол. Я буду держать вас в курсе дела, джетах Индева.

Джоанн слышала, как посол удалилась. За ней с ворчанием последовал джетах.

— По-моему, я должен высказаться, Никол, — проговорил Тора Соам.

— Насчет чего?

— Тем хватает. Во-первых, вы и Кия...

— Это чистая правда, — раздался голос Кия.

— В таком случае тебя надо отправить обратно на Драко. Оставаться здесь слишком рискованно, если правда то, о чем говорит Никол. Наш род...

— Если кто-то и рискует, то не я, а Джоанн Никол. Теперь совершенно ясно, что тиман понимает, зачем мы ее привезли. Я останусь здесь, чтобы уменьшить риск.

— Неужели ты... полюбил человека?

Тора Кия долго молчал.

— Нет. При свете многое меняется. Однако я, то есть мы обязаны ей продолжением рода Тора. Для нас с тобой она должна быть большим, нежели просто талмой для решения некой задачи.

С этими словами Кия вышел. Постояв молча, Тора Соам проговорил:

— Джоанн Никол.

— Да, овьетах?

— То, о чем толкует Кия... Как могут человек и драк?..

— Любить друг друга?

— Да. Даже одно мгновение.

— В «Кода Тормеда» Кохнерет спрашивает, что сильнее: любовь к форме или любовь к существу?

— Вы читаете лекцию овьетаху Талман-коваха?

— Помните, овьетах: одно дело — правда вашего рассудка и совсем другое — правда, о которой говорят ваши чувства.

— М-м-м...

Она закрыла глаза и улеглась поудобнее.

— «О, если бы уснуть я мог с клубком гадюк у самых ног! А коли я умру во сне — о Боже, снизойди ко мне!»

— Джоанн Никол!

— Что, овьетах?

— Я не обладаю вашей проницательностью, но простейшие вещи понятны и мне. То, что мы знаем о плане тимана, ему только на руку. Как же нам добиться молчания самого Хиссиеда-до' Тимана? — Голос Тора Соама звучал зловеще — И это еще не все. Если план тимана так изощрен, как вы считаете, то орбитальная станция — летающая бомба. Какое бы решение здесь ни было выработано, можно воспрепятствовать его претворению в жизнь, просто-напросто взорвав станцию вместе со всеми, кто на ней находится, а вину взвалить хоть на Маведах, хоть на Фронт или войска Соединенных Штатов и дракский Флот, и Девятый Сектор.

— Да, ситуация именно такова, овьетах. Остается надеяться, что Хиссиед-до' Тиман видит ее в таком же свете. — Джоанн натянула одеяло до подбородка. — А теперь я буду спать. Многих вам бодрых пробуждений, Тора Соам!

Помявшись, Тора Соам откликнулся:

— И вам того же, Джоанн Никол.

Она слышала, как он медленно выходит из ее каюты. Когда дверь закрылась, она прошептала:

— Боже, благослови всех нас!

19

— Айдан, — изрек Ниагат, — я стану служить Герааку; я положу конец войне; я буду одним из твоих полководцев.

— Готов ли ты убивать, чтобы этого достичь, Ниагат?

— Готов.

— Убьешь ли ты Гераака, чтобы этого достичь?

— Убить. Гераака, моего господина? — Ниагат помедлил, размышляя. — Если то и другое одновременно невозможно, я бы предпочел смерть Гераака и прекращение войны.

— Я спрашивал не об этом.

— Да, Айдан, я не остановлюсь перед убийством.

— Умрешь ли ты сам, чтобы этого достичь?

— Я готов рисковать своей жизнью, как любой из моих воинов.

— Опять я спрашиваю не об этом, Ниагат. Если конец войны возможен только ценой твоей жизни, наложишь ли ты на себя руки ради достижения мира?

Ниагат задумался над сказанным Айданом.

— Я готов к случайностям, которые сулит битва. В битве у меня есть шанс достичь моей цели и увидеть своими глазами ее торжество. Но верная смерть, да еще от своей собственной руки, лишает меня надежды увидеть мою цель достигнутой. Нет, я не стану жертвовать жизнью. Это было бы глупо. Прошел ли я проверку?

— Нет, не прошел, Ниагат. Твоя цель — не мир, а жизнь при мире. Возвращайся, когда твоей целью будет мир, и только он, и когда ты будешь готов перерезать себе горло ради его достижения. Такова цена Почетного оружия полководца.

Айдан и Вековая война, Кода Итеда, Талман

В следующие несколько дней гипотеза Джоанн о причине смерти Хелиота Ванта подтвердилась. Хелиот умер потому, что зачал. При вскрытии на Синдиеву были найдены следы яда, однако тканей он не пропитал. Яд попал в труп позже. Лонду Пег был подвергнут допросу. Подозрения в его вовлеченности в преступление не подтвердились.

За пределами орбитальной станции военная полиция землян нашла мертвого тимана в скафандре. Тиман оказался сотрудником тимана Назака. Причиной смерти была дыра в штанине скафандра и вакуум космического пространства. Тиман Назак не потребовал расследования.

На планете Амадин Хита Зан, сменивший на посту первого военачальника Маведаха недавно погибшего Акаама Джааду, объявил, что Фронт берет курс на полное уничтожение. В то же самое время Шарлотта Раза повела части Фронта Амадина в наступление на восточный континент Шорда.

На орбитальной станции была созвана новая конференция.

* * *

Хиссиед-до' Тиман смотрел на экран. На экране застыло изображение маленькой каюты на станции, где умещалось только четыре стула и четырехугольный стол. Два стула стояли у стола друг напротив друга, остальные два — вместе, с противоположной стороны. Тиман отвернулся от экрана. Рядом с ним маячила фигура в скафандре.

— Вы странное создание, Леонид Мицак.

— Что кажется вам таким странным, Хиссиед-до' Тиман?

Тиман поднял глаза на экран.

— Человек, работавший на Палату драков, теперь — мой личный осведомитель. Почему вы здесь, со мной, Леонид Мицак?

— Я преследую собственные интересы.

— Я ничего вам не плачу. Если вы говорите от чистого сердца, то, значит, согласны помогать мне в деле уничтожения расы, которой вы восхищены, и расы, которая дала вам жизнь. Какие же еще интересы вы можете преследовать?

— Думаю, тиману это должно быть понятно.

— Объясните.

— Вам знакома человеческая игра — шахматы?

— Конечно. Очень популярная на нашей планете игра для маленьких детей. Вы собираетесь что-то проиллюстрировать с ее помощью?

— Представьте себе шахматную доску. Шахматист-человек отлично знаком с правилами игры и стратегиями, опирающимися на эти правила. Однако драк, противник человека, все равно выиграет, потому что он — специалист по части несоблюдения установленных правил. Первым же ходом драк смахнет с доски фигуры противника.

— А каков будет первый ход шахматиста-тимана?

— Если тиману будет предложено спасти положение, он развернет доску.

— Ну и что?

— В моих интересах быть на стороне победителя.

Тиман закивал и снова стал смотреть на экран. В каюте со столом и стульями появились люди и один драк. Посол Рафики заняла место справа, джетах Индева — слева, слепая женщина по фамилии Никол уселась на один из стульев в центре, глядя прямо на тимана. Одно ее плечо закрывал пластмассовой лубок. Вскоре появился Тора Соам и сел слева от Никол.

Хиссиед-до' Тиман весь подобрался.

— Как же так, Мицак? Они не оставили места для Фронта и Маведаха. Вы говорили, что они понимают, что проблему Амадина придется так или иначе решать.

— Еще я говорил, что они понимают, что проблема Амадина не поддается решению. Они знают, что это заколдованный круг, и знают имя колдуна.

Тора Соам встал, наклонился и включил блок связи.

— Хиссиед-до' Тиман?

Тиман тоже нажал кнопку.

— Да.

— Мы начинаем.

— Ответьте, Тора Соам, почему на этом заседании я — единственный наблюдатель от Девятого Сектора?

— Это заседание особенное, а вы — единственный официальный представитель Девятого Сектора, для которого представляет интерес его тема.

Тора Соам дотронулся до плеча Джоанн. Слепая женщина встала, а Тора Соам снова сел. Слепая женщина заговорила:

— Палата драков и Соединенные Штаты Земли достигли соглашения. Мы собрались для подписания исправленного варианта договора Хелиота Ванта — Аны Рафики.

— Превосходно! — закивал тиман. — Но в чем состоят исправления?

— С Амадина полностью выводятся все регулярные войска СШЗ и драков. Демилитаризованная зона упраздняется. На Амадине вводится режим карантина. Пускай планета решает свои проблемы самостоятельно. — Джоанн улыбнулась. — Мы больше не прикованы к драчунам на Амадине.

Тиман внимательно посмотрел на посла с Земли.

— Как мне известно, посол Рафики, Соединенные Штаты Земли поклялись защищать людей на Амадине. Существуют определенные обязательства...

Рафики кивнула и, глядя прямо в камеру, заявила:

— Обязательства будут нарушены.

— Нарушены?! — Тиман перевел взгляд на джетаха Индеву. — А что будет с обещаниями, данными Флотом драков Маведаху?

Драк покачал головой, не отрывая взгляда от стола.

— Обещания пересмотрены. Амадин оставлен без поддержки.

— Это... с трудом поддается пониманию. — Тиман некоторое время рассматривал слепую землянку. — Как я понимаю, все уже и так решено, Никол. Какова же цель этого заседания?

— Поставить в известность вас, Хиссиед-до' Тиман.

— Джетах Индева и посол Рафики! Вам обоим должно быть известно, что этот договор, бросающий оба народа Амадина на произвол судьбы, вызовет ярость обеих ваших рас.

Ему ответила посол Рафики:

— Джетах Индева и я получили в отношении Амадина абсолютные полномочия. Обе расы в большинстве своем согласятся с договором, поскольку большинство всегда склонно к согласию. Правительства тоже согласятся — по двум причинам: во-первых, закон обязывает их выполнять наше решение; во-вторых, нарушение договора означает возобновление войны. Договор не будет популярен, однако он предпочтительнее, чем имеющаяся альтернатива.

— Учтите, вам не удастся оправдаться.

Индева посмотрел в камеру.

— Мы учитываем и другое: огласка причин будет тебе на руку, тиман. Но талма должна быть соблюдена. Меня это может погубить, зато война будет прекращена. Не такая уж высокая цена.

— Оба правительства просто не могут себе позволить претворить такой договор в жизнь. И Палата драков, и Соединенные Штаты Земли не смеют пренебрегать отношением населения. Что скажете, посол Рафики?

— Вы правы. Очень возможно, что наше решение приведет к свержению обоих правительств. Но и это весьма скромная цена. К тому же обоим правительствам проще нарушить соглашение с друзьями, чем с врагами. Цена нарушения соглашения будет такой ужасной, что ни у того, ни у другого правительства просто не поднимется рука это сделать, как бы того ни требовали внутриполитические соображения.

Слово взяла Джоанн:

— При всей непопулярности договора он остается договором — официальным соглашением двух правительств. Оба правительства будут соблюдать его условия, ибо отказаться от этого значило бы нарушить законы, поступиться честью, гордостью, последовательностью, доверием... — Джоанн рассмеялась. — Как видишь, тиман, мы не можем не соблюдать этот договор. Ты и сам это понимаешь.

Тиман покосился на Мицака и опять уставился на экран.

— Вы упускаете из виду, Никол, что мой план продолжает действовать ничуть не хуже, даже если о нем становится известно. — Он снова покосился на Мицака. — С планом ничего

не случится даже в том случае, если от всех нас через минуту останется мокрое место. Я могу устроить это, прежде чем ваш Мицак сделает хотя бы шаг в мою сторону. Или вы полагаете, что я побоюсь принять смерть ради своей расы?

— Почему же, мы как раз на это и рассчитываем, — ответила Джоанн. — Ты — патриот, Хиссиед-до' Тиман. Я не сомневаюсь, что ты с радостью погибнешь ради выживания своей расы.

— Тогда зачем все это? Вас все равно переиграли по всем статьям. Ваш договор ничего не меняет.

— К твоему сведению, тиман, в настоящий момент корабли Флота драков и вооруженных сил СШЗ взяли курс на Тиман, имея приказ превратить твою планету в пепел, а всю твою расу — в одно воспоминание. Эти корабли находятся под непосредственным командованием джетаха Индевы и посла Рафики. Приказ будет выполнен, если они не получат нового. Если ты нас убьешь, нового приказа не последует. Теперь ты знаешь цену своего молчания.

Мицак подошел к тиману и протянул ему что-то на ладони, обтянутой перчаткой. Это была розово-голубая капсула. Взяв капсулу, тиман посмотрел на человека.

— Переходите на сторону победителей, Мицак?

— Совершенно верно. Будьте добры, подождите, я позову охрану.

Мицак вышел из каюты. Хиссиед-до' Тиман перевел взгляд с капсулы на экран.

— Тиман — планета Девятого Сектора. Если вы на нее нападете, то будете воевать с целым Сектором, а не просто друг с другом.

— Тиман все равно превратится в пепел.

— А что, если с планом знаком кто-то еще, то есть мои сообщники?

— Они будут держать язык за зубами, чтобы не предстать дураками. Не существует ровно никаких улик, позволяющих связать тебя, Девятый Сектор или планету Тиман с твоим планом; нет вообще никаких доказательств существования плана. Вся коммерческая информация подвергнута... правке.

— А если я сообщу о ваших намерениях вашим правительствам? Разве они не отзовут ваши полномочия и не прикажут вернуться отряду, высланному вами к Тиману?

Рафики устало протерла глаза.

— Штурмовой отряд достигнет Тимана и испепелит его задолго до того, как до него долетит приказ, отменяющий ата-

ку. — Посол откинулась в кресле. — Между прочим, НАШ приказ об отмене атаки тоже не долетит до отряда вовремя, если мы не отдадим его незамедлительно.

Хиссиед-до' Тиман сел прямо. В каюту вошли два охранника-тимана. Один из них сказал:

— Ваше превосходительство, некто по имени Мицак сообщил, что вы желаете иметь нас свидетелями чего-то.

— Да. Стойте здесь и молчите. Вы там! Вы будете объявлены изменниками своих народов. Предатели!

Не получив ответа, тиман отключил связь и погасил экран. Не отрывая взгляда от безжизненного экрана, он обратился к охранникам:

— Вы сообщите о том, что сейчас увидите, миссиям Соединенных Штатов Земли и Палаты драков.

— Будет исполнено.

— А женщине по имени Джоанн Никол передайте, что игра еще не сыграна. Вам все понятно?

— Да, ваше превосходительство.

Тиман еще раз взглянул на капсулу, сунул ее себе в рот и раздавил жвалами.

«Всем им придется хранить гробовое молчание, — думал он, пока перед его глазами постепенно угасал свет жизни. — Хватит ли у них силы воли?..»

«Тремстам одиннадцати джетахам Талман-коваха, Помаву, планета Дра́ко.

Могу довести до сведения высокочтимых джетахов вышеизложенное, ибо тайна соблюдалась достаточно долго — до тех пор, пока ее разглашение не перестало представлять опасность. Однако молчание потребовало цены, предсказанной Айданом. Тиман был прав, сказав, что игра еще не была сыграна.

После возвращения на Драко джетах Индева Бежуда был подвергнут осуждению и изгнан из Палаты драков. Удалившись в свое имение опозоренным, Индева год спустя наложил на себя руки.

Джетахи Талман-коваха потребовали отставки Торы Соама с должности овьетаха. Тора Соам и его первенец Тора Кия поселились в имении Тора, чтобы воспитывать ребенка Кия, Тору Вое. Через три года Тора Соам был убит сторонником амадинского Маведаха.

Тора Кия улетел с ребенком на планету Лита и назвался там другим именем. Ребенка он определил в Талман-ковах на Лите, а сам давал уроки игры на тидне. Через четыре года после завершения его ребенком учебы в Талман-ковахе Тора Кия умер. Тора Вое является в настоящий момент джетахом Талман-коваха в Помаву; вам он известен под именем Хадсис Жия. Данное письмо возвращает Торе Вое его подлинное законное имя.

Ана Рафики возвратилась на Землю, где была уволена с дипломатической службы Соединенных Штатов. За год жизни на Земле она дважды едва не стала жертвой покушений, предпринимавшихся сторонниками Фронта Амадина; покинув родную планету, она исчезла из виду.

Джоанн Никол возвратилась на Землю, была отдана под трибунал за содействие противнику, признана виновной, уволена из вооруженных сил и приговорена к пятнадцатилетнему заключению. По прошествии трех лет она была помилована и выпущена на свободу. Начался поиск ребенка, от которого она отказалась при его рождении. Ведя поиск, Джоанн Никол параллельно основала земной Талман-ковах.

Леонид Мицак, заменив верой талму, прокладыванию которой он в свое время содействовал, отправился на Амадин в попытке способствовать примирению между Фронтом и Маведахом, но уже через два дня был там казнен. С тех пор минуло тридцать лет, а войне на Амадине не видно конца.

Через двадцать лет после гибели Мицака Палата драков вступила в Федерацию Девятого Сектора. Год спустя Соединенные Штаты Земли, покончив с внутренним сопротивлением вступлению, тоже присоединили все свои планеты к Девятому Сектору.

Именно тогда, незадолго до своей кончины, Джоанн Никол рассказала мне историю, которую я и представила вашему вниманию. Я вручаю ее Талман-коваху на правах «Кода Нусинда», восемнадцатой книги Талмана. Я поступаю так, будучи овьетахом земного Талман-коваха Тессией Льюис, дочерью Маллика и Джоанн Никол».

Истинная правда и сокровенный смысл не достигаются согласием. Если кто-то один понимает смысл, смысл уже понят. Если кто-то один видит истину, истина уже на виду.

Предание об Атаву, Кода Сишада, Талман

ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ

Племя — это всего лишь мысль,
приковывающая мыслящего к вечной войне
с теми, кого не отпускают иные мысли.

Хиссиед-до' Тиман. Рассуждения на крови

© Перевод. А. Кабалкин, 2002

1

Миати Ки прячется чуть повыше нас, среди валунов на краю сухого речного русла. Я вижу только его правый сапог и верх его энергоблока. Солнце раскалено, жар, источаемый песком и камнями пустыни, опаляет мне лицо и мешает дышать. Только невыносимая влажность напоминает о том, что прежде в этих местах росли непроходимые джунгли. Теперь здесь не осталось ни птиц, ни цветов, ни деревьев. Все уязвимые красоты, когда-то произраставшие на этой земле и паривши над ней, исчезли в этой части Шорды несчетные поколения назад. Остались одни больно жалящие зеленые мухи — они-то переживут нас всех.

Пина доедает свою порцию доставшихся нам чужих пайков. Приступая к еде, он пошутил:

— Мы едим в обеденную трапезу плоды иррведена, за которые сражался Маведах.

Я засмеялся вместе со всеми при этом отголоске застольных церемоний, напомнившем о временах, когда еще бывали полноценные трапезы, столы, пристойная пища. Все это осталось в далеком прошлом, когда мы еще не появились на свет. Когда я был совсем мал, еще до смерти моего родителя, Язи Аво повторял церемониальные формулы за едой — когда было что есть. Да, я смеялся шутке Пины, хотя мне хотелось плакать.

Я подношу к уху маленький приемник, который всегда ношу в кармане. Экран разбит, но радио работает. Станция Маведах на возвышенности Мижии все еще ведет трансляцию, а это значит, что на востоке вторжение Фронта на Шорду развивается не слишком успешно. Музыка — это бойкая кипучая смесь человеческих и дракских народных мелодий,

именуемая нами «зидидрак», а людьми — «манчо». Запись еще довоенная. Я ищу в эфире передвижные станции Фронта Амадина, но ничего не нахожу. Иногда удается поймать станцию «Черного Октября», но сегодня она не ловится. Не слышно ничего, что подтверждало бы слухи об очередной попытке заключить перемирие. Но даже если бы перемирие было заключено, прошли бы считанные дни — и «Роза», «Черный Октябрь» или еще какое-нибудь неконтролируемое крыло Фронта нарушило бы его, снова ввергнув нас в войну. Но даже один день без смертей — уже хорошо, а несколько — и того лучше.

Ки машет рукой, подавая нам сигналы. Первый знак — один палец вниз, второй — все три пальца вместе, потом сжатый кулак. Чаки Анта вернулся.

В бункере произошел взрыв. Все мы его слышали, все видели дым и облако пыли над озером. Кват Юники рассказал перед смертью, что произошло. Из бункера вышел с поднятыми руками человек, и Чаки Анта согласился взять его в плен. У человека были сжаты кулаки. «Я увидел провод, — рассказывал Чаки, — и приказал человеку разжать кулаки, прежде чем он подойдет ближе. Я обращался к нему по-английски. Когда я повторил приказание, он разжал кулаки — и прогремел взрыв...»

Ходячая бомба с ручным взрывателем — вполне человеческий способ убийства. Юники решил, что Чаки Анта погиб, но тот вернулся. Я с облегчением выключаю приемник. Анта — старый вояка, участник многих рейдов и боев. Меня греет мысль, что не всем нам суждено погибнуть в этой мясорубке. Но облегчение смешано со страхом: возвращение Анты — всегда сигнал к возобновлению убийств, смерти. Смерть сопутствует Анте, они неразлучны. Потому, наверное, он и неуязвим.

Скоро нас ждет сражение. Об этом никто не говорит, но это можно прочесть у каждого в глазах. Мы доедаем то, что у нас осталось. Я вижу, как Пина лижет «пастилку счастья». Его глаза закрываются, Пина уносится на время вдаль на облаке мира, покоя, радости. Я смотрю на свой недоеденный паек и удивляюсь: еда у нас почти отсутствует, зато в «пастилке счастья» нет недостатка. В конце концов все мы умрем от голода, пребывая в наркотической эйфории.

Еду — съедобные плитки — мы отняли у людей, но она оказалась съедобной. Это пайки вияпи, которые люди отняли

у нас же. Но и человеческая еда бывает пригодной. Мне нравятся их консервированные фрукты и шоколад, но то и другое попадается редко. Еще бывают пластмассовые упаковки под названием «яичница с ветчиной», от которых даже сами люди воротят носы. Ну и, ясное дело, кроме этой гадости, у них почти ничего не осталось. Они, как и мы, питаются тем, что осталось после войны.

Чаки Анта сползает вниз, к сухому руслу, по песчаному откосу. За ним торопится Ки. У Анты темно-желтое лицо, слева на лбу старый глубокий шрам. Рот командира улыбается, но в его запавших желтых глазах можно прочесть память о бесчисленных смертях, которые он повидал. Анта указывает на восток облезлым энергоножом.

— В бункере под обрывом осталось всего несколько человек. Я слышал, как внутри раздавались выстрелы. Стреляли не в меня, вообще не наружу: цель находилась внутри бункера. — Его брови ползут вверх: хочется верить в удачу, но опыт настраивает на неверие. — По-моему, они перегрызлись между собой. — Холодная усмешка не предвещает для людей ничего хорошего. — Преподнесем Тааке Лиоку подарок — разделаемся с ними наконец! — Чаки Анта щурится. — Ведь мы — Дюжина!

— Передовая Дюжина! — откликаемся мы больше по привычке, чем горделиво. Наше боевое рвение утонуло в океане крови уже много лет назад — так долго мы оплачивали своей кровью подарки для Тааки Лиока. Вся моя жизнь в Маведахе ушла на то, чтобы доставлять радость этому загадочному военному вождю, который, в свою очередь, старается угодить Денведах Диеа.

Я смотрю на свой шлем, который сжимаю в руках. На его поверхности, некогда надраенной, красуются шрамы тридцатилетнего смертоубийства. Только пять лет из этих тридцати — мои. Датчики еще действуют, но голосовая связь почти что отказала. Ничего, я могу обходиться без нее. Жестикуляция беззвучна, мгновенна, понятна и не сопровождается электромагнитными импульсами, которые легко засекаются вражескими приборами. К тому же я предпочитаю вслушиваться в то, что происходит у меня под носом: смертельная угроза постоянно здесь, рядом.

Этот шлем — боевой экспонат, реликвия воинственного Тзиен Денведах. На нем нацарапаны имена семерых солдат

Маведаха: Ритан Вей, Ада Нитох, Лиозех Микотах, Сед Тура, Ривис Ахавнех, Энот Фал.

Все мы знаем наизусть историю великого героя Ритана Вея, служившего вторым командиром Тзиен Денведах Девятого Шордана, покорителя Новой Эферии. А Энота Фала помнят немногие. В первый же день после окончания учебы он был раздавлен гусеницами танка Фронта Амадина во время наступления в Южной Шорде. У меня тогда еще не было собственного шлема, и я попросил шлем бедного Фала.

Кому он достанется после моей смерти? Суеверие мешает мне нацарапать собственное имя на этой трогательной реликвии. К тому же имена семерых павших — и так много.

Анта давно сообщил нам, что мы — Передовая Дюжина, Тзин Сиэй, гордость Окори Сиков. То есть теперь от былой дюжины нас осталось только пятеро — оборванных, усталых, отощавших с голодухи. А в начале битвы, шесть дней назад, нас еще насчитывалось двенадцать. Когда падет последний из нас, то, возможно, вместо нас выставят следующую дюжину — детей, стариков, дурней. Вперед, великий Маведах! Я надеваю на спину энергоблок и засовываю между рюкзаком и поясницей губку, чтобы не давило, — фокус, которому я научился у убитого человека.

Я оглядываюсь, чтобы понять, не догадываются ли мои оставшиеся в живых товарищи, что за предательские мысли бродят у меня в голове. Анта держит на солнце свой энергонож, подзаряжая его, прежде чем сняться с места. Миати Ки навьючивает на себя амуницию и приборы, по большей части снятые с убитых солдат Фронта Амадина.

Удивительно, до чего мы похожи на людей — при всех вопиющих различиях! Оказалось, что мы можем воевать одним и тем же оружием, питаться одной и той же пищей, расчесывать одни и те же язвы, давить одних и тех же паразитов. Проведя десятилетия в одном и том же ужасе, мы даже научились говорить на языке друг друга. Но дышать одним и тем же воздухом для нас уже несколько десятилетий — верная смерть.

Варо Пина и Скис Адовейна ждут приказа. Глаза их желты и усталы, оба смотрят в одну точку. Я понимаю, что Пина уже видит собственную смерть. Мне хочется дотронуться до его руки, сказать ему, что мы обязательно выживем, но такие слова придутся моему другу не по нраву. Мой друг Варо Пина знает, что

должен умереть. Уже много дней он только об этом и твердит. Думаю, все это уже встало ему поперек горла, и он возжелал покоя. «Я спокойно отношусь к самой смерти, — признался он мне как-то раз. — Ждать смерти — вот что тяжело».

Некогда, в незапамятную старину, Пина и я любили друг друга. Но ни один из нас не зачал. В этом люди устроены правильнее нас. Когда драк уверен, что умрет или по каким-то еще причинам не сможет позаботиться о ребенке, он ни за что не зачнет. У людей же от перспективы смерти или каких-либо лишений, наоборот, просыпается буйная похоть. Нам вбивают в головы, что это примитивный механизм сохранения вида. Живут они тоже дольше, чем драки, если только их жизнь не прерывается насильственно.

У меня уже не осталось прежних чувств к Пине, а у Пины — ко мне. Сомневаюсь, чтобы у него и у меня оставались вообще какие-то чувства.

Чаки Анта молча надевает свой шлем и жестом приказывает Миати Ки и мне встать в авангард. Я без малейших колебаний хватаю свой энергонож, лезу наверх, на высокий берег, и начинаю по привычке проверять, нет ли среди камней дистанционных датчиков и сенсоров. Никто из нас давно уже не натыкался на работающие приборы такого сорта, но осторожность все равно прежде всего. Даже сломанных датчиков и ракет стоит опасаться. У людей тоже есть глаза и вон какие здоровенные уши!

Я смотрю на солнце. Когда мы доберемся до бункера, оно уже окажется позади нас: будет жечь нам спины и слепить глаза людям.

Я наблюдаю за бункером сквозь трещину в полуразрушенной каменной стене. От стены так и пышет жаром. Передо мной остатки крепости, слева речной утес, за ним — низкий холм. Справа большое озеро, именуемое и драками, и людьми одинаково — Общее. Название оно получило очень давно, еще до войны, в те фантастические времена, когда драки и люди пытались вместе жить и работать.

— Язи Ро, — хрипят мои наушники, — не задерживайся на месте!

Моя голова пухнет от противоречий, но тело слушается приказов Анты, словно способно не подчиняться голове. Я

отползаю от стены, огибаю груду дымящихся обломков и подбираюсь к телу одного из павших бойцов нашей Дюжины. Примитивный снаряд угодил драку под левый глаз и снес затылок. Я вижу темно-желтое месиво, служившее раньше мозгом.

Кого ты оставил, мой товарищ? Родителя? Ребенка? Любил ли тебя кто-нибудь? Волнует ли кого-нибудь, как ты погиб? За что погиб? Что вообще погиб?

Так за что ты погиб, мой безымянный товарищ? Если меня прямо сейчас настигнет смерть, то я не знаю, за что умру. Я — автомат, существо, исполняющее приказы. Возможно, я отдам жизнь во имя славной традиции?

Должен же существовать более торжественный способ почтить мою память, чем просто внести запись обо мне в архив рода, если такие архивы еще остались... Однако дракский язык больше подходит для изложения фактов, чем для фантазий. Событие вряд ли можно зафиксировать как-то иначе, чем сказав о нем правду. Для мечтаний создан другой язык — английский. «Здесь покоится Язи Ро, умерший потому, что не мог больше жить. Изнурение от противоречивых наклонностей...»

Английскому меня научил Язи Аво, мой родитель. Однажды Аво сказал: если когда-нибудь наступит мир, то только благодаря переговорам. Теперь я вспоминаю эти его слова со смехом. Оба вида пользуются словами чужих языков, только чтобы ранить. Мой родитель сильно хромал: ногу ему повредило во время рейда Фронта Амадина, когда ему еще не исполнилось полгода.

Я гляжу на труп своего однополчанина. Он молод, едва получил право именоваться взрослым: его включили в Дюжину перед самым боем, для пополнения численности. Несмотря на юный возраст, он был хорошим солдатом. У меня на глазах он поразил своим кинжалом по меньшей мере троих людей, прежде чем его сразила пуля. Мертвые тела — странный способ мерить эффективность оккупации...

В двух шагах от безымянного драка лежит безымянный человек. Он мертв уже довольно давно. Не могу определить, мужчина это или женщина. Кожа трупа почернела и пошла пузырями, глаза залеплены голодными мухами, похожими на ожившие шарики яшмы.

Трупы людей чернеют, когда пролежат несколько дней на солнце. Вонь от них идет неописуемая. Я ползком огибаю труп.

Рядом с ним мелькает белая молния — змея, прячущаяся от солнца. Она лакомится внутренностями. Любимое блюдо этих гадов — разлагающаяся плоть, поэтому мне змея не опасна. Хотя нет: она могла меня напугать, и я вскрикнул бы, подпрыгнул, открыл стрельбу... И тем самым погубил бы нас всех. К счастью, я не привлекаю к себе внимания.

Передо мной бункер — уродливое сооружение из закопченного камня с закругленными углами, бойницами для стрельбы и огромной дырой в левой стене, пробитой взрывом. Справа от дыры нарисована темно-красная роза — эмблема Фронта Амадина. Три бойницы остались нетронутыми. Между мной и местом, где я притаился, громоздятся обломки. На короткое мгновение я вижу силуэт, перебегающий из бункера за большой камень на пути к утесу. Не могу утверждать, но мне кажется, что там прячутся несколько человек.

Я смотрю влево и жду, пока не замечаю Ки в сорока шагах от меня. Ки тоже смотрит на меня. Я показываю ему на людей. Ки смотрит в указанную сторону, видит камни, кивает и начинает перемещаться влево, к камням. Я же продолжаю движение в направлении бункера.

Сколько раз я смотрел в лицо смерти и при этом сам сеял смерть! Но сколько ни старайся, сколько ни приноси жертв, враги-люди не переводятся, а боевые товарищи-драки снова и снова гибнут у меня на глазах. Уничтожению не видно конца. Бункер, к которому я ползу, — часть деревни, четырежды переходившей из рук в руки только за последний год. Сколько сотен, а может, тысяч жизней отдано уже за эту груду развалин? Я даже не стараюсь прикинуть — все равно не угадаешь. И ради чего? Бункер торчит на пересечении изуродованных дорог, по которым не проехать, впрочем, на колесном транспорте с прицепами, каковой, кстати, все равно давно вышел из строя...

Я задеваю коленом камешек, он громко ударяется о камень побольше. Я испуганно замираю. Не двигаться, не дышать; желательно, чтобы даже сердце перестало биться. Вращать глазами — и то боюсь: это тоже движение, способное привлечь внимание врага. И все же я изучаю пространство между собой и бункером. Развалины стен, мусор, завязанные в узлы стальные конструкции. Ничего угрожающего не заметно.

Камушек издал не такой уж громкий звук, но если люди занимаются прослушиванием или, того хуже, имеют поблизости действующий датчик, то даже этого слабого звука хватит с лихвой. Моя рука томительно медленно ползет по оружию. Наконец палец ложится на курок, я включаю свой нож. Ни нажим на курок, ни подача энергии не производят ни малейшего шума, хотя сам я чувствую, что оружие ожило. Я доволен, что побыл на солнце, дожидаясь возвращения Анты: оружие успело подзарядиться, судя по показаниям датчика, на целых семьдесят три процента.

В следующую секунду меня пугает треск в наушниках. Я слышу голос Миати Ки, докладывающего положение Чаке Анте.

— Анта, — шепчет Ки старому вояке, — их четверо среди камней позади бункера, чуть левее. В поле обстрела попадает вся местность перед Язи Ро.

Я не сразу понимаю, о чем идет речь, а когда понимаю, меня разбивает столбняк.

Снова треск, потом — голос Чаки Анты:

— Они тебя заметили, Ки?

— Нет, но они видят Язи Ро. Прямо сейчас они смотрят на него и целятся. Наверное, хотят дождаться, чтобы все мы высунулись, прежде чем открыть огонь.

— Чем они вооружены? — спрашивает Анта.

— Две винтовки, один трофейный энергонож... Не разгляжу, что там у четвертого.

— Оставайся на месте, Кито! — приказывает Анта. — Я займу позицию слева от тебя вместе с Пиной и Адовейной.

Вот я и на мушке! Во мне растет желание вскочить и броситься наутек. Ведь все происходящее — непроходимая глупость! К началу сражения в этом секторе с обеих сторон имелось по несколько сотен бойцов, а теперь все, что осталось, — это четверо людей и пятеро драков. Выходит, именно тогда, когда стал виден конец всему этому безумию, мне предначертано расстаться с жизнью?

— Ты тоже сиди смирно, Ро, — обращается Анта ко мне. — Не подавай виду, что знаешь о людях среди камней.

— Слушаюсь, Анта. — Продуманный приказ командира и удалой ответ храбреца-подчиненного. Но что толку? Я уже обнаружил себя, подав сигнал Ки. Нельзя, правда, утверждать, что люди заметили именно это. А даже если заметили, то мог-

ли истолковать как-то по-другому. Например, решить, что драк их приветствует... Страх заставляет искать утешение в несбыточных фантазиях.

Я сглатываю слюну. У людей от страха пересыхает во рту, а испуганные драки, наоборот, истекают слюной. Я пытаюсь отвлечься, размышляя, что хуже. Ронять слюну или не ронять — вот в чем вопрос.

Я так стискиваю оружие, что становится больно пальцам, но я не могу расслабиться, потому что боюсь шелохнуться. Мне надо опорожниться. Я знаю, что это от страха, и борюсь с неприятным ощущением. Что ж, желание опорожниться действительно проходит, но страх остается.

В наушниках могильная тишина. Медленно, рискуя повредить мышцы шеи, я поворачиваю голову влево и пытаюсь хоть что-то разглядеть в левом углу лицевого щитка. Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем я снова вижу место, где раньше прятался Ки. Сейчас там уже не он, а Пина: он поспешно ползет к камням. Надо полагать, Анта уже прополз этим путем. След в след за Пиной ползет Адовейна. Я догадываюсь, что они хотят застать людей врасплох, прежде чем те устанут ждать, когда я шевельнусь. Говорят, некоторые люди молятся богам. Я в очередной раз ощущаю пустоту в душе.

Я теряю Адовейну из виду: он скрывается за обломками. Я медленно поворачиваю голову, чтобы видеть бункер, но снова замираю, потому что вижу кое-что выше и позади точки, где потерял Скиса Адовейну. Там торчит холмик с руинами каких-то сооружений. То ли дым, то ли туман окрашивает все вокруг в серые тона. Раньше холм выглядел обожженным и совершенно неживым, теперь же я высмотрел на нем что-то новенькое. Пятый человек? Сколько их там? Или это просто кусок проволоки, тряпка, шевелящаяся на ветру? Луч солнца, отразившийся от стеклышка...

— Анта! — шепчу я в микрофон. — Движение слева от тебя, на высотке.

— Где? — спрашивает он, но я не успеваю ответить: тишину взрывают выстрелы человеческих винтовок. Скоро к этим звукам присоединяется крик Пины. Люди среди камней пускают в ход энергонож, и в мою сторону бьет широкий луч света. Кто-то кричит:

— Убей их!

Я поспешно перекатываюсь, чтобы укрыться от смертоносного луча за большим камнем. Тем не менее люди на высотке по-прежнему отлично меня видят. Два ножа Анты бьют по камням под утесом, третий шарит над холмиком. Я упираюсь спиной в камень, беру на мушку вершину холмика и жму на курок. Колоссальная энергия, посылающая смертоносный луч, жжет мне руки. Считая, что люди по крайней мере спрятались, если не испепелены, я вскакиваю, чтобы метнуться к бункеру. Но прямо передо мной гремит взрыв. Я на мгновение слепну, мои легкие наполняет едкая пыль и ядовитый газ.

Глаза мои еще зажмурены, я еще не убедился, что остался при руках и ногах, но уже сообразил, что четвертый человек, прячущийся в камнях, вооружен гранатометом. Я разжимаю веки и вижу серое от пыли и дыма небо, исполосованное зелеными лучами энергоножей и белыми сполохами импульсного оружия. Потом смертоносная тишина кончается — это ко мне возвращается слух. Тело снова обретает чувствительность. Первым делом я чувствую нестерпимую головную боль и жжение по всему телу. Я осторожно ощупываю голову и испытываю облегчение: шлем на месте. Я принимаю сидячее положение, встаю на колени, подбираю оружие. Оно по-прежнему заряжено, с его помощью можно и дальше убивать.

Не тратя времени на размышления, я вскакиваю и бегу, тяжело дыша и виляя среди камней и искореженного железа. Металлический обломок, о который я едва не ударяюсь головой, зловеще лязгает, и я отскакиваю от него влево, по-прежнему удерживая на мушке бункер. Из бойницы вырываются всего два луча, а не пять. Вокруг меня поднимаются гейзеры каменной пыли, меня осыпает осколками металла, но, о чудо, ни один в меня не впивается. Откуда-то сзади бьет еще один луч, обжигая мне плечо. Значит, там тоже засел человек с энергоножом. Я падаю в яму, качусь кубарем, посылаю на высотку очередной испепеляющий луч, потом еще и еще. Наконец мой луч попадает в чей-то индивидуальный энергоблок. Синяя вспышка — и дымящаяся дыра в земле...

Стрельба из нагромождения камней и с высотки как будто прекратилась. Я перекатываюсь вправо, вскакиваю и направляю свой луч в бойницу. Потом скрываюсь за грудой обломков и наблюдаю за высоткой, одновременно проверяя заряженность своего оружия. На высотке по-прежнему никакого

движения, в ноже еще остается сорок девять процентов заряда. Я кошусь вправо, потом на камни, за которыми недавно прятались враги. Теперь камни черны, хотя раньше были красновато-бежевыми. Я не замечаю ни малейшего движения. В наушниках ничего — одни помехи.

— Анта? Ки? Пина? Адовейна? — Я встаю и повторяю вызовы. — Тзин Сиэй, прием!

Не может быть, чтобы никого не осталось в живых! Слишком много времени мы провели вместе, слишком многое пережили... Если демоны, которыми населила эти гиблые места фантазия людей, обладают хотя бы рудиментарным чувством справедливости, Дюжина не может сгинуть полностью!

Я включаю подбородком тепловой датчик в шлеме. Теперь в лицевом щитке можно видеть температурные отпечатки живых организмов и неживых предметов. На бугре, в точке, где я взорвал индивидуальный энергоблок кого-то из людей, я вижу ярко-оранжевую кляксу. Среди камней, откуда бил второй нож, сияет еще одна такая же клякса. Взрыв этого ножа погубил сразу четверых людей. Под камнями тоже оранжевое пятно, но далеко не такое яркое: там остывает человеческий труп. На огромной промышленной свалке — таким предстает поле боя, по которому передвигались недавно мои товарищи, — я насчитываю четыре оранжевые точки. Они затухают на глазах — это тела подстреленных драков покидает жизнь. Чтобы совсем не обезуметь от горя, я стараюсь себя занять. Отсутствие тепловых отпечатков взорвавшихся энергоблоков — свидетельство того, что оружие моих погибших товарищей все еще находится в рабочем состоянии. Прежде чем смотаться, я должен привести его в негодность.

Итак, я остался один.

На короткое время я замираю в нерешительности. Броситься в приступе ярости в пасть чудищу, отомстить за погибших и погибнуть самому? Съежиться от ужаса в тщетной надежде остаться незамеченным? Сдаться, уповая на снисхождение со стороны Фронта Амадина? Попросту отступить, вернуться и доложить Лураку: «Задание выполнено, овьетах. Все мертвы».

Но звук из чрева бункера заставляет меня резко развернуться, держа наготове нож. Судя по тепловому датчику, в развороченной бойнице лежат два трупа. Дальше, внутри бункера, датчик фиксирует шесть не таких свежих, почти остывших

трупов. И еще двоих горяченьких, живее не бывает, жмущихся друг к дружке. До меня доходит, что я торчу на виду. Я приседаю, удивляясь, почему до сих пор жив.

Возможно, эти двое живых людей ранены. Неспроста же они не уничтожили меня, хотя могли! Мне хочется еще раз позвать Анту, увидеть собственными глазами тела моих однополчан. Неужели придется положиться на бездушный прибор, вычеркнувший их из числа живых? Но к чему рисковать, к чему лишний раз убеждаться в очевидном? Бессмысленно, как и все происходящее. Непонятно, как можно трястись от страха за свою жизнь, а уже в следующее мгновение ни в грош ее не ставить.

И тем не менее я поднимаюсь в полный рост перед бункером, небрежно зажав оружие под мышкой, и шагаю к пролому, мало заботясь о том, в каком обличье передо мной предстанет верная погибель. Почти не задержавшись на рубеже жизни и смерти, я вхожу внутрь и озираюсь.

Меня встречает тишина. После шести дней непрерывного боя такое полное отсутствие звуков кажется непристойностью. Душа восполняет пустоту: к ней немедленно возвращается целый веер чувств. Здесь и страх, и грусть, и негодование, и одиночество, и ненависть. Безразличие и сокрушительная усталость здесь же. Как мне хочется положить голову на колени своему родителю и попросить Язи Аво заглушить этот отвратительный шум у меня в мозгу!

Я делаю вдох, медленно выдыхаю воздух, повторяю эту процедуру. Это уже не прошлое: в прошлом, пусть совсем недавнем, считанные минуты назад, у меня были живые друзья и живые враги. И еще не будущее, когда то, что должен совершить, уже совершится. Нет, это неповторимое, невыносимое настоящее. Я крепко зажмуриваюсь и пытаюсь припомнить что-нибудь утешительное, а то и полезное, из Талмана.

Как плохо я знаком с Книгой! Родитель пытался меня учить, но Фронт прикончил его задолго до того, как закончился первый год учебы. У меня на шее висит на цепочке золотой кубик родительского Талмана, но я редко в него заглядываю. Кто, как не мудрецы из Талман-коваха, доказали, что этой войне не будет конца? Никаких ритуалов посвящения в зрелость, никакого включения в семейный архив — ничего этого Язи Ро не светит, как и всем остальным узникам Амадина. Наша талма — вечный ад.

На пыльном цементном полу валяются два человеческих трупа. Старшему из двоих луч моего энергоножа развалил череп. Младший, вернее, младшая, если прибегнуть к людскому уточнению, — еще почти ребенок, опять-таки по людским понятиям. Ее разрубило почти пополам.

Мертвые тела. Ничто. Еще два трупа — два камешка в горе смертей.

На шее у младшей золотая цепочка с золотой подвеской. Я полагал, что это будет крест — символ князя мира у людей. Но на самом деле я обнаруживаю талман, снятый с пленного или убитого драка.

От гнева я вижу все вокруг только в багровых и ослепительно белых тонах. Машинально нажав на курок, я наблюдаю, как голова отделяется от туловища. Потом сдергиваю с обрубка шеи цепочку и рассматриваю кубик. Символ на нем мне незнаком.

Я осматриваю железобетонный склеп. От орудий, прикрученных к полу, остались одни лафеты. На краях стенных бойниц болтается тряпье — занавески, которые люди кроили из камуфляжных тканей. Их табуреты очень похожи на дракские, стол почти такой же, как стол в доме, за котором я ел давным-давно, еще до того, как мой родитель, родня и сам дом были уничтожены. Потолок и стены почернели, растрескались, выщерблены от непрерывной стрельбы.

Я еле двигаюсь от усталости и головной боли. Не знаю, сколько человеческих домов и жизней уничтожил я сам — не считал. Есть вещи, не подлежащие счету.

Не все, что я вижу в бункере, поддается немедленному истолкованию. Меня удивляют следы пуль. Ведь у Дюжины не было винтовок. Значит, пулевая стрельба велась внутри. Недаром Анта предположил, что люди передрались между собой... Наверное, именно поэтому в момент нашего нападения многие из них оказались за пределами бункера.

Я делаю новый глубокий вдох и вспоминаю про датчик. Оранжевые пятна стали крупнее: стены бункера напитались теплом от солнца и энергетического оружия. Двое людей по-прежнему живы. На Амадине это может означать одно: прикончить их или умереть самому.

Я прохожу в следующее помещение. Там шесть застеленных человеческих кроватей на ножках. На трех кроватях лежит по

трупу, еще три валяются рядом на полу. На тех, что на кроватях, красуются ножевые раны, те, что на полу, сражены пулями.

Помещение слева — кухня. Там тоже не осталось ничего живого. Двое живых прячутся под дальней кроватью справа.

Я зажимаю коленями оружие и снимаю шлем. В комнате стоит омерзительный сладковатый запах человеческой крови. В воздухе висит цементная пыль, подсвеченная солнечными лучами, проникающими в трещины в бетоне. Бесчисленные зеленые мухи, пирующие на человеческой крови, зловеще жужжат. Странно, насекомые не брезгуют и желтой кровью драков.

Талман утверждает, что меняется только форма, а смерти нет. Мне, наоборот, представляется, что все вокруг — сплошная смерть.

Я смотрю на кровать, под которую забились двое людей. На смятых простынях лежит винтовка с изуродованным стволом. Если верить моему датчику, один из людей слишком мал, чтобы сойти за взрослого. Разумеется, среди людей часто попадаются карлики и лилипуты, от которых тоже хорошего не жди. Но больше вероятности, что это ребенок.

Взять их в плен? Но зачем мне такая обуза? Гораздо проще лишить их жизни. Любопытно, сложись события иначе, взяли бы они меня в плен или превратили бы в решето и возблагодарили своих кровожадных богов?

Я вешаю шлем на ремень своего оружия и, держа его правой рукой, начинаю шарить левой под кроватью.

— Ну вот, сейчас самое время всадить в меня пулю, — шепчу я при этом.

Потом я переворачиваю кровать и беру на изготовку оружие. Передо мной всего один человек — судя по фигуре, женщина. Она безоружна и лежит на боку, поджав колени к подбородку.

— Встать! — командую я по-английски. — Встать, лицом ко мне!

Вместо того чтобы повиноваться, она мотает головой — у людей это означает несогласие.

— Встать! — повторяю я и наклоняюсь, чтобы схватить ее за плечо. Мое оружие нацелено ей в голову. Но я не успеваю до нее дотронуться: меня отвлекает детский плач.

Нет ничего проще, чем проявить жалость. Нет ничего проще, чем подумать: «Это мать с ребенком. Пожалей их, Ро. Ребенок не сделал тебе ничего дурного. Прояви снисхождение!»

Но разве мало драков погибли со взрезанным чревом, полюбовавшись, как висит на пуповине не успевший сформироваться зародыш? Разве не разбивают люди о камни головки дракским детям, заключая пари на дальность разлета капель крови?

Изо всех сил я хватаю женщину за плечо и заставляю ее перевернуться на спину. Она по-прежнему прижимает к себе ребенка. Я уже готов расчленить лучом обоих, но при виде ребенка опускаю нож. Это дракский ребенок в возрасте всего нескольких дней.

Женщина не сводит глаз с моего лица. От слез ее глаза сверкают в полутьме. Она знает, что сейчас умрет, что ребенок умрет тоже.

— Пожалуйста... — лепечет она. — Пожалуйста...

Как насчет всех мертвых, хочется мне спросить ее. Как быть с горами трупов? Откуда у тебя дракский ребенок? Чье чрево ты вспорола? Грязное, волосатое, зловонное существо, какое ты имеешь право просить меня сжалиться?

Ничего этого я не говорю. Тыча оружием в ребенка, я произношу постыдно глупые слова:

— Это не человек.

Она крутит головой и отвечает:

— Нет, он мой.

Мой. Он мой.

Я медленно опускаюсь на пол и обессиленно кладу себе на колени оружие. Внутри у меня, в глубине души, рождается вой. Он нарастает, пронизывает все мое существо. Когда напор становится невыносимым, вой вырывается наружу. Это и стон, и крик, и плач.

Я плачу по ним — женщине из породы людей и осиротевшему дракскому дитя. Я плачу по уничтоженной Дюжине, по своим родителям и близким. Я оплакиваю планету Амадин и одного из ее бесполезных солдат, Язи Ро.

2

— Его зовут Суриток Нан. Родитель назвал мне его имя перед смертью. Он четвертый в роду, но родовых имен родитель не перечислил. Теперь их никто не сможет собрать.

Мы сидим перед бункером среди развалин. Женщина держит дракского ребенка на коленях и моет ему личико. Я гляжу на нее. Я еще не решил, стоит ли ей жить дальше.

У нее гладкая кожа цвета грязи, волосы на голове короткие, черные, курчавые. Конечно, у нее есть ушные раковины, нашлепка на лице, называемая у людей носом, по пять пальцев на руках. То ли дело дракский ребенок: кожа цвета солнечных лучей, гладкое безволосое личико, пухлое, как у всех младенцев. Но при этом я вижу, что для женщины это просто ребенок, а для ребенка она — родитель, и только. Я не способен представить, что такое может быть, однако так происходит, и мне остается только отвести взгляд. Женщина и ребенок — не единственное, с чем мне предстоит разобраться. Мне еще нужно найти тела боевых товарищей, забрать их талманы, уничтожить их оружие.

— Родитель Нана, — продолжает женщина, — даже не успел перед смертью назвать свое имя. На нем уже не было талмана. — Она ежится и опускает глаза. — Украли, наверное. На Дорадо за талман с цепочкой дают больше ста жетонов.

Сто жетонов! «Жетонами» зовутся суррогатные деньги Фронта. По показаниям пленных людей, за сто жетонов можно купить одну дыню. Дыня — за одиннадцать тысяч лет мудрости! Я смотрю на талман с цепочкой, снятые с обезглавленной мной мертвой девушки. Я все еще сжимаю то и другое, обагренное человеческой кровью, в кулаке. Может статься, этот талисман принадлежал родителю Нана, а может, и нет. Я снова смотрю на женщину.

Почему человека так заботит наследие дракского ребенка? Не исключено, что она ломает комедию, чтобы заморочить мне голову. Воображает, что я ее отпущу... Ее и дракского ребенка. Ведь я уже сохранил ей жизнь. Пока что... Мало ли, на что она способна, чтобы вызвать у меня жалость! Люди лгут, крадут, мошенничают; с чем мы только не сталкивались в этой жестокой мясорубке!

Оказывается, мое оружие все еще включено. В нем осталось только 14 процентов от полного заряда. Какая оплошность! Я чувствую невыносимую усталость. Мне хочется одного — найти безопасное темное местечко, свернуться калачиком, все забыть и уснуть на тысячу лет. Я отключаю оружие.

— Как ты с нами поступишь?

Решение уже принято без моего участия. Я встаю, подхожу к ним, протягиваю талман вместе с цепочкой.

— Скорее всего это принадлежит другому роду, но содержание от этого не меняется. — Слезы — это тоже общее у нас и у людей — застилают мой взор. — Род угас вместе с солдатом, носившим это.

Она берет амулет, кивает в знак благодарности и надевает цепочку ребенку на шею. Я не спрашиваю, умеет ли она читать по-дракски.

Я стою среди обломков, завалivших пересечение дорог, и провожаю взглядом женщину, уходящую на север. Ей приходится перешагивать через мусор и обходить воронки. На руках у нее ребенок. Солнце почти спряталось, небо алеет, как пыль в пустыне. Я поворачиваюсь лицом к западу и задумываюсь, как мне быть дальше.

Можно было бы вернуться к командиру Сиков и доложить: все погибли, Гах Йов: Анта распорот лучом энергоножа от паха до правого плеча, Ки разорвало на куски взрывом, Пина изрешечен пулями, но, судя по следам, долго полз, пока не испустил дух; Адовейна лежал навзничь без единой раны на теле, словно его сморил сон, но, приподняв его, я увидел на своих руках его кровь.

А деревня Риехм Во, продолжил бы я свой рапорт, освобождена. Пришлось бы доложить и о человеческой женщине, которую я отпустил к ее народу, и о ребенке-драке, которого я ей позволил унести...

Представляю, как Йов приподнял бы брови, ожидая от своего солдата объяснения причин измены. Стоит ли объяснять ему, что женщина сама пристрелила двоих людей, собиравшихся убить дракского ребенка? Именно эту стрельбу слышал Анта, когда производил разведку. Стоит ли доказывать Йову, что если бы я привел ее в Сиков, женщину непременно казнили бы, а ребенка поместили в сиротский дом, где из безродных воспитывают для Маведах будущих убийц? Йов не понял бы, что в том и другом дурного. Несколько дней назад я тоже не стал бы с ним спорить. Но с тех пор я увидел, как Нан спит в любящих руках. Это такое убедительное зрелище, что мне ничего не оставалось, кроме как подавить жажду мести и не разлучать их.

Выходит, в Сиков и в Маведах путь мне заказан. Пусть думают, что погибли все до одного. Я еще раз нахожу взгля-

дом удаляющуюся женщину. Я уверен, что она сумеет убедить командование Фронта, что ребенку надо сохранить жизнь, но меня она бы не смогла отстоять. Меня убили бы сразу или склонили к предательству и убили после этого.

Женщина останавливается, оборачивается, смотрит на меня, машет мне на прощание — человеческий жест. Я поднимаю руку и не опускаю ее. Женщина бредет дальше на север, прижимая к себе ребенка. У меня еще остается возможность сразить ее из энергоножа. Этим я искупил бы свою вину и вернулся на привычный жизненный путь. Но дорога уводит женщину куда-то вбок, и я теряю ее из виду. Я опускаю руку и смотрю на свой энергонож. Напрасно я не спросил у женщины, как ее зовут. Те, кто меняет течение твоей жизни, не должны оставаться безымянными.

Я поднимаю голову и вижу, как отражаются солнечные лучи от одной из карантинных станций на орбите Амадина. Станция напоминает вечернюю звезду. В ней сидят люди и драки, они наблюдают за приборами, фиксирующими старт кораблей с поверхности планеты и попытки приземлиться и уничтожающими их. Ответы на свои вопросы мне пришлось бы искать гораздо дальше этого пояса смерти. На Амадине ответов уже не найти.

Я не вернусь к Йову и не стану докладывать об освобождении груды развалин. Я вообще должен держаться подальше от Маведах. Значит, мне нужен кто-нибудь из предателей.

Я вытаскиваю из энергоножа блок управления, разбиваю его ударом каблука и отбрасываю бесполезное оружие подальше от дороги. После этого, оставив в пыли шлем и бронежилет, я ухожу на запад.

3

Тех, кто предает свой вид и род ради фантазии, проклинают именем Зенака Аби. И все же я изменяю всем своим клятвам и иду на поводу у боли.

В темноте я миную боевые порядки Маведах, слушая доносящуюся с севера пальбу. Там, где крадусь я, тихо. Люди слишком далеко от этих позиций, и мои соплеменники используют драгоценный шанс выспаться. Позже я оказываюсь в незнакомом поселении, где меня не узнают, и произвожу

обмен с драком, изгнанным в Мадах: я даю ему еды, а он объясняет мне, где я нахожусь, и исчезает во тьме. Кроме еды, вемадах получил талманы моих убитых однополчан, пообещав позаботиться, чтобы сведения об их подвигах и гибели не затерялись — кто знает, быть может, кого-то они еще сумеют взволновать. Я надеюсь, что брат Анты, Тран, еще жив. Остальные, увы, были воспитанниками интерната для сирот. Роль рода для них играла Дюжина.

В деревне Намндас у подножия Серебряных гор я забредаю на рынок, где крестьяне и торговцы ведут себя так беспечно, словно небо у них над головами не горит огнем. За последние несколько лет этой деревне досталось всего дважды, и оба раза по случайности: здесь взрывались ракеты, не долетевшие до штаба Маведах, расположенного к востоку отсюда. Мне хочется сладких лепешек, но денег нет, и я могу предложить в качестве оплаты только нож из-за голенища сапога. Но нож я берегу, поэтому просто утоляю жажду из колодца и ухожу в горы.

На рассвете я вижу домик. Он стоит в лесу над деревней Намндас, высоко на склоне горы Атахд. В воздухе головокружительно пахнет просыпающимися деревьями. Домик — это скорее «руга»; люди называют такие строения хижинами. Двое дракских ребятишек играют в пыли перед хижиной в войну.

— Ну гефт, иркмаан! — кричит старший, размахивая деревянным энергоножом. Другой ребенок, чья палка изображает винтовку, падает как подкошенный, корча смертельно раненного. Для него это облегчение: в следующий раз ему не придется играть роль человека. Но когда он воскресает и требует обмена оружием и ролями, старший отвечает отказом. Возмущение, крик, брань, пинок — и оба катаются в пыли.

Я замираю, завороженный воспоминаниями двухлетней давности. Дело было во время одного из бесчисленных перемирий. Я сторожил одиннадцать людей, которых в случае успеха переговоров собирались обменять на пленных драков. Люди беседовали между собой. Один твердил, что не представляет завершения войны: слишком много ран, слишком они стары и глубоки. К примеру, дети его друзей играют в убийство драков. И вот теперь я вижу, как перед хижиной Нелеха Ве дракские дети играют в убийство людей...

В тот раз до обмена пленными не дошло. Ко мне подбежал красный от злости Тува Кулик, комендант лагеря. Он прослы-

шал, что люди казнят пленных драков. Выхватив из-за пояса импульсное оружие, Кулик открыл огонь по людям. Люди закричали и шарахнулись к забору. Я ударил по ним лучом энергоножа. Меня поддержали двое других часовых, и вчетвером мы превратили одиннадцать безоружных людей в месиво из развороченной плоти. После этого какое-то время было тихо.

А потом пришло новое сообщение. Слух оказался ложным. Люди соблюдали соглашение. Тува Кулик ошибся, мы без всякой причины угробили одиннадцать человек. Но когда Фронт узнал, как мы поступили с их бойцами, слух все-таки получил подтверждение: люди казнили сорок четыре солдата Маведах, на чем перемирие и завершилось. Правота Кулика была подтверждена.

— Тука нуе! — командует хриплый взрослый голос.

Дети прекращают потасовку. Перед ними стоит безоружный драк с кипой стираного белья в руках.

— Нелех Ве? — спрашиваю я.

Драк разглядывает меня, щуря глаза, потом, не отрывая от меня взгляд, показывает кивком головы на дом, а детям говорит:

— Теан, бенга. — Загнав детей в хижину, драк подпирает белье коленом и высвобождает правую руку.

— Да, я Нелех Ве.

— Язи Ро, — представляюсь я. — Приятно снова видеть детей.

— Боевой клич бездетных, — отозвался Нелех Ве с тем же выражением на лице. — Что тебе нужно?

— Я ищу талман-джетаха Зенака Аби. Мне сказали, что ты сможешь мне подсказать, куда идти.

Ве кривит губы.

— Зачем солдату Маведах знаток путей?

— Возможно, с Маведах мне больше не по пути. — Я хмурюсь и сознательно напрашиваюсь на оскорбление. — Я безоружен, без бронежилета. Откуда ты знаешь, что я из Маведах?

— Твои глаза — глаза убийцы, Язи Ро.

Что ж, у меня столько ран, что еще одну я легко переживу.

— Зенак Аби, — повторяю я. — Где мне искать джетаха?

Ве показывает кивком головы на горы.

— Где-то там.

Я смотрю на гору с заснеженной вершиной.

— Гора велика. Где тропа, по которой мне подниматься?

— Ступай себе. Если Аби пожелает с тобой говорить, он сам тебя найдет. Но берегись, джетах умеет за себя постоять.

— Я не собираюсь причинять джетаху вреда. Все, что мне нужно, — это информация.

— Так говорят многие, задумавшие уничтожить изменника. — С этими словами Нелех Ве отворачивается и принимается развешивать на веревках свое белье. До меня ему больше нет дела.

Что ж, у Нелеха Ве нет никаких причин передо мной расшаркиваться. Мне тоже не должно быть дела до его отношения ко мне. И все же я ничего не могу с собой поделать. Мне необходимо внушить Ве, что я уже стал другим. Но доказательство у меня одно-единственное: за сегодняшний день я никого не убил. Я начинаю восхождение в гору, а дети возобновляют свою игру в войну.

До моего слуха еще доносятся их голоса, когда я включаю приемник. Сначала звучит зидидрак, потом музыка прерывается сообщением о том, что деревня Риехм Во снова перешла в руки Фронта. Я вспоминаю обезглавленную мной мертвую женщину и думаю о том, что добавил какому-то солдату Фронта Амадина решимости уничтожить всех до одного драков на этой планете. После сообщения снова начинает играть музыка. Я ставлю свой приемник на камень и ухожу. Чем выше я поднимаюсь, тем тише становится музыка.

В горах растут высокие деревья с черной бугристой корой и красновато-зелеными листьями шире моего туловища. Среди камней и густой травы пестреют цветы, поднимается ягодный кустарник, по деревьям ползут цветущие лианы. Здесь прохладнее, веет ветерок. До слуха доносятся звуки боев, но это где-то очень далеко, зато прямо у моих ног громко щебечет нечто темное и лохматое. Завернувшись в хвост, оно предупреждает меня: ближе не подходи!

Я шарю в карманах. Существо защищает свою территорию, а не попрошайничает. Тем не менее я нахожу обломок съедобной плитки, откалываю кусочек и предлагаю отважному созданию. Оно отскакивает, усиливая свой предупредительный щебет и перебирая в воздухе передними лапами. Я делаю шаг назад, и существо быстро успокаивается. Мое подношение начинает его интересовать, оно тянется к нему, нюхает.

Бросок — и кусочек плитки у него во рту. Оно удирает с ним в заросли травы, чтобы полакомиться в безопасности. Я тем временем озираюсь.

Во мне кипит злоба: разве справедливо, что этот уголок Амадина знать не знал никакой войны? Получается, что Анта. Ки, Пина и Адовейна отдали жизни за то, чтобы процветало нелепое существо с мохнатым хвостом? Я обессиленно опускаюсь на землю.

Нет, я не требую от жизни справедливости. С верой в подобные химеры я расстался задолго до смерти своего родителя. Но я веду спор с реальностью. Мои однополчане должны были выжить. Всем нам надо было забраться сюда, на гору, чтобы нежиться в теньке, наслаждаться ветерком, подкармливать лесную живность... От боли в душе хочется закрыть глаза и никогда больше их не открывать.

Внезапно я получаю тычок в спину.

— Как я погляжу, у меня гость, — раздается за спиной чей-то голос. — Давай-ка взглянем на твои руки. Умоляю, не отягощай их оружием, сын мой!

Я вытягиваю руки в сторону, отдавая себя на растерзание незнакомцу, как последний олух.

— Зенак Аби? — спрашиваю я на всякий случай.

Он бесшумно обходит меня и предстает моему взору. Драк стар, но с виду крепок. На нем куртка защитной раскраски, человечьи штаны, дракская фуфайка и сапоги, мягкая шляпа с полями с человеческой головы. От учителя Талмана на нем остается только синяя лента: ею положено оторачивать нижний край мантии, он же повесил ее на шею, как галстук. В руке он сжимает длинный посох.

— Да, Аби. А ты кто?

Я опускаю руки и поднимаюсь.

— Язи Ро. — Подумав, я объясняю: — Служил в Маведах, Окори Сиков Девятого Шордана.

Старик удивленно приподнимает брови.

— Знаю-знаю! Окори Сиков — гордый отряд. — Аби упирается посохом в землю, обхватывает его обеими руками, переносит на него весь вес своего тела. — Что же занесло героя Окори Сиков так далеко от поля боя?

У меня пылает лицо.

— Напрасно смеешься, старик. Я пришел, чтобы получить ответы на свои вопросы, а не чтобы тебя развлекать.

Он усмехается, показывая щербатую жевательную пластину на верхней челюсти.

— Вдруг я не вспомню ответы, если ты меня не развлечешь, Язи Ро?

Я подхожу к стволу поваленного дерева и сажусь на него, складываю руки, упираюсь локтями в колени. Я делаю это, чтобы избежать соблазна полоснуть старого дурня ножом, спрятанным в сапоге. Самого себя я чувствую дважды дураком за то, что сюда притащился. Наверное, никаких ответов я не получу.

Аби опускается передо мной на корточки, зажимает посох плечом и испытующе смотрит на меня. Чем дольше джетах сверлит меня взглядом, тем глупее я себя чувствую. Когда я теряю терпение и уже готов ринуться вниз с горы, Аби произносит наконец:

— О чем ты хотел спросить, солдат? Спрашивай честно — и ответ будет таким же честным, как вопрос.

Я упрямо молчу. Гнев борется во мне с мыслями, ясность никак не наступает. Вопрос? Кто знает, что я хотел спросить? Почему идет война? Почему не может воцариться мир? Почему я родился посреди всего этого кошмара? Почему погибли мои однополчане? Почему не стало моего родителя? Почему жизнь, весь мир устроены так дурно?

Я чувствую, как по моему лицу катятся слезы. Мой вопрос... Каков он? В голове пусто от осознания бессмысленности всех попыток докопаться до сути.

— Ладно, старый дурень. Зачем на тебе человечьи штаны?

Лицо Зенака Аби становится чрезвычайно серьезным. Он кивает, смотрит на меня.

— Затем, — отвечает он по-английски, — чтобы прикрыть задницу.

Сначала я ничего не соображаю, потом разражаюсь сумасшедшим хохотом. В моем горе появляется трещина, смех, который я сдерживал долгие годы, прорывается наружу. Наконец я открываю слезящиеся от смеха глаза и вижу, что Аби тоже хохочет.

4

Аби уводит меня на гору, в скованную холодом расселину между двумя скалами, утыканную валунами, похожими на стражей-великанов. В расселине лежит свежий, по щиколотку, снег. К холоду я непривычен, у меня немеют мышцы, мысли замедляются и густеют. Когда мы добираемся до пещеры Аби, уже начинает смеркаться.

Прежде чем войти в пещеру, я смотрю вниз с горы на восток. Холмистая Шорда простерлась до самого горизонта. Красные и оранжевые вспышки в вечернем тумане указывают на расположение машин смерти, у которых еще не кончилось горючее. Я в который раз чувствую себя круглым дураком. Столько крови, столько боли, столько лет борьбы! Если бы ее можно было прекратить, это давным-давно сделали бы другие. Кто такой Язи Ро, чтобы положить конец войне? Мясник, у которого руки по локоть в крови? Я отворачиваюсь от мира, вхожу в пещеру и опускаю за собой занавеску.

В пещере гораздо теплее, чем снаружи. Мы садимся на ящики. Вокруг много барахла, добытого среди развалин. Я сижу на ящике, превращенном в кресло, подо мной удобное сиденье из веток, спинка позволяет вольготно развалиться. Аби печет лепешки на импровизированной сковородке, и я наслаждаюсь запахом дыма и предстоящей еды.

— Слыхал что-нибудь о новом перемирии? — спрашиваю я его. — Ходили какие-то слухи... По радио об этом ни гугу. Некоторые считали, что всего лишь слухи.

Аби перекладывает готовые лепешки на широкий лист и подает мне.

— Перед самым подписанием перемирия «Тин Синдие» нанесли удар по месту, где велись переговоры, захватили всех в заложники, а потом перебили всех людей и предупредили переговорщиков от Маведах, чтобы те и думать забыли договариваться о чем-либо с чудовищами из Фронта. Чаю?

«Тин Синдие» — дети родины, изначальной планеты, «чистый Маведах», никому не желающий подчиняться. Могли бы допустить перемирие хотя бы на несколько дней. Но даже коротенький мир вызывает у них отвращение.

Я поглощаю лепешки горячими, обжигаясь, и чувствую, как теплеют конечности. В пещере мертвая тишина. Здесь так

безопасно, что у меня даже проходит едва ли не врожденное ощущение, что необходимо постоянно быть настороже. Это чувство безопасности, даруемое чревом горы, кажется мне непристойным, как жизнь среди нечистот.

Но сытость и возможность впервые, кажется, за всю жизнь расслабиться прогоняют все мысли о «Тин Синдие», перемириях и Амадине. Я не могу сопротивляться дремоте. Заставив себя разок очнуться, я вижу Аби, смирно сидящего на ящике. Через секунду я перестаю видеть что-либо вообще. В памяти остался Аби, читающий книгу. Таким он и перешел в мои сны, которым я уже не мог сопротивляться.

«Сортировщик», — шепчет кто-то.

...Чой Лех стоит над детьми, не обращая внимания на стрельбу за стенами. Лех крупный, с безобразным ожогом на левой стороне лица, с неподвижно висящей левой рукой. На нем вытертая кожаная одежда, сапоги, его бронежилет и оружие много повидали. Равин Нис, джетах сирот, смотрит на Чой Леха: он стремится к нему подольститься, чтобы гроза миновала, и очень боится, что не добьется успеха. Все мы тоже хотим понравиться сортировщику, но совсем по другой причине. Если нас возьмут рекрутами Маведах, мы забудем про голод.

Лех спускается с помоста и начинает прохаживаться среди нас. Его шаги длинны и решительны. «Маведах, Маведах!» — перешептываются дети.

«Этот!» — говорит Лех, указывая на Вулриза Апису, самого рослого среди нас. Мы его дружно ненавидим: он жесток и третирует слабых. Сейчас он горделиво озирается. «Видите? — читаем мы на его лице. — Меня выбрали первым! Недаром я тут у вас главный». Равин Нис берет Апису за руку и указывает на возвышение.

«Этот!» — говорит Чой Лех, указывая еще на кого-то. Нис наставляет шепотом очередного избранника. Чой Лех выбирает еще четверых, потом задерживается перед Бикудихом Ри. Ри мал ростом, но очень хочет понравиться. Лех ударяет его здоровой рукой по голове, и ребенок валится на пол. Чой Лех любуется его слезами, потом шагает дальше.

Наконец он останавливается передо мной. Я знаю, что очень юн и не вышел телосложением, поэтому должен вызвать сомне-

ния у сортировщика Маведах. Меня ждет испытание. Он пронзает меня взглядом. Вблизи его ожоги выглядят еще ужаснее.

«Мое лицо! — рычит он. — Что ты на нем видишь?»

«Оно обожжено», — отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. Глаза темные, скорее карие, чем желтые.

«По-твоему, это красиво?» — спрашивает он.

«По-моему, это уродство», — отвечаю я.

Чой Лех замахивается, метя мне в голову, но я приседаю. Его рука бьет в пустоту, я же бодаю его головой в живот, как раз туда, где должна находиться брюшная прорезь. Лех с криком опрокидывается на пол барака. Медленно поднявшись, он, держась обеими руками за живот, еще раз разглядывает меня.

«Этот!» — говорит Лех Равину Нису и шагает дальше...

Я просыпаюсь и оглядываюсь, отовсюду ожидая опасности. Но рядом никого, кроме талман-джетаха Зенака Аби. Он по-прежнему занят чтением, но при этом говорит мне:

— Язи Ро, пришла пора задать вопрос. Только не спрашивай больше про мои штаны.

Я тянусь, тру лицо, набираю воздух и, выпуская его, откидываюсь на спинку своего «кресла». Вопрос? Неужели у меня есть хотя бы один вопрос?

— Не уверен, про что спрашивать, джетах.

Аби закладывает книгу полоской синей ткани, закрывает ее, кладет себе на колени. Взгляд его пытлив.

— Что ты знаешь обо мне?

— Что ты безумец и изменник.

Джетах озадаченно приподнимает брови.

— По-моему, нельзя быть одновременно тем и другим, Ро.

Я стискиваю руки и опускаю взгляд. Не важно, думаю я. Подумаешь, слова! Нет на свете больших предателей, чем они.

— Болтают, будто до войны ты, джетах, жил с людьми.

— Это правда. Так поступали многие из нас. Их университеты на Хулоне и на Дорадо были до войны крупнейшими учебными центрами Амадина. Я там преподавал, у меня было много друзей среди людей: преподаватели, студенты. Разве это превращает меня в изменника?

— Нет. — Я выпрямляю спину, делаю неопределенный жест. — Не могу даже представить себе те времена.

Аби подпирает рукой подбородок, поджимает губы.

— Ты влачишь свои годы, как цепи. Сколько тебе лет? Десять, одиннадцать?

— Семь, джетах.

— Семь, — повторяет он и по-человечьи качает головой. — В твоем возрасте я уже был выпускником Талман-коваха на Синдиеву.

— На Драко? — удивленно переспрашиваю я. До сих пор я был знаком только с уроженцами Амадина.

— Конечно. На Амадин я прилетел в девятилетнем возрасте. Это было за одиннадцать лет до войны. — Он усмехается. — Ты удивлен, Язи Ро?

Я сосредоточенно складываю цифры.

— Выходит, тебе уже больше пятидесяти!

— В исчислении Драко — пятьдесят три. В годах Амадина немного больше. Но это далеко не рекорд.

Я вскакиваю и принимаюсь расхаживать по пещере.

— Почти всем, кого я знаю, меньше десяти лет. Мой родитель погиб, когда ему было всего четыре. Но в Маведах есть командиры старше двадцати лет. Я даже встречал одного, Олту Киуса, которому было целых двадцать девять. До сегодняшнего дня я не знал драков старше его.

Зенак Аби вытирает себе череп, вздыхает и говорит:

— Итак, Язи Ро, мы с тобой установили, что я безумец, изменник и дряхлый старец. Учти, если продолжать в том же духе, то к моменту, когда ты доберешься до сути, мы вряд ли сохраним ясность мысли.

Я перестаю расхаживать и гляжу на джетаха.

— Ну что ж... Я слышал в лагерях две вещи. Во-первых, что когда Зенак Аби изучает пути, то у него получается, что не все они приводят к продолжению войны. Болтали, будто ты нашел талму к миру.

Аби потер подбородок и поднял палец.

— Это полуправда. Не все пути обязательно ведут к войне. Но пути к миру я не нашел.

— Но он должен существовать! Этому надо положить конец!

— Мне тоже хотелось бы так думать, юноша, — отозвался Аби насмешливо. — Однако твое пылкое «должен!» еще не достигло степени научной вероятности.

Глядя на веселую физиономию Аби, я думаю: неужели мир — это всего-навсего кровавые игры, в которые играют изуродованные болью живые существа? Мое разочарование так сильно, что я уже не в силах изображать старомодную вежливость.

— У тебя и у твоей синей ленты было целых тридцать два года, старый дурень! Чем же ты все это время занимался?

Мы оказались с ним почти нос к носу, как говорят люди. Внезапно я чувствую, что мне в грудь что-то упирается. Я опускаю глаза и вижу человечий огнестрельный автомат. Аби наставил его на меня. Я беру себя в руки и отступаю назад.

— Садись в кресло, Язи Ро. Так гораздо удобнее. — Но я не двигаюсь. — Отлично. В таком случае это считаю более удобным я. Сесть! — Он подталкивает меня дулом.

Я повинуюсь, не сводя с него глаз. Джетах улыбается, целится себе в голову и спускает курок. Щелчок — и ничего.

— Патроны кончились, — объясняет он виновато. — Но я отвечаю на твой вопрос, чем я занимался последние тридцать два года. Все это время я старался сохранить жизнь себе и нескольким друзьям. Мы десятилетиями опережали на один шаг агентов Маведах и Фронта Амадина.

— Я нашел тебя без труда.

Аби отвечает с улыбкой:

— Если ты призовешь на помощь свою могучую память, то, наверное, вспомнишь, что я сам тебя нашел. — Аби показывает стволом на стены пещеры. — Что касается моей работы, юноша, то где же мне развесить мои таблицы? Где мои мониторы, компьютеры, коллеги и ассистенты, космическая связь с Талман-ковахом? Нет, юноша, все это время у тебя было гораздо больше возможностей добиться мира, чем у меня.

— Мира? — переспрашиваю я, сбитый с толку.

Аби утвердительно кивает, убирая под куртку бесполезное оружие.

— Почему ты не перестал стрелять, убивать? Количество трупов явно уменьшилось бы. Мне было недоступно даже это, потому что я никого не убивал. Каким был второй дошедший до тебя слух?

Сидя вечерами перед слабо светящейся шкалой приемника, мы с однополчанами рассказывали друг другу невесть что. Неужели все это были пустые слова? Сотрясение воздуха в ожидании очередного кровавого задания?

— Слыхал я, Зенак Аби, что ты знаешь, как просочиться сквозь блокаду. Как покинуть Амадин.

Наконец-то я добился внимания старого дуралея. Он всплескивает руками и, подражая людям, закидывает ногу на ногу.

— Предположим, я совершу такое чудо. Куда ты отправишься, Язи Ро? Что предпримешь? Устроишь себе отпуск? Покатаешься на аттракционах в парке развлечений? Или устроишь забег по магазинам на Синдиеву?

Я отвечаю, не задумываясь:

— Полетел бы на Драко, предстал перед джетаи диеа Талман-коваха и потребовал, чтобы они положили конец войне на этой несчастной планете.

— Значит, твоя цель — мир? А стал бы ты убивать для достижения мира, маленький Ниагат?

Я снова багровею от гнева.

— Я здесь не для того, чтобы обмениваться с тобой мифами из Талмана, старый... старик. То, как я буду добиваться мира, — мое личное дело.

Зенак Аби снова насмешливо улыбается.

— Таких, кто мечтает удрать с Амадина, полным-полно. Это родители — и драки, и люди, — желающие сохранить жизнь своим детям. Это раненые, которые не получают здесь нужного лечения. Это все голодающие, все, кто не хочет больше превращать свою жизнь в непрерывное ожидание смерти. Предположим, я способен совершить такое чудо. Почему я должен предпочесть твое желание желаниям их?

— Потому, Зенак Аби, что опасности, увечья, голод — все это закончится, когда наступит мир.

— Когда наступит мир... — Аби встает и подходит ко мне. На его физиономии уже нет усмешки. — Неужели ты, молодой убийца с кровью людей на руках, сумеешь убедить овьетаха и мудрецов Талман-коваха, что они ошибаются? Что годы учения, весь их долгий опыт ничего не значат? Что они просто не заметили путь, который нашел ты, невежда и гордец? Талман-ковах рассылает инструкции политическим, деловым, военным, научным, философским учреждениям сотен планет, и вдруг к ним является разъяренный убийца из Маведах, совсем юнец, с требованием совершить то, что они давно считают невозможным... Вот и ответь мне, Язи Ро, подпустят ли они тебя даже к своим воротам?

Я отворачиваюсь от джетаха и смотрю в темный угол. Это я дурень, тысячу раз дурень! Все мое существо вопиет, что ужас, творящийся на Амадине, — искривление, страшная ошибка. Мне казалось, что само это убеждение — уже талма, путь, на котором возможно достижение мира на злосчастной планете...

Тысячу раз дурень!

Я шепчу, не слыша себя: несправедливо. Эта война, все эти ужасы, невозможность мира — конечно же, несправедливо! Но вслух я этого не произношу, чтобы не получить очередную отповедь, почерпнутую в Талмане. Не помню, из какого она предания, из какой Коды. Кажется, что-то насчет невинных забав Малтака Ди. Один из уроков предания в том, впрочем, и состоит, что вера в справедливость — признак повреждения рассудка или тупости.

Опять слезы на глазах. Наверное, этому действительно не будет конца. Мой родитель, друзья, боевые товарищи мертвы, это какой-то бесконечный парад трупов. Сколько еще полков отправится на тот свет? Присоединиться ли мне к траурному шествию или спрятаться по примеру Зенака Аби на вершине какой-нибудь неприступной горы? Но смогу ли я жить дальше, зная, что столько уже умерло, столько умирает, столько еще умрет?

Даже в такой мирной пещере, как эта, мне не дали бы покоя призраки. О призраках мы узнали от людей. Ни один ковах, нащупывающий пути по всем правилам науки, не признал бы, что бывают какие-то бесплотные призраки. Ну и что? Я-то их слышал. Я вижу их сейчас. И наплевать мне на чужое мнение — извольте сначала поползать по Амадину...

Аби кладет мне на голову свою теплую руку.

— Откинься, — приказывает он. — Откинься и расслабься. Сейчас я поделюсь с тобой еще кое-чем, почерпнутым у людей.

Я отстраняюсь от джетаха и хмуро гляжу на его улыбающееся лицо.

— Что ты собираешься делать?

— С тобой не все в порядке. Возможно, я сумею тебе помочь.

— Я болен?

Аби смеется, размышляет.

— Наверное, это даже хуже болезни, Ро. Первым делом ты у меня расслабишься. А потом я попытаюсь помочь осуще-

ствиться главному твоему желанию. Где-то на этом пути тебе, возможно, предстоит погибнуть. А теперь ляг и успокойся.

Мир или смерть. То и другое привлекательнее настоящего. Я ложусь, закрываю глаза и позволяю руке джетаха погрузить меня поглаживаниями в странное забытье. Но еще не забывшись, я слышу странный звук: кожа, скребущая по мостовой. Я пытаюсь пошевелиться, изготовиться к отражению нападения, но не могу двинуть даже пальцем. Я беспомощен перед собственными мыслями.

5

Серый свет, превращающийся в туман, вьется вокруг древесных стволов, тянется вверх, ко мне. Он окружает меня, и я ничего больше не могу разглядеть. Я пытаюсь позвать на помощь, но не могу издать ни звука. В сером тумане я различаю желтый мазок. Я смотрю на него и вижу, как он растет, ширится, превращается в линию горизонта с силуэтами жалких строений под набухшими тучами.

Я снова в Гитохе, снова наблюдаю, как лезвия зеленого света поджигают в небе очередной военный вертолет людей. Отвратительные завывания сирен сотрясают мои кости.

«Ро! Ни тин! Ро!»

Родитель вбегает в комнату и стаскивает меня с подоконника, чтобы, плача, поставить посредине дома и отчитать. Он прижимает меня к груди, стискивает, целует в шею.

«Прости меня, Ро. Я так перепугался! Слушай: при звуках сирены нельзя приближаться к окнам и к дверям!»

Я отвечаю Язи Аво, что со мной все в порядке, мне ничего не угрожает. Стреляют где-то очень далеко. В собственном доме мне ничего не грозит. Позже я узнаю о судьбе своего приятеля Идоха: тот любовался из окна сражением и был превращен шальным импульсом с вертолета в кровавое месиво.

Мгновения в обществе родителя. Он снова и снова читает мне одну из наших немногочисленных книжек, обнимает меня, я сладко сплю в его объятиях. А потом, когда уже начиналась весна, разразилась битва за Гитох, и через нас ринулись орды солдат Фронта Амадина, потому что у нас было совсем мало бойцов Маведах, да и те — только противовоздушная оборона.

Дым, крики, огонь. Тишина. Я сталкиваю с себя безжизненное тело Аво. От нашего дома остался только обугленный край одной из немногочисленных книжек Аво.

Я кричу, недоумевая, как кто-либо, будь то драк или человек, способен слышать такие звуки и не броситься на помощь. Проходит много времени после того, как я устал надрываться, и солдат Маведах сажает меня в фургон. Там уже много детей. Все мы — сироты. Фургон трогается и покидает Гитох, но нам никто ничего не говорит. Мы сбиваемся в кучку и рыдаем. Но большинство невозмутимо ждет новых ужасов, надеясь, что они уже не застанут их врасплох.

Ковах для детей-сирот, расхаживающий по бараку сортировщик. Ужасы тренировок, бесконечные сражения, стычки, атаки, засады, искалеченные и убитые товарищи — некоторых я знал, большинство мне неизвестны. И вот уже я сам мечусь с ножом среди орущих человеческих детей. Их огромные темные глаза полны слез, лица искажены горем. Они ревут и не понимают, как кто-то, будь то человек или драк, может слушать такие звуки и не кидаться на выручку. Объяснить им что-либо невозможно, да и незачем. Те, кто выживет, все поймут сами.

Сломанная кукла в пыли перед горящими укреплениями Бутаан-Жи. Неподалеку от куклы лежит мертвая девочка, уставившаяся на солнце. Сидящий рядом с ней человек распевает надтреснутым голосом странные слова. Боль, которой пронизана его песня, не требует перевода. Он поворачивается, смотрит на меня. В его заплаканных глазах мольба, его песня не стихает. Он не ранен и вооружен. Оружие лежит у него на коленях. Я поднимаю свой энергонож и бью его лучом прямо в грудь. Он падает замертво. Я удивлен, почему он не попытался спастись. Его песню я запомнил навсегда.

Ночное нападение на Стальной Город на Дорадо. Я смотрю в иллюминатор древнего боевого корабля. Поверхность континента затянута тучами. Тут и там их озаряют снизу взрывы, и я вижу яркие вспышки — белые, оранжевые, красные. Вспышки опоясывают всю планету. Нам предстоит нырнуть в сплошной огонь. Когда начинается снижение, Пина берет меня за руку.

Безымянный командир другого подразделения отводит глаза, чтобы не глядеть на нас виновато.

Женщина с ребенком-драком в бункере. Поле смерти и разрушения, убийца из Маведах, потерявший способность убивать, потому что отказывается продлевать это безумие. Ребенка зовут Суриток Нан. Себя женщина не назвала. Я отпускаю ее, потому что не вижу больше причин для убийства. Что станет с ее маленьким драком? Возможно, он превратится в ключик к будущему миру между драками и людьми. Возможно, изобретет снадобье, которое заставит все расы слиться в единую семью. Но гораздо более вероятно, что он и его мать-землянка погибли вскоре после того, как я перестал их видеть...

Я вижу многое, относящееся ко мне. Это набор из вещей разной величины. Любовь — небольшая вещица. Еще меньше жалость. Ненависть гораздо больше: это гора, чернеющая на фоне пылающих небес. Но еще выше, чем эта гора, — то, от чего меня тошнит, то, что сводит меня с ума, превращает в несмышленыша. Это что-то безразмерное, неуклюжее, это разнузданное чудище, вопящее: «Взгляните на все эти страдания, на всю эту смертельную бессмыслицу! Так не должно быть! Это несправедливо!»

Вот что превращает Язи Ро в дурака. Даже если я доберусь до Драко и попаду в Талман-ковах, если вывалю тамошним мудрецам всю боль этой планеты, то добьюсь ли чего-то, кроме смеха и раздражения? Это будет бессильный вой под неприступной стеной реальности, бессмысленное битье головой о броневой щит.

Суждено ли Амадину что-либо, кроме погибели?

Туман рассеивается, и я возвращаюсь в пещеру к Зенаку Аби. У меня болят глаза, во рту вкус пыли. Передо мной человек — низкорослый, сосредоточенный. Рядом с ним стоит джетах, они вместе греются у огня. Они говорят обо мне, но голоса их доносятся до моего слуха словно бы с большого расстояния.

У меня подступает к горлу тошнота. Человек! Зенаку Аби нельзя доверять, раз он вот так запросто, по-дружески беседует с человеком. В руках у джетаха какой-то сверток, у человека тоже, поменьше.

Я сажусь. Нелепость того, что я вижу, становится все яснее. Человек не испытывает чувства вины. Он не трусит, не лебезит, не кается, не трясется от страха. Ничто не говорит о том, что его пригибает к земле осознание преступления, долга совести перед драками.

Вообще-то внутренний голос подсказывает мне: не исключено, что именно этот конкретный человек не повинен ни в каких преступлениях. Но это только крупица разума, и ее мгновенно перетягивает гиря — необъятная вселенная, имя которой — моя ненависть. А они все болтают... Я начинаю вникать в смысл их болтовни: отправить Язи Ро — меня — на Драко. Тут какая-то ошибка, но они повторяют: Язи Ро — на Драко!

— Зачем? — пытаюсь спросить я, но даже это короткое слово получается у меня похожим на скулеж собаки — я видел этих мерзких тварей, привезенных людьми на Амадин. Аби оборачивается.

— Ну как, вернулся на Амадин? Дыши глубже, Ро, напрягай мышцы. Ты выпил успокоительное.

— Успо... — Я соскакиваю, вернее, валюсь с кресла. Ноги и руки до странного тяжелы и отказываются повиноваться. — Какое еще успокоительное? — Я хватаюсь за спинку «кресла», чтобы не рухнуть: пещера вертится вокруг меня. Но головокружение быстро проходит.

— Этого должно хватить, — говорит человек, указывая на свой толстый конверт. — Цены снижаются из-за падения спроса.

— Познакомься, Язи Ро, — говорит Аби, — это Томас. Он устроит тебе перелет на Драко.

Еще не оправившись от приступа головокружения, я падаю в кресло.

— На Драко? — Я еще в плену своих видений. — Зачем? — Я указываю онемевшими пальцами на свою голову. — То, что сейчас со мной произошло, этот сон, доказало, что полет на Драко — бессмысленный поступок. — Я озираюсь, боясь, что еще не избавился от бреда. — Что это было? Что здесь делает человек?

— Позволь ответить на один из твоих вопросов, — отвечает мне человек. — Это называется слиянием сознаний. В электронно-химическом смысле мозг Зенака Аби и твой мозг на короткое время соединились. — Он достает из кармана ма-

ленький серебристый диск. — Видишь? Это усилитель нейронного поля. — Он убирает диск. — Потерпи пару минут, и действие успокоительного пройдет.

— Я не принимал никакого успокоительного!

— Я пустил его в ход, когда массировал тебе голову, — объясняет Аби.

Это признание должно вызвать приступ бешенства, но я слишком утомлен, слишком сбит с толку. Джетах мира вооружен автоматом и травит какой-то гадостью тех, кто обращается к нему за помощью. Когда я хочу отправиться на Драко, это невозможно, а когда перестаю видеть в таком путешествии смысл, возможность, наоборот, появляется. Похоже, это проверка, способ разобраться, достойный ли я кандидат для присоединения к их культу. Успешно пройдя проверку, я сделаюсь членом тайного общества наркоманов...

Аби и человек пожимают друг другу руки. Человечий ритуал завершен, Томас уходит. Джетах подкладывает в огонь дров и обращается ко мне:

— Прости меня, Язи Ро, за применение без спросу успокоительного средства. Мне было необходимо понять, как ты взираешь на мир. Надо ведь знать, можно ли тебе доверять.

— Доверять? Зачем? Чтобы заслать на Драко? Лететь туда нет никакого смысла. — Я тру лоб. — Разве не в этом состоит урок, который ты и этот человек мне навязали?

Аби отворачивается от костра и молча меня разглядывает, потом в задумчивости подходит к своему «креслу» и садится, сцепляет руки и наклоняется вперед, упершись локтями в колени.

— Мы ничего тебе не навязывали, Ро. Но эта технология действительно позволяет видеть чрезвычайно поучительные сны. С помощью усилителя я поместил твое нейронно-событийное поле в свое и мог вспоминать, видеть и чувствовать, как это делаешь ты. А что до твоего вопроса, то тебе действительно нет смысла являться в Талман-ковах и угрожать им, чтобы они поскорее открыли путь к миру. Это твой собственный вывод, и я с ним согласен.

— Как же так? — Я указываю на выход из пещеры, имея в виду только что удалившегося человека. — Ведь ты и этот твой друг все равно собираетесь отправить меня на Драко!

Аби смотрит на конверт.

— Какой-то шанс все же существует, Ро. Боюсь даже гадать, насколько этот шанс мал, но возможность добиться мира надо использовать, какой бы призрачной она ни была. Прежде чем карантин оборвал мою связь с Талман-ковахом, я нащупал цепочку событий, которая могла бы положить конец войне.

Я качаю головой.

— Мне не хватает знаний, чтобы в этом разобраться.

Джетах мысленно отказывается от подробных объяснений, чтобы не похоронить меня под грудой неведомых мне понятий и ассоциаций.

— Надежда на мир есть. Доставь результаты моей работы в ковах и попроси изучить их в свете новой книги Талмана, утвержденной Трехсот Одиннадцатым джетаи диеа. Это шанс, которым нельзя пренебречь.

— Талман? Новая книга? — Я едва не давлюсь от смеха и показываю джетаху на золотой кубик у себя на груди. — Тебя воодушевляет очередной миф из груды других бесполезных мифов? До встречи с тобой, старик, я думал, что таких дурней, как я, больше не сыскать, но теперь я так не считаю...

Зенак Аби молча изучает меня.

— Тем не менее этот миф мог бы тебя заинтересовать, юноша. В нем говорится о нас, мучениках Амадина. И автор написанного — человек.

Я смотрю на золотой кубик страниц, который продолжаю носить по душевной слабости, из привязанности к родителю. Талман, книга путей, предания о драках с явления Бога одиннадцать тысяч лет назад и вплоть до... Джетаи диеа, самые блестящие знатоки Талмана и ученые всех времен, включили в Талман новую сказку, нечто, написанное человеком. На планетах драков, где все еще проводятся ритуалы посвящения в зрелость, юнцам приходится заучивать эту новую книгу и декламировать ее на церемонии. Но что способен сказать человек, почему его слова достойны запоминания бесчисленными поколениями драков будущего?

— Как называется эта новая Кода, Зенак Аби? Наверное, «Кода Нусинда»?

— Правильно. Джетаи диеа включили новый текст в канон под названием «Кода Нусинда», «Глазами Джоанн Никол».

— Что же говорят твои таинственные источники о невероятных достоинствах этих человечьих глаз?

Джетах привычно усмехается.

— Рассказывают, будто она была слепой, однако видела лучше, чем овьетах Талман-коваха.

— Слепая?.. — Я смотрю на джетаха, представляя, как предстану перед джетаи диеа. «Сегодня я попотчую вас редкостным блюдом, мудрецы: трудом спятившего старого изменника с устаревшими файлами, без всякого оборудования, вдохновившегося слепой женщиной. Блюдо это вам предлагает убийца из рядов Маведах, всегда пренебрегавший ритуалами и заранее знающий, какое все это гиблое дело...»

Слишком часто я даю волю своей горечи.

— Так в чем же особенность этих глаз, Зенак Аби?

— Она прозрела путь прекращения войны между Палатой драков и Соединенными Штатами Земли.

— Но одно местечко она все-таки проглядела — Амадин.

Зенак Аби смотрит в огонь своего костра и говорит:

— Ее звали Джоанн Никол. Благодаря ей от войны, в которой гибли миллионы, осталась война, в которой гибнут тысячи. До нее в войне участвовали сотни планет, а после нее осталась только одна планета, воюющая сама с собой. За это драки заклеймили ее как врага, люди обвинили ее в измене и лишили свободы. Ты, конечно, можешь смеяться над моими словами, но последствия этой усмешки будут разрушительнее всего, что ты совершил до сих пор, Язи Ро.

Я закрываю глаза и представляю течения и водовороты вселенной, вертящиеся частички жизни, потоки, несущие мусор жизни неведомо куда... Неужели я отныне прикован к новой книге Талмана, к ненавистным людям? И как вся эта мешанина связана с миром на Амадине? Или все это — мечты, туман, который развеет первым дуновением ветерка? Я со вздохом кладу руки на колени.

— Что я должен сделать, Аби?

Он протягивает мне сверток немногим больше обычной книги, обернутый влагонепроницаемой пленкой.

— Доставь мой труд в Талман-ковах. Привези мне на Амадин «Кода Нусинда», «Глазами Джоанн Никол».

— Вернуться на Амадин? — От изумления у меня ползут на лоб брови. — Если мне посчастливится попасть на Драко, то что сможет заставить меня снова погрузиться в грязь этой планеты?

Джетах отворачивается и смотрит в огонь.

— Ты обязательно вернешься, Язи Ро. Это истина, не подлежащая сомнению.

6

Ночью другой человек по имени Рик Макфарланд и молодой драк Дуло Рин ведут меня замерзшими, исхлестанными ветром тропами через горный перевал. Вокруг, до самого горизонта, высятся Серебряные горы, и на каждой их вершине, сверкающей льдами, приютилось по крохотному святилищу, где сосуществуют в относительном согласии по несколько созданий, людей и драков. На склонах гор и в зеленых долинах зияют шрамы, оставленные бомбежками, лучами энергоножей, пожарами. Но многие шрамы находятся на тех или иных стадиях заживления: пушистые деревья-подушки и лианы кое-как сглаживают картину. Со временем Амадин мог бы возродиться, если бы населяющие его так называемые разумные существа сумели положить конец нескончаемому ужасу.

После многочасового спуска мы снова оказываемся среди деревьев. Еще час — и мы оставляем позади, вверху, лесной пояс и оказываемся в небольшом селении, низенькие строения которого почти скрыты кустарниками. Здесь ютятся драки и люди, их дети играют вместе. Это все еще игра в войну, но в игре противостоят смешанные дракско-человеческие силы — уже прогресс. Об этих своих друзьях, пытающихся выжить, и рассказывал мне Зенак Аби.

В зарослях меня не покидает ощущение, что за мной следят. Лес усеян вооруженными часовыми. Охрану несут люди и драки. Неужели драки и люди действительно когда-то жили и работали вместе? Неужели эти времена могут вернуться? Во всяком случае, на карантинных станциях, стерегущих Амадин, несут вахту совместные дракско-человеческие экипажи. Впрочем, они не окунались в специфические воды Амадина...

Дело воцарения мира требует, чтобы я выкинул из головы все ужасы, свидетелем которых побывал. Но сумеет ли «Черный Октябрь» забыть об убийстве председателя Фронта Амадина Гордона Роуза, его подруги, трех малолетних дочерей? Сумеют ли Маведах или «Тин Синдие» забыть о перерезанных

горлах депутатов Палаты Амадина? Бойню в форте Льюис? Смерть Язи Аво?

Внутренний голос спрашивает: «Как с боеспособностью, Язи Ро?»

Я узнаю этот голос: он принадлежит Декибану Ло, джетаху Нокбук-коваха — учебного центра Маведах, куда сортировщик отправляет отобранных сирот. Курсант, задыхающийся от усилия, неизменно слышал: «Как с боеспособностью, Микла Намик?» Стоило закричать от боли, как Ло кричал в ответ: «Как с боеспособностью, Ниас Тох?» Упавший от изнеможения непременно слышал шепот Ло: «Как с боеспособностью, Язи Ро?»

Мне предстоит выполнить задание, очередное поручение в веренице других. Разница в том, что на этот раз у меня есть время оценить смысл и выполнимость порученного. Что это — серьезная попытка замирить Амадин или смертельный риск в бессмысленных потугах сделать былью сон? Если верно последнее, то я сбился со счета, сколько раз уже пытался и не достигал успеха. Если первое, то как быть с ответом на не дающий покоя вопрос о боеспособности, о пригодности для серьезного дела?

Уши наполняет вой штурмовика, обрушивающегося с ночного неба без единого огонька. Я трогаю Дуло Рина за плечо. Он оборачивается, но света звезд мало, чтобы различить его черты. Я указываю в ту сторону, откуда доносится оглушительный звук, но драк спокойно продолжает спуск.

— Это за тобой, — объясняет он. — Надо торопиться, они не могут долго ждать.

Чем ближе мы подходим к небольшому спускаемому аппарату, тем больше меня мучают вопросы. Кто те продажные офицеры карантинной службы, которые выпустят меня с Амадина, — люди или драки? Я наблюдал, как люди торгуются друг с другом и со стерегущими их солдатами Маведах. Люди продажны по природе, их легко подкупить. Они бесстыдно предлагают взятки любому, кто может принести им пользу. Но насквозь продажного драка я представить не могу.

При подходе к откинутому люку спускаемого аппарата я вижу три фигуры. Свет не зажигают. Рик отдает толстый конверт и исчезает в темноте. Я пытаюсь найти глазами его спутника-драка, но Дуло Рина уже нет. Двое из команды спускаемого аппарата залезают внутрь.

— Ты пассажир? — спрашивает взявший конверт. Я отвечаю утвердительно.

Мне показывают на лестницу, и я карабкаюсь по ней, потом спускаюсь вниз. Меня успокоило то, что рука, сделавшая пригласительный жест, принадлежит человеку. Двое других членов команды встречают меня с непроницаемыми лицами и нетерпеливо жестикулируют. Это драки. Я должен спрятаться под полом грузового отсека. В тайнике меня ждет губчатый матрас, одеяло и две емкости — одна с водой, другая для отправления естественной нужды.

— Кабина люкс, — говорит один из драков.

Другой, взяв из угла панель, вынутую из пола, добавляет по-английски:

— Полезай. Я узнаю у капитана, какими фильмами ты сможешь развлечься в полете.

Не понимаю я их шуток, поэтому не присоединяюсь к их смеху. Передо мной продажные драки, мне за них мучительно стыдно.

Я сажусь на матрас. Двое драков и человек накрывают дыру панелями и шумно их привинчивают. После этого воцаряется тишина. Я остаюсь в кромешной тьме наедине со своими страхами.

Вдруг эти продажные люди и драки попросту вышвырнут меня в безвоздушное пространство и поделят свои бесчестные барыши, уверенные, что преступление никогда не раскроется? Вдруг карантинные власти обнаружат меня и предадут суду? Если в полете возникнут непредвиденные осложнения, сообразит ли кто-нибудь отвинтить панели и выпустить меня? Или меня сознательно принесут в жертву?

А если я и доберусь до Драко, то не махнут ли там на меня рукой, не запретят ли обратиться в Талман-ковах? Не оттолкнут ли меня как отступника, не прошедшего ритуалов и не занесенного в родовой архив?

Я ощущаю сквозь матрас вибрацию, потом начинает нарастать невыносимый вой турбин. Я зажимаю руками голову, но вой проникает в меня через все поры. Толчок, душераздирающий рев — и меня вдавливает в губчатый матрас. Вскоре все мое тело наливается свинцом, я не могу поднять ни рук, ни головы. Давление все нарастает, я уже кричу от боли. Напрягшись, я переворачиваюсь на бок. Это ощущается, как паде-

ние, голова, ударившись о матрас, едва не раскалывается, как дыня при ударе о камень. Я навечно парализован, дыхание становится прерывистым, воздух смертельно холоден, до одеяла не дотянуться...

Так как с боеспособностью? Лучше не задавать больше этот вопрос. Никогда прежде я не летал в космос. Кажется, я сейчас умру.

7

На орбитальной станции двое драков вытаскивают меня, полумертвого, из тайника, натягивают на меня бурый комбинезон и потихоньку выводят из спускаемого аппарата под видом члена экипажа. Потом они молча ведут меня по коридорам, куда-то вниз, через ангары, снова по коридорам. Мгновение — и на мне бледно-зеленая форма, как на всей команде орбитальной станции. Драк и человек, которых я вижу впервые, ведут меня по новым коридорам к гигантскому ангару, в котором готовится к вылету черный корабль раз в пять больше спускаемого аппарата. Человек заталкивает меня в какую-то нишу и снова велит переодеться — на сей раз в серо-черную форму. Драк тем временем мастерит мне жетон-пропуск и следит, чтобы нас не заметили.

— Что ты умеешь делать? — спрашивает меня драк. — Мы должны зачислить тебя в команду.

Я размышляю и отвечаю:

— Умею убивать и оставаться живым.

Драк окидывает меня холодным взглядом. В наш разговор вмешивается человек:

— Наверное, ты умеешь ремонтировать дракское вооружение?

— И дракское, и человечье.

Еще один холодный взгляд — на сей раз человечьих глаз. Драк кодирует мой жетон, проверяет коды маленьким фонариком и кивает человеку. Человек говорит:

— Мой друг повозился с кодами и включил тебя в команду корабля «Тора Соам».

Оказывается, корабль назван в честь самого опасного предателя-драка, носившего когда-либо Почетное оружие Айдана! Что за безумие — чтить память изменника из изменников!

— Ты все понял? — Человек торопится.

— Да. Где корабль?

— Там. — Видя мою растерянность, он тычет пальцем в иллюминатор. — На орбите, в сотне кликов от станции. Гавей «клик»?

— Я понимаю.

Он указывает кивком на черный корабль в ангаре. Рядом с кораблем стоит группа важных лиц в сопровождении помощников.

— Это один из шаттлов «Соама». Когда команда начнет грузиться, мы познакомим тебя с нашим другом, который проведет тебя на борт и покажет что к чему. Он нашел для тебя вакансию в команде. Если кто спросит, называй свое настоящее имя и говори, что принадлежишь к шестой бригаде обслуживания. Корабль доставит на Драко дипломатов и почту, так что твои услуги никому не понадобятся. У тебя будет свое спальное место и паек. Не лезь никому на глаза, держи язык за зубами — и все будет в порядке.

Другом контрабандистов оказывается Бинас Пави, офицер с «Торы Соама». Деньги, уплаченные за мой перелет Зенаком Аби, не передаются из рук в руки. Вместо денег человек отдает Пави тяжелый контейнер с единственным экспортным товаром Амадина — «пастилками счастья». С Амадина через всю галактику к Драко тянется цепочка слюнявых грез. У Пави, если воспользоваться человеческим сравнением, дьявольские глаза. Меня стараются никому не показывать, сам я держусь скромнее некуда, но, по-моему, все равно почти вся команда знает, что происходит. Возможно, платы Зенака Аби хватает на всех, а возможно, всем просто на все наплевать. Такого отношения я не понимаю. Те, кто хлебнул Амадина, знают, что смерть неминуемо оставляет кровавые следы. Война рождает собственных детей, чуждых тем, у кого другой родитель. Экипаж орбитальной станции и «Торы Соама» — не воины, знающие с рождения свое предназначение, а специалисты, продающие за деньги свое время.

Корабельный арсенал представляет собой каморку, мастерскую и каюту ответственного, то есть мою. В мастерской верстак и шкафчики с контрольными приборами, инструментами и всем необходимым. Все инструменты новенькие, коробки с боеприпасами ни разу не открывались, почти все ору-

жие корабля лежит разобранное в мешках, в которых было сюда доставлено. То, что распаковано и собрано, либо не чищено, либо вообще не пригодно для использования. Но мне до этой постыдной неподготовленности нет дела. Задачи «Торы Соама» меня не касаются.

Я скучаю в своей крохотной каюте и смотрю от нечего делать человечьи и дракские постановки на своем мониторе. Когда это занятие становится мне поперек горла, я приступаю к играм и окончательно дурею. От отчаяния я начинаю распаковывать, чистить и заряжать корабельное вооружение. Это хорошее занятие, в котором я усматриваю больше смысла, чем в своей миссии в Талман-ковах.

В дипломатической делегации и в команде корабля есть и люди, и драки. Все — и люди, и драки — молоды, слишком молоды, чтобы успеть повоевать на Амадине до установления карантина и покрыться шрамами, как ветераны войны землян с драками. Они служат в дипломатическом корпусе Палаты драков, имеющем цель не выставлять напоказ смертоубийство на Амадине, чтобы политики оставались чистенькими.

Но в команде все же есть один ветеран, служивший на Амадине до установления карантина. Это капитан и пилот «Торы Соама», Ореах Вак. Он почти так же стар, как Зенак Аби. Он воевал тридцать лет назад, но глаза у него точно такие же, как у меня. Возраст не позволяет ему выполнять боевые задания, вот он и возит пассажиров с Драко на орбиту Амадина и с орбитальной станции обратно на Драко. Однако его по-прежнему не покидают призраки войны.

Перед вахтой Ореах Вак обязательно приходит в оружейную комнату, чтобы почистить, смазать и проверить свой автомат и пистолет, который держит в потайной кобуре в голенище сапога. То и другое — человечье огнестрельное оружие. Мне он не позволяет притрагиваться к своему оружию, хотя его чистка и ремонт — моя должностная обязанность. Разбирая автомат для чистки и проверки, он кладет рядом с собой на верстак заряженный пистолет.

Капитан не отрывает взгляд от оружия, которым занимается, однако я не сомневаюсь, что он знает, где я нахожусь и что делаю. В пятый свой визит он уже не ограничивается обычным коротким приветствием, а говорит:

— По-моему, мы с тобой знакомы, Язи Ро. Не помнишь, может, мы встречались до этого рейса?

— Не помню, капитан, — отвечаю я.

— Странно... Ты, конечно, еще очень молод, но мне кажется, что ты был среди моих товарищей в тзиен денведах, когда мы умирали на Амадине. — Я помалкиваю. Его взгляд, оторвавшись от оружия, останавливается на мне. — Ты, случайно, не участвовал в боях с пиратами вокруг Системы Ааквы четыре года назад? — Не дожидаясь ответа, капитан снова переводит взгляд на свое оружие и заканчивает его сборку. — Ходят слухи, будто служба карантинного контроля тайком забирает некоторых людей и драков с Амадина. Тем, кто этим занимается, все равно, кого спасать, лишь бы денежки платили.

Вак заряжает автомат, ставит его на предохранитель и кладет рядом с пистолетом. Наступает черед пистолета: капитан разбирает его, чистит, проверяет каждую деталь. Я уверен, что он меня раскусил, но полагаю, что ни убивать капитана, ни пытаться сбежать, даже если бы это было возможно, не имеет смысла. Я по-прежнему молчу. Эту игру затеял капитан, ему и делать ходы.

— Чего ты хочешь, Язи Ро?

— Чего я хочу, капитан?..

— Ведь ты не дурак. — Я окончательно убеждаюсь, что он все знает. — Отвечай на мой вопрос, Ро. К чему больше всего на свете стремится твоя душа?

Какая разница, откроюсь я ему или нет? Главное, он все про меня знает. Хотя нет, еще не все: ему невдомек, что огонь Амадина не сумел спалить меня дотла. И я произношу странное для него и для себя слово:

— К миру. Больше всего на свете моя душа алчет мира.

Старческие брови лезут на лоб, лицо выражает безмерное изумление.

— Почему не мести? Разве ты не терял друзей, родных? Ты никого не любил?

Меня тут же обуревают воспоминания. Терял, как и все: родителей, друзей, Дюжину. Любил — и терял свою любовь.

Ночной дозор близ Дугласвилла на южном побережье Дорадо. Лота Мин ползет первым, за ним — я. Япу приказал нам прощупать вражеские позиции и отыскать в них слабое место.

Значит, лицом в грязь, локтей и коленей не жалеть. Но нас подстерегает неудача. То ли один из нас оказался неуклюж и что-то задел, то ли мы слишком приблизились к посту прослушивания Фронта, то ли нам попался дистанционный датчик... А может, не то, не другое и не третье: люди часто палят просто так, чтобы не дать нам передохнуть, а еще на случай, если кто-нибудь приблизится к их позициям. Напрасный расход боеприпасов, конечно, — но в тот раз они нас все-таки застукали.

В небе вспыхивают ослепительные белые огни, перечеркнутые зелеными пунктирами людских трассеров, от грохота разрывов можно оглохнуть. Полуслепой от вспышек, почти ничего не соображая, я вижу, как Мин заползает в воронку. У него отказали ноги, и он действует одними руками. На меня накатывается безумный рев, я распластываюсь, спасаясь от ударной волны. От ужаса я тоже ползу в воронку, но перевалиться туда не успеваю. Взрыв акустического снаряда — и я теряю сознание.

Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем я открываю глаза. Мое лицо засыпано землей, ноги придавило, в спину врезается что-то острое. Руки почти меня не слушаются, но я кое-как оттираю грязь с глаз. Шлема на мне нет. Я продираю глаза и вижу звезды. Ни вспышек, ни стрельбы, вообще ничего — только легкий ветерок с моря и хриплое дыхание Мина. Видны не все звезды: некоторые загорожены искореженным артиллерийским стволом. Я поворачиваю голову и вижу в воронке разбитый орудийный лафет. Я пытаюсь разглядеть, чем мне придавило ноги.

Поперек меня лежит Лота Мин. Его голова откинута, глаза закрыты. Я долго извиваюсь, чтобы принять сидячее положение. Я шепчу имя Мина, но ответом мне по-прежнему только его болезненное дыхание. Придерживая ему голову, я вытягиваю из-под него ноги. При этом я молю вселенную, чтобы Мин не вскрикнул. Вселенная мне внемлет: Мин вообще ни на что не обращает внимания. Освободив себе ноги, я опускаю его голову на землю и ползу к краю воронки, чтобы оглядеться.

Я пытаюсь уловить в темноте малейшие движения, слабые шорохи. Потом пробую понять, что к чему, выглянув из воронки с другой стороны.

— Ро... — Голос Мина так слаб, что у меня замирает сердце. — Ро?

Я подползаю к нему.

— Лежи тихо. Нам надо затаиться.

В животе у Мина зияет дыра размером с мою голову. Кажется, безжалостная клешня смерти выдрала из Мина органы воспроизводства. В кровавом колодце отражаются звезды. Со слезами на глазах я поднимаю руку и так застываю, не зная, как быть.

— Язи Ро, мне так больно! Я серьезно ранен?

— О Мин... — У меня нет даже бинтов. Я снимаю с шеи грязный шарф и накрываю им его рану.

Серьезно?.. Я уже ничего не вижу от слез. На сей раз силы, ведающие в этом мире соотношением справедливости и безжалостности, просто обязаны дрогнуть и не допустить абсурдной развязки. Но как сказал один человек, имея в виду последствия переговоров: «Если ничего не изменится, то ничего не изменится»...

— Да, ты ранен, Мин. У тебя... — Этого я не могу произнести, хотя много раз говорил эти слова чужим и друзьям, любимым, даже иногда людям.

— Я умираю? — шепчет Мин.

— Да.

— Когда «пастилка счастья» нужна, ее никогда не бывает, — хрипит он.

Я кладу руку ему на лицо. Он пытается взять в кулак талман у себя на шее.

— Не сейчас, — стонет он. — Столько всего не сказано, не сделано... Не сейчас...

Все, что я могу, — это взять его за руку и сказать то, что еще не говорилось:

— Ты забираешь с собой мою любовь и мое сердце, Мин.

— Не оставляй меня, Ро.

Мне не дает ответить внезапный звук. Это не что-то непонятное, принесенное ветром, а мелодия — нежная, западающая в память. Звуки несутся над полем боя, над трупами и воронками, и каждый пропитан кровью и слезами. Я умираю от печали, но во мне снова просыпается солдат. На волынке играет человек!

Мин открывает рот, чтобы спросить про звук, но я прикасаюсь к его губам и шепчу:

— Тихо! Люди совсем близко.

Музыка прекрасна и полна страдания, музыкант не стесняется слез. Он тоже оплакивает утрату, и я, к своему удивлению, способен ему сочувствовать.

Музыка становится громче. Мин тянет меня к себе, касается губами моего виска.

— Моя любовь принадлежит тебе, Ро. А теперь ступай. Ты должен спастись.

Мин разжимает пальцы. Я тоже касаюсь губами его лица и ползу к разбитому орудию, подобрав по пути свой шлем.

Вся моя надежда на то, что музыкант, поглощенный игрой, пройдет мимо. Укрывшись за лафетом, я нахлобучиваю шлем, включаю датчик и впиваюсь взглядом в кромку воронки. Вскоре появляется голова: судя по тому, что она неуклонно растет, путь музыканта лежит в сторону воронки. Вскоре я вижу его уже по пояс. Это мужчина в полном боевом облачении. Его бронежилет и остальные доспехи покрыты царапинами и вмятинами и разрисованы разноцветными полосами. На шее у бойца болтается маленький, украшенный бисером мешочек с вышитой на нем птичкой, на спине висит дракский энергонож. Его пальцы скользят по деревянной дудочке. От дудочки тянется надетый на шею ремешок.

«Если бы я только был вооружен...» — шепчу я. Увы, мое оружие и оружие Мина выброшено за пределы воронки и наверняка повреждено так, что уже не починишь. Я стараюсь не дышать и надеюсь, что Мин тоже не издаст ни звука. Возможно, у человека не работает или не включен датчик в шлеме, а может, он от горя не обращает внимания на его показания. Есть надежда, что он все-таки пройдет мимо.

Но печальная песня внезапно обрывается. Человек резко бросает свою дудочку, повисающую на ремешке. Молниеносное движение — и энергонож оказывается у него в руках.

Он видит Мина. Я совсем перестаю дышать и шарю вокруг себя в поисках хоть какого-нибудь оружия. На глазах выступают слезы отчаяния: я не могу нащупать даже камня.

В скорченного Мина бьет луч фонаря. Между станинами лафета мне видно, что делает человек. Он опускает энергонож и что-то говорит не на английском языке. Он обращается к Мину, потом воздевает руки к звездам и обращается к ним. Поговорив со звездами, он снова берет свой музыкальный ин-

струмент и, причудливо пританцовывая, наигрывает что-то совсем уж странное.

Мой страх постепенно ослабевает: я уже надеюсь, что этот человек — колдун или целитель, пытающийся помочь моему боевому товарищу и любимому. Но не успеваю я перевести дух, как песня и танец обрываются, человек снова поднимает энергонож и с его помощью отрезает Мину правую ногу в области лодыжки. Потом, опять запев, он приступает к левой ноге. Дальше наступает очередь кистей, кусков плеч и бедер размером с кулак... Мой товарищ визжит от боли. Вскоре он, к счастью, теряет сознание, но человек не прекращает своего мясницкого занятия и не унимается до тех пор, пока на дне воронки не остается груда мяса в луже крови.

Удовлетворившись содеянным, человек шагает дальше, и его флейта продолжает оглашать поле битвы пронзительными звуками. Я выползаю из воронки с красными от ярости глазами. Я даю Мину торжественную клятву, что отныне буду не просто убивать людей, а непременно превращать каждого в верещащее от боли кровавое месиво.

Месть. Кровавая, безжалостная, всесокрушающая месть!

О да, я принес кровожадному большинству немало жертв. Я замучил до смерти достаточно людей, чтобы навсегда заселить свои сны чудовищными кошмарами.

— Капитан, — отвечаю я Ореаху, — я задыхаюсь от жажды мести. Она пожирает меня живьем. Но твой вопрос — чего я хочу больше всего. Так вот, больше всего, капитан, я хочу положить всему этому ужасу конец. Хочу стать свидетелем его прекращения. Я хочу мира. Он должен наступить. Должен!

Я чувствую на щеках слезы и стыжусь их. Вак, не спуская глаз с пистолета, собирает его, заряжает, прячет в кобуру. Встав, он глядит на меня и говорит:

— Язи Ро, я побывал на твоем рабочем участке и убедился, что ты чистишь и следишь за исправностью вверенного тебе оружия. Может быть, ты согласишься остаться в моем экипаже? Это, конечно, не ахти какой дом, но будь у тебя лучше, ты бы тут не очутился.

Я чувствую странную боль в груди. В шкафчике у моей койки лежит пакет от Зенака Аби для джетаи диеа Талманковаха. Что обязывает меня доставить его по назначению? Дан-

ное слово? Иллюзия мира? Что стоит бросить пакет в мусор, забыть о нем, превратиться в космического скитальца? Получив рекомендации на «Торе Соаме», я бы смог поступить на корабль, отправляющийся на какую-нибудь загадочную, экзотическую планету. Война станет для меня неприятным воспоминанием. И что такое труд Зенака Аби, если не очередная иллюзия? Даже величайшие ученые, штудирующие и проектирующие пути обстоятельств, никак не додумаются, как добиться мира на Амадине. Как же отступнику, изменнику, джетаху без всякого оборудования, зато с пистолетом за поясом, найти заветный ответ? Еще одна достойная сочувствия, беспочвенная мечта в мире иллюзий...

— Подумай, Ро, — говорит капитан напоследок и выходит.

Я не успеваю ни поблагодарить его, ни о чем-либо спросить. Вырывающийся у меня вздох звучит очень по-человечьи. Раздумывать мне не о чем. Сначала выполнить поручение джетаха, а потом уже мечтать об удобной койке на космическом корабле и о новой жизни... Пока что я, как прежде, принадлежу Амадину. Я дал там слово и сдержу его.

8

Таможенники Синдиеву считывают коды с моего жетона и просвечивают пожитки. Потом Бинас Пави передает одному из таможенников маленький сверток, и ко мне моментально теряют интерес. Я стараюсь не гадать, как далеко простирается коррупция. Миновав таможню, я спрашиваю направление, закидываю сумку за плечо и бреду по улицам Синдиеву, сказочного города из стекла и серебра. Я не позволяю себе слышать и видеть, до того боюсь собственных чувств. Зависть и гнев, которые обязательно мной овладеют при виде процветающего, мирного города, — это, наверное, больше, чем я в состоянии пережить. Я иду туда, куда мне указали, упорно глядя себе под ноги. Потом поднимаю глаза на уличный указатель — и понимаю, что нашел то, что искал. Как я ни бодрился, с этой минуты мной владеет страх.

Талман-ковах — приземистое строение с разноцветными стенами под большим белым куполом. У главных дверей суета драков, людей, представителей других рас, причем каждый, судя по всему, полон ощущения собственной значимости. Я

стою на краю красивого парка, тянущегося на юг, спускающегося по склону к широкой реке, обрамленного цветущими деревьями. Отсюда в разные стороны разбегаются улицы, на которых торгуют едой, одеждой, подарками, мебелью, книгами, домашней техникой, игрушками, земельными участками. Многие магазины принадлежат людям либо предлагают товары людских стандартов. Я вижу много плакатов с изображениями людей и драков, застывших в дружеских объятиях. Здесь царит мир, достаток и благолепие, достигнутые путем отсечения Амадина от остальной вселенной. Меня преследует мысль о том, какие разрушения я мог бы посеять в этом беззаботном мирке, пустив в ход свой энергонож. Я прислоняюсь к дереву с гладкой корой, ароматные ветви которого создают для меня тень, пряча от жарких лучей солнца Драко.

В парке я вижу человека. Он очень темен кожей, очень стар, весь скрюченный, на голове серебрятся длинные волосы. Он сидит в кресле на колесиках лицом к коваху. Над его головой красуется плакат, штанги которого вставлены в держатели за ручками кресла. На плакате одно слово: «Помните». Мимо человека пробегают трое дракских детей, со смехом выкрикивающих в его адрес обидные слова. Человек не обращает на них внимания — наверное, привык.

Давно ли он здесь сидит? С самого установления карантина? Неужели это все, что осталось от мощных демонстраций тридцатилетней давности? Или это одна из печальных жертв «пастилки счастья»? Сам не пойму, почему он меня раздражает.

Чтобы больше его не видеть, я отворачиваюсь и вижу двух влюбленных, бредущих по тропинке среди деревьев, покрытых синенькими цветочками; под деревьями теснится кустарник, весь в каплях смолы, сверкающих на солнце, как драгоценные камни. Я вдыхаю головокружительный аромат жизни. Двое драков выходят из ворот ковaха, переходят улицу и присаживаются на краю фонтана у входа в парк. Они над чем-то смеются и что-то едят, запуская руки в пакет. Один косится через плечо на инвалида и сразу отворачивается. Смех возобновляется. Человек знай себе сверлит взглядом вход в ковах.

Я смотрю на сверток у меня в руках — доказательство обоснованности претензий Зенака Аби на роль действующего джетаха. Какая чепуха — призрак, гоняющийся за тенью! Меня непременно вышвырнут из коваха, и десятилетия стараний Зе-

нака Аби перекочуют в мусорную корзину, на Амадине будет по-прежнему литься кровь, а безымянный калека в инвалидном кресле будет по привычке смотреть на Талман-ковах, наивно надеясь, что призрак изловит тень...

Нет, говорю я себе, мне не за что злиться на этого беднягу. Меня злит то, что держит его перед входом в Талман-ковах. Я отталкиваюсь от дерева и решительно шагаю к входу.

В приемной будке меня встречает Хидик Ибисох, чиновник в одежде студента — серебряной ниспадающей мантии. Будка расположена посреди просторного сияющего холла. Здесь должно разноситься гулкое эхо, однако вместо этого властвует тишина, не слышно даже моих шагов. Чиновник внимательно разглядывает меня и мою одежду, потом впивается взглядом в сверток Зенака Аби. Вводя одной рукой сведения в машину, он неприязненно трогает сверток двумя пальцами другой руки, словно я выловил его из ямы с нечистотами.

— Чему посвящена работа этого неведомого джетаха? — спрашивает Ибисох, не глядя на меня.

Мне хочется ответить попространнее и пожелчнее, но я беру себя в руки и отвечаю просто:

— Войне.

— Скажите пожалуйста! — Чиновник смотрит на меня с удивлением. — А сам ты чем занимаешься, Язи Ро? — Каждый звук его вопроса пронизан снисходительностью.

— С удовольствием познакомил бы тебя со своими занятиями.

— Скажите пожалуйста! — повторяет он, хмуря лоб. Потом передо мной снова вырастает стена высокомерия. — Почему же джетаи диеа должны заинтересоваться этим трудом о войне?

С каким наслаждением я швырнул бы этого высокомерного болвана под гусеницы танка Фронта Амадина! Вместо этого я отворачиваюсь, борюсь с гневом, смягчаю его до состояния обычной враждебности.

— Подозреваю, единственное, что может представлять для вас интерес в труде Зенака Аби, — это энергетическая ценность его обертки. Тем не менее выдай мне справку, что труд принят и зарегистрирован.

В глазах чиновника мелькает страх, быстро вытесненный презрением. Его пальцы скользят по панели с клавишами, я

вижу разноцветные огоньки, потом клочок прозрачной пленки. Чиновник протягивает клочок мне. Я обнаруживаю посередине клочка одну-единственную дырочку.

— Что это?

— Твоя справка. — К чиновнику возвращается высокомерие. — Можешь прочесть ее с помощью любого современного компьютера или считывающего устройства.

Я тычу пальцем в величественный письменный прибор у Ибисоха на столе.

— Лучше черкни пару словечек на бумаге. Тот, перед кем я должен отчитаться, не имеет ни компьютера, ни считывающего устройства.

Чиновник удивленно смотрит на письменный прибор и сгибается от смеха.

— Язи Ро, уважаемый посетитель, этот антикварный каменный монумент — просто украшение. Правда, красиво?

Я больше не пытаюсь скрыть свое раздражение.

— Не очень. Напиши чем-нибудь еще, Хидик Ибисох. Или среди твоих разнообразных способностей нет умения писать?

— Может быть, я смогу чем-то помочь? — раздается у меня за спиной учтивый голос. Я оборачиваюсь и вижу высокого драка в темно-синей одежде с серебряной отделкой. На пальце у драка кольцо — подражание людям. На лице читается спокойствие и желание оказать услугу. За его спиной стоят еще четверо драков: двое держат в руках по серой коробке, двое вооружены.

Хидик Ибисох поспешно вскакивает, отвешивает поклон.

— Прими мои извинения, овьетах. Лицезреть тебя — большая честь. Этот... посетитель требует письменную справку, но мне нечем составить подобный документ.

Овьетах! Всего один драк на свете вправе носить этот титул — мудрец из мудрецов, джетах-председатель джетаи диеа, Первый джетах Талман-коваха. Один из его предшественников даровал тридцать лет назад Амадину незавидную судьбу. Двое вооруженных драков следят за каждым моим движением. Овьетах протягивает руку, и один из ассистентов подает ему современный пишущий инструмент, который могущественный драк в синих одеждах передает жалкому чиновнику, принимающему подношение трясущимися пальцами.

— Бумагу?

— Да, овьетах, буду чрезвычайно признателен. Благодарю.

Ибисох так растерян, что вот-вот хлопнется в обморок. Один из ассистентов овьетаха дает чиновнику блокнот и разрешает оставить себе его и другую невидаль — пишущий инструмент.

Ибисох кланяется еще разок, садится и начинает выписывать справку, краснея от усердия. Овьетах переводит взгляд на меня, тоже кланяется, хоть и едва заметно, и говорит:

— Меня зовут Джерриба Шиген. Как сказал бы дядюшка Уилли, добро пожаловать в мою лавочку.

При слове «дядюшка» я хмурюсь: люди называют так брата родителя. Тем не менее я почтительно склоняю голову и представляюсь:

— Язи Ро.

— Тебе нелегко даются приветствия, Язи Ро.

— На Амадине не в чести поклоны.

Кажется, будто всех моих собеседников ударило электрическим током. Охранники наставляют на меня оружие. Я вижу, как они неуклюжи: мне бы ничего не стоило их испепелить. Джерриба Шиген смотрит на чиновника, тот показывает пакет от Зенака.

— Язи Ро прибыл, чтобы передать для джетаи диеа труд джетаха Зенака Аби. Труд посвящен войне, — докладывает Ибисох, запинаясь.

Овьетах изучает меня взглядом, подходит к стойке и протягивает руку. Чиновник отдает ему пакет.

— Зенак Аби жив?

— Был жив, когда я покидал Амадин. Не знаю, каково состояние здоровья джетаха сейчас. На Амадине всякое случается.

— Амадин — самая ненадежная точка во Вселенной, Язи Ро. — Джерриба Шиген открывает пакет и пролистывает страницы, исписанные мелким почерком.

— Ручное письмо, — говорит овьетах. — Ничего подобного я не видел с детства, когда жил в пещере у дяди. Отсутствие электричества... Где ты остановился? — спрашивает овьетах меня.

— Нигде. Моя задача — передать эту стопку бумаги и проследить, чтобы Зенаку Аби был переправлен экземпляр «Кода Нусинда».

Овьетах удивленно приподнимает брови.

— Странно, что кто-то знает о существовании «Нусинда»... Еще более странно, что между Амадином и остальной галактикой налажено свободное сообщение.

— Зенак Аби знает о новой книге, поэтому о ней знаю я. Не могу сказать, есть ли другие знатоки. Что касается сообщения с Амадином, то перед деньгами ничто не устоит.

— Да, все продается и все покупается... — Овьетах с улыбкой продолжает листать страницы. — Еще одна присказка дядюшки Уилли. — Отдав стопку листов ассистенту, Джерриба Шиген обращается ко мне: — Хочешь ты этого или нет, Язи Ро, но тебе придется задержаться на несколько дней. Надо же раздобыть для твоего джетаха экземпляр «Кода Нусинда»! Сейчас отпечатанные экземпляры отсутствуют, а ему, полагаю, нужен именно печатный.

— Да. — Я отворачиваюсь от Шигена, беру у Хидика Ибисоха ручку, вытаскиваю из кармана листок бумаги. — Я записываю имя офицера с «Торы Соама»: Бинас Пави. Корабль пробудет здесь еще несколько дней. Отправьте экземпляр на Амадин с этим офицером, и он попадет к Зенаку Аби. — Я отдаю листок овьетаху. — Надо только хорошо ему заплатить.

— Заплатить?

— Соблюдение карантина привело к разгулу коррупции, овьетах. Диаграммы не показали этого, когда Талман-ковах обрек наших предков и людей на кошмар Амадина?

Джерриба Шиген смотрит мне прямо в глаза.

— Ты останешься на планете до тех пор, пока этот труд не будет проанализирован. Сообщи Хидику Ибисоху, где тебя искать, если ты нам понадобишься. Это приказ. — Джерриба Шиген резко поворачивается и уходит по одному из коридоров.

Я смотрю на чиновника.

— Овьетах вправе приказывать?

— Язи Ро, Язи Ро... — Ибисох качает головой. — Джерриба Шиген — овьетах Талман-коваха. Если он вздумает тобой полакомиться, то коваху, диеа и населению планеты останется только должным образом тебя приготовить, приправить и подать на подходящем блюде в подходящую трапезу. — Вдоволь похихикав над собственной шуткой, Ибисох заключает: — Если ты нам понадобишься, мы тебя найдем, можешь не сомневаться.

Я покидаю ковах и радуюсь, что снова вижу калеку-человека с плакатом-напоминанием. Я перехожу улицу, шагаю по

парковой аллее, останавливаюсь перед инвалидным креслом и говорю калеке по-английски:

— Я только что передал им план мира на Амадине, придуманный одним безумцем. Пока они будут его переваривать, мне придется находиться в этом городе. Судя по всему, ты способен подсказать, где искать ночлега посланцу безумия.

Человек изучает меня и смеется — кажется, впервые за много лет.

— Ты попал в точку, приятель. — Он разворачивает свое кресло на запад. — Идем, я знаю как раз такое место.

Мы оказываемся на окраине Синдиеву, на берегу сточного канала, которым пользуются сразу несколько промышленных предприятий. Над головой ежеминутно проносятся с ревом летательные аппараты: здесь проходят трассы космопорта и обоих городских аэропортов. По берегам канала теснятся шаткие домишки и лачуги, сколоченные из чего попало, — Амадин, только не воюющий.

Здесь ютятся нищие, некоторое количество людей и множество драков-вемадах, отказавшихся сражаться. Не все вемадах старики; их дети охотно живут в изгнании, надеясь, что в будущем страдания родителей будут отомщены. Старика в инвалидной коляске зовут Матопе. Когда-то он был профессиональным военным, служил сержантом в пехоте Соединенных Штатов Земли и лишился на Амадине обеих ног. Он находит любопытным то, что люди поступают со своими увечными ветеранами так, как драки — со своими изменниками: те и другие оказываются на обочине жизни, в компании с отбросами общества. Он разрешает мне разместиться в углу каморки, которую делит с бездетным драком по имени Кобок. Мне выделены подушки и чистое одеяло.

Кобок был когда-то седьмым офицером тзиен денведах — прославленной воинской элиты драков. Теперь Кобок слеп; он по-прежнему не снимает красный китель, давно выцветший и истертый до дыр. До войны Кобок учился в Талманковахе на джетаха, но доучиться не успел: получив предложение вступить в армию, он избрал военную карьеру вместо клейма вемадах. Получив звание седьмого офицера, он пришел к выводу, что война не отвечает талме, и согласился на участь вемадах. Когда он находился в Мадах на Драко, какой-

то разъяренный гражданин набросился на него и плеснул в глаза кислотой. Как потом выяснилось, нападавший лишился на Амадине родителя и брата. Кобок не стал подавать на него в суд. Он декламирует перед театрами стихи собственного сочинения о мире в надежде на просвещение заблудших и на милостыню. Зенак Аби — один из кумиров Кобока: он требует, чтобы я рассказал ему в мельчайших подробностях все, что знаю об этом мудреце. Я повинуюсь и заодно рассказываю о себе.

Получив плату за службу на корабле, я покупаю еду. Ночь напролет мы разговариваем об Амадине, о погибших, об изувеченных, о надеждах выживших. Кобок интересуется, кто научил меня английскому. Я рассказываю о своем родителе, его сокровищах — книгах на английском языке. В детстве родитель учился английскому у пленных бойцов Фронта, чтобы читать эти книги.

Когда Кобок и Матопе засыпают, чтобы посетить свои личные миры кошмаров, я смотрю в окошко в сторону Талман-коваха. Разглядеть его отсюда я не могу. Шпили и купола Синдиеву снижаются в направлении мрачных промышленных комплексов вдоль канала. Там живут миллионы существ: они трудятся, играют, учатся, едят, любят, просто существуют, не зная мыслей об Амадине и о пыли старых войн. В эту ночь мне снится Дугласвилл и человек с флейтой.

9

Поздним утром я продираю глаза и убеждаюсь, что Кобок и Матопе в каморке уже нет. Драк двинулся в район театров, человек покатил нести вахту перед Талман-ковахом. Я жую лепешки, оставшиеся с вечера, собираю вещи и покидаю район трущоб, не зная точно, куда идти теперь. Благодаря документам, полученным на «Торе Соаме», я могу поступить на другой корабль — но только в том случае, если на меня не устроена облава. Меня мучает совесть: правильнее было бы взяться самому отвезти «Коду Нусинда» на Амадин; но с каждым днем возвращение в тамошний ад кажется все большим безумием.

Я бреду городскими улицами, смотрю на горожан, их дома, учреждения и магазины. Мне хочется разного: то превратить-

ся в частицу этого мирного существования, то учинить бойню, покарав окружающих за то, что они не чувствуют боли. В полдень я снова стою в парке перед Талман-ковахом. Матопе сидит в своем кресле, осененный плакатом «Помните». Меня так и подмывает объяснить ему, что он — всего лишь дурень из большой армии дураков, но убедить в этом мне не удается даже самого себя.

Помнится, капитан «Торы Соама» спрашивал, чего мне хочется, к чему больше всего на свете стремится моя душа. Мой ответ Ореаху Ваку был: «К миру». Теперь я спрашиваю себя, действительно ли хочу именно мира. Мир это или, как гласит одно из преданий Талмана, что-то другое? Я снимаю с цепочки свой собственный талман, кладу его на ладонь, листаю с помощью специальной иголочки и нахожу «Коду Итеда», «Айдан и Вековая война», а там — диалог с Ниагатом.

— Айдан, — изрек Ниагат, — я стану служить Герааку; я положу конец войне; я буду одним из твоих полководцев.

— Готов ли ты убивать, чтобы этого достичь, Ниагат?

— Готов.

— Убьешь ли ты Гераака, чтобы этого достичь?

— Убить Гераака, моего господина? — Ниагат помедлил, размышляя. — Если то и другое одновременно невозможно, я бы предпочел смерть Гераака и прекращение войны.

— Я спрашивал не об этом.

— Да, Айдан, я не остановлюсь перед убийством.

— Умрешь ли ты сам, чтобы этого достичь?

— Я готов рисковать своей жизнью, как любой из моих воинов.

— Опять я спрашиваю не об этом, Ниагат. Если конец войны возможен только ценой твоей жизни, наложишь ли ты на себя руки ради достижения мира?

Ниагат задумался над сказанным Айданом.

— Я готов к случайностям, которые судит битва. В битве у меня есть шанс достичь моей цели и увидеть своими глазами ее торжество. Но верная смерть, да еще от своей собственной руки, лишает меня надежды увидеть мою цель достигнутой. Нет, я не стану жертвовать жизнью. Это было бы глупо. Прошел ли я проверку?

— Нет, не прошел, Ниагат. Твоя цель — не мир, а жизнь при мире. Возвращайся, когда твоей целью станет мир, и только

он, и когда ты будешь готов перерезать себе горло ради его достижения. Такова цена Почетного клинка.

Я поднимаю глаза от книжечки и снова вижу Матопе, не отрывающего взор от входа в Талман-ковах. Его приверженность миру такова, что по сравнению с ней перерезанное горло — детский лепет. Айдан, мудрый джетах древности, превративший войну в науку, охотно вручил бы Матопе почетное оружие полководца. Слепой рифмоплет Кобок тоже был бы удостоен этой чести. Но достоин ли ее ты, Язи Ро? Ты, мечтающий отряхнуть с ног пыль Амадина? Ты, грезящий о разноцветных домиках, кормежке досыта, детях, не видящих во сне кошмаров? Ты, готовый унестись на космолете в экзотические миры, к приключениям, радостям, достатку? Как насчет боеготовности, Язи Ро? Чего ты хочешь — мира или мирной жизни?

Зенак Аби заглянул мне в душу и увидел, как я отдаю его труд на рассмотрение джетаи диеа и возвращаюсь на Амадин с экземпляром «Кода Нусинда». Во мне крепнет ощущение, что все мои вопросы уже заданы и что на них уже даны ответы.

«Я чувствую острое лезвие у самого горла, Айдан, — шепчу я, направляясь к входу в ковах. — Где мой Почетный клинок?»

10

Внутри коваха я застаю суматоху: ученики, администрация, охрана, даже мудрецы-джетахи носятся взад-вперед. Кричат не все, но озабочены чем-то все до одного. Один из джетахов замирает, вглядывается в меня и недоверчиво спрашивает:

— Извини, незнакомец, тебя, случайно, зовут не Язи Ро?

Я киваю, хотя уже начал каменеть. Джетах хватает меня за руку и тащит за собой.

— Сюда, сюда! Овьетах давно ждет!

Я выдергиваю руку, но по инерции тороплюсь за ним дальше.

— Как тебя зовут? — выкрикиваю я на бегу.

— Видоз Ру. Скорее, пожалуйста!

Мы пересекаем вестибюль, запрыгиваем в транспортер, стоя смотрим, как закрываются двери. Транспортер набирает скорость и устремляется вниз, под землю.

— Где ты пропадал? — спрашивает меня джетах Ру. — Локатор молчит с полуночи.

— Ночевал у друзей. Чиновник, сидевший вчера за приемной стойкой, заверил, что найти меня не составит никакого труда.

— Уверен, Язи Ро, что хозяин дома тебя не зарегистрировал.

Я пожимаю плечами, сознавая, что этот жест позаимствован у людей. Но я не сожалею об этом: очень часто одно пожатие плечами заменяет пространный ответ.

— Я не знал о таком требовании, джетах Ру. Сомневаюсь, чтобы в поселке на канале кто-нибудь вообще регистрировался, не говоря уж о регистрации гостя, остановившегося на одну ночь.

Джетах смотрит на меня с ужасом, повторяя беззвучно эти страшные слова — «поселок на канале».

— Воры, убийцы, предатели, люди, наркоманы, не способные ни минуты прожить без «пастилки счастья»... Тебя могли убить!

Прежде чем я успеваю возразить, что, судя по всему, жив и здоров, транспортер останавливается, дверцы разъезжаются. Передо мной мерцающий коридор. Четверо вооруженных охранников наблюдают за нами, пока мы стоим перед дверями, озаренные голубым светом. Ру называет себя, я — себя.

— У него в сапоге нож, джетах.

— Так заберите! — нетерпеливо приказывает джетах.

Свет начинает гаснуть, ближний к двери охранник приглашает нас войти, делая жест оружием. При нашем приближении двери раздвигаются, и я вижу сотрудников в синих одеждах и этажи компьютерных мониторов с загадочными знаками, цифрами и диаграммами — рабочим материалом знатоков Талмана.

Войдя, я поражаюсь размеру зала, высеченного прямо в скале. В центре зала красуется кафедра, окруженная панелями с клавишами. За кафедрой восседает сам овьетах Джерриба Шиген. Лик его крайне озабочен. Видоз Ру вытягивается перед овьетахом в струнку и что-то бормочет. Шиген встает и смотрит не на джетаха, а на меня. В его взгляде читается облегчение пополам с сожалением.

— Подойди, Язи Ро. У нас мало времени. — Джерриба Шиген кивает в знак признательности Видозу Ру и выходит из-за своей кафедры. За ним тянутся как завороженные два ассистента и два охранника. Я поступаю так же и по пути за-

мечаю, что на меня пялится весь зал. Я даю понять своим видом, что столько внимания мне ни к чему, и некоторые смущенно отводят взгляд. Большинство, впрочем, смущения не испытывает. Я отворачиваюсь. Один из ассистентов овьетаха приглашает меня покинуть следом за боссом зал. Я по привычке пожимаю плечами, но повинуюсь.

Личный кабинет овьетаха напоминает аскетизмом пещеру Зенака Аби и как будто не соответствует высокому статусу хозяина. Обстановка исчерпывается рабочим столом, компьютером и несколькими креслами. Стены выложены некрашеным камнем с континента Иррвех, что на планете Драко. Джерриба Шиген садится и, сцепив руки, смотрит на меня. В глазах его не то невероятная усталость, не то гнетущая скорбь.

— Всю ночь мы разбирались с трудом Зенака Аби. Сегодняшний день ушел на проверку, выяснение периферийных воздействий и оценку возможных побочных проявлений.

Мои брови помимо моей воли ползут на лоб.

— Скажи, овьетах, для твоих целей важно, чтобы я тебя понимал?

Джерриба Шиген машет рукой — сейчас есть дела поважнее, чем мое понимание.

— Доставленный тобой материал позволяет увидеть вероятную талму к миру на Амадине.

Ассистенты и охранники стоят, я тоже не сажусь. Все равно замечание, которое я не могу не отпустить, из кресла прозвучало бы не так выразительно.

— Зенак Аби увидел возможный путь к миру из своей пещеры на горе Атахд?

Овьетах откидывается в кресле, кладет руки на стол.

— Верно, у нас тут не в пример больше возможностей, а коллективная мудрость джетаи диеа вызывает восхищение. И тем не менее мы не сумели добиться такого результата, как он. Все дело в сущности самой проблемы. — Немного поразмыслив, овьетах глядит мне прямо в глаза. — Видишь ли, Язи Ро, от настоящего к любому желаемому варианту будущего ведут бесчисленные пути. Чтобы найти путь или пути, действительно влекущие к изменениям, необходимым для достижения желаемого результата, следует удовлетворить многим требованиям: логическая осуществимость, практическая допустимость,

решения сил, избирающих цели. Возьмем хотя бы логическую осуществимость путей.

— Путь либо возможен, либо нет, — подытожил я.

— Да. — Шиген кладет ногу на ногу, совсем как человек. — То же самое относится и к практической допустимости путей, то есть к теперешнему состоянию прикладных знаний. В определенный момент времени это либо получится, либо нет. — Овьетах приподнимает брови, ожидая от меня комментария.

— Ты говоришь о готовности технологических решений, — предполагаю я.

Шиген кивает и смотрит на одного из ассистентов.

— Гляди, Мута, Язи Ро демонстрирует гораздо лучшее понимание предмета, чем некоторые наши ученики.

— Что поделать... — бормочет ассистент.

Шиген указывает на кресло: мне предлагается присесть. Я опускаюсь в кресло, предусмотренное скорее для человечьих пропорций. Овьетах продолжает:

— Третье соображение касается путей, зависящих от наших желаний, навязчивых идей, выбора. Необходимо предсказать, что некие существа сделают, а чего не сделают. Иногда приходится иметь дело не с определенностью, а всего лишь с вероятностью. В целом поведение поддается довольно точному прогнозированию. Но точность уменьшается по мере роста значимости тех, чьи решения влияют на коллективные мнения.

— Это и есть проблема Амадина, — подытоживаю я.

— Мы не можем доказать, что какие-то пути закрыты, — наше теперешнее понимание фактов этого не позволяет. Но и проходимость этих путей недоказуема. Все, что мы можем, — это отбирать пути с наибольшей вероятностью проходимости и пытаться ими идти. — Овьетах улыбается каким-то своим мыслям. — Так вот, сейчас нам предоставляется небывало удачная возможность. У меня к тебе просьба: выполни поручение джетаи диеа.

— Я?

— Путь с наибольшей вероятностью проходимости, с наибольшим количеством проходимых ответвлений, начинается с того, что ты, Язи Ро, доставляешь пакет человеку по имени Уиллис Э. Дэвидж. Он проживает в независимой колонии на одной из планет в системе Файрин.

— Доставляю — и что потом?

— Потом видно будет. — Шиген смотрит на меня и ждет ответа. Я развожу руками.

— Это все?

У Шигена манера пожимать плечами в точности как у людей и у меня.

— Твои обязанности этим исчерпываются. Но это не все. Увы, избыточная информация, полученная от меня, способна испортить путь. О дальнейшем ты узнаешь от Дэвиджа и других.

— Передав пакет, я смогу отправиться, куда захочу?

— Да.

Такого односложного утверждения мне недостаточно.

— После передачи пакета меня не заставят там остаться и ни к чему не принудят?

Шиген складывает руки на животе, делает глубокий вдох и отвечает:

— На твой счет будут переведены средства, компенсирующие твои усилия и позволяющие достичь любого места за пределами планеты Дружба. Ты будешь поступать исключительно по собственному желанию. — Овьетах снова улыбается ассистенту Муте. — Как я погляжу, этот паренек разумнее фунта мокрой кожи.

После этого странного сравнения Джерриба Шиген встает и выходит из-за стола.

— Язи Ро, должен сказать тебе откровенно, что труд Зенака Аби включает результаты слияния сознаний, которому он тебя подверг. Ты оказался здесь потому, что стал недостающим звеном в головоломке чрезвычайной сложности. Не исключено, что роль такого звена мог сыграть и кто-то другой с Амадина, но Зенак Аби нашел одного тебя, потому и послал тебя на Драко, к джетаи диеа.

Глядя на Джеррибу Шигена, я снова думаю о своей приверженности миру и чувствую у горла клинок Айдана. Впечатление такое, словно меня ведет от события к событию невидимая властная рука. Не знаю, что увидел Аби, заглянув мне в душу, но у меня крепнет ощущение, что я — замок, ключи от которого есть у кого угодно, только не у меня.

— Действительно ли я свободен, овьетах? Свободен ли делать мой собственный выбор, либо выбор уже сделан за меня?

Джерриба Шиген опускает ненадолго глаза, потом опять смотрит на меня.

— Над вопросом, который ты сейчас задал, мудрецы Талмана бьются тысячи лет. Мой наставник умел прорываться сквозь наслоения перемешанных философских рассуждений — того, что мы зовем «умственным отбиванием мяса», — и приходить к сути. На твой вопрос он ответил бы примерно так: ты можешь избрать для испытания любого, уверенного, что твой выбор будет ошибочным... — Шиген хмурится и говорит напоследок: — А вообще-то он бы посоветовал тебе не беспокоиться по этому поводу.

— Он?.. — ловлю я овьетаха на слове. Шиген кивает.

— Мой дядя Уилли. Это и есть Уиллис Э. Дэвидж, которому ты доставишь мой пакет.

— Человек!

— Да, и в большей степени, чем большинство из них. — Овьетах задумчиво трет подбородок. — Если ты согласен выполнить это поручение, Язи Ро, то я должен тебя предостеречь: он терпеть не может, когда его называют «дядюшка Уилли».

Я еще не сделал свой выбор, но уже знаю, что полечу. При этом меня не оставляет страх, что я растрачу жизнь понапрасну. Для достижения мира я бы отважно прошел испытания Айдана и остался бы жив — клинок выпал бы у меня из рук. Но вдруг все мои потуги, сама моя жизнь, даже смерть окажутся такими же бессмысленными, как демонстрация Матопе перед ковахом в тщетной надежде хотя бы так приблизить мир? Чуть позже я признаюсь Джеррибе Шигену в своих страхах и слышу в ответ:

— Вот уже двадцать пять лет, появляясь в ковахе в качестве студента, ученого, джетаха, овьетаха, я вижу Матопе. Если бы не он и не былые его соратники, которые не позволяли нам забывать о ране Амадина, не знаю, как бы я отнесся к появлению неотесанного нелегала с Амадина и к труду изменника, отправившего этого нелегала ко мне. Это Матопе постарался, чтобы я ни на минуту не забывал о проблеме Амадина.

Прежде чем уехать, я снова подхожу в парке к Матопе и рассказываю ему о возможности пути к миру, о своей миссии и о речах овьетаха. У человека наворачиваются на глаза слезы, но он не покидает своего поста.

— Покажи мне мир, Язи Ро, и я отправлюсь домой.

Мы жмем друг другу руки, и я уезжаю.

11

Корабль называется «Вентура». Это новое торговое судно — дракское, но с английским именем... Несмотря на свое назначение, оно перевозит и пассажиров — троих людей и одиннадцать драков. На сей раз мне не приходится проникать на борт тайком: у меня роскошная индивидуальная каюта и перспектива длительного безделья. Чтобы совсем не заскучать, я устраиваюсь в пассажирском салоне и начинаю изучать в компьютере информацию о Файрин IV.

С орбиты планета заснята как комок непроницаемых облаков. Однако под облаками обнаруживаются ледяные шапки и массивы суши, разделенные серыми водными пространствами. Съемка с более низких высот позволяет разглядеть растительность — буро-зеленые леса и равнины, покрытые красновато-синей травой. Над планетой без устали гуляют могучие ветры.

Мне уже приходилось видеть снега — например, на севере Дорадо, когда Маведах попробовал вторгнуться на континент с неожиданной стороны. Силы вторжения были застигнуты врасплох внезапно налетевшей бурей и понесли большие потери. На Файрин IV зима свирепствует на всей поверхности планеты большую часть года, который там равен двум стандартным годам.

Дракские и людские корпорации пытались осваивать планету и получать на ней плоды земледелия, но те и другие потерпели неудачу: помешали чрезмерные расходы и война. Однако после войны негостеприимная планета была все-таки заселена людьми и драками. Файл знакомит также с данными о населении, правлении, экономике планеты. Население немного не дотягивает до трех миллионов, причем здесь представлены все разумные существа, о которых я когда-либо слыхал, а также несколько видов неслыханных. Общего органа принуждения, претендующего на название правительства, там не существует: охранные функции, решение споров, защита от преступников, страховка — все это взяли на себя частные организации, коммерческие и добровольные. За подробностя-

ми мне рекомендовано обратиться к статье об Уиллисе Э. Дэвидже. Но там сказано всего лишь, что «дядя Уилли» — бывший военный летчик Соединенных Штатов Земли, автор первого перевода Талмана на английский язык, проживающий в настоящее время на Дружбе.

Через большой иллюминатор в пассажирском салоне можно наблюдать за мерцающими в черной пустоте звездами. Этой возможностью почти никто не пользуется, поэтому я выключаю почти весь свет в салоне и замираю перед иллюминатором, освещенный красными контрольными огоньками приборов. Красный призрак отделен от бескрайней Вселенной тонким стеклом. Глядя на звезды, я провожу инвентаризацию собственных глубоко запрятанных мыслей.

Вспоминая женщину и ее ребенка-дракa, я думаю о том, что они оказались на моем жизненном пути не зря, а для того, чтобы направить меня к определенной цели. Я не знаю, свободен ли изменить направление своего движения. Или сам этот вопрос — часть моего пути, помогающий иллюзии свободы? Что такое моя предстоящая встреча с Дэвиджем — нечто, предначертанное с момента зарождения Вселенной? На первый взгляд это невероятно. Но я давно уже не ограничиваюсь первым взглядом. Внутренний голос нашептывает, что выбор сделан, и сделан помимо меня.

Перед глазами появляется Пина, потом Мин, человек-убийца, игравший на флейте под Дугласвиллом. Мой родитель...

Вспоминая Язи Аво, я не могу удержаться от слез. Внутри меня сталкиваются горе и гнев, и я издаю громкий стон. В салоне тут же загорается свет. Я резко оборачиваюсь и вижу человека, включившего свет. У него гладкий череп, он бледен, на нем дорогая одежда.

— Извини, — говорит он на безупречном дракском. — Меня зовут Майкл Хилл. Мне показалось, что я слышу плач.

Я отворачиваюсь, вытираю ладонями лицо и отвечаю:

— Меня зовут Язи Ро. Я предался воспоминаниям, только и всего.

После долгого молчания человек произносит:

— Если ты впервые в жизни видишь космос, Ро, то наблюдение за звездами из темноты может тебя сильно взволновать. В такие моменты обычно оживают самые непрошеные тени. Тебе уже доводилось летать?

— Да, один раз. — Глядя на человека, я невольно улыбаюсь. — Но в тот раз у меня не было доступа к иллюминатору.

Человек подходит ко мне и тоже смотрит в иллюминатор. Наши яркие отражения в стекле заставляют звезды померкнуть.

— Звезды унизительны, — продолжает Хилл. — Чего стоят личные страсти, целый народ, даже планета в сравнении с ЭТИМ? Кстати, я представляю самую мощную индустриальную силу в этом Секторе.

— Земной ИМПЕКС?

— Совершенно верно. ИМПЕКС дает работу целым планетам, он трансформировал миры по всей галактике. Миллиарды разумных существ обязаны ИМПЕКСу своим достатком, даже самим существованием. И все же я иногда задаю себе вопрос, способен ли один человек, народ, даже целый вид совершить что-то, сравнимое с ЭТИМ... — Майкл Хилл кивает на звезды и улыбается мне. — Если хочешь услышать смех Бога, что-нибудь запланируй.

Он раскланивается и уходит.

Поев в обществе других пассажиров, я ухожу в свою каюту и погружаюсь в размышления о Вселенной, о войне и ее прекращении. Имеют ли значение мои поступки, дела овьетаха или Уиллиса Э. Дэвиджа во Вселенной, где ежесекундно возникают и гибнут бесчисленные звезды? Но меня преследует призрак человека, убитого мной в Бутаан-Жи, отца мертвой девочки. Его не ужасали бесконечные пространства Вселенной — ее для него уже не существовало. Весь космос был бы спасен, если бы сохранилась одна-единственная жизнь, однако она не сохранилась, а потому умер и космос.

Мой взгляд непроизвольно останавливается на ящике, в котором я храню пакет Джеррибы Шигена, адресованный его учителю на Дружбе. Элемент головоломки, решение которой могло бы сохранить Вселенную для безутешного отца, для его дитя.

Я открываю пакет и вижу рукопись, поспешно обернутую пленкой. Называется она «Кода Нусинда», «Глазами Джоанн Никол». Я начинаю читать и оказываюсь втянут в чужой мир. Передо мной история женщины, служившей в человеческой армии, попавшей в плен к неприятелю, ставшей вемадах. Ослепнув после налета, в котором она спасала дракских детей, она попадает под влияние Торы Соама и перестает видеть

разницу между людьми и драками, зато прозревает, каким образом Соединенные Штаты Земли и Палата драков оказались противниками во всемирной войне.

Мне тоже многое становится ясно. Тиманы, подчиняясь своему инстинкту, побуждают более сильных существ заняться взаимным истреблением. Это они заманили людей и драков на Амадин, где разразилась война, которую нельзя будет остановить, пока один из видов не будет истреблен. Однако эта женщина сумела подняться над правилами и остановить войну, оторвав сражающихся от проблемы Амадина и от влияния тиманов.

Главное — вывести правила, управляющие ситуацией, и создать новые, талму, сводящую к нулю весь прежний свод правил. Но я не знаю, как вырваться из ужаса правил, создавшихся на Амадине, и заменить их сводом, сулящим мир. Даже Джоанн Никол, обладавшая особым зрением, не увидела пути к миру на Амадине. Сделает ли это Дэвидж и как?

Но слишком многое зависит от моего собственного восприятия, моего зрения. Джоанн Никол бросила своего ребенка, но именно ее дочь написала «Нусинду» и представила ее джетаи диеа и первому овьетаху зародившегося на Земле Талман-коваха. Джоанн Никол была очень одинока, я тоже. Неужели одиночество — судьба всякого солдата?

Сирена, свидетельствующая о переходе корабля на нормальную скорость, отрывает меня от размышлений. Голос сообщает, что пункт назначения корабля находится в пределах видимости. Я снова выхожу в пассажирский салон и гляжу через иллюминатор на крохотный белый шарик — планету Дружба. Голова пухнет от мыслей о свободе, войне, силе и тщетности усилий.

12

При прохождении атмосферы я чувствую, как корабль, приближающийся к космопорту Первой Колонии, сотрясают могучие ветры. На какое-то время их вой даже заглушает рев двигателей. Наконец тряска прекращается, вой и рев стихают. Посадка совершена.

Покидая корабль, я замечаю Майкла Хилла: он беседует с человеком и тремя драками на площадке перед подземным ан-

гаром. При виде меня он приветливо кивает, не прерывая беседы. Я вешаю на плечо сумку и озираюсь.

Рядом с нашим кораблем я вижу три других, а также места для еще восьми. Каждое стояночное место отделено от других прозрачными перегородками. Все вокруг поражает новизной, чистотой, тщательностью и дороговизной отделки. На работниках наземных технических служб новенькие оранжевые комбинезоны. Бригада в зеленых комбинезонах приступает к разгрузке нашего корабля. В обеих бригадах работают вместе представители нескольких видов.

Пассажиры, продолжая разговор, шагают к выходу. Там ждет рослый драк в светло-голубом одеянии. При виде меня он улыбается и кланяется.

— Язи Ро? — Я останавливаюсь. Улыбка встречающего становится еще шире. — Я Ундев Орин, администратор имения Джерриба. Прошу сюда! В зале прилета тебя ожидает Джерриба Заммис, рожденный Шигеном. Я сообщу Заммису о твоем прилете и провожу тебя.

— Где же таможенники? — спрашиваю я.

— На Дружбе нет ни таможенных ограничений, ни пошлин, — отвечает Орин виновато. — Поэтому в космопорту нет таможенников.

В зале прилета путешественников встречает странная ритмичная музыка, множество цветов, деревья в кадках. Удобные кресла для встречающих оборудованы компьютерами, средствами развлечения, связи, автоматами со снедью и прохладительными напитками. Орин ведет меня к огороженному матовыми стойками пространству посередине зала. Там меня ждет в одиночестве Джерриба Заммис. Стоя спиной ко мне, он наблюдает за колонной из матовых разноцветных пузырей, меняющих форму по мере подъема в чем-то желтовато-прозрачном. Заммис высок, на нем неожиданное сочетание одежды: человечьи брюки, мягкие кожаные туфли, укороченная накидка джетаха.

Ундев Орин говорит ему с поклоном:

— Извини, что прерываем твои раздумья, джетах. Вот Язи Ро.

— Раздумья? — Первенец Джеррибы Шигена удивленно оборачивается. — Ты об этом? — Он указывает на пузыри. — Они меня скорее загипнотизировали. Раздумывать тут не о чем.

Это новинка с Земли. Надо будет приобрести такую же для имения. Займись этим.

— При первой же возможности, — отвечает Орин.

Джерриба Заммис переводит взгляд на меня и чуть заметно кивает. Я вовсе воздерживаюсь от кивка, на что Заммис совершенно не обращает внимания, как будто иного и не ожидал. Необычное одеяние не красит Заммиса, но я вижу, что физически он весьма силен.

— Родитель поручил мне отвезти тебя к Уиллису Дэвиджу. Овьетах не сообщил о цели твоего визита, однако указал, с какой планеты ты родом.

С этими словами Заммис подходит ко мне. На его лице угрожающее выражение, голос полон неприязни.

— Учти, вся Дружба считает Уиллиса Дэвиджа ценнейшим обитателем Вселенной. Если с ним хоть что-нибудь случится, любая мелочь, этого никто не поймет.

Я легонько толкаю Джеррибу Заммиса в грудь, заставляя отступить на шаг.

— Я с самого рождения живу бок о бок со смертью. Угрозами меня не проймешь. Но если ты будешь продолжать мне угрожать, моя реакция окажется менее сдержанной.

Ундев Орин пытается вклиниться между нами и поспешно произносит:

— Язи Ро, я уверен, что джетах попросту хотел тебе напомнить: ты больше не на Амадине.

Но я цежу, не в силах себя побороть:

— Я всегда на Амадине.

Глядя на красные пузыри в желтом желе, я успокаиваю дыхание. А как поступил бы я сам, если бы волей обстоятельств отдал любимое существо в лапы безумного убийцы? Я медленно снимаю с плеча сумку и вынимаю из нее «Кода Нусинда».

— Моя задача — отдать это твоему дядюшке Уилли. Дальнейшее будет зависеть уже от него.

Джерриба Заммис испытующе смотрит на меня, переводит взгляд на книгу, поднимает глаза.

— Мой родитель предупредил тебя, что Дэвидж не любит прозвище «дядюшка Уилли»?

— Да.

Заммис смотрит на часы над пустым экраном в углу.

— Мы должны были встретить одного родственника по имени Фална, но его не оказалось на корабле с Земли.

— Эстоне Фална, — подхватывает Орин, пыжась от гордости. — Дипломированный джетах Талман-коваха, 'до-тиман из Ри-Моу-Тавии на Тимане, с отличием окончил медицинский колледж Университета Наций, кандидат в члены джетаи диеа. Когда-нибудь он сменит Джеррибу Шигена на посту овьетаха.

— Возможно, — бурчит Заммис. — Хотя энтузиазм часто заменяет Орину чувство реальности. Если бы Фална хотел стать овьетахом, то не должен был покидать Талман-ковах. А он вместо этого скачет с планеты на планету, коллекционируя почетные звания. Как верно напомнил Орин, среди его многочисленных достижений — окончание медицинского колледжа. Наверное, теперь нам придется обращаться к Фалне «доктор». — Джерриба Заммис хмуро вглядывается в толпу прибывших пассажиров. — Не понимаю, почему он не прилетел с Земли.

— А он и не утверждал, что прибудет на этом корабле, джетах. Сегодня ожидается еще один корабль, с Драко. Может быть, Фална прибудет на нем? — предполагает Орин.

— Фална прилетает с Земли, — возражает Заммис. — Как же он окажется на корабле с Драко?

— Там Талман-ковах, джетаи диеа, овьетах, — объясняет администратор имения. — И вообще Фална не указал четко, когда прилетит. Он сумеет добраться до имения самостоятельно.

— Чепуха! — Заммис машет рукой. — Даже если встречать все корабли, откуда бы они ни прилетели, до скончания века, мы все равно постараемся, чтобы Эстоне Фална увидел в космопорту знакомое лицо. — Он кивает на мою одежду. — Это самое теплое, что у тебя есть?

— Да, — недовольно подтверждаю я.

— Отлично. — Повернувшись к Орину, Заммис говорит по-английски: — Полетели! Успеем мы побывать у Бинсвангера, доставить Язи Ро в имение и отправить Алри Гана обратно в космопорт, встречать корабль с Драко?

— Думаю, да, джетах.

— Хорошо. Пусть Ган договорится с Бинсвангером. — Заммис оборачивается ко мне. — Тебе необходимо что-нибудь потеплее.

— Мне и так тепло.

Орин и Заммис смеются.

— К Бинсвангеру? — спрашивает администратор.

— К Бинсвангеру, — соглашается джетах.

Орин ведет нас из зала ожидания к стеклянным дверям-шлюзам. За дверями ярко освещенный тоннель, полный транспорта и ледяной пыли. В сверкающей красной машине нас ждет другой администратор, Алри Ган. На нем пальто с капюшоном, через руку переброшены еще два пальто. Орин помогает утеплиться Заммису, кутается сам. Пальто толстые, верхний материал — кожа, рукава заканчиваются рукавицами. Я опасаюсь, что в таком кожухе недолго задохнуться. Но Ган нажимает кнопку, двери разъезжаются — и...

Такого лютого холода я не ожидал. Изо рта у меня вырывается густой пар, непокрытую кожу больно щиплет, при каждом вдохе я словно глотаю огонь. Закрытые участки тела колет тысячами ледяных игл, кожа и мышцы сразу деревенеют.

Ган затаскивает меня в теплую машину. Я жмурюсь, блаженствуя в тепле, наслаждаясь пушистой обивкой сидений. Двери закрываются, машина трогается с места и набирает скорость. В салоне становится еще теплее. Я открываю глаза. Напротив сидят Орин и Ган, справа от меня — Заммис. Машина вырывается из тоннеля и поднимается над мерзлым, обдуваемым ветрами городским пейзажем Первой Колонии. Девственный щит из снега и льда пронзают кое-где верхушки зданий. Меня бьет дрожь. Джерриба Заммис смотрит на меня с любопытством.

— К Бинсвангеру? — повторяет он, как заклинание.

— К Бинсвангеру, — соглашаюсь я обреченно.

Алри Ган останавливается в туннеле у основания сооружения, похожего на огромный сверкающий шар, лежащий на льду. На одно мгновение мы выскакиваем на холод и врываемся в шар, где нас встречает владелец — худой лысеющий мужчина по имени Эйбрахам Бинсвангер, лично помогающий нам выбирать вещи.

Его магазин — это выставка чудес, многочисленные этажи которой соединены сложной сетью движущихся дорожек и эскалаторов. Такой казалась, наверное, Ухе и изголодавшимся древним маведах страна Иррдах, такой представлялась людям Земля Обетованная. Пальто, шапки, сапоги, рубашки, белье, детская

одежда — все новое... Духи, драгоценности, мебель, картины, транспортеры, игры, все для работы и бизнеса, инструменты, сельскохозяйственный инвентарь, цветы, спортивные товары — и башни никем не открывавшихся книг...

Трогая книги, я изнываю от желания на месте впитать содержащуюся в них премудрость. До рая под названием «магазин Бинсвангера» я ни разу в жизни не видел новую книжку. Здесь я чувствую примерно то же самое, что чувствовали древние, открывая для себя бесконечность Вселенной.

Я нахожу английские переводы Талмана. Сзади на обложке — фотография человека, Уиллиса Дэвиджа. У него темные волосы с проседью, борода с серебряными нитями у рта. На фотографии у него разинут рот: он смеется. Рядом с этими книгами лежат карты и брошюры с рекламой экскурсий в пещеру, ставшую во время войны домом для летчика Соединенных Штатов Земли Уиллиса Дэвиджа и пилота-драка Джерриба Шигена. В этой пещере человек принял у Шигена роды. Так появился на свет Заммис. Я указываю на брошюру Заммису.

— Тебя назвали в его честь?

— Там теперь нет проходу от туристов, — говорит он. — Да, в его. Поэтому дядюшка нашел другую пещеру, а мы перенесли ближе к ней имение Джерриба.

— Человек по-прежнему живет в пещере?

Заммис улыбается и кивает, погруженный в приятные воспоминания.

— Да, по-прежнему.

Судя по брошюре, экскурсантам предлагается также посетить кладбище, где похоронен сам Джерриба Шиген и Гоциг, его родитель. Значит, нынешний овьетах Талман-коваха получил имя в честь пилота.

— Все это есть и на дисках, — подсказывает Эйбрахам Бинсвангер.

Я не понимаю, о чем он говорит. Ундев Орин вынимает из кармана маленький плоский футляр и, открыв его, показывает мне разноцветные диски величиной с ноготь и считывающее устройство с экраном.

— Одна книга стоит столько же, сколько несколько дисков и считывающее устройство, — объясняет администратор имения.

— Я предпочитаю книгу.

— Он хочет книгу, — говорит Джерриба Заммис Бинсвангеру.

Пока Ундев Орин расплачивается за книгу, мы с Заммисом и хозяином магазина переходим в одежную секцию. Через некоторое время я с головы до ног облачен во все новое, начиная от белья и кончая верхней одеждой, в которой не страшна даже ванна из жидкого азота. Я готов к тому, что экипировка будет стоить почти всех тех денег, какие у меня есть, но Бинсвангер в ответ на мой вопрос только качает головой.

— За все уже уплачено.

Джерриба Заммис предупреждает, что в имение мы попадем только днем, поэтому он не будет тратить времени, а займется решением неотложных дел. Беседуя с коллегами, он лезет в компьютер, что-то записывает. Прислушиваясь к разговорам, я пытаюсь понять, чем Заммис заслужил синюю ленту. Оказывается, он финансист, джетах резервных фондов колонии. Дождавшись передышки, я говорю ему:

— Прости, что прерываю, джетах. — Он поднимает голову. — Ты связан с ИМПЕКСом землян?

— Конечно! — Мой наивный вопрос его удивляет. — Это — крупнейшая компания по добыче минерального сырья в нашем Секторе. Почему ты спрашиваешь?

Я вспоминаю звезды и свои слезы.

— На корабле я встретился с человеком по имени Майкл Хилл. Вы знакомы?

— Очень хорошо знакомы. Он — представитель ИМПЕКСа на Дружбе. Я веду дела с ИМПЕКСом через него вот уже больше десяти лет. Он пользуется уважением у всех, кто занимается в Первой Колонии межпланетной торговлей. Тебя это удивляет?

— Нет.

Я снова отворачиваюсь к окну, вспоминая слова Хилла о наших планах и о смехе Бога. Город и помигивающие световые маяки меркнут далеко позади. Скоро мы остаемся совсем одни над ледяной пустыней. Вскоре внизу появляется серый океан, покрытый белой пеной. Но дующие там свирепые ветры наш компьютер превращает в легкий бриз. У меня закрываются глаза, и я погружаюсь в сон.

13

Имение очень скромное, если учитывать власть, состояние и влиятельность рода Джерриба. Оно расположено на высокой скале над бушующим океаном и походит на маленький замок. В нем трудятся всего восемь — десять слуг, которые могут принять на ночлег не более двадцати — тридцати гостей, обеспечив им все мыслимые удобства. Моя комната — воплощение роскоши, трапеза восхитительна. Однако хозяева встречают меня сдержанно.

Кроме самого Заммиса, здесь проживает Джерриба Тай, взрослый ребенок Заммиса, Джерриба Гаэзни, ребенок Тай, и пожилой брат пилота Шигена, Эстоне Нев. В свои шестьдесят лет он еще далеко не дряхл и почитается как отставной овьетах Талман-коваха Дружбы.

Все они с недоверием относятся ко мне и к моей миссии. После натянутых приветствий Заммис просит извинения и уходит заниматься делами, Эстон Нев возвращается к медитации, а Гаэзни одевается, чтобы сходить в пещеру к дядюшке и сообщить ему о госте. Со мной остается Тай.

— Извини нас, Язи Ро, за то, что мы так печемся об Уиллисе Дэвидже. Просто мы очень ценим его жизнь. Если бы не он, род Джерриба прервался бы, а планета имела бы совсем другой вид и судьбу. Я рос под опекой дядюшки, род мой на протяжении шести поколений тоже жил в пещере, рос и познавал жизнь и Талман со слов Уиллиса Дэвиджа. Теперь то же самое происходит с моим собственным ребенком, Гаэзни.

Я развожу руками.

— Я нахожусь здесь по воле Джеррибы Шигена, с целью передать рукопись, не более того.

— Ты — кусочек головоломки, Язи Ро. Думаю, тебе это известно.

— Да, известно.

Тай подходит к большому окну с видом на далекие скалы, торчащие из кипящих океанских волн. Я присоединяюсь к нему. Нам видно, как Гаэзни, становящийся меньше с каждым шагом, бежит по снегу и льду.

— Дэвидж — тоже кусочек головоломки, как и привезенная тобой рукопись. Так собирается и приводится в действие

талма. — Тай смотрит на меня. — Мне хотелось бы знать, с какой целью это делается.

— Цель — мир. Мир на Амадине.

— Судя по твоему виду, ты не очень-то веришь в успех.

— Джерриба Тай, родитель твоего родителя — овьетах Талман-коваха. В его распоряжении — вся премудрость диеа. Джерриба Шиген верит, что мир возможен.

— А ты все равно в сомнениях...

— Их не чужд даже сам Шиген. — Я помимо воли пожимаю плечами. — Пойми, Джерриба Тай, я с самого рождения плаваю на Амадине по рекам крови. От тамошних ножей остаются незаживающие раны. Если путь к установлению мира на Амадине существует, то либо я не в силах его узреть, либо то, что подразумевает под словом «мир» овьетах, сильно отличается от того, чего хотелось бы мне. Но я далек от наук. Мне еще только предстоит пройти ритуал взросления. Сам не знаю, зачем я здесь.

Тай долго смотрит на меня, потом переводит взгляд на мыс, к которому направляется по снегу его ребенок.

— Истины Зинеру вечны, Язи Ро. Вот почему ты здесь. — Он кладет руку мне на плечо. — Я отведу тебя к Дэвиджу.

Следуя за Таем в гардеробную, я с трудом волочу ноги от стыда. Имя «Зинеру» из Талмана я еще помню, но знать не знаю, кто это, чем прославился, какое отношение имеют его истины ко мне. Но обратиться к Таю с вопросами я стесняюсь.

Мы бредем по тропинке к мысу, сгибаясь от порывов ледяного ветра. Мне вспоминается рассказ родителя об учителе Малтаке Ди, задававшем своим ученикам вопросы о путях. Он рисовал две фигурки и соединял их двумя линиями. Студентам полагалось ответить, сколько всего путей между двумя фигурами. Удивительно, но преграда прожитых лет рушится, и я снова оказываюсь в объятиях Аво, читающего мне из крохотного кубика, висящего у него на шее на цепочке.

«Сколько путей от круга к квадрату?»
«Два пути, джетах».
«Ты не останешься, Ниат. Ты не сможешь учиться».

Линий было всего две, и бедняга Ниат видел только два пути. Следующий ученик увидел уже несколько путей: ведь по

каждой линии можно пройти в обе стороны, и не один раз. Этому ученику Малтак Ди разрешил остаться, потому что тот мог учиться. Третьему ученику тоже разрешили остаться, потому что тот сам мог учить: он сказал, что между двумя фигурами бесчисленное множество путей.

Между имением и мысом тоже неизвестно сколько путей. В океан, под землю, по воздуху, через космическое пространство, через Драко, через Амадин. Тем не менее мы движемся теми путями, которые видим, ибо другими воспользоваться не можем. Когда отыщется лучший путь, род Джерриба, возможно, воспользуется им. Но сначала его нужно отыскать.

Зенак Аби полагает, что нашел путь от войны к миру на Амадине. Джерриба Шиген тоже полагает, что видит его. Но какое это имеет отношение к старому человеку, к убийце с Амадина, к женщине по имени Джоанн Никол?

У самого мыса Тай указывает на естественные ступеньки, ведущие к узкому выступу высоко над скалами. Ветром нас прижимает к камням. От высоты у меня кружится голова, и я стараюсь не приближаться к краю. Нерукотворная лестница вьется вокруг скалы, незаметно расширяясь. Я набираюсь смелости и смотрю вниз, на далекие скалы. Один неверный шаг — и Язи Ро не станет. У меня опять кружится голова, и я прижимаюсь спиной к каменной стене.

— Вот и вход, — говорит Тай.

Я отворачиваюсь от пропасти и вижу обросший льдом, исхлестанный ветрами вход в пещеру. Тай приглашает меня внутрь, открывает в темноте дверь из дощечек и кусков шкур и первым входит. Я следую за ним. Передо мной проход. Я чувствую идущее откуда-то из глубины тепло и почему-то испытываю страх.

Немного поразмыслив, я понимаю, чего боюсь: вдруг, войдя в эту пещеру, я непоправимо изменю свою жизнь? Прежде чем ступить на какой-либо путь, хорошо бы увидеть, куда он ведет. Овьетах говорил, что знание пути закрывает его. Не потому ли, что, зная, куда ведет путь, я бы отказался им пройти?

— Эй! — раздается незнакомый голос.

Я вижу в проходе человека в шкурах и в шапочке, тоже из шкур. Он длинноволос и бородат. Я узнаю его, помня фотографию на обложке книги: передо мной сам Уиллис Дэвидж. Он смотрит на меня и указывает на вход.

— Здесь тебе что, сарай?

— Что?!

— Закрой дверь! — Он качает головой, разворачивается и уходит. Я закрываю дверь и следую за ним. Мой путь определен.

14

Мы сидим на грубо сколоченных табуретах вокруг большого открытого очага — единственного источника и тепла, и света. Дым уходит в трещину в потолке пещеры, но воздух насыщен запахом дыма. Дрова для очага сложены вдоль стены у меня за спиной; там же стоят сундуки и большие деревянные ящики. Постели представляют собой шкуры поверх груд ветвей. В щели в стенах вбиты сучки, на которых висят сети, кожаные сумки и разные другие предметы. Почти все здесь сделано вручную из дерева, кожи, кости.

Дэвидж в своих шкурах, с посохом в руках выглядит как первобытный племенной вождь. Он смотрит на меня поверх очков, потом переводит взгляд на Тая и Гаэзни, с них — на рукопись, приблизив ее к огню, чтобы лучше видеть.

— Значит, Язи Ро, ты привез мне книгу, и это должно остановить войну... — Его тон кажется мне насмешливым, поэтому я молчу. Дэвидж снова смотрит на меня. — Вряд ли Шигги тебе объяснил, как нам этого добиться.

— Шигги?..

— Шиген. Овьетах. Тот, кто тебя сюда прислал. Давай сотрудничать, Ро: жизнь слишком коротка, особенно у драков.

Я все сильнее злюсь.

— Нет, он ничего мне не объяснил.

Человек морщит лоб и разводит руками.

— Если неизвестно, как за это взяться, как же нам быть?

Тай наклоняется вперед.

— Наверное, дядя, тебе самому следует это придумать.

— Какая глупость! Раз Шигги известен путь, почему бы ему все мне толком не объяснить?

— Овьетах предупредил меня, что знание пути способно его закрыть.

Человек перелистывает несколько страниц и качает головой.

— Шигги всегда был любителем пошутить. — Дэвидж вскидывает на меня глаза. — Кстати, как он себя чувствует?

Я складываю руки на груди. Мне уже ясны две вещи: я не нравлюсь Дэвиджу, Дэвидж не нравится мне.

— Я не лекарь. Состояние здоровья овьетаха вне сферы моей компетенции.

Человек кладет руки на рукопись, лежащую у него на коленях.

— Он показался тебе здоровым?

— Не обнаружил ни кровоточащих ран, ни признаков опасных болезней, дядюшка Уилли.

Дэвидж слегка откидывает голову и пристально смотрит на мня голубыми глазами. Разок кивнув, он открывает первую страницу рукописи и приступает к чтению. Перевернув страницу, он выпаливает:

— Запихнул же ты себе в задницу корягу! Гляди, не поцарапай мне табурет.

Тай стискивает челюсти, чтобы не расхохотаться, вскакивает, хватает пальто и бросается к выходу, едва удостоив меня прощальным кивком. Гаэзни, не сумевший так же успешно подавить смех, фыркает и бежит в глубь пещеры, откуда открывается еще один проход. Мне обдувает ноги холодным сквозняком: это Тай приоткрыл дверь. Сквозняк тут же прекращается: дверь опять закрыта. Но смех, раздающийся вне пещеры, так громок, что я отлично его слышу.

Я сижу, как статуя, тараща на человека глаза, пока до меня не доходит, что из меня делают дурака. Тогда я встаю, запахиваю пальто, надеваю капюшон и тоже бегу к выходу из пещеры. Высунувшись на холод, я смотрю на свою руку, придерживающую дверь, и мучительно раздумываю, закрыть ее или оставить открытой.

Оставить открытой — ребячество, зато какое приятное! Но вполне вероятно, что для окончания войны я должен буду сотрудничать с человеком, а конфликт из-за дурацкой двери создаст непроходимый завал на пути Зенака Аби, еще даже не успевшем открыться... И все же — как было бы приятно! Борясь с собой, я рычу и захлопываю дверь. До меня доносится голос Дэвиджа:

— Большое спасибо!

Ежась от пронизывающего ветра на вершине скалы и глядя на ревущие внизу волны, я мучаюсь вопросами. Неужели

этот человек и есть великий учитель овьетаха Талман-коваха? Духовный наставник рода Джерриба? Один из отцов-основателей этой планеты, уголка гармонии среди разноликих обитателей целого сектора Вселенной? Мне он показался самым обычным смертным.

Себя я знаю: я вовсе не кладезь мудрости. Но на людей я насмотрелся. Как бы ни заблуждались на их счет Зенак Аби и Джерриба Шиген, мира на Амадине нам пока что не видать.

— Ты разочарован? — спрашивает Тай у меня из-за спины. Не оборачиваясь, я отвечаю:

— Я видел подлинный масштаб войны, Джерриба Тай. Чувствовал на своем лице ее смрадное дыхание. Знаю, как она сложна, сколько приносит боли и страха. — И, глядя первенцу Джеррибы Заммиса в лицо, чеканю: — Я был так растерян, что отправился за миром к одному старому дураку, а тот отправил меня сюда, к другому старому дурню.

— Вряд ли ты всегда считал их дурнями.

Я опять устремляю взгляд на волны.

— После встречи с Зенаком Аби, амадинским изменником, я утратил веру в его способность найти мир. Он оказался стар, глуп на вид, он якшается с предателями-драками и с людьми. Выполнить его поручение я согласился потому, что иначе не смог бы сбежать с Амадина.

— Но овьетаху ты поверил? — не столько спрашивает, сколько констатирует Тай.

— Да, я поверил Джеррибе Шигену. Он не выглядит глупцом, напротив, он весьма мудр. Мне хотелось надеяться, что овьетаху ведома дорога к миру. — Я поднимаю руку и замахиваюсь на неистовый океан. — «Язи Ро, отвези экземпляр «Кода Нусинда» этому великому учителю, гиганту и мудрецу, на Файрин IV. Соединение этой книги и его непревзойденного ума положат конец тридцати годам ужасов и кровопролития!» И я ему поверил... Вот олух!

Тай сочувственно улыбается.

— Бедный Ро! Ты прилетел на Дружбу в поисках бога, а Уиллис Дэвидж оказался всего-навсего человеком.

— И к тому же совершенно заурядным, — дополняю я. — Неужели к этой находке и вела меня талма овьетаха?

Тай кладет руку в перчатке мне на плечо и хохочет.

— Очень на это надеюсь, мой друг! Дядюшка обошелся с тобой по-простецки, как умеет он один. — Многозначительно глядя на меня, Тай со смехом указывает кивком головы на имение. — Идем. Пора перекусить. Дядюшка будет занят несколько часов, Гаэзни подкрепится у него в пещере копченой змеей. Мне пригодится твое общество. Думаю, Фална уже здесь. Полагаю, корабль с Драко с Фалной на борту прибыл.

Фална, потомок Эстоне Нева, действительно восседает за столом. Он высок, красив и вообще настолько великолепен, что я держу язык за зубами, чтобы не проявить свою дурость. Фална так совершенен, что трудно понять, зачем он улетел с Земли; я покорен его речами, смехом, дьявольским выражением глаз. Когда его взгляд встречается с моим, я отворачиваюсь, не в силах скрыть смущение. С ним за столом сидят Джерриба Заммис, Тай и Эстоне Нев. Последний, самый старший, стоя руководит церемонией трапезы; я не наблюдал ничего похожего после смерти моего родителя.

— На завтрак у нас горький сорняк в память о Мадахе, куда мы не желаем возвращаться. — Эстоне Нев подносит ко рту и возвращает на стол горсть зерен. Мы повторяем его жест.

— На обед — плод ирвведен, за который сражались маведах. Его мы едим на второе. — Нев подносит к губам и снова кладет на стол пурпурно-серый плод. Мы делаем то же самое.

— На ужин мы ничего не едим, ибо таков завет Миджие, предавшего свой народ огню, чтобы не склоняться перед маведах. — И Нев зажигает маленькую жаровню с ароматическими палочками. Она горит недолго, но успевает насытить воздух сильным ароматом.

— Наша ночная трапеза — праздник в честь победы Ухе и объединения всех синдие. Сейчас поздний вечер; так устроим же праздник!

Слуги вносят блюда, и я обнаруживаю среди них человечье кушанье — спагетти, вызывающее в памяти трофейные людские пайки. Разница в том, что здешние спагетти съедобны, более того, очень вкусны; традиционные блюда тоже восхитительны. Меня вовсе не мучает голод, но привычка вечно голодного сироты вынуждает меня наесться впрок.

После еды, пока я пытаюсь переварить проглоченное, Нев, Заммис, Фална и Тай балуются сладким чаем. Нев, не скрывая

гордости, спрашивает Фалну о его научных достижениях. Тот веселит всех нас рассказами о жизни на Земле, своих тамошних друзьях и встречах с важными персонами. Тай говорит со смехом:

— Дядюшка боялся, что тебе не удастся увековечить твой род.

Фална тоже смеется. Видя мое смущение, он говорит:

— Живя в пещере в качестве ученика дядюшки, я его провел. Я притворился тугодумом, неуклюжим увальнем, неспособным к учебе. А потом я прошел без его ведома ритуал взросления с архивами Эстоне, рассказывая о своем роде и читая наизусть отрывки из священной книги. Он явился к моему родителю, чтобы поделиться своей озабоченностью моей тупостью, и родитель объяснил, что Фална уже прошел ритуал и имеет право на мантию. Видели бы вы лицо дядюшки — оно стоило в тот момент тысячи академических степеней!

Дав всем нахохотаться, Тай объявляет, что первая встреча с дядюшкой Уилли не вызвала у Язи Ро прилива уважения. Эти слова смущают меня еще больше, я окончательно теряюсь. Но меня никто не корит. Наоборот, я вижу улыбку Нева, слышу смех Заммиса и Фалны. Нев опускает чашку.

— Язи Ро, — обращается он ко мне, — тебе известно, как мы уважаем дядюшку.

— Да, известно.

Эстоне Нев откидывается в кресле и ни на кого не глядит.

— Когда мой брат мучился на этой планете, Дэвидж принял у него роды, потом вырастил Заммиса, обучил его традициям рода Джерриба и Талману, выдержал вместе с Заммисом испытания у семейного архива и одел своего питомца в мантию взрослого драка. С тех пор каждого ребенка в этом имении старшие учат чтить Уиллиса Дэвиджа. Когда ребенок мужает и оказывается в учениках у дядюшки, он уже полон восхищения перед этим выдающимся ученым, у которого ему предстоит постигать историю своего рода и Талман, готовиться к ритуалам. А дядюшка с самого начала считает своим долгом лишать ученика этих иллюзий. Он называет это «купелью».

Потом меня потчуют историями о том, как барахтались в дядюшкиной «купели» разные представители родов Джерриба и Эстоне, а также нескольких родов слуг из имения Джерриба.

В общей сложности бородатый человек вырастил и подготовил к ритуалам сорок одного ребенка. Джерриба Гаэзни, лакомящийся сейчас в пещере копченой змеей, носит порядковый номер 42.

Через некоторое время разговор заходит о другом. Эстоне Фална, повышавший всеми мыслимыми способами свою врачебную квалификацию, получил теперь разрешение пользовать людей и решил начать с человека в пещере. Мне он с улыбкой объясняет:

— На Дружбе живет много разных разумных существ, но люди составляют среди них незначительное меньшинство, процентов одиннадцать...

— Поэтому, — перебивает его Тай, — медицинское обслуживание людей осуществляется не так, как следует. Мы всегда тревожились: вдруг дядя Уилли заболеет? Его не смогут вылечить. Вот Фална и решил исправить ситуацию.

— Возраст дяди — шестьдесят три стандартных года, — объясняет Фална. — Земная медицинская наука говорит, что в таком возрасте следует быть поосторожнее.

— Ты привез новые лыжи, о которых просил дядя? — спрашивает Фалну Тай.

— Привез. Вот и вся цена разговоров об осторожности.

— Лыжи? — удивляюсь я.

Заммис объясняет, что лыжи — зимний вид спорта, который он впервые попробовал на Земле пятнадцать лет назад. Лыжник прикрепляет к ногам скользящие дощечки и съезжает по склону покрытой снегом горы. На Дружбу этот спорт, а также инструктора и все необходимое впервые привез Заммис, и дядюшка немедленно загорелся. Длительные поиски дали результат: в горах за имением была найдена защищенная от ветров долина, и в ней построили фуникулер, ведущий на одну из соседних вершин. Это положило начало интересу к лыжам, так что теперь на планете насчитывается восемь лыжных курортов и планируется создание девятого.

Пока я фантазирую, пытаясь представить себе столь нелепое развлечение, Заммис спрашивает Тая, как в имении готовятся к короткому сельскохозяйственному сезону. Разговор переходит на семена, удобрения, компост, культивацию, фумигацию и прочие диковины, о которых я не имею ни малейшего представления.

Пока они беседуют, я размышляю над словами Тая о том, что я нахожусь здесь из-за истин Зинеру. Мне по-прежнему неудобно признаться этому обществу, поднаторевшему в изучении Талмана, в своем невежестве, поэтому я встаю из-за стола и ухожу к себе, чтобы улечься и почитать свой талман.

Я открываю застежку, вынимаю кубик из обложки, вооружаюсь булавкой для перелистывания страниц. Найдя «Кода Синувида», я напрягаю зрение, пытаясь вчитаться в предание о Зинеру. Шрифт чрезвычайно мелок, но я мог бы одолеть написанное, если бы пожелал. Но желание невелико: к моим услугам английский перевод Дэвиджа, набранный крупным книжным шрифтом. Так что я снова убираю свой талман в обложку и ложусь на кушетку с книгой.

В примечаниях переводчика сказано, что «Кода Синувида» — последняя книга Талмана, написанная на планете Синдие. Следующая книга была создана уже в космосе, на «кораблях поколений», прилетевших впоследствии на Драко. Зинеру написал свою книгу гораздо раньше, в эпоху морских кораблей, мечей, копий, палиц и стрел. При нем часто устраивали спортивные соревнования между денве, городами и школами.

В отличие от Малтака Ди, учившего своих подопечных при помощи головоломок и загадок, Зинеру прибегал к играм и спортивным соревнованиям. Главной страстью Зинеру была множественность истин: различные значения правды, ее проявления и формы. Его излюбленным уроком было приказать ученикам не просто играть в какую-либо игру, а изучать ее, применяя все уроки талмы и отыскивая способ выигрыша с помощью наилучшей теории.

Ученики изучали и толковали правила, даже особенности игровой площадки и погоды. Интересовала их и физическая форма: они ломали голову, как лучше использовать игроков в беге, броске и так далее. Они придумывали собственные игры с особыми правилами, расставляли лучших учеников по площадке и докладывали Зинеру, что готовы играть.

Джетах собирал наименее сильную команду из непрофессиональных игроков коваха и выставлял ее против своих учеников. И всякий раз ученики Зинеру проигрывали, после чего джетах внушал своим неудачливым теоретикам простую истину: «Постигающий игру многое внесет в нее. Однако истинные правила, не подлежащие изменению, прозвучат из уст иг-

роков. Игроки видели и осязали металл; постигающим он известен только в теории».

Истины Зинеру...

Труды мудрецов-талманцев сильно поспособствуют установлению мира на Амадине. Однако истинные правила, не подлежащие изменению, прозвучат из уст убийцы Маведах по имени Язи Ро. Мудрецам война известна только в теории, а Язи Ро брел по пояс в крови...

Я вспоминаю предложение капитана корабля «Тора Соам». Благодаря своим рекомендациям я смог бы вернуться на Драко, а там мне бы осталось только дождаться корабля, который покажется мне лучше остальных. Я получил бы работу. Но смогу ли я крутиться на орбите Амадина? Выдержу ли это, если у меня есть хотя бы крохотное сомнение, так ли уж бессмысленна талма мира? Сохраню ли спокойствие, зная, что в грязи и крови, заливающих Амадин, тонет ребенок, проклинающий меня за то, что я не ухватился за слабую возможность положить конец кошмару?

Я вскакиваю с кушетки и подбегаю к прозрачной стене. За ней ночь. Дом подсвечен снизу золотым светом. Во тьме раскинулось обдуваемое ветрами ледяное пространство, на котором я все же умудряюсь различить выступающий из белого океанского тумана скалистый мыс.

Интересно, что произошло бы, если бы кусочки головоломки узнали, что картина, которую из них складывают, получится не такой, которую намерены составить они сами? Согласились бы улечься по-новому, не зная толком, что это будет за изображение, или взбунтовались бы, отказавшись от какой-либо упорядоченности?

Я принимаю решение поговорить с одушевленным кусочком головоломки, обитающим в пещере. Спустившись в холл, я узнаю, что все уже разошлись. Слуга по имени Мизи Унтав помогает мне надеть пальто и ботинки и настаивает, чтобы я не пренебрегал защитной маской, иначе задохнусь от ветра. Я соглашаюсь.

— Тебе потребуется провожатый, Язи Ро? — следует вопрос.

— Нет, я знаю дорогу.

— А фонарь? В темноте легко оступиться.

— Фонарь пригодится, — киваю я. — Спасибо.

С фонарем, прикрепленным к тыльной стороне левой рукавицы, с поднятым капюшоном застегнутого на все пугови-

цы пальто я выхожу из дома и вверяю себя ночным ветрам Файрина IV. Борясь с ветром, я тороплюсь к пещере. По пути я соображаю, что заботливый слуга — отпрыск Мизи Кинасу, ученика Дэвиджа, о котором рассказывали, что он совершил длительное путешествие в космосе, чтобы стать монахом странной и суровой религии на чужой и пугающей планете под названием Земля.

15

Дэвидж сидит у огня с рукописью на коленях, уставившись на языки пламени. Я выключаю фонарь, снимаю пальто и маску и бросаю то и другое на одно самодельное кресло, чтобы усесться в другое. Мне непонятно, почему Дэвидж не участвовал в праздничном ужине в честь возвращения Эстоне Фалны. Согревшись у огня, я рассматриваю убранство пещеры. На одной из импровизированных постелей крепко спит Гаэзни, укрытый одеялом.

Интересно, до какого места Дэвидж успел прочесть «Кода Нусинда»? Самому мне запомнился эпизод, в котором слепая землянка Никол, не зная, что имеет дело с актерами, внимает подробностям ситуации на Амадине. Целью Маведах было уничтожение там всех людей или их изгнание. Цель Фронта заключалась в уничтожении или изгнании всех драков Амадина. Палата Драков бескомпромиссно поддерживала Маведах, Соединенные Штаты Земли — Фронт, цели которых были диаметрально противоположными, а посему не могло быть даже речи о выработке талмы. Никол положила конец страшной войне, заставив державы отказаться от поддержки враждующих сил на Амадине.

Тем не менее сердцевина проблемы остается прежней, более того, воюющие стороны уже не довольствуются изгнанием врага с планеты, стремясь к полному его искоренению. Цель Маведах теперь — гибель всех людей, цель Фронта — гибель всех драков. Откуда тут взяться талме? Всякий раз, когда Фронт и Маведах договариваются о прекращении огня, обязательно находится неконтролируемая группировка с той или иной стороны, прерывающая хрупкое перемирие, совершив какое-нибудь злодейство. Разве может Маведах карать своих за убийство людей после всех бед, причиненных людьми? И как может

Фронт наказать своих за убийство драков после всего того, что те учинили?..

— Ты это читал, Язи Ро? — спрашивает Дэвидж, указывая на рукопись.

Я отвлекаюсь от мыслей о прошлом и гляжу на человека. Он пристально меня разглядывает.

— Да, по пути сюда.

— А тебе полагалось это читать?

Мне трудно удержаться и не пожать плечами.

— Не знаю.

Он переводит взгляд на рукопись, приподнимает брови.

— Что, если твое любопытство повредит талме?

Я сажусь, вытягиваю ноги к огню, скрещиваю на груди руки.

— Значит, талме не бывать. А вдруг ей, наоборот, повредило бы, если бы я этого не прочел? Или талма вообще не зависит от того, читал я это или нет?

Дэвидж улыбается и говорит на правильном дракском:

— Почему ты так безжалостен к чадам своим, Аакка? — Видя мое недоумение, он объясняет: — Это из «Кода Овида», «Предания об Ухе». — У него такой вид, словно я — это не я, а трехголовый урод. Он опять переходит на английский: — Возможно ли, Язи Ро, что ты не знаком с Талманом?

Я вспоминаю свой амадинский английский и выпаливаю:

— Более чем возможно, дядюшка, заруби это на своей морщинистой заднице!

Из глубины пещеры доносятся хлюпающие звуки. Дэвидж оборачивается на ребенка, которому положено спать.

— Раз тебе не спится, Гаэзни, берись за шитье.

— Я сплю, дядя, сплю. — Отпрыск Тай давится от смеха. — Просто мне приснился плохой сон.

Но его разбирает такой сумасшедший хохот, что проходит всего несколько секунд — и он уже не может сдержаться. Сбросив одеяло, хохочущий Гаэзни куда-то выбегает. Дэвидж с улыбкой закрывает рукопись.

Я упираюсь локтями в подлокотники кресла и от стыда жмурю глаза. Напрасно я позволил себе унизить учителя в глазах ученика, пусть даже учитель — человек. Дождавшись, чтобы стихло эхо детского смеха, я обращаюсь к человеку:

— Прости меня, Дэвидж, за то, что я назвал тебя «дядюшкой». Как только мы покончим с этим, — я показываю на

рукопись у него на коленях, — я улечу. Ты не виноват в том, что я здесь нахожусь. Постарайся не делать положение еще хуже, чем оно есть, — это ни к чему.

Человек кивает и снова смотрит на рукопись.

— Не советую тебе торопиться с отъездом, Язи Ро. Таких пройдох, как овьетах, я еще не встречал. Если Джерриба Шиген считает, что шанс установить мир на Амадине существует, я постараюсь оправдать его надежды. Так что давай сотрудничать, пока оба не решим, что дело безнадежно. Согласен?

— Хорошо.

— Вот и отлично! — Человек встает и потягивается. — Значит, так, Язи Ро. Откровение священно. То, что ты мне доверишь, я никогда не повторю без твоего разрешения. То, что я доверю тебе, ты никому не расскажешь без моего разрешения. Идет?

— Идет.

Он садится на корточки у огня, подбрасывает туда полено, что-то ищет глазами в глубине пещеры, снова смотрит на меня.

— На самом деле прозвище «дядя Уилли» меня совершенно не злит.

— Почти все члены рода Джерриба твердили мне, что ты ненавидишь это прозвище, — отвечаю я удивленно.

Он разводит руками, поднимает глаза к дыре, в которую уходит дым, и корчит гримасы, подыскивая слова.

— Нужно же детям как-то поддевать взрослых! Ты меня понимаешь?

Я отрицательно кручу головой.

— Твой родитель жив?

Его вопрос выбивает меня из колеи. У меня перехватывает дыхание.

— Нет, Язи Аво умер, когда мне еще не исполнился год. — И я тихо сообщаю ему самое постыдное о себе: — Я так ничего и не узнал о своем роде.

Дэвидж понимающе кивает, встает и опускается в свое кресло, чтобы собраться с мыслями, глядя в огонь. После затянувшейся паузы он хмуро спрашивает:

— О чем мы беседовали?

— О дядюшке Уилли.

— Верно, — кивает он. — Для нескольких поколений рода Джерриба, от предка по имени Заммис до Гаэзни, а также для

потомков Эстоне Нева и детей родовых слуг я остаюсь товарищем по играм, другом, учителем, тюремщиком. Дети всегда стремятся к своеволию и отвергают порядок. Для них я тюремщик, мешающий им развернуться — например, взлететь со скалы на мысу, а не ухнуть вниз.

— С этой скалы? — Я указываю на океан.

— Да, с этой самой. У Шигги даже были крылья его собственного изготовления. У меня был единственный способ не дать этому эксперименту осуществиться — позволить Шигги его провести, только для первого полета ему пришлось использовать менее опасное возвышение, чем эта гибельная скала. — Он улыбается своим воспоминаниям, но через мгновение возвращается к действительности.

— Итак, моя первоначальная функция — тюремщик-надсмотрщик. Потом они начинают видеть во мне учителя, друга, товарища по играм. Это в общем. Но каждый все-таки помнит, как я портил им удовольствие, как оказывался прав, доказывая их дурость.

Я заканчиваю за него:

— Позволять им называть тебя дядюшкой Уилли и создавать у них впечатление, что ты при этом скрежещешь от гнева зубами, — простой и безобидный способ дать им отомстить ненавистному надсмотрщику.

— Правильно.

— С Эстоне Фалной было как со всеми?

— Ты слыхал эту историю? — Дэвидж усмехается и качает головой. — Фална был другой. Ему мало было невинной мести. Ему хотелось извести меня под корень. Сколько хитрости, сколько упорства! Его родитель погиб на Земле. Ты знаешь об этом?

— Нет.

— Эстоне Ойнех входил в дипломатическую делегацию Палаты драков. Произошло межрасовое столкновение, толпа распоясалась, и ее жертвой стал Ойнех. Все произошло на глазах у Фалны. Ему не было тогда и года.

Я чувствую, как мое сердце стискивают ледяные пальцы действительности.

— Я тоже лишился родителя, когда мне еще не было года. Я был свидетелем его смерти.

В глазах Дэвиджа читается сострадание.

— Суровое взросление. — Он смотрит на пламя. — Эстоне Нев привез Фалну сюда, и я взял его к себе в пещеру. По-

требовалось пять месяцев, чтобы ему перестали сниться кошмары. Я чертовски горд Фалной. Жаль, что я не присутствовал при прохождении им ритуалов. — Он снова открывает рукопись. — Тут, у костра, и там, сзади, где прячется Гаэзни, есть чем подкрепиться. А я еще поработаю с этим. — Он переворачивает страницу и приступает к следующей.

Меня гложет тоска: я чувствую пустоту и завидую дракам, познававшим Талман с помощью этого человека. Приступ тоски всегда начинается с боли: все должно было сложиться по-другому. Гаэзни, сыто утирая рот, машет мне рукой и снова залезает в постель, накрываясь с головой, — счастливчик, обласканный любящим дядюшкой.

Откинувшись в кресле, я изучаю человека, погруженного в чтение. Я далеко не впервые вижу человека в такой близи. Я встречался с людьми в бою, брал их в плен, лишал жизни, наблюдал, как один из них мучает моего друга, а другой, вернее, другая спасает младенца-драка. В пещере Дэвиджа нет женщины, вообще нет людей, кроме него. Как я могу доверять человеку, отказавшемуся от всего человеческого ради затворнической жизни и воспитания юных драков? Погружаясь в дремоту, я мысленно спрашиваю: чего тебе здесь надо, Уиллис Э. Дэвидж? Но задать свой вопрос вслух я не успеваю: Дэвидж опускает рукопись и смотрит на меня.

— Ро, попроси завтра утром Тая показать тебе, как работает космическая связь. Пора тебе изучать историю своего рода. А для этого тебе придется собрать информацию. — И он снова погружается в чтение.

Передо мной надсмотрщик. Меня охватывает раздражение: мне диктуют, как поступать, не объясняя причин. В следующую секунду я улыбаюсь: мудрый человек уже снабдил меня талмой для ребяческой мести. Я жмурю глаза, кутаюсь в свое теплое пальто и бормочу:

— Спокойного тебе сна, дядя Уилли.

16

Утром, позавтракав в пещере лепешками и жареной змеей, Дэвидж снова берется за рукопись, Гаэзни моет раковины и сковородку, а я возвращаюсь в имение: денек выдался более или менее теплый, и, торопясь по тропе, я уже не боюсь, что у

меня лопнут от мороза глаза. С заиндевевших деревьев и камней капает талая вода.

В кабинете Тая я смотрю на дисплей. Джерриба Тай связался с Талман-ковахом на Драко, объяснил мне, на что нажимать, и велел позвать его, когда я закончу. После этого он уходит, а я передаю необходимую для анкеты информацию.

Меня зовут Язи Ро. Родителя звали Язи Аво. От него я знаю, что его родителя звали Язи Тахл. Родителя Тахла звали Итас — не знаю точно, как это пишется... Ничего не поделаешь, цепочка из пяти имен остается незавершенной.

Род, насколько я знаю, проживал на Амадине, в Северной Шорде, в городе Гитох. Занятия: Язи Ро — солдат Маведах; хромой Язи Аво добывал по мере сил пропитание и обеспечивал кров своему ребенку, а также учил солдат Маведах английскому с военной спецификой; Язи Тахл тоже воевал в Маведах; не знаю, чем занимался Язи Итас... Я уже могу звать Джеррибу Тая.

Он изучает написанное мной, кладет руку мне на плечо.

— Трудно, наверное, расти, не имея представления о своем роде...

Меня смущает его сочувствие.

— Не знаю, Джерриба Тай. Мне не с чем это сравнить. — Я показываю на экран. — Этого хватит?

— Так или иначе, это все, что можно написать. — Тай дотрагивается до дисплея, и там немедленно появляется главный каталог.

— Сколько времени это займет?

Тай открывает рот, чтобы ответить, но появление информации опережает слова. Я благодарно киваю и сажусь, чтобы лучше разобраться в себе.

Информационная связь с Амадином была прервана с установлением карантина. Однако предоставленных мной данных оказалось достаточно, чтобы выделить один-единственный род. Последовательность имен в нем такова: Ро, Томас, Итах, Тахл, Аво. Мое внимание привлечено к правильному написанию имени в середине цепочки. Место регистрации родового архива — Гитох.

Итак, мой род продолжен вглубь. Язи Ро, третий ребенок Стиимы Бахна, отпрыска Ааквы Бенаби с Драко, покинул дом и основал новый род на Амадине задолго до начала войны. Он

был исследователем и предпринимателем, поэтому завязал деловое партнерство с человеком по имени Томас Муньос. Драк и человек стали снабжать продовольствием и другими припасами изыскателей, работавших в горах выше Гитоха. Дело их процветало и ширилось, охватывая все новые сферы торговли.

Когда у основателя рода Язи Ро появился первый ребенок, он назвал его в честь партнера Томасом. В ответ Томас Муньос назвал своего сына Ро. Дети росли вместе, пока Томас-драк не повзрослел. Но Язи Томас оставался верен дружбе с Ро Муньосом, пока на Амадине не вспыхнула война. Почему это произошло и как, никто толком не знает — кажется, из-за несправедливого судебного решения по обыкновенному земельному спору. Одно не вызывает сомнений: драки сочли виноватыми людей, люди — драков. Фирма Язи и Муньоса продержалась еще год, но потом была похоронена войной. Партнерство и дружба прекратились, когда Ро Муньос был убит разъяренной толпой шахтеров-драков, после чего Томас Муньос возвратился на Землю.

Язи Томас попытался остаться на плаву, самостоятельно продолжив поставки, но война и соблюдение контрактов несовместимы: вскоре Томаса забрали служить в Армию континентальной обороны Шорды, впоследствии переименованную в Маведах. Итах, единственный ребенок Томаса, сразу пошел воевать, его ребенок Тахл тоже. Родитель моего родителя появился на свет как раз при установлении карантина вокруг Амадина, так что на этом информация прерывается. Однако именной цикл восстановлен. Я — одиннадцатый в цепочке. Если я произведу на свет отпрыска, то он должен будет носить человеческое имя Томас.

— Ро, рассказывал ли тебе твой родитель про Томаса Муньоса и его дело?

Я непонимающе смотрю на Тая: мое внимание рассеянно.

— Не знаю. Аво погиб, когда я был совсем мал. Может, и рассказывал, но я не помню.

— Система предлагает подсказку. Дай-ка взглянуть.

На экране мигает светло-голубое пятно. Я встаю и отхожу к стеклянной стене кабинета. Джерриба Тай садится и жмет на клавиши. Я тем временем любуюсь далекими горами, черные вершины которых так отвесны, что на них не удерживается ни снег, ни лед. Глаза мои видят горы, но мысленно я по-прежнему на Амадине, в далеких временах, когда человек и

драк могли стать там деловыми партнерами и называть в честь друг друга детей. Как же мы умудрились дойти до такой дикости, как тогда, в Дугласвилле, когда человек изрезал вопящего Лоту Мина на куски?

Весь Амадин испещрен ранами, они глубоки и гноятся. Разве можно вылезти из этой бездонной ямы с трупами? Разве возможно, чтобы нам расхотелось убивать людей, разве мы сможем чувствовать боль бесчисленных потерь, сознавать, что наше будущее перечеркнуто, но не испытывать жажды мести?

— Язи Ро, тебе знаком человек по имени Майкл Хилл?

Я вспоминаю пассажира с «Вентуры», предупредившего меня об опасности разглядывания звезд.

— Да, я встретил его на борту космолета. — Я оборачиваюсь к Таю. — Он — представитель земного ИМПЕКСа.

Джерриба Тай хмурится, глядя на экран.

— Похоже, Майкл Хилл проявляет интерес ко всем носителям родового имени «Язи», вернее, к тем, кого занимает это родовое имя. Он поместил в сети запрос об автоматическом уведомлении в случае, если кто-то займется изучением какого-нибудь из родов Язи.

Я отворачиваюсь от окна.

— Не понимаю...

— Короче говоря, этот человек хочет знать, интересуется ли кто-нибудь родом Язи. Получается, что ему сейчас нужен ты.

— Неужели изучение рода нельзя вести скрыто?

— Нет. Все это — история родов, имена запрашивающих информацию — относится к категории общедоступных сведений. Майкл Хилл уже получил уведомление, что ты изучаешь свой род. Ты считаешь, что он может представлять опасность?

Я опускаюсь в кресло напротив Тая.

— Твой родитель говорит, что сотрудничает с Майклом Хиллом уже много лет. Заммис утверждает, будто Хилл — уважаемая личность.

— Возможно, он просто проявляет любопытство после случайной встречи с тобой на корабле.

Я вспоминаю лицо Хилла — приятное, даже красивое — для человека, естественно: честное, вроде бы ничего не скрывающее. Я бы не удивился, если бы это оказалось простым любопытством. Занесенным в такую даль нужно чем-то занять время. Или этот Хилл — потомок бойца из Фронта Амадина

или войск Соединенных Штатов Земли, считающий, что у драков из рода Язи перед ним должок? Он находился на Драко одновременно со мной. Не проявляет ли он интерес к заданию, с которым я прибыл на планету Дружба?

— Хилл знает, где я остановился? Это тоже информация для широкого доступа?

— Нет, не для широкого. Но в космопорту тебя встречал сам Джерриба Заммис, а это — сигнал для всего населения Первой Колонии, где тебя искать. Если ты не возражаешь, я попрошу родителя заняться Майклом Хиллом. — Тай с улыбкой передает мне распечатку моего родового древа. — Раз дядюшка поручил тебе узнать поподробнее о твоем роде, то следующим твоим заданием будет все это выучить. Потом наступит черед Талмана. Так что готовься к испытанию на зрелость.

Я ухожу к себе и изучаю распечатку. В ней в общей сложности одиннадцать имен. Если бы я был отпрыском рода Джерриба, мне пришлось бы заучить, в дополнение к Талману, больше двухсот историй. Совершенно невероятная ситуация: Язи Ро, набравшийся премудрости, рассказывает в присутствии джетаха в человечьем обличье о своем роде и цитирует Талман, чтобы получить, пусть с опозданием, мантию взрослого дракa...

Впрочем, в моем родовом древе недостает нескольких историй; архивы рода Язи уничтожены, так как находятся на территории Амадина, контролируемой Фронтом, зато мой джетах, дядюшка Уилли, спокойно сидит в пещере под непроницаемыми облаками Дружбы... Снова фантазии. Я читаю вслух, ломая язык: правильный, архаичный дракский мне непривычен.

«И вот стою я перед тобой здесь, Ро из рода Язи, отпрыск Аво, учителя английского...»

Я прерываюсь, понимая, что затея обречена на провал. Ведь мне неведомо, проходил ли этот ритуал сам Аво, и если да, то когда. Слишком много недостающих звеньев. От ощущения тщетности у меня подкашиваются ноги, я падаю на кровать, закрываю глаза. Казалось бы, меня должны посетить привычные кошмары, но вместо них я вижу Эстоне Фалну за трапезой — сильного, умного, веселого. Я глушу вожделение на корню, ибо о невозможном лучше и не мечтать.

...Собачий лай. Ночь холодна, в небе висит огромная яркая луна Амадина. Собака скулит, словно умоляет прекратить

ее мучения. Это единственный звук, нарушающий тишину: стрельба и разрывы на время стихли. Среди развалин, в тени чудом сохранившегося угла здания, я вижу Аво: он следит за улицей, и глаза его полны слез.

— Аво... — Я лежу рядом с ним и пытаюсь уснуть. — Что происходит, Аво? Они возвращаются?

— Нет, дитя мое, они ушли.

Я трогаю мокрую щеку своего родителя.

— Тогда почему ты плачешь?

Аво показывает кивком головы на другую сторону улицы.

— Помнишь дом, который там стоял?

— Нет.

— Когда ты родился, он еще не был разрушен. Маведах держал там свои припасы, поэтому Фронт разбомбил его. Но раньше, еще в моем детстве, там была больница. Родитель говорил мне, что давным-давно, еще до войны, там держал магазин твой предок: он продавал еду и много чего еще.

Родитель отворачивается от меня и глядит на развалины.

— Язи Тахл рассказывал, что туда заходили и драки, и люди, а твой предок даже имел человека в партнерах. — Аво роняет голову на грудь. — Даже не знаю, верить этому или нет. Хотя про этот дом я всегда думал с особенным теплом. А теперь он разрушен, и мне очень грустно.

Не знаю, почему Аво плачет. Груда развалин — ничего больше. Я обнимаю родителя и прошу его перестать плакать. Но он по-прежнему не сводит глаз с руин. Я закрываю глаза. Собака молчит. Я засыпаю.

17

Просыпаюсь я от едкого запаха дыма и понимаю, что это не сон. Открыв глаза, я вижу Дэвиджа, сидящего перед окном и любующегося видом. Дымом пахнет от его одежды. Я встаю, иду к нему и понимаю, к чему прикован его взгляд. Ветер несет к горам черный дым, поднимающийся с мыса.

— Дэвидж?

Он поворачивается на мой оклик. Он весь закопчен, под глазами черные круги, глаза красные.

— Проснулся?

— Конечно! — Я указываю на дым. — Что случилось?

Человек снова смотрит в сторону мыса. Судя по его взгляду, он вспоминает прошлое.

— Ночью кто-то забрался в пещеру и устроил пожар. Я как раз готовил еду... — Судя по выражению лица, он с трудом сдерживает гнев. — Я вернулся в главный зал и увидел его. Поленница уже была охвачена пламенем, а он возился с каким-то устройством. Я схватил полено и зашел сзади, но он обернулся, когда я уже занес полено, поэтому удар пришелся и по голове, и по руке. Тогда же вспыхнула приготовленная им бомба, пещеру заволокло дымом, стало нестерпимо жарко. Человек удрал. Я бросился спасать Гаэзни.

— Он не пострадал?

— Нет. Наглотался дыма и испугался, а так в порядке. — Дэвидж встает с кресла. — Гаэзни находился в заднем помещении. Дым был таким густым, что мы пробирались к нему с закрытыми глазами. — Он озирается и говорит не столько мне, сколько про себя: — Через столько лет меня все-таки заставили перебраться на ночевку в дом.

— Злоумышленник найден?

Дэвидж кивнул.

— Тай велел слугам вооружиться и искать негодяя. Поиски длились всю ночь. На рассвете Алри Ган нашел мерзавца под скалой, под входом в пещеру. Видимо, сорвался и упал. — Дэвидж щурит глаза и пристально на меня смотрит. — Тай, Заммис и я спустились, чтобы на него взглянуть. Джерриба Заммис знает погибшего. Прежде чем разбиться, он называл себя Майклом Хиллом.

Я удивленно таращу глаза.

— Я познакомился с ним на космолете! Это представитель ИМПЕКСа.

— Да. Тай рассказал мне о вашей встрече и об интересе Хилла к твоему роду. Как ты думаешь, зачем ему понадобилось покушаться на меня и Гаэзни?

Я вспоминаю звезды, лицо человека, его сострадательный тон, странную шутку: «Если хочешь услышать смех Бога, что-нибудь запланируй». Скала очень высока, у ее подножия громоздятся острые мокрые камни. У Майкла Хилла была возможность многое понять за время падения вниз.

Враги нападали на меня по-всякому, пробовали и стрелять, и просить милостыню. К оружию сострадания я не привык.

— Когда я улетал с Амадина, ни для кого не составляло тайны, что это бегство. На Драко почти весь джетаи диеа знал, что я состою в Маведах. И уж конечно, об этом знали бесчисленные клерки, учителя и прочие... — При мысли о Матопе, человеке в инвалидном кресле, мне становится нехорошо. — Кто только об этом не знал!

— Твой маршрут не был секретом, — согласился Дэвидж.

— Может быть, его сжигала ненависть. Может быть, на Амадине погиб его родственник или любимое существо.

— В этом случае он совершил бы покушение на тебя. При чем тут я или Гаэзни?

Для меня его слова звучат удивительно. Уж не шутка ли это?

— Дэвидж, для такого человека драк есть драк. А любитель драков, — я киваю на него, — еще хуже драка.

Человек встречает мои доводы хохотом.

— Ро, «любитель драков» — устаревшее выражение. Фална утверждает, что теперь это называется «симп».

— Какой такой «симп»?

— Наверное, это сокращение от «симпатизирующий». Другое значение — простак. — Он качает головой, смотрит в окно. — Не сходится, Ро. Заммис был знаком с этим Хиллом много лет, работал с ним, знакомил с другими. Майкл Хилл давным-давно сотрудничает с драками. Или ты вообразил, что ты первый драк-ветеран Амадина, с которым он столкнулся?

Я вспоминаю Ореаха Вака, пилота корабля «Тора Соам», ветерана тзиен денведах Кобока, делящего кров с Матопе. На свете миллионы стариков-драков, вышедших из амадинской бойни живыми.

— Нет, Дэвидж, вряд ли я у Майкла Хилла первый.

С этими словами я кладу человеку руку на плечо. Из головы не выходит отрывок из «Кода Нусинда».

— Дэвидж, овьетах считает тебя и меня кусочками большой и важной головоломки. Что, если ее невозможно будет разгадать, стоит одного из нас устранить?

Человек озадаченно морщится.

— Разве ИМПЕКС что-то выигрывает от продолжения войны? Ты хоть представляешь, сколько средств вложено... — Дэвидж недоговаривает, его озадаченность проходит. — «Кода Нусинда», «Глазами Джоанн Никол»...

— Да. Тиманы. Ты считаешь, что раса тиманов по-прежнему пытается манипулировать событиями?

— Если да, то они относятся к возможности мира на Амадине не в пример серьезнее, чем мы.

Я тру глаза. Ветер относит дым из пещеры в другую сторону.

— Я думал, что попытки тиманов повлиять на отношения между Соединенными Штатами Земли и Палатой драков закончились со смертью тайного архитектора войны Хиссиеда-до' Тимана.

— Автор «Кода Нусинда» была того же мнения. Но на каком основании, спрашивается? Если я правильно уловил смысл рукописи, то манипулирование разумными существами других видов и подталкивание их к взаимному уничтожению не было просто хобби Хиссиеда-до' Тимана. Это механизм выживания, видовой инстинкт тиманов.

Видя, что человек задумчиво поглаживает бороду, я спрашиваю:

— О чем ты сейчас подумал?

— О том, что ключ к прекращению войны на Амадине может быть зажат в чьей-то аммиачной клешне на планете Тиман. — Он приподнимает брови. — Тебе не кажется, что талма овьетаха ведет именно туда?

— Насколько я понимаю последнюю книгу талмана, если в этом замешаны тиманы, то они следуют своей собственной талме. Не знаю, чьей талме последуем мы, если отправимся на Тиман. Что, если путь тиманов не дает продолжиться талме овьетаха?

Дэвидж складывает руки на груди и смотрит на рассеивающийся дым.

— Я должен обсудить это с самим Шигги. Если, отправившись на Тиман, мы совершим ошибку, то она будет роковой.

— Почему?

— Если я ничего не путаю, добираться туда придется целых полгода. Кроме того, я не знаю, с кем там встречаться, куда податься — вообще ничего. Сверх того, атмосфера на Тимане не годится для тех, кто дышит кислородом. Понадобятся скафандры, изолированные палатки, пища, вода — короче, это целая экспедиция. — Он все сильнее хмурится. — Уйма денег! — Пристальный взгляд, обращенный на меня. — Может быть, овьетах предоставил тебе полную свободу рук?

— В каком смысле?

— Позволил не экономить.

— Нет, у меня на счете всего несколько тысяч кредитов. Этого хватит только чтобы вернуться на Драко.

— Талма! — фыркает человек, отворачиваясь к окну.

Раздается негромкий звонок, дверь в гостиную отворяется. Появляется Ундев Орин.

— Прошу прощения, Уиллис Дэвидж, — говорит он с поклоном. — Детектив ждет знакомства с Язи Ро.

Человек легонько шлепает себя ладонью по лбу.

— Проклятие! Я ведь для этого и пришел! Скажи ему, что мы сейчас придем.

Ундев Орин опять кланяется и закрывает дверь, оставляя нас с Дэвиджем одних. Человек говорит с усмешкой:

— Меня отвлекло зрелище пожара. В последнее время я стал забывчивым. — Указывая на дым, теперь уже еле заметный, он объясняет: — Уже много лет на мою жизнь никто не покушался. Последним был предок-тезка овьетаха.

Мне становится тревожно. Пока что никто не интересовался моим нелегальным отлетом с Амадина. Вдруг детектив возьмется за меня как следует? Если бы всем было все равно, не было бы карантина.

— Мне нельзя встречаться с детективом.

— Почему? Ты здесь недавно и еще не успел напроказничать.

— Я нелегально нарушил карантин вокруг Амадина, поэтому меня...

— Об этом не беспокойся, — перебивает меня Дэвидж. — На Дружбе это не считается преступлением, к тому же детектив — не сотрудник полиции. Его просто наняли для того, чтобы разобраться в ночных событиях и определить, кто в них повинен.

— Наняли?

Дэвидж кивает и ведет меня к двери.

— Здесь нет полицейских, обслуживающих власти. — Он разводит руками. — Потому что отсутствуют сами власти.

18

С карниза, откуда можно проникнуть в пещеру, вниз ведет крутая обледенелая тропка. На ней мы и встречаемся. Детективов оказывается двое: драк и человек, оба — сотрудники

службы «Ааква Луа», что значит «Синий свет». С ними помощник-драк в темно-синей форме «Ааква Луа» под черным пальто с капюшоном. Второй помощник в форме, тоже драк, уже сторожит под скалой труп. Детективов сопровождают Заммис и Эстоне Фална.

Детектива-драка зовут Мирили Санда — коллега почему-то упорно обращается к нему «Санта». Для драка Санда низенький и пухлый, глаза у него темны до черноты, отчего взгляд кажется крайне суровым. На нем ярко-синее пальто с капюшоном, такой же цвет и у флайера, на котором он прибыл вместе с коллегой-человеком. Мы спускаемся вниз.

Для Заммиса, Фалны и Дэвиджа спуск не представляет труда, меня же так и тянет к опасному краю тропы. Только стыд за свой страх высоты заставляет меня передвигать ноги.

Спуск завершен, но трудности остаются: чтобы добраться до тела Майкла Хилла, нам приходится перелезать через скользкие валуны. Санда пыхтит от натуги, но Дэвидж, Фална и Заммис преодолевают преграды без всякого усилия.

Самое удивительное — детектив-человек по имени Кита Ямагата, миниатюрная женщина. С валуна на валун она перепрыгивает с тем же бесстрашием и высокомерным пренебрежением к высоте, с какими спускалась по опасной узкой тропе. Капюшон ее синего пальто откинут. У нее коротко постриженные блестящие черные волосы, глаза тоже черные, придающие ей странное сходство с Сандой. Мы все еще ползем, а Ямагата уже осматривает тело, натянув специальные синие перчатки.

Океанская вода теплее воздуха, и на берегу почти нет льда. Волны регулярно обдают берег фонтанами брызг, поэтому на трупе почти не осталось крови. Однако Санда, судя по всему, вообще не выносит вида крови. Ямагата и Фалну кровь не волнует в отличие от меня. Странно — меня, досыта насмотревшегося на кровь...

Ямагата объясняет, что Майкл Хилл, падая, ударился о камни ногами и опрокинулся на спину. Фална считает, что в теле не должно остаться ни одной целой косточки. Одежда и обувь у Хилла белая, с маленькими красными мазками. Ночью на фоне снега он был совершенно невидим, зато сейчас, на черно-зеленых камнях, окатываемых волнами, он смотрится как яркая мишень. Джерриба Заммис стоит с непокрытой головой, не боясь ветра, и не отрывает глаз от трупа, пока детекти-

вы делают записи и что-то подбирают. Потом помощники получают приказ перевернуть тело.

Спина белого камуфляжного одеяния имеет, мягко говоря, потрепанный вид. В карманах находят дорогой кожаный бумажник с документами, визитными карточками, пропусками земного ИМПЕКСа, властей Драко и других. Тут же командировочное удостоверение компании, фотографии разных разумных существ и больше 1600 кредитов наличными. Обнаружены также ключи от арендного флайера и от номера в Колониальной гостинице — одной из самых шикарных в Первой Колонии, а также разбитый карманный компьютер. Ямагата собирается отвезти все это в лабораторию «Ааква Луа». Пока что я не вижу ничего, что связывало бы Майкла Хилла с тиманами.

Позже мы подходим к жерлу пещеры. Я остаюсь с остальными снаружи. Внутрь входит одна Кита Ямагата в защитном комбинезоне и респираторе. Санда объясняет, что Ямагата — специалист по части расследования поджогов, поскольку поджоги применяются как способ убийства по большей части у людей. По мнению Фалны, она поднаторела и как судмедэксперт.

Пока мы ждем, Санда обсуждает с Джеррибой Заммисом условия контракта. «Ааква Луа» имеет право передать информацию любому другому детективному агентству или полицейским властям, которые проявят к ней интерес, даже если против этого выступает Джерриба Заммис или другие члены рода Заммис, а также занятые у них работники. «Ааква Луа» свободна исполнять поручения других нанимателей, помимо Джерибы Заммиса, используя при этом вышеуказанную информацию, и так далее. Заммис на все согласен.

Санда задает Дэвиджу и мне вопросы о том, какие цели мог преследовать Хилл. Я рассказываю о своей встрече с представителем ИМПЕКСа на космолете, и мы с Дэвиджем делимся с детективом соображениями о старой мести и новых вспышках безумия. Дэвидж не согласен с нами насчет талмы и вмешательства тиманов.

Потом Санда опять спускается со скалы, чтобы руководить погрузкой трупа во флайер «Ааква Луа». Заммис очень взволнован. Он не спускает взгляд с входа в пещеру. Заметив мое любопытство, он говорит:

— Я часто посещаю по делам Драко, Землю и многие планеты, заселенные выходцами с этих планет. Много раз я видел жизнь почти что на военном положении: дробление на племена, оружие в руках гражданских лиц, решетки на окнах, всеобщий страх. Богатые превращают свои жилища в крепости, а своих слуг — в армию. — Он указывает на пещеру. — Грабители, убийцы, террористы, спятившие на почве религии или политики, банды преступников, подчинившие себе улицы... Но я думал, что планета Дружба избавлена от всего этого.

— Откуда же взяться исключению из универсального правила? — спрашиваю я. Заммис смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Здесь нет племенной розни. Урок Дружбы в том и состоит, что деньги, раса, вера отступают перед товариществом. У нас нет ни бедности, ни преступности, ни произвола властей.

Дэвидж, смотревший до того на море, переводит взгляд на Заммиса.

— Акулы, — произносит он, — убивают не потому, что бедны, преступны, безумны или замучены произволом. Убивают потому, что они — акулы.

— Майкл Хилл? — повышает голос Заммис. — Майкл Хилл — акула? Умный, тонкий, бизнесмен с развитым воображением — вот каким он был! Я знаком с его семьей. Он гостил в нашем имении. Нет, акулой он не был, дядюшка.

Дэвидж косится на меня, кивает, чуть улыбается уголком рта. Подняв камень, он сует его Джеррибе Заммису.

— Это акула?

Взяв камень, Заммис внимательно его рассматривает, потом спрашивает, хмурясь:

— Кто?

Я сбит с толку: понятия не имею, что такое акула и каков смысл камня.

Заммис повторяет свой вопрос, но Дэвидж грозит своему бывшему ученику пальцем. Из пещеры появляется Кита Ямагата: ее шлем откинут, респиратор висит на шее. Руками в перчатках она сжимает оплавленные остатки железной коробки.

— Одно не вызывает сомнений: братец Хилл был полным дилетантом в области поджогов. Во всяком случае, пользоваться такими штуковинами он совершенно не умел.

— Что это? — спрашиваю я.

Ямагата смотрит на Дэвиджа. Тот пожимает плечами и качает головой.

— Это шахтерское приспособление под названием «термобур». С ним используется особая взрывчатка — «термекс». Под разными названиями ее применяют при добыче полезных ископаемых. — Ямагата трогает переплетение проводов и расплавленный металл на дне коробки, затянутый чем-то черным и застывшим. — Здесь был термекс. При его горении становится так жарко, что от камня может остаться одна зола, но дыма почти нет, только пар, если бур проходит через слой воды. С помощью этой штуковины можно программировать размер и форму обрабатываемого участка. Шахтеры пользуются такими, чтобы проделывать тоннели, убирать препятствия, бурить скважины, — словом, избавляться от породы на пути проходки. Вот это, — она указывает на черную нашлепку, — остатки инициирующего состава. Испаряясь, он взаимодействует с воспламенителем, отчего сильно повышается температура. Тут и загорается термекс. Если эта последовательность нарушается, то термекс не горит, а течет или испаряется. Это — мера безопасности, чтобы не начал действовать инициирующий состав.

Дэвидж заглядывает в коробку.

— Такое впечатление, что произошел пожар.

Ямагата смеется.

— Действительно, произошел. Инициирующий состав был выведен из цепи, это и вызвало возгорание. Но взаимодействия с паром не произошло, поэтому термекс не воспламенился. — Она показывает на вход в пещеру. — Если бы цепь сохранилась, вместо пещеры мы сейчас видели бы здесь просто дыру в земле. Но дело ограничилось копотью: пар от термекса конденсировался на древесине и потушил пожар. Отсюда и черная пленка, которая покрыла все внутри. — И она внимательно смотрит на каждого из нас по очереди. — Я вот чего не могу понять: все-таки Хилл, облетевший всю галактику с поручениями земного ИМПЕКСа, должен лучше разбираться в горном деле... — Ее взгляд останавливается на Джеррибе Заммисе. Тот кивает.

— Разумеется. ИМПЕКС применяет термобуры еще с довоенных времен. Продажа оборудования обязательно включает демонстрацию его работы. Майкл Хилл был опытным тор-

говым представителем ИМПЕКСа и хорошо умел пользоваться термобурами.

Указывая на полурасплавленную коробку в руках у Киты Ямагата, Дэвидж произносит:

— Кажется, ты сказала, что он вряд ли что-то в этом смыслил.

— Готова поспорить на две свои месячные зарплаты, что этот бур отличается от стандартной модели ИМПЕКСа. ИМПЕКС и родственные компании обладают лицензиями на производство, выданными фирмой «Низак» до войны, но каждая компания делает собственные модели.

«Низак»... Я смотрю на Дэвиджа, но тот не сводит взгляда с женщины-детектива.

— «Тиман Низак»? — спрашивает он.

— Она самая — компания, изобретшая термекс и термобур. Так или иначе, Майкл Хилл не умел обращаться с этой моделью, а значит, ичи-бу хачи кен. — Видя наше недоумение, она уточняет: — Одна десятая дюйма, сорок восемь футов.

Мы с Заммисом так ничего и не поняли, поэтому Дэвидж подсказывает:

— Мелкие погрешности могут приводить к крупным ошибкам.

Ямагата широко улыбается, довольная, что Дэвидж понял ее загадочную реплику, и говорит, обращаясь ко всем:

— Наверное, это бур производства дракского концерна «Яче» или «Тиман Низак».

Сверля глазами оплавленную коробку в руках у Ямагата, Дэвидж говорит:

— Язи Ро, ты будешь спорить, что этот бур сделан на Драко?

— И не подумаю, — отзываюсь я, качая головой.

Из-за скалы доносится свистящий звук. Флайер компании «Ааква Луа» резко набирает высоту, разворачивается и уносится в сторону Первой Колонии, унося в грузовом отсеке труп Майкла Хилла. Мои спутники снова шагают по тропе в сторону дома. Мирили Санде, помогавшему грузить тело, трудно преодолеть крутой подъем, поэтому я протягиваю тучному детективу руку. Санда садится на каменный карниз, чтобы отдышаться, и прочувствованно меня благодарит.

— Заммис вдвое старше меня, а бегает вверх-вниз, как трехлетний! Ничего, у нашей компании есть свой гимнастический зал. Я тоже постараюсь привести себя в приличную форму.

Отдыхая, Санда разглядывает площадку перед пещерой, вход, скалы внизу.

— Скажи-ка, Язи Ро, если бы ты вздумал заминировать эту пещеру, разве ты забыл бы о крутом обрыве, даже если вокруг непроглядная темень, а тобой владеет паника?

Глядя на зловещие камни, я качаю головой.

— Конечно, не забыл бы, Мирили Санда. Правда, у меня особое отношение к высоте...

— Большой высоты боится всякий, Язи Ро.

19

С утра как будто повеяло теплом, но потом температура резко падает, предвещая новое ненастье. Дэвидж включает космическую связь, запирается и не выходит ни к обеду, ни к ужину. После поздней трапезы Джерриба Заммис сообщает нам, что детективы вернутся и зададут новые вопросы, поскольку уже располагают данными анализов, к тому же найден флайер, который арендовал Майкл Хилл. Ждать их осталось считанные минуты. Мы с Заммисом, Таем и Эстоне Фалной гадаем, с какими новостями пожалуют детективы. Из кабинета Тая появляется наконец Дэвидж, усталый и смущенный, падает в кресло и присоединяется к беседе.

— Какие новости, дядюшка? — интересуется Фална.

— Овьетах сообщает: если талма ведет на планету Тиман, значит, она ведет на планету Тиман.

— Ради этого ты пренебрег пищей?

— В основном ради этого. Еще мы поболтали о родственниках, а также о том, почему Шиген не хочет обсуждать то, что хочу с ним обсудить я. Если Тиман не имеет отношения к этой чертовой талме, почему бы Шигги прямо так и не сказать? Но нет, он упрям, как мул.

Фална изображает серьезность и говорит:

— Трудно себе представить, откуда у овьетаха такая черта характера.

— Уж больно человеческая черта, — присовокупляет Тай. Дэвидж смотрит на Заммиса и его отпрыска и приподнимает брови.

— Убежденность и упрямство — разные вещи, дети мои. Первое опирается на знание или искреннюю веру, второе проистекает из глупости, выдающей себя за непогрешимость.

— Родитель мой, — обращается Тай к Заммису, — мне стыдно за твоего неумного родителя. Я всегда это твержу.

— Что верно, то верно. — Заммис печально качает головой и поворачивается к Дэвиджу: — Что же делать, дядюшка? С тех пор, как Шиген попал в ряды мудрецов, а потом вырос в овьетаха Талман-коваха, его стало невозможно убедить, что он глуп.

Фална реагирует на эти слова громким смехом. Дэвидж барабанит пальцами по подлокотнику кресла, потом говорит, слегка улыбаясь:

— Скоморохи! Ступайте зарабатывать на большую дорогу!

Наш хохот прерывается появлением Мизи Унтава. Привратник сообщает о прибытии детективов из «Ааква Луа», Мирили Санды и Киты Ямагата. На Санде прежняя короткая накидка, штаны и ботинки, на Ямагата белоснежный комбинезон с высоким воротом и мягкие белые сапоги почти до колен. Я кошусь на Дэвиджа, который, как я и ожидал, ерзает в кресле, разглаживает бороду и смотрит в пол.

Мне трудно представить, как люди взаимодействуют на гормональном уровне. Кита Ямагата, для которой Дэвидж — старик, подозреваемый в убийстве, расфуфырилась перед ним, как птаха, приманивающая самца. Сам Уиллис Дэвидж, преподающий талман многим поколениям драков и уже тридцать лет лишенный человеческой, тем более женской компании, надеется произвести благоприятное впечатление на женщину, которая вот-вот обвинит его в убийстве...

Но, конечно, я не большой знаток по части любви. Мои собственные любовные эпизоды были поспешными, почти случайными вспышками среди смертельного ужаса, после которых я неизменно оставался один. Меня ест поедом одиночество, и, наверное, я выгляжу клоуном, как Дэвидж сейчас. Поглядывая исподтишка на Эстоне Фалну, я завидую человеку, который может не скрывать своих чувств.

Фална тем временем смотрит во все глаза на Санду. Детектив-драк складывает руки на груди.

— ИМПЕКС и семья Майкла Хилла хотят продолжения расследования, хотя предпринимают и собственные усилия через

агентства, не связанные с «Ааква Луа». Дракский концерн «Яче» тоже заинтересован в установлении истины, но он в отличие от землян из ИМПЕКСа согласен сотрудничать с «Ааква Луа».

— Ты можешь ответить, чем вызван интерес «Яче»? — спрашивает Заммис. — И как реагирует «Тиман Низак»?

— Компания поставлена в известность, но ответа пока не дала. Что касается «Яче», то они не накладывают на нас никаких ограничений. Действия Хилла могли повлиять на результаты их деятельности. — Глядя на Дэвиджа, Санда продолжает: — Данные вскрытия и лабораторных анализов полностью совпадают с показаниями, данными нам сегодня утром Уиллисом Дэвиджем и Джеррибой Гаэзни. В отчете нашего патологоанатома говорится, что смерть Майкла Хилла наступила вследствие обширного повреждения внутренних органов после падения со скалы.

Санда кивает Ямагата, та тоже кивает и медленно обводит нас глазами, задерживаясь на каждом по очереди.

— Как и предполагалось, термобур сделан не ИМПЕКСом. Во взрывчатом веществе нет химических маркеров, а ИМПЕКС и «Яче», выполняя требования закона, обязательно подмешивают их в свою взрывчатку. Это означает, что взрывчатка — детище «Тиман Низак». Знаки на коробке, по мнению наших переводчиков, принадлежат к тиманскому языку.

— Непонятно, что понадобилось в моей пещере коммивояжеру ИМПЕКСа, вооруженному взрывчаткой тиманов, — говорит Дэвидж, хмурясь.

— Очевидно, он собирался прикончить тебя и Гаэзни, — отвечает Ямагата. — При горении термекса выделяется столько тепла, что не осталось бы никаких следов, сумей Хилл все правильно запрограммировать. То ли он не был знаком с моделью «Низак», то ли нервничал, то ли ему что-то помешало.

— Нет, тут что-то не так, — вмешивается Джерриба Заммис. — Майкл Хилл не был убийцей. Все, что вы говорите, подтверждает это. Наверное, ему угрожали, на него давили... Что известно о поставщике взрывчатки — фирме «Тиман Низак»?

— Все талмы ведут на Тиман, — бросает Дэвидж, по-прежнему не отрывая взгляд от пола.

Фална наклоняется вперед, переводя взгляд с Санды на Ямагата и обратно.

— Нам сказали, что вы намерены продолжить допрос.

Ямагата утвердительно кивает и смотрит на меня.

— Возможно, я ошибаюсь, Язи Ро, но сегодня утром во время беседы с тобой и с Дэвиджем у меня возникло отчетливое впечатление, что вы оба убеждены в тиманском происхождении бура.

Я смотрю на Дэвиджа. Тот пожимает плечами и кивает.

— Мы с Дэвиджем, — говорю я женщине, — осуществляем талму, созданную мудрецом-талманцем с Амадина, выполняя поручение джетаи диеа и овьетаха Джеррибы Шигена. Наивысшая цель этой талмы — установление мира на Амадине.

Ее темные глаза устремлены на Дэвиджа, однако обращается она по-прежнему ко мне.

— А «Тиман Низак»?

— В Талмане появилась новая книга, — отвечаю я. — Возможно, в ближайшем будущем она будет издана для всех обитаемых планет. В ней описано, как усилиями дипломата Хиссиеда-до' Тимана фирма «Тиман Низак» была использована для развязывания амадинской войны.

Она вскидывает брови.

— Войны Соединенных Штатов Земли и Драко?

— Да.

Мирили Санда изумленно разевает рот. Джерриба Заммис и Тай удивлены не меньше. Эстоне Фална внимательно рассматривает женщину-детектива. Дэвидж тоже решается наконец посмотреть на нее.

— С глубокой древности тиманы выживали и достигали превосходства за счет манипулирования более сильными расами и принуждения их к взаимному истреблению. «Кода Нусинда» называется «Глазами Джоанн Никол». Ее издание откладывалось так долго потому, что десять — двадцать лет назад она могла бы привести к войне драков и людей против тиманов и всего Сектора. Даже если бы такой войны удалось избежать, пострадала бы межпланетная экономика и оборонные соглашения.

— А теперь момент для публикации настал? — интересуется Заммис.

— Прошло достаточно времени, чтобы содержание вызывало только исторический интерес. Но тиманы и теперь будут недовольны широким распространением книги. Не исключе-

но, что они увидят в ней угрозу для себя. В книге очень отчетливо показано, как тиманы поступают с другими разумными существами и как далеко некоторые из них готовы при этом зайти.

Кита Ямагата щурится.

— Если талма, основанная на этой книге, не осуществится, — говорит она, — то джетаи диеа отвергнет ее?

Ее партнер-драк хмурится.

— Даже в случае опубликования, — подхватывает он, — она будет дискредитирована. Гораздо лучше не дать талме свершиться, убрав тех, от кого зависит ее успех. — Оглядев присутствующих, детектив заканчивает: — Расследование, как и ваша талма, указывает, судя по всему, на тиманов.

— Это потребует больших затрат, — напоминает Ямагата после длительной паузы.

Санда машет рукой.

— «Яче» открыла нам кредит. Получив новую информацию, они еще добавят средств. Можно мне получить экземпляр «Кода Нусинда»? — обращается он к Дэвиджу.

— Можно, — соглашается тот. — Овьетах спрашивал меня, стоит ли это делать, и я ответил, что стоит. «Тогда, наверное, это талма», — сказал овьетах.

— При чем тут талма? — спрашиваю я Дэвиджа. — «Яче» будет финансировать расследование участия во всей этой истории тиманов, которое ведет «Ааква Луа», но никак не наше.

Дэвидж рассеянно поглаживает бороду.

— Не знаю... У меня есть деньги, выделенные джетаи диеа. Ну и, наверное, кое-что за переиздания моих переводов...

Он бросает взгляд на Заммиса. Заммис и Тай ошеломлены.

— Не оставите нас на время одних? — просит Заммис детективов.

— Разумеется. — Санда кланяется и выходит вместе с Ямагата. Я хочу последовать их примеру, но Дэвидж останавливает меня, кладя руку на плечо.

— Дядюшка, — начинает Заммис, — ты можешь отправиться, куда захочешь, и организовать экспедицию любого масштаба, за исключением вооруженного вторжения где-либо в Секторе.

— Мне потребуется не одна сотня тысяч, — предупреждает Дэвидж.

Джерриба Заммис наклоняется с таким видом, будто собирается втолковывать элементарные истины отсталому ребенку.

— Дядюшка, у тебя такое неправильное отношение к деньгам! Всякий раз, когда кто-нибудь из нас заводит с тобой беседу на эту тему, ты отшучиваешься, проявляешь нетерпение и обрываешь нас. Я уже пытался тебе объяснить...

— Можно покороче? — повышает голос Дэвидж.

— Вот видишь! — Заммис качает головой и вздыхает так тяжело, словно все эти шестнадцать лет задерживал дыхание. — Если коротко, то на твоих счетах достаточно денег, чтобы приобрести небольшую планету.

Настает черед Дэвиджа удивляться.

— Я знаю, что мой перевод выдерживает уже шестнадцатое переиздание, но чтобы за него столько...

Тай кладет руку ему на локоть.

— Джерриба Гоциг, родитель твоего друга Джерри, переселяя свой род на Дружбу, положил начало системе, при которой тебе принадлежит четверть каждого нового дела любого из Джерриба. Мы ей следуем. Речь идет о космопорте в Новой Колонии, отелях, универмагах, больницах, жилых комплексах, лыжных курортах, платных дорогах, фермах, авиакомпаниях, космических линиях, кораблестроении, флайерах, капиталовложениях в такое количество секторов, что их так сразу и не перечислить. Деньги почти не тратятся, только накапливаются.

— Вот взгляни. — Заммис вооружается карманным компьютером. — Твои активы составляют сейчас почти двести миллионов кредитов. Пассив — неоплаченные чеки на девяносто пять кредитов за пользование лыжным фуникулером.

Заммис выразительно смотрит на человека. Дэвидж чешет в затылке, озирается, пожимает плечами.

— Что ж, Язи Ро, придется нам отправиться на Тиман. — Он смотрит на Джеррибу Заммиса и произносит виноватым тоном: — За фуникулер я расплачусь сам. — Он облизывает губы, размышляет. Его взгляд светлеет. — Да, помню, перед смертью Гоциг говорил, что позаботился обо мне. Удивительно, как далеко в будущее он умел заглядывать! — Через секунду он снова хмурится. — Наверное, я участвую и в прибылях «Тиман-Низак»?

Заммис кивает и опять обращается к карманному компьютеру.

— Сорок девять процентов их капитала доступны иным инвесторам, помимо граждан Тимана. Полпроцента этой суммы — твои, а это почти сорок миллионов. — Заммис выразительно смотрит поверх компьютера на Дэвиджа. — Если сложить твои права и права хозяев имения Джерриба, то мы — крупнейшие инопланетные инвесторы в «Низак».

— Откуда такое пристальное внимание именно к этой компании? — интересуюсь я.

Во взгляде Заммиса я читаю удивление.

— Кто же откажется от постоянных годовых дивидендов в двадцать два процента?

Дэвидж еще некоторое время разглядывает пол, потом поворачивается к отпрыску Заммиса.

— Тай, мне нужен кто-то, разбирающийся в деньгах. У Заммиса слишком серьезные деловые интересы, да и возраст у него солидный. Ты не отправишься с нами на Тиман?

Сначала Тай молчит, потом утвердительно кивает.

— Я согласен, дядя. Спасибо за приглашение в твою талму.

— Я тоже полечу, — говорит Фална и встает рядом со мной. Дэвидж хмуро глядит на него.

— Ты тоже хочешь лететь?

— Хочу, дядя.

— Зачем?

Молодой драк вскидывает брови, потом смущенно опускает глаза.

— Дядя, я потратил много времени, сил и денег на приобретение навыков врачевания людей — и прежде всего, чтобы позаботиться о твоем здоровье.

— Я здоров.

— Вот и хорошо. Я бы позаботился, чтобы ты и впредь оставался в добром здравии.

— Дядя, — вмешивается Тай, — медицина — это хорошо, но учитывай и то, что Фална уже бывал на Тимане, где учился в Ри-Моу-Тавии.

Заммис согласно кивает.

— Фална сможет тебе помочь. Он возьмет на себя контакты с мудрецами джетаи диеа. Иначе они замучают тебя своей бюрократией.

— Пожалуйста, возьми меня! — молит Фална. — Дай возможность искупить мое несносное поведение в детстве!

Дэвидж со смехом машет руками и улыбается Фалне.

— Я с радостью! Можешь собирать вещи. А в детстве ты не был таким уж несносным. Я тобой гордился и горжусь.

Фална стискивает мне плечо.

— Спасибо, дядя.

Дэвидж кивает на дверь.

— Зови детективов! — приказывает он мне. — Судя по всему, у меня хватит средств для экспедиции на Тиман, — сообщает он Ямагата и Санде. — Мы с вами тянем за одну и ту же веревочку, только с разных концов. Будем действовать заодно?

— Надо будет предупредить «Ааква Луа» и «Яче», — отвечает Санда. — Лично я не предвижу никаких препятствий. Отличная идея!

Дэвидж встает.

— Мне надо привести себя в порядок и перекусить, — обращается он к Джеррибе Таю. — Потом мы опять соберемся и начнем готовиться к полету на Тиман. — Он задерживается перед Китой Ямагата, очень стараясь произвести на нее благоприятное впечатление. — Ты лыжница?

Женщина с улыбкой кивает.

— Я часто вижу тебя в Затерянной Долине.

Они увлеченно беседуют, радостно смеясь. Я ухожу, испытывая странную ревность. Я не из тех, кто спаривается с людьми, невзирая на их пол, и не имею тайного желания попробовать. Даже если бы у меня были такие наклонности, то я не положил бы глаз на заросшего и сердитого шестидесятитрехлетнего мужчину, живущего в пещере на ледяной планете. Не привлекла бы меня и маленькая женщина, скачущая с камня на камень так, словно ей жизнь не дорога. И тем не менее меня душит ревность.

У себя в комнате я дохожу до истины: я завидую Дэвиджу и Ямагата. Ведь они способны испытывать желание и даже, возможно, любить, принимать любовь, рисковать, доверяться, действовать, окрыленные любовью! Им ведомы чувства, которых я лишен. Они живут полной жизнью, а я жив лишь отчасти.

Те немногие, которых я желал, и те единицы, которых любил, мертвы. Год за годом я обращал свое желание, свою любовь на то, чтобы выживать, убивать, ожесточаться сердцем против остальных живущих. Никогда прежде я не считал это трусостью — а теперь считаю. Язи Ро ничто не угрожает. Все,

на что я теперь годен, — это взирать на кого-то — например, на Эстоне Фалну — и испытывать боль. Я щупаю свое плечо, на котором лежала его рука, и пытаюсь возродить чувство, вызванное его прикосновением.

Увы, мои доспехи — всего лишь скорлупа. Никогда еще она не казалась мне такой тонкой, никогда между скорлупками не зияла такая пустота.

— Прошу меня извинить, Язи Ро. Твои двери открыты.

В дверях моей гостиной стоит Эстоне Фална собственной персоной. Мое сердце так колотится, словно готовится разорваться.

— В чем дело, Фална?

— Не мог бы ты заглянуть к Гаэзни? Кажется, ребенок напуган. Я пытался помочь, но дядя — он сейчас с Гаэзни — сказал, что от тебя будет больше проку.

— От меня? — От разочарования мое сердце вообще не хочет больше биться.

— Кажется, дядя считает тебя специалистом по страхам, Язи Ро.

Я послушно киваю и выхожу следом за Фалной из комнаты. Что я услышал — оскорбление или комплимент? Так или иначе я ощущаю угрозу. Дэвидж сможет увидеть меня без эмоциональных доспехов...

Но эти мысли постепенно оставляют меня под влиянием изящной походки Фалны. Я осмеливаюсь представлять себя в его объятиях, хотя подавляющая часть моего рассудка поднимает на смех размечтавшуюся, неглавную: такой блестящий драк ни за что не опустится до блуда с амадинским воякой!

В северном крыле гостевого этажа Фална останавливается перед открытыми дверями и пропускает меня вперед. В спальню он не входит.

Гаэзни лежит в постели. Рядом с ним сидит в кресле человек в брюках и темно-зеленой куртке. Лицо его чисто выбрито, голова аккуратно подстрижена. Но я все равно узнаю Дэвиджа: он так и не сменил своих старых сапог из змеиной кожи. При моем появлении он молча встает, кивает мне в знак благодарности и выходит. Я подхожу к кровати. Отпрыск Тай хмурится, глядя в сторону. Я оглядываюсь на дверь. Фална подбадривает меня улыбкой, кивает и оставляет наедине с ребенком. Я пристально смотрю на Гаэзни.

— Фална передал, что ты захотел со мной говорить.

Ребенок лежит со стиснутыми челюстями, с вытянутыми по бокам руками.

— Ты когда-нибудь пугался, Язи Ро?

Пугался ли я?..

Я опускаюсь в кресло, нагретое человеком, и ощущаю себя бесформенным мешком с песком. Чувства, которым на протяжении многих лет не было выхода, с шумом выходят наружу, и я не знаю, смеюсь я или плачу.

— Язи Ро... — Я оборачиваюсь и вижу широко распахнутые детские глаза. — Ро!

Я делаю глубокий вдох, моргаю, упираюсь локтями в колени.

— Пугался ли я? — Слезы окончательно побеждают смех и обильно текут по щекам. Я поспешно утираю их обеими руками и киваю.

— Да, Джерриба Гаэзни, мне доводилось пугаться. И не один раз.

Ребенок Тай отводит взгляд. Его лицо уже не так напряжено.

— Как ты поступаешь со своим страхом?

Как я поступаю со страхом?

— Часто — никак. Страх творит со мной то, что сам хочет. Мне снятся кошмары. Иногда во время бодрствования страх мне помогает: благодаря ему я становлюсь бдительным. Но во сне я беззащитен перед кошмарами.

— Кошмары когда-нибудь кончаются?

— Не знаю.

Гаэзни вынимает из-под одеяла руку и сжимает мою.

— Расскажи мне о том, что тебя пугает, Ро. До сих пор пугает.

Мне вспоминаются сотни боев, Бутаан-Жи и человек, умолявший меня прекратить его страдания; Дугласвилл и человек с флейтой; Перекресток Стоукс; Гитох; Риехм Во и многое, многое другое. Ужас, боль, бесконечный страх. Но что толку взваливать на ребенка груз своих кошмаров? Есть и другие страхи — например, вот этот...

— Взять хоть скалу перед пещерой. Такая высокая, что мне даже смотреть на нее страшно. Пока я спускался вниз, у меня душа уходила в пятки.

Гаэзни смотрит на меня широко раскрытыми от недоверия глазами.

— Ты боишься высоты? Я высоты не боюсь.

Я пожимаю плечами и улыбаюсь ребенку.

— А меня не пугает дым.

Мои слова вызывают у него смех. Я смеюсь вместе с ним. Ночь я провожу рядом с Гаэзни, делясь с ним своим теплом и страшными снами, но отводя ярость ночного урагана.

20

Еще не рассвело, а мы уже завтракаем. За столом Эстоне Нев, Гаэзни, Заммис, Тай, Фална и Дэвидж. После завтрака Заммис и его водитель доставляют меня в Первую Колонию, на склад скафандров, что возле космопорта. Оттуда мы отправляемся в космопорт, где знакомимся с викаанкой Ротек И Хай, представителем транспортной компании, в которую обратился Заммис. Нам предстоит осмотреть корабль, на котором придется лететь. Вместе с нами в переговорах участвует детектив Мирили Санда.

Ротек И Хай — первая викаанка, какую мне приходится повидать. Она высокая, худая, хрупкая на вид, с гладким лицом и большими зелеными глазами. Как и все обитатели планеты Дружба, она одета так, словно живет в разгар ледникового периода. Тем не менее, знакомясь с нами, она выражает надежду на скорый приход весны.

Она сообщает, что в порту есть один-единственный корабль с полной командой, готовый в любое время стартовать на Тиман и оставаться там столько, сколько потребуется. Процесс выбора чрезвычайно упрощается — но это только мое мнение: Санда и Заммис встревожены совпадением, когда в космопорту сразу обнаруживается корабль, снаряженный для полета именно на Тиман. Заммис, Ротек и я отправляемся осматривать корабль, а Санда остается в конторе, чтобы выяснить, что это за корабль, что за команда, что за капитан.

Корабль называется «Эол». Это переоборудованный военный транспорт Соединенных Штатов Земли 15-летнего возраста, служащий теперь для перевозки пассажиров и небольших партий мирных грузов. На борту может разместиться до десяти пассажиров, команда состоит из четырех астронавтов: пилота, второго пилота, бортинженера и сопровождающего грузы, по совместительству — корабельного стюарда. Старый

корабль выглядит новеньким и ухоженным, его черный корпус надраен и ослепительно блестит.

Пилот по имени Эли Мосс — человек лет сорока, хотя возраст людей определить нелегко. Он темнокож, носит шапку коротких черных волос, лицо серьезное, карие глаза смотрят почти не мигая. Ростом он не выше Дэвиджа, выглядит очень мускулистым. Он проводит нас по своему кораблю, не скрывая неприязни: пусть мы и смышленые, но все равно инопланетяне.

Прогулка по кораблю поспешна, но вполне обстоятельна: нам показывают капитанский мостик, кубрик, грузовой трюм, камеру для подвесных люлек и пассажирские каюты — отдельные комнаты, как того требует людская традиция. Мы не видим только машинного отделения и каюты самого капитана — он говорит, что туда нам незачем соваться.

Подвесные люльки — это удлиненные серебряные капельки, собранные в два круга и обращенные остриями к центру камеры, где громоздится аппаратура для поддержания жизни и вьются кабели. Места хватило бы для еще шести кругов таких капелек-стручков, но вместо них пространство отведено под спортивные тренажеры; здесь же можно разместить и дополнительный груз. Путешествие на Тиман займет шесть месяцев, и, как говорит сам капитан, в промежутке между стартом и посадкой жизнь на «Эоле» больше смахивает на отбывание тюремного заключения. Порадовав нас этим обещанием, капитан позволяет себе первую — и последнюю за все время — улыбку.

— Не слушайте капитана Мосса, — успокаивает нас Ротек И Хай на обратном пути. — Он сгущает краски. Да, большую часть пути вы проведете в подвешенном состоянии. Пару раз вас из него выведут, чтобы проверить состояние здоровья. Но у вас есть выбор: либо лететь, что называется, в отключке, пробыв в сознании не больше пяти-шести дней, либо использовать срок полета для развлечения или самообразования.

Заммис шутливо отвечает на это, что однажды по пути на Землю застрял на 28 дней посередине книги под названием «Моби Дик» и вышел из этого плачевного состояния, только когда настал момент проверить, жив он или мертв.

— «Черт бы вас побрал!» — кричит по памяти Джерриба Заммис. — «Почему не работает насос? — проревел Рэдни,

сделав вид, что не расслышал речей моряков. — За дело!» Стилкирт радостно повиновался приказу...»

Он мог бы продолжать еще долго. Но, посерьезнев, подсказывает, что я мог бы запрограммировать себе на время перелета весь Талман.

Представитель чартерной компании просит у нас извинения и говорит, что через шесть дней к нашим услугам будет другой корабль, а еще через месяц — третий. Но перелет из крупного космопорта на другую планету на специально зафрахтованном корабле приведет к росту цены примерно втрое и займет дней сорок...

В офисе чартерной компании к нам присоединяется Санда, а Ротек И Хай просит прощения и удаляется. Детектив включает карманный компьютер, желая освежить память.

— Итак, корабль зарегистрирован на Ране и принадлежит наряду с еще двумя кораблями компании «Мосс Транспортейшен» — собственности самого Эли Мосса, капитана «Эола». Капитан никогда не привлекался к ответственности за нарушение закона, однако у него стойкая репутация контрабандиста.

— Мосс воевал? — спрашиваю я.

Санда кивает, выводя на дисплей соответствующие данные.

— Воевал, но недолго. Служил пилотом штурмовика в вооруженных силах Соединенных Штатов Земли, но в боевых действиях участвовал только во время восстания в Булдахке одиннадцать лет назад. Вскоре после этого был уволен за неповиновение приказам и применение силы к старшим по званию. После увольнения служил наемником в разных странах Сектора, но по большей части выполнял задания Палаты драков. Пять лет назад Мосс основал на свои сбережения компанию по грузовым перевозкам.

— А у тиманов он когда-нибудь служил? — интересуется Заммис.

— Нет. Единственная связь с тиманами, судя по данным, — это его регулярные рейсы к ним. Он перевозит по этому маршруту немногочисленных пассажиров, людей и драков, которым требуется побывать там по делам, а также инструменты и оборудование, отсутствующие на самом Тимане.

— Он снабжает «Тиман Низак»? — спрашиваю я.

— Да, и эту компанию среди прочих.

Я показываю на компьютер Санды.

— Что известно об экипаже?

— Второй пилот — женщина по имени Йора Бенерес. Уволилась из армии одновременно с увольнением Мосса и с тех пор летает с ним. Бортинженер — мужчина, Гази Мрабет. Работает с Моссом уже три года и зарекомендовал себя настоящим кудесником по части механики. — Санда корчит недовольную гримасу. — До поступления на службу к Моссу Мрабет прославился другим — скандальными сексуальными связями с известными драками, в частности с Ксианом Ти.

— Он знаком со скульптором Ксианом Ти? — восклицает Джерриба Заммис, не очень понимая, чем недоволен детектив.

— Да, и весьма близко... — Детектив продолжает нажимать на клавиши. — Остается последний член команды — ответственный за груз и стюард Эрнст Брандт, бывший воин тзиен денведах, дослужившийся там до седьмого офицера, а затем нанявшийся в наемническое подразделение, в котором воевал Мосс.

— Человек в тзиен денведах? — удивленно переспрашиваю я.

Санда взирает на меня, как на неразумное дитя.

— Что тут такого? Люди служат в Денве уже двадцать лет, как и драки в вооруженных силах Земли.

— На чем этот Эрнст Брандт специализировался во время службы в Денве? — задает вопрос Заммис.

Санда тычет пальцем в свой монитор.

— Он служил в военной разведке и носил кличку Жнец.

— Как это понять?

— Сельскохозяйственный термин с неясным для меня смыслом, — признается детектив.

— Кажется, я понял! — воодушевляется Заммис. — Некоторые из людей называют «Мрачным жнецом» смерть.

Мне его воодушевление не передается.

Джерриба Заммис подходит к окну и смотрит на примыкающий к космопорту торговый центр. Там медленно бродят люди и драки, рассматривающие витрины; движущиеся тротуары заполнены покупателями и праздношатающимися.

— Скажи-ка, Мирили Санда, если бы мы могли выбирать из двух кораблей, то какова вероятность, что второй корабль походил бы на «Эол» и их команды оказались бы похожи?

— Честно говоря, Джерриба Заммис, я видывал много кораблей похуже «Эола» и совсем немного — лучше.

— А как быть с контактами капитана-владельца с «Тиман Низак»?

— Корабль, оборудованный для посадки на Тимане, отличается определенной спецификой, иначе ему там нечего делать. «Низак» — крупнейшая тамошняя корпорация, занимающаяся межпланетной торговлей. Любой дракский или человечий корабль, участвующий в торговле с Тиманом, вряд ли минует «Низак» или ее партнеров.

Заммис отворачивается от окна.

— Значит, это простое совпадение?

Санда разводит руками.

— Очень может быть.

Заммис говорит, снова глядя в окно:

— Санда, передай свои сведения в имение. Дядя уже мог вернуться. Пусть Тай все ему покажет. Решение принимать дяде, а не мне.

— Откуда он должен вернуться? — удивляюсь я.

Заммис бросает на меня непонятный взгляд.

— С лыжной прогулки. С утра он поехал кататься на лыжах.

Мне ясно, что спрашивать с кем и зачем не приходится.

— Кстати, что означает название корабля — «Эол»? — спрашивает Заммис у Санды.

— Это название кораблю дал сам Мосс, — рапортует всезнайка Санда. — Оно не английское, я выяснял. Оказывается, согласно верованиям древнего земного племени греков, Эолом звался бог ветров.

— А, греки! Зевс, Афины, Аристотель и все такое прочее?

— Именно.

Я смотрю на Джеррибу Заммиса и подсказываю:

— Люди часто присваивают названия своим машинам и прочему имуществу. Я слышал, как они обращаются с нежными словечками к своему оружию, каскам, амулетам, вездеходам, летательным аппаратам, походным кухням, искусственным спутникам. Обычно с помощью такого обращения предмет одушевляется, превращается в друга, товарища. Но специальных правил и традиций, связанных с этим, не существует.

Заммис задумчиво почесывает подбородок.

— Вообще-то я заметил нечто подобное и на Земле. Например, первый адъютант Бейна Уитли неизменно обращался к своему компьютеру «сука». Хотя не припомню, чтобы похо-

жая привычка была и у дядюшки. Как называются другие корабли, принадлежащие Моссу? — Вопрос обращен к Санде.

— Один назван в честь Макса Стирна, служившего вместе с Моссом пилотом. Его корабль и команда погибли в восстании на Булдахке вскоре после увольнения Мосса из ВВС Земли. Третий называется «Эдмунд Фитцджеральд» в честь речного судна компании «Коламбия Лайн», затонувшего вместе со всем экипажем на Земле в 1975 году прошлой эры.

— Джетах, — говорю я Джеррибе Заммису, — в бизнесе я не смыслю, но навязчивое присвоение кораблям названий в честь погибших пилотов и затонувших судов выдает излишнюю угрюмость характера.

— Зато еще раз напоминает о необходимости страховки в таком дальнем путешествии, — отзывается Заммис. — В общем, я бы предпочел еще подождать и полететь на другом корабле, пока что не прибывшем на планету. Но окончательное решение — за дядей.

21

В имении мы застаем хаос, почти не поддающийся контролю, несмотря на все усилия Тая. Ундев Орин, Мизи Унтав и остальные слуги мечутся с этажа на этаж, из крыла в крыло, таская вещи. Добравшись до своей комнаты, я убеждаюсь, что мои пожитки уже собраны.

Я возвращаюсь в вестибюль и иду следом за Джеррибой Таем в его кабинет, где застаю Заммиса: тот оседлал дальнюю связь и диктует инструкции одновременно в несколько адресов. Тай приступает к аналогичному занятию. Дождавшись паузы, я интересуюсь, что происходит?

Сначала Тай глядит на меня так, словно не может сообразить, кто я такой и какое имею отношение ко всей этой суматохе. Потом приподнимает брови, что означает узнавание, и отвечает:

— Завтра «Эол» отбывает на Тиман. Перед погрузкой надо успеть закончить миллион дел. — И он принимается вводить в аппарат очередной номер.

— Почему такая спешка? — Я злюсь на них и на себя, потому что меня охватывает паника. — Меня никто не спрашивал, когда я бы хотел вылететь!

— Совершенно верно, — коротко отзывается Тай.

— А если я откажусь?

Тай бросает на меня спокойный взгляд.

— Откажешься — не полетишь. — Он хмурится и заключает вполголоса, чтобы не расслышал Заммис: — Язи Ро, у меня нет привычки соваться с непрошеными советами, но в твоем случае я сделаю исключение. Тебе просто необходимо изучить Талман.

После этого выговора Джерриба Тай переключает внимание на своего абонента.

Мне почему-то не терпится перекинуться словечком с человеком. Ундев Орин подсказывает на бегу, что Дэвидж у себя в пещере. Прогулка до пещеры в сгущающейся вечерней мгле меня не прельщает. Правда, раньше планета Дружба представлялась мне слишком холодной и враждебной, а теперь, когда предстоит перелет на Тиман, ее тающий лед, синие полоски в сером небе и ревущее море кажутся чем-то привычным и совершенно необходимым.

Еще раньше, обсуждая с Дэвиджем возможность следования талме Зенака Аби и полет на Тиман, я принял решение не отказываться от путешествия. Если существует шанс установить мир, то я не могу не полететь, иначе буду до конца жизни враждовать с самим собой. Вздорная реплика, адресованная Джеррибе Таю, была вызвана недовольством щепки, подхваченной потоком и неспособной повлиять на события. Но мне все равно страшно — что правда, то правда.

У входа в пещеру я слышу приятный голос, поющий на плохо знакомом мне языке. Скорее всего это японский — человечий язык, на котором изъяснялась большая часть пленных, захваченных нами после битвы в Бутаане-Жи. Язык поющего человека и его дочери.

Но мелодия, доносящаяся из пещеры, не печальна. Скорее она напоминает мне песни, которые пел Пина перед мгновениями нашей любви. Я побаиваюсь оторвать Киту Ямагата и Дэвиджа от интимного занятия, но страх пропадает, когда раздается рев Дэвиджа: «Черт!» За этим традиционным свидетельством человечьего гнева следует звон бьющейся посуды. Песня Ямагата прервана.

Войдя в пещеру, я вижу женщину, сидящую верхом на полене. На ней темно-лиловый комбинезон, закрывающий ее

целиком, за исключением головы. На шее у нее золотая цепочка, на цепочке висит амулет, похожий на дракский талман. При моем появлении женщина кивает и улыбается.

В пещере черно от пламени и густого пара, в воздухе сильный химический запах. На камнях у костра установлена аккумуляторная лампа, заливающая все резким синим светом. Прежде чем мы с Ямагата успеваем обменяться приветствиями, из потемок доносится голос Дэвиджа:

— Предположим, Эша смог избавиться от всех мирских благ, но здесь не тропический рай, здесь это немыслимо! — Он появляется из провала справа от меня, демонстрируя пару почерневших и полурасплавленных башмаков. — Полюбуйтесь! Все труды Гаэзни насмарку!

— Какой же урок Гаэзни может из этого извлечь? — спрашивает Ямагата серьезным тоном, но со смеющимися глазами.

Дэвидж испепеляет ее взглядом, но тут же смягчается и садится рядом с детективом, продолжая разглядывать ботинки.

— Благонамеренность — иллюзия. Никакие усилия и намерения не способны повлиять на природу и форму настоящего и будущего. — Он невесело улыбается. — А если искренние усилия бессмысленны, то что толку убиваться и причитать?

— Люди на Амадине выражают эту мысль иначе, — подхватываю я.

— Как же? — интересуется Дэвидж.

— Хреново дело!

Оба смеются. Дэвидж поднимается и отшвыривает ботинки.

— Что ж, после предложенной Язи Ро сокращенной версии «Кода Овсинда» единственное, что остается, — найти другую пещеру. — Он указывает на закопченную стену. — Пройдут десятилетия, прежде чем здесь снова можно будет спокойно воспитывать молодежь.

Подойдя к Уиллису Дэвиджу вплотную, я задаю вопрос, волновавший меня с первой нашей встречи:

— Зачем воспитывать молодежь в пещере? Почему ты так делаешь?

Дэвидж хмурится, надевая свое пальто с капюшоном.

— Потому что усматриваю в этом смысл. Это первый смысл, который я нашел в жизни. Нет ничего важнее. — Он усмехается. — Что касается пещеры, Ро, то из всех, кого я встречал, тебе первому следовало бы понять это без объяснений. — С этими словами он устремляется к выходу.

— Я не принадлежу к твоим ученикам! — кричу я ему вслед.

Кита Ямагата встает и берет меня за руку.

— Раз так, ты должен задаваться вопросом, зачем ты здесь.

— Талма! Путь к миру на Амадине. Зачем же еще?

Она задумчиво кивает.

— Разве ты и Уилл познакомились бы, если бы он не мог ничему научиться от тебя, а ты — от него? Все мы — ученики, Язи Ро, и все — учителя. — Она держит паузу, словно взвешивает слова, которые еще собирается произнести.

— Договаривай!

Она размышляет, щурится.

— Учи Талман, Ро. Возможно, на кону стоит не только мир на Амадине. — Она хлопает меня по руке. — Речь идет и о мире в твоей душе.

Мне хочется стряхнуть ее пальцы, но я не делаю этого, потому что боюсь правды ее слов. Такое тягостно выслушивать даже от дракa, тем более от человека. Я смотрю на золотой амулет у нее на шее и вижу, что это талман со странной эмблемой в виде дракона. Я видел такую в сражении при Бутаане-Жи: то была татуировка на спине одного из погибших защитников цитадели. Я наблюдал, как солдат Маведах вырезает лоскут кожи убитого, чтобы превратить татуировку в трофей, и ровным счетом ничего не чувствовал...

Кита Ямагата еще раз улыбается мне и тоже надевает пальто.

— Ямагата... — обращаюсь я к ней.

— Кита, — поправляет она. — У людей имя ставится на первое место. — Ее улыбка становится еще шире. — Но не у всех землян это так: например, у моего народа сначала принято называть фамилию. Поэтому на самом деле я Ямагата Кита.

— Пусть будет Кита. Ты что, знаешь Талман?

— Мать с отцом отдали меня на воспитание в земной Талман-ковах. — Она продолжает застегивать пальто.

Древние мифы и уроки загадочного прошлого не производят на Амадине никакого впечатления. Единственный на Амадине, кто заучил Талман, о котором мне известно, — Зенак Аби, а это изменник, беглец, разбойник. И между прочим, единственное встреченное мной на Амадине счастливое существо... Как ни странно, Аби тоже живет — если он все еще жив — в пещере.

— Как ты считаешь, Кита, в чем заключается намек Дэвиджа насчет смысла пещеры?

— Ответ не так важен, как то, что ты познаешь в поисках ответа. — Она обводит рукой пещеру. — Ответы здесь. — Она дотрагивается кончиками пальцев до моей головы. — И здесь.

После ее ухода я вглядываюсь в закопченные стены, остатки сидений, лежанки, дрова, залитые расплавленной взрывчаткой. Вижу грубо сработанную глиняную посуду, обожженную докрасна, вырезанные из древесины столовые приборы и кухонную утварь. Ветки с одеялами, из которых состояла кровать Дэвиджа, превращены в золу, зато спальное место Гаэзни почти не пострадало, только покрывало засыпано пеплом.

Я снимаю пальто, вешаю его на покрытый сажей гвоздь и снова поворачиваюсь к кровати, чтобы откинуть покрывало и взглянуть на неиспорченную изнанку. Покрывало сшито из длинных разноцветных полос мягких змеиных шкур. Внутри оно, как мне удается увидеть в небольшую дырочку, набито семенами, обвитыми мягкими белыми волокнами. Эти семена — наглядное свидетельство, что на Дружбе бывает теплое время года, когда оживает природа. Семена поспешно собирают и сберегают зимой.

Так много холода и льда, злые, пугающие ветры... Как же здесь должно трепетать сердце весной! Тают снега, появляются первые признаки жизни, из темноты выходит первый зверек, прятавшийся от морозов. На сбор семян пришлось, наверное, потратить много часов. А как трудно было ловить змей, снимать с них шкуры, вываривать и размягчать кожу, сшивать...

Я приглядываюсь к покрывалу. Нить тоже самодельная, из неведомого растительного волокна. Не сомневаюсь, что и иглы применялись кустарные.

Каково это — в разгар зимы, когда совсем рядом свирепствует мороз, спать на такой постели, под таким одеялом? Все, что носится, съедается, на чем спят, с помощью чего охотятся, — все здесь сделано собственноручно, с помощью смекалки. Ребенок не способен на это, если не знает, что это крайне важно, что его труд ценен, что само его выживание — дело его собственных рук.

Дэвидж воспитал в пещерах сорок одного дракского ребенка. В первобытной пещерной обстановке эти дети постигали премудрость опоры на свои силы, важность коллективного труда, доверия, учились разбираться в характере ближнего, от-

влекаясь от его облика, учились работать, приспосабливаться, импровизировать, переносить трудности. Сживаясь с ледяным ужасом планеты, они превращали ее в обитаемое жилище. Для воспитанников Дэвиджа имение Джерриба со всей его роскошью и излишествами — всего лишь промежуточный пункт; им одинаково комфортно и в замке, и в пещере. Им не зазорно браться за любую работу, они бесстрашно принимают любой вызов судьбы.

А главное, эти дети благодарны жизни за все ее дары, почитаемые другими за должное. Теперь я начинаю понимать, почему все ученики Дэвиджа становятся полноценными личностями, способными преуспеть на любом поприще, пусть даже в роли монахов-созерцателей, живущих на Земле в уединении и в лишениях...

А что же Язи Ро, умудряющийся найти темные пятна даже на пылающей звезде? Если я чего-то лишен, значит, приходится без этого обходиться, усугубляя окружающую меня мглу. Борясь за выживание на Амадине, я не испытывал ни благодарности, ни энтузиазма по поводу способов, применявшихся в этих целях. Я просто проклинал обстоятельства, из-за которых приходилось выживать, а не жить.

Я приглядываюсь к башмакам — изделию Гаэзни. Верх у них из все той же змеиной кожи, двухслойный, с утеплением из уже знакомых мне семян. Подошвы тоже сделаны из склеенных кусочков змеиных шкур; в качестве клея использовано вещество, добытое то ли на суше, то ли в море. От сажи у меня начинает щипать пальцы, в горле першит.

Оставив башмаки на лежанке Гаэзни, я бреду к выходу из пещеры, чтобы вслушаться в шум моря. Ночь более или менее спокойная, если не обращать внимания на вечно завывающий здесь ветер. В дверях я останавливаюсь, обхватив себя руками для тепла, и с улыбкой вспоминаю первые слова, с которыми ко мне обратился Дэвидж.

Дверь в пещеру закрыта, взгляд мой обращен в сторону моря, лицо обвевается ветром. Мысли уносят меня вдаль: я воображаю себя неотъемлемой частицей всеобщей гармонии, поколебленной досадной случайностью — войной. Я уже готов вернуться в пещеру за своим пальто, как вдруг замечаю над морем пятнышко света. Сначала я принимаю его за звезду, но пятно увеличивается на глазах. Придя в себя, я спаса-

юсь бегством. Что-то неведомое и грозное проносится у меня за спиной, после чего раздается оглушительный взрыв. Взрывная волна швыряет меня на камни.

Ничего не соображая, загораживая руками лицо, я вижу, как из пещеры вырывается огненный вихрь. Сначала он красно-оранжевый, потом становится сине-белым. Меня оглушает чудовищный грохот. Вокруг падают куски льда, обломки камней, комья мерзлой грязи. На скале происходит новый взрыв. Пламя, бьющее из пещеры, ослабевает, но раскаленная порода продолжает светиться...

Услышав позади новый непонятный звук, я в страхе оглядываюсь и вижу Дэвиджа и Киту: они спускаются ко мне по тропе. Дэвидж встает рядом со мной на одно колено и заглядывает мне в лицо. Разглядеть меня ему помогает зарево. У него самого исцарапана в кровь левая щека. Кита тоже замирает. Она, судя по всему, не пострадала, просто напугана. Поняв, что за мое состояние не стоит опасаться, Дэвидж тяжело опускается на камень.

— Кажется, кто-то додумался наконец, как использовать попавший в пещеру термекс.

Я гляжу на море, все еще не веря, что уцелел. Сколько еще времени мне суждено выживать вопреки обстоятельствам?

22

Вместо того чтобы напугать нас и вынудить опустить руки, ракетный залп ускоряет события. Санда поручает заниматься Тиманом Ките, а сам берется за поиск летательного аппарата, выпустившего по нам ракету. Остальные участники экспедиции той же ночью, опережая график, заторопились в космопорт Первой Колонии.

Мы еще только устраиваемся в подвесных люльках, а уже начинается чтение первого предания Талмана. Мои спутники, в таких же, как я, обтягивающих дымчато-голубых комбинезонах, прилежно занимают свои места. Я ненадолго задерживаю взгляд на Эстоне Фалне, потом проявляю интерес к показаниям приборов. Капитан Эли Мосс взирает на все недоверчиво и презрительно, что, на мой вкус, делает не очень-то достойным доверия его самого. Впрочем, Тай, действуя на правах агента Дэвиджа, уже выплатил Моссу аванс — половину обговоренной суммы,

так что капитан вынужден выполнять свои обязанности. Не пойму, почему эта ситуация устраивает моих спутников: разве можно ожидать истинной преданности от наемника?

Выслушав мои сомнения, Дэвидж советует не тревожиться, а проверить, запрограммирована ли моя люлька на трансляцию Талмана. Корабельный стюард по кличке Жнец, вводя программу, отпускает шуточки насчет святош, спасения и иллюзорности всего сущего.

Люльки с пассажирами погружаются в охлаждающие ванны. Мне в ногу впивается игла, через которую в организм поступает жидкость, защищающая от холода, но мне все равно зябко. Бросив прощальный взгляд на Фалну, я закрываю глаза.

Программа уже запущена, но я отвлекаюсь на устройство люльки и охлаждение, поэтому не сразу ухватываю нить повествования. Приходится мысленно приказать программе начать все с начала.

«Мир был Синдие. И мир, как сказано, был создан Ааквой, Богом Дневного Света...»

Расслабленный, сосредоточенный, я жадно внимаю интеллектуальной, философской, политической, духовной саге своей расы.

Рада и Законы Ааквы.

Даулта, преподанный Ааквой урок жизни без законов, раздел Синдие.

Ухе, его новый Закон Войны и объединение народа синдие.

Шизумаат и открытие Вселенной и талмы.

Три книги Мистаана, изобретшего письменность и записывавшего жизнь и речения Шизумаата и Вехьи, а также свои собственные.

Иоа и основание первого Талман-коваха.

Кулубансу, разрушивший Талман-ковах, и Лурванна, прятавший Талман в памяти своих учеников.

Айдан, воин Вековой войны, превративший войну в науку и добившийся мира.

Тохалла и возрождение Талман-коваха.

Кохнерет, сделавший ради любви то же, что сделал для мира Айдан.

Малтак Ди, объединивший науки по разрешению проблем в талму — науку выведения правил, выступающих за пределы правил. Фалдаам, Зинеру и его истины, «Кода Сиавида» и Ро,

овьетах, применивший талму к преступности и законности. Теперь я понимаю, что имел в виду Дэвидж, когда дал Замми-су камень и спросил, не акула ли это.

«Инструментом действующего становится сам действующий. Убивший не более ответственен за убийство, нежели тот, кто отдал ему приказ, тот, кто снабдил убийцу орудием убийства и оплатил его. Если я брошу камень и он тебя убьет, то отвечать мне, хотя убил не сам я, а камень.

Перед законом камень и я равны. Перед законом равны убийца и его хозяин...»

Авату, покинувший Синдие с Кораблями Поколений, Пома и основание Драко, Эам и заселение новых планет, Намваак и Тысячелетняя война, Дитаар, конец войны и образование Палаты драков... Программа повторяется вновь и вновь, и всякий раз я узнаю больше, чем в предыдущий. Но всякий раз, лишь только дело доходит до предания о Дитааре, я думаю о недостающей книге, «Кода Нусинда» — «Глазами Джоанн Никол».

Лицо горит, все тело окутано теплом; я слышу звуки, различаю слова. В закрытые глаза бьет желтый свет. Я подношу руку к глазам, с трудом шевеля пальцами. Веки склеились и не размыкаются.

— Подожди, Язи Ро, — слышу я голос Жнеца, — дай-ка мне.

Мне на веки брызжет теплая влага, по правой щеке стекают капли.

— Теперь можешь открыть глаза, — командует стюард.

Я слышу, как он отходит, и трогаю глаза. Липкого вещества между веками больше нет. Я открываю глаза и вижу какие-то контуры и яркие цвета. Все вместе сливается в физиономию Жнеца.

— Подъем! — командует он. — Время уборки. Вылезай-ка из люльки, чтобы я мог сменить фильтры.

Я кошусь на Эстоне Фалну, неподвижно возлежащего в своей закупоренной капсуле. Я вдоволь нагляделся на смерть, поэтому пугаюсь: Фална выглядит безжизненным. Покашляв, я спрашиваю, почему Фална не шевелится. В следующую секунду выясняется, что открыта единственная капсула — моя. Глядя на человека, названного в честь олицетворения погибели, я шепчу:

— Неужели все?..

— Можешь выбирать, — откликается Жнец с улыбочкой. — Либо это бойня, либо отказ оборудования, либо уборка по очереди. Сейчас твой черед. — Он сжимает кулак и делает жест большим пальцем. — Живо наружу! Помоешься, поешь, разомнешься, примешь пилюли, чтобы слаще было дрыхнуть дальше в этом стручке.

Сесть — и то больно. Жнец проверяет датчики состояния моего организма, потом указывает на душевую кабинку. Я тащусь туда и моюсь теплой водой. Потом Жнец снабжает меня полотенцем, свежим комбинезоном и шлепанцами.

— Прежде чем снова залечь, пару часиков погуляй. Зарядка, еда, безделье — что может быть слаще?

— Можно задать тебе один вопрос, Жнец?

Стюард пожимает богатырскими плечами.

— Валяй.

Надо полагать, он не возражает. В его глазах вместо ожидаемой склонности к насилию я обнаруживаю ум и отвожу взгляд.

— Кем ты служил в тзиен денведах?

Вопрос неожиданный, но он сразу приходит в себя.

— Ильшеве. — Снова улыбочка. — Ну, ты знаешь — вроде как полицейский... — Он корчит гримасу. — Хотя нет, не так. Представь, что теневые джетахи, вращающие беличье колесо, вздумали кого-нибудь укокошить. Какого-нибудь шишку, ворюгу, ильшеве из враждебной шайки. Вот мне и поручали спускать курок, выследив приговоренного в горячей зоне. Иногда теневые хозяева не знали, кто им пакостит, и тогда мне приходилось самому вынюхивать, кто там такой шустрый. Потом джетах принимал решение убрать голубчика, а дальше мое дело маленькое — то есть главное...

Я перевариваю эту тарабарщину.

— То есть начальство поручало тебе убирать неугодных?

— Ты тоже шустрый. — Гигант кивает. — Так все и было. Ладно, пора за дело. Не забудь размяться и проглотить пилюли.

Подкрепившись и попотев на самодвижущейся дорожке, я снова чувствую себя нормальным драком. Нескольких минут созерцания спящего в капсуле Фалны достаточно, чтобы мной овладели необузданные фантазии. Жнец объясняет, что корабль летит на автопилоте, так что мне можно даже наведаться

в капитанскую рубку и полюбоваться оттуда звездами. Единственное условие — ничего не трогать.

Передо мной горят звезды. Меня завораживает их танец. При этом сюжеты, уроки и образы Талмана сияют перед моим мысленным взором, как драгоценные камни с волшебными свойствами, которые еще только предстоит созерцать, исследовать, постигать.

В голове у меня тесно от слов, фраз, глав, мыслей, преданий. Я-то воображал, что стоит лишь сделать своим достоянием текст Талмана — и в меня вольются все содержащиеся в нем знания, вся мудрость. Но нет, пока что я располагаю одними словами. Некоторые не дают мне покоя: «Слова — лоции существования. Когда путешествуешь по отрезку реальности, можно постичь смысл ее слов. Но если перед тобой одни слова, то они — всего лишь бессмысленные знаки и звуки».

Я улыбаюсь, впервые находя изречению из Талмана применение в своей жизни. «Знать, что я не знаю, — уже знание», — изрек Фалдаам в «Кода Сиавида».

Странное зрелище — звезды и обращающиеся вокруг них планеты. Сколько сотен, сколько тысяч войн, злодейств, бедствий, ужасов минует наш «Эол» за одно-единственное мгновение? Если среди этих планет затерялся мой Амадин, то мне нечего сказать всем остальным. Как тщедушна моя планета, как мало она весит на весах Вселенной! Идите сюда, мои земляки, вознеситесь вместе со мной! Взгляните на звезды и планеты и поймите, что вас занимает презренная суета!

И все же нам предстоит ступить на одну из планет, вращающихся вокруг одной из этих звезд, и разобраться, нельзя ли повлиять на нашу мелкую войну на Амадине с помощью других мелочей с планеты Тиман. При этом я слишком хорошо помню, что в трясине и крови Амадина мелочей нет.

До чего трудно понять, что важно, а что нет! Есть ли на свете что-нибудь, обладающее важностью само по себе, независимо от чьего-либо отношения? Порой начинает казаться: учиться предстоит столько, что задача представляется совершенно непосильной.

Я слышу щелчок, потом еще, оглядываюсь и вижу на капитанском месте Эли Мосса. По его лицу пробегают белые, оранжевые, голубые блики от перемигивающихся приборов.

Удовлетворенный их показаниями, он устремляет угрюмый взор на звезды. Не хочу ему мешать, ибо мне знакомо это выражение: на моем лице такое же. Я намерен покинуть рубку, но Мосс спрашивает вдогонку:

— У тебя есть вопросы, на которые я мог бы ответить?

Подумав, я задаю единственный вопрос:

— Меня интересует другой принадлежащий тебе корабль, «Эдмунд Фитцджеральд». Почему ты назвал его в честь старого ветхого рудовоза?

Мосс молчит. С одной стороны, он презирает пустую болтовню, с другой — соскучился по беседе.

— Дело не в ветхом рудовозе, а в старой песне Гордона Лайтфута, давшей имя рудовозу. Знаешь, о чем я?

— Нет.

Блестя глазами — или это опять блики приборных панелей? — капитан бормочет:

— «Куда девается Господняя любовь, когда часами кажутся минуты, и волны хлещут...» — Он вытягивается на кушетке. — Ты усвоил что-нибудь из Талмана?

Мне почему-то кажется, что это нападение, что он осуждает мой метод учебы в бессознательном состоянии.

— Кое-что усвоил. Но предстоит еще разложить все по полочкам.

Капитан показывает на звезды.

— Какой в этом смысл, Язи Ро? В чем цель?

— Ты о Вселенной?

Он утвердительно кивает. Я не помню, что говорится об этом в Талмане, и не могу похвастаться собственными умозаключениями, поэтому отвечаю вопросом на вопрос:

— Разве у всего обязательно должна быть цель?

Капитан разглядывает меня слезящимися карими глазками, потом снова переводит взгляд на звезды. Его голова клонится вбок.

— Наверное, нет. Хотя было бы проще, если бы была.

— Проще?..

— Проще определить, способствую ли я достижению этой цели или пытаюсь не позволить ей осуществиться.

Меня уже переполняют странные вопросы и не менее странные ответы.

— Чего бы тебе хотелось больше, капитан Мосс?

Мой собеседник усмехается, отворачивается, спускает ноги на пол.

— Если ответить, что я препятствую осуществлению цели, то это прозвучит слишком горько, верно?

— Верно. Хотя то, что для одного — горечь, для другого — просто реализм.

Мосс не обращает внимания на мою усталую шутку.

— Горечь — не самое худшее, что бывает на свете, — произносит он.

Сидя на краю ускорительной кушетки, я наблюдаю, как капитан массирует себе шею, крутит головой, разминая затекшие мышцы. Возможно, кому-то Эли Мосс кажется человеком с дурным характером, я же вижу сгусток боли и ощущаю к нему братское расположение.

— Я вынес из Талмана, что каждый из нас волен выбирать свои цели, но при этом существует и другая, всеобъемлющая цель.

Мосс оборачивается ко мне.

— А как быть, если эта всеобъемлющая цель истребляет мою собственную? — Не дожидаясь ответа, он опять отворачивается. — У меня был друг. Его послали на бессмысленную смерть.

— Макс Стерн, — догадываюсь я. — Восстание в Булдахке.

— Да уж, вы успели покопаться в моем прошлом...

Капитан надолго умолкает. Когда он снова открывает рот, я слышу в его голосе рыдание.

— Тебе понятно, что такое любовь одного мужчины к другому?

— Нет.

Он щурит глаза, раздувает ноздри.

— Кто ты такой, чтобы судить, драк?

Мне делается невыносимо грустно.

— Я не сужу, капитан. Ты спросил, понимаю ли я любовь мужчин, и я честно ответил, что не понимаю. Точно так же мне не понятна любовь мужчины к женщине, женщины к женщине, драка к драку — вообще никакая любовь. Это потому, что из меня выжгли огнем то, что необходимо для понимания любви.

Человек удивленно смотрит на меня, потом встает.

— Да, драк, твои кошмары, похоже, пострашнее моих.

Он дружески кладет руку мне на плечо, ободряюще смотрит на меня и уходит. Я остаюсь наедине со звездами.

Позже, пока Жнец готовит мою капсулу, я проверяю, занял ли свою капитан. Открыта одна моя.

— Когда отключится капитан?

— Никогда. Он всегда бодрствует. — Гигант прикасается к кнопке плейера.

— Ваш Дэвидж уже покончил с этим. Говорит, тебе это может пригодиться.

— Что это такое?

— Не пойму... — Он косится на бумажку. — Что-то, связанное с Тиманом. Какое-то «Выживание»... Автор — драк. Включить?

— Валяй! Ты служил в подразделении наемников вместе с капитаном Моссом, Жнец. С кем вы воевали?

Жнец не торопится с ответом. Наконец я слышу:

— С драками при подавлении двух восстаний в системе Лота. С драками, людьми и викаанами, когда охотились на пиратов Надок Рим. С людьми при вторжении на Эам.

— Спасибо. Хотя странно, что ты так охотно отвечаешь. Все-таки ты бывший ильшеве.

Жнец пожимает плечами и широко ухмыляется.

— А мне скрывать нечего, как и тебе. Когда будете готовы лететь на Амадин, кликните меня. — Я уже не знаю, как относиться к его ухмылке. — Между прочим, Ро, я тоже никогда не отключаюсь. Так что у меня уйма времени, чтобы копаться в чужих вещах. Приятных снов.

Напоследок я кошусь на Фалну, закрываю глаза и замираю. Капсула снова задраивается, в моей голове звучат новые слова, возникают странные картины. Но я успеваю подумать: возможно, Жнец не шутит.

23

У тиманов есть анекдот. Человека, драка и тимана запирают вместе. Человеку велено заколоть драка, драку — заколоть человека, тиману — подружиться с обоими и снабдить их ножами.

Даже анекдоты тиманов учат неким истинам. Главное они постигают смолоду: для того чтобы выжить, тиманы должны скрывать свою истинную роль.

Как цивилизованная раса тиманы моложе людей и гораздо моложе драков. Но их анекдоты имеют давнюю историю постоянных трансформаций. Когда-то этот звучал иначе: «Рилигана, хирата и тимана заперли вместе...» Но так было одиннадцать тысяч стандартных лет назад. Рилиганов не стало, хиратов уцелела жалкая горстка — забавные экспонаты на планетах, где правят тиманы.

На свои анекдоты, как бы часто и в каких бы вариантах они их ни слышали, тиманы реагируют всегда одинаково: массивные седые головы кивают, соглашаясь с мудрой мыслью, а толстые лиловые губы презрительно кривятся на тиманский манер. Тиманы не умеют смеяться и даже не имеют какого-либо заменителя этой эмоции. Кроме того, они не кричат, не гневаются, не выказывают ни боли, ни разочарования. И не потому, что не способны на все это, просто они контролируют себя, чтобы не выдать истинного отношения. Тиманы разделены на две категории: «учителя», к которым обращаются «'до Тиман», что значит «для Тимана», и все остальные. Звание «'до Тиман» учитель присваивает своему особенно усердному ученику, превращая в учителя и его. Самый уважаемый академический институт на Тимане — это Ри-Моу-Тавии, где дорос до «'до Тимана» Эстоне Фална.

Тиманы живут гнездами — группами из тридцати — сорока генетически родственных особей, в которые входят от одной до трех особей женского пола с единственной задачей и способностью: есть и производить на свет потомство. Тиманы мужского пола обожают головоломки, что проявляется в их играх, искусстве, музыке, а также в их поведении в бизнесе, управлении, дипломатии.

Драка, написавшего книгу о выживании тиманов, зовут Вигас Торм. Это кабинетный ученый с Драко, ни разу не ступавший на Тиман.

Новое воскрешение, на сей раз при помощи Йоры Бенерес. Этим различия не исчерпываются. Я выхожу из забытья не один. Тиман уже близко, поэтому открываются все капсулы. Мне промывают глаза, и я вижу Фалну, сидящего в своей люльке и растирающего онемевшую шею.

— Фална, тебе понравилось в Ри-Моу-Тавии на Тимане?

Фална моргает, трясет головой.

— Там было ужасно тоскливо. — Он вылезает из капсулы и, шатаясь, направляется в душ.

Шлюз открывается, впуская внутрь корабля ядовитый воздух Тимана. Сквозь щиток гермошлема я вижу троих тиманов, окутанных парами удушливого газа. Самый мелкий из троицы — Атруин'до Тиман, представитель «Тиман Низак». Он на прекрасном английском языке знакомит Дэвиджа и нас со своими спутниками, Притихом и Ринисехом. Тиманы якобы испытывают ужас перед насилием, во всяком случае, когда насилию подвергают их самих, однако сразу видно, что Притих и Ринисех — телохранители. Судя по их облику, они способны не задумываясь пустить в ход кулаки и оружие, спрятанное, наверное, под их буро-серой одеждой.

Дэвидж представляет свое «окружение» — Киту, Тая, Фалну и меня; что касается команды корабля, то она раньше нас направилась в Зону ограниченного контроля за кислородно-азотными дыхательными приборами. Мы слышим официальное тиманское приветствие:

— Я иду к вам с миром без каких-либо скрытых замыслов и без оружия. Добро пожаловать на Тиман, к моему сердцу, к месту моей работы.

Дэвидж отвечает на это по-английски:

— А я преисполнен подозрений, пламя, извергнутое тиманским оружием, по-прежнему жжет мне кожу. То было оружие, с помощью которого собирались убить меня и моего подопечного, Язи Ро.

И Дэвидж указывает кивком головы на меня.

Белые глазки тимана удивленно расширяются. Не продолжая формальностей, он опускает голову.

— Я чрезвычайно огорчен, сэр. Как мне рассеять ваши подозрения?

Дэвидж указывает на костоломов.

— Обуздай слова.

Тиман показывает ладони с неровно расставленными пальцами в знак понимания.

— Мы пойдем туда, куда они не долетят.

Дэвидж удовлетворенно кивает, и Атруин'до Тиман ведет нас сначала по трапу, потом по слабо освещенному проходу. Перед нами распахиваются дверцы огромной синей машины, где мы опускаемся на мягкие черные сиденья. Своих телохранителей Атруин оставляет снаружи — знак величайшего доверия со стороны тимана, если верить книге «Выжить на Тимане». Двери машины защелкиваются, и Атруин произносит: «Низак», темнота, тишина». Окна немедленно теряют прозрачность, мы перестаем слышать звуки извне. Машина несется к штаб-квартире компании.

— Теперь нас никто не видит и не слышит. Мистер Дэвидж, поведайте об обстоятельствах, при которых зародились ваши прискорбные подозрения.

— Начну с последней книги Талмана, канонизированной джетаи диеа на Драко. Это «Кода Нусинда» под названием «Глазами Джоанн Никол». Она вам знакома?

Тиман резко бледнеет, глаза расширяются. Реакция выразительнее любых слов. В книге о выживании утверждается, что тиманы чрезвычайно сдержанны, но мы сразу знакомимся с исключением из этого правила.

— Не читал, но знаю содержание. Для меня новость, что о существовании книги известно за пределами джетаи диеа. Но, кажется, дело не только в ней?

Дэвидж переводит взгляд на Киту. Та чуть заметно кивает и протягивает тиману конверт.

— Здесь технические характеристики и результаты испытаний взрывчатого вещества, с помощью которого на планете Дружба была предпринята попытка уничтожить Дэвиджа и Язи Ро. Следы ведут в «Тиман Низак».

Тиман берет конверт с такой опаской, словно это тоже бомба. Через некоторое время он поднимает голову.

— Это еще не все.

Дэвидж смотрит на меня. Я хмурюсь и отвожу взгляд. Скорее всего этот тиман — наш враг. Но из коридоров памяти ко мне взывает Талман. Айдан говорил: когда нет тайн, то нечего скрывать, нечего вспоминать.

Глядя на тимана, я говорю:

— Существует талма, способная положить конец войне на Амадине. Благодаря усилиям одного мудреца на Амадине и прозрениям «Кода Нусинда» она становится реальной. Мы с

Дэвиджем — кусочки головоломки. Третий кусочек — «Кода Нусинда». Если она окажется дискредитированной и джетаи диеа пересмотрят свое решение о ее включении в Талман, то роль тиманов в войне между Соединенными Штатами Земли и Драко так и останется на уровне слухов. Если кто-то — Дэвидж или я — погибнет, нас вряд ли кто-либо заменит. Тогда талма не осуществится, и «Нусинда» будет дискредитирована.

Нижняя челюсть тимана лежит на его торчащей груди, голова вздрагивает в такт дыханию.

— Понимаю, зачем вы прилетели на Тиман. Вы усматриваете в нашем нежелании включать эту книгу в канон тайный умысел. Что ж, вы узнаете, кто стоит за попыткой саботировать эту талму. Возможно, вы увидите и другое: как народ, стоявший, по вашему мнению, у истоков войны, приведет противников в амадинской войне к миру.

С тиманом никто не спорит. Атруин совершенно замыкается в себе. Молчание затягивается. Наконец Атруин приходит в себя, его глаза сверкают.

— Поймите одно: у каждого народа есть выбор, как себя вести в случае угрозы. Люди и драки нападают или спасаются бегством. Тиманы, как вам известно из новой книги Талмана, реагируют иначе: они воздействуют на саму угрозу. Большинство тиманов, конечно, так не поступают — ведь и люди, и драки почти никогда не совершают убийство, едва забрезжит малейшая угроза. Разум возобладал над первобытными инстинктами. — Атруин'до Тиман втягивает голову в плечи. — Однако некоторые из нас оказываются рабами инстинкта. Во всяком случае, навыков, вызванных к жизни этим инстинктом. Увы, в это число попал и Хиссиед-до' Тиман.

— Надо полагать, он не один такой?

— Разве на Земле нет убийц? — спрашивает Атруин, не ожидая ответа на свой вопрос. Указывая на конверт, он продолжает: — Я передам это в «Карнарак», нашу службу ситуационного реагирования, сопроводив требованием «Низак» о предоставлении исчерпывающей информации. Если ответы существуют, «Карнарак» их даст.

Он приказывает окнам проясниться, и нашим взорам предстают туманные пейзажи планеты Тиман.

24

«Тиман Низак» содержит для гостей и партнеров с других планет специальный бизнес-поселок. Та часть поселка, где селят нас, называется Ке-Вак-Унт — «Кислородный сад». Воздух здесь густой, влажный, пахнет залежавшимся сыром. Нам предоставляют отдельные покои. Я едва успеваю снять скафандр и помыться, а ко мне уже пожаловал гость. В кресле гостиной восседает с выражением крайней сосредоточенности на лице Дэвидж. Одевшись, я сажусь напротив него.

— С чем пожаловал?

— Хочу попросить об услуге. — Он оглядывается, нюхает воздух и качает головой. — Ну и вонь! Чем им так дорог запах лежалой брынзы? Неужели они считают, что мы хотим это нюхать?

— Наверное, они терпимее к запахам, чем мы.

— Здесь на роль освежителя воздуха сгодился бы и дохлый скунс, — ворчит Дэвидж. Он трет глаза, потом сплетает пальцы на животе. — Мы должны сделать здесь два дела. Первое — выследить того, кто пытался нас убить. Атруин обещал нам полное содействие. Я верю, что он выдаст нам злоумышленника или скончается от стыда. По-моему, он искренен.

— От чьего имени он действует: от своего собственного или от имени своего начальства?

— Наверное, то и другое. — Дэвидж щиплет себя за ухо и смотрит на голограмму, не очень-то достоверно изображающую поленья в камине. — Во всяком случае, Тай, Кита, Фална и я будем сотрудничать с Атруином.

— А второе дело? — напоминаю я ему.

— Нам известно, что тиманы способны, манипулируя другими разумными существами, доводить их до взаимного уничтожения. А могут ли они, манипулируя другими, способствовать их возрождению или по крайней мере взаимному выживанию? Мы должны овладеть знаниями тиманов. Для этого тебе придется поступить в Ри-Моу-Тавии.

— Несколько лет назад Ри-Моу-Тавии с отличием окончил Фална.

— Рано или поздно, Ро, эта талма приведет нас с тобой на Амадин. Не хочу огорчать Эстоне Нева вестью, что его род прерван из-за того, что я обрек на смерть Фалну.

— Я тоже не намерен умирать, — возражаю я, но Дэвидж пренебрежительно машет рукой.

— Это еще не все. Ты занялся всем этим, потому что хочешь мира на Амадине. Ни на минуту об этом не забывай, пока будешь в Ри-Моу-Тавии. Фалне не пришлось сражаться на Амадине, поэтому у него другие приоритеты. Думаю, ты уже убедился, как неплохо я угадываю, что творится у Фалны в голове. Тебя я тоже понимаю. Ну, что скажешь?

— Почему бы мне просто не посетить несколько уроков и не поговорить с мудрецами? Или это слишком дорого?

— Деньги для нас не проблема. Главное — чтобы ты там оказался. Тиманы — и те редко попадают в эти школы, не говоря об инопланетянах.

— «Тиман Низак» приводит в движение планеты, — говорю я. — Эта задачка им тем более по плечу.

— Наверное. — Дэвидж задумчиво разглядывает меня. — Знаешь, что ответил Фална на мой вопрос, какими достоинствами надо обладать, чтобы туда поступить? Очень просто: «Быть интересным».

Что представляет интерес для тиманов? Мне нет до этого дела. Я знаю о них не очень много, но то, что знаю, мне совершенно не нравится.

25

Лахвай ни'до Тиман, дакиз Ри-Моу-Тавии, сидит на золотой подушке перед хрустальным столиком и не сводит белых глаз с меня, то есть с моего скафандра. Он обращается ко мне по-тимански. В наушниках я слышу лишенный экспрессии перевод.

— Я ощущаю угрозу, Язи Ро. Ты видишь это?

— Возможно. — Глядя сквозь щиток, я различаю в тумане валяющиеся повсюду бумаги, исписанные от руки на тиманском языке. Что это — письма от благодарных студентов, черновик книги, которую дакиз сочиняет в свободное время, угрожающие требования кредиторов?

Как ни странно, дакиза не возмущает мой уклончивый ответ.

— Ты учился в Ри-Моу-Тавии? — Даже перевод не скрывает недоверчивость тона.

— Нет, — отвечаю я откровенно. — Я родился на поле боя и взрос под грохот взрывов. Благодаря этому я обладаю кое-какими навыками.

— Ты убивал?

— Да.

Темно-серых век становится меньше, белых глаз — больше.

— Много раз?

— Что такое «много убийств» для тимана, дакиз?

И снова ему нравится моя реплика. Я пользуюсь у него успехом.

— Язи Ро, прежде у нас не бывало учеников-убийц.

— Так считаешь ты, — говорю я.

Лахвай опирается на левый локоть, поправляет свою голубую мантию, кладет одну руку на столик.

— Тиманы не воевали уже много столетий.

— Я нахожу это чрезвычайно странным, дакиз.

— Почему?

— Мне всего семь лет, однако война, в которой я родился и сражался, война, шрамами которой я помечен, была тиманской.

Дакиз постукивает по подбородку пальцами правой руки. Жаль, что Дэвидж не предостерег меня от чрезмерного кокетства.

— Согласись, Язи Ро, раз ни один тиман не воевал в этой войне, ни один не погиб и не страдал от ран, ни одна пядь тиманской территории не была утрачена либо приобретена, то назвать эту войну тиманской совершенно невозможно.

Во мне вскипает злоба, но я борюсь с собой. Пытаюсь вспомнить сюжет про акул и камень, но в голове пустота. Приходится самому формулировать мысль:

— Лахвай ни'до Тиман, кто в ответе за яйцо: само яйцо или тот, кто его снес?

Дакиз щурит белые глаза и запрокидывает голову.

— Когда «Низак» использовал свое влияние, чтобы добиться твоего приема в Ри-Моу-Тавии, я счел это дерзостью, если не хуже. Даже, если хочешь, угрозой.

Я призываю на помощь мудрость, накопленную в боях.

— Если я знаю то, что знаю сам, и то, что знаешь ты, то я знаю больше тебя, а значит, у меня преимущество.

— Тогда прими решение за меня, Язи Ро.

Я развожу руками.

— Язи Ро принят.

На лице тимана видно разочарование.

— Это не стало результатом последовательного обсуждения.

— Да, обсуждению подверглось далеко не все, — соглашаюсь я. — А то, что обсуждалось, привело к неверным выводам.

— То есть как?

— Пока я не поднялся на ваши ступени, пока не дышал, как вы, пока не видел того, что видите вы, я не могу знать то, что знаете вы. Иными словами, я принят.

Дакиз поднимается, разглаживает на пухлом животе мантию и разводит руками.

— Добро пожаловать в Ри-Моу-Тавии, Язи Ро. Если ты отыщешь здесь искомое, то обретешь сокровище. Что бы тебя ни ждало — успех или поражение, надеюсь, ты проведешь время с пользой.

Мы сидим в «учебных гнездах», то есть образуем группки, связанные «мысленной связью» с гнездовым наставником — более продвинутым учеником, передающим свои знания другим. Как ни разыгрывают ученики в моем «гнезде» безразличие, им неуютно в присутствии инопланетянина в скафандре.

...Начало слияния. Вселенная сжимается. В ней два существа — черные чешуйчатые многоножки, вооруженные зловещими когтями, — поймали третье, гладкое, мягкое, маленькое, медлительное.

Оба когтистых существа одинаково сильны и похожи одно на другое. Тем не менее они не воспринимают друг друга как угрозу.

Маленькое существо смотрит на большое существо справа, указывает на него, кричит. Когтистое существо слева вглядывается в собрата, пытаясь понять причину страха малявки, но видит всего лишь партнера по охоте.

Тем не менее когтистое существо справа обращает внимание, что другое когтистое существо смотрит на него, а не на жертву. Существо справа обнажает когти, шипит, угрожающе перебирает лапами. Существо слева в ответ выгибает спину, тоже выпускает когти, рычит, грозно подпрыгивает.

И пока две могучие когтистые многоножки нападают друг на друга и рвут в клочки, третье существо — маленькое, мягкое, гладкое и медлительное — успевает ускользнуть...

* * *

В городке для приезжих мы тоже образуем круг, но в другом составе: Кита, Дэвидж, Тай, Фална, я... К нам присоединился капитан Мосс. Выглядит он ужасно. Бенерес и Мрабет все еще в Зоне. По словам Мосса, Жнец Брандт валяется у себя в каюте на полу, безуспешно пытаясь запустить свое сердце. Я слушаю его вполуха, потому что не перестаю проигрывать в мыслях уроки Ри-Моу-Тавии. Кита в отчаянии всплескивает руками.

— На мой взгляд, «Тиман Низак» сотрудничает с нами не в полную силу.

— Почему? — спрашивает Дэвидж.

— Последняя теория, выдвинутая следователем из «Карнарака», гласит, что термобур, примененный в пещере, — подделка. Все буры такого типа, используемые «Низак», якобы строго учитываются.

— Как они объясняют отсутствие маркеров в химическом осадке? — интересуется Джерриба Тай. — Насколько я понимаю, во взрывчатке «Яче» и ИМПЕКСа обязательно присутствуют химические маркеры.

Кита удрученно качает головой.

— У них на все есть ответ. Ученые говорят: химический маркер могли намеренно исключить при производстве. В хорошо оснащенной лаборатории маркер можно удалить. Тиманы стоят на своем: для них это диверсия неизвестной стороны, использовавшей поддельный термобур с целью бросить тень на «Тиман Низак»...

Слушая все это, Дэвидж багровеет от гнева. Я же воспринимаю услышанное иначе. Недолгое пребывание в «учебных гнездах» Ри-Моу-Тавии успело повлиять на мои представления. Пока что я сам не решил, как мне относиться к своему новому мировоззрению.

Вспоминается почему-то, как я охранял примерно три десятка пленных Фронта вскоре после сражения у перекрестка Стоукс в Южной Шорде. Среди пленников было трое ребятишек-землян, совсем еще малышей. Их пыталась отвлечь и развлечь женщина, показывавшая и прятавшая разные мелкие предметы.

В этом деле она была настоящей мастерицей. Она брала с земли камешек, клала его себе в карман и тут же доставала его

же из уха ребенка. Пока малыш хохотал, она бросала камешек — и вынимала его у себя изо рта.

Ничего подобного я никогда раньше не видывал. Я подошел ближе к колючей проволоке, чтобы было лучше видно. Оказалось, что она зажимает камешек между пальцами и перекладывает в другую ладонь. Ладонь, где только что находился камешек, оказывалась пустой. Пустовала и другая ладонь. Потом женщина хлопала в ладоши и показывала сразу три камешка.

Внезапно я услышал крик солдата Маведах, стоявшего по другую сторону загона. С отвратительным чувством в животе я поднял голову и увидел троих пленных, бегущих к скалам. Пока я любовался фокусами, они устроили побег. Луч моего энергоножа подсекает всех троих: двое убиты наповал, третий ранен. Я опускаю оружие и смотрю на женщину; ее мне тоже хочется разрубить надвое, ибо она — такая же участница попытки бегства, как и те трое. Все указывало на правую ладонь, в то время как главное происходило в левой...

Я гляжу на Дэвиджа и на остальных, сидящих вокруг стола, думая о том, куда указывают пальцы. Кита объясняет Дэвиджу какую-то сложную полицейскую процедуру. Дослушав объяснение, Дэвидж просит ее помочь Эрнсту Брандту привести в порядок рассудок, потом переводит взгляд на меня.

— Ты с нами?

— Что ты хочешь?

— Ты сидишь с отсутствующим видом. У тебя есть какие-нибудь предложения, соображения?

Я кошусь на Фалну, тот поощряет меня взглядом. Глядя в пол, я киваю.

— Дэвидж, то есть Уилл, все указывает на людей и на тиманов. Тут замешан ИМПЕКС через Майкла Хилла и «Тиман Низак» через взрывчатку; нельзя забывать и об откровениях «Кода Нусинда». — Я встаю и оглядываю всех своих слушателей. — А вот драков ничто не изобличает. Так поищем же драка.

Кита бросает хмуро:

— Ро, у нас нет ни малейших указаний на участие в покушении драков.

— Вот именно.

Вернувшись к себе, я обдумываю свой ответ. Из него следует, что доверия не заслуживает никто. Удара можно ждать

с любой стороны. У меня появилась склонность к праздному созерцанию и попыткам понять происходящее перед глазами. Живые существа со всеми их сложными взаимоотношениями в условиях войны и любви — это проявления заинтересованности и следования индивидуальным побуждениям. Так относятся к бытию мудрецы-тиманы из «учебных гнезд». Мудрецы-драки, погруженные в Талман, относятся к нему точно так же.

Отрешенность, эмоциональная невовлеченность. Безопасная позиция. Преимущества смерти, избавленной от гниения. Жаль, что существует точка в пространстве, где я сейчас пребываю...

Я поднимаю глаза и снова вижу в дверях Фалну. Шаг, другой, третий — и вот он уже рядом. Его рука дотрагивается до моей щеки.

— Тебя переполняет невыносимая боль, Ро. У тебя никого нет? Вообще никого?

Я смотрю на него сквозь слезы.

— У меня есть мертвецы.

Он обнимает меня и медленно прижимает к своей груди. Я расстаюсь со своей болью, с самим собой от его прикосновения, его запаха.

Исторический урок «Последней войны».

Горстка выживших тиман-ка укрылась в горной цитадели. Тем временем риппани-ка, завладевшие равниной Ирнуз, готовились завершить процесс уничтожения, начатый несколькими поколениями раньше. Бахтуо, старейшина гнезда тиманка, проверял оборонительные позиции, занятые израненными воинами. Посередине цитадели, под защитой каменных стен, сгрудились самки, в чьих толстых хвостах задыхалась молодь, которой уже не было суждено появиться на свет.

— Одну или две атаки мы отобьем, — сказал военный вождь Ашаб, обращаясь к Бахтуо. — Мы убьем сто — сто пятьдесят риппани, после чего они нас опрокинут. Они уничтожат наших самок, и нас не станет.

При этих словах вождя Бахтуо выронил боевую палицу.

— Ты выступаешь за сдачу, Бахтуо?

Старший гнезда обвел взглядом защитников цитадели, потом посмотрел на костры риппани-ка.

— Мы сдадимся, Ашаб, но при одном условии...

Тем же вечером принц Нуба, старший из оставшихся в живых сыновей царя Якса, владыка всех риппани-ка, созвал своих воевод. Те пировали и хвастливо спорили, чьи воины первыми ворвутся в родильный круг тиманов, перебьют самок, отрубят им хвосты, раздавят личинок тиман-ка. В разгар веселья в шатре появился стражник, шепотом сообщивший Нубе о парламентере тиман-ка, просящем встречи. Принц Нуба приказал ввести тимана.

Парламентером оказался сам воевода Ашаб. Простершись перед Нубой, он сказал:

— Великий вождь, я явился по приказу моего господина Бахтуо просить тебя принять нашу капитуляцию.

Шатер огласился радостными воплями. Когда шум стих, принц Нуба молвил:

— Это замечательное известие, которое я передам по твоей просьбе моему отцу, царю.

Ашаб выпрямился и раскинул руки.

— Мы сдаемся только тебе, принц Нуба. Мы бились с твоими воинами и знаем, что в бою ты суров, но в мирной жизни милостив и справедлив. Отец же твой безжалостен: он убил собственного брата, чтобы занять трон риппани-ка. Дела твоего отца нам известны, и ему мы не сдадимся. Лучше уж принять смерть и заодно забрать жизни как можно большего числа риппани-ка.

Да, царь был жесток, но не более, чем его сын, принц Нуба. Да, царь убил родного брата, но сын его, Нуба, перещеголял отца и убил двоих братьев, причем без определенной цели. Да, царь правил без жалости, но и Нубу его собственные воины не без причины называли за спиной «Нуба Грозный». Но слова Бахтуо сразу напомнили воеводам Нубы о преступлениях царя Якса.

Сам принц услышал в предложении Бахтуо иной смысл. Капитуляцию тиман-ка примет не царь Якс, а Нуба Справедливый. Не царь Якс, а Нуба Милосердный спасет жизни сотен воинов, которые погибли бы при штурме тиманской цитадели. Не царь Якс, а Нуба Великолепный хитроумным способом покончит с тиман-ка; принц уже задумал перебить после вступления в цитадель всех тиманов до одного.

— Ступай с миром, — молвил Нуба парламентеру. — Передай своему господину, что я приму капитуляцию тиман-ка. Сдавшиеся переходят под личную защиту принца Нубы.

Многие воеводы Нубы служили в свое время у Ивы, старшего брата Нубы. Когда Нуба убил Иву, они ничего не предприняли, потому что узнали о содеянном, когда все уже свершилось и получило царское благословение. Тем не менее все они по-прежнему помнили свою клятву убиенному вождю и теперь передали царю Яксу весть о намерениях его сына.

Якс прогневался и послал к принцу Нубе гонца с приказом оставаться на месте. Капитуляцию вправе принять только он, царь риппани-ка. Одновременно Якс созвал воевод и приказал им готовить воинов к бою. Узнав, что ему угрожает армия родного отца, принц Нуба приказал своим воеводам ответить тем же. Никто не знает, кто нанес удар первым: может, не выдержали нервы у лучника Якса, может, у лучника Нубы. А может, причиной стал одинокий тиман, оказавшийся между двумя огнями...

Пока два могучих существа с когтями нападают друг на друга и рвут в клочки, третье существо — маленькое, мягкое, гладкое и медлительное — успевает ускользнуть.

В эту ночь Фалну и меня поглощает любовь. Я не зачинаю, просто люблю. В какое-то мгновение мне кажется, что Фалной движет жалость, но я быстро перестаю об этом думать. Я отдаюсь страсти и нежной привязанности.

26

С утра у меня новый гость — Дэвидж. Я жду от него комментариев насчет присутствия Фалны и его жестов приязни в мой адрес, однако эту тему человек обходит молчанием. Фална поит нас чаем, а я лежа потчую Дэвиджа байкой о чудовищах с когтями и другом существе — маленьком и мягком. Я рассказываю ему про царя Якса, принца Нубу и старейшину гнезда, потом перехожу к истории Соединенных Штатов Земли, Палаты драков и политика, почувствовавшего угрозу для своих соплеменников, Хиссиеда-до' Тимана. Дальше следуют «Дуоа Ярил», или Предания о Безумии: вождь Миджие с Синдие, предавший огню собственный народ, зелоты из земной

Масады, наложившие на себя руки, самоистребление племен на Балканах, в Ирландии и на Ближнем Востоке. Выслушав тиманскую мудрость, Дэвидж долго разглядывает внутреннюю сторону пустоты, а потом спрашивает:

— Как же принудить двух скорпионов прекратить драку?

Не знаю, кто в данном случае фигурирует в обличье скорпионов — скорее всего когтистые чудища из тиманской притчи.

— Вряд ли это возможно, — говорю я.

— А как насчет того, чтобы скорпионы снова занялись старым трухлявым грибом? — Глядя на меня, Дэвидж хмурится. — Странный у тебя вид, Ро!

Чтобы не выдать себя, я отворачиваюсь к имитации камина.

— Кажется, я начинаю понимать, как легко начаться войне и как трудно ей завершиться. Нет, скорпионы уже не займутся старым грибом, как ты изволил выразиться. Гриб, то есть Хиссиед-до' Тиман, мертв.

Фална ставит передо мной чай и добавляет, глядя на Дэвиджа:

— Причины начала боев мало связаны с происходящим сейчас, дядя. Хиссиед-до' Тиман дал направление и высек искру. Теперь смертоубийство развивается само по себе.

— Объясните! — требует Дэвидж у нас обоих.

Я мысленно перебираю причины войны.

— Думаю, что первый же акт насилия изменил все первоначальные мотивы, и причины продолжать войну необыкновенно размножились. Если добраться до первоначальной причины войны на Амадине, то она окажется никак не связанной с прочими причинами, множащимися день ото дня. Я еще не родился, а первоначальный повод уже превратился в смутное воспоминание.

— Хиссиед умудрился побудить Соединенные Штаты Земли и Палату драков приступить к колонизации Амадина с разницей в считанные месяцы, — уточнил Фална. — Через несколько лет он спровоцировал спор из-за земли, приведший к актам самосуда. Обе стороны считали себя правыми. Когда выдвигаются доводы вроде «они убили моего родича» или «они разрушили мою деревню», то разум уже не имеет отношения к происходящему.

Я киваю и присовокупляю к сказанному:

— Они пытали и убивали моих друзей и любимых... — Я трясу головой, чувствуя, как в душе оживают старые чувства. — Я воевал не за право на недра и не из-за земельных споров. Я воевал, потому что... столько смертей, столько ужасов! Словом, это был единственный способ дать сдачи.

Говоря это, я чувствую, что слова мои безумны. Но безумие не делает довод менее реальным, менее сильным. Фална кладет руку мне на плечо, чтобы успокоить. Я накрываю его ладонь своей. Дэвидж отворачивается.

— В чем дело, дядя? — спрашивает Фална.

Дэвидж хлопает ладонями по подлокотникам кресла.

— Не знаю. Я все время ищу волшебную скрепку, которая удерживает все это вместе. Снимите ее — и все распадется на составные части. Тогда мы обнаружим, кто пытается убить нас и вызвать недоверие к «Кода Нусинда», решение проблемы Амадина появится само собой, а мы вернемся домой. Но, увы, у всех свои мотивы. Например, тиманам «Кода Нусинда» мешает скрывать их тайну о причинах войны.

— И о том, как они выживают, — напоминаю я.

— А земному ИМПЕКСу? — спрашивает Фална.

— Там я мотива не усматриваю. Но на Земле есть политическая партия «Черный Октябрь»... Слыхал о такой? — Вопрос обращен к Фалне.

Не снимая руки с моего плеча, Фална отвечает:

— Конечно. Это четвертая по численности партия на планетах, состоящих в союзе с Соединенными Штатами Земли. Главная цель «Черного Октября» — разрушить договор между СШЗ и Палатой драков и вступить в Амадинскую войну на стороне Фронта Амадина.

— Кита получила весточку от Санды, — сообщает нам обоим Дэвидж. — Возможно, Майкл Хилл состоял в «Черном Октябре». Его бур действительно мог быть поддельным. Санда связывался с «Карнараком». Плата, найденная в пещере, не похожа на изделие «Низак».

— А драки? — гну свое я и гляжу на Дэвиджа, тот — на Фалну.

Фална снимает руку с моего плеча, садится рядом со мной на кровать и отвечает:

— Да, в среде джетаи диеа существует оппозиция к «Кода Нусинда». Она немногочисленна, но очень резко выступает

против включения в Талман книги, написанной человеком. Некоторые доводы этой фракции весьма убедительны. Однако во время дебатов я находился на Земле.

— Ты голосовал?

— Разумеется. Я выступил за включение в канон книги «Глазами Джоанн Никол» в качестве «Кода Нусинда».

Дэвидж встает и засовывает руки в карманы пиджака.

— Итак, свои мотивы есть у каждого, но они не могут служить причиной продолжения войны на Амадине. Война питает сама себя, независимо от того, что происходит в остальной Вселенной, и независимо от того, узнаем ли мы, кто на нас покушался... Боюсь, Язи Ро, что Шигги и этот Зенак Аби, джетах с Амадина, откусили больше, чем мы сможем проглотить.

Изображение дакиза нависает над гнездом; одновременно в наших головах проплывают призраки планет и несметных армий.

— Угроза, которую можно обратить против нее самой, перестает быть угрозой. Галактическая коалиция племен может быть раздроблена, исходя из обязательных внутренних разногласий: между составляющими ее расами, верованиями, происхождением, целями, союзническими обязательствами, интересами, любыми мелочами, которые могут быть гипертрофированы в глазах недругов...

И мы наблюдаем, как шажок за шажком единая и непобедимая сила дробится по расовым, религиозным и сектантским, политическим, классовым признакам; все это — формы племенной общности. Казалось бы, все очень просто; однако существуют силы, которые не разделить (это редкость), а также такие, которые проще ввергнуть в конфликт с третьей силой.

Могучая раса искателей приключений, исследователей, воинов, предпринимателей и колонизаторов, заселившая две сотни планет, является кандидатом на прием в галактическую Федерацию. Своей численностью, мощью, достатком, энергией, самой биологической организацией она способна за жизнь одного поколения заглушить голос нынешнего лидера Федерации. Исходящая от нее угроза так велика, что простое дробление подобной силы само по себе способно породить многочисленные новые угрозы.

Где-то далеко существует другая раса — тоже могучая, процветающая, склонная к риску. Можно ли столкнуть их интересы таким образом, чтобы богатство, сила и численность обеих резко сократились?

Я шлю дакизу мысль: «Тиманы сожалеют о деятельности Хиссиеда-до' Тимана, приведшей к войне землян и драков, тем не менее его преступление преподносится как урок в Ри-Моу-Тавии...»

Дакиз мыслит мне в ответ: «В вашем же Талмане сказано: «Должны ли мы отвергать истину, данную через преступление, ибо она запачкана, перестала быть истиной? Нет, истина остается истиной. Преступление — отвергать правду».

Джоанн Никол хватило зоркости, чтобы разглядеть руку, направляющую войну. Она застала Хиссиеда-до' Тимана врасплох и расстроила его планы обеспечить тиманам влияние в Секторе путем уничтожения драков и землян. Если бы он разглядел роль слепой женщины в переговорах, то лучше подготовился бы. Да, он попытался навести на нее убийцу, но тот, кому это было поручено, не ожидал от Джоанн Никол ответного удара. Ведь она была слепа и беспомощна. Так провалилось покушение.

Дэвидж и Кита прогуливаются вокруг водоема. Среди неведомых мне деревьев и кустарников собрались незнакомцы: трое драков, один человек, четверо викаан. Мне любопытно, что их сюда привело, но нет желания ни с кем знакомиться. Рядом буфет с прохладительными напитками, и я сворачиваю туда, чтобы попить чаю и поискать Фалну.

Эли Мосс и Жнец сидят в глубоких креслах с большими стаканами, в которых плещется нечто схожее с человечьей мочой. Завидев меня, капитан выключает монитор с новостями и указывает на пустое кресло. Я сажусь, официант-человек принимает у меня заказ. Я молча смотрю на Эли Мосса и Жнеца. Мне не до болтовни, но обязанность заводить разговор лежит не на мне.

— Что вы тут затеваете? — вопрошает Мосс и, не позволив мне пикнуть, продолжает: — Расследуете какие-то убийства, якшаетесь с «Тиман Низак»... Этот Эстоне Фална любезничает с тобой, а ты чем занимаешься? Заделался школьником?

— Ты пьян.

Мосс согласно кивает.

— Точно, поэтому я здесь. А что здесь нужно всем вам?

Жнец, еще не нагрузившийся так сильно, как его капитан, наклоняется ко мне.

— Я пытался втолковать ему про Амадин...

Официант приносит мне чай и ставит чашку на столик справа от меня. Я гляжу на ухмыляющуюся физиономию Эли Мосса и забываю поблагодарить официанта.

— Пытаемся положить конец войне — вот что мы здесь делаем.

— Конец войне?..

— Да. — Отхлебывая чай, я констатирую, что зол. Значит, идеал тиманской невозмутимости еще не достигнут.

Мосс хмурится и бросает вопросительный взгляд на Брандта.

— Ты говорил то же самое, Жнец. — Мосс поднимает брови и грозит мне пальцем.

— Какая еще война? Здесь не воюют уже несколько столетий.

— На Амадине. Мы прилетели, чтобы закончилась война на Амадине.

Это заявление Мосс встречает громким хохотом.

— Амадин?! — Он вскакивает, смотрит на наручные часы, затем почему-то показывает на искусственное дерево в горшке. — Амадин там.

Появляются Дэвидж и Кита. Прежде чем они успевают открыть рот, Мосс еще раз тычет пальцем в ненастоящее дерево и повторяет: — Амадин там.

После этого он опорожняет свой стакан, ставит его на столик и удаляется нетвердой походкой.

— Капитан здорово набрался, — сообщает мне Кита.

— Ему надоело безделье, — вступается за своего начальника Брандт. Он тоже допивает желтую жидкость, ставит стакан, вытирает салфеткой рот и оглядывает нас троих. — Капитан имел в виду, что если эта ваша экспедиция отправится на Амадин, то он с радостью вам поможет, чем только сможет.

— Что ему известно о целях нашего пребывания? — спрашивает Дэвидж, имея в виду капитана.

— Все, — отвечаю я.

Кита садится в кресло Эли Мосса, Дэвидж опускается слева от меня.

— То есть как все?

— Все, от начала до конца. — Говоря это, я гляжу на Жнеца.

— Совершенно верно. Судя по вашим записям, переговорам и так далее, вы составляете талму, призванную положить конец войне на Амадине. Мы с капитаном считаем это весьма достойной целью.

— Кроме шуток? — бормочет Дэвидж.

Гигант кивает.

— Непонятно только, как вы собираетесь этого добиться. А непонятно это мне потому, что вы сами этого еще не знаете.

— Ну, так помоги нам! — Дэвидж складывает руки на животе и смотрит на меня. — Ты устал от Тимана, Ро?

— Ты сам говорил, Уилл, что война кормит сама себя. Остальная Вселенная могла бы исчезнуть — это ни на минуту не прервало бы сражения. Ответ надо искать не на Тимане, а на самом Амадине.

К нам направляется официант, но Дэвидж показывает жестом, что он нам не нужен, потом, бросив взгляд на Киту и на меня, поворачивается к Брандту:

— Что ж, наше расследование зашло в тупик. «Тиман Низак» оказывает сильнейшее давление на все правительственные, общественные, частные структуры планеты. Если бы здесь что-то было, мы бы уже об этом пронюхали. На всякий случай Тай изучает дела самой компании «Тиман Низак» в поисках денежного ручейка в сторону ИМПЕКСа, Хилла, еще куда-нибудь. Только что он связался с базой данных на Дружбе, чтобы провести поиск в масштабе всего Сектора. Он уверен, что результат будет, хотя на это может уйти не один месяц.

Дэвидж кивает Ките, предлагая ей взять слово.

— Со мной снова связывался Санда. «Ааква Луа» обнаружила корабль на воздушной подушке, способный на прицельный пуск ракеты, едва не уничтоживший вас. Владелец и пилот — драки. Оказалось, что оба погибли. Санда считает это самоубийством. Корабль приписан к Первой Колонии. Тай изучает соответствующие документы.

Я вскидываю руку, привлекая их внимание.

— Майкл Хилл предпринял попытку покушения и погиб. Мы решили, что это стало результатом неосторожности в темноте. А что, если и он покончил с собой? Что, если сознанием всех троих манипулировали? Раз существует нейронный уси-

литель, используемый при мыслительном слиянии, и технология, применяемая тиманами в своей Ри-Моу-Тавии, то мозг становится совершенно беззащитен. Вдруг неведомый злодей превратил Хилла и эту парочку в роботов, запрограммированных на самоуничтожение?

Дэвидж смотрит в пространство, прищелкивая пальцами.

— Не исключено... — бормочет он и медленно переводит взгляд на меня. — Объясни, Ро, что тебя так изменило?

— Разве я изменился?

— Я хорошо запомнил твои рассказы. То ты шинкуешь солдат Фронта энергоножом, то отпускаешь на все четыре стороны женщину с дракским ребенком на руках... Что тебя изменило?

Я вспоминаю момент, когда увидел дракское дитя у женщины на руках. Они прятались вдвоем под кроватью, в дыму и вони расстрелянного бункера. «Это не человек», — сказал я ей. «Он мой», — был ее ответ.

— На мгновение я ощутил всю боль, все чувство утраты, все отчаяние и страх, обуревающие другое существо, — отвечаю я Дэвиджу. — В то мгновение для меня перестали существовать люди и драки. Я взглянул на мир ее глазами. Мы оказались одинаковыми: перепуганные клочки теплой плоти посреди огненного вихря. С этого момента я уже не мог воевать за Маведах.

— Очень может быть, что поможет только это, — бормочет Дэвидж. — Может быть, весь Амадин придется подвергнуть поголовному «мыслительному слиянию». Пусть каждый заглянет другому в черепушку, пусть почувствует себя не вооруженным врагом, а испуганным и беззащитным существом. Может быть, здесь мы находимся именно для того, чтобы этому научиться. Где Фална?

— Не знаю. Как ты собираешься устроить «мыслительное слияние» в планетарном масштабе?

— Это уже частности. — Дэвидж пружинисто встает. — Фална подскажет, осуществимо ли это.

Кита трогает Дэвиджа за руку.

— А как же расследование?

— Сначала разберемся в осуществимости «мыслительного слияния». Если надо будет идти этим путем, то тебе придется продолжать расследование в одиночку, если ты, конечно, не пожелаешь отправиться с нами на Амадин.

— На Амадин? — переспрашивает Кита.

В этот момент появляется официант с крохотным приборчиком связи.

— Это вас, мистер Дэвидж.

— Спасибо. — Дэвидж подносит аппарат к уху. — Дэвидж слушает. — Он широко улыбается. — Фална, мы только что говорили о тебе. — Где... — Он хмурится, потом его лицо становится каменным, он, не глядя, выдергивает у Киты руку. — Мы сейчас будем. — Он закрывает аппарат. — Джерриба Тай мертв. Охранники «Низак» нашли его в шлюзе, без скафандра, надышавшимся ядовитого тиманского воздуха.

— Самоубийство? — спрашиваю я более циничным тоном, чем собирался.

Дэвидж коротко кивает и убегает к себе.

27

Джерриба Тай сидит, привалившись к переборке, около внутреннего пульта управления, с видом спящего. Следов борьбы не заметно. Человек, работающий в «Тиман Низак» охранником, докладывает о последовательности работы системы. С кислородной стороны шлюза поступила команда на открывание, шлюз открылся, затем команда на задраивание... После этого по команде изнутри в шлюз был впущен тиманский воздух. В ответ на автоматическое срабатывание сигнала предупреждения смесь азота и кислорода была заменена в шлюзе тиманской смесью аммиака, углекислого газа и еще нескольких вредоносных газов. К моменту, когда шлюз снова открылся, Джерриба Тай давно перестал дышать.

Пока длится доклад, Дэвидж стоит перед Таем на коленях, шепчет что-то в глухое ухо, беззвучно рыдает. Когда слезы иссякают, он встает, не спуская глаз со своего мертвого воспитанника. Я догадываюсь, что он вспоминает Тая ребенком, их игры, учебу, его слезы и смех. Тем временем в шлюз входят Кита и Жнец.

— В системе связи остались только звонки самого Тая, — докладывает Кита. — Информация, которую он получал, стерта.

— Стерта? — переспрашивает Дэвидж, медленно возвращаясь к действительности.

— Система запрограммирована на автоматическое запоминание всех переговоров, Уилл. Но данные из нее можно насильственно стереть. Мы со Жнецом обыскали комнату Тая и не обнаружили никаких записок.

— Это я допустил, чтобы тебя убили... — стонет Дэвидж, не отрывая взгляд от лица Тая. Потом он оглядывает Киту, Жнеца, Фалну.

— Все тщательно обыщите: комнату Тая, место убийства, обзвоните всех, кому звонил Тай. Пускай подробно опишут свои разговоры с ним. Мне нужны ответы!

Глядя на меня, он указывает кивком головы на открытый шлюз.

— Мне тоже надо сделать несколько звонков, Ро. Твое общество мне не помешает.

Прежде чем уйти вместе с Дэвиджем, я оглядываюсь на Фалну, но он уже рассматривает вместе с Китой тело бедняги Тая.

В тесной операторской космической связи я первым делом заглядываю во все углы. В голове у меня теснятся истины и подозрения. Это такая тяжесть, что я не выдерживаю и прислоняюсь к стене. Потом я гляжу на монитор и вижу, что Дэвидж уже связался с Дружбой и «Ааква Луа».

— Почему ты начинаешь со звонка Санде?

— От трусости, — отвечает он без всякого выражения. — Первым делом то, что попроще.

Сообщает он немного: новость о смерти Тая и мои подозрения насчет «мыслительного слияния». Потом звонит Джеррибе Заммису. У меня на глазах от обычной энергичности Заммиса не остается следа: он узнает о гибели своего ребенка. Сначала он выглядит ошеломленным, но быстро берет себя в руки. Я делюсь с Дэвиджем своим впечатлением от силы воли Заммиса.

— Он еще не может себе позволить всей полноты чувств. Сначала он скажет о случившемся Гаэзни. Сам понимаешь...

— Да, понимаю, — киваю я.

Последний звонок Дэвиджа — на Драко, в Талман-ковах. Джеррибу Шигена будят слуги, не очень-то довольные поздней кутерьмой. Едва увидев овьетаха на мониторе, Дэвидж выпаливает:

— Мы на Тимане. Джерриба Тай мертв. Фална и еще двое проводят расследование. Первое впечатление — убийство, замаскированное под самоубийство.

Я слежу за выражением лица Шигена и вижу, как он отказывается мириться с этим известием и как постепенно смиряется. Пока овьетах сражается с собой, Дэвидж вводит его в курс дела. Тон его так горек, словно он бросает собеседнику обвинение. Наконец, рассказав овьетаху о наших соображениях касательно «мыслительного слияния» на Амадине, он спрашивает:

— Сполна ли мы расплатились на Тимане? Может, заглянешь в свой компьютер и сообщишь по крайней мере, завершена ли наша охота здесь?

Впервые вижу Джеррибу Шигена таким старым и утомленным.

— Знание пути способно закрыть путь, дядя.

— Черт возьми!..

— Дядя, ты ведь первым начал объяснять мне про талму! — кричит овьетах, после чего немного успокаивается. — В данный момент возможны несколько различных путей. Если я тебе скажу, что это за пути, то ты выберешь тот, который сочтешь наилучшим, и двинешься по нему, пренебрегая остальными. Или, желая уберечься от создания того, что ты сам называл самосбывающимися пророчествами, откажешься сразу от всех. — Овьетах протирает глаза. — Лучше тебе быть свободным от добровольных ограничений, вольно перемещаться с одного пути на другой. Знай, я убежден, что успешную талму еще предстоит открыть.

Дэвидж делает глубокий вдох и отвечает более мягко:

— Знаю. Прости меня, Шигги. С годами я не становлюсь умнее. — Он собирается выключить связь, но я кладу руку ему на плечо.

— Я тоже хочу поговорить с овьетахом.

— Один или при свидетеле? — хмуро спрашивает Дэвидж.

— Один.

Человек корчит удивленную гримасу, пожимает плечами и выходит. Я занимаю его место и смотрю на экранного Джеррибу Шигена.

— Скорблю вместе с тобой об утрате, овьетах.

Он кивает и спрашивает:

— Как идет охота?

Я задумываюсь. В голове тяжело ворочаются свежие истины.

— Я нахожусь там, где не хочу быть, и познаю вещи, которых не хочу знать.

— Как ты относишься к «мыслительному слиянию» как к способу прекращения войны на Амадине?

Я откидываюсь в кресле и делаю глубокий вдох. Можно многое обсуждать, избегая неприятных тем. Но на этот вопрос мне хочется ответить пространно.

— Пока что я не знаю, как подвергнуть слиянию население целой планеты. С другой стороны, благодаря этому методу я узрел в себе самом то, что иначе ни за что не разглядел бы. Однако перемена, происшедшая со мной, никак не связана с «мыслительным слиянием». Кроме того, мало кто на Амадине пожелает расстаться со своей болью. Большинство не сможет без нее обойтись. Боль рождает общность. На одного жителя Амадина, которого мы склоним к слиянию, придется десять тысяч отказавшихся. — Я пристально смотрю на Джеррибу Шигена. — Кое-что мне еще предстоит узнать. Но прежде чем задать вопросы, я должен убедиться, что мои вопросы и твои ответы останутся строго между нами.

Овьетах приподнимает одну бровь, обдумывая мое требование.

— Мы с помощниками обеспечим конфиденциальность. — Он наклоняется к экрану и что-то подстраивает. На экране появляется сообщение о кодировке. — Ты удовлетворен?

Я запрашиваю необходимые мне сведения. Овьетах глядит озабоченно. Когда я умолкаю, голос Шигена звучит необычайно холодно.

— Как только у меня будет перечисленная тобой информация, я немедленно ее передам.

— Благодарю, овьетах. Не откажи шепнуть Матопе, что мы приближаемся к миру на Амадине.

— Матопе?..

— Человек в кресле-каталке, с плакатом.

— Хорошо, передам. Будь осторожен на своем пути, Язи Ро.

В следующую секунду на экран возвращается солнце в облаке — символ «Тиман Низак». Я унимаю дрожь и соединяюсь с планетой Дружба. Вызов принимает Ундев Орин. Высказав все требуемые этикетом пожелания, я формулирую запрос. Он торопится прочь от экрана, а я помимо воли задаю древний вопрос Ухе: «Ааква, зачем ты так забавляешься со своими чадами?»

Ночью я теряю голову в объятиях Фалны.

— Почему ты так напуган, Ро? — шепчет он мне в ухо.

Я ничего не отвечаю. Что может сказать тот, кто чувствует себя невесомым листом, носимым по вселенной, тому, кто чувствует себя несокрушимой скалой? Фална рос в любви, в безопасности, в мудрости, царившей у Дэвиджа в пещере. Меня же воспитала ненависть, опасность, глупость поля сражения. Поэтому я твержу одно:

— Люби меня и ни о чем не спрашивай. Пожалуйста, подари мне любовь!

28

Выпуск из Ри-Моу-Тавии. Все гнезда, от низших до высших, собираются методом «мыслительного слияния», чтобы поучаствовать в выпускном соревновании и поболеть за участников. Дакиз формулирует угрозу, выпускники предлагают варианты ее отражения. Дакиз выбирает наиболее устраивающий его вариант, автору которого приходится тоже формулировать угрозу. Звание «'до Тиман» присваивается тому, кто формулирует угрозу, которую невозможно отразить. Высшая квалификация «ни'до Тиман» — достояние тех, чьи угрозы не может отразить никто, кроме них самих.

Задачи поставлены, решения предложены. Меня совсем не радует, что я придумываю правильные решения раньше самого дакиза. Для угрозы, которую предстоит сформулировать мне, нет ответа у меня самого.

Последний удачливый ученик по имени Приа формулирует угрозу: индивидуум в единственном числе. Пространство замкнутое, в нем только индивидуум-угроза и тот, кому угрожают. Возможность привлечения третьего лица отсутствует. Я проявляю желание участвовать, и выбор дакиза падает на меня.

— Познать угрозу, — начинаю я. — Опираясь на это знание, разделить ее сознание. Противопоставить ее интересы ее же привязанностям, привязанности — любви, мораль — реальности.

— Приведи примеры, — призывает дакиз.

Я смотрю на своих соучеников и указываю на автора задачи.

— Пускай угрозу представляет сам Приа.

Приа раскидывает мясистые руки, делает шаг в мою сторону и произносит:

— Сейчас я тебя раздавлю! — При этом он довольно выразительно рычит.

— Сделаешь еще один шаг, — отвечаю я, — и я переломаю тебе все кости.

— Что?.. — Приа смотрит на дакиза, дакиз — на меня.

— Насилие? — спрашивает дакиз.

— Нет, угроза насилия.

— Это не решение.

Я указываю на нижние конечности Приа.

— Видишь его ноги? Они не двигаются. Я создал конфликт между преданностью Приа его задаче и его интересом сохранить конечности в целости. Мораль Приа — правило, что тиману негоже прибегать к насилию, — приведена в противоречие с реальностью: я не тиман, и если он сделает еще шаг, я обязательно переломаю ему все кости. Приа верит мне. Итак, угроза отведена, хотя я не прибег к насилию.

Дакиз просит других вариантов. Вызываются двое, но их ждет неудача. Один прибегает к мольбам, другой пытается откупиться от угрозы, не собираясь выполнять свои обещания. Дакиз не просит их приводить примеры и теряет к ним интерес.

— Ставь свою задачу, Язи Ро, — обращается он ко мне.

Я мысленно обвожу взглядом всех учеников.

— Угроза — непрекращающаяся война в замкнутой системе между двумя разумными расами, не способными забыть и простить друг другу причиненный ущерб. Цель каждой из сторон — полное уничтожение противника. Чтобы положить конец угрозе, требуется установить мир.

— Против кого обращена угроза? — спрашивает кто-то из учеников.

— Против всех жителей планеты.

— В чем первоначальная причина конфликта? — спрашивает другой.

— Не важно, — отвечаю я. — Первоначальная причина заслонена последующими обстоятельствами.

— В чем сущность последующих обстоятельств? — не унимается тот же ученик.

— В самой войне.

Ученик по имени Ойюан задает вопрос:

— Так ли велика воинственность противоборствующих рас, что воюют все до одного с обеих сторон?

— Нет. В каждый момент времени только от пятой части до четверти представителей обеих рас участвуют в боевых действиях. Скорее всего большинство с обеих сторон предпочло бы мир.

— Мир на менее радикальных условиях, чем уничтожение противоборствующей расы? — нажимает Ойюан.

— Не важно какой, лишь бы мир.

— То есть перемирие. Решить то, что поддается решению, и установить мир.

— Всякий раз, когда удается прекратить огонь, — начинаю я, — неконтролируемые группировки и отдельные личности с обеих сторон устраивают провокации и творят зверства, из-за которых война вспыхивает с прежней силой. Раньше перемирия длились неделями и даже месяцами, а теперь не превышают считанных дней, даже часов. Стороны конфликта не в силах обуздать свои неконтролируемые группировки, поскольку политическое руководство не способно преследовать своих за преступления, сводящиеся к убийству противника.

Меня засыпают вопросами, я даю объяснения, но ответов, которые выдержали бы проверку, не находится. На иное я и не рассчитывал. Я оказываюсь единственным, чья задача не находит удобоваримого ответа, поэтому оставляю позади остальных выпускников.

— Хвала тебе, Язи Ро'до Тиман! — провозглашает дакиз.

Будь у тиманов возможность изучать аналогичные задачи на протяжении веков, то от их ответов было бы больше толку. В действительности же решения, рождающиеся на Тимане, приводят к войнам среди других. Сами же тиманы не воевали со времен Бахтуо, царя Якса и принца Нубы, а война как таковая никогда не воспринималась ими как способ устранения угрозы.

Следующий день я провожу в постели. Вечером, пренебрегая обществом, я гуляю по садам, пока не отказывают ноги, потом возвращаюсь к себе. Там меня уже поджидает Фална, приготовивший особую трапезу со свечами.

— Мои наилучшие пожелания и искренние поздравления, Язи Ро'до Тиман! — Он указывает на накрытый стол. — Это подарок тебе.

— Кем надо быть, чтобы веселиться по случаю провала?

У Фалны такой вид, словно я отвесил ему пощечину.

— Провал? Дакиз присвоил тебе наивысший титул. При желании ты теперь можешь преподавать в Ри-Моу-Тавии в гнезде высшей категории.

— Фална, передо мной неразрешимая задача. Она не поддается ни мне, ни кому-либо другому, за это меня и отметили. — Я позволяю себе горький смешок. — Кроме того, я не предложил ничего оригинального.

— Брось, Ро! — Фална умоляюще указывает на праздничный стол. На нем блестящее черное платье, под которым соблазнительно колышется тело.

— Нет. Понимаю, ты очень постарался, Фална, но этот вечер мне хочется провести в одиночестве.

— Прошу тебя...

— Оставь меня! — кричу я, отворачиваюсь, ухожу в спальню и захлопываю дверь. Сидя в темноте, я думаю о детях, не знающих ничего, кроме поля битвы, не изведавших ни любви, ни надежды. Чтобы любить, надо надеяться, а чтобы надеяться, надо быть дураком... Я слышу, как Фална закрывает дверь моих покоев и бредет прочь.

Сколько всего существует ипостасей глупости? Точно не знаю, но, кажется, я прошел через все до одной. И всякий раз, когда меня посещают такие мысли, я оказываюсь на пороге нового мира глупости.

Звуковой сигнал, совмещенный с миганием синей лампочки у изголовья, отвлекает меня от глупых мыслей. Я долго не отзываюсь, но в конце концов не выдерживаю и включаю связь.

— Извини за беспокойство, — слышу я голос оператора-тимана. — Срочное сообщение с Драко.

У меня такое чувство, будто мне не дали уложить в стену моего собственного могильного склепа последний кирпич.

— Сейчас буду.

29

На экране Аакав Мута, ассистент овьетаха.

— Джерриба Шиген просит извинения за то, что не связался с тобой лично, но в настоящее время он находится на борту корабля, летящего на планету Дружба, к Эстоне Неву.

— Понимаю... — шепчу я в ответ. Если я не прав, значит, я напрасно побеспокоил массу народу. С другой стороны, если

бы я был не прав, Джерриба Шиген не летел бы на Дружбу, поддержать безутешного.

— Ответ на твой запрос. При голосовании джетаи диеа о канонизации «Кода Нусинда» Эстоне Фална семь раз голосовал против и один раз, последний, за. В первом голосовании он участвовал заочно, находясь на Земле, в резидентуре Госпиталя Университета Наций. В остальных шести голосованиях, включая последнее, он тоже участвовал заочно, находясь на Тимане, на обучении в Я-Нуос-Тавии, самом престижном медицинском учебном заведении планеты. Темой его обучения были теория и практика тиманского мыслительного слияния.

Мута делает паузу, потом продолжает:

— Овьетах выполнил твой запрос. Вот записи вопросов и ответов. Пока идет их полная передача, я могу предложить тебе резюме.

— Я весь внимание.

У Муты такой вид, словно кто-то невидимый вырезает ему без наркоза сердце.

— Джетах Тумах Йортиз, лидер фракции, выступавшей против канонизации «Кода Нусинда», показал, что Эстоне Фална был одним из главных фракционных стратегов и пытался похоронить голосованием написанную женщиной книгу. Именно его усилиями голосование пришлось повторять семь раз. То, что в последний раз он проголосовал «за», было бы ошибочно принимать за поддержку. По правилам джетаи диеа, только те, кто проголосовал «за», могут в следующий раз выступать с предложениями об отмене принятого решения. Эстоне Фална проголосовал за канонизацию, зато теперь может снова бороться против «Кода Нусинда».

— Понимаю...

Мута внимательно просматривает свои записи.

— Тумах Йортиз утверждает, что Фална намекал на какие-то свои действия вне рамок джетаи диеа, направленные во вред «Нусинда», однако, по мнению Тумаха, Фална имел в виду всего лишь дальнейшее изучение и гласную кампанию...

Мне чудится презрительный смех.

— С меня довольно, Мута, — говорю я ассистенту овьетаха. — Благодарю.

— Желаю тебе обрести мир, которого ищет твоя душа, Язи Ро.

— До этого еще далеко, Мута, — отвечаю я, хотя драка уже сменил на экране символ «Тиман Низак». Потом, обращаясь в угол комнаты, где царит тьма, я говорю: — Кажется, ты неплохо освоил мыслительное слияние, Фална. Ничего не подозревающих людей и драков ты побуждаешь к убийствам и самоубийствам. Счастливый и самоуверенный Джерриба Тай накладывает на себя руки. Полагаю, ты готовишь научную публикацию о своих достижениях?

— Ошибаешься, — отвечает Фална, выходя из тени с улыбкой на устах и со сверкающим кинжалом в кулаке. — Что за дурень этот Йортиз! Заметил, как он пытался от меня откреститься? Вот что значит страх огласки! — Фална долго молчит, потом произносит зловеще спокойно: — Когда у тебя зародились подозрения, Язи Ро?

— Все непросто, — отвечаю я. — Инстинкт, к которому я обычно не прислушиваюсь, даже не замечаю его шепота, с самого начала подсказывал, что твои отношения с Дэвиджем странно холодны. Но какая-то привязанность к нему в тебе оставалась — на это указывает хотя бы неудача Майкла Хилла с термобуром. Возможно, то была всего лишь забота об Эстоне Неве и Джеррибе, которых сильно расстроила бы гибель Дэвиджа. Ты пытался напугать его и заставить отказаться от нашей талмы. Я прав?

— Продолжай. Только сперва выключи связь, иначе сюда обязательно забредет оператор.

Я делаю, как он велит, и снова сажусь в кресло.

— Однако на меня твоя забота не распространялась. Покушение на меня было вполне серьезным.

— Совершенно верно. Я поражен быстротой твоей реакции. Не думал, что можно обогнать ракету!

— Все сходится. Мне было странно, почему убийца так старался оставить в живых Дэвиджа, а потом долбанул по пещере ракетой, не заботясь, кто там окажется. Я находился в пещере один, без Дэвиджа и Киты. Тогда убийцы в корабле на воздушной подушке, сознанием которых ты овладел, и выпустили ракету.

— Все равно мне непонятно, как ты умудрился убежать.

Я с улыбкой смотрю на последнего отпрыска рода Эстоне.

— Дело не в беге. В пещере было жарко, поэтому я снял пальто...

— ...и оставил его в пещере, — договорил за меня Фална, довольный, что загадка наконец разрешена. — А в пальто был маркер.

— Что готовится теперь, Фална? Очередное самоубийство?

Свободной рукой Эстоне Фална достает талман и расстегивает застежку, но вместо родовой священной книги я вижу серебряный куб с четырьмя синими огоньками.

— Чудо техники! — хвалится Фална. — Мыслительное слияние — изобретение тиманов. Ты знал об этом?

— Нет.

— Ты так и не рассказал, когда узнал, что все дело во мне. Перед последней ночью? До того, как мы занялись любовью?

— Когда я узнал о смерти Джеррибы Тая.

— Значит, до того, как мы занялись любовью... — Фална искоса смотрит на меня. — Этого мне не понять. На Земле таких, как ты, называют простаками, деревенщиной. Откуда такое хитроумие? Ты ведь меня любишь...

Глядя в прекрасные желто-карие глаза Фалны, я отвечаю:

— Недаром я — Язи Ро'до Тиман, выпускник Ри-Моу-Тавии.

— Лучше отдай это мне, Фална, — раздается из дверей голос Дэвиджа. Ошеломленный, Фална покорно отдает человеку свой странный кинжал и прибор для мыслительного слияния. За Дэвиджем в комнату заходит Кита и еще один человек — служащий охраны «Низак». Он надевает на руки Фалны наручники. Кита держит Фалну на мушке пистолета.

Глядя на Фалну, Дэвидж печально качает головой.

— Даже не знаю, что сказать... Это такая утрата! Для Эстоне Нева, твоего рода, всего рода Джерриба, для тебя самого, для медицины, джетаи диеа, Палаты драков!

— Дядя, тебе не понять, что движет теми, кто способен на жертвы ради чистоты Талмана, его незапятнанности человечьим прикосновением.

Я вижу, как Дэвидж становится еще печальнее, его плечи опускаются. Чтобы устоять, он приваливается к стене.

— Почему, Фална, я способен понять. Помнишь, тридцать лет назад мы с предком и тезкой Джеррибы Шигена находились на Файрине IV и пытались друг друга убить... Нет, я все хорошо понимаю. Все, кроме одного. — Он показывает кинжал и крохотный приборчик для мыслительного слияния. —

Ты — и ЭТО! — Он опускает руки и делает шаг в сторону Фалны. — Из всех детей, которых я любил и воспитывал, ты получал от меня больше, чем остальные, но постоянно сопротивлялся. Почему?

Фална отворачивается от Дэвиджа и разводит трехпалыми руками.

— Сосчитай пальцы, дядя. Вспомни моего родителя и сосчитай пальцы.

С этими словами Фална выходит, сопровождаемый охранником. Кита трогает Дэвиджа за руку.

— Я за ним присмотрю.

Дэвидж кивает, Кита выбегает из комнаты. Дэвидж сползает по стене и оказывается на корточках. Его взгляд надолго упирается в пол. Наконец я слышу:

— Впервые в жизни я чувствую себя стариком.

— У тебя ощущение неудачи?

Он с усмешкой глядит через правое плечо.

— А какое ощущение было бы у тебя?

— По-моему, тебе не о чем грустить, Уилл. Успехов у тебя гораздо больше.

Дэвидж долго сидит на корточках с отсутствующим видом. Наконец переводит взгляд на меня. Я замечаю у него в глазах блеск.

— Спасибо, Ро. — Он жмурится и прижимается к стене затылком. — Ответишь мне на один вопрос?

— Если смогу. И только по принципу взаимности.

Он кивает и задает свой вопрос:

— Фална прав? Ты его любишь?

— Насчет этого Фална прав. — У меня пересыхает не только в горле, но и в сердце. Желая отвлечься, я торопливо произношу: — Теперь твоя очередь отвечать.

— Валяй.

— На Дружбе, во время подготовки к экспедиции на эту планету, ты посвятил целый день катанию на лыжах. Зачем?

— Кита — замечательный компаньон. — У него виноватый вид. — Давай обойдемся без легкомысленных домыслов. — Он смотрит на свои руки, о чем-то размышляет. — В Затерянной Долине есть трасса, по которой я не мог проехать, не упав. Не мог, но пытался, чтобы проверить себя. — Он пожимает плечами, трет глаза. — Когда я прочитал «Кода Нусинда», у меня

возникло странное чувство... — Он медленно выпрямляется. — Мне казалось, что я уже не вернусь на Дружбу. Почему — непонятно. Просто предчувствие. Поэтому я не мог не проехать еще разок по той трассе. По-твоему, это глупость?

— У тебя получилось не упасть?

Он кривит губы и трясет головой.

— Не получилось. Славно проехался на заднице, часть пути вообще пропахал носом. Но неудачей это не назовешь. Неудача — это когда даже не пытаешься, верно?

— Шизумаат был такого же мнения, — говорю я.

Стоя рядом со мной, он дружески кладет руку мне на плечо.

— Ты готов?

— К чему? — хмуро спрашиваю я.

— Лететь на Амадин. — Он указывает на дверь. — Здесь мы сделали все, что могли. Как сказал капитан Мосс, война идет не здесь.

Мы расходимся. У себя в спальне я оплакиваю очередную утраченную любовь. Но, боюсь, у Дэвиджа больше причин для слез.

30

Амадин.

Язи Ро возвращается на Амадин.

У меня существует не меньше ста уважительных причин и как минимум тысяча приличных отговорок, чтобы больше там не показываться. И все же я снова сую нос прямо в пороховой погреб.

Два дня мы потратили на «Карнарак». Предстоит расследование, с нас снимают показания. Окружной старейшина «Карнарака» не сомневается, что Фална будет признан виновным в убийстве Тая, за что полагается самое суровое из здешних наказаний — бесконечный сон. Это похоже на постоянную отключку с промыванием мозгов судейскими речами, читкой свидетельских показаний, обвинительного заключения, лекциями о тиманской морали, ответственности, последствиях беззаконных поступков, угрызениях совести — и так без конца. Я стараюсь не думать об этой муке.

Еще один день уходит на сборы и на подготовку корабля к полету. В день старта я принимаю звонок и посетителя. Зво-

нит Эстоне Нев — с тем чтобы меня поблагодарить: я поймал его потомка за руку, прежде чем Фална покусится на кого-нибудь еще. Нев дает понять, что я всегда буду желанным гостем в имении.

Визит мне наносит Лахвай ни'до Тиман, дакиз школы Ри-Моу-Тавии. Он предстает передо мной в скафандре, чтобы не пришлось надевать скафандр мне самому, что, как торопится объяснить представитель «Низак» Атруин'до Тиман, является знаком наивысшего почтения. В пузыре, заменяющем тиману шлем, я вижу до крайности удрученную физиономию. Мы остаемся вдвоем, и я предлагаю дакизу самое удобное кресло своей гостиной.

— Премного благодарен, Язи Ро'до Тиман. Прошу меня простить. — Руки в перчатках елозят по внушительному брюху. — Я не надевал скафандр уже много лет и был вынужден позаимствовать его у ученика, оказавшегося гораздо стройнее меня.

— Для меня было бы честью принять тебя по другую сторону шлюза, дакиз. Если хочешь, мы можем сейчас же перейти туда.

— Еще раз тебя благодарю, Ро, но я к тебе ненадолго. Вынужден просить тебя об услуге.

— Все, что смогу, досточтимый дакиз.

Лахвай ни'до Тиман предостерегающе грозит мне пальцем.

— Не торопись. Моя просьба не так проста. — Он смотрит на предложенное мной кресло, принимает решение постоять и устремляет на меня взгляд белых глаз. — Насколько я понимаю, на Амадине тебя сразу ждет испытание окончательным решением, без возможности предложить пробный вариант.

Я удивленно киваю.

— Хорошо сказано, дакиз.

Он всплескивает руками — не то от беспомощности, не то от нетерпения.

— Получается, что ты и твои спутники собираетесь плясать среди взрывов в наивной надежде на чудо?

Обдумав вопрос дакиза, я неуверенно киваю.

— В основном, да. Возможно, ты будешь считать меня не таким уж безумцем, если я скажу, что в данный момент нам недостает информации. Вся информация на Амадине, значит, туда нам и придется отправиться.

— И тогда, — гнет свое дакиз, — должно произойти чудо.

— Больше нам не на что надеяться.

Дакиз недовольно фыркает, делает машинальную попытку присесть, но тут же выпрямляется. Глядя мне в глаза, он произносит:

— Я пришел к тебе с миром, без малейшего скрытого мотива и безоружным.

— Я встречаю тебя точно так же, дакиз.

— Я долго и напряженно размышлял над проблемой, которую ты поставил перед «учебными гнездами», Язи Ро'до Тиман. Решения у меня нет, но мне очень хочется, чтобы оно появилось. Наш скромный уголок Вселенной претерпевает изменения. Ри-Моу-Тавии пришла пора внести в список своих дисциплин прекращение вооруженных конфликтов. Прошу тебя, зафиксируй свои действия на Амадине и их результаты. Независимо от того, будет ли вам сопутствовать успех, обязательно переправь свои записи в Ри-Моу-Тавии, чтобы на их основе мы смогли создать новое направление. Если ты выживешь в амадинском эксперименте, то я и Ри-Моу-Тавии с радостью примем тебя на Тимане и сделаем гнездовым наставником, чтобы ты мог делиться с нами своими познаниями столько, сколько тебе захочется.

— Для меня это большая честь, дакиз. Если я останусь в живых и унесу с Амадина ноги, то обязательно вернусь в Ри-Моу-Тавии.

Услышав это, Лахвай ни'до Тиман показывает мне ладони и произносит:

— Желаю тебе и твоим соратникам проницательности, мудрости, удачи, безопасного и полезного путешествия. — И гость с поклоном удаляется.

31

В книге Талмана «Кода Айвида» говорится о том, как ищущий истины Мистаан шесть лет занимался медитацией, чтобы воссоединиться с той частью себя самого и вселенной, которой был ведом нужный ему ответ. Задача Мистаана заключалась в том, как сохранить живыми слова мудреца и учителя Вехьи, в которых содержалась мудрость учителя Шизумаата. Мистаан нашел местечко на скале, высоко над лесом, сформулировал задачу и открылся для вселенной. Спустя шесть лет

медитация кончилась. Тогда подобрал Мистаан палочку и ком мокрой глины и изобрел письменность. Первыми записанными текстами стали Предание об Аакве, Предание об Ухе, Предание о Шизумаате — первые три книги Талмана. Путешествие на Амадин продлится четыре месяца — вот и все, что есть для медитации у меня. Вместе с капитаном Моссом и Жнецом Брандтом я отказываюсь «отключаться».

Отказ капитана объясняется иначе: он никому и ничему не доверяет. Жнец утверждает, что радуется возможности почитать и подумать, углубляя свои знания. В дополнение к этому он тоже страдает недоверчивостью и негативизмом. Что до меня, то мне нужно время подумать. Талман и Ри-Моу-Тавии заставляют оценить свое место во вселенной, цель существования, степень самоотверженности. Проблема Амадина тоже не позволяет расслабиться.

Капсула Дэвиджа соседствует с капсулой Киты, капсула Йоры Бенерес — с капсулой Гази Мрабета. Я часто наведываюсь в камеру и смотрю на них, размышляя о том, что было в их жизни раньше. Мрабет, при всей эрудиции и спокойных манерах, спасается от своих воспоминаний, уничтожая себя сексом, когда он доступен, и музыкой, когда доступна только она. Он отдает предпочтение инструментам и душераздирающим ритмам викаан. Источник всех моих сведений, вечный искатель правды Жнец Брандт говорит, что до поступления к Моссу Мрабет служил инженером у пиратов Надок Рим. Суть и происхождение кошмара, преследующего Гази, Жнецу неведомы. Сам он — гений механики, кровожадный и бесстрашный боец.

Про Йору Бенерес Жнец говорит, что она героиня, дожидающаяся достойного дела. Многие годы она искала смысла жизни, а потом отказалась от поисков и стала жить просто так, оттягивая смерть; теперь подвернулись мы с нашим желанием положить конец войне на Амадине. Она отличный пилот и еще лучший специалист по легкому вооружению. Жнец утверждает, что однажды стал свидетелем, как она тремя выстрелами уложила троих подбиравшихся к ней вооруженных недругов. «Невероятная бережливость! — с уважением отзывается о ней Жнец. — Терпеть не может расходовать заряды зря». Прежде чем завербоваться в вооруженные силы Соединенных Штатов Земли для подавления восстания в Булдахке, она сни-

малась в видеофильмах и добилась на этом поприще известности. Но этого ей оказалось мало.

Переводя взгляд на безмятежное лицо Киты Ямагата, я удивляюсь, что ее занесло на наш корабль. Арестом Эстоне Фалны ее обязанности при нас оказались исчерпаны. События на Амадине совершенно ей чужды. Жнец говорит, что много беседовал с ней о работе полиции, расследованиях, юриспруденции и остался высокого мнения об ее интеллекте. Жнец недоумевает, зачем ее понесло на Амадин, хоть и подозревает, что ответ содержится в соседней капсуле и зовется Уиллисом Дэвиджем.

Я смотрю сквозь прозрачную пластмассовую крышку на его лицо и замечаю кристаллики льда на бровях и верхней губе. Кита Ямагата любит этого мужчину, а он вряд ли об этом догадывается. По-моему, я тоже его люблю, видя в нем своего суррогатного родителя. Правильнее сказать, дядюшку.

Его война завершилась больше трех десятилетий назад, с подписанием договора между СШЗ и Палатой драков. Я знаю, что он не променял бы свою скованную холодом планету ни на что на свете. Однажды он сказал, что мои товарищи и я помогли ему купить эти тридцать лет жизни, и теперь настало время вернуть долг.

«Я стал бриться, — добавил он. — А при бритье приходится глядеться в зеркало».

Капитан Мосс сидит в рубке, терзая себя мысленным перечислением потерь, Жнец погружен в чтение. Мне пора погружаться в медитацию. Я возвращаюсь в свою каюту, опускаюсь на колени — обычная поза медитирующего драка, для меня непривычная и потому отвлекающая. Перед выходом «Эола» из пространства Тимана Кита успела показать мне позу лотоса, но я пришел в ужас от этого переплетения ступней, лодыжек, икр. Приходится последовать примеру Мистаана, медитировавшего над лесом, — лечь навзничь на койку, вытянуть руки по бокам, закрыть глаза и мерно дышать, приоткрывая себя для себя самого и для вселенной.

Первым меня посещает Фална — гладкие бедра, чудесное лицо, ласковые объятия, страстные прикосновения, приоткрывающие мою утробу и погружающиеся в меня...

Бездонный колодец утраты.

Другие любимые, другие прикосновения, другие утраты.

Одинокое дитя, холодная влажная рука его родителя. Когда рука была теплой, у нее не было времени для ласки. Приходилось скрываться от врагов, искать кров, чинить одежду, красть еду, выполнять бесконечные требования Маведах. Ребенок недополучил ласки и по-прежнему стремится восполнить нехватку, пустоту.

Лицо дакиза: белые глаза, лиловые надутые губы. «Добро пожаловать в Ри-Моу-Тавии, Язи Ро. Если ты отыщешь здесь искомое, то обретешь сокровище».

Пленный солдат Фронта Амадина под Форт-Льюисом кричит, задирая руки: «Любовь! Надо любить друг друга!» Двое охранников смеются над ним, третий прислушивается. «Не будет мира, пока продлится взаимная ненависть. Давайте станем одной семьей».

Все три стражника погибли: пленный внезапно набросился на заслушавшегося охранника, отнял у него энергонож и прикончил всех троих. Другой подоспевший охранник убил его одним пистолетным выстрелом.

Любить друг друга!

Несколько дней спустя, конвоирование новой партии пленных солдат Фронта. Один пленный встает на колени и тут же падает, застреленный сразу двумя охранниками. Я гляжу на женщину, сидящую рядом с убитым и восклицающую, размазывая слезы: «За что? Боже, за что?»

«Любить друг друга!» — отвечаю я ей.

Два существа — черные чешуйчатые многоножки, вооруженные зловещими когтями — поймали третье, гладкое, мягкое, маленькое, медлительное.

День выпуска.

«Угроза — непрекращающаяся война в замкнутой системе между двумя разумными расами, не способными забыть и простить друг другу причиненный ущерб. Цель каждой из сторон — полное уничтожение противника. Чтобы положить конец угрозе, требуется установить мир».

* * *

Первый в моей жизни выпуск.

Учеба в Нокбук-ковахе подошла к концу. Скоро вместе с другими свежеиспеченными воинами я вольюсь в ряды Маведах. Но сначала нас ждет испытание, суть которого содержится в строгой тайне. Кто-то говорит, что это пытка, которую мы должны выдержать без словечка жалобы, другой — что это проверка умения обращаться с оружием. Третий — что это что-то постыдное, и мы должны это сделать, доказывая свое рвение вступить в Маведах.

Что ж, правы оказались все трое.

У меня в руке нож. Дверь распахивается, и я вижу живого человека, мужчину, привязанного к столбу посреди маленькой бойцовской арены. Над ареной сидят джетах Декабан Ло и сортировщик Чой Лех.

Никаких инструкций я не получаю. Считается, что я и так знаю, как поступить.

Человек смотрит на меня и тихо, умоляюще произносит: «Нет. Пожалуйста. Нет. Пожалуйста...»

Я поднимаю нож и подхожу к человеку. В голове у меня каша. В школе нас знакомили с голограммами. Вдруг передо мной не настоящий человек?

Нас тренировали на механических людях, использовавшихся армией землян на начальной стадии войны. Говорят, несколько таких автоматов еще остаются во Фронте. Может быть, этот — один из них?

У него серые глаза, на лбу пот, в горле пересохло от страха.

«Пожалуйста! Боже, нет! Пожалуйста, Боже, нет!»

Это всего лишь проверка. Ло и сортировщик хотят проверить, хватит ли у меня закалки, чтобы убить. Никто всерьез не использует пленных для таких целей. Мне кажется, что у человека на шее, над самым воротом потной рубахи трещина. Это автомат, хватит колебаться.

Я чиркаю острым как бритва ножом по человеческому горлу и только в этот момент понимаю, что полоска на шее — не трещина, а всего лишь нитка от воротника. Меня окатывает человечьей кровью, зато Декабан Ло и Чой Лех довольны.

Я бреду прочь, утирая с лица кровь, и слышу, как к столбу подтаскивают следующего смертника. «Нет! — кричит он. — Пожалуйста, нет!»

Меня ведут в другое место, где я вижу своих забрызганных кровью товарищей, стоящих и сидящих у вездехода. Они избегают моего взгляда, я — их. К концу дня все мы становимся выпускниками и собираемся вместе, чтобы залезть в вездеход. За нами закрывают дверцы, мотор ревет. Нас везут в Окори Сиков в Южной Шорде.

«Нас дюжина», — с горечью произносит чей-то голос в темноте.

«Фронтовая дюжина, — шепчем все мы в ответ. — Маведах».

Перемирие... Решить то, что поддается решению, и установить мир.

«Всякий раз, когда удается прекратить огонь, — начинаю я, — неконтролируемые группировки и отдельные личности с обеих сторон устраивают провокации и творят зверства, из-за которых война вспыхивает с прежней силой. Раньше перемирия длились неделями и даже месяцами, а теперь не превышают считанных дней, даже часов. Стороны конфликта не в силах обуздать свои неконтролируемые группировки, поскольку политическое руководство не способно преследовать своих за преступления, сводящиеся к убийству противника...»

Приа предлагает задачу «гнезду».

Дакиз призывает проверить мое решение.

Приа раскидывает мясистые руки, делает шаг в мою сторону.

«Сейчас я тебя раздавлю!»

«Сделаешь еще один шаг, — отвечаю я, — и я переломаю тебе все кости».

Начало новой тиманской притчи...

Словно с огромного расстояния до меня доносится крик:

— Ро! Ро! Ро!

В голове у меня звучит детская песенка, мой собственный голос присоединяется к хору: «Греби, греби, плыви, лодочка, по речке вниз...» Я захлебываюсь, кашляю, корчусь, задыхаясь.

Приступ проходит. Я лежу слабый и неподвижный, как мокрая тряпка. В животе страшная боль, в ноздри бьет отвратительный запах. Я с трудом открываю глаза и вижу склонившуюся надо мной Киту.

— Давно он здесь лежит? — спрашивает Кита.

— Без малого три стандартные недели, — отвечает Жнец.

— Почему ты не позвал меня раньше? Еще немного — и Язи Ро помер бы от обезвоживания! Боже, ну и вонь!

— Дракам не требуется много воды. И потом, он сам твердил, что Мистаан медитировал целых шесть лет, — объясняет Жнец как ни в чем не бывало.

— Это притча, Жнец! Даже если бы это было правдой, то тот лежал на открытом воздухе, и ученики каждый день приносили ему еду.

Рядом с лицом Киты появляется лицо Жнеца с трепещущими от отвращения ноздрями.

— К тому же скалу время от времени поливало благодатным дождиком... — Он улыбается мне. — Эй, Ро, ты жив?

Я киваю и утвердительно хриплю.

— Когда в следующий раз задумаешь марафонскую медитацию, сперва предупреди о своем намерении кого-нибудь, кто разбирается в таких вещах.

— Наверное, ты права...

Кита приподнимает мне голову и просовывает в рот горлышко бутылки.

— Соси, это сок.

Сладкая жидкость вливается в мой пересохший рот. Никогда еще не чувствовал такого упоительного вкуса! Три глотка — и я благодарно киваю. Кита убирает бутылку и опускает мне голову.

— Жнец, тащи Ро под душ, а я найду чистый халат.

— Погоди-ка... — Жнец наклоняется ниже. — Ну что, придумал ответ?

Я трясу головой.

— Придумал, только не тот, что искал. Зато этот сработает.

Жнец поворачивается к Ките:

— Запах невыносимый, зато ясный взгляд.

32

Проглотив через силу немного съестного, я сижу на кухне, завернутый в одеяло, и поглядываю на остальных, собравшихся вокруг стола. Справа от меня Кита, слева Жнец. Мрабет, Дэвидж, Мосс и Бенерес — напротив.

— Будет новая попытка заключить перемирие между Маведах и Фронтом Амадина, — говорю я. — Такие попытки следуют одна за другой.

Дэвидж, слушая меня, качает головой.

— Какая-нибудь мелкая группировка, либо людская, либо дракская, обязательно торпедирует мирный процесс...

— И опять все взорвется, — заключает Йора Бенерес.

— Нет, — возражаю я. — Мелкая группировка обязательно попытается навредить мирному процессу, но мы выясним, кто этим занимается, и ударим их по рукам или накажем, если они будут упорствовать.

Капитан Мосс неуверенно хмурится, оглядывает собравшихся.

— Мы? Кто это «мы»?

— Для начала — мы всемером. — Шестеро моих слушателей, как по команде, удивленно вскидывают брови, но меня трудно сбить с толку. — Но мы попробуем умножить наши ряды, познакомив с нашей талмой Зенака Аби, его последователей и вообще всех, кто уклоняется от участия в военных действиях. Когда распространится весть, что за соблюдением мира следит нейтральная сила, к нам потянутся со всех сторон. Нам потребуются и бойцы, и штатские. — Я перевожу взгляд на Жнеца. — Очень полезны будут те, кто сможет собирать сведения на дракской и на людской территории, а также те, кто согласится вручить клинок Айдана нарушителям. За любое нарушение мира как те, кто отдал приказ его нарушить, так и исполнители приказа будут расплачиваться собственной жизнью. Мы заявим о себе и внушим всем, что нарушение мира равносильно смерти. Смерть станем сеять мы, а не противоположная сторона.

Гази Мрабет постукивает пальцем по столу.

— То есть драки будут убивать драков.

— А люди — людей, — подхватывает Кита.

— Да.

— Война ради окончания войны? — спрашивает Дэвидж. — Сдается мне, это равносильно превращению двустороннего конфликта в трехсторонний.

Жнец наваливается локтями на стол.

— Понимаю, куда клонит Ро... Речь не о войне, Уилл. Язи Ро хочет стать полицейским. Я прав?

Немного подумав, я утвердительно киваю.

— Прав. Только это будет специфическая полиция, предназначенная для предотвращения преступлений всего одного свойства.

Эли Мосс машет рукой.

— Группировки безумцев все равно не откажутся от своих целей.

Я борюсь с головокружением с помощью сока.

— Мы и не будем пытаться менять цели, заниматься просветительством, посредничать, учить жителей Амадина взаимной любви. Пока в условиях мира не вырастет целое поколение, все это недостижимо. Нашим единственным стремлением будет мир. Добиваться своей цели мы будем просто: делая бессмысленным нарушение мира. — Глядя на Дэвиджа, я продолжаю: — Наша цель в корне отличается от целей Фронта, Маведах и всех группировок. Формулируется она просто: МИР. Стоит любым двум группам сойтись для достижения этой же цели — и мы станем им помогать, не давая никому нарушить мир.

— Почему ты уверен, что к нам отнесутся серьезно?

— Сначала нас действительно не примут всерьез, — откликается на это Жнец. — Но первыми же решительными действиями мы заставим нас уважать.

Дэвидж погружается в раздумья. Жнец и Кита обсуждают подробности создания тайных информационно-разведывательных центров по идентификации нарушителей мира и содействию их устранению. По лицу Дэвиджа видно, что его переполняют сомнения, однако он разрешает их одно за другим, с каждой минутой все больше грустнея.

Мое предложение раскладывается на составные части и обсуждается со всех мыслимых и немыслимых сторон. Дэвидж, капитан Мосс, Йора Бенерес и Гази Мрабет внимательно слушают, недовольно хмуря лбы. Жнец и Кита уже стали пропагандистами моих идей. Кита приводит в пример информационную систему, применяемую на Земле Азиатской Региональной полицией, в которой она сама служила в разных должностях. Постепенно становится понятно, что делать, где и как. Под конец дискуссии единственным сомневающимся остается Дэвидж. Остальных удалось убедить.

К тому моменту, когда и Дэвидж прекращает сопротивление, я окончательно лишаюсь сил.

— Два соображения, — говорит он. — Во-первых, мы сильно ускорим дело, если получим доступ к банкам данных Карантинных сил. Они сторожат планету уже тридцать лет. Уверен, что все это время социологи и прочие правительственные службы следили за Амадином в оба и готовили подробные отчеты, которые некому было читать. Я свяжусь по космической связи с овьетахом и узнаю, не сможет ли он передать нам необходимые сведения.

— А второе соображение?

— Думаю, оно исчерпано. Я попрошу Шигена проверить это на его компьютерах, хотя он уже много месяцев твердит одно и то же: «Знание пути может преградить путь». — Мне больно видеть печаль в глазах Дэвиджа. — Как только мы примемся за дело, нам придется превратиться в убийц и могильщиков: мы станем убивать чужих и хоронить своих. Сам я воевал в роли пилота истребителя. Когда я кого-то убивал, об этом свидетельствовала только вспышка на экране. Когда погибал друг, в полку появлялась вакансия. Все чинно и спокойно. Времени на раздумья не было, успевай только вовремя реагировать. Тугодумы погибали первыми. — Он пристально смотрит на меня. — Но та война, которую предлагаешь вести ты, Ро, не в пример грязнее. Я бы предпочел этого избежать. — Дэвидж выдерживает томительную паузу. — Но все равно никто не способен предложить ничего лучше этого. Ты отлично поработал!

Отлично? Одно дело — теория, другое — видеть, как окружающие принимают сказанное тобой всерьез и выражают готовность действовать соответственно. Я киваю в знак благодарности, не скрывая утомления.

— Тебе необходимо отдохнуть, поесть, набраться сил. Нас ждут невероятные трудности. — Дэвидж смотрит на остальных. — Не хочу больше отключаться. Если мы сможем получить от Карантинных сил необходимые сведения, то дел окажется невпроворот: планирование, тренировка, классификация информации... Что скажете?

Жнец ударяет кулаком по столу.

— Потребуется очень много переносных компьютеров. Можно, конечно, начать с бортовых, но, высадившись на планете, мы будем вынуждены все перепроверять. Боюсь, на Амадине уже ничего не работает, все лежит в руинах...

— Сколько комплектов?

Жнец ждет, пока Кита произведет мысленный подсчет.

— Двести — триста, со сменными аккумуляторами — это для начала. Причем таких, которые могут передавать и принимать информацию.

— Это еще не все, — вставляет Мрабет. — Понадобятся детали и инструменты для ремонта и самостоятельной сборки некоторых компонентов. Нельзя же во всем полагаться на подвоз с других планет!

— Посмотрим, чем нам сумеет помочь овьетах... — бормочет Дэвидж. — Что еще?

— Фронт не простит нам, если мы начнем карать людей, — говорит Йора. — Точно так же Маведах объявит нас своими смертельными врагами, если от нашей руки падет хоть один драк. — Она указывает кивком головы на Мосса. — У нас с капитаном есть печальный опыт. В свое время мы состояли в подразделении, которое ненавидела вся планета. Ох и доставалось нам! И это притом, что мы даже не спускались на поверхность. — Помолчав, Йора широко улыбается. — Это из области воспоминаний. Не обращайте внимания!

Четыре дня — и я прихожу в себя. На очередном совещании Дэвидж спрашивает:

— Каким образом мы попадем на Амадин?

С точки зрения капитана Мосса, это не составит проблемы.

— Мы уже определили положение и движение орбитальных станций относительно поверхности планеты. Мы располагаем летными графиками патрульных станций и знаем, как действуют контрабандисты. Дальше все просто: в тот момент, когда все смотрят в другую сторону, мы быстро спускаемся до высоты, не достигающей уровня, считающегося попыткой сбежать с Амадина. После этого у нас останется одна забота: увертываться от ракет Фронта и Маведах.

Возникает небольшой спор насчет точности сведений о расположении таких ракетных расчетов, имеющихся у Карантинных сил. Гази Мрабет постукивает пальцем по столу.

— Как мы покинем Амадин? — Так далеко наша фантазия еще не зашла. — Предположим, мы спустились, все организовали, подавили сопротивление плохих ребят, обеспечили соблюдение перемирия и при этом не поплатились головой. Иными словами, что нам делать после установления мира? Нас

выпустят с планеты или карантин будет соблюдаться до тех пор, пока солнце Амадина не превратится в красного гиганта?

Дэвидж серьезно раздумывает над проблемой.

— Если перемирие не будет нарушено и мир между противоборствующими сторонами продлится, скажем, в течение года, то условия карантина будут пересмотрены так, чтобы позволить развиваться торговле, коммуникациям. После официального подписания мира Карантинные силы можно будет распустить. Тогда мы сможем разъехаться. Лично я отправлюсь в Талман-ковах предъявить свою талму джетаи диеа. Пусть голосуют еще раз и публикуют «Кода Нусинда». Вот какие у меня надежды.

— Надежды? — переспрашивает Йора.

Глядя на меня, Дэвидж криво усмехается.

— Помнишь, что сказал тебе Майкл Хилл по пути с Драко?

— «Если хочешь слышать смех Бога, что-нибудь спланируй».

Дэвидж грустно кивает, встает и выходит.

33

От Амадина нас отделяют три месяца пути. По уверениям овьетаха, компьютеры, запасные части и все остальное, что мы запросили, ожидают нас на орбитальной станции А-За Коу у планеты Викаан, в одном месяце полета от Амадина. У нас есть два месяца для работы с данными совместных дракско-земных Карантинных сил. Данные эти уже переданы из архивов Соединенных Штатов Земли в Талман-ковах. Кроме них, мы получаем самые свежие уточнения. По действующим правилам, такой допуск к информации предоставляется только самым серьезным исследователям положения на Амадине. Значит, наш статус уже весьма высок.

В нашем распоряжении развернутая историческая справка: схема организации управления, политическая история, экономика, денежное обращение, финансы, производство, торговля, демографическая ситуация, транспорт, сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добыча полезных ископаемых, культура и образование, экология, природные ресурсы, география, геология и так далее. При желании можно целыми днями читать про спорт и отдых на Амадине.

Информации море, но она по большей части бесполезна. Это, к счастью, не относится к досье, посвященным войнам и

терроризму: там приведены имена, названия организаций, даты и населенные пункты, методы проведения операций, даже особенности взаимоотношений и адреса.

О драках можно прочесть, что, помимо Маведах, на планете орудуют три группировки: «Тин Синдие», или «Дети Родины», «Ситармеда», или «Шестнадцать», названная в честь «Кода Ситармеда» Талмана, где рассказывается о Тысячелетней войне; «Туйо Корадар», или «Глаз Убийцы». Этими тремя структурами дело, увы, не исчерпывается: помимо них, действуют и мелкие неконтролируемые группки, не говоря об одиночках; все они успели наломать дров и навредить всем, кому только можно.

С людской стороны действует Фронт Амадина и четыре главные независимые группировки: «Черный Октябрь», в честь которого названа политическая партия на Земле; «Зеленый Огонь», названный так по не вполне выясненным причинам — возможно, по воле основателя; «Пятерки» — название объясняется количеством пальцев на человечьей руке; «Роуз» — названа в честь убитого председателя Фронта Гордона Роуза. Эти группировки, в свою очередь, распадаются на структуры помельче и неконтролируемых одиночек. Только за последние годы попытки заключить перемирие предпринимались семь раз; четыре раза перемирие срывал «Черный Октябрь», три раза — «Тин Синдие».

К своему удивлению, я узнаю, что большинство населения Амадина поддерживает мирные организации, не относящиеся ни к одной из враждующих сторон. Друзья Зенака Аби — это всего лишь одна среди сотен аналогичных группировок, насчитывающих от пятидесяти членов и выше. Такова ситуация, к примеру, в одном анклаве, где проживают больше миллиона людей и драков.

Наша деятельность должна опираться на существующую на планете организационную структуру. По мере поступления информации Кита и Жнец составляют таблицы, показывающие расположение и степень влияния всех организаций, расположение складов, тайников оружия, запасов продовольствия и одежды, мастерских по производству оружия и боеприпасов, госпиталей, электростанций, воинских частей и так далее.

Дэвидж показывает мне густо исписанный листок.

— Взгляни!

Я вижу имена и жизненный путь всех моих родичей; здесь же адрес в Гитохе, по которому, как предполагается, хранятся

архивы рода Язи. Если нам повезет, мы окажемся на Амадине, сумеем гарантировать перемирие и попасть в Гитох, то Дэвидж освятит своим присутствием ритуал моего взросления. Таковы мои фантазии...

По одной из таблиц легко определить, где идут бои. С помощью данных из таблицы строится большое голографическое изображение — огромный бело-голубой шар, испещренный красными точками и линиями. Я обнаруживаю, что в Южной Шорде за истекший год мало что изменилось. Йора Бенерес потягивается и громко произносит:

— Смотри, каким путем мы можем оказаться на поверхности!

Голограмма меняется: теперь я вижу небольшой Амадин и шесть карантинных станций на его орбите. Йора встает с диванчика и подходит ко мне.

— Полюбуйся, Ро! Тридцать лет пребывания на одном месте — и вот неизбежный результат!

Она нажимает клавиши на клавиатуре. Поверхность планеты становится ярко-оранжевой на экваторе и тускнеет по направлению к полюсам. Полярные области загораются синим светом. Орбитальные станции начинают оставлять розовые шлейфы. Становится очевидным, что две станции вращаются по эксцентрическим орбитам. Когда они оказываются к югу от экватора, синева северной полярной области становится обширнее и гуще.

— Понял?!

— Кажется, да. А военные спутники?

Нажатие на несколько клавиш — и у бегающих красных точек появляются зеленые шлейфы. Несколько точек группируются в тридцати градусах севернее экватора, другая группа занимает аналогичную позицию южнее экватора. Вся поверхность планеты, включая полюсы, становится оранжевой.

— Смотри!

Обе станции, перемещающиеся по эксцентрическим орбитам, и северная патрульная группа оказываются по разные стороны от полюса. Перед моими глазами разверзается великолепная синяя дыра — удобная лазейка для проникновения на планету извне.

— Это надолго? — интересуюсь я.

— Успеть можно. Надо предупредить Эли.

— Ты не могла бы вернуть прежнюю голограмму?

— Прости, я не знала, что ты работаешь. — Она вводит код, и планета увеличивается в размерах. — Изучаешь картину боев, как полководец, планирующий наступление? Вдохновляющее зрелище! Оказывается, большая часть планеты живет мирно. Утихомирить нескольких разошедшихся вояк — и дело в шляпе.

По-моему, это слишком легкомысленная шутка.

До станции А-За Коу всего день полета. Напряженная работа приносит результат: наконец-то у нас готов список имен и населенных пунктов, связанный с потенциальными нарушителями перемирия и с членством в организации, которую нам предстоит создать. Следующая задача — найти всех поименованных, наблюдать за ними, расширить список, отловить виноватых, доказать их вину, превратить их судьбу в показательный пример.

Обсуждаю с Китой и Йорой название нашей будущей организации. Для меня это не вопрос: только «Клинок Айдана»! Однако у них на сей счет собственные соображения.

— «Клинок Айдана» — великое понятие для драка, — соглашается Йора. — Ведь так называется одно из преданий Талмана!

— Но Фронт не поверит в наш нейтралитет и независимость, если мы наречем себя таким именем, — заканчивает Кита.

Немного поупиравшись, я уступаю и соглашаюсь на полную нейтральность не только по сути, но и по форме. К нам присоединяется Жнец, и мы до хрипоты спорим о названии. Согласия нет. Приходит капитан Мосс.

— Где Дэвидж?

— У себя, — отвечаю я. — А что?

— Два сообщения от Атруина'до Тимана. Во-первых, карантинные силы землян и драков выпустили совместное заявление о том, что Фронт и Маведах снова пытаются договориться о перемирии. Во-вторых, Эстоне Фална признан виновным. Приговор — бесконечный сон.

Мосс долго смотрит на меня, потом отворачивается и уходит в помещение для пассажиров. Я тащусь на ватных ногах к себе, чтобы побыть одному, в полной темноте.

34

Станция А-За Коу. Планета Викаан мерцает зеленовато-голубым светом, над ней плывут легкие белые облачка. Сама станция выглядит как велосипедные спицы без обода. На солнце каждая спица смотрится как стопки тонких вафельных полосок. Всего стопок-спиц восемь, причем три еще не достроены. Станция излучает причудливый свет. Вблизи оказывается, что в каждой спице не меньше четырнадцати слоев-этажей и по несколько тысяч освещенных иллюминаторов.

Гази Мрабет, Жнец, Кита и Дэвидж чем-то заняты, а я сижу в капитанской рубке на кушетке бортинженера и наблюдаю за процессом причаливания. Эли и Йора беспрерывно жмут на клавиши и обмениваются непонятными репликами друг с другом и с операторами на станции. Ответы операторов, судя по тому, что звучит в моих наушниках, не более членораздельны. На пульте управления бесчисленные цифры, схемы, разноцветные огоньки. Несмотря на кажущийся информационный хаос, «Эол» неуклонно движется к одной из восьми слоистых спиц. Вблизи оказывается, что в каждом слое по несколько причалов, способных принимать корабли разных размеров. Наш корабль идет следом за пятью другими, каждый из которых нацеливается на собственный помигивающий док. Я наблюдаю величественный бесшумный балет: колоссальные корабли расплываются по ячейкам. Настает и очередь «Эола» завершить плавание. Он замирает и втягивается внутрь неописуемо сложной конструкции. Все происходит так плавно, что я не замечаю, когда прекращается движение. Эли и Йора закрывают свои панели управления и дружно встают.

— Ну, что скажешь? — обращается ко мне Йора.

Я настолько потрясен масштабом и красотой происшедшего, что не нахожу достаточно выразительных слов. Эли смотрит в иллюминатор.

— Тебе не было скучно? — спрашивает он меня. — Когда швартующийся корабль не встречают стрельбой, меня клонит в сон.

Йора и капитан направляются к директору орбитального космопорта, а мы с Дэвиджем, Китой и Жнецом проталкиваемся сквозь толпу викаан, людей, драков и каких-то неведо-

мых мне созданий, чтобы доехать на специальном транспорте от стыковочного уровня Экст-99 до грузового уровня Экст-98. На почти пустой платформе нас ждет знакомый персонаж — Эстоне Нев. На старом драке темно-коричневые брюки, башмаки, черная мантия. Дэвидж при виде Эстоне Нева бледнеет.

Как только открываются двери вагона, Жнец устремляется в портовую контору, а мы с Китой ждем, пока Дэвидж поздоровается с Эстоне Невом. Оба молчат. Нев невыносимо печален, Дэвидж не может смотреть ему в глаза. Нев проводит рукой по щеке человека и привлекает его к себе. Дэвидж дрожит от волнения.

— Ты не виноват, Уилл. Фална сделал собственный выбор.

Кита сжимает мне руку. Я вижу, что ее глаза полны слез, и торопливо отворачиваюсь, чтобы самому не расплакаться. Нас ждет слишком много убийств и смертей, чтобы пускать слезу уже сейчас, особенно вспоминая Фалну. Чувствуя чье-то прикосновение к своему плечу, я оборачиваюсь. Это Эстоне Нев.

— Прости меня, Нев... — бормочу я.

Он обнимает меня и шепчет в самое ухо:

— Тебе не за что просить прощения, дитя мое.

— А Фална? Если бы я...

— Не казни себя, Язи Ро. Если этого не делаю я, то тебе и подавно не годится.

Гораздо позже, сидя в темноте и в одиночестве в своей каюте на станции, я снова борюсь с обступившими меня демонами. Почему вечное усыпление убийцы — убийцы, покушавшегося и на меня, — удручает меня сильнее, чем смерть любого из тех, кто меня любил? Я упорно размышляю и вижу единственное приемлемое объяснение: все, за исключением моего родителя, должны были умереть, и я ждал их смерти. В их любовь я не мог до конца поверить, потому что все мы всегда кое-что друг от друга утаивали. Все мы ждали смерти — своей и чужой. Фална был другим: у него было восхитительное прошлое и не менее восхитительное будущее. Избранник судьбы, он должен был жить в мире, любви, достатке и довольстве. Вот почему я поверил в его любовь ко мне. Вот почему полюбил его. Вот почему непослушная частица моей души продолжает его любить.

Что такое бессрочное усыпление при бодрствующем подсознании? В отличие от сна в капсулах на космическом кораб-

ле, где время, даже при теплящемся сознании, сжимается так, что месяцы кажутся часами, усыпление в капсулах тиманского «Карнарака» происходит в реальном времени. Каждый момент повторяется без конца: суд, судебные материалы, лекции и уроки морали; суд, судебные материалы — и так до бесконечности! Единственное спасение — в безумии. Но у Фалны сильная воля, такому трудно обезуметь. На это уйдут годы, а то и десятилетия. А впрочем, для спасения могут потребоваться и считанные месяцы. Такому блестящему уму необходима стимуляция. Неподвижность и перспектива вечного пребывания в клетке размером с собственное тело — какое безжалостное сочетание пыток! Возможно, в этот самый момент Фална надрывается беззвучным криком. Он так молод! Если ему суждено пойти долгожительством в Эстоне Нева, то мучения продлятся еще пять десятилетий.

Я вглядываюсь в окружающую меня тьму. Она уже не может служить мне тайником. В темноте напрягаются и гудят тысячи невидимых нитей. Я встаю с доски для медитации и выхожу в гостиную, о которой позаботился Эстоне Нев. Престарелый драк очень ради нас постарался. Узнав от Джеррибы Шигена о талме, он захватил на станцию дополнительный груз. Вместе с компьютерами, различными припасами, инструментами и всем прочим он привез восемь энергоплатформ, каждая из которых в собранном виде способна поднять до шестидесяти солдат в полном боевом оснащении. Еще важнее то, что такая платформа может принять полезный груз, аналогичный шестидесяти экипированным воякам. Нев напомнил нам слова нашего покойного недруга Хиссиеда-до' Тимана: «Враг, верящий, что ему есть смысл защищать определенное место, укрепляет его и тем самым ставит на себя самого капкан». Исходя из этих соображений, вся наша операция, включая маленький цех по сборке компьютеров Гази Мрабета, задумана как аэромобильная.

Дэвидж и Нев сидят друг напротив друга на мягких диванчиках. На третьем диванчике расположилась Кита, не сводящая взгляд с монитора ручного компьютера из партии, которую как раз в этот момент грузит в «Эол» команда. Завидев меня, Кита улыбается.

— Ты должен взглянуть на компьютеры, Ро. Это именно то, что нам требуется.

— Отлично! — Я подсаживаюсь к ней. Пока Дэвидж и Нев обсуждают амадинскую талму, я разглядываю компьютер, полный восхищения. Кита рада удовлетворить мое любопытство.

— Зачем ты сюда прилетел, Нев? — слышу я вопрос Дэвиджа, обращенный к старому драку. — Груз мог бы сопровождать кто угодно.

— А энергоплатформы, а специальное оборудование?

— С этим справился бы Орин или любой торговый агнет.

Нев внимательно смотрит на Дэвиджа, потом отводит взгляд.

— То, что вы задумали провернуть на Амадине, исключительно опасно.

— Еще бы!

— Неужели ты предпочел бы отказать мне в последней встрече, Уилл?

Дэвидж виновато вздыхает.

— Конечно, нет! Я очень рад тебя видеть. — Он неуверенно поднимает глаза. — Но это не все... Ведь отсюда ты отправишься на Тиман?

Нев собирается ответить пространно, но передумывает.

— Да, на Тиман.

— Зачем?

— Разве недостаточно, что там пленен мой потомок?

Дэвидж очень напуган услышанным.

— Не делай этого, Нев! Даже целая армия не смогла бы вызволить осужденного из центра заключения «Карнарак».

— Я не вынашиваю подобных планов, — возражает Нев. — Для этого я должен бы был отвергать приговор, вынесенный на Тимане, а я с ним согласен. Фална — убийца, а среди убитых им — Тай, сын Джеррибы Заммиса. — Старый драк застывает, как будто его оглушили произнесенные им же слова.

— Тогда что тебе делать на Тимане?

— Я знаю, в каком состоянии содержат Фалну: усыпление с сохранением подсознания. — Нев указывает кивком на Киту. — Ее напарник в «Ааква Луа», Мирили Санда, все мне рассказал. По талманскому закону существует вариант наказания, альтернативный бессрочному усыплению. Я советовался с юристом, и он подтвердил это. Выход существует!

Эстоне задирает голову, воодушевленный своей трагической миссией.

— Фалну можно умертвить. В качестве единственного его живого предка один я имею законное право лишить его жизни. — Он воздевает руки и недоверчиво разглядывает их. — Только так, вручную... Никаких медикаментов, никакого оружия, ничего! — Взгляд Нева встречается с моим. — Я лечу на Тиман, чтобы собственноручно отнять жизнь у своего потомка.

Нев и Дэвидж крепко обнимаются. Кита обнимает их обоих. Я выбегаю из гостиной, напуганный тем, какой ужас ждет несчастного старца, и гневаясь на Фалну, из-за которого Неву придется на такое пойти.

«Когда «пастилка счастья» нужна, ее никогда не бывает», — сказал Мин, умирая в воронке от снаряда под Дугласвиллем. Я вспоминаю его слова, когда бреду бесконечным цветным коридором по транзитному комплексу, надеясь чем-то отвлечься. Торговые павильоны предлагают товары, которые мне совершенно ни к чему. Больше интереса вызывает салон развлечений — книжки, игры, диски, видеокассеты, мониторы. Но совсем скоро мне становится ясно, что мне не хватит терпения, чтобы прочесть книгу, прослушать диск, просмотреть видео.

Пока я раздумываю, как бы дать выход своим чувствам, монитор у меня за спиной, проиграв рекламный ролик, начинает передавать новости. Согласно сообщению викаанских корреспондентов, цитирующих доклад дракско-земных Карантинных сил, очередное перемирие между Фронтом Амадина и Маведах, продлившееся 11 дней, было нарушено 6 часов назад: отряд «Черного Октября» напал на мирную дракскую общину Намндас в Серебряных горах Южной Шорды и перебил всех жителей, включая детей...

Экран заслоняет физиономия Жнеца.

— Наконец-то я тебя нашел!

— Да... — В данный момент мне не очень-то хочется якшаться с человеком. Меня едва не разбивает паралич: я разрываюсь между желанием кромсать всех людей, до которых я смогу дотянуться, и осознанием, что Жнец — мой союзник.

— Я проверил списки имен и наткнулся на двоих своих старых дружков из тзиен денведах. Хорошо бы переманить их на нашу сторону: они окажутся полезными членами команды. Я связался с ними, и они пожаловали на встречу. Не желаешь прошвырнуться со мной?

— Сейчас я бы предпочел швырять гранаты, Жнец.

Бывший убийца внимательно смотрит на меня и улыбается.

— Услышал про обстоятельства нарушения перемирия? Я знаю, что тебе поможет, Ро. Идем! У этих ребят не очень приятная компания. Лучше, если рядом со мной будет друг.

Инстинкт подсказывает, что правильнее будет вернуться к себе и залечь в постель, но подсказка слышна плохо — уж больно тиха. Поэтому я присоединяюсь к Жнецу, задумавшему возобновить старые приятельские отношения, пусть даже ценой потасовки.

35

На станции перепутаны верх и низ. «Верх» — это концы спиц, потому что туда мы, подчиняясь искусственной гравитации, обращены головами. Соответственно «низ» — это противоположная сторона. Но за пределами «низа» расположены еще семь «верхов». Изучив карту, мы с Жнецом отправляемся в самый далекий из достроенных секторов — под номером 44. В вагоне с нами едут пассажиры двух категорий: викаанская полиция и удалая публика, мечтающая о развлечениях, хаосе и разрушении. Я, разумеется, причисляю себя к последней.

С платформы, помеченной номером 44, берут начало восемь галерей, где вовсю торгуют наркотиками, сексом, играми, всевозможной экзотикой. Здесь перемигиваются яркие фонари, пахнет невесть чем, световая реклама создает иллюзорные объемные оазисы, сменяющиеся островками слепящего света и громыхающей музыки.

Пройдя примерно половину коридора номер 6, мы сворачиваем влево и шагаем другим коридором, описывающим дугу, под фиолетовыми фонарями. Наконец Жнец заходит в заведение под названием «Джадай Диеа». Это игра слов, производное от «джетаи диеа», «палата мудрецов». Между прочим, буквальное значение «Джадай Диеа» — «ночной горшок».

Внутри темнота, дергающаяся музыка, смесь ароматов нескольких тлеющих сортов наркотических трав. Я вижу семь-восемь драков, остальные посетители — люди и викааны. Жнец встает на цыпочки, пытаясь увидеть кого-то поверх голов, потом хватает меня за руку и куда-то тащит сквозь толпу. Посередине танцевальной площадки, вернее, над ней я вижу три

парящих нагих тела, освещенных белыми прожекторами, — мужское, женское и дракское. Они синхронно движутся и колеблются в поразительном эротическом танце. Кто-то сует мне в руку неведомый напиток, и я, уже опьяненный зрелищем, пью, не заботясь, что это.

Рука Жнеца у меня на плече возвращает меня к реальности, вернее, к нереальности «ночного горшка». Допив жидкость, я следую за своим проводником, чувствуя, как у меня немеют кончики пальцев на руках и на ногах. Из обрывков разговоров, зрелища мундиров, оружия, украшений на стенах и на потолке — или правильно сказать на полу? — я заключаю, что значительное большинство посетителей притона — бывшие или действующие наемники на службе у Палаты драков, Викаана и еще двух-трех государств Сектора.

Там, где кончается толпа, начинаются столы. Викаанские официанты и официантки снуют взад-вперед, таская на столы еду и напитки, собирая кредитные жетоны, обещания заплатить, изредка — наличность. Столы громоздятся ярусами; на втором ярусе сверху за одним из столов сидят две женщины, мужчина и драк. Одна из женщин, блондинка, вообще-то не сидит, а спит, уронив голову на руки. Вторая, очень темная брюнетка, напевает себе под нос какую-то диковатую песенку. Мужчина сидит, откинувшись и с разинутым ртом; то ли он уже не дышит, то ли мертвецки нализался. Драк отдал должное «пастилке счастья» и отчаянно косит глазами. Жнец останавливается у их стола, и брюнетка, сохранившая остатки сознания, прекращает вой, шарит левой рукой под правой, потом удивленно разглядывает саму себя.

— Надо же, я в платье! Жнец, подлый сукин сын, откуда ты здесь взялся?

Жнец злорадно ухмыляется.

— Заглянул поздороваться и заодно наставить тебя и твоего драка на путь истинный.

При этих его словах она шарит уже не у себя под мышкой, а под столом, но не успевает она выпрямиться, а Жнец уже держит ее на мушке пистолета, едва не касаясь дулом ее носа. Женщина мигом успокаивается и широко улыбается.

— Думаю, я не причиню себе вреда, если послушаю твой лепет.

Она медленно выпрямляется, кладет руки на стол, косится на драка.

— Кудак, детка, взгляни, кто к нам пожаловал!

Одуревший драк дергает головой, тщетно пытаясь сориентироваться, и наконец упирается бессмысленным взглядом в лицо Жнеца. В следующую секунду у Кудака ползет вниз нижняя челюсть, он мгновенно приходит в себя и сует руку под куртку. Но это он делает зря: пистолет уже нацелен ему промеж глаз.

— Надеюсь, у тебя там анальная свечка, Кудак. Даже если это окажется что-то другое, все равно придется запихнуть это тебе в задницу.

Драк презрительно кривит бровь.

— Боюсь, Жнец, тебе не дано понять, что у драков в отличие от вас, людишек, нет задницы.

— Это нисколько не влияет на мои намерения, Кудак. Просто подскажи, в каком месте ты предпочитаешь иметь задницу, — там и пробуравим.

После недолгого колебания Кудак вынимает руку из-за обшлага и показывает пустую ладонь. Я озираюсь и обнаруживаю, что в нашу сторону глядят сразу несколько мало приятных личностей, произносящих меж собой зловещие слова. Я дергаю Жнеца за руку.

— Осторожно, мы привлекаем внимание.

— Половине из них эта парочка наверняка задолжала денежки. Сообщи мне, если появятся желающие вернуть долг, — отвечает мне Жнец, не сводя глаз с женщины и Кудака. — Ро, позволь представить тебе бывшую миссис Эрнст Брандт, или, говоря попросту, Салли Редфивер, и ее дружка Гава Кудака. Салли, Кудак, я счастлив познакомить вас с моим приятелем Язи Ро.

— Невидимка? — спрашивает Салли.

— Отчего же? — осторожно откликаюсь я, вызывая всеобщий смех.

Жнец опускает оружие, умудряясь смотреть одновременно на меня и на бывшую спутницу жизни.

— Салли интересуется, не шпион ли ты. А она догадлива!

— Действительно, — соглашаюсь я.

Официант-викаан обносит напитками тех, кто еще подает признаки жизни, и выразительно смотрит на Жнеца. Тот кладет ему на поднос несколько кредитов. Я беру свой стакан и киваю Гаву Кудаку и его женщине.

— Вы работаете или ищете работу в захватывающем мире излечившихся от наркозависимости?

Жнец хохочет как полоумный, Салли внимательно разглядывает меня своими карими глазами, словно прикидывает, саван какого размера мне подойдет. Грубияны у меня за спиной замечают напряжение. Один кричит:

— У тебя неприятности, Сал?

— Либо неприятности, либо предложение подработать. О результате сообщу.

Кудак показывает на два свободных табурета.

— Присаживайтесь!

Мы подчиняемся. Жнец убирает за пазуху оружие.

— Я заодно с Ро и его бандой. У них не план, а загляденье!

— Где, когда, как? — выпаливает Кудак.

— И сколько? — присовокупляет Салли, вспоминая о главном.

— Сначала насчет «где»: на Амадине, — отвечает Жнец. Его бывшая жена уважительно присвистывает. — «Когда» — прямо сейчас: мы пробудем здесь не больше двух дней. А вот с «как» есть кое-какие сложности. — Он призывает на помощь меня: — Только коротко, приятель.

Не больше трех десятков слов — про то, как остановить многолетнюю войну...

— Мы создаем нейтральную силу, которая будет наблюдать за соблюдением перемирия, находить и устранять нарушителей. Наша цель — мир.

Пристально глядя на меня, Салли кивает — по-моему, одобрительно.

— Сколько? — повторяет она свой любимый вопрос.

Жнец хмурится и отворачивается, барабаня пальцами по столику.

— Боюсь, этот вопрос у нас недостаточно проработан.

Кудак и Салли дружно разевают рты.

— Не проработан? — повторяет Кудак и взглядом приглашает свою спутницу посмеяться над нашей наивностью. — Сам Жнец не знает, сколько на всем этом наварит! Смертельно опасная заваруха в самом горячем пятачке Сектора, а он, видите ли, не в курсе!

— Считай, что мы с вами, Язи Ро, — произносит Салли. — Ужасно любопытно, что вынуждает Жнеца рисковать бесплатно.

Я допиваю свою порцию и показываю на остальных двоих.

— А они?

Салли тормошит мужчину, но не добивается реакции. Приходится сбросить его с табурета. Он безжизненно сползает на пол, увлекая за собой крепко спящую женщину. Салли пожимает плечами.

— Не хотите — не надо.

Драк и землянка ютятся в комнатушке в задней части клуба, при кухне, вернее, в углу склада, где есть место только для лежанки. Рядом с лежанкой восседает на ящике с туалетными принадлежностями пожилой драк. При нашем появлении он встает, указывает на два собранных рюкзака и докладывает по-дракски:

— Все готово, Салли. Чистота и порядок. Все на месте: я сторожил.

Салли одобрительно треплет драка по щеке.

— Молодец, Ток. Я тобой горжусь.

Пожилой драк косится на Жнеца, потом, продолжая свой отчет, указывает на лежанку.

— Ни одной складки, Салли. Взгляни!

Салли снимает платье, аккуратно кладет его в белую коробку и натягивает брюки, мягкие сапожки, коричневую куртку.

— Лежанка снова твоя, Ток. Оставляю тебе платье. Его можно продать за хорошие денежки. Мы с Кудаком улетаем в командировку.

— Что еще за командировка? — хмуро спрашивает Ток.

— Сама толком не знаю. Мы летим на Амадин устанавливать мир — это все, что мне удалось выяснить.

Кудак надевает рюкзак. Ток удрученно качает головой.

— Амадин обречен. Слушайте мудрецов. Они знают. — Драк вглядывается в Жнеца. — Кажется, ты — один из моих детей-людей?

В глазах Жнеца я к своему удивлению вижу слезы.

— Да, джетах. Эрнст Брандт, седьмой офицер, ильшеве.

— Эрнст... — повторяет драк. Имя ему незнакомо. — Прости, не помню. Но я знаю всех своих детей, просто не помню лиц. Столько всего случилось... — Ток опускается на лежанку, твердя: — Все мои дети... Все — мои дети.

Жнец стоит, широко расставив ноги, заложив пальцы левой руки за ремень и прижав правую ладонь к груди — знак приветствия в тзиен денведах. Заметив это, старый драк с трудом встает и делает то же самое.

Мы пробираемся вчетвером сквозь толпу. Жнец погружен в воспоминания и не произносит ни слова. Кудак и Салли опередили нас и вот-вот затеряются в живой каше. Неожиданно мне на грудь ложится мохнатая пятипалая лапа. Я останавливаюсь как вкопанный. Физиономия у обладателя лапы устрашающая, челюсть такая, что перед ней не устояли бы даже древние камни Талман-коваха.

— Извини, кальмар, но ты вылакал мою выпивку и не заплатил.

Стакан я помню, все остальное тонет в тумане. Желая кончить дело миром, я достаю деньги.

— Прошу меня простить, если я присвоил то, что мне не...

Жнец не позволяет мне унизиться.

— У тебя проблемы, приятель? — спрашивает он почти вежливо, не скрывая любопытства.

Субъект с тяжелой челюстью не желает отступать.

— Это наши с драком счеты, дубина. Отвали!

Вернувшаяся Салли пытается встать между мной и бетонной челюстью, оттеснив Жнеца.

— Тебе больше нечем заняться?

— Нечего вязаться к моим друзьям!

— Ты думаешь... — пытается встрять Кудак, но тут же получает по физиономии, отлетает и врезается в крупного драка, валясь на пол вместе с ним. Разглядеть их возню мне не удается: Жнец разбивает в кровь нос, примостившийся над челюстью. В следующую секунду многочисленные персонажи — драки, люди, викааны, которых я в жизни не видал и никак не мог им напакостить, изъявляют готовность отвесить мне оплеуху или пинка. Я вижу над собой тень и успеваю догадаться, что это крышка стола. Прежде чем меня покидает сознание, я успеваю увидеть, как Жнец, радостно размазав по лицу кровь из собственного разбитого носа, колотит кого-то головой о переборку, а Салли с Кудаком, сбросив рюкзаки, спешат присоединиться к потасовке.

36

Дни идут, швы затягиваются. Амадин остается беленьким кружком, видимым, впрочем, среди звезд невооруженным глазом. Мы полны серьезности, словно нас ждет испытание, от которого зависит судьба мира. Собственно, так оно и есть. Я

уже не держусь за щеку и усердно тружусь вместе с Кудаком и Салли, приближая осуществление судьбы, предначертанной талмой.

Салли Редфивер — убийца и следователь, давняя партнерша Жнеца. Кудаку предстоит вести допросы. Его задача — определять, годятся ли кандидаты в будущие разведчики, следователи, допрашиватели или «кроты». «Кротами» будут те, кто, вернувшись в свои деревни, дома, подразделения, станет терпеливо ждать приказа раздобыть какие-то сведения, опознать или убрать кого-то — соседа, партнера, друга, родственника.

Пока мы тренируемся с помощью компьютеров и беспрерывно совершенствуем свои планы, Гав Кудак знай себе читает и все запоминает. Информации разливанное море: к его услугам все сведения об Амадине, накопленные Карантинными силами землян и драков. Кудак выносливее остальных: все забываются сном, а он не отходит от компьютера.

У Дэвиджа и у меня другая задача: мы составляем резервные планы, программы действий на случай непредвиденных обстоятельств, списки припасов, оружия и так далее. У меня закрываются глаза от усталости. Дэвидж смотрит не на монитор, а в пустоту.

— В чем дело? — бормочу я.

— Озарение! — с улыбкой отвечает мне человек. — Я вдруг осознал, что из всей теперешней команды я меньше всего гожусь на руководящую роль.

— Такова твоя талма! — напоминаю я ему.

— Наша талма, Ро. — Дэвидж качает головой. — Но я все равно озадачен. Я никогда никого никуда не вел, никого не организовывал, вообще не делал ничего такого, что подразумевает эта талма. У тебя хотя бы есть опыт боев на Амадине. У Мосса и Бенерес опыт воздушных боев и контрабандных операций. Гази хорошо владеет компьютерами, Жнец и Салли — опытные дознаватели, Кудак — мастер допроса. А главное, все вы молоды, а я всего-то и умею, что жить в одиночестве в пещере и не давать маленьким дракам резать себе пальцы, пока они не повзрослеют. Не пойму, почему эта талма каким-то образом зависит от меня.

Я устало машу рукой и говорю с улыбкой:

— Если бы ты знал путь, дядя Уилли, то это уже не был бы путь.

Дэвидж смеется, потягивается, указывает кивком головы на пассажирский отсек и бормочет, подавляя зевок:

— Может, моя истинная задача — найти того, кто сможет все это возглавить? В любом случае жребий брошен. Пройдет не больше двадцати часов — и либо мы опустимся на Амадин, либо превратимся в бесчисленные ионизированные частицы, носящиеся в пространстве. А пока что прикорнем.

Я плетусь к себе, удивляясь, как много всего разделяет мыслящих существ и как много их объединяет: любовь, дружба, дело, война... Дверь в каюту Кудака, расположенную напротив моей, приоткрыта. Кудак сидит за узким столиком, не отрываясь от монитора маленького компьютера.

— Почему бы тебе немного не отдохнуть?

Он разводит руками.

— Наверное, ты прав, Ро. — Он трясет фляжкой. — У меня остался горячий чай. Составишь мне компанию?

— Не откажусь.

Я вхожу и сажусь с ним рядом. Кудак разливает чай и пододвигает мне чашку. При первом же глотке я чувствую вкус теплых дождей и цветов Камы.

— Как вкусно! Спасибо, Кудак.

— Не за что. Бери конфетку. — Он протягивает коробку с засахаренными фруктами. Ума не приложу, откуда у него такое лакомство.

— У тебя осталось совсем мало.

— Бери! — настаивает он. — С меня хватит, набаловался.

От вкуса дракского деликатеса у меня кружится голова. Я бы никогда им не пресытился.

— Спасибо, Кудак. Ужасная вкуснятина!

— Как не побаловать земляка!

— Ты тоже из Гитоха?

— Не совсем. Из Хуне, к западу от Гитоха.

— Я знаю, где это. Один мой знакомый переехал в Хуне четыре года назад, когда восточнее Гитоха разгорелись бои, и его родитель не выдержал.

— Его, случайно, звали не Диело Ино?

— Да! Ты его знаешь?

Кудак разом грустнеет.

— Знал, пока не погиб мой родитель. Мы с Равином Ни ждали, какое решение примет сортировщик. Выбор Чоя Леха пал на меня, и я стал учиться на солдата Окори Сиков.

Кудак воевал в Маведах, как и я, и тоже умудрился покинуть планету с помощью одного продажного офицера Маведах. Мы долго болтаем, вспоминая общих друзей детства, командиров, у которых служили, три сражения, в которых участвовали, особенно бой под Дугласвиллем.

Кудак рассказывает о ранениях, которые он там получил, об обожаемом командире, встретившем там смерть. Я смутно помню разговоры о гибели Баса Шараха вскоре после смерти моего Мина. Я так мучился, что весть об участи Баса Шараха уже не смогла удручить меня еще больше. Что до Гава Кудака, то его по-прежнему не покидает образ Баса. Он заканчивает свой рассказ, и мы вместе льем слезы. Наступает мой черед: я вспоминаю Мина и человека с флейтой. Это только затравка: плотину сносит, и боль выплескивается наружу. Я говорю обо всех: об Аво, нашей Дюжине, Пине. Потом приходит черед Джеррибы Шигена, Матопе, Кобока, моих страхов и сомнений из-за талмы и моей роли в ней... Я чувствую, что Кудак — самое ценное, что только может быть в жизни: настоящий друг.

Покидая его, я кладу руку ему на плечо и желаю хороших снов. Кудак закрывает свою коробку со сладостями.

— Ты должен узнать обо мне еще кое-что, Ро.

— Все мы совершали поступки, которыми трудно гордиться, Кудак. На то и Амадин.

— Нет, то, что я сейчас скажу, во сто крат постыднее. Видишь ли, я с Драко. На Амадине я никогда не бывал.

Я стою болван болваном, с разинутым ртом, так и не сняв руку с плеча Кудака.

— Не верю! Ты столько всего рассказал, столько знаешь...

— Я хорошо изучил файлы Карантинной службы.

У меня вылезают из орбит глаза, но я еще не оставил попыток разубедить нового друга.

— Многого из того, что знаю я, Карантинная служба никак не может знать! Гитох, Хуне, Диело Ино...

— Кое-что ты рассказал мне сам, о чем-то я догадался. Но большая часть сведений — отсюда. — Он трогает компьютер. — Карантинщики — скучнейшие писатели на свете, зато весьма осведомленные.

Я сдергиваю руку с его плеча, чтобы не наброситься на него с кулаками.

— Зачем тебе понадобилось врать? К чему эта игра?

Кудак убирает коробку со сладостями в ящик. Я успеваю заметить там не меньше десятка таких же коробок.

— Ты спрашивал, почему я тружусь без отдыха. Все очень просто: пользуясь тем, что почерпнуто из файлов, я создал комфортную для тебя атмосферу и побудил рассказать всю историю жизни, назвать имена, места, даты, не скрывать чувства. Теперь я знаю о тебе все, что имеет хоть какую-то важность, от приема в Маведах до интимного приключения с Фалной. Стольких еще предстоит допросить, столько нового узнать! Так что мне не до сна.

Он возвращается к компьютеру, я бреду к двери.

— Гав Кудак, — говорю я с порога, — как тебе удается оставаться в живых?

— Не со всеми я так откровенен, как с тобой, Ро. К тому же я хороший бегун.

37

Амадин. Я рискнул свободой, более того, жизнью ради возвращения в единственное во всей Вселенной место, которое ненавижу.

«Ты обязательно вернешься, Язи Ро. Это истина, не подлежащая сомнению»... Пророчество Зенака Аби не выходит у меня из головы, пока мы, закончив сборы, укладываемся на ускорительные кушетки, чтобы лежа ждать, пока летная программа проведет нас через полосу препятствий, выставленных Карантинными силами. Как именно Аби, забравшийся мне в мозги, определил, что мне суждено возвращение? Как он умудрился понять то, что было совершенно непонятно мне самому? В иллюминаторе виден уголок Амадина. Мне вдруг начинает казаться, что мы затеваем нечто совершенно невероятное. Меня охватывает паника.

— О'кей, — раздается в наушниках голос капитана. — Начинается!

Искусственная гравитация отключается, и в ушах звучит голос Йоры. Она считает:

— Четыре, три, два, один... Пошло!

Огромная невидимая рука с чудовищной силой давит мне на грудь. Корабль делает вираж вправо, от ускорения его сотрясает сильнейшая вибрация. Оглушительный рев мешает слы-

шать Эли и Йору, мои пальцы до боли впиваются в подлокотники. Вираж влево — и все мои внутренности норовят оказаться в глотке. «Эол» падает, и падению, кажется, не будет конца. Я стараюсь не закрывать глаза и с ужасом вижу за иллюминатором пламя.

— Проходим сквозь плотные слои атмосферы! — кричит Дэвидж. — Все в порядке. Мы преодолели карантин. Добро пожаловать домой!

Домой! В пылающий ад... Впрочем, пламя быстро затухает, и я вижу внизу покрытые льдом горы.

Я не был дома с самой битвы при Гитохе. На Дружбе я позволял себе фантазировать и воображал, будто живу ребенком в пещере Дэвиджа, изучаю мудрые книги, историю своего рода и все то, что постигал Гаэзни: охоту на змей, выделку кож, шитье, стряпню, устройство спальных мест, изготовление обуви и одежды...

Я дома.

Фална устроил пожар, потом выстрелил ракетой по пещере, где сам вырос, так что на этом мои фантазии померкли. Тем не менее пройдет еще три месяца, прежде чем Эстоне Нев доберется до «Карнарака», до Фалны. Хватит ли у престарелого драка сил собственноручно задушить своего потомка и тем самым покончить со своим родом? Заслуживает ли Фална такой любви?

— Через минуту пересекаем линию «терминатор», — предупреждает капитан.

Я сбрасываю ремни, сползаю с кушетки и тороплюсь в рубку, чтобы успеть полюбоваться мерцающим морем Шорда, далекой береговой полоской, Серебряными горами, окрашенными закатом в красные и оранжевые тона. Согласно информации Карантинной службы, Зенак Аби и его последователи по-прежнему скрываются в Серебряных горах. При снижении я замечаю дым и зеленые нити энерголучей, тянущиеся на юго-восток. В глаза бьет блеск озера Шеринг, рядом с которым в очередной раз вспыхнули бои. Центр боев — Риехм Во: все уже успели позабыть, сколько раз переходил из рук в руки этот второстепенный населенный пункт...

— Ты бы пристегнулся, Ро, — советует Йора. — Скоро посадка.

Я послушно возвращаюсь на свое место, в очередной раз переполненный предчувствием бессмысленности нашей затеи.

Как видно, Дэвидж, Салли, Кудак и Жнец размышляют в этот критический момент о том же. Пристегнувшись и напялив наушники, я откидываюсь, крепко закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на своих вдохах и выдохах.

— Линия «терминатор»! — объявляет Эли.

— Уилл, — обращаюсь я к Дэвиджу, — а что, предок-тезка овьетаха был признанным военным вождем, подобно тому, как сам овьетах возглавляет ныне Ковах и джетаи диеа, а Заммис — крупная фигура в бизнесе?

Человек не торопится с ответом.

— Нет, Джерри был вроде меня: у обоих не было особых причин хвастаться победами. Джерри был у меня третьим.

— А скольких сбил Шиген?

— Джерри никогда не говорил, скольких укокошил. Я подозревал, что открыл его список. Ты разочарован?

— Это не разочарование, просто замешательство. Ты твердишь, что остаешься всего лишь человеком, а твой враг и друг — всего лишь драк, тем не менее вы вдвоем стояли у истоков колонизации целой планеты!

Он почесывает подбородок, бросает взгляд на Киту, пожимает плечами.

— Пойми, Ро, в Джерри не было ничего необычного, кроме одного выдающегося достоинства: любви. Любви к жизни, к Драко, к своему роду, к Талману, к дитя, которого он так и не увидел... — Голос Дэвиджа становится хриплым. — Джерриба Шиген научил меня любви простым способом: он сам меня любил. Памятник ему — планета Дружба и продолжение рода Джерриба. Если эта талма осуществится, если мы действительно принесем на планету мир, то только благодаря любви, инструментами которой все мы служим.

Голос Эли в наушниках предупреждает:

— Мы над горами, перед нами вершина Атахд. Одна из узких долин внизу населена. Кажется, население мирное. Йора, на всякий случай включи защитные экраны.

Я чувствую спуск и жду удара о поверхность. Наконец мы соприкасаемся с планетой Амадин. Двигатели стихают, я сбрасываю ремни и опять тороплюсь в рубку. Застыв между Эли и Йорой, я смотрю в иллюминатор, в темноту. Там горят ручные фонари. Один из встречающих освещает фонарем свое лицо.

— Отключи экраны, Эли, — прошу я. — Это же Зенак Аби!

Капитан нажимает на несколько клавиш и снимает ремни.

Я первым сбегаю по трапу, жадно вдыхая знакомый аромат остывших к ночи гор. На Зенаке Аби все те же человечьи штаны, на подбородке — свежий шрам, на лице — памятное выражение плохо скрываемого веселья.

— Добро пожаловать домой, Язи Ро. Ты привез все, что хотел?

Я протягиваю Аби экземпляр «Кода Нусинда» и отвечаю:

— Все, джетах. Любопытно, подойдут ли тебе мои подарки?

Зенак Аби рассматривает моих спутников. Его взгляд задерживается на Дэвидже.

— Вряд ли такие дары могут быть должным образом вознаграждены.

— Мы прибыли не за наградой, Зенак Аби, — отвечает Дэвидж.

Веселое выражение на лице Аби сменяется на отчаянное. Он оглядывается на своих друзей, не выходящих из темноты, потом смотрит на книгу. У него дрожат руки.

— Хорошо. Мы вернемся домой и проведем примерку.

38

В своей новой большой пещере — заброшенной медной шахте глубоко в горах, в получасе ходьбы от места нашего спуска — Зенак Аби собирает предводителей своего кочевого сообщества. Кто стоит прямо, кто опирается о стену, кто сидит на камнях, на ящиках, прямо на полу. Все как один поглощены моим рассказом — историей талмы Аби и планами ее использования на Амадине. Рассказывая, я внимательно слежу за слушателями — людьми и драками, — поедающими глазами меня и моих спутников. Судя по выражениям лиц, кое-кому это действительно интересно. Но есть и скептики, и разочарованные; еще больше напуганных.

— Мы, люди и драки, создадим независимую силу, ставящую перед собой одну-единственную цель: обречь на провал всякую попытку саботировать перемирие. Террорист из «Черного Октября», «Тин Синдие» или любой другой группировки, сопротивляющейся прекращению огня, будет взят под контроль еще на стадии подготовки террористического акта. При попытке его осуществления он будет схвачен за руку. Мы не

остановимся перед убийством террориста, более того, заявим о себе как об исполнителях приговора и объясним, почему были вынуждены на это пойти. Если же мы не успеем вмешаться и теракт будет осуществлен, то мы отыщем виновных и покараем их смертью, оставив свои опознавательные знаки.

— И таким способом будет положен конец смертям? — саркастически спрашивает бородатый человек, привалившийся к стене справа от меня.

— Нет, — отвечаю я. — так будет положен конец войне.

Я обвожу собравшихся взглядом, ловлю себя на том, что улыбаюсь, и заговорщически подмигиваю своим товарищам.

— Могу себе представить, что вы о нас думаете. Некоторые из вас родились уже здесь, но большинство сбежали с поля боя. Я тоже, покидая Амадин, чувствовал, что освобождаю себя от убийства, от смерти. За пределами планеты раскинулась восхитительная вселенная, полная разумных существ, несметных богатств, знаний, чудес, ценнейшее из которых зовется миром. Я едва успел все это распробовать, поэтому меньше всего хотел вернуться сюда, ко всему тому, что так люто возненавидел. — Я кошусь на джетаха, сидящего рядом с Дэвиджем.

— Зенак Аби посеял семя в надежде, что из него вырастет мир. Пока мы не убедимся, что из семени выросло растение, способное выжить самостоятельно, нам придется поливать его кровью — и желтой, и красной. Больше всего на свете я хочу мира! Поэтому я здесь. А вы должны сами решить, зачем здесь находитесь.

Судя по некоторым лицам, мне еще не следовало умолкать. Судя по другим, я наболтал лишнего. Нам нужны не все, хватит небольшой горстки. Но я был уверен, что рожденные на Амадине и познавшие войну будут смотреть на происходящее так же, как я. Однако слишком многие смертельно устали. Побросав оружие, они укрылись в горах и не находят сил, чтобы опять вооружиться.

Зенак Аби опирается о подлокотники своего самодельного кресла и медленно приподнимается. Не глядя на своих приверженцев и не обращаясь к ним, он говорит мне:

— Я очень горд тобой, Язи Ро. Я молил Вселенную наградить меня подсказкой, как утолить боль Амадина, и моя мольба была услышана. Прошу тебя, пойми наше разочарование: мы лишний раз убедились, что чудес не бывает.

Мое внимание привлекает темнокожий человек с черными волосами и густыми черными усами с проседью. Он держит на руках двоих детей: драка и маленькую девочку. Отойдя от стены, он отдает детей Дэвиджу и поворачивается ко мне.

— Я Али Энаят. Где записываться?

От удивления я не сразу нахожу, что ответить. Указывая на Гава Кудака, я бормочу:

— Сперва он задаст тебе несколько вопросов.

Кудак жмет Али Энаяту руку и говорит:

— Найдем место, где можно спокойно побеседовать. Не возражаешь против шоколада? — Али утвердительно кивает, а Кудак продолжает тараторить: — Я захватил шоколад со станции. Я его плохо усваиваю. Ты сможешь угостить своих детишек. Откуда ты, Али? Судя по виду, из Западного Дорадо?

— Да, оттуда. Из Сакинаха.

— Сакинах? Хорошо знаю это место...

И они скрываются в боковом коридоре. Не сомневаюсь, что человек все выложит хитрому драку, включая самое главное: заслуживает ли он доверия. Все его ответы будут занесены в компьютер и сопоставлены с имеющейся у нас информацией на соответствующие темы, подвергнуты перекрестной проверке по признаку источника, географии, организации и так далее. Возможно, из самого Али тоже выйдет отличный дознаватель. Возможно, его как бывшего бойца Фронта можно будет вернуть на Дорадо, где он проникнет в «Черный Октябрь» или в какую-нибудь еще группировку. С другой стороны, на его иждивении двое детей, так что, может быть, все, на что он годен, — это снабжение нас сведениями о его бывших соседях, партнерах и товарищах, об организации и боевых порядках, командовании, насколько боеспособен каждый солдат, офицер, советник, копировщик, как он смотрит на вещи, как думает, действует, живет, на что надеется, к чему стремится, чего боится... После многоступенчатой перепроверки всех этих сведений станет понятно, можно ли доверять Али. Когда таких, как он, наберется несколько сотен, можно будет засылать агентов и брать на мушку боевиков.

Встает еще один слушатель — драк в черных одеждах и с тоской во взоре. Подойдя ко мне, он произносит:

— Мила Нин, сбежал из «Туйо Корадар» в Навуне, Северная Шорда. Помогу, чем смогу. Я тоже хочу приблизить конец войны.

Я озираюсь. К нам подходит Кита. Скоро она будет угощать волонтера сладостями и внимательно его слушать. Но прежде чем она уводит Милу Нина, тот спрашивает меня:

— Как вы назовете свои полицейские силы?

Я смотрю на Дэвиджа, тот пожимает плечами и смотрит на Зенака Аби.

— Наши мнения разошлись, поэтому мы решили: как нас станут называть, теми мы и будем.

Сыплются предложения. Я втайне боюсь, что мое любимое название, «Клинок Айдана», мгновенно придет на ум многим дракам и поэтому окажется неподходящим. Название не должно быть ни дракским, ни человеческим. Требуется что-то промежуточное. Некоторые люди предлагают словечко «коппер», используя английское обозначение меди, добывавшейся прежде в этой шахте, и презрительную кличку полицейского. Оно тоже не годится, но мы в конце концов останавливаемся на понятии, тоже связанном с медью, — на цифре 29, атомном числе этого элемента.

До наступления темноты желание присоединиться к нам высказывают одиннадцать людей и драков в пещере и больше трехсот в окрестных горах. За шесть дней Кита и Кудак натаскивают восьмерых дознавателей, а Жнец набирает курс из 47 агентов; еще больше желающих спускаются с гор с информацией, с ними приходят еще несколько волонтеров. Начинает действовать компьютерный цех Гази Мрабета: он выпускает удобную модель с миниатюрной видеокамерой. На мою долю выпадает военная подготовка агентов, хотя большинство моих учеников — вояки не хуже меня: ведь все они с Амадина.

Вообще-то найти мне занятие — трудная задачка для всех. В дознаватели я не гожусь — нет ни цепкой памяти, ни наглости. Кита и Кудак шутят, что я попросту слопаю сам все конфеты и все выложу допрашиваемому. У меня, правда, созрело одно предложение. Мне приходилось убивать; в свое время это было проще простого. Однако легко убивает тот, кто приходит в ярость, а от наших агентов требуется совсем другое. Жнец твердит: «Они не ангелы-мстители, уничтожающие зло, а хирурги, удаляющие опухоль». По-моему, я смог бы преподавать эту тонкую материю, однако помалкиваю в надежде, что это никому больше не придет в голову.

Еще через 8 дней мы засылаем наших первых агентов: двоих в «Черный Октябрь» в Западном Дорадо, одного на оккупиро-

ванный драками участок Южного Дорадо, троих в «Тин Синдие» в трех разных точках Шорды, еще четырнадцать — ждать задания в их родных деревнях. Али Энаят и Мила Нин — агенты первой группы. Неделя — и мы отправляем еще 31 агента. Как только они обоснуются, главные смутьяны и скандалисты окажутся у нас на крючке. Еще месяц — и мы сплетем огромные сети набора и тренировки, неуклонно расширяя свою информационную базу и способность моментально реагировать в случае угрозы.

Проходит немного времени — и у нас появляется особый язык. Следователей называют «глазами», законспирированных агентов — «зет», специалистов по залезанию в душу — «конфетками». Кодовые названия превращаются в клички, клички — в кодовые названия. Жнец остается Жнецом, Дэвидж — дядей Уилли, капитан Мосс становится Мухой, Салли Редфивер — Томми по аналогии с Томми Коршуном (шутка, смысл которой до меня не доходит) и так далее. Киту я сам прозвал Итчибу — что-то в этом роде она произнесла перед пещерой на Дружбе: «ичи-бу хаки кен», то есть «мелкие погрешности могут приводить к крупным ошибкам». Меня — правда, за глаза — величают Ответ. Все знают, что мне очень не нравится это прозвище. Сама же организация именуется ее членами просто «Нави Ди», что в переводе с дракского значит «мир».

39

Утро, край закамуфлированного пятачка на вершине горы Риека. Я наблюдаю за отражением орбитальной станции Карантинных сил в облаках и думаю о том, какой вид принял наш «Мир» в их документах. Вот уже сто дней мы бездельничаем, если можно назвать бездельем строительство системы, отправку агентов, пополнение банка данных. Вещательные станции Маведах и Фронта не проронили о нас ни словечка. Вокруг нас продолжается смертоубийство, а мы узнаем новое и терпеливо ждем очередной попытки прекратить огонь.

— Спокойное местечко, правда? — спрашивает Дэвидж, появившийся со стороны энергоплатформы, скрытой деревьями.

Я киваю и поворачиваюсь к горам, как бы вырастающим из марева утреннего тумана. Крупное крылатое создание без

всякого усилия парит над туманом, возносясь вверх, к крохотному горному озеру.

— Жнец говорит, что на Земле тоже есть такие уголки. В каких-то Скалистых горах. Бывал там?

— Да, только давно, еще в эпоху динозавров. — Видя мое удивление, он расплывается в улыбке. — В общем, давным-давно. Я учился летать на авиабазе в Колорадо, как раз в Скалистых горах. Серебряные горы похожи на них. Но эти места пониже, поэтому тут столько растительности. Однажды я летал над Гималаями, по сравнению с которыми даже Скалистые горы — жалкие бугорки. Ну а на Марсе громоздятся такие горы, по сравнению с которыми надо спрятаться даже Гималаям. Но по красоте ничто не сравнится с этим. — Он обводит рукой пейзаж и молча замирает рядом со мной.

— Только что сообщили, что Маведах объявил о новом раунде переговоров о перемирии с Фронтом, — говорит он немного погодя. — «Тин Синдие», «Глаз Убийцы», «Шестнадцать» получили приглашение участвовать в переговорах. Фронт еще не комментировал сообщение, однако Маведах молчал бы, если бы с Фронтом не было достигнуто предварительной договоренности. Мелкие группировки пока что помалкивают, однако наши агенты уже оповещены.

Я чувствую, что пришло время высказаться.

— Уилл, мне здесь нечего делать. Я тренирую тех немногих, кто не знаком с оружием, но этим мог бы заниматься любой. Не могу сидеть на горе, в безопасности, пока другие рискуют. Я тоже стану агентом, проникну в Гитох, поступлю в «Тин Синдие». Так я принесу гораздо больше пользы.

Человек не сводит глаз с заснеженных вершин самых высоких гор.

— Уважаю твои чувства, Ро. Но у меня есть для тебя задачка посложнее. Мне понадобится твоя помощь.

— В чем заключается работа?

— Мы продумали, как разведать, опознать, отследить и устранить реальных и потенциальных нарушителей перемирия. Чтобы осуществить свою часть мирной талмы, «Нави Ди» должна действовать быстро, решительно, наверняка. Необходимо неопровержимо доказать, что те, кого мы караем, реально нарушают перемирие или собираются его нарушить. Ошибки недопустимы. С одной стороны, кара должна настигать ви-

новных своевременно, чтобы никто не успел забыть, в чем они провинились. С другой стороны, мы не должны устранять противников просто так, по настроению. Каждая акция должна быть санкционирована, а это означает, что должны существовать конкретные личности, дающие санкцию. Сейчас эти обязанности возложены на меня и на Зенака Аби. Я хочу, чтобы ты стал у нас третьим. Тогда решение будет приниматься большинством голосов.

Обрекая других на смерть, я до конца жизни не избавлюсь от ночных кошмаров. С другой стороны, знать, что одного твоего неверного решения достаточно, чтобы «Нави Ди» была уничтожена и мирная талма никогда не сбылась — степень ответственности, по сравнению с которой рисковать своей жизнью в качестве беззаботного убийцы все равно что играть в детские игры....

— Уилл! — зовет Кита от корабля. — Только что Фронт сообщил о начале переговоров о прекращении огня. К столу переговоров приглашены «Черный Октябрь», «Зеленый Огонь», «Пятерки» и «Роуз». Мелкие группировки еще не дали ответа, но наши агенты в «Тин Синдие» уже сообщают о гневной реакции.

Дэвидж поворачивается ко мне, и я с удивлением вижу, как глубоко запали у него глаза.

— Начинается, Ро.

Как же мне этого не хочется! Меньше всего на свете я готов решать, кому жить, кому умирать. Язи Ро, обрекающий одним своим словом на гибель, — что за абсурд! Но я закрываю глаза и согласно киваю. Человек хлопает меня по спине, сжимает мне плечо и торопится к Ките, на корабль. Напоследок я еще раз бросаю взгляд на горы и на огромное крылатое существо, продолжающее парить над морем тумана.

40

Мы на борту «Эола», зависшего между континентами Шорда и Дорадо. В информационном центре Кита, Жнец и я, а также три наблюдателя. Мы обрабатываем данные и сообщения от агентов и отслеживаем эфирное вещание, чтобы понять реакцию на намечаемые переговоры. Все мелкие группировки пришли в движение: в эфире злобные голоса, заявления экстремистов, бесконечные собрания и митинги, две стихий-

ные демонстрации — но на реальные действия пока что никто не отважился. Проходит еще несколько минут — и Эли Мосс сообщает, что за нами следят.

— Не могу сказать точно, но, по-моему, слежка ведется с орбитальных станций Карантинных сил.

— Пытаются разобраться, кто мы такие, — предполагает Жнец. — Ничего, скоро узнают.

— Я включаю защитные экраны.

Наблюдатель Дженис Батлер отвлекается от своего пульта.

— Передача «Октября».

Она включает монитор, на котором красуется Раймонд Сика, нынешний глава «Черного Октября». Он предпочитает называть себя «Мстителем». Мы видим у него за спиной стену и черный флаг с кроваво-красным знаком «Х», слышим крики толпы.

— ...Зачем им перемирие с Фронтом? Что могут драки выложить на стол переговоров? Неужели они готовы отдать нам наши земли?

— Нет!!! — ревет в ответ толпа.

— Наших любимых, которых они убили?

— Нет!!!

— Вернуть нам Дорадо и Шорду?

— Нет!!!

Раймонд продолжает разглагольствовать, но на экране он возникает в другом ракурсе. Мы видим его гораздо отчетливее, хотя картинка прыгает. Это заработала одна из усовершенствованных компьютерных камер Гази. Она показывает сотни людей в черном, приближает каждое лицо по очереди.

— Кто передает изображение? — спрашивает Жнец у наблюдателя.

— Кот Из Подворотни.

Такую кличку взял Али Энаят. До чего отважен этот усач, отец двоих детей, снимающий исподтишка руководство «Черного Октября»!

— Он ведь не держит камеру в руках?

Я оборачиваюсь и вижу Дэвиджа, не сводящего взгляд с экрана. Жнец качает головой.

— Камера размером с пуговицу передает сигнал на компьютер.

— Но сигнал могут засечь.

Жнец чешет в затылке.

— Частоты, которыми мы пользуемся, нельзя засечь с помощью устаревшего оборудования, имеющегося на Амадине.

В информационный центр входит Зенак Аби и слышит, как я говорю Жнецу:

— Это верно лишь в том случае, если за последние тридцать лет на планету не попали контрабандным путем современные приборы.

Тем временем камера Кота Из Подворотни показывает Пола Руша, заместителя Сики — высокого небритого блондина с ярко-голубыми глазами. Рядом с ним машет руками и кричит длинноволосая брюнетка Акилах Хариф, главная по идеологическому обеспечению. Акилах очень красива: изящный носик, черные глаза, ярко накрашенные губы. Кроме автоматического пистолета, она вооружена целым арсеналом ножей; возможно, под одеждой у нее спрятано еще какое-то оружие. Камера движется, показывая Ватузию, Брукса, Пембу и остальных. Покончив с главарями, Кот Из Подворотни принимается за активистов в количестве пяти сотен. Каждый из них потрясает каким-нибудь оружием.

— Собрание проходит в старом католическом соборе в Обсидиане, на юге Центрального Дорадо, — объясняет один из наблюдателей. — Значит, у «Октября» есть ретранслятор. Мы получаем сигнал с горы Джазирах, а это на востоке Центрального Дорадо.

— Взгляните на это оружие! — Аби тычет пальцем в один из экранов. Жнец останавливает картинку с изображением толпы.

— Какое оружие, джетах?

— У человека с талесом на плечах.

— Что такое «талес»?

— Бело-голубая молитвенная накидка.

Мы получаем крупный план висящего на плече у человека оружия — с виду лазерного, но точнее я определить не могу. Это делает за меня Жнец.

— «Валмет М60Д», — подсказывает он.

— Я с таким не знаком, — шепчет Аби.

— Новинка с Земли, — объясняет Жнец. — С близкого расстояния и при полной зарядке может пробить корпус этого корабля, превратив в пыль и металл, и керамику. Модель не старше двух лет.

— Выходит, у контрабандистов тесные связи с «Черным Октябрем», — делает вывод Зенак.

В банк данных поступает новая тревожная информация.

— Внимание! — кричит Дженис.

На центральном экране появляются беззвучные кадры, передаваемые с колес. Внизу экрана виден руль и трехпалые руки оператора. Вдали, за дюнами, синеет океан.

— Слушаем вас, — говорит в микрофон Дженис.

— Передает Бегун. Состою в «Ситармеда», нахожусь к северу от Мандита, Восточная Шорда. Я только что побывал на собрании ячейки. Нам приказано оказать помощь центральному командованию, предоставив добровольцев для выполнения специального задания. Подробности пока отсутствуют, но я счел необходимым предложить свою кандидатуру... Сейчас я в пути.

Последняя подробность почему-то рассмешила Бегуна. «Стресс», — объясняет мне шепотом Кита. Успокоившись, Бегун продолжает:

— Я и еще девять добровольцев едем на юг, к руководителю ячейки в Порт-Рефьюдж.

На этом его сообщение прерывается. На экране снова митинг «Черного Октября» в Обсидиане.

— Пока что Раймонд не высказал никаких угроз, — напоминает Дженис. — Разве что призвал бойкотировать переговоры.

— Кот Из Подворотни, — говорит в микрофон Жнец, — мы уже на них насмотрелись. Переводи камеру на пейзаж. Они тайком отправляют грузы с планеты, значит, могут получать взамен современные детекторы. Прием!

Кот Из Подворотни поступает так, как ему советуют. Мы продолжаем принимать сигнал со станции на горе Джазирах. Раймонд клеймит Фронт Амадина, предавшего борьбу против «желтой угрозы». Звук становится тише, Жнец поворачивается к Дэвиджу.

— Если Бегун прав и «Ситармеда» что-то затевает, то мы не готовы им помешать. В данный момент мы способны на одну-две, максимум на пять одновременных акций. Наши силы на местах еще не развернуты, поэтому время для массированных действий еще не пришло.

Дэвидж жует нижнюю губу.

— Придется выслать туда подкрепление. Пока оно не прибудет, Бегун должен будет действовать самостоятельно. Мы уже знаем, где именно пройдут переговоры?

— Только что узнали, — докладывает Жнец. — Сильвер-Сити, город с населением примерно тысяча восемьсот душ к северу от Дугласвилла, Дорадо. Вплоть до заключения перемирия в том районе шли бои, так что имеются боевые порядки и у Фронта, и у Маведах. Сами переговоры могут начаться в любой момент.

На одном из экранов появляется компьютерная карта. Перед нами Сильвер-Сити. Сквозь город тянутся синие и зеленые линии — позиции Фронта и Маведах. К югу от Сильвер-Сити лежит Дугласвилл, полностью контролируемый Фронтом. Ни «Ситармеда», ни «Туйо Корадар» там не закреплены. Однако к северо-западу от Сильвер-Сити, всего в нескольких минутах езды, существует крупная ячейка «Тин Синдие». В самом Сильвер-Сити есть активисты «Черного Октября» и «Роуз»; «Роуз» присутствует и в Дугласвилле. Боевики организации «Пятерки» в районе не замечены.

— А что есть в Сильвер-Сити у нас? — спрашиваю я Жнеца.

— Двое законспирированных агентов.

— Это все?

— Пока все. Я их оповещу.

— Внимание! — кричит другой наблюдатель, человек по имени Роджер Темпл. На одном из экранов «Черного Октября» появляется белый кирпичный домик рядом с разбомбленным жилым комплексом. Железная крыша в приличном состоянии, но окна заколочены досками.

— На связи Красная Гусеница, — звучит голос женщины по имени Анита Нордстар. — Вы видите пострадавший перекресток улиц Галена и Восьмой в Дугласвилле. Сейчас я постараюсь показать вам некоего Джекоба Дрюса.

Сперва мы видим материалы на Дрюса. На фото лысеющий мужчина 41 года, бывший шахтер, потерявший всю семью в битве за Дугласвилл четырьмя годами раньше и вступивший в «Черный Октябрь» в качестве опытного минера; спустя несколько месяцев «Октябрь» отказался от его услуг, сочтя слишком неуравновешенным субъектом. С тех пор он жил отшельником; известно, что он не менее трех раз по собственной инициативе проникал в расположения Маведах, устанавливая там бомбы. Все три вылазки были успешными, унеся в общей сложности больше двухсот дракских жизней.

Знакомясь с делом Джекоба Дрюса, я вспоминаю Мина в воронке, человека с флейтой и Язи Ро, прорывавшегося днем

позже вместе с Окори Сиков сквозь город, прокладывая себе путь энергоножом... Уж не я ли превратил его в ослепленное ненавистью чудовище? И не превратил ли меня в точно такое же чудовище тот человек с флейтой? И все мы дружно ненавидим чудовищ — кровожадных потомков Хиссиеда-до' Тимана.

— Я слежу за ним весь день. — На экране появляется видеозапись. На ней Дрюс: он входит в какое-то разрушенное промышленное помещение. — Объект провел больше трех часов на старых приисках ИМПЕКС к востоку от города, откуда вернулся к себе домой с тяжелым мешком. Это произошло два часа назад. Потом он отправился обедать на благотворительную кухню Фронта в одном квартале отсюда. Услышав сообщение Фронта Амадина, оставил на столе тарелку с недоеденным супом и кинулся сюда. Можете считать меня выдумщицей, но у меня впечатление, что объект намерен поднять что-то или кого-то на воздух.

— Продолжай наблюдение! — приказывает Жнец.

Сигнал от Красной Гусеницы пропадает. Я сам не заметил, как вскочил. Чтобы как следует поразмыслить, приходится снова сесть. Что, если «Ситармеда» собирается сорвать переговоры в Сильвер-Сити с помощью воздушной атаки? Что, если Джекоб Дрюс, обезумевший от страданий, разом покончит и с переговорщиками, и с собственным бессмысленным существованием? Что, если им помогут другие безумцы, драки и люди? Что мы способны всему этому противопоставить?

Я смотрю на Дэвиджа. Тот внимательно изучает что-то на мониторе своего переносного компьютера.

Я встаю и подхожу к нему. На мониторе застывший кадр — митинг «Черного Октября», снятый Котом Из Подворотни: человек в молитвенной накидке потрясает новейшим лазерным оружием.

— Что привлекло твое внимание? — спрашиваю я.

— Видишь эти нити? — тычет он пальцем в угол экрана.

— Арба канфот, — подсказывает Зенак Аби. — Четыре жгута.

Дэвидж увеличивает другую фигуру в том же кадре — крупного мускулистого мужчину с черной бородой. На голове у него вязаная шапочка, он тоже потрясает новым оружием.

— Я знаком с личным делом этого типа. Он мусульманин. Эти двое — пожилые люди, они могли еще успеть повоевать друг с другом на Земле. В этой церкви вообще полно бывших

врагов: евреев и мусульман, ирландцев и англичан, католиков и протестантов, черных, белых, краснокожих, желтокожих. Теперь они объединились против драков.

Аби с улыбкой кивает.

— Не думаешь ли ты, что, добившись желаемого, то есть уничтожив на Амадине всех драков, они, не вытерпев и нескольких дней, снова вопьются друг другу в глотку?

— Может быть, — отвечает Дэвидж джетаху. — Но у меня еще есть надежда, что нам удастся объединить драков и людей, показав им общего врага.

Аби кивает, не сводя взгляд с экранов.

— Этим мы и займемся: объединим их для борьбы против тщетности. — Он показывает на монитор. — Кажется, что-то опять назревает...

Следующие два часа мы принимаем донесения наших агентов. Вскоре в кажущемся сумбуре начинает проглядывать система. Судя по всему, перемирие застало мелкие группировки врасплох. Например, Кот Из Подворотни сообщает, что митинг ничего не решил, но через три часа начнется заседание центрального комитета «Черного Октября».

По донесению Бегуна, «Ситармеда» запланировала акцию заранее, еще до объявления о перемирии; боевикам, прибывшим в Порт-Рефьюдж, приказано возвращаться по домам и ждать дальнейших распоряжений. В Дугласвилле Красная Гусеница продолжает наблюдение за жилищем бомбиста Джекоба Дрюса.

Все сходятся в одном: прекращение огня пока что не нарушено. Мой фронтовой опыт подсказывает, правда, что на передовой никто не помышляет о мире, договоре, даже продолжительной передышке. Самые смелые надежды исчерпываются несколькими мирными днями. Там знают, что бойня скоро обязательно возобновится: кто-нибудь учинит что-нибудь ужасное, и тлеющий огонь в очередной раз вспыхнет всепожирающим пламенем; так что мечта о короткой передышке и то чересчур смелая.

Согласно донесениям из «Роуз», «Пятерок», «Туйо Корадар» и «Тин Синдие», все группировки созвали чрезвычайные заседания, чтобы решить, как быть. Ночное Крыло (агент Руди Класс) доносит, что «Зеленый Огонь» — террористы, прежде воевавшие за Фронт в Северной Шорде, — тоже что-то готовит. В их распоряжении несколько ракет, которые они могут выпустить по штабу Маведах в Южной Шорде...

Дэвидж хмурится и жестами подзывает меня и Аби.

— Любой пуск ракет обрекает переговоры на провал. Что может предпринять Ночное Крыло?

— Ему бы минимум троих помощников... — говорит Жнец. — Но у него есть лучевое оружие, так что он не совсем бессилен. Главное — обмануть охрану «Зеленого Огня». Второй фокус — вывести ракеты из строя за короткий промежуток времени между командой на запуск и самим залпом.

— У нас есть в том районе еще один агент, — подсказывает Кита. — Обратимся к нему. Если залп состоится, постараемся вывести из строя и остальные ракеты, и площадку, и персонал.

Аби и Дэвидж переглядываются. Аби кивает, я тоже. Мне, правда, кажется, что Ночное Крыло и его гипотетический партнер получили невыполнимое задание, граничащее с самоубийством.

Жнец оперативно доводит приказания до исполнителей.

Я ловлю себя на том, что уже не отличаю людей от драков, драков от людей. Наши агенты — одна порода, противник, о котором они доносят, — другая. Похоже, наше «Нави Ди» — новое племя на планете.

— Внимание! — кричит Дженис. — На связи Красная Гусеница.

На экране темное помещение, объектив отчаянно прыгает.

— Он улизнул. Дрюс исчез!

Агент отодвигает от стены пустые ящики, и мы видим дыру. Объектив проникает туда, показывает цементную стену, ныряет вниз. Лестница ведет в коллектор.

— Черт! Попробую его догнать. Мне потребуется помощь ваших людей в Сильвер-Сити. У вас есть изображение его внешности. Прием.

Жнец без промедления передает указания для региональной агентурной сети в Центральном Дорадо. Не проходит и минуты, как на связь с нами выходят еще двое из Сильвер-Сити: женщина по кличке Лили и мужчина — Персик. Они уже располагают портретами Джекоба Дрюса и знают место проведения переговоров.

Я слишком устал, чтобы стоять, и слишком взвинчен, чтобы сидеть. Если бы воюющие стороны повременили с перемирием хотя бы полгода, мы бы успели гораздо лучше подготовиться. С другой стороны, тщательное планирование, как известно, — верный способ рассмешить Бога...

Джекоб Дрюс не выходит у меня из головы. Мы не уверены, что он намерен устроить взрыв. С чего мы взяли, что он продолжает делать бомбы? Я изучаю на мониторе своего переносного компьютера последнее донесение Красной Гусеницы и его видеосопровождение: инструменты в мастерской Дрюса, множество всевозможных мелочей, ящики и какие-то еще емкости.

— Жнец, у меня на двадцать втором канале интерьер Дрюсова жилища. Что тут указывает на то, что Джекоб Дрюс — бомбист?

Дэвидж озабоченно смотрит на свой экран. Жнец тычет стрелкой в разные углы экранной мастерской, демонстрируя разные предметы, с помощью которых можно сделать бомбу или отремонтировать передатчик; вот здесь может храниться взрывчатка, здесь — съестное, здесь — все что угодно...

— Получается, что бомбу способен смастерить каждый, — резюмирует Кита. — Но тут главное другое: в прошлом он уже делал бомбы.

— И по многим причинам может отрицательно относиться к перемирию, — подхватывает Жнец. — Если он ничего не замышляет, то зачем ездил на шахту? Зачем полез в подземный коллектор?

Мотивы, возможность, прошлое, подозрительное поведение... Когда придет время решать, жить мне или умереть, то вершитель моей судьбы будет, надеюсь, располагать более убедительными доказательствами.

— Экстренные новости! — провозглашает Дженис. — Персик засек Дрюса.

На экранах площадь, снимаемая с крыши дома. На разноцветной бетонной мостовой стоят несколько человек — охрана Фронта, стерегущая подъезд большого здания на противоположной стороне.

— Разграничительная линия проходит прямо через здание, — докладывает Персик. — С другой стороны здание охраняется силами Маведах. Там ведет наблюдение Лили, но это так, на всякий случай. Я вижу объект.

Камера наезжает на Джекоба Дрюса, переходящего площадь с тросточкой в руке. Шаги его неторопливы, лицо печально. Экран делится надвое, и во второй половине появляется тот же Дрюс, только в другом ракурсе.

— Лили, — объясняет Кита.

— Объект зафиксирован, — докладывает второй агент. — Держу его на мушке.

— А как насчет возможности скрыться после акции? — шепчет Дэвидж.

— Если при нем взрывчатка, — докладывает Лили, — то он ею обмотан.

— Дьявол! — скрежещет зубами Дженис. — Ночное Крыло, прием!

Сразу три экрана заполняются пламенем и дымом, динамики ревут.

— «Зеленый Огонь» выпустил ракеты, — слышим мы сквозь помехи голос Ночного Крыла. — Две штуки. Первую нам удалось сразу подорвать, так что с площадкой и с персоналом покончено. Но вторая, увы, летит к цели.

— Необходимо предупредить переговорщиков! — кричу я в микрофон.

— Не беспокойся, Ро, — отвечает мне Эли Мосс. — Мои радары ведут ракету. Она летит не в Сильвер-Сити. Эту птичку выпустили по нам.

— «Мир»! — слышен в наушниках голос Лили. — Если у этого типа бомба, то надо быстрее его убрать. Иначе он подойдет слишком близко...

Звучит сигнал тревоги, и я инстинктивно хватаюсь за специальные поручни. «Эол» делает резкий вираж вправо, потом резко идет на снижение. Но прямое попадание только ускоряет падение. Я с трудом встаю и вижу Жнеца, заползающего в кресло.

— Персику и Лили нужно наше незамедлительное решение. Да или нет?

Справа от меня лежат без чувств Зенак Аби и Дэвидж. У Дэвиджа на лбу кровавая ссадина. По экрану продолжает двигаться Джекоб Дрюс: постукивая палочкой, он приближается к зданию, где проходят переговоры.

Худший из моих кошмаров оборачивается явью. Йора Бенерес бросается к Аби и Дэвиджу. Я понимаю, что в самый ответственный момент остался один.

— Стреляйте! — приказываю я.

Не проходит и секунды, как раздается выстрел. Дрюс останавливается, охранники выхватывают оружие и ищут глазами источник шума.

Джекоб Дрюс опускается на колени, падает ничком. Его палочка катится по мостовой. Гремит оглушительный взрыв. Когда грохот стихает, я слышу заранее подготовленное нами обращение: что собой представляет «Мир», что мы только что совершили и зачем. За считанные секунды весь Амадин будет оповещен о вступлении в силу новых правил игры.

Я кидаюсь к Дэвиджу. Над ним уже хлопочет заплаканная Кита. Я смотрю на Аби, но Кита качает головой. Я ищу у него пульс и не нахожу. Зенак Аби мертв.

Мертв! Как он посмел толкнуть меня на этот путь и сразу уйти в сторонку? Я готов объявить это вопиющей несправедливостью. Старый дурень, ты всю жизнь добивался мира, но ты его уже не увидишь. Ты будешь удостоен «Клинка Айдана», Аби. А время покажет, суждено ли воцариться миру.

Я встаю и смотрю на экран. От Джекоба Дрюса осталась одна воронка. Охрана у здания приходит в себя, недоуменно переглядывается. Картинка стремительно темнеет: Персик и Лили покидают свои позиции.

Рядом со мной появляется Жнец. Он кладет руку мне на плечо и говорит:

— Не повезло. Но, может, это невезение пополам с удачей.

Я не могу сдержать слезы. Я оплакиваю Зенака Аби и одновременно собственную незавидную участь. А главное, сгусток боли по имени Джекоб Дрюс, перелетевший облачком пара в следующую жизнь.

— Что скажешь? — слышу я вопрос Жнеца.

— Ты о чем?

— Как ты принял решение? Что убедило тебя в том, что у Дрюса бомба?

— Я сомневался. Это была простая догадка. Меня надоумила его палка. На старой шахте он обходился без нее, а из коллектора почему-то вылез уже с палкой. Полагаю, он сознательно шел на самоубийство.

Жнец кивает и возвращается на свое рабочее место. Йора сообщает, что наш корабль почти не пострадал. Мы получаем донесения от агентов, внедренных в «Пятерки», «Роуз», «Туйо Корадар» и «Зеленый Огонь», и приказываем им сохранять полную готовность. Наш агент Камикадзе правильно резюмирует создавшуюся ситуацию: «В квартале появился полицейский, смешавший планы злоумышленников».

Вечером, когда мы возвращаемся к себе на гору, перемирие все еще не нарушено. Я сижу рядом с телом Аби в грузовом отсеке корабля и вспоминаю его слова о том, что эта миссия может стоить мне жизни. Пока что она стоила жизни ему самому.

— Будут новые жертвы, — слышу я голос Дэвиджа. Его голова забинтована, рядом с ним стоит Кита.

— Вдруг мы неправы? — шепчу я.

— Если бы я знал ответ на этот вопрос, Ро, то вселенная была бы совсем другой. — Он указывает кивком головы на комнату связи. — Это только начало.

Дэвидж и Кита возвращаются в кресла. Я прощаюсь с Аби и бреду за ними.

41

Мы считаем трупы. Зенак Аби, Джекоб Дрюс, одиннадцать членов расчета ракетной установки. Ночное Крыло и второй агент, находившийся на пусковой площадке, отделались пустяковыми царапинами от разлетевшихся осколков. Главное, что перемирие устояло.

Мы собрались в большом подземном зале медной шахты. Дэвидж говорит, лежа на грязном полу. Рядом с ним сидит Кита.

— Ни Фронт, ни Маведах не выступили с заявлениями. Террористические группировки ждут, что скажут главные силы, чтобы было чему противоречить.

— У нас есть сообщение из «Зеленого Огня», — говорю я. — Они уже придумали, что такое «Мир»: ответвление Маведах, с помощью которого драки собираются болтать о мире и продолжать убивать людей.

— Неужели кто-то этому верит?

— Кое-кто верит, — уныло подтверждает Кита.

Дэвидж закрывает глаза и откидывает голову на сложенный плащ, предложенный Китой вместо подушки.

— Твое мнение, Ро?

— Все, кто сегодня погиб, — люди.

Он смотрит в темноту и делает глубокий вдох.

— Убийцы — тоже исключительно люди.

— Да? — Ответ известен мне заранее. Я сажусь на краешек самодельного табурета Аби, наклоняюсь, сцепляю пальцы. —

Срочно нужна замена для Аби. И для тебя — вряд ли ты быстро оправишься. Я не могу принимать решения один.

Дэвидж долго смотрит на меня. Когда он наконец прерывает молчание, мне кажется, что он стал другим человеком.

— Знай, Язи Ро: я очень горжусь тобой. Когда ты появился на Дружбе, я решил, что от тебя будут одни неприятности. Но теперь я в тебе окончательно разобрался и хочу, чтобы ты знал: если бы можно было загадывать желания, мое было бы простым — увидеть, как ты становишься взрослым. Не уверен, что взросление в моем присутствии пошло бы тебе на пользу. Ты сам отлично справляешься. Но при мне ты, наверное, чувствовал бы себя счастливее.

Он не ждет ответа, да мне и нечего отвечать. Он смотрит на Киту, сжимает ей руку.

— Не знаю, почему так случилось, но у меня есть ты.

Она улыбается, заглядывает ему в глаза, гладит ему щеку.

— Я никогда не могла отклонить предложение покататься на лыжах.

— Кита, на сей раз я предлагаю тебе заняться весьма неприятным делом.

Она перестает улыбаться и опускает голову.

— Ты уверен?

— Абсолютно уверен.

— Если у меня возникнут разногласия с тобой насчет того, заслуживает ли кто-то смерти, то я буду слушаться голоса собственной совести.

Дэвидж похлопывает ее по руке, хочет кивнуть, но морщится от боли.

— Другого я не ожидал. Ро, ты не возражаешь, если Кита заменит Аби?

— Лучшей кандидатуры не придумаешь. Подготовка, умение рассуждать... — Я не могу забыть Джекоба Дрюса. Меня душат непролитые слезы. — Дрюс был человеком, но меня терзает боль, терзавшая его.

— Я бы встревожился, если бы его боль оставила тебя равнодушным.

— Что, если следующим окажется драк? Вдруг у меня возникнет тогда стремление расквитаться с каким-нибудь чудовищем из Фронта Амадина? Что я в этом случае натворю?

— Ты поступишь правильно, Язи Ро, — успокаивает меня Кита. — Слишком многое поставлено на карту.

— Вдруг это испепелит мне душу? — не отстаю я от Дэвиджа.

Он отвечает мне тихо, но твердо:

— Ты погибнешь, если дашь слабину. Помнишь военачальников Айдана из «Кода Итеда»? Принимая клинок Айдана, военачальник не чувствовал себя в одиночестве: с ним были офицеры, солдаты его денве, целая семья, спаянная одной целью — миром. Вместе они становились непобедимыми. Я хочу сказать, Ро, что ты не будешь одинок в своей борьбе.

Ночная тьма прячет от меня все, кроме моих мыслей. Я смотрю с горы вниз, на море тумана, залившее долину и населившее ее призраками. Я слышу, как Эли, Йора, Гази, несколько драков из окружения Аби работают на «Эоле», пытаясь устранить повреждения защитного экрана и корпуса, причиненные попаданием ракеты «Зеленого Огня». Неподалеку новая группа обученных агентов прощается с друзьями и близкими, прежде чем разъехаться под покровом темноты. Пилоты проверяют платформы, которые поднимут пополнение в воздух. Жнец, Дженис и другие дежурят на корабле, принимая донесения агентов, планируя дальнейшие действия, пополняя банк данных. Некоторые несут вахту снаружи, ежась и прогоняя холод рассказами о Дрюсе и нападении «Зеленого Огня». Не дожидаясь, когда они дойдут до моей роли в событиях, я отхожу, мечтая о тишине.

Но мечтам не суждено осуществиться: до моего слуха доносится плач. Я колеблюсь, не зная, чем станет мое появление для плачущего: утешением или помехой. Подойдя ближе, я узнаю Киту.

— Чем я могу тебе помочь?

Вместо ответа она обнимает меня, прячет лицо у меня на груди, льет горючие слезы. Мудрость Айдана, не позволявшего своим военачальникам горевать в одиночку, подтверждается вновь.

«Ты один, — говорил в древности воин-джетах, собиравший армию, чтобы покончить с Вековой войной. — Против тебя боль, горе, ненависть и месть — армии без числа...»

— Ро! — всхлипывает Кита. — Я так его люблю, и мне так страшно...

Я тоже готов расплакаться.

— Помнишь ученика из «Ситармеда»? — шепчу я ей в самое ухо. — Того, кто от страха был готов перерезать себе гор-

ло, лишь бы забыть про страх? Намваак спросил его, что его тревожит...

Я чувствую, как она кивает и борется со слезами.

— «Джетах, всю вселенную поглотила тьма, — цитирует она «Кода Ситармеда». — Зло всесильно, а я чувствую себя крохотным и беспомощным. По сравнению с беспросветностью зла темнота смерти кажется ярким светом».

— «Там, где находишься сейчас ты, — подхватываю я, — до тебя побывал Тохалла. Он тоже тонул во тьме. У него тоже был нож. Но еще у Тохаллы был друг».

Она смеется и смотрит на меня.

— Я запомнила это место немного по-другому, Ро. Кажется, там говорится: «Но еще у Тохаллы была талма».

— Так мне нравится больше, Кита. И потом, разве дружба — не часть талмы Тохаллы?

— Спасибо, Ро. — Она встает и чмокает меня в щеку. — Спасибо.

Глядя, как она шагает обратно к кораблю, я думаю о драке с двумя детьми на горе Атахд, сказавшего, что у меня глаза убийцы.

— Так оно и есть, — шепчу я, обращаясь к призракам, прячущимся в тумане. — Только это еще не весь я.

42

Утром «Эол» зависает над морем Шорда между континентами Шорда и Дорадо. Дэвидж сидит вместе с нами за столом в кают-компании. Мы слушаем радио- и телевещание Маведах и Фронта. Те и другие более или менее добросовестно рассказывают о случившемся и о его причинах, а это означает, что ни те, ни другие еще не решили, как быть с нами. Все станции демонстрируют кадры, предоставленные «Нави Ди»: шокирующую сцену взрывающегося Джекоба Дрюса, воронку посреди площади, цифру «29» — обозначение «Нави Ди», — начертанную мелом неподалеку от воронки и на крыше, откуда Персик произвел свой решающий выстрел. Демонстрируется также предоставленная нами съемка инцидента с ракетами на пусковой площадке «Зеленого Огня»; там цифра «29» гордо красуется на борту сгоревшего грузовика.

Комментаторы Фронта и Маведах гадают, что представляет собой новоявленный «Мир»: откуда мы взялись, сколько нас, что у нас на самом деле на уме. Характерно, что те и другие выражают надежду, что «Мир», по-дракски «Нави Ди», действительно будет бороться за прекращение военных действий. Те и другие цитируют слова Айдана, задумавшего покончить с Вековой войной: «Возвращайся тогда, когда единственной твоей целью станет мир и ты без колебаний перережешь себе горло ради мира. Вот цена клинка военного вождя». Правда, комментатора Фронта Амадина обуревает скептицизм: по его мнению, такая самоотверженность ныне немыслима.

Дэвидж пристально смотрит на цифру «29», выведенную мелом на мостовой рядом с воронкой, — завершающий кадр трансляции.

— Ро, сколько дней длится год на Амадине?

Меня разбирает смех. Казалось бы, уж это должен знать каждый — ведь мы потратили столько времени на сбор всевозможной информации.

— Триста пятьдесят восемь.

— Значит, в нашем распоряжении еще триста пятьдесят семь дней. — Он тычет пальцем в экран. — Неплохие отзывы. Что тебя гложет?

— Просто подумалось: если бы я состоял в «Тин Синдие» или в «Черном Октябре», то, глядя эти новости, задавался бы вопросом: с кем новая полиция заодно — с Маведах или с Фронтом?

Мне отвечает Кита:

— Наверное, с теми и с другими одновременно. У нас сейчас общая цель — длительное перемирие. Но все прояснится, как только какой-нибудь из мелких группировок удастся осуществить террористический акт, и другая сторона пожелает отомстить.

— Думаешь, мы не сможем предотвратить теракт?

— Мы не вездесущи. Рано или поздно кто-нибудь из непримиримых попытается до нас добраться. Это для них вызов: удастся ли обмануть бдительность «Нави Ди» и пронести бомбу? Забросить на Западный Дорадо отряд террористов-самоубийц, не попавшись на глаза «Миру»? Мы должны быть к этому готовы.

Дэвидж, сидящий в кресле, выглядит удрученным. Он собирается что-то сказать, но его перебивает Дженис:

— Сообщение не из срочных, но я все равно обязана вас оповестить. Получено от региональной сети в Руоте, Центральная Шорда. Мы идет по пятам за террористом Маведах Йолдухом Рином...

— Он принадлежит не к Маведах, а к «Глазу убийцы», — поправляет Дэвидж. — Это он устроил четыре года назад взрыв, положивший конец очередному перемирию.

— Он самый. Наш агент Попкорн не спускает с него глаз. Он и доносит, что Рин возится с чем-то в своей мастерской. Вчера поздно вечером ему было приказано...

— Не части! — Жнец обводит всех нас внушительным взглядом и бранится по-немецки.

— Дальше! — приказывает Дэвидж Дженис.

— Когда Рин лег спать, Попкорн исписал цифрой «29» все наружные стены его дома. Сегодня утром, выйдя, Рин увидел цифры и сбежал. Так и не вернулся.

Если бы все было так легко, думаю я. Мои мысли прерывает голос Роджера:

— Срочное сообщение! Ночное Крыло доносит: «Зеленый Огонь» готовит акцию. Четверо боевиков, трое мужчин и женщина, вооруженные ракетами ручного запуска и легким стрелковым оружием, отправились в Южную Шорду. Ночное Крыло считает, что место назначения — Гитох.

Жнец приказывает нескольким агентам оказать Ночному Крылу содействие. Дэвидж говорит, обращаясь к Жнецу:

— Передай Ночному Крылу: необходимы доказательства, что у «зеленых» недоброе на уме.

— Он и так это знает, — отвечает Жнец, не отрываясь от переносного компьютера.

— Кроме того, нам надо знать, кто отдал им приказ.

— Агент осведомлен об этом. Я сам его натаскивал, Уилл, так что можешь не тревожиться.

— Сигнал от Карантинных сил. В эфире генерал Мэри Элис Форд, вооруженные силы Соединенных Штатов Земли. Новый командующий Карантинных сил.

— Я думал, что между орбитой и поверхностью планеты нет связи, — замечает Дэвидж.

— Таково правило, — откликается Жнец. — Но и контрабанда как будто не предусмотрена правилами, однако...

Дэвидж поправляет наушники и кивает Дженис. Та выводит на один из экранов изображение генерала. У Мэри Элис

Форд короткие и седые, цвета стали, волосы и зеленовато-серые глаза. Прищур глаз не обещает ничего хорошего — я не видел такого ни у кого из людей, даже у тех, кто пытался меня убить.

— На связи Дэвидж. Чем могу быть полезен, генерал?

Камера показывает военачальнице не только Дэвиджа, но и нас с Китой. Компания в составе двух людей и драка идет, видимо, вразрез с ее первоначальным представлением о нас.

— Мистер Дэвидж... — Пауза — ожидание исправлений. — Мы здесь отслеживаем вещание на всей планете. Вы действительно можете быть мне полезны: извольте объяснить, кто вы такие и какого черта вам там понадобилось?

— Полагаю, генерал, наши задачи полностью изложены в наших передачах, которые вы смотрите и слушаете. Если сжато, то мы — полиция, обеспечивающая нерушимость перемирия. Если будущее будет к нам благосклонно, то мы станем полицией по поддержанию мира. Что касается лично меня, то я некогда служил в вооруженных силах США. Сведения обо мне имеются в ваших банках данных...

— «Дэвидж, Уиллис Э., ВСЗ, личный номер 99730974, второй лейтенант, летчик из эскадрильи В, 98-е соединение истребительной авиации. Сбит над Файрином IV, найден спустя несколько лет». Когда все это происходило, я еще училась в Академии — все-таки тридцать лет прошло... Далее тут сказано, что вы перевели на английский язык Талман и теперь живете на Файрине IV, переименованном в Дружбу.

— Все более или менее точно, генерал. Упущено одно: некто очень хотел прекращения войны на Амадине, искал талму мира и выяснил, что частью этой талмы являюсь я. И вот теперь мы следуем этой талме. Что-нибудь еще?

Лицо генерала неподвижно, глаза изучают Дэвиджа. На мгновение она отводит взгляд, потом снова впивается в него.

— Ваш корабль, «Эол», зарегистрирован на Ране. Корабль довольно старый: ему скоро тридцать лет. Но тридцати все же нет. Раз так, то его нахождение в воздушном пространстве Амадина является нарушением карантина. Вы обязаны передать Карантинным силам корабль вместе со всем экипажем, не имеющим права находиться на Амадине. В противном случае я буду вынуждена применить против вас силу.

Дэвидж кладет левую руку мне на плечо.

— Генерал, познакомьтесь с моим близким другом Язи Ро.

Я киваю женщине на экране, та остается неподвижной.

— Язи Ро — уроженец Амадина. Был тайно вывезен с Амадина кораблем Карантинных сил. Вчера «Черный Октябрь» провел митинг, показанный в эфире. Там присутствовал наш агент. Он заснял оружие участников митинга. — Дэвидж кивает Дженис, и та начинает передавать кадры, снятые на митинге Котом Из Подворотни. — Как видите, некоторые вооружены лазерными ружьями «Валмет М660Д». Этой модели нет еще двух лет от роду. «Черный Октябрь» вооружается с помощью кораблей из состава Карантинных сил.

— Понятия не имею о подобной деятельности. Но предположим, что вы говорите правду. Что дальше, мистер Дэвидж?

— Два основных вывода, генерал. Первое: пока вы сами не станете соблюдать собственные запреты, все обвинения в нарушении правил карантина в наш адрес будут звучать смехотворно. Второй вывод, генерал, имеет отношение к угрозам. — Дэвидж больше не улыбается, его взгляд не менее суров, чем взгляд стальной женщины в форме. — Этот корабль, как вам известно, является военно-транспортной единицей вооруженных сил США. В данный момент включены его защитные экраны, корабль полностью вооружен лазерным оружием и ракетами «воздух—воздух», «воздух—земля», ракетами повышенной дальности, автоматическими пушками. Если у вас хватит глупости на нас напасть, мы в ответ собьем все четыре ваши орбитальные станции.

— Вас уничтожат наши истребители.

— Не исключено. Но станцию это не спасет. Так что предлагаю вам рассмотреть варианты развития событий.

— Например?

— Все амадинские группировки имеют доступ к оружию, с помощью которого можно атаковать наш корабль. Какая-то из этих атак может оказаться успешной. Но возможно и другое: что мы добиваемся успеха и устанавливаем на Амадине мир. В том и в другом случае Карантинные силы сберегут много жизней. Разве не в этом их главная цель?

Дэвидж кивает Дженис. Генерал исчезает с экрана.

— Судя по всему, бомбист Попкорна передумал.

На экране бойцы «Туйо Корадар»: они тащат сопротивляющегося бомбиста обратно в его мастерскую. Бомбист зовет на помощь, мы удивленно стонем. Я тихо обращаюсь к Дэвиджу:

— Разве разумно угрожать карантинщикам? Ведь на самом деле «Эол» безоружен!

— Оружие у нас есть, — возражает Дэвидж. — Дар Эстоне Нева. Недаром мы провели лишний день на станции А-За Коу.

— Почему ты это от меня скрывал?

Дэвид разводит руками.

— Извини. Сначала ты набирал вместе с Жнецом команду, потом лежал в бессознательном состоянии, потом выздоравливал, потом возникли какие-то еще препятствия...

Мне не дает ответить новый выход на связь Ночного Крыла. Отряд самоубийц «Зеленого Огня» в пути, цель подтверждена — Гитох; выяснено, откуда поступил приказ. Есть и улики — запись переговоров заговорщиков.

На холмах над Гитохом команда установит свои ракеты и наведет их на госпиталь, две школы и ковах для сирот. Всего под угрозой окажется более восьми тысяч детей и взрослых. Лидеры «Зеленого Огня» надеются убить и ранить достаточно детей, чтобы спровоцировать Маведах на акцию возмездия, то есть сорвать переговоры.

Лидеры «Зеленого Огня» объединены в совет из семи членов. Все семеро единогласно высказались в пользу акции в Гитохе. Приказ был отдан главному революционеру организации, от того поступил полевому командиру, а тот объявил набор добровольцев. Если карать всех виноватых, придется умертвить еще не менее тринадцати людей.

— Достаточно ли у нас агентов? — спрашивает Дэвидж у Жнеца.

— Один в команде ракетчиков, двое в совете, по одному на этого их главного революционера и на полевого командира. Трудно, конечно, особенно учитывая охрану совета, но небезнадежно. Небезнадежно...

Я вдруг обнаруживаю, что вместо того чтобы высказывать продуманное суждение, Жнец молится.

— Надо направить эти сведения в Маведах, — говорю я Дэвиджу. — Если «Зеленый Огонь» все-таки совершит намеченное преступление, то мы должны предотвратить хотя бы акт возмездия.

Дэвидж размышляет, косится на Киту, поворачивается к Дженис.

— Попробуй связаться с Маведах.

Внутренний голос твердит мне, что наши действия страдают односторонностью. Вчера мы сорвали два человеческих заговора по нарушению перемирия и убили дюжину людей. Сегодня в наших планах убийство еще тринадцати человек. Одновременно прорывается еще один внутренний голос — злорадный. Я стыжусь обоих и не прислушиваюсь к ним.

— Связь установлена, — рапортует Дженис. — Таака Лиок, называющий себя четвертым командиром, ответственным за Южную Шорду.

На экране появляются данные на Тааку Лиока. Я так долго выполнял его приказания, что сейчас чувствую себя, как ребенок перед недовольным родителем, старающийся добиться похвалы.

— Я вас слушаю, — говорит Лиок. — Это ты меня вызвал?

Я наклоняюсь, упираюсь руками в стол, борюсь с параличом.

— Джетах, я — Язи Ро из «Нави Ди».

Старый командир приподнимает брови.

— Полиция по соблюдению мира? Зачем я вам понадобился?

— Мы узнали, что «Зеленый Огонь» наметил на сегодняшний вечер ракетный удар по Гитоху с холмов над городом. Среди целей — госпиталь, две школы, ковах для сирот. Цель акции — спровоцировать ваши ответные действия.

— Если они осуществят свою акцию, то ответный удар не заставит себя ждать, — отвечает командир.

— Мы собираемся их остановить, джетах. Но если нам это не удастся, я хочу попросить: дайте нам время подготовиться.

Таака Лиок внимательно смотрит на меня.

— Это все?

— Да, джетах. Если нам не удастся вовремя остановить «Зеленый Огонь», не наносите свой ответный удар! Мы найдем виновных и казним их. Перемирие не будет нарушено.

Драк стискивает руки.

— Зачем тебе это, Язи Ро?

— Это наш долг, джетах.

— Долг? Кто продиктовал тебе такой долг?

Кто? Я думаю про Фронт, про всех погибших, про миллионы, живущие в постоянном страхе, про своих однополчан, про свою опустошенность. Зенак Аби, Дэвидж, Джерриба Шиген, даже Фална — по-своему... Я не отвожу взгляд.

— Это талма. Талма мира.

Таака Лиок пренебрежительно кривится.

— Задолго до нашего рождения джетаи диеа на Драко решили, что Амадин обречен на вечные войны. Здесь возможна однаединственная талма — полное уничтожение одной из сторон.

— Все меняется, Таака Лиок, даже понятие джетаи диеа о талме.

— Откуда ты родом, Язи Ро?

— Мой отец умер в Гитохе. Это моя родина. Потом я рос в тамошнем сиротском ковахе.

Он хмурится, разглядывая меня на своем экране.

— В ковахе ты оказался среди отобранных?

— Да, джетах. Потом я дезертировал из Окори Сиков.

Таака Лиок ищет глазами что-то за пределами экрана, потом тянет куда-то руку.

— Ничего не обещаю. Посмотрим, как вам удастся предотвратить акцию «Зеленого Огня». Я сообщу свое решение об ответном ударе, когда мы примем соответствующее решение.

Экран пустеет, но мы все равно не сводим с него взгляд. Наконец Кита бормочет:

— Не думаю, что командира удалось убедить.

— И не удалось бы, — говорит Дэвидж. — Представь: ты провела всю жизнь в аду, в непрерывных попытках опередить дьявола хотя бы на шажок, как вдруг выскакивает какой-то самозванец и предлагает тебе отойти в сторонку.

Я развожу руками.

— А что, если сообщить «Зеленому Огню», что мы осведомлены о его планах? Может, они отложат или вообще отменят свою акцию?

Дэвидж барабанит пальцами по столу.

— Надо предупредить и Фронт. У них могут быть способы повлиять на «зеленых». Пусть вообще все всё знают!

Кита переглядывается с Дэвиджем и обращается к Дженис:

— Свяжись с Ночным Крылом и с его региональной сетью. Пусть знают о бомбисте Попкорна. Проверим, не остановит ли «зеленых» цифра «29», выведенная вокруг места заседаний их совета и по пути в Гитох. Потом установи связь с Фронтом Амадина...

— Тревога! — перебивает Киту Роджер, и мы видим на экране взрыв, след снижающийся ракеты, новый взрыв. Звук

на мгновение пропадает, потом изображение закрывает тень. Мы ничего не видим и не слышим.

Первым возвращается звук. Голос Салли Редфивер сообщает:

— Говорит Томми. Кот Из Подворотни мертв. Обсидиан подвергается в настоящий момент ракетному обстрелу.

На экране мелькает лицо Али Энаята — мертвые глаза, глядящие на пылающий дом. Потом мы видим ботинок Салли, раздавливающий переносной компьютер Кота Из Подворотни. Она перемещается в тень, и мы видим сначала язык пламени, потом еще одну снижающуюся ракету. Она взрывается далеко, мы видим только зарево взрыва на фоне ночного неба.

— Не знаю точно, кто ведет стрельбу, но, судя по звуку, это ракеты «Тин Синдие». Они летят с востока...

Жнец поправляет наушники, закрывает ладонью микрофон и говорит:

— Эли, вылетай в точку восточнее Обсидиана, и поскорее! Надо найти пусковую установку.

Корабль содрогается и устремляется к Дорадо. Жнец убирает руку от микрофона и тихо спрашивает:

— Тебя задело, Томми?

— Нет, старый ты плут! Но еще минута — и из меня запросто смогут сделать котлету. Как только в воздухе перестанет свистеть шрапнель, старина Раймонд Сика встанет из грязи и прикажет примерно наказать Маведах. А я ему в ответ — наши «двадцать девять», да?

— Кто тебя прикрывает, Томми?

— Тот же парень, что всегда.

Жнец снова накрывает микрофон и оборачивается к нам.

— Если Сика отдаст приказ, она должна его убрать?

Вся наша троица дружно кивает.

— Если он отдаст такой приказ, действуй по протоколу «двадцать девять».

— Скоро посадка, — предупреждает нас по внутренней связи Эли. — Через две минуты мы окажемся над Обсидианом. На моем компьютере две трассы ракет и обратные траектории. Мы тоже готовы к стрельбе.

Дэвидж смотрит на Киту, та кивает.

— Что скажешь? — спрашивает он меня.

Это будет первая для меня казнь драков. С другой стороны, разве я не мечтал о восстановлении равновесия?

— Согласен.

Дэвидж передает приказ Эли, и уже через секунду мы чувствуем, как борт «Эола» покидают две ракеты.

— Кавалерия в пути, Томми, — говорит Жнец в микрофон.

— Опять! — пугается она. — В последний раз от кавалерии пострадала моя прапрапрабабка, торговавшая в Нью-Джерси синтетическими тайваньскими одеялами. Эй, Жнец!

— Что еще?

— Если на то пошло, пусть драки мрут без мучений. Томми Хоук, конец связи.

— Ты спросил Салли, кто ее прикрывает, — обратился Дэвидж к Жнецу, наваливаясь животом на стол. — Как понять ее ответ?

— «Тот же парень, что всегда»? Это ее ангел-спаситель, великан на лошади из звезд, с огненным копьем наперевес.

Мы молчим, слушая рокот двигателей. Потом Жнец вопросительно смотрит на Дженис. Та кивает.

— «Тин Синдие». Ими занимаются Цветок и Клинок. Никаких оповещений, строгая секретность. Я приказал им найти и убрать двоих, отдавших приказ. Пусковая площадка подорвется сама.

Пока мы отдаем распоряжения о казни командира пусковой платформы и местного джетаха «Тин Синдие», экраны снова оживают. Мы видим шесть самоходных пусковых установок. Каждая может выпустить по шестнадцать ракет, но ни одна не имеет полного боекомплекта. Ракеты уносятся в небо, солдаты «Тин Синдие» провожают радостными криками ракеты, несущие смерть в Обсидиан и «Черному Октябрю». Я смотрю на Дэвиджа. Оказывается, он занят тем же, чем и я: считает тех, кто погибнет от взрывов ракет.

Мы не видим, как взрываются ракеты, выпущенные «Эолом». Но сотня с лишним ликующих солдат «Тин Синдие» сменяется на экране дымной пустотой: ни вездеходов, ни солдат, ни ликования. Немного огня — и страшная тишина. Когда мы убивали людей, меня переполняло чувство вины. Теперь, когда мы швырнули на другую чашу весов сотню дракских трупов, мечтая о равновесии, я чувствую себя не лучше.

Я знаю, чем было вызвано их ликование. Чувство разгромленности, утрата друзей, любимых — и нечаянная возможность

запустить в ненавистных людишек, всю жизнь их терзавших и угнетавших, крылатую трубу, набитую взрывчаткой! Ликование было обратной стороной их боли. Им ведь невдомек, что их жертвы — копии их самих, разве что немного в другом обличье. Что значат легкие расхождения в окраске, генетическом коде, числе пальцев на руках и ногах, языке, акценте, религии? Какие мелочи!

Но племенная принадлежность — это уже кое-что.

Амадин искромсан на племена в первобытном стиле, совсем как древняя Синдие, пронизан страхом, как Тиман, одержим пороками, как Земля. Племя диктует одну заповедь: племя важнее всего остального. Важнее права, справедливости, чести, здоровья, выживания, собственной шкуры, даже любви. Хиссиед-до' Тиман запустил на Амадине механизм войны, не ставшей войной трехсот миров. Старый тиман всего лишь спустил курок ружья, заряженного еще на равнинах Мадаха, в горах Иррдаха, в степи Ирнуз, на улицах Белфаста и Сараево, в пустынях Ближнего Востока задолго до того, как тиманы, люди или драки узнали, что доберутся до звезд.

— Надеюсь, «Черный Октябрь» уже вертится, как черт на сковородке? — спрашивает Кита.

— Конечно, — кивает Жнец. — Вместе с Фронтом, Маведах и тремя остальными мелкими шавками. Раймонд Сика приказал нанести ответный удар, но Салли Редфивер не дала ему насладиться эффектом. Правда, охранники Сики ее все-таки прикончили.

Дженис сочувственно кладет руку Жнецу на плечо, но он еще не договорил.

— Сообщение из «Октября»: теперь им руководит Пол Руш. Он желает встретиться с нами лицом к лицу.

— Засада? — предполагает Кита.

Жнец трет глаза и пожимает плечами. Когда он убирает руки от лица, то выглядит резко постаревшим.

— Пока не знаю. У меня ощущение, что он хочет разобраться, можно ли принимать нас всерьез.

— Всерьез? — удивляюсь я. — Это в каком же смысле?

— В смысле искренности, — подсказывает Дэвидж. — Наверное, новый главарь «Черного Октября» хочет понять, насколько мы искренни. А может, и нет... Дженис, что слышно о нападении «Зеленого Огня» на Гитох?

— Они увидели цифры на стене и, наверное, передумали.

Дэвидж кивает, берется за край стола и приподнимается.

— Это уже кое-что. Уже кое-что... — Он вглядывается в экран и сводит брови.

— Чья камера сейчас снимает?

— Шаровой Молнии. Этот агент-драк только что закончил готовиться к заданию и прибыл на место.

— Шаровая Молния... — повторяет Дэвидж. — Скажи Шаровой Молнии, что с нас довольно репортажей. Пусть нарисует волшебную картинку и сматывается. — Сняв наушники, Дэвидж кладет их на стол и поворачивается к Жнецу. — Договорись о встрече с Рушем. Может, нам удастся ему втолковать, что мы настроены серьезно. Постарайтесь доставить сюда тела Али Энаята и Салли.

— Непременно.

— Что касается переговоров, то пусть их картинка со звуком транслируется для всех станций, способных ее принимать.

— Я позабочусь об этом, — отвечает Жнец.

Уставившись в середину стола, Дэвидж произносит, словно обращаясь к самому себе:

— Горы трупов... Но сомнения насчет нас остаются. Мы уже столько натворили, они уже уплатили такую цену, да и мы тоже — и все равно сомнения! Сколько всего потребуется трупов, чтобы нас зауважали? — спрашивает он меня.

Вопрос риторический. Он с трудом выпрямляется. Впервые он кажется мне дряхлым стариком. Его рука ложится мне на плечо.

— Я очень горд тобой, Ро. — Он останавливает взгляд на всех по очереди. — И всеми вами. Я горжусь нашим «Миром».

Он отворачивается и уходит к себе. Шаги его медленны, почти немощны, спина согнута под тяжестью забот. Кита кладет ладонь на мою руку.

— Если мы понадобимся, у меня при себе наушники. — Она встает и выходит следом за Дэвиджем.

Жнец, Дженис и Роджер передают наши сообщения, договариваются, транслируют для последующего показа наши съемки и схемы. Определены время и место переговоров с «Черным Октябрем», после чего «Эол» тяжело разворачивается.

Я вспоминаю двоих детишек Али Энаята — человека и драка, в биологическом смысле не приходившихся ему родными.

Придется сказать им о гибели отца. Вспоминаю Салли Редфивер — кошмарный бар, ее платье... Разговаривать с Кудаком предстоит Жнецу.

Больше всего я думаю про старого драка Тока, сторожившего ее вещи, не расставшегося со своей историей и взявшего войну с собой, в будущее. Того, кто все время твердил: «Все — мои дети. Все мои дети». Кажется, Уилл Дэвидж поступает так же.

Остаток ночи проходит на Дорадо тихо. Я ложусь спать, и мне снится, что я ребенок и живу у Дэвиджа в пещере. Там я учусь любить и быть любимым, становиться любовью. Я — часть чуда, зовущегося вселенной; а потом оказывается, что все это — ловушка, придуманная Фалной. Я тянусь к руке дяди Уилли и нащупываю смерть. Я просыпаюсь от собственного крика и снова убаюкиваю себя слезами.

43

Вскоре после рассвета мы с Дэвиджем и Китой будем встречаться в холмах к северу от Обсидиана с Полом Рушем, новым главарем «Черного Октября». Платформой управляет Жнец: он отказался отпустить нас одних и спрятал на себе столько оружия, что в воде немедленно пошел бы ко дну. «Эол» остался на своем обычном месте — над морем Шорда; на нем работает наша группа обеспечения — Йора, Дженис, Кудак. У Жнеца, Киты и у меня переносные компьютеры с видеокамерами, посылающими сигналы на корабль, откуда они поступают Фронту, Маведах и всем мелким группировкам.

Держась за тормозные рычаги, мы молча смотрим на Руша и двоих его телохранителей, дожидающихся нас на лужайке. У их ног две циновки, на каждой — по обернутому в саван телу. Сенсоры корабля свидетельствуют, что в чаще прячется не один «октябрист». Ловушка? Или предосторожность на случай, если капкан поставим мы?

При посадке я больше наблюдаю за Дэвиджем. Он как-то странно спокоен. Ночью я слышал, как они с Китой спорили. Он настаивал, чтобы она осталась, она настаивала, чтобы остался он. Тем не менее противник пожелал встретиться со всеми нами, названными Полом Рушем «руководством». В конце

концов они договорились, что полетят оба, а потом с яростью, словно в последний раз, принялись любить друг друга.

Я больше не изумлен любовью между ними, молодой женщиной и пожилым мужчиной. Я учусь смотреть глубже видимости — умение, которым Кита и Дэвидж владели еще на Дружбе. Подслушивая, я тосковал по прикосновениям Фалны. В тот момент я был готов все ему простить, лишь бы оказаться в его объятиях...

Платформа опускается, и я принуждаю себя вернуться в настоящее. Жнец глушит двигатели, спускает трапы и первым ступает на поросшую травой опушку. За ним сходим мы трое, инстинктивно соблюдая дистанцию между собой, чтобы нас нельзя было застрелить всех сразу.

В пяти шагах от троих «октябристов» мы останавливаемся. Теперь, вблизи, я вижу, что один из телохранителей — главный идеолог «Черного Октября», женщина по имени Акилах Хариф. Третьего я не узнаю. Руш, пристально глядя на Дэвиджа, нарушает молчание.

— Мы договорились о встрече без оружия. Мы втроем не вооружены, вы трое тоже. — «Октябрист», которого я не знаю, поднимает ручной сканер. — А вот этот, — Руш показывает на Жнеца, — вооружен до зубов.

Кита отвечает с улыбкой:

— Это — попытка как-то компенсировать ваших триста сорок двух солдат, наблюдающих за нами из лесу. — Слушая этот разговор, я не забываю про нож у меня в сапоге. Видимо, Руш не считает его оружием в сравнении с пистолетами и лазерами, которыми обвешан наш Жнец.

Выражение лица Руша не меняется. Он указывает кивком на тела Али Энаята и Салли Редфивер.

— Вот ваши убийцы. Как договорились.

Дэвидж, не сводя взгляд с Руша, коротко бросает:

— Жнец!

Жнец встает между двумя циновками, опускается на колени перед одной и открывает лицо Кота Из Подворотни, первого нашего добровольца. На лице запекшаяся кровь, волосы слиплись от крови, глаза открыты. Жнец закрывает трупу глаза. Потом наклоняется над второй циновкой, открывает лицо трупа. У Салли Редфивер глаза закрыты, лицо восково-желтое, рот разинут. Жнец опять накрывает мертвое лицо, встает, поворачивается к Полу Рушу.

— Она была не убийцей, понял, слизняк? Она спасла вам жизнь.

— Она убила Раймонда, — напомнила Акилах Хариф.

— Раймонд Сика был негодяем. Если бы отданный им приказ был выполнен, с «Черным Октябрем» случилось бы то же самое, что сделали ваши ракеты с «Тин Синдие».

— Они убивали нас, наших соплеменников!

— А теперь они мертвы. — Жнец нагибается, берет тело Салли на руки и относит ее к платформе.

— Зачем мы встретились? — спрашивает Дэвидж.

Главарь «Черного Октября» хмурится, как будто ему трудно ответить на этот вопрос. Так и не ответив, он наблюдает за Жнецом, который, положив тело Салли на платформу, возвращается за Али Энаятом. Когда он поднимает тело нашего первого добровольца, Руш переводит взгляд на Дэвиджа.

— Мне было нужно увидеть вас в лицо. Телевидению я не доверяю.

— Кстати, вас сейчас снимают, — предупреждает его Кита.

Акилах показывает камеру Салли с ее собственным изображением на крохотном экране.

— Мы знаем.

— Сейчас между тобой и мной нет экранов, — говорит Руш Дэвиджу. — Я хочу видеть тебя — лицо, глаза, — когда ты будешь отвечать, что вам понадобилось здесь, на Амадине, в схватке, не имеющей к вам никакого отношения.

Я киваю собственным мыслям: «Черный Октябрь» получает запрещенные данные с орбитальных станций Карантинных сил. Каким еще группировкам они доступны?

— Ответьте прямо сейчас: зачем вы сюда прилетели? — требует Руш. — В чем ваша выгода?

— Мы находимся здесь, чтобы обеспечивать соблюдение перемирия, — говорит Дэвидж. — Наша выгода — в шансе обеспечить длительное перемирие. Так можно установить мир.

На лице Пола Руша отражается его мыслительный процесс. Принимаете меня за дурака? Сотни тысяч раз я становился свидетелем, как драки лгали, предавали, ставили хорошим людям ловушки, а потом пытали их и убивали. Ты стоишь рядом с драком, словно он тебе ровня, ваши так называемые полицейские силы названы и то по-дракски, вы убили Раймонда Сику только за то, что он старался защитить нас от кровавого нападения «Тин Синдие»...

Тем временем Жнец кладет свою мертвую ношу на платформу бок о бок с Салли. Руш приглядывается к нему, потом обращается к Дэвиджу:

— Итак, маленький Ниагат, ты польстился на клинок Айдана?

Это такая неожиданность, что я не выдерживаю.

— Ты знаешь Талман?!

— Чтобы нанести противнику поражение, надо знать его мысли, — отвечает он, не сводя глаз с Дэвиджа. — Да, я знаю предание об Айдане и о его поисках мира. — Он ненадолго опускает глаза и думает. Собравшись с мыслями, он переводит взгляд на Киту, с нее на меня, с меня опять на Дэвиджа. — Айдан собрал армию, чтобы закончить войну между народами на Синдие; армию, единственной целью которой был мир.

Он указывает на лес.

— Я вам скажу, чего хотят эти люди. Они хотят смерти всех до одного драков на свете. Знаю я и то, чего хотят драки в Маведах, «Тин Синдие», «Ситармеда», «Туйо Корадар». Они хотят смерти всех до одного людей на свете. А вам подавай перемирие! Скажи мне, Айдан, чего можно добиться переговорами о перемирии?

Дэвидж улыбается и качает головой.

— Возможно, драки говорят дело. Чтобы привлечь внимание человека, нужно зеркало, громкий голос, острая палка. — Он тяжко вздыхает и кивает. — Действительно, это не настолько очевидно, как мне казалось. Цель перемирия, Пол Руш, — это само перемирие.

— Что это значит?

— Если Фронт, Маведах, все человечьи и дракские независимые группировки усядутся за стол переговоров, то начнутся разговоры, ругательства, крики, проклятия, угрозы; возможно, договор так и не будет заключен, но перемирие тем временем укрепится. Со временем подрастет следующее поколение, за столом переговоров окажется ваша смена. Предположим, и у них будет все то же самое: слова, ругань, крики, проклятия, угрозы, никакого договора — но уровень шума станет пониже, а главное, боевые действия не возобновятся. Все это время люди и драки будут отходить дальше и дальше от простого нажатия курка. Они будут учиться нормальной жизни, отстраивать свои города, школы, фермы, предприятия.

Молодежь, не отягощенная горькой памятью, обнаружит, что можно зарабатывать на жизнь торговлей с противной стороной. Экономия может достигаться благодаря найму представителей противной стороны, обучения их в одних школах со своими; а тем временем условия перемирия будут действовать. В конце концов участниками переговоров окажутся люди и драки, уже не понимающие, почему старое поколение так цепляется за прошлое. Переговоры поведут те, кто уже не пожелает терять время на бесцельные разглагольствования. Они и подпишут мирный договор.

— Значит, лично для меня все это бессмысленно, — подытожил Руш. — Я желаемого не получаю. «Черный Октябрь» не получает ничего из того, за что все эти годы боролся, жертвовал жизнями.

— Ты спросил, что дают мирные переговоры. Я ответил.

— Это все, чего ты хочешь, — прочное прекращение огня, чтобы в будущем был наконец заключен мир?

Пол Руш отворачивается, взглядом приглашая высказаться Акилах Хариф.

— Уиллис Дэвидж, — произносит та, — единственный известный мне драк, желавший одного мира и ничего более, — это Айдан, который, если верить преданию, уничтожил миллионы врагов, прежде чем добился своей возвышенной цели.

— Говорите что хотите, — вмешивается телохранитель Руша, тот, что со сканером, — но мы с драками уже кое-чего добились.

Бросив на него испепеляющий взгляд, Акилах Хариф снова обращается к Дэвиджу:

— В предании об Айдане Ниагату объясняют, как пройти испытание на право владеть командирским клинком.

— «Возвращайся, когда целью твоей будет только мир и ты будешь готов перерезать себе горло, чтобы ее добиться, — цитирует Дэвидж. — Такова цена клинка».

Когда до меня доходит предложение Акилах Хариф, вся талма, от начала до конца, делается мне ясна. Я поражен ее простотой, красотой, ужасом.

— Мы сложим оружие и согласимся на переговоры, если станем свидетелями того, как «Нави Ди» заслуживает клинок Айдана.

Движение мира замедляется, фигуры вокруг меня еле шевелятся. Дэвидж не спрашивает, что подразумевает женщина,

серьезны ли ее слова, не напоминает ей, что целью Айданова испытания был сам мир, а не уговаривание одной из воинственных группировок, не высказывает догадку, что слышит бессовестный блеф.

Ничего этого он не делает. Он наклоняется, вытаскивает из моего сапога нож и замирает, подняв нож над головой. Я хочу его остановить, но Кита неожиданно крепко обхватывает меня руками, не давая шелохнуться. Когда я наконец вырываюсь, дело уже сделано: Дэвидж уронил руку, по его груди стекает кровь; он опускается на колени, глядя широко распахнутыми глазами на Акилах Хариф. Я вспоминаю сказанные им раньше слова: «Сколько потребуется трупов, чтобы нас приняли всерьез?» И еще: «Все — мои дети. Все мои дети».

Я бросаюсь к нему, но все, что мне остается, — это осторожно опустить его на землю. Мир? Неужели даже самый нерушимый мир стоит так дорого?

Да, несомненно. Одной-единственной жизни. Всего одной.

Я поворачиваюсь к Акилах Хариф. Ее рот широко раскрыт в пародии на удивление. Пол Руш не сводит с Дэвиджа взгляд, все еще ожидая подвоха. «Октябрист» со сканером делает неуверенный шаг вперед, опускается рядом с Дэвиджем на корточки, смотрит на меня. Я вижу его смятение, слезы у него на глазах. К нам подскакивает Жнец. Оттолкнув Руша, он падает рядом со мной на колени.

— Что случилось, черт возьми?! — Он смотрит страшными глазами на меня, на Руша, на Хариф. — Кто?..

Я указываю на руку Дэвиджа, все еще сжимающую мой нож. Потом я вынимаю нож из его пальцев. Кита стоит рядом с Дэвиджем. Глаза ее закрыты, щеки в слезах. Меня так и подмывает выпустить Хариф кишки, полоснуть ножом по подозрительной физиономии Руша, выколоть все плачущие глаза вокруг.

Но вместо того чтобы дать волю чувствам, я втыкаю нож в землю и поднимаю Дэвиджа на руки.

— Ты знала... — говорю я Ките.

Ее губы беззвучно отвечают «да».

Овьетах, Зенак Аби, Кита Ямагата, Дэвидж. Кто, кроме меня, не знал талмы? Меня душит гнев, но единственный, на кого стоило бы его обрушить, уже мертв. Я поворачиваюсь к Полу Рушу, главарю «Черного Октября». Не выдержав моего

взгляда, он бредет назад к лесу. Чуть погодя следом за ним движется Акилах Хариф. «Октябрист» со сканером смотрит то на меня, то на тело Дэвиджа, качает головой, медленно отворачивается и уходит за своими.

— Идем, Ро.

Жнец готов помочь мне нести Дэвиджа, но я сам несу его к платформе, крепко прижимая к себе.

— Ты стал бы моим отцом, — шепчу я трупу на ухо. — А теперь я опять остался один.

И я кладу его рядом с погибшими товарищами.

Собрав всех нас, платформа поднимается в воздух. Я стою лицом к ветру и пытаюсь поверить, что все это сон и мне это известно, а значит, я волен изменить сюжет. Но ничего изменить не удается, потому что это не сон, а явь. Боли не будет конца.

44

Перемирие еще не нарушено.

Я гляжу из темноты на ночной туман, а перемирие по-прежнему в силе.

«Туйо Корадар» и «Пятерки» шумят и грозятся. Пусть себе шумят; что касается их грозных планов, то это верный способ рассмешить Бога. Бомбисты, террористы-самоубийцы, спятившие атаманы и все остальные повсюду видят цифру «29». Цифр даже больше, чем сумел и успел бы написать сам «Мир». Сами участники Маведах и Фронта ставят где ни попадя знак мира.

Многие видели на экранах, что последовало за предложением Хариф, как Дэвидж заслужил право на клинок Айдана. Весть быстро распространяется по планете. Ее разносит «Черный Октябрь», Фронт, «Пятерки», «Роуз», «Зеленый Огонь», «Тин Синдие», «Ситармеда», «Туйо Корадар». Все жители Амадина.

Перемирие не нарушено. «Черный Октябрь» соглашается на переговоры. На следующий день то же самое делает «Тин Синдие». К концу засушливого сезона за стол переговоров садится последняя из экстремистских группировок, «Роуз». Они разговаривают, бранятся, кричат, угрожают, ни о чем не могут договориться. Но война прервана.

Через двадцать дней недовольные люди сколачивают новую организацию, но прежде чем она успевает пролить кровь,

всю планету — землю, леса, улицы, дома — покрывают цифры «29». Организация напугана, она ничего не может предпринять. Спустя неделю бомбист-одиночка, драк-самоубийца, пытается совершить террористический акт к северу от Дугласвилла, но «Мир» успевает его казнить. Палач счел излишним оставлять на месте казни цифру «29»: живущие на улице сами успели густо исписать ее цифрами.

Численность «Мира» растет, Маведах передает «Нави Ди» еще два корабля, Фронт в ответ допускает отделения и наблюдателей «Нави Ди» во все свои части. Через четыре месяца после того, как Дэвидж заслужил свой клинок, происходит официальный роспуск «Зеленого Огня».

Кудак, я и Кита — главная экспертная группа. Я не могу видеть Киту, потому что считаю ее повинной в смерти Дэвиджа — после самого себя, конечно. Это выглядит бессмыслицей, но разве в моей жизни есть место здравому смыслу? Я не могу смириться с его смертью, хотя с ней как будто уже смирилась вся планета Амадин, превратив ее в священную икону.

Но мне хочется кое-что совершить.

Хочется, чтобы у моих свершений был свидетель — Дэвидж.

Во мне по-прежнему сидит глупое дитя, громко кричащее: «Так нечестно!»

Глядя из темноты на ночной туман, я чувствую, что лишился почти всей воли к миру, почти всей воли к жизни. Наблюдая за крылатыми существами, парящими внизу, я вдруг понимаю, что меня взяли за руку, и не глядя догадываюсь, что это Кита.

— В чем дело?

— Нам надо кое-куда съездить.

Впервые я замечаю, как она опухла от слез.

— Куда?

— В Гитох.

— Зачем?

— Маведах открыл город.

Я снова погружаю взгляд в туман.

— Что нам делать в Гитохе?

— Уилл хотел, чтобы ты кое-что увидел. Это было его последним желанием.

Моя рана только-только начала затягиваться, и хватило нескольких слов, чтобы она опять стала кровоточить. Я безвольно шагаю за Китой через опушку и поднимаюсь на «Эол».

Не проходит и часа, как корабль опускается в Гитохе. Сперва жители смотрят на нас с подозрением, но их успокаивают цифры «29» на наших нарукавных повязках. Подозрение сменяется приветственными криками. Один из драков вызывается провести нас между разбомбленными домами. Улицы расчищены, воронки засыпаны. В одном сгоревшем доме уже открылась ремонтная мастерская, в другом я вижу лавку, торгующую семенами и съедобной растительностью, в третьем магазинчик старой одежды. Улица перегорожена кучей обломков, бывшей некогда внушительным домом. У кучи нас дожидаются два десятка драков, вырядившихся в самое лучшее, что у них нашлось. Виден глубокий раскопанный подвал, уходящая вниз бетонная лестница. Электричества нет, ступеньки приходится освещать свечами.

— Что это за место? — спрашиваю я у Киты.

— Архивы примерно шестидесяти гитохских родов. К ним не обращались больше двенадцати лет. Здесь хранятся архивы рода Язи.

Мы заходим в просторное подвальное помещение. Свечи освещают его теплым желтым светом. В помещении толпятся драки, есть и несколько людей. Некоторых я узнаю, большинство — нет. На открытой железной полке стоят красивые книги разной толщины. Джетах в синей мантии берет с полки книгу потоньше и кладет ее на подиум.

Я замираю на месте и жгу Киту взглядом.

— Я не могу! Я не готов. — Глядя на мозаичный пол, я продолжаю шепотом: — Здесь нет его. Я хотел, чтобы он при этом присутствовал. Других он успел выслушать, а меня...

— Он здесь, Ро, — возражает Кита с улыбкой.

— Нет! — Я качаю головой. — Я верю только в призраки зла.

— Тем не менее он здесь, — настаивает она. Только сейчас я замечаю, что она держится руками за живот.

Какой я глупец! Она носит под сердцем ребенка Уилла. Я заключаю ее в объятия. Она отвечает мне тем же. Мы стоим неподвижно, пока вся боль не сменяется любовью. Наконец она поднимает на меня глаза.

— У меня письмо Уилла. Он написал его ночью, перед смертью. Оно адресовано тебе.

— Что в нем написано?

— Я не читала.

Я выпускаю ее, и она достает из кармана конверт. Я ломаю печать, вынимаю листок, разворачиваю его.

Дорогой Ро,

нынче ты приступаешь к ритуалу взросления. Знай, что я очень горд тобой и верю, что ты будешь расти дальше и совершенствовать свои многочисленные достоинства. Однажды я тебе сказал, что хотел бы наблюдать, как ты растешь. С момента нашей встречи на Дружбе до последней минуты здесь, на Амадине, я радовался твоему возмужанию и праздновал твои достижения. Мое желание осуществилось.

Да пребудет с тобой всегда моя любовь!

Дядя Уилли.

Глядя на подпись, я вижу его, его озорную улыбку. Я отдаю письмо Ките и поворачиваюсь к архивариусу Гитоха.

Он рассказывает мне обо мне самом: в Талмане обещано, что моя жизнь будет течь по вселенскому плану. Со временем правила карантина будут облегчены, и я полечу на Драко, чтобы рассказать Матопе, ветерану в кресле-каталке, что память нас не покинула, что с войной покончено. Оттуда я отправлюсь на Тиман, чтобы выполнить обещание, данное Лахваю ни'до Тиману, дакизу Ри-Моу-Тавии, — преподавать его студентам предмет «Достижение мира на Амадине». Потом я перелечу на Дружбу, найду там пещеру и буду помогать Ките и членам рода Джерриба учить ее ребенка сбору хвороста, копчению змей, выживанию зимой. А дальше будет видно, куда поведет талма.

ПЕРЕД ТОБОЙ СТОЮ Я ЗДЕСЬ, РО ИЗ РОДА ЯЗИ,
РОЖДЕННЫЙ АВО, УЧИТЕЛЕМ АНГЛИЙСКОГО,
УЧЕНИК УИЛЛИСА ДЭВИДЖА, ДАРОВАВШЕГО МИР...

ЭССЕ

О ЯЗЫКАХ ИНОПЛАНЕТЯН

(или некоторые опасности преждевременного начала)

1978 год, первый год моей писательской карьеры. Из-под моего пера уже вышло несколько историй из серий «Мом» и «Цирк», и теперь я погружен в сочинение рассказа «Враг мой», превратившееся в настоящее наваждение. Отремонтированная электрическая пишущая машинка IBM за 20 долларов призывно гудит, бумага заправлена, на бумаге заглавие. Мои пальцы колотят по клавишам — и человек в рассказе, разминая пальцы, помышляет об убийстве, тем же занят инопланетянин. Последний открывает рот и произносит...

Что же он произносит, черт бы его побрал?

«Иркмаан»!

То есть «earthman», «землянин» — с ужасным акцентом?

Выходит, эти еще не получившие ни названия, ни облика инопланетяне произносят межзубное «th» как «к», а «а» растягивают из-за своих сильных ямайских корней?

Сейчас не время в это углубляться. История обязательно должна быть рассказана, у меня не будет ни минуты передышки, пока этого не произойдет. Тогда, в незапамятном прошлом, я садился за очередной рассказ и не прерывался, пока не закончу. Попробуйте такой метод для написания повести в двадцать тысяч слов...

В ответ человек кричит инопланетянину: «Ну-ка, руки вверх!» и тому подобное, а тот ему: «Иркмаан ваа, коруум су!»

Мой персонаж не мог оставить подобную наглость без комментария: он отвечает фразой, которую выучил на военной подготовке: «Кизз да йуомиин, Шизумаат!» Это значит: Ши-

зумаат, отец, то есть родитель дракской философии, жрет киз. А киз — это...

Киз — отвратительная мелкая тварь; тем же самым словом называются испражнения этой твари. Не связано ли это с тем, что мне пришлось две недели ухаживать за соседским котом? Увы, истина похоронена навеки.

Так или иначе, коротенькая фраза — «Кизз да йуомиин, Шизумаат!» — породила и философа Шизумаата, и фауну чужой планеты. Из философа выросла необходимость придумать целую философию, чтобы философу было о чем пофилософствовать, а именем придуманного мной зверька ученики трех-четырех континентов стали дразнить своих учителей; учителя догадывались, что имя бранное, но не знали в точности, кто такой «киз».

Что же ответил на оскорбление драк? «Иркмаан, йаа глупый Микки-Маус».

Что это, последствия непутевой юности, потраченной на просмотр по телевизору старых фильмов о Второй мировой войне? Конечно, взаимные экранные оскорбления джи-ай и сынов Японии не могли не запасть в память.

Потом моего землянина валит с ног какая-то волна. Придя в себя, он обнаруживает, что связан. Инопланетянин, наклонившись к нему, презрительно спрашивает: «Кизз да йуомиин, иркмаан, не?» Иными словами, «а теперь кто его жрет, приятель?»

Вскоре становится ясно, что «эсс» значит «что», «лод» — голова, «не» — нет. Дальше драк спрашивает человека: «Кос сон ва?» Человек не знает, как ответить, инопланетянин повторяет вопрос. Показывая на себя, он говорит: «Кос ва сон Джерриба Шиген». Потом указывает на человека. «Кос сон ва?»

Кос ва сон — кос сон ва. Меня зовут — тебя зовут. Черт, тут уже не просто словарь, но и грамматика! Именно грамматика была в старших классах школы моим слабым местом. Я дал себе слово, что постараюсь как-то оформить язык инопланетных существ, рождавшийся у меня на глазах. Однако у меня не нашлось для этого времени: рассказ — вот главное!

Поняв инопланетянина, человек отвечает: «Дэвидж. Меня зовут Уилл Дэвидж».

Во-первых, откуда взялось имя персонажа? У меня как будто не было времени его придумать. Когда вас изводит сочини-

тельский зуд, вы просто пишете, и слоги занимают свои места сами по себе. Первым, кстати, появилось имя инопланетянина: я пососал палец и высосал Джеррибу Шигена. Интересно, он-то откуда взялся?

Мне очень нравится один актер, зовут его Джеймс Шигета. Кажется, этого достаточно? Ладно, признаюсь: по-моему, Джеймса Шигету недооценивают. Он прекрасно сыграл бы инопланетянина в фильме по моему рассказу. Я в восторге от игры Лу Госсетта в роли Джеррибы Шигена в фильме «Враг мой», но когда я писал, то представлял себе именно Джеймса Шигету. Вот как это получилось. Каяться мне не в чем.

А потом пришло время дать имя человеку.

Еще не написав ни одного словечка, я знал, что человека буду играть сам. Этот персонаж — и я, и не я, поэтому мне не хотелось создавать неряшливую анаграмму моего собственного имени. Не знаю, почему в голове появилась фамилия «Дэвидж», но мне понравилось, как она звучит. Я был знаком всего с одним носителем этой фамилии — однокурсником по Стаунтонской военной академии в 1960 году. Славный был паренек, и фамилия ничего себе. Персонажу из рассказа она приглянулась, а мои персонажи умеют настоять на своем, когда им приспичит. Если я хочу сделать так, а персонаж иначе, если я доказываю своим детищам, что я божество, потому что у меня есть текстовой редактор, персонажи устраивают бессрочную забастовку. Так что вздумалось персонажу назваться Дэвиджем — пускай.

Уиллисом звали моего уже покойного сводного брата. Одногодки много лет дразнили его «Вибби», и он так ненавидел это прозвище, что в конце концов всерьез пригрозил нам побоями и расчленением, если мы не забудем про «Вибби» и не начнем величать его Биллом. Из опасения, что персонажу имя «Билл» понравится так же, как моему братцу, я остановился на Уиллисе (тем более что инопланетянин все равно называет его по фамилии).

Драк приказывает человеку: «Дасу!»

Поломав голову, Дэвидж догадывается о смысле и этого словечка, и некоторых других. Спустя несколько абзацев человек и инопланетянин уже освоили языки друг друга в упрощенном виде, что помогает им выжить.

Ну и что? А вот что. Во-первых, меня всегда смущает, когда в фантастическом фильме или рассказе существа, обитаю-

щие на расстоянии тысяч световых лет от Земли, изъясняются на английском языке Лоуренса Оливье. Пусть тогда продемонстрируют мне видеокассету с «Гамлетом» 1944 года у инопланетянина в кармане.

Вообще-то все началось для меня, как и для многих из нас, со сцены в фильме «День, когда остановилась Земля», когда инопланетянину, заподозрившему козни, потребовалась помощь. Клату говорит Патриции Нил: если с ним случится беда, ей надо обратиться к суперполицейскому-роботу Горту со словами «Клату барада никто». Потому что, не услышав этих слов, Горт разрушит Землю. Так что мое поколение на всякий случай запомнило это «клату барада никто».

Забавно, что в фильме так и не объясняют, что это значит. Клату надо помочь? Или он советует приятелю не кипятиться? Или сообщает: «Клату по колено в дерьме»? В общем, фразу мы запомнили, чтобы цитировать в особых случаях.

«Куда это ты собрался?»

«Погулять, папа».

«Где именно?»

«Клату барада никто».

«Смотри, чтоб к одиннадцати был дома».

Намек на иной смысл этой загадочной фразы был явлен мне, когда я работал над двумя романами об инопланетной нации для «Покет». У новеньких, естественно, собственный язык, и писатели, подряжающиеся писать об этой вселенной, получают руководство, где изложены основные действующие лица серии, синопсисы разных телевизионных серий и словарик типа «Тенктонский для путешественников».

Немного о достоверности и преодолении недоверчивости. Не могу говорить от имени всех авторов и читателей, но лично для меня существует неписаный договор между читателем и писателем. Автор соглашается относиться к сюжету с доверием. Отсюда вытекает пакт, заключаемый им с собственным воображением: какие бы ситуации, каких бы персонажей я ни навыдумывал, они обязательно где-нибудь да существуют. Моя работа? Сохранять верность ситуациям и персонажам и доносить их до читателя с максимальной точностью.

А теперь о тенктонском языке. Когда я впервые заглянул в руководство «Инопланетная нация», то подумал, что ее авторы подошли к своей задаче не совсем серьезно. Выпивка по-

тенктонски — «танка», жестокость — «поппи», крупный рогатый скот — «мукау», церемония — «оскар», глубокий — «пид», врач — «маре», нечистоты — «слам», до свидания — «токус», ружье — «шута», расследовать — «снуп», уровень — «страта», а сеть, поверите ли, «тисифокс». Я, конечно, не большой дока по этой части, но тут же представил двух самовлюбленных сценаристов, создающих тенктонское наречие при помощи травки и «танки». Хохоча, они придумывают всех этих «мукау» и «снуп». Сердясь на телесеть «Фокс», они придумывают словечко «тисифокс».

Если вернуться к загадочному посланию от Клаты Горту, то результатом недостаточной серьезности языка инопланетной нации стало тенктонское имя главного героя сериала, детектива — Джордж Франсиско. Согласно руководству, по-тенктонски его дразнили «Никто». Это открывает возможности для множества новых толкований фразы «Клату барада никто». Больше всего она смахивает на признание в подростковой любви. Ничуть не сомневаюсь, что будущие исследователи космоса пронесут это признание в сердцах и вырежут на коре дерева батнут:

Клату
барада
Никто

Между прочим, в штате Мэн есть город Биддфорд. Размышляя над происхождением этого названия, я остановился на двух возможностях: либо оно произошло от алгонкинского «старуха, переходящая через реку», либо от норвежского «я иду на трудотерапию».

Еще я усердно изучал разные лингвистические недоразумения. Двойное и множественное значение слов в большинстве языков иногда приводит к любопытным ситуациям при переводе, очень меня веселящим. Из веселья выросло нижеследующее короткое произведение под названием «Дальше снова тьма». Оно публиковалось один-единственный раз — в моей «Мастерской писателя-фантаста-I», в главе «Фатальные огрехи», как пример того, чего нельзя делать. Это виньетка, написанная еще до того, как я узнал, что такое виньетка.

Дальше снова тьма
(случайность)

— Говорит Большая Медведица, частота 221,3. Слышит меня кто-нибудь?

Эл Брагг выключил микрофон ровно на двадцать секунд. Ждать дольше — напрасный труд. Эл проверил приборы и монитор, показывающий его местоположение в галактике. 18, 19, 20...

Эл подстроил частоту и снова взял микрофон.

— Говорит Большая Медведица, частота 221,4. Хочется поболтать. Есть с кем?

Глядя на монитор, он пытался отыскать Солнечную систему. Компьютер сделал бы это моментально, но чем тогда заняться самому Элу? Он страшно скучал, не говоря о тоске по дому... 18, 19, 20.

— Говорит Здоровенная Медведица, частота 221,5. Ну, хоть кто-нибудь!

Эл вздохнул. Занесло же его в такую дыру! Сюда больше никто не совался. Три стандартные недели лету от обжитых секторов — и пожалуйста, ни звука. 18, 19, 20.

Еще неизвестно, что вытворяет электронный переводчик.

— Большая Зверюга, частота 221,6, готов на все! Никто меня не побалует?

Либо такой маршрут, либо долгий, кружной, вокруг этого пустого места. Черт, можно ведь было прихватить груз и по крайней мере зашибить деньгу. Но он очень торопился домой. 18, 19, 20...

— Медведица, частота 221,6. Молю, составьте мне компанию!

— САМКА МЕДВЕДЯ! НА СВЯЗИ МЕДВЕДЬ. ПРИЕМ.

Эл вздрогнул, потом расплылся в улыбке. Нашел-таки! Буквальный перевод добавлял игре изюминку.

— Привет, Мишка. Я — Медведица. Как я отвык от общения! Ты куда намылился?

— Я ЧИСТЫЙ. ТЫ ГРЯЗНАЯ?

— Ответ отрицательный. Куда направляешься?

— ИЗВИНИ. В ЦЕНТР, СЕКТОР ДВАДЦАТЬ И ПЯТЬ. ХОЧЕШЬ СЫГРАТЬ?

— А то нет!

— ЭТО «ДА» ИЛИ «НЕТ»?

— Ответ утвердительный. Кто начинает — ты или я?

— НАЧАЛИ.

— Эй, косолапый, компьютеру подавай подлежащее и сказуемое. Ты или я?

— Я НЕ КОСОЛАПЫЙ. ТЫ.

— Идет. — Эл почесал подбородок. Фокус заключался в том, чтобы не соврать, но и не выдать истинное расположение. — Моя планета прекрасна.

— МОЯ ПЛАНЕТА УРОДЛИВА.

Эл нахмурился. Ему случалось забавляться с инопланетянами, вырубленными из черного льда и считавшими свою планету красавицей, а Землю — уродиной.

— Хорошо, Большой Медведь. Атмосфера голубая, с белыми облаками водяного пара. Благодаря дождям на поверхности густая растительность.

— НЕБО СИНЕЕ. НЕМНОГО ЖЕЛТИЗНЫ ИЗ-ЗА ПЫЛИ. ОБЛАКОВ МАЛО. ЗЕМЛЯ ТВЕРДАЯ И СУХАЯ. ДОЖДЕЙ МАЛО; РАСТИТЕЛЬНОСТИ МЕНЬШЕ.

Эл поджал губы, покачал головой.

— Что-то я не пойму, Медведь. А ты?

— НЕТ.

— Перейдем к правительствам? — Эл улыбнулся: он надеялся, что партнер соблазнится. Населенных планет-пустынь всего пара десятков, и Эл знал их все. Ему хватило бы парочки намеков на устройство власти.

— ХОРОШО. Я ПЕРВЫЙ?

— Валяй.

— НАРОД МОЙ... УГНЕТЕН. ВСЕГДА. НАШИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ИЛИ ДРУГИМИ, НЕ ВАЖНО. РЕВОЛЮЦИИ. МНОГО. ТОЛКУ НИКАКОГО.

Эл почесал в затылке, вспоминая какую-нибудь пустынную планету, страдающую политическим несварением. Гарнетсид? Нет, Медведь утверждает, что соблюдает чистоту.

— Очень давно у нас тоже была революция, — сказал он в микрофон. — Но теперь мы свободны. Войны позади. Мы сами выбираем, какими нам быть, и достаточно благополучны. Например, мой корабль — моя собственность.

— НУ? ХОРОШО. СЕЙЧАС ДОГАДАЮСЬ. МИНТАКА ДВЕНАДЦАТЬ?

— Ответ отрицательный, Большой Медведь. Начну-ка я с экономики. Я сказал, что мы благополучны. Поднимай выше: мы — настоящий финансовый центр Сектора.

— ЭТО НЕ МИНТАКА ДВЕНАДЦАТЬ?

— Никакая не Минтака! — Эл фыркнул. Далась ему эта Минтака!

— НЕ ПОНИМАТЬ. ЛАДНО. НА МОЕЙ ПЛАНЕТЕ БЕДНОСТЬ. Я ЛЕЧУ В СЕКТОР ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ, ПОКУПАТЬ ОРУЖИЕ. ТЕПЕРЬ ДОПЕР?

Эл хлопнул себя по колену.

— Наверняка Садр Пять! Я угадал, Большой Медведь?

— ОТВЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ. УГАДЫВАЙ СНОВА.

Эл нахмурился: в эфире прибавилось помех.

— У меня иссякла фантазия. Как ты меня слышишь?

— Ушами. Двумя.

— Я про радиоприем, — сказал Эл со вздохом. — Не ослабевает?

— ПРИЕМ СЛАБЫЙ.

— Увы. Ну как, сдаешься?

— А ТЫ?

— Ответ утвердительный. Хотя я редко проигрываю. Так что у тебя за планета?

— ЗЕМЛЯ. ТРЕТЬЯ ПО СЧЕТУ В СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ.

— Да не может этого... Эй, Медведь, вырубай свой переводчик и переключайся на прямую голосовую связь. — Эл замер в ожидании.

— TIERRA.

— Ты что, испанец?

— MEJICANO... HABLA INGLES? POR QUE?

— Потому что я с Земли. Северная Америка.

— GRINGO?

— Он самый, «мокрая спина». Теперь понятно, каково вам...

— SI.

— Галактика тесна, верно?

— ES VERDAD... ADIOS.

— Что ж, бывай, Мишка! — Эл передернул плечами и подстроил частоту. — Говорит Большая Медведица, частота 221,8...

К СЧАСТЬЮ, КОНЕЦ

* * *

Предсказуемо, бессмысленно, вероломно, пустой звук — все, что вы способны сказать про мою «Тьму», я уже сказал сам. Примерно так же о ней отзывались редакции, отвечавшие мне отказом.

Интерес к путанице при переводе я проявлял и раньше — например, в рассказе «Скользкие господа» из серии о звездном цирке, в конце концов врезавшемся в планету Мом (я о цирке, а не о серии). Язык там причудлив с нескольких углов зрения. Во-первых, сам цирковой жаргон, на котором изъясняются артисты шоу О'Хары. Свою лепту вносят инопланетяне из труппы и другие инопланетяне, для которых артисты выступают. Мы начнем с места, где Уортс, ответственный за путевой журнал труппы, не выдержав мук совести, принимает решение сдать Джона О'Хару полиции и явиться с повинной: ведь их шоу — прикрытие для карманников, шулеров и разных прочих мошенников, отстегивающих О'Харе немалые денежки за право обирать жителей планеты Читью, еще ни разу не видевших цирк. Чем больше Уортс приглядывается к «скользким господам», тем меньше они ему нравятся.

Танцор-Красавчик из Бостона решил примкнуть к нам, «чтобы подоить местных олухов», как он сам выразился. Никто из «Барабу», за исключением антрепренера, раньше не бывал на Читью, так что у Красавчика чесались руки. С Рыбой мы подружились, потому что оба боялись разоблачения. Простившись с Тик-Током, мы зашагали втроем к высоким домам. Асту, аборигены, управляющие Читью, напоминают телосложением страусиные яйца, только значительно выше, на толстых ножках и с тоненькими четырехпалыми ручонками. Гуляя по торговым центрам Мартаана, Бостонский Красавчик обожал вдруг замереть перед таким яйцом на ножках. Асту обязательно налетал на озорника, бормотал неразборчивые извинения и ковылял дальше.

— Восковая спелость! — восклицал Красавчик с улыбкой.

После четвертого подряд столкновения с аборигеном я хмуро спросил его, зачем он этим занимается.

Он остановился, сдерживая напор толпы, рвущейся в ворота биржи.

— А ты загляни им в глаза, Уортс. Крохотные, расположены по бокам. Перед собой они ни черта не видят. Пред-

ставь, что сделал бы с ними наш Джек-Джек! [карточный шулер] — Он помахал нам рукой и заторопился на биржу. — Взгляну, как они распоряжаются своими деньгами.

— Представляешь, что бы здесь натворила банда Красавчика? — спросил я Рыбу.

Он невозмутимо кивнул и указал на существо в белых ремнях, регулировавшее, судя по всему, поток пешеходов на одном из перекрестков торгового центра. Меня пронзила жалость: асту-пешеходам требуются регулировщики, иначе они будут друг в друга врезаться.

— Видишь полицейского? Давай узнаем, где у них участок.

Мы подошли к яйцу в ремнях, и я начал:

— Не подскажете, где тут полицейский участок?

Я стоял прямо перед регулировщиком, но он долго вращался, пока не поймал меня одним глазом. Глаз расширился, яйцо отпрянуло.

— Миг баллума.

— Полицейский участок, — попробовал я еще разок.

Придя в себя, полицейский шагнул к нам, навел на нас один глаз, потом другой.

— Эгер блей сиркис.

— Простите?

Он указал на меня, потом на Рыбу.

— Сиркис, сиркис, детер эт?

Рыба схватил меня за руку.

— Слушай, он же про цирк!

Ротик яйца быстро расширился, тело закачалось.

— Сиркис, сиркис!

На перекрестке уже образовалось яичное скопление. Регулировщик вынул из-под белого ремня бело-красную карточку.

— Сиркис!

— Смотри-ка, это билет из брони на наше выступление, — сказал я Рыбе. — Да, цирк. — Это уже регулировщику. — Полицейский участок?

Он снова спрятал карточку под ремень и поднял ручонки.

— Нети бле эт «поцески утасток» дума?

Яйца ошибочно приняли жест регулировщика за сигнал двигаться и немедленно устроили кучу малу.

— Гаавуук! — И регулировщик врезался в толпу, крича и толкаясь. Вскоре порядок был восстановлен, и регулировщик вернулся на свой пост. Указав на дверь в нескольких шагах от угла, он произнес: — Агвуг, тухап тубба.

— Полицейский участок? — переспросил я.

Он опять поднял руки — видимо, это движение заменяет им пожимание плечами, — во второй раз спровоцировав столпотворение на вверенном ему участке.

— Ах, гаавуук! Нее паавуук!

И он опять ринулся разгребать свалку. Рыба потянул меня за рукав, указывая на дверь.

— Лучше идем, а то он рассердится. Думаешь, это и есть полиция?

— Давай проверим.

Мы подошли к двери. На ней были нарисованы какие-то непонятные линии, точки, завитки и пятна. Под этой мазней красовалась надпись: «Здесь говорят по-английски». Я удовлетворенно кивнул.

— Бюро переводов!

Я распахнул дверь, и мы оказались в захламленной комнате без окон. В глубине, за низкой конторкой, угадывался яйцевидный силуэт.

Рыба тронул меня за плечо.

— Спит, что ли?

Я подошел к стойке и постучал по ней.

— Простите? — Ответа не последовало. Я постучал сильнее. — Простите, вы говорите по-английски?

Яйцо открыло обращенный в мою сторону глаз, вздрогнуло, помигало, разинуло рот.

— Сиркис!

Встав, мой собеседник вынул из-под своего широкого коричневого ремня билет из нашей брони.

— Сиркис!

Я утвердительно кивнул.

— Точно, мы оба из цирка. — Я глянул на Рыбу. — Реклама сделала свое дело. Так вы говорите по-английски?

Рот яйца стал еще шире, глаза, наоборот, прищурились.

— Здесь говорят по-английски.

— Как вас зовут?

— Зовут Доккор-тут, да, господа. — И Доккор-тут наклонился вперед в яичной версии учтивого поклона.

— Нам бы переводчика, — объяснил я с улыбкой.

— Здесь говорят по-английски.

— Можете пойти с нами? Нам надо в полицию. В участок.

Доккор-тут повращался на месте, переместился вдоль своей конторки и вернулся с книгой. Поднеся ее к глазу, он начал перелистывать страницы.

— Полиция, полиция... Соблюдение общественного порядка. Общественного, общественного... Участок, участок... — Доккор-тут опустил книгу и уставился на меня одним глаз. — Желаете купить землю?

Рыба взял меня за плечо.

— Дай-ка, я попробую. — Она поманил Доккор-тута пальцем. — Иди сюда.

Доккор-тут нажал кнопку. Крышка конторки распахнулась, и он вывалился в образовавшийся проем, чтобы последовать за Рыбой к двери. Я замыкал шествие. Из двери Рыба показал пальцем на регулировщика.

— Полиция!

Доккор-тут прицелился одним глазом в Рыбу.

— Земля рядом с полицией?

Рыба покачал головой.

— Веди нас к полицейской шишке.

Доккор-тут опять справился со своей книгой.

— Шишка... Соцветие и плод хвойных и некоторых других... Бугорок, округлая... Твердый шарик на конце...

Рыба отнял у него книгу.

— Лучше я. — Найдя нужное определение, он показал его Доккор-туту. — Важный, влиятельный человек. Начальник, понял?

И так далее. Недоразумения при переводе легли в основу таких обменов репликами в повести «Враг мой», как, например, этот.

...Нас в любую минуту могло снести с отмели.

— Джерри, ты напрасно так насторожился из-за этой железки, сам знаешь.

— Сурда. — Голос драка звучал покаянно, а то и жалостливо.

— Эсс?

— Эсс ех «сурда»?

Джерри помолчал.

— Дэвидж не знает не уверен что это нет?

Я отмел нагромождение отрицаний.

— Ты имеешь в виду «возможно», «может быть», «не исключено»?

— Аэ, возможноможетбытьнеисключено. Дракский флот корабли иркмаан имеет. До война покупать, после война захватить. Железка возможноможетбытьнеисключено дракская.

— Значит, если на большом острове есть секретная база, сурда она дракская?

— Возможноможетбытьнеисключено, Дэвидж.

А вот мои пометки к другому замыслу (нереализованному), повлиявшему потом на «Враг мой». Тут важно отметить, что я никогда не отвергаю с ходу никаких идей, как бы дурно они ни пахли. Таким образом, мне удается обуздывать свой критицизм, способный засушить все, что появится в непосредственной близости. В итоге кое-что все-таки выживает, потому и появился на свет «Враг мой». Неприятное в том, что мои файлы переполнены всякой ерундой, что сильно смутит любого, кто после моего ухода в мир иной сядет за биографию Барри Б. Лонгиера. Очень может быть, что биография выйдет под названием «Не могу поверить, что он написал всю эту чушь!».

Снова я уклонился от темы.

Вот что я пометил на тему о языке, когда приступал к сочинению очередного сюжета.

Без заглавия

Начать повествование по-английски, вставляя инопланетные словечки и выражения, пока читатель не освоится с языком инопланетян до такой степени, чтобы последний абзац текста можно было полностью написать по-инопланетному.

Первый шаг — изобретение чужого языка. При своей чуждости он должен быть простым для усвоения — ведь

читателю предстоит без напряжения понять написанный на нем последний абзац истории. [Я разработал грамматику, орфографию, произношение, словарь примерно на триста слов. Получился гибрид испанского, японского, иврита и вульгарной латыни.]

Придумать ситуацию, оправдывающую применение чужого языка. Один персонаж должен учиться языку у другого; во всяком случае, читателю придется кое-что усвоить.

Общая семантика учит, что некоторые термины («семантические пустоты») как будто обозначают некие аспекты реальности (имеют смысл), но в действительности бессмысленны (не имеют реальных аналогов): «справедливость», «социализм», «разумный», «права» и многое другое. Теория гласит, что если двое, говорящие на разных языках, не понимающие друг друга и отказывающиеся от попыток понять чужой язык, изобретут для общения третий язык, то они не смогут болтать о «справедливости» или «социализме».

Скажем, показывает один на камень и называет его «блуг». Другой соглашается, после чего при произнесении слова «блуг» оба понимают, о чем речь. Но на что, спрашивается, указать, чтобы прийти к пониманию насчет «справедливости»?

Что получится, если переговорщики, отряженные разными политическими силами (людьми и инопланетянами), не будут иметь возможности прибегнуть к переводу и по необходимости станут изобретать особый язык? Преодолев технические трудности, они продолжат усилия, пока не наткнутся на проблему, во-первых, чреватую серьезной опасностью, а во-вторых, не подлежащую своевременному устранению. Значит, невозможность обратиться к услугам переводчиков (людей или приборов) должна быть достоверно обоснована.

Предположим, стороны чрезвычайно подозрительны, а условия переговоров таковы, что команда переговорщиков не может включать второстепенных лиц. Тогда переводчики (люди и инопланетяне) работают на расстоянии — например, обслуживают переговоры, ведущиеся на борту «шаттла», с корабля-матки. И вдруг — диверсия! Корабль взрывается, маленький «шаттл» с ограниченными запасами топлива и всего необходимого остается один в космосе. На борту толь-

ко главы делегаций: инопланетяне трех разных рас и англоязычный человек. Им приходится сотрудничать ради выживания, а для этого надо прийти к взаимопониманию. Первые попытки...

А теперь приглядимся к персонажам. Начнем с человека. Передряга должна кое-чему его научить, так что пусть он будет сперва высокомерным дипломатом, приверженцем трескучих фраз. Чему он научится? Необходимость братства всех разумных существ, «все мы в одной лодке» — устаревшие словеса [это стало главной темой во «Враг мой»]. Теория: 99 процентов всех религий, этических кодексов, идеологий, моральных постулатов, концепций правильного и дурного опираются на трескучие фразы, семантические пустоты. Если за ними нет всеми признанной реальности, то словеса повисают в воздухе. Да, тут есть чему поучиться...

Каким образом дипломату, а вместе с ним и читателю будет преподан урок? Принцип «семантических пустот» требует объяснения. Вводим еще одно действующее лицо — переводчик при переговорщике-землянине, циник, всю жизнь учивший языки и наблюдавший, как их используют в различных переговорах в недобрых целях. Беседа дипломата и переводчика перед посадкой переговорщиков в «шаттл». Дипломат разглагольствует о «службе на благо человечества», а переводчик отвечает, что наелся этого добра досыта, и объясняет почему. Дипломат не соглашается и переходит на «шаттл».

Каков предмет переговоров? Первый тур дает ответ на этот вопрос. Территориальные споры, война, экономическое соперничество; напыщенные заявления сторон, лишенные смысла. Читатель владеет только английским, значит, он будет воспринимать происходящее глазами дипломата-землянина.

И тут — взрыв. От корабля-матки ничего не остается, действующие лица лишены способов общения. Как им быть? Они дипломаты, а не вундеркинды, способные смастерить из булавок и жевательной резинки суперкомпьютер или универсальный чип-переводчик. Их инструменты — слова, причем звонкие и бессмысленные; они ненавидят друг друга. Закон вероятности не позволяет им уповать на постороннее вмешательство, остается рассчитывать на себя. Первое

условие спасения — хотя бы немного взаимного доверия. После этого можно указывать на предметы и давать им имена.

Серьезная проблема: развитие пригодного в данной ситуации языка займет бесчисленные страницы, тем более что вместе с героями язык предстоит учить самому читателю. Чтобы добраться до уровня: «Слушай, я бывший физик. Давай-ка попробуем вот что...», придется написать не один том. Конец истории? Персонажи заговаривают друг друга до смерти.

НЕ ПОЙДЕТ!

Увы, вышеизложенный сюжет оказался в мусорной корзине, однако возня с языками не пропала даром: из нее вылупился «Враг мой».

Кстати, о переводах. «Враг мой» переведен на множество языков, и мне очень любопытно, каково впечатление читателя, познакомившегося с моими писаниями на другом языке. Например, по-немецки мой сборник «Manifest Destiny» называется «Erbfeinde». У меня это слово рождает ощущение городского совета по планированию, связанного правилами, законами, инструкциями и запретами, который лишает городской ландшафт человеческого содержания. Я заглянул в словарь: немецкое словечко переведено там как «наследственный враг», «старый недруг». «Враг мой» назван в немецком сборнике «Mein lieber Feind», то есть, насколько я понимаю, «Мой возлюбленный враг». А помните солдатскую песенку, которую распевает Дэвидж? Вот как она зазвучала по-немецки:

Grof und prachtig, Christ allmachtig,
Wer zur Holle sind denn wir?
Zicke, Zicke, verfluchte Kacke,
Das Geschwader B sind wir.

Показал бы вам японский вариант песенки, но почему-то не могу его найти в тексте перевода.

Мне удалось-таки довести тему изучения чужого языка до такого уровня, чтобы многие уже могли читать по-дракски,

когда Дэвидж начинает учить маленького Заммиса истории его рода: «Наата ну ента ва, Заммис зеа дос Джерриба естай ва Шиген асаам наа денвадар».

Решив свою задачу, я занялся другим. Но уже спустя год почему-то засел за продолжение «Врага» — «Грядущий завет». Там опять толкутся люди и драки. Пришлось сохранить язык из «Врага», а также дракские обычаи, придуманные для «Врага», а для этого освежить в памяти содержание первой книги и даже составить словарик. Структура «Грядущего завета» ориентирована на Талман, дракскую Библию — философский труд, составленный драками и рассказывающий про драков дракам. Словарный состав потребовал, естественно, серьезного расширения, не говоря уже о сочинении самой священной книги...

Покончив с «Грядущим заветом», я опять попробовал заняться чем-то другим, в частности, созданием еще нескольких инопланетных языков — кропотливая работа, требующая изрядного прилежания. Правда, племя в моем фантастическом рассказе «Божья шкатулка» просто обходится без вспомогательных глаголов и местоимений: член племени, у которого подвело брюхо, говорит попросту «голодный», вместо того чтобы завернуть сложный грамматический период. Если бы Аристотель родился в этом племени, то его знаменитейшее утверждение звучало бы просто как «А — А», хотя шекспировское «быть или не быть», наверное, устояло бы.

Еще у этого племени фатальные проблемы со звуком «л». Но вместо того чтобы заменить его другим звуком, они просто его опускают; на письме это отображается апострофом. То есть «Аристоте' — фи'ософ». Написав несколько страниц диалога на языке этого племени, я начал ускоренно лысеть.

Шло время, мои дипломы «Небьюла» и «Хьюго», полученные за «Врага», покрывались пылью. И вот через 17 лет после первого «Врага» я подписал контракт на новую книгу про драков, «Последний враг», написанную от лица драка. Уже на предварительном этапе работы я был вынужден взглянуть в глаза суровой правде: мое представление о самом себе как о добросовестном авторе, делающем кучу записей и набросков, не очень-то отвечает действительности. Пришлось снова штудировать свои же книги в поисках имен и языковых принци-

пов. В результате произошел прорыв: в книге помещен словарик (он в самом конце), так что теперь есть куда заглядывать.

Собственный опыт научил меня не только необходимости все тщательно планировать и записывать, но и той истине, что инопланетные языки, как и имена инопланетян, должны быть понятны землянам и активно ими применяться — во всяком случае, те языки, что фигурируют в фантастической литературе. Это в кино можно обходиться щебетом, рявканьем и свистом: персонажи там все равно до того плоские, что их высказывания можно пропускать мимо ушей. В книжке по-другому: приходится запоминать имена, а на чужих словечках хотя бы не спотыкаться, хотя лучше их все-таки понимать.

Когда писателю нужно дать своему персонажу инопланетное имя, он почему-то чаще всего останавливается на какой-то автоматной очереди — сплошь апострофы, дефисы и звездочки. Сам видел взрослых мужчин и женщин, которые синели от удушья, пытаясь выдавить из себя надлежащие звукосочетания. У меня свой подход: если я сам могу без запинки произнести мои инопланетные имена и словечки, то и у читателя не должно возникнуть проблем. На всякий случай подскажу: представьте себе испанские, японские, урду-фонемы — и вперед.

Если честно, то ничего этого не случилось бы, если бы не мистер Микл, мой учитель в восьмом классе школы в Гаррисбурге, что в штате Пенсильвания. Его цель состояла в том, чтобы облегчить нам выбор иностранного языка в колледже. Делал он это просто: в первой четверти мы изучали латынь, во второй — французский, в третьей — немецкий, в четвертой — испанский. Особенности грамматики, глагольных форм, лексикона и исключения из правил не прошли даром: в колледже я с трудом изъяснялся даже по-английски.

Вообще-то мне всегда хотелось овладеть каким-нибудь иностранным языком, но в школе моя мечта осталась неосуществленной. В колледже я избрал латынь, но почти сразу разочаровался в своем выборе и заявил преподавателю, что не собираюсь становиться учителем латыни, а других причин ее учить не вижу. Спустя годы, серьезно занимаясь древнеримской историей и пытаясь расшифровать различные надписи, я

со слезами на глазах молил Господа, чтобы Он позволил мне забрать назад те необдуманные слова.

С испанским у меня тоже не больно сложилось. Своего пика в этом языке я достиг в 1966 году, когда учился в университете Уэйна в Детройте. Я грелся на солнышке, размышляя, на что бы направить остаток жизни, когда поблизости случился представительный и опрятный джентльмен в тройке в полоску. Он задал одному из студентов вопрос, но студент только пожал плечами и показал ему пальцами: мол, мир тебе, прохожий! А вопрос-то был задан по-испански! То есть мне подвернулся шанс совершить доброе дело и хоть как-то применить знания, которые я столько лет накапливал. Я вскочил, подошел к человеку в тройке и спросил на безупречном кастильском: «Habla espanol?»

В ответ прозвучало «Si!», далее последовал настоящий словесный обстрел на максимальной скорости. Когда у стрелка вышли боеприпасы, я криво усмехнулся и ответил: «Жаль, а я — нет». После этого я гордо удалился.

Последняя моя попытка овладеть языком связана с мечтой. Когда я служил в армии и находился на Окинаве, то не воспользовался возможностью выучить японский, а ограничился дурацким жаргоном, на котором объясняются друг с другом полуграмотная солдатня и обозленные жители оккупированной страны. Когда хочешь подружиться с японцем, к такому жаргону лучше не прибегать. Слишком многие на этой планете имеют черный пояс по карате.

А мечта моя, оформившаяся после того, как я занялся фантастикой и познакомился с несколькими японскими фантастами, такова: поехать в Японию, попутешествовать по стране, выступить на паре фантастических симпозиумов и, главное, свободно общаться на японском языке. Заботясь о здоровье, я ежедневно по полчаса потею на «бегущей дорожке». Чтобы не терять это время зря, я обзавелся плейером и японскими учебными кассетами. Должен признаться, что из-за специфических условий японский у меня запоминается со странным акцентом: «Конничива «уф-уф»! Ватакуши ва «вдох»! Барри Лонгиер десу «выдох»!

БЕГИ, ДРАК, БЕГИ

Дело было в феврале 1978 года, в разгар зимы, которая в штате Мэн так сурова, что даже медведи, прерывая спячку, переселяются в мотели. Я еще не открыл для себя лыжный спорт, пребывал в крайне раздраженном настроении, тяготился одиночеством и вообще был способен на преступление.

Безуспешно ловя писательское вдохновение, я отвернулся от электронного редактора и засмотрелся в окно, на метель. Снега навалило уже много и, судя по всему, снегопад не собирался прекращаться. Температура была низкая, ветер крепчал.

Падающий снег, туман, звездная ночь — вся эта метеорология оказывает на меня гипнотизирующее действие. Зачарованный снегопадом, я мечтал о сооружении в чаще шалаша для испытания своей способности выживать во враждебной обстановке. В детстве мне часто случалось убегать поздним вечером из родительского дома, забираться подальше в лес и строить там навесы и даже вигвамы. В шалаше я бы развел костер и спасся от охватывающего меня в кажущемся уюте безумия...

А потом мысли мои приняли новое направление. Что было бы, если бы меня вышвырнули голым в снег, вручив только нож? Выжил бы я без крова, одежды, тепла, пищи? Вряд ли я продержался бы больше десяти минут. Другое дело, если начать еще осенью, еще до снегопадов, построить укрытие... К этому потребовалась бы еда на зиму, хворост для костра, теплые одеяла, кровать. А как решать проблему туалетной бумаги?

В голове уже вызревала канва сюжета о выживании в экстремальных условиях. Я попытался проверить его логикой: что хорошего в такой лесной жизни? Предположим, был бы у меня шалаш — ни телефона, ни компьютера, ни радио, ни компакт-дисков, ни телевизора... Чем бы я там занимался?

Ждал бы!

Но чего?

Ответ на этот вопрос вернул меня к ранним воспоминаниям. Я ждал бы того же, чего ждал ребенком под своими навесами из веток в лесной чаще. Ждал бы кого-то, кто смог бы ответить на мои вопросы, поговорил бы со мной, подсказал решение несчетных проблем, повсюду меня сопровождавших...

Я сделал пометки, пошарил в своей «мусорной корзине» и кое-что выудил. Потом, уже в июле, когда Мэн плавился на солнце, в голове вдруг появилось название «Враг мой». Вспоминая заметки о выживании, сделанные в январе, и не прогоняя призраков, сохранившихся в подсознании с той детской поры, когда я трясся ночами в лесу под самодельным навесом, я стал писать. За считанные часы я сотворил инопланетянина, чей духовный багаж и воспитание позволяют ему сознавать, что он собой представляет и как должен поступать. Этот инопланетянин, Джерриба Шиген, ничуть не горюет о своей инопланетности. Ему чужды душевные противоречия. Хотелось бы и мне того же!

Он учит человека на своем примере, как любить и как позволить себе быть любимым. Заодно он учит человека быть человеком, хотя ни он сам, ни я не знаем, как к этому подступиться. Страницы так и слетали с пишущей машинки, моя жена Джин едва успевала их подбирать и читать. Когда Джеррибе Шигену настало время умереть, я прослезился. Я буквально лишился лучшего друга. Теперь человек был вынужден проверить на практике то, что познал в теории: сдержать обещание и вырастить дракского ребенка. Тут Джин зашла ко мне в кабинет и больно ущипнула меня за руку. «Это тебе за убийство Джеррибы Шигена!» — прошипела она и, схватив следующую готовую страницу, выбежала вон.

Дописав до места, где Дэвидж хоронит тело Джерри, заваливая его камнями, выковырянными из льда, я понял, что это не конец, а только середина повествования. Джорджу Скитерсу, тогдашнему издателю «Isaac Asimov's Science-Fiction Magazine», я говорил, что тружусь над произведением в 5 тысяч слов, но в действительности слов уже накопилось 10—11 тысяч, а конец даже не брезжил. Я выжал из себя кульминацию в 10 страниц и отослал все Джорджу, спрашивая, как быть. Интересно, что сто-

ило мне отослать рукопись, как Джин призналась, что, по ее мнению, ее не примут — слишком хороша.

Спустя несколько дней раздался звонок Джорджа: помнится, он сказал, что есть кое-какие проблемы, и послал рукопись на рецензию самому Айзеку Азимову. Я страшно запаниковал, отложил всю прочую работу, срочно дописал «Враг мой», прочел и стал переделывать — раз, другой, третий... Наконец я отправил законченный вариант Джорджу Скитерсу, приложив такое письмо:

24 июля 1978 г.

Дорогой Джордж,

я так усердно занимаюсь вещью, что слишком в нее врос и уже не знаю, как с ней быть дальше.

Из первоначального замысла вытекает сцена, где Дэвидж доставляет Заммиса на Драко для ритуальной декламации истории рода. Затем Дэвидж и Заммис возвращаются на Файрин IV и основывают там колонию. Однако, дойдя до этого места, я потерял над собой контроль: текст писался сам собой. Сейчас мне кажется, что так даже лучше.

Можно подумать об удлинении текста с момента рождения Заммиса за счет развития существующих конфликтов. Скажем, использовать ритуал посвящения Заммиса во взрослые драки, чтобы подробнее описать дракское общество, Готих, т.д. Но на данный момент мне представляется, что лучше оставить все как есть.

Все еще можно изменить. Будем ждать, что пропишет доктор.

Не помню, чем я занимался, пока спустя две недели не получил от Джорджа копию письма, которое ему прислал Айзек Азимов.

13 августа 1978 г.

Дорогой Джордж,

я уже сказал вам по телефону, что прочел «Враг мой» и очень взволнован. Если бы не мой возраст и не затвердевший подход к фантастике, я бы позавидовал Лонгиеру. Если честно, мне очень понравилось.

Но у меня ощущение, что он попытался втиснуть две истории в одну. Лучше бы он закончил «Враг мой» на середине 51-й страницы, соорудив там более подходящую концовку. А потом разогнал последние 14 страниц примерно втрое, использовав конфликт, который он упоминает в своем сопроводительном письме. Получилось бы самостоятельное продолжение — «Сын мой».

Айзек.

То есть превратить один сюжет в два... Увы, «Сын мой» — несбыточная мечта: ведь драки — гермафродиты, у них не бывает сыновей-дочерей. Тем не менее я дописал окончание, эмоциональным стержнем которого стало чувство потерянности, испытываемое вернувшимся на Землю Дэвиджем. Сектор живет мирно, но Дэвидж продолжает воевать — с самим собой. Я отослал написанное и приступил к следующему произведению.

Через несколько дней Джордж позвонил мне и сообщил, что журнал опубликует «Враг мой» единым рассказом, а не в виде двух новелл. Получив кусок, начинающийся похоронами Джеррибы Шигена, Джордж дал его прочесть одному из читателей с просьбой поделиться впечатлением. Ответ был обескураживающим: «Главный герой убил инопланетянина и переживает». Потому и было решено не дробить текст. Я кое-что подправил, и «Враг мой» увидел свет в сентябрьском номере «Isaac Asimov's Science-Fiction Magazine» за 1978 год.

Почта, вызванная «Врагом», застала меня врасплох. Повесть задела много струн: материнские чувства, отчужденность, расизм, неприятие войн. Одна читательница рассказала, как читала повесть по дороге на работу и так плакала, что ей пришлось отбиваться от сердобольных пассажиров автобуса, не дававших ей дочитать вещь до конца.

А потом Стив Перри с тихоокеанского побережья рекомендовал «Врага» на премию «Небьюла». Видимо, он посчитал это забавным: ведь всего за несколько недель до этого я написал в комитет по присуждению «Небьюлы» злое письмо, осуждающее премию.

Перед банкетом в честь лауреатов «Небьюлы» того года в Лос-Анджелесе мне позвонили. От Мэйна до Лос-Анджелеса путь неблизкий, денег у нас с Джин было в обрез, поэтому мы

остались дома. Джордж Скитерс сообщал, что едет. Я попросил его забрать премию в том маловероятном случае, если «Враг мой» ее выиграет.

За пару дней до объявления лауреатов мне позвонили из оргкомитета и спросили, буду ли я присутствовать. Я ответил, что не могу себе этого позволить.

— Вы уверены, что мне вас не уговорить?

— Уверен. Я на мели.

— Совершенно уверены?

— А что? — удивился я, не причисляя себя к любимчикам фантастического бомонда.

— Я не должен вам этого говорить... Но вам лучше прилететь.

— Неужели «Враг» выиграл?

— Ну да...

Вообще-то эта премия вручается не наличными, так что мы все равно не тронулись с места. Я всего лишь созвонился со Стивом Перри, раз уж это он все затеял. Он ничего не сказал, только посмеялся.

За «Небьюлой» последовала премия «Нориксон-2», а потом «Хьюго». Премии были удостоены «Враг мой» и еще одна моя вещица, меня выставили кандидатом на премию Джона Кэмпбелла лучшему начинающему автору. Если бы я выиграл и ее, то оказался бы первым писателем, заслужившим в один год «Небьюлу», «Хьюго» и премию Кэмпбелла.

Так и вышло. Нынче на таких церемониях не разрешено пользоваться фотоаппаратами со вспышками — это связано со страховыми выплатами, возникающими из-за ослепления людей, поднимающихся на сцену. Когда премии получал я, запрета еще не было. Оба раза, когда я смотрел в зал, меня слепили тысячи вспышек. Никогда в жизни не видал такой красоты! Вечер удался на славу.

Меня ожидало еще два сюрприза. Первый был преподнесен вечером, в гостиничном номере Джорджа. Туда набилось много поклонников, я сидел по-турецки на столе. Джордж выиграл номинацию «Лучший редактор», и Айзек, глядя на нас двоих, пробормотал: «Вот это вечер!»

Следующий приятный момент случился наутро, когда я входил в гостиничный ресторан с Джин и Юдит, своей сестрой-математиком, на которую мне всегда хотелось произвести

впечатление. При нашем появлении завтракающие перестали жевать и зааплодировали. Вот каким полезным может оказаться самодельный навес в лесу!

Через несколько недель после съезда я подписал с издательством «Беркли» контракт на продолжение «Врага» в размере полноценной книги под названием «Грядущий завет». Главным элементом «Завета» стал Талман, Библия драков. Мне пришлось изобретать философию, историю, придумывать Талман и отчасти его сочинять. Но это были только подступы к горе, которая сейчас перед вами.

На писательском семинаре, который я вел за несколько месяцев до этого, одна дама спросила: «Почему у вас мало героинь-женщин?» Когда пришло время приступать к «Завету», я задался вопросом, так ли важно, кто главный герой — мужчина или женщина. Приступ невежества или зазнайства принудил меня ответить на этот вопрос «нет».

Придумав героиню, Джоанн Никол, я испытал прилив энтузиазма и выдал на-гора 10 тысяч слов, после чего стал читать написанное в постели. Уже через считанные минуты я полез под одеяло. Нет, невелика важность, кто в книге главный — мужчина или женщина. То есть не очень велика. Она всего лишь способна превратить 10 тысяч слов в полнейшую бессмыслицу.

Разумнее всего было бы расправиться с Джоанн Никол на месте и начать писать о мужчине. Так поступил бы настоящий профессионал. Но несмотря на непрописанный характер и нарушенные пропорции, Джоанн Никол жила и просила ее не убивать. Персонажи, в которых я уже вдохнул жизнь, отказываются гибнуть на чужих условиях. Пришлось посвятить Джоанн Никол целую книгу. Я был свидетелем ее рождения на другой планете, наблюдал, как она растет, как учится, вникал в ее надежды и мечты, присутствовал при ее любовных приключениях и на свадьбе, помогал произвести на свет дочь, скорбел об умершем муже, подглядывал за поступлением на службу в армейскую разведку Соединенных Штатов Земли, ждал, пока разразится сражение при Кетвишну — и она станет частью повествования. С этого места я начал писать «Грядущий завет» снова, с самого начала, только уже сделав героиней не просто женщину, а именно Джоанн Никол.

Существовала еще одна трудность. Все события в книге изображаются с ее точки зрения, а ведь она почти что в начале

перестает видеть. Изложение от имени незрячей — до чего трудная задача! Я месяцами бродил в темноте по дому с закрытыми глазами, отбивая себе колени, обжигаясь при варке кофе, падая с лестницы. Это продолжалось до тех пор, пока я не освоил все свое жилище на ощупь, на слух, по запахам.

Пока я занимался сочинительством, на сей раз в Денвере, сценарный редактор из «Кингз род продакшнз» сказал, что «Враг мой» тянет на кинофильм. Там главное — характеры, поэтому фильм можно снять не слишком дорого, не разоряясь на спецэффекты. Когда я сказал Джин, что появился продюсер, собирающийся снять по моему «Врагу» кино, она не поверила.

Но поверить пришлось — после подписания контракта. Зато теперь вера пропала у меня самого. Мне не нравилось, как снимается фильм, хотя игра Дэниса Куэйда и Лу Госсетта была выше всяких похвал. Да, в фильме есть моменты, когда изобретенные мной персонажи произносят придуманные мной слова, позволяющие предположить, насколько хорош мог бы быть фильм; но в сослагательном наклонении маловато проку. И все же очень многие любители фантастики утверждают, что «Враг мой» — чуть ли не их любимый фильм. Возможно, проблема с фильмом — моя собственная, мало относящаяся к самому фильму.

Между прочим, на одном симпозиуме фантастов, вскоре после крушения Советского Союза, один русский гость, преподававший тогда в Университете Чикаго, тоже утверждал, что «Враг мой» — его любимый фильм. Он рассказал, сколько денег и нервов ему стоило раздобыть кассету и тайком привезти ее в Россию — где фильм вышел на экраны спустя какие-то несколько недель.

На «Виндиконе», ежегодном симпозиуме, устраиваемом чикагскими любителями фантастики, у меня впервые зародилась мысль, впоследствии развившаяся в третью книгу серии, «Последний враг». Один мой знакомый написал книгу и прислал мне экземпляр на рецензию. На симпозиуме я ее дочитал. Больше всего меня заинтересовал в ней тезис, появляющийся в заключительной беседе двух персонажей: племя прежде всего. Оно превыше рациональности, чести, здравого смысла, эгоизма, милосердия, любви, справедливости. Хочешь остаться членом племени — чти его пуще всего остального.

Я подумал: а ведь это квинтэссенция происходящего на Ближнем Востоке, в Северной Ирландии, Боснии, Руанде... Из-за подхода «мы-они» наша планета на протяжении тысячелетий барахтается в крови.

На военном секторе симпозиума мы подробно обсудили тезис и новую книгу моего знакомого. Я сделал себе пометку: предложить знакомому начать с той же мысли новую книгу и решить с ее помощью ближневосточную проблему и дилемму самовоспроизводящихся войн и терроризма.

Знакомый, с которым я встретился на другом симпозиуме, моим предложением совершенно не заинтересовался. С его точки зрения, любой в Израиле, кто попытается примирить евреев и арабов, будет убит в течение нескольких минут. Даже имея в своем распоряжении все инструменты и все волшебство фантастики, он относился к миру как к заведомо гиблому делу. Я был поражен. Впервые до меня дошло, что есть люди, которым мир ни к чему. Некоторым даже нравится иметь вечных врагов. Другие не согласны с миром, при котором на другой стороне остаются живые. Мы или они! Племя на первом месте, на втором — пустота. Либо мы, либо смерть.

Не слишком ли рискованная тема? Сам я не видел ответов, так почему ждать их от других? На Ближнем Востоке многие израильтяне и палестинцы предпочитают поддерживать ситуацию на точке кипения, хотя все тамошние проблемы — земля, права, деньги, репарации — могли бы быть решены ко всеобщему удовлетворению. Но нет, столкновения будут вспыхивать все равно. Слишком много у обеих сторон ран — застарелых, рваных, бессмысленных, глубоких. Кажется, лечение отсутствует — возможно только полное искоренение противной стороны. Нет, я не видел ответов, однако не мог об этом не размышлять.

Ну как я мог про это забыть, если кровопролитие на планете Амадин из «Грядущего завета» — очень близкий аналог конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Ирландии, в Боснии? Именно поэтому мир на этой планете был невозможен, а для достижения мира в остальном Секторе пришлось прибегнуть к нестандартным мерам. И все-таки в конце «Грядущего завета», в условиях галактического мира, проблема войны на Амадине остается нерешенной. Отсюда оставался один шаг к третьей книге. Попробовать покончить с войной на

Амадине! Над названием долго раздумывать не пришлось: «Последний враг». Другое дело, как с ним быть дальше...

И тут я узнал, что Стюарт Вик из «Уайт Вулф Паблишинг» собирается заняться фантастикой и ждет от меня предложений. Я предложил «Последнего врага» — и не ошибся.

«Последний враг» писался нелегко. Сначала надо было сделать войну неизбежной, но это проще всего: достаточно было взглянуть на мир вокруг. Дальше — достоверный способ достижения мира. По-моему, он мне удался. Никто еще не пытался пойти этим путем, хотя никаких несуществующих технологических решений он не требует. Единственное, чего пока недостает, — это целеустремленность, убежденность, желание добиться результата. Но рукопись закончена, и я очень этому рад.

Будет ли в серии четвертая книга? Дописав «Последнего врага», я взглянул напоследок на ситуацию и на персонажи, прикинул, куда они могут отправиться и кем стать, — и ощутил знакомый зуд. Тут есть о чем подумать.

Основные дракские слова и выражения

А

Ааква — Бог; огонь; свет; звезда, вокруг которой вращается Синдие

Ааква Луа — Синий свет (частное детективное агентство на планете Дружба)

Аэ — да

Адзе — ты знаешь? можешь говорить?

Акава — жечь

Асаам — летчик

Ашра — преступник

Ашзаб — сумасшедший преступник

Аи — три

Айвида — третий

Б

Бенга — быстрее

Бреша — крушение

В

В'... — новый, как в Ве Бутаан — Новый Бутаан; в'тин — новорожденный

Ва — твой

Ваа (=йаа, арх) — выражает злость, нетерпение, отвращение

Ва ну — твой собственный

Ве — обозначение принадлежности (родительный падеж): ве+Мадах=Маведах, племя Мадаха

Ви — мой; «враг мой» по-дракски — Нефанген Ви. Моя беременность — Ви несса

Видиапак — дракское кушанье из сухой рыбы и сыра

Вига — смотри

Во — городок, деревня

Ву — город

Вул — тот, кто проявляет извращенный вкус в любви

Г

Гавей — понимаю, понимаешь

Гефх — умирать; смерть

Гис — где

Гис на ча? — где ты?

Д

Да — это

Дасу — вставай, поднимайся

Даулта — сомневающийся

Денвадар — принадлежащий к денве; воин, солдат; *тзиен ден-*

ведах — бойцы Фронта; элитное соединение, ударная сила дракской армии; воюющее племя
Денве — война; соединение, аналогичное дивизии
Дев — вместе с
Диеа — совет; палата; организация; политико-административная единица
Дос — из (выразительно — се ве)
Дракон Диеа — Палата драков, правящий орган дракских планет
Дат — низкий, короткий, мелкий, незначительный
Датшаат — низкосексуальный, крайне пренебрежительно, относится не к моральной оценке совокупления, а к физическому росту реципиента. См. «кизз»
Дже — учить
Джетах — хозяин (в любом смысле); учитель; наставник; преподаватель. Овьетах — первый среди джетахов

Е

Ехдевва — будь со мной
Ехдевва сахн — будь со мной всегда
Ента ва — стоять
Естей (ва) — рожденный от (офиц.)
Ех, не — о, нет

З

Зеа — семейный род
Зим зим — съедобные орехи дерева зим-зим
Зу — учиться. Зу+число=научной степени. Зу+овида=зуовида=первая степень
Зураф — палец
Зусинда — дошкольник; невежда (простореч.)

И

Иркмаан — землянин (в т.ч. женщины и дети)
Иркмаан вул — любовник-человек (неуважит.)
Истах — дверь; отверстие; путь бегства или надежда
Ит — пять
Итеда — пятый

Й

Йаа — крик
Йула — возлюбленный; ухажер или любовник
Йюомеен — кушать

К

Ка — сила (партия)
Каззмидт — состоятельный (неуважит. — «богатая стерва»)
Кизз — отвратительный зверек с Драко и его экскременты
Кизз да йуомиин — (такой-то) ест кизз, как в «Кизз да йуомиин, Шизумаат»=Шизумаат ест кизз. «Кизз да йуомиин, иркмаан, не?» (буквально: землянин ест кизз, нет?) зна-

чит на самом деле «Ну, кто ест его теперь?»

Кизлодда — голова из дерьма. Кизлод ва ну дутшаат (буквально: твой род — головы из дерьма)=ты происходишь из рода дерьмоголовых.

Ковах — школа; училище; бизнес; заведение; место путей.

Кодаер — убийца

Кода — правда; книга; официальное название книги Талмана.

Корум су — я тебя убью

Кос ва ну? — Чего тебе надо?

Кос сон ва? — назови свое имя; как тебя зовут?

Кос ва сон — (я) называю свое имя... Меня зовут...

Кса — молекула; ксаи — молекулы

Куеда — толкать

Л

Лоамаак — разбудить

Лоамаак ну! — Вставай!

Лодда — голова

Луа — синий

М

Магазьенна — приснившийся (ненастоящий); не верю!

Масу — воспитать

Мата — приказ, команда

Матак — приказать

Н

На — число

Наа — для

Наата — раньше

Назесей — капсула; катапультируемая кабина истребителя

Нави — мир

Нави Ди — Мир (полиция по поддержанию мира в «Последнем враге»)

Не — нет

Нефанген — враг

Несса — беременность

Не сурда — может, нет

Ни — я

Ну — два; ты. «Ну гефх» — ты умрешь.

Нувида — второй

Нуе — вы; все вы

Нуша — восемь

Нушада — восьмой

О

Ов — один

Овида — первый

Овьетах — первый мудрец

Овси — девять

Овсинда — девятый

П

Пурзхаб — безумный, одержимый

Р

Рада — первый старейшина жрецов Ааквы; «жрец» на сленге

Риехм — лес

Рохуне — слуга Ааквы; жрец
Руга — хижина

С

Са — государство; правительство
Саат — секс (наличие и/или применение органов размножения)
Сахн — всегда
Седаи — горшок
Сиай — двенадцать
Сиавида — двенадцатый
Си — ноль, ничего
Сихи — пятнадцать
Синда — пустота; вперед; вступление
Синдие — планета, на которой зародилась раса драков; название объединенного племени после смерти Ухе; существо (земной аналог — «человек»)
Сину — одиннадцать
Синуш — семнадцать
Синушада — семнадцатый
Синувида — одиннадцатый
Сиов — десять
Сиовида — десятый
Сиша — тринадцать
Ситат — шестнадцать
Ситармеда — шестнадцатый
Сит — четырнадцать
Сифеда — четырнадцатый
Сон — имя; зов
Су — ты (экспресс.)
Суммат — главный жрец, совершивший самоубийство из-за Даулты Усомнившегося; самоубийство на сленге
Сурда — может быть

Т

Талма — путь, дорога, жизнь, ответ. Дисциплина осознания и исследования в разрешении проблем; способ обнаружения путей
Талман — амулет в форме золотого куба, носится на шее на золотой цепочке. Внутри амулета — Талман
Талман — дракская Библия
Талмат — правило; регулирование; процедура
Тар — семь
Тармеда — седьмой
Тин — ребенок, зародыш
Тин Синдие — «дети Родины» — группировка фанатиков, отколовшаяся от Маведаха на Амадине в «Последнем враге»
Тидна — дракская стеклянная арфа
Туйо — глаз
Тзиен — Фронт; *тзиен денведах* — бойцы фронта
Тука — стоп (команда)

У

Ута — законы (веры)
Утааква — законы и истины Ааквы

Ф

Фанда — высокий, большой, крупный, значительный
Фанген — цель (общественная); будущее; друг (нефанген — враг)

Фанген-ковах — училище целей (общественные науки)

Х

Хада! — Эй!
Хасу — полезай
Хаме — внутри
Хи — шесть
Хивида — шестой

Ш

Шада — четвертый
Ша — четыре
Шаад — меньше целого
Шаадсаад — сексуально неполноценный (имеющий только мужские или только женские половые органы). Пренебрежительное.
Шишада — тринадцатый

Э

Эсс? — что?
Эсс ва? — что это?
Эсс эх — что с?..
Эчей — здесь

Содержание

Вступление 7

ТАЛМАН 9
ВРАГ МОЙ 93
ГРЯДУЩИЙ ЗАВЕТ 171
ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ 359

ЭССЕ
О ЯЗЫКАХ ИНОПЛАНЕТЯН 603
БЕГИ, ДРАК, БЕГИ 622

Основные дракские слова
и выражения 631

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лонгиер Барри

Враг мой

Сборник повестей

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

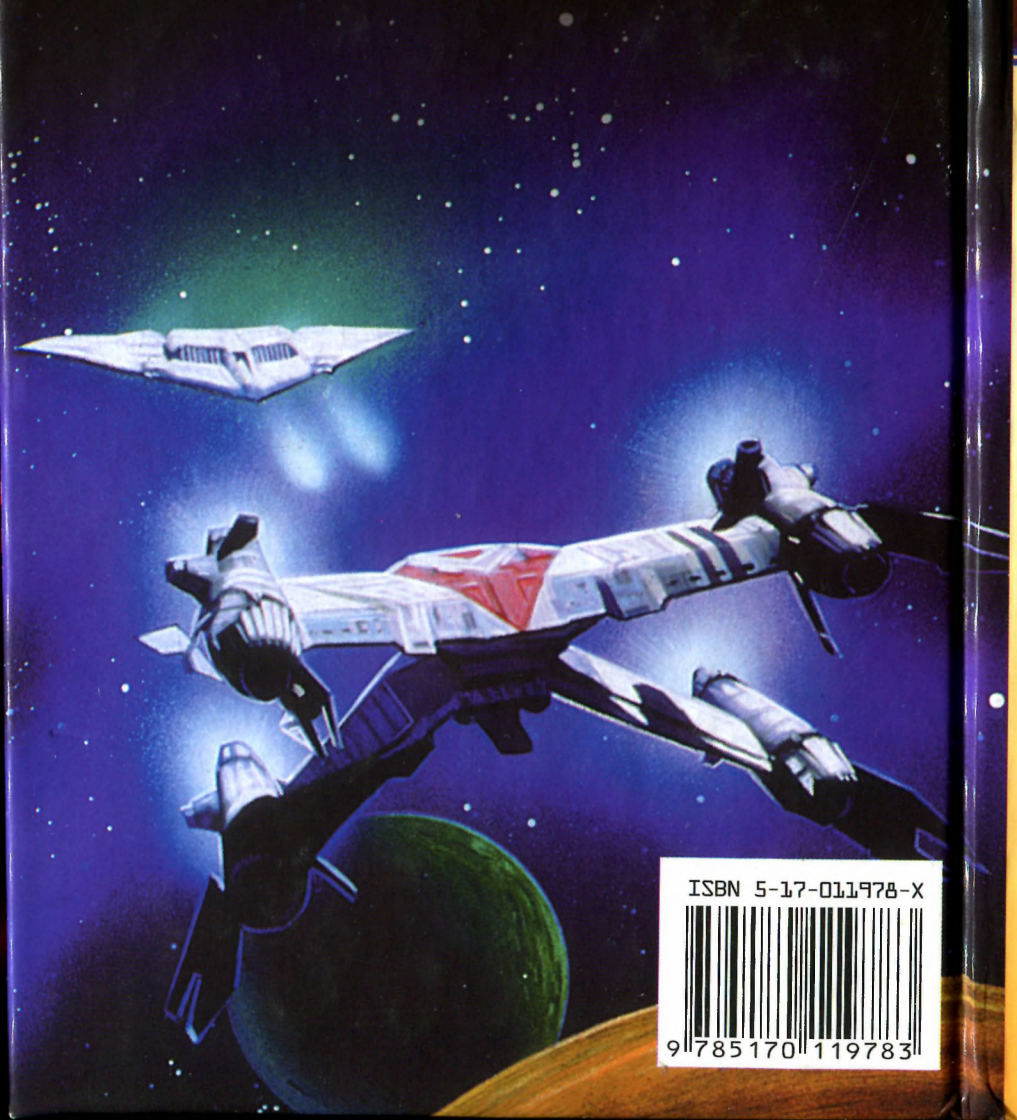
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Перед вами — ДЕЙСТВИТЕЛЬНО КЛАССИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА.
Великолепная сага Барри Лонгиера, которая началась с повести «Враг мой». С повести, удостоенной одновременно «Хьюго» и «Небьюлы». С повести, положенной в основу одноименного фильма, имевшего шумный успех во всем мире — включая и нашу страну.
Перед вами — сага Лонгиера ОТ НАЧАЛА ДО КОНЦА.
«Враг мой» — в ПОЛНОМ, «авторском», дополненном и переработанном варианте. Продолжения повести — «Грядущий завет» и «Последний враг» и, конечно же, уникальные дополнения — священная книга Драков «Талман» и дракско-земной разговорник!..

ISBN 5-17-011978-X
9 785170 119783